

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

8

*К 90-летию Института философии
Национальной академии наук Беларуси*

Минск
«Беларуская навука»
2021

Восьмой выпуск ежегодного сборника научных трудов «Философские исследования» является особенным. Он приурочен к знаменательному событию – 90-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси, первого и единственного государственного научно-исследовательского учреждения нашей страны в отрасли философских наук. В сборнике представлены важнейшие этапы развития Института и основные направления научных разработок в их исторической динамике, отражены научная жизнь коллектива, подготовка философских кадров, деятельность Философского общества, международное сотрудничество и другие аспекты национальной философской культуры последнего десятилетия.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кто интересуется актуальными проблемами современной философии.

Сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки

(Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 12 от 4 декабря 2020 г.

Редакционная коллегия:

- Т. И. Адуло* (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Ю. Дудчик (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
А. Л. Куши, кандидат философских наук, доцент;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
В. К. Лукашевич, доктор философских наук, профессор;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, профессор;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
С. И. Санько, кандидат философских наук;
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты:

- Е. М. Бабосов*, академик НАН Беларуси, доктор философских наук;
В. П. Старжинский, доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравление Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси В. Г. Гусакова по случаю 90-летия Института философии Национальной академии наук Беларуси	9
Институту философии Национальной академии наук Беларуси – 90 лет (А. А. Лазаревич)	12

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Лукашевич В. К., Спасков А. Н. Традиции и перспективы философско-методологических и междисциплинарных исследований в Институте философии НАН Беларуси	22
Пузиков П. Д. Существует ли символическое мышление?	26
Широканов Д. И. Реалии и проблемы динамики мышления	35
Манев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека	44
Лукашевич В. К. Научный прогресс: традиционные и современные измерения	57
Спасков А. Н. Принципы субстанциально-информационной онтологии	67
Прись И. Е. Эмпирические данные без теоретической нагрузки	76
Карасевич А. О. Моделирование в философском осмыслении психики	89

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

Адуло Т. И. Проблемное поле социально-философских разработок национального академического учреждения: от прошлого через настоящее к будущему	100
Вольфсон С. Я. От идеалистического к материалистическому пониманию истории	106
Буслов К. П. Личность как высший критерий ценности	112
Горбач В. И. К вопросу об основном противоречии общественно-экономических формаций	118
Адуло Т. И. Философская рефлексия современной социальности	125
Белокрылова В. А., Лукашевич В. К., Никитина Ю. Ф. Социально-гуманитарные технологии в инфраструктуре «общества риска»	137
Куиш А. Л. Личность и ее образование в условиях современных социальных реалий	149

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Евароўскі В. Б. Гісторыя філасофіі Беларусі: мінулае і новыя творчыя гарызонты	158
Александров Г. Ф. Идеология брахманизма. Законы Ману	163
Конан У. М. Філасофская крытыка на зыходзе XX стагоддзя	170
Майхровіч А. С. Філасофская крытыка: узровень прадуктыўнасці	173
Еворовский В. Б. Классические философские вопросы в XXI веке: концептуальные трансформации в контексте междисциплинарного синтеза	179
Бабкоў І. М. Філасофскія і грамадска-палітычныя ідэі Генрыка Жавускага ў кантэксце інтэлектуальнай культуры позняга рамантызму	189
Дудчик А. Ю. Междисциплинарность современных историко-философских исследований	200

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Лазаревич А. А. Развитие в Институте философии НАН Беларуси исследований в области философских проблем информационного общества	211
Жуков Н. И. Определение понятия информации	216
Лазаревич А. А. Информационное общество: концептуальный анализ и практика становления в Республике Беларусь	224
Колесников А. В. Цифровой человек в моделях социальной динамики	234
Косенков А. Ю. Процессы цифровизации: сущность, ключевые векторы и стратегии исследования.	242

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

Кутузова Н. А. Исследования в области глобализации, интеграции и международных процессов в Институте философии	250
Евменов Л. Ф. Глобализация в диалоге цивилизаций: проблемы Беларуси.	252
Сивицкий А. В. Сетевой подход к исследованию международных отношений: сила, сотрудничество и конфликты в сетях	262
Иванов О. В., Кутузова Н. А., Сивицкий А. В. Прогнозирование глобальных процессов: основные теоретико-методологические подходы	271
Павловская О. А. Социально-этические аспекты современной геополитической ситуации	281

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Захарова Н. Е. Академическая школа социально-экологических исследований: традиции и перспективы	290
Водопьянов П. А. Социально-экологическое содержание человеческой деятельности	295
Захарова Н. Е. Социоприродная реальность и экологический императив: диалектическое единство	309
Червинский А. С. Философская методология в структуре социоэкологических исследований	317

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Адуло Т. И. Постигая сущность религии и формируя нравственность.	327
Прокошина Е. С. Свободомыслие и атеизм дворянства	332
Короткая Т. П. Философия «нового религиозного сознания» в духовно-культурном пространстве Беларуси начала XX века	341
Боровский М. И. Критерии нравственности и оценка поступков.	350
Павловская О. А. Мораль в системе социально-культурных взаимодействий и трансформаций.	357

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Максимович В. А., Карнажицкая Т. В. Эстетическая мысль в Беларуси: традиции и преемственность	368
Конан У. М. Эстэтыка і этыка фальклору	372
Максімовіч В. А. Эстэтычныя дамінанты творчасці Максіма Багдановіча	377

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ**

Ильошенко Н. С., Завадский М. Б. Практическая философия как направление академической работы: деятельность кластера, инновационные программы, методики критического мышления	385
Спасков А. Н., Прись И. Е., Завадский М. Б. Научные семинары – площадки для апробации и трансляции новых идей	351
Лазаревич А. А., Куиш А. Л. Общественное признание философии: Белорусское философское общество	398
Сташкевич О. Л. Подготовка научных кадров	403
Ильошенко Н. С., Новицкая Т. Е., Давыдик О. И. Интеллектуальный клуб «Женщины в философии»	415
Завадский М. Б. Вехи и векторы партнерства и сотрудничества	421
Сведения об авторах	432
Информация для авторов	434

CONTENTS

Congratulations from the Chairman of the Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus Vladimir G. Gusakov on the occasion of the 90th Anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus	9
Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus celebrates its 90th Anniversary (<i>A. Lazarevich</i>)	12

PHILOSOPHICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF NATURAL SCIENCE AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Lukashevich V., Spaskov A. Traditions and perspectives of philosophical, methodological, and interdisciplinary research at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus	22
Puzikov P. Is there symbolic thinking?	26
Shirokanov D. Realities and problems of the dynamics of thinking	35
Maneev A. Hypothesis of biofield formation as a substrate of life and human psyche	44
Lukashevich V. Scientific progress: traditional and modern dimensions	57
Spaskov A. Principles of substantial-information ontology	67
Pris I. Empirical data without theoretical load	76
Karasevich A. Modeling in the philosophical understanding of psyche	89

SOCIAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH IN SPECIFIC HISTORICAL DYNAMICS AND PERSPECTIVE

Adoulo T. Problematic field of social and philosophical developments of the national academic institution: from the past through the present to the future	100
Volfson S. From idealistic to materialistic understanding of history	106
Buslov K. Personality as the highest criterion of value	112
Gorbach V. The issue of the main contradiction of socio-economic formations	118
Adoulo T. Philosophical reflection of modern sociality	125
Belokrylova V., Lukashevich V., Nikitina Yu. Social and humanitarian technologies in the infrastructure of the “risk society”	137
Kuish A. Personality and its education in the conditions of modern social realities	149

HISTORICAL-PHILOSOPHICAL STUDIES

Yevarouski V. The history of philosophy of Belarus: the past and new creative horizons	158
Alexandrov G. Ideology of Brahmanism. Manu laws	163
Konan U. Philosophical criticism at the end of the 20 th century	170
Maikhrovich A. Philosophical criticism: the level of productivity	173
Yevarouski V. Classic philosophical questions in the 21 st century: conceptual transformations in the context of interdisciplinary synthesis	179

Babkou I. Henryk Rzewuski's philosophical and socio-political ideas in the context of the intellectual culture of late Romanticism	190
Dudchik A. Interdisciplinarity of contemporary historical-philosophical research	200

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF INFORMATION SOCIETY

Lazarevich A. Development of research in the field of philosophical problems of information society at the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus	211
Zhukov N. Definition of the concept of information	216
Lazarevich A. Information society: conceptual analysis and practice of formation in the Republic of Belarus.	224
Kolesnikov A. Digital human in the models of social dynamics	234
Kosenkov A. Digitalization processes: essence, vectors and research strategies	242

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF INTERNATIONAL PROCESSES

Kutuzova N. Research in the field of globalization, integration and international processes at the Institute of Philosophy	250
Eymenov L. Globalization in the dialogue of civilizations: problems of Belarus.	252
Sivitski A. The network approach to the studies of international relations: power, cooperation, and conflict in networks	262
Ivanov O., Kutuzova N., Sivitski A. Forecasting global processes: basic theoretical and methodological approaches	271
Pavlovskaya O. Socio-moral aspects of modern geopolitical situation.	281

SOCIAL-ECOLOGICAL STUDIES

Zakharova N. Academic school of social and environmental research: traditions and prospects	290
Vodopianov P. Socio-ecological content of human activity	295
Zakharova N. Socio-natural reality and ecological imperative: dialectical unity	309
Chervinsky A. Philosophical methodology in the structure of socioecological research.	317

RELIGIOUS AND ETHICAL THOUGHT

Adoulo T. Comprehending the essence of religion and shaping morality	327
Prokoshina E. Freethinking and atheism of the nobility	332
Korotkaya T. Philosophy of the "new religious consciousness" in the spiritual and cultural space of Belarus at the beginning of the 20 th century	341
Borovsky M. Criteria of morality and assessment of actions.	350
Pavlovskaya O. Morality in the system of social and cultural interactions and transformations	357

AESTHETICS AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF ARTISTIC CREATIVITY

Maximovich V., Karnazhyckaya T. Aesthetic thought in Belarus: traditions and continuity . .	368
Konan U. Aesthetics and ethics of folklore.	372
Maximovich V. Aesthetic dominants of Maxim Bagdanovich's creativity	378

**SCIENTIFIC LIFE OF THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS**

Iliyushenko N., Zavadsky M. Practical philosophy as a direction of academic work: cluster activities, innovative programs, methods of critical thinking	385
Spaskov A., Pris I., Zavadsky M. Scientific seminars are platforms for testing and broadcasting new ideas	391
Lazarevich A., Kuish A. Public recognition of philosophy: Belarusian Philosophical Society	398
Stashkevich O. Training of scientific staff	403
Iliyushenko N., Novitskaya T., Davydik O. Intellectual Club “Women in philosophy”.	415
Zavadsky M. Milestones and vectors of partnership and cooperation	421
Information about the authors	432
Information for authors	434

**ПОЗДРАВЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ
В. Г. ГУСАКОВА ПО СЛУЧАЮ 90-ЛЕТИЯ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ**

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени Президиума Национальной академии наук Беларуси и от себя лично поздравляю вас со знаменательной юбилейной датой – 90-летием Института философии Национальной академии наук Беларуси.

Институт философии является одним из старейших научных учреждений в системе Национальной академии наук Беларуси. Девять десятилетий – значимый исторический период, свидетельствующий о солидном статусе научного учреждения. На всем протяжении своей истории Институт философии активно развивал и пропагандировал национально-культурные достижения и интеллектуальные традиции белорусской нации, стремился выявить и зафиксировать наиболее отличительные черты нашей самобытной культуры, которые проявляются в мировоззрении, стиле жизни и деятельности белорусов.

С момента своего возникновения в 1931 г. Институт активно занимается исследованием проблем социальной философии, философии культуры, морали и религии, философии и методологии научного познания, истории философской мысли. Деятельность Института и творческий вклад его сотрудников в развитие социально-гуманитарного знания неоднократно отмечались почетными наградами и премиями.

Среди них государственные награды СССР и БССР: орден Ленина И. М. Ильюшину, И. Н. Лущицкому; орден «Знак Почета» И. М. Ильюшину, И. Н. Лущицкому, Д. И. Широканову, Е. М. Бабосову, В. И. Семенкову, А. И. Савастюку; орден Трудового Красного Знамени С. Я. Вольфсону, И. М. Ильюшину, В. И. Семенкову; медаль «За доблестный труд» Д. И. Широканову; государственные награды Республики Беларусь: орден Франциска Скорины Д. И. Широканову, медаль Франциска Скорины А. А. Лазаревичу.

Высоких наград удостоены научные публикации сотрудников Института: Государственная премия БССР за цикл коллективных работ по истории философии и общественной мысли Беларуси дооктябрьского периода, 1984 г.; диплом III степени и бронзовая медаль ВДНХ СССР за коллективную монографию «Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся», 1977 г.; диплом I степени и золотая медаль ВДНХ СССР за коллективную монографию «Детерминизм: системы, развитие», 1986 г.; премия АН Беларуси А. С. Майхровичу за монографию «Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси», 1993 г.; премия академий

наук Украины, Беларуси и Молдовы за коллективную монографию «Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям», 2010 г.; премия НАН Беларуси имени академика В. Ф. Купревича для молодых ученых за цикл работ Н. А. Никонович, 2011 г.; премия НАН Беларуси и Алферовского фонда В. В. Демирову за цикл работ «Моделирование структуры познавательных процессов на основе семантических технологий и темпорологических концепций», 2016 г.

Также Институт философии и его сотрудники удостоены высоких наград государственных ведомств, органов управления наукой. В 2015 г. в ознаменование достигнутых результатов научно-инновационной деятельности Институт философии занесен на Доску почета Национальной академии наук Беларуси.

На протяжении десятков лет Институт координирует проводимые в стране исследования в области философии и смежных дисциплин. Его ключевая роль в этом процессе позволила организовать работу философского кластера – Республиканского центра фундаментальной и практической философии.

В 2017 г. впервые в истории нашей страны состоялся Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире», который собрал в стенах НАН Беларуси элиту философской науки всего мира и показал высокий международный потенциал белорусской национальной философии.

Ежегодно Институтом философии НАН Беларуси издаются десятки наименований научной, учебно-методической, справочной и научно-популярной литературы по самым актуальным проблемам культурно-цивилизационного развития. В числе значимых изданий, которые увидели свет в последние годы, следует отметить 1–4-й тома шеститомной «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі», а также монографии «Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы» (Минск, 2010), «Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства» (Минск, 2013), «Беларусь: культурно-цивилизационный выбор» (Минск, 2014), «Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь» (Минск, 2015), «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания» (Минск, 2015), «Логика достоинства и свободы личности» (Минск 2016), «Креативное взаимодействие предметного, нормативного и рефлексивного знания в научном поиске» (Минск, 2019), «Контекстуальность онтологии и современная физика» (Санкт-Петербург, 2020), «Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход» (Минск, 2021) и др. Подготовлено к публикации в текущем году уникальное имиджевое издание по философии белорусской народной мудрости.

В 2017 г. на базе Института философии было создано Республиканское общественное объединение «Белорусское философское общество», которое ведет активную работу по популяризации философского знания, координирует

Поздравление Председателя Президиума НАН Беларуси В. Г. Гусакова

деятельность регулярных теоретических и методологических семинаров, конкурсов философских работ, организует участие белорусских школьников в Международной олимпиаде по философии.

Безусловно, национальная философия формирует мировоззренческие идеалы, синтезирует и транслирует нравственные ценности. Сегодняшнее состояние общества указывает на то, что человечество больше, чем когда-либо в истории, нуждается в духовно ориентированной стратегии прогресса, которая не может не основываться на достижениях философской мысли.

Как говорил выдающийся философ Нового времени Фрэнсис Бэкон, «нет большей мудрости, чем своевременность». Институт философии Национальной академии наук Беларуси стремится соответствовать этой максиме. Приоритет в научно-исследовательской работе на протяжении всей его истории всегда отдавался наиболее актуальным и острым проблемам развития человека, общества и культуры, что подтверждается разносторонней тематикой данного издания.

Выпуск специального номера ежегодника «Философские исследования», посвященного 90-летию юбилею Института философии НАН Беларуси, является свидетельством уважения к традициям и людям, которые работали и продолжают свою высокопрофессиональную деятельность на поприще белорусской академической философии.

Разрешите пожелать вам, дорогие друзья, неиссякаемой энергии, творческих удач, оптимизма и уверенности в вашем труде на благо науки и общества.

Председатель Президиума НАН Беларуси
академик

В. Г. Гусаков

ИНСТИТУТУ ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ – 90 ЛЕТ

Среди научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля в нашей стране Институт философии Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси) имеет одну из наиболее продолжительных и насыщенных историй становления и развития. Он был образован постановлением Президиума Белорусской Академии наук от 19 марта 1931 г. на базе академической кафедры марксизма-ленинизма. Директором нового научно-исследовательского учреждения стал С. Я. Вольфсон – один из первых действительных членов Белорусской Академии наук.

Первоначально институт включал в себя четыре подразделения-секции: диалектического материализма, исторического материализма, по национальным вопросам и антирелигиозную. В 1935 г. путем присоединения Института советского строительства и права Институт философии преобразован в Институт философии, советского строительства и права. В марте 1938 г. это учреждение было ликвидировано и возобновило свою работу уже после Великой Отечественной войны.

В 1930-е годы профиль деятельности Института философии был обусловлен применением диалектико-материалистической методологии к задачам культурного и социально-экономического строительства советского общества в Беларуси. Важное место отводилось изучению западной философии, теории национального вопроса, изучению идеологии фашизма и формулированию методов борьбы с ней. В числе важнейших опубликованных работ были труды академика С. Я. Вольфсона «Против расовых теорий» (Минск, 1935), «Семья и брак в их историческом развитии» (Минск, 1937), монография первого ученого секретаря Института члена-корреспондента И. М. Ильюшина «К. Маркс и национальный вопрос» (Минск, 1933) и др.

1 июня 1947 г. Институт философии и права восстановлен на базе созданного годом ранее сектора истории философии Академии наук БССР. В 1951 г. в академическом институте образованы три сектора: диалектического и исторического материализма; истории философии; государства и права. В 1958 г. с отделением сектора государства и права в отдельную структуру учреждение переименовано в Институт философии. В 1965 г. постановлением Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии и Совета министров БССР № 171

Отдел правовых наук Белорусского государственного университета включен в состав Института философии, который с этого момента стал вновь именоваться как Институт философии и права.

Исследования первых послевоенных десятилетий отличает глубокий системный подход к проблемам теории познания, логики и методологии естествознания, истории философии (работы академиков Г. Ф. Александрова, В. А. Сербенты, а также К. П. Буслова, В. И. Горбача Д. И. Широконова и др.). Свежие решения актуальных проблем научного познания, методологии исследовательской и инженерной деятельности на материале биологии, физики, математики, физиологии, кибернетики нашли отражение в монографиях и сборниках трудов, которые изучались и обсуждались по всему Советскому Союзу и за его пределами. Среди них, в частности, книга П. Д. Пузикова «Философские основы эволюционного учения Дарвина» (Минск, 1959), а также первое в своем роде коллективное исследование философов и естествоиспытателей «Диалектический материализм как методология естественнонаучного познания» (Минск, 1965), изданное под редакцией члена-корреспондента В. И. Степанова.

В 1950–1960-е годы в Институте философии была начата систематическая работа по изучению истории философской и общественно-политической мысли Беларуси. Труды В. А. Сербенты, Н. О. Алексютювича, Е. С. Прокошиной, В. И. Протасевича, В. М. Конона, Э. К. Дорошевича, С. А. Подокшина, Я. И. Порецкого и других исследователей, что были опубликованы в этот период, заложен фундамент изучения белорусского гуманизма, Возрождения и Реформации. В подготовленном учеными республики для 1-го тома «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (Москва, 1955) разделе об истории философской мысли Беларуси в эпоху феодализма были представлены характеристики мировоззрения Франциска Скорины, Симона Будного, Василия Тяпинского. Исследовались исторические предпосылки становления гуманистических идей в Беларуси, мировоззренческое содержание Статутов Великого Княжества Литовского, деятельность православных братств, Брестская церковная уния, религиозная полемическая литература. Отдельного упоминания заслуживают публикации И. Н. Лущицкого «Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку» (Минск, 1958) и Н. А. Алексютювича «Скарына, яго дзейнасць і светапогляд» (Минск, 1958). В коллективной монографии «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии» под редакцией академика В. А. Сербенты (Минск, 1962) дана объемная характеристика мировоззренческой позиции ряда белорусских мыслителей XVI–XIX вв.

В 1968 г. в Институте философии и права АН БССР образован сектор конкретно-социологических исследований, а в 1972 г. на базе ранее существовавших секторов в структуре института сформированы три отдела: отдел философии (включал в себя секторы диалектического материализма и философских вопросов естествознания; теоретических проблем коммунизма и истории

философии), а также отдел социологии и отдел права. Несмотря на дисциплинарную дифференциацию, они тесно взаимодействовали между собой, что позволило Институту в 1970-е годы внести значительный вклад в исследование основных тенденций развития советского общества, принципов гуманизации общественных отношений, культурного и воспитательного потенциала научно-технического прогресса. По этому направлению были изданы коллективные монографии «Научно-техническая революция и новые горизонты советского человека» под редакцией академика К. П. Буслова (Минск, 1978), «Социальные изменения в современном селе» под редакцией В. И. Бовша, С. Д. Лаптёнка (Минск, 1978), «Роль культуры в формировании личности» под редакцией Е. М. Бабосова (Минск, 1980) и ряд других. Коллективная монография сотрудников Института философии и права «Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся» (Минск, 1975) была удостоена в 1977 г. диплома III степени ВДНХ СССР, а руководитель авторского коллектива академик К. П. Буслов – бронзовой медали ВДНХ СССР.

Параллельно этому разворачивалась широкая программа исследований по проблемам научной рациональности, современной методологии научного познания, концептуальных основ гармонизации социоприродных отношений. Результаты исследований нашли свое отражение в значимых коллективных монографиях: «Творчество в научном познании» под общей редакцией Д. И. Широканова и Ю. А. Харина (Минск, 1976), «Динамическое равновесие человека и природы» под редакцией Д. И. Широканова, А. И. Филюкова, П. А. Водопьянова (Минск, 1977), «Закономерности развития и методы познания современной науки», редакторами которой выступили А. К. Манеев и Д. И. Широканов (Минск, 1978). Увидели свет новые оригинальные труды, в которых проводился анализ особенностей отдельных исторических этапов становления белорусской интеллектуальной традиции. В их числе – монография «Очерки истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии до 1917 г.» (Минск, 1973), над которой работали В. М. Конон, С. А. Подокшин, Н. И. Прашкович и др.; книга «Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии (дооктябрьский период)» (Минск, 1977), подготовленная при участии В. М. Конона, С. А. Подокшина, А. С. Майхровича, С. Ф. Сокола и других исследователей.

В 1984 г. цикл коллективных работ по истории философии и общественной мысли Беларуси дооктябрьского периода (авторы – К. П. Буслов, Е. М. Бабосов, Н. С. Купчин, А. С. Майхрович, С. А. Подокшин и др.) был удостоен Государственной премии БССР. Коллективная монография «Детерминизм: системы, развитие» (Минск, 1985) награждена в 1986 г. дипломом I степени ВДНХ СССР, а руководитель авторского коллектива и редактор книги член-корреспондент Д. И. Широканов – золотой медалью ВДНХ СССР.

Начиная с середины 1980-х годов белорусская академическая наука вслед за всей страной взяла курс на перестройку и обновление тематики научно-

исследовательской работы. В связи с этим организационная структура Института философии и права претерпела изменения – появились отделы истории философии (образован в 1986 г.); философских проблем межнациональных и международных отношений (1986 г.); логики и методологии научного познания (1989 г.); философских проблем человека (1989 г.). Органичным продолжением этих перемен стало возникновение на базе Института нового научно-исследовательского учреждения. В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 16 января 1990 г. № 12 на базе социологических подразделений Института философии и права был создан Институт социологии Академии наук БССР.

В начале 1990-х годов структуру Института философии и права дополнили сектор проблем социальной экологии (1992 г.), сектор философских проблем естествознания и техники (в составе отдела логики и методологии научного познания, 1992 г.), отдел фундаментальных междисциплинарных проблем организации и управления и в его составе – сектор проблем системологии и синергетики (1996 г.). В эти годы важнейшими исследовательскими направлениями Института стали разработка механизмов активизации человеческого фактора в экономической и социально-политической деятельности, социально-философские проблемы молодежи, роль трудовых коллективов в обновлении общества, закономерности развития философской и социально-политической мысли белорусской нации. Были инициированы исследования в области правовых основ формирования белорусской государственности, философско-мировоззренческих аспектов национального самосознания и идентификации. Значимой работой этого периода явилась монография члена-корреспондента А. С. Майхровича «Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси» (Минск, 1992), удостоенная премии Академии наук Беларуси. Были опубликованы и значительные методологические работы, такие как совместный труд минских и московских философов «Стереотипы и динамика мышления» (Минск, 1993).

Не будем забывать, что в этот период в структуру Института философии и права входили четыре подразделения правового профиля: отделы государственного права и управления; трудового, гражданского и хозяйственного права; сельскохозяйственного и экологического права; теории и истории государства и права. В самом конце 1990-х годов они также приобрели институциональную самостоятельность. Постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси № 66 от 9 июля 1999 г. Институт философии и права был реорганизован путем выделения из его структуры правовых отделов (на их базе создавался Институт государства и права НАН Беларуси) и вернулся к своему исходному наименованию – Институт философии.

В начале 2000-х годов продолжились плодотворные исследования в области теории и методологии познания, философии науки и техники. Они имеют прямое отношение к развитию интеллектуального потенциала личности,

общества, культуры, совершенствованию норм научного познания и деятельности, философскому осмыслению логико-методологических и социально-культурных оснований генезиса и динамики знания. На основе этих исследований выполняются разработки в области методологии государственного строительства, социального управления, образования и воспитания, коммуникации, межкультурного взаимодействия и интеграции.

Масштабные трансформации общества, экономики и культуры, новые вызовы и угрозы миропорядку, обострившиеся в первое десятилетие XXI века, придали новый импульс исследованиям философских проблем человека и социума в локальном, региональном и планетарном измерении. В этот период учеными Института были заложены теоретические основы модели социально-системного качества человека, проанализированы механизмы усвоения общественных ценностей, прямая и обратная связь между нравственными качествами личности и динамикой социального пространства. Данной проблематике посвящены, в частности, монографии Т. И. Адуло «Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия» (Минск, 2003), «В поисках сущности бытия: философия на рубеже XX–XXI веков» (Минск, 2011), «Человек в условиях социальных трансформаций» (в соавторстве с О. А. Павловской, Минск, 2006). По традиции большое внимание уделялось разработке философских аспектов социоприродного взаимодействия, проблематики социальной экологии. В числе важнейших работ, опубликованных по данному направлению, – монография «Экологическая безопасность в динамике социокультурного развития» (Минск, 2007), в работе над которой принимали участие Н. Е. Захарова, С. П. Онуприенко, В. И. Галь, Н. А. Лазаревич и другие авторы.

Продолжая линию первых отечественных религиозно-философских исследований, на рубеже XX–XXI веков активно развивалась научно-аналитическая деятельность в сфере философии религии и прикладного религиоведения. К числу наиболее значимых публикаций этих лет можно отнести монографии Т. П. Короткой, А. И. Осипова, В. А. Тепловой «Христианство в Беларуси: история и современность» (Минск, 2000), Н. А. Кутузовой «Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси» (Минск, 2005), книги по проблематике неокультов, серию учебных пособий по религиоведению. Новым измерением этой работы стало сотрудничество с религиозно-философскими школами ближнего и дальнего зарубежья, которое воплотилось в ряд международных изданий, таких как «Антология отечественного религиоведения: религиоведение в Беларуси» (Москва, 2011), белорусско-польская книга «Na pograniczu: Studia z filozofii religii» (Варшава, 2011).

Новейшая история института отмечена формированием новых научно-практических направлений, соответствующих актуальным тенденциям социокультурного развития мирового сообщества и Республики Беларусь. Так, одним из векторов развития философского знания в мире является становление парадигмы меж- и трансдисциплинарных исследований, которые решают задачи,

связанные с устойчивым развитием социотехносферы, социализацией наукоёмких технологий, ценностным обеспечением научно-технического прогресса. Эта проблематика привлекает интерес исследовательских учреждений и фондов многих стран, стимулирует международное сотрудничество. Свидетельство тому – коллективная белорусско-молдавская монография «Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям» под редакцией академиков Д. И. Широканова и А. Д. Урсула (Минск, 2009), удостоенная в 2010 г. премии академий наук Украины, Беларуси и Молдовы.

Логическим развитием исследований по философии науки и техники в контексте постиндустриальных трансформаций стало формирование исследовательской программы в области теории и методологии становления информационного общества. В рамках программы осуществляется анализ предпосылок и механизмов перехода современного общества от индустриальной к постиндустриальной (информационной) стадии развития, выявление роли информации и знаний, науки и технологий, рациональных коммуникативных практик в этом процессе. Решению этих и других задач посвящены монографии А. А. Лазаревича «Глобальное коммуникационное общество» (Минск, 2008), «Становление информационного общества: коммуникационно-эпистемологические и культурно-цивилизационные основания» (Минск, 2015), ряд совместных с российскими коллегами изданий по результатам работы ежегодных (начиная с 2018 г.) международных конференций «Проектирование будущего: горизонты цифровой реальности».

Итогом исследований в области духовно-нравственных основ общественного строительства в современной Беларуси стало издание коллективных монографий «Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы» (Минск, 2010), «Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека» (Минск, 2011), монография О. А. Павловской «Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход» (Минск, 2021) и др.

На рубеже первого десятилетия XXI века Институт философии приступил к реализации обширной программы, связанной с теоретико-методологической поддержкой интеграционной политики Республики Беларусь, инициатив многовекторного международного сотрудничества, движущей силой которого выступает партнерство учреждений науки, образования и культуры. В 2009–2011 гг. успешно выполнен инновационный проект «Разработать информационно-аналитическую систему по развитию стратегического партнерства Республики Беларусь с Европейским союзом в социокультурной и научно-технической сферах». Его продолжением стал ряд других научно-исследовательских инициатив. Увидели свет коллективные монографии «Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства» (Минск, 2013), «Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь» (Минск, 2015),

«Беларускай этнафіласофіі» (философии белорусской народной мудрости), а также монографических, справочных, учебно-методических изданий, посвященных феномену белорусской интеллектуальной, в том числе философской, культуры.

В настоящее время Институт философии – единственное в Республике Беларусь специализированное научно-исследовательское учреждение в области философского знания. Его работа строится с учетом мировых тенденций в развитии философской науки, приоритетных направлений науки в Республике Беларусь, научной и практической значимости философских исследований в решении актуальных задач, стоящих перед белорусским обществом и государством. Институт организует и координирует проводимые в стране исследования в области философии и смежных дисциплин, осуществляет экспертизу научных проектов и общественных инициатив, выполняет работы и услуги методологического, экспертного, информационного и образовательного характера по договорам с предприятиями и организациями Республики Беларусь и зарубежных стран.

Институт философии постоянно принимает участие в выполнении государственных научных программ, республиканских и международных исследований фундаментального характера, инновационных проектов. Ежегодно Институт выпускает от 10 до 30 научных монографий, сборников, учебно-методических работ на белорусском, русском, польском, английском языках.

С 2014 г. выходит периодическое издание – ежегодник «Философские исследования», публикующий научные труды философов Беларуси, России, Украины и других государств. На базе Института работают регулярные теоретико-методологические семинары «Философские проблемы современного естествознания и техники», «Человек и общество в XXI столетии», «История идей», «Философская и политико-правовая мысль мировых цивилизаций», школа юного философа «Пайдейя», а также дискуссионный клуб «Философия и жизнь».

Ключевая роль Института в организации научного процесса позволила впервые в истории белорусской науки организовать работу философского кластера – Республиканского центра фундаментальной и практической философии, который открылся осенью 2015 г. В деятельности кластера реализуется механизм интеграции философского сообщества республики для решения общих задач, которые связаны с ростом практической отдачи от философских исследований, повышением статуса философского знания в научной жизни и всем комплексе духовной практики современной Беларуси. Кластерный принцип используется в деятельности совместных подразделений с вузами республики: это филиалы кафедр философии и методологии науки, политологии Белорусского государственного университета; кафедра-лаборатория социогуманитарной экспертизы в сфере науки и образования, созданная совместно с Институтом социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета; инновационная

Открытие Первого белорусского философского конгресса «Национальная философия в глобальном мире». Минск, 18 октября 2017 г.

площадка кафедры социальной политики и идеологии Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В 2017 г. создано *Республиканское общественное объединение «Белорусское философское общество»*. Это основная в стране общественная организация, представляющая интересы ученых-философов, преподавателей философских дисциплин и всех, кто интересуется эвристическим капиталом философского знания, использует его в своей деятельности.

18–20 октября 2017 г. впервые в истории белорусского государства состоялся *Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире»*. Столь масштабный философский форум, с инициативой которого выступили Национальная академия наук Беларуси и Институт философии НАН Беларуси, был организован в рамках мероприятий Года науки в Республике Беларусь как средство интеграции философского сообщества страны вокруг разделяемых его членами идеалов, ценностей и исследовательских задач. Общее число очных докладчиков этих мероприятий (не считая авторов стендовых публикаций и презентаций) превысило 500 человек, которые представляли более 20 стран европейского, азиатского и американского континентов.

С каждым годом Институт философии НАН Беларуси расширяет международное научное сотрудничество, выполняя совместные исследовательские проекты с научными и учебными учреждениями России, Украины, Молдовы, Казахстана, Литвы, Латвии, Польши, Болгарии, Германии, Словакии, Китая, Ирана, Индии и других стран. При Институте организована деятельность национальной контактной точки рамочной программы Европейского союза «Горизонт 2020» по направлению «Наука с обществом и для общества», контактной точки Европейской Хартии региональных языков и языков национальных меньшинств. Ежегодно Институт организует международные научные конфе-

ренции, активно пропагандирует историческое достояние белорусской интеллектуальной и духовной культуры в глазах мирового сообщества.

На базе Института философии НАН Беларуси и Линнаньского педагогического университета (Китайская Народная Республика) работает *Белорусско-китайский исследовательский центр философии и культуры*, задачами которого являются развитие совместных научных исследований и научного обмена, популяризация достижений белорусской и китайской науки и культуры в интересах реализации инициативы «Один пояс, один путь», других программ белорусско-китайского сотрудничества.

90-летняя история Института философии НАН Беларуси – это история формирования в нашей стране перспективного интеллектуального пространства для научного поиска, выработки оригинальных и эффективных решений и обмена передовыми идеями и научными результатами, которые находят свое непосредственное применение в самых разных областях и сферах общественного развития.

С уверенностью можно сказать, что Институт философии Национальной академии наук Беларуси, являясь наследником национальных традиций философской мысли, успешно и плодотворно выполняет свою высокую миссию развития и популяризации отечественной и мировой философской науки.

*Директор Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук, доцент
А. А. Лазаревич*

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФИЛОСОФСКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ

Философские направления «Логика и методология научных исследований» и «Философские проблемы естествознания» являются одними из наиболее развитых в Институте философии НАН Беларуси. Они всегда были тесно связаны с различными (и научными, и прикладными) сферами знания. Зачастую эти исследования велись совместно с учеными из различных областей знания. Такой интерес к этой проблематике в академическом институте не случаен, он обусловлен активным развитием в Беларуси естественных и технических наук, промышленности, сельского хозяйства. Наука – одна из ведущих форм социальной активности, которой уделялось ранее и уделяется сейчас большое внимание со стороны руководства страны. Естественно, что постоянно развивающемуся научному знанию требуется философское осмысление и методологическая поддержка, что, собственно, и побуждает сотрудников научного учреждения к беспрепятственному научному поиску.

Потребность в этих философских направлениях, научный интерес со стороны сотрудников, преподавателей, ученых привели к тому, что в 1950–1970-е годы на базе сектора диалектического материализма и философских вопросов естествознания Института философии АН БССР (руководители сектора: Г. Ф. Александров, с 1962 г. – Д. И. Широканов), философских кафедр вузов республики, Белорусского отделения Философского общества СССР сформировалась научная школа по исследованию логико-методологических структур в философии и научном познании. В контексте исследования законов (В. И. Горбач, Г. Ф. Александров, А. И. Зеленков, Ю. А. Харин, В. И. Степанов) и категорий диалектики (Д. И. Широканов, А. И. Филюков, А. К. Манеев, М. А. Слемнёв и др.) в рамках данной научной школы осуществлялся анализ развития естественнонаучного и философского знания.

В эти годы исследования белорусских ученых в области философских проблем естествознания были сосредоточены на таких направлениях, как диалектика содержания и формы в эволюционных процессах, проблемы преемственности в развитии категорий пространства, времени и движения, конечного и бесконечного в космологии, гносеологические проблемы формализации как метода естественнонаучного познания, методологическое значение вероятност-

ных идей и методов в структурно-системном анализе, уровней организации, символизации в естественнонаучном познании, диалектики содержания и формы в информационных процессах, моделирования. Основой философских исследований теоретико-познавательных проблем диалектики, ее творческого потенциала в науке и практике были идеи восхождения от абстрактного к конкретному и единства диалектики, логики и теории познания. Несмотря на сравнительно небольшое количество работ сотрудников Института, посвященных непосредственно анализу креативного потенциала этих идей, их значение в анализе конкретных гносеологических проблем было реализовано достаточно успешно. В этом контексте следует отметить работы Д. И. Широканова, А. И. Губаревича, П. Д. Пузикова и др.

Начиная с 1960-х годов в научном учреждении разрабатываются общеметодологические проблемы науки. Так, интенсивно исследовались философско-гносеологические и методологические проблемы моделирования, в рамках которых были рассмотрены логико-методологические принципы метода моделирования, его место в системе отношений объект – субъект и познавательный образ; специфика модельных представлений в физике, химии, космологии, кибернетике, соотношения моделей, символов и знаковых конструкций в науке. Среди авторов работ, посвященных этим проблемам, можно выделить И. И. Жбанкову, В. А. Героименко, М. К. Буслову, В. К. Лукашевича.

Преимущественно связанными с отмеченными направлениями были работы по проблемам математизации научного познания и анализа информационных процессов в фундаментальной и прикладной науке, активизировались исследования проблем гносеологии, методологии науки, в частности специфики трансдисциплинарных исследований и синергетического подхода, компьютерного моделирования и формирующейся когнитологии. Эти исследования, которые были очень актуальны в 1970–1980-е годы, связаны с именами таких ученых, как Т. А. Горолевич, Е. В. Дмитриева, Г. П. Щербицкий.

Фундаментальным проблемам естествознания, в частности анализу категорий пространства, времени, движения, проблемам антиномий науки, посвящал свою научную деятельность А. К. Манеев – автор оригинальной концепции субстанции. Научное творчество еще одного незаурядного ученого А. П. Трофименко было посвящено проблемам происхождения и развития Вселенной, белых и черных дыр, теории относительности и ее приложениям к астрофизике. С позиций динамических и статистических закономерностей проводил исследования философских проблем биологии А. И. Филоков. В научном поиске И. И. Жбанковой нашла свое отражение проблема развития, исследованная в онтологическом аспекте, в контексте соотношенности категорий «взаимодействие» и «развитие» с объектами неорганической природы.

В 1970-е годы появилось направление исследований, связанное с экологической проблематикой, в рамках которой изучались вопросы взаимоотношения человека, общества и природы, взаимосвязь социальных и природных факторов

в процессе антропосоциогенеза. В настоящее время это направление в академическом учреждении развивает А. С. Червинский. Логико-философскими проблемами познания, исследованием эпистемологической ценности логической культуры мышления на протяжении многих лет плодотворно занимается В. И. Павлюкевич. Фундаментально значимыми являются результаты исследований проблематики золотых сечений, проведенных Э. М. Сороко. Его работы квалифицируются как основной источник сведений по меромонии и гармонистике. Оригинальная когнитивная концепция разработана В. К. Лукашевичем, в которой научный поиск представлен в русле когнитивной селекции и когнитивной холизации, моно- и трансдисциплинарных исследований, социокультурной и праксиологической размерности научного познания и инновационной деятельности в специфических формах, расширяющих пространство «зон обмена» науки и с другими сферами духовного освоения реальности. Все эти ученые продолжают свою научную деятельность в стенах Института философии НАН Беларуси.

В период с 1978 по 1991 г. в Академии наук БССР проводились методологические семинары, одним из организаторов которых был В. К. Лукашевич. В них принимали участие не только философы, но и ученые из разных областей научного знания. По итогам деятельности семинаров были изданы коллективные монографии «Философско-методологические проблемы взаимодействия наук» (1985), «Научно-технический прогресс: взаимодействие факторов и тенденции развития» (1989) и др.

Научный коллектив сотрудников Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований Института философии НАН Беларуси старается не только сохранять традиции, но и развивать на современном научном материале сформировавшиеся научные направления. Издаются монографии, проводятся научные конференции и постоянно действующие научные семинары.

Результаты исследований по философско-методологической и междисциплинарной проблематике отражены в коллективной монографии «Философские проблемы междисциплинарного синтеза» (2015). Заметным событием в научной жизни России и Беларуси явилась публикация коллективной монографии «Инновационная сложность» (2016). Важными событиями стали Международные научные конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания» (2018) и «Философские категориальные структуры в научном познании» (2019), посвященная 90-летию академика Д. И. Широканова. Начиная с 2009 г. в Институте философии регулярно работает междисциплинарный научный семинар «Философские проблемы естествознания и техники», а с 2019 г. – Философский семинар.

Среди исследуемой на сегодняшний день проблематики следует выделить философские проблемы онтологического статуса и размерности времени,

которыми активно занимается А. Н. Спасков; философские аспекты современной цифровой реальности, сущность и содержание темпоральных чисел, идею которых выдвинул и успешно исследует А. В. Колесников; творческое развитие и углубление идей контекстуализма, новая реалистическая интерпретация квантовой механики, устраняющая проблему квантового измерения, представлены в работах И. Е. Прися; философско-методологическим аспектам функционирования и развития теоретического знания посвящены исследования А. Л. Куиша; разработкой актуальных социально-философских проблем современного общеобразовательного пространства, духовно-нравственных аспектов формирования личности занимается О. Л. Сташкевич.

Новые направления исследований, развиваемые молодыми учеными, органично вписываются в контекст научной программы трансдисциплинарных исследований Центра. Принцип психофизического единства в трансдисциплинарной стратегии научного познания является предметом исследования А. О. Карасевича. Тема исследования И. Р. Скибы – философско-методологические основания моделирования перцептивных процессов в системах сильного искусственного интеллекта.

Отмеченные и ряд других научных результатов свидетельствуют о непрекращающемся продуктивном поиске опытных и молодых исследователей, о преемственности идей и поколений в изучении тайн природы и постижении законов развития научного познания.

*Главный научный сотрудник Института философии НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор В. К. Лукашевич,
заведующий Центром философско-методологических
и междисциплинарных исследований
Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук, доцент
А. Н. Спасков*

П. Д. Пузиков

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ СИМВОЛИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ?¹

Различие качественных и количественных абстракций выражается не только в обозначении одних (качественных) многозначными символами, других (количественных) – однозначными, но и в оперировании обозначенными по-разному абстракциями.

...При словесном обозначении понятий мышление имеет дело со значением и смыслом слов. Чтобы не отрываться от содержания, оно в таком случае обязано постоянно соотносить слова с обозначаемыми понятиями, а понятия – с отражаемыми предметами. «Понятия в процессе мышления выступают не как некоторые “безжизненные”, пассивные копии, образы предметов окружающего нас мира, – говорится в учебнике «Логики» Д. П. Горского, – а как образы, постоянно сопоставляемые с самой действительностью... в этом выражается действенная роль понятий в освоении действительности, в углублении наших знаний о ней» [1, с. 40]. Таким образом, имея дело со словами, мышление анализирует понятия, оперируя предложениями или высказываниями, оно интересуется, суждениями; за понятиями же стоят определенные предметы с их свойствами и отношениями, получающие в словах лишь названия.

В случае чисел и переменных мышление имеет дело с цифрами и буквами как символами, однозначно обозначающими результаты отражения. Здесь происходит слияние смысла символов с их значением, в силу чего они становятся и объектами, и формами мышления, и обозначениями, и обозначаемыми. Речь идет при этом не об автонимии, т. е. не об обозначающей функции знаков, а о логическом, отражательном их значении и смысле. Это происходит таким образом. Известно, что числа и переменные как абстракции, отражающие количественные стороны вещей, получают обозначение в виде цифр и букв. Возьмем цифру «1» и букву «a» как объекты и поставим в ряд с вещами. Мы увидим затем, что абстракции числа и переменной отражают «1» и «a» так же, как и любые объекты. В этом случае символы 1 и a как отражение и объекты «1» и «a» как предметная область, т. е. и обозначение и обозначаемое, начинают выступать в одной и той же сущности. Смысл символов сливается с их значением потому, что значение начинает выражаться в начертаниях символов. Схематично эта метаморфоза может быть выражена так:

¹ Публикуется с сокращениями по: Пузиков П. Д. Существует ли символическое мышление? // Аналитическая способность мышления. – Минск : Наука и техника, 1965. – С. 81–91.

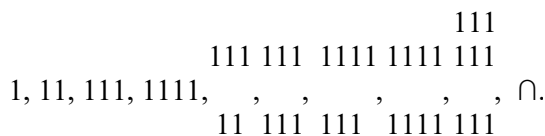
Существует ли символическое мышление?

Справедливость вывода о слиянии значения и смысла однозначных символов в случае с числами и переменными демонстрирует математика во всех своих разделах. С момента своего возникновения математика строится как исследование чисел и переменных и оперирование с числами и переменными, обозначенными в виде цифр, букв и других знаков, которые записываются на бумаге, доске или обозначаются другим каким-либо способом, например, как это имеет место в вычислительных машинах, в виде дырочек на перфоленте, положения контактов электромеханических реле и т. п. То же самое демонстрирует и математическая логика, исследующая мыслительные операции в виде логических исчислений. Для всякого исчисления требуется, чтобы знаки могли быть материально построены, т. е. быть конструктивными объектами, и чтобы они обладали «жесткостью», позволяющей их легко различать и отождествлять (узнавать), а это значит, что символы превращаются в объекты мышления.

В арифметике – науке о числах – на ранних ступенях человеческого познания числа получали выражение в натуральных единицах: вначале – в виде самих считаемых предметов, затем – в виде таких их заместителей, как пальцы рук, ракушки, камешки, зарубки на палочках, изображения черточек на материале. Лишь затем были изобретены цифры.

Интересно отметить, что цифры вначале представляли собой сочетания черточек как первичного основополагающего символа, обозначавшего число 1. Вот египетские иероглифические обозначения счета до десяти:

Аналогичными были финикийские, вавилонские и иные обозначения. (Вавилоняне, правда, вместо палочек изображали клинки [см.: 2, с. 28].)

Основополагающую роль натуральной единицы в исчислениях, включая логические исчисления, отмечал Дж. Буль, считая извлечениями из символа 1, называемого универсумом, символы для обозначения классов x , y , z . Когда ни один субъект (в суждениях), говорил Буль, не выражен, мы будем предполагать универсум (1)

$$x = x \quad (1)$$

и извлекать из него значения всех x , которые он содержит. Выражения, в которых собраны извлеченные символы (x, y, z), Буль называл извлеченными функциями (an electiv function), а уравнения, члены которого извлеченные функции, – извлеченными уравнениями (an electiv equation) [3, p. 15].

В самом деле, в любом арифметическом исчислении мы встречаемся с рядами единиц в их натуральном выражении. Например, операция «четыре разделить на две части» должна выглядеть так: II и II, или с применением арифметических операторов: IIII = II + II; IIII/II = II. Лишь затем для удобства люди изобрели вторичные символы для обозначения сочетаний единиц – цифры I, II, III, IV, V и т. д., или 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Арифметика совершенствовала свои символы, но оставалась наукой об операциях с заданными числами в натуре (включая приемы арифметических действий над дробями). В своих более специальных отделах арифметика исследует свойства чисел, начиная с разложения их на простые сомножители, и опять-таки на основе натуральных выражений в цифрах. Отличие развитой арифметики от ее начальных этапов состоит в том, что на начальных этапах арифметика имела дело с числами в их натуральном, в том числе предметном, выражении (палочки, кости и т. п.), развитая арифметика имеет дело с числами в их современном натурально-символическом выражении.

Операция с переменными величинами, которые возникли как потребность исследования общих приемов решения однотипных арифметических задач и развития количественных абстракций для отражения функциональной зависимости между величинами, привела к формированию алгебры как теории буквенных исчислений и высших разделов математики. Алгебра и высшие разделы математики, занимаясь переменными величинами и функциями, тоже имеют дело с символами, различными $a, b, x, y, f(x)$, векторами, тензорами и т. д. Здесь смысл символов тем более сводится к их изображению, и теперь остается следить за символами как объектами в соответствующих мыслительных операциях.

Уже на основании сказанного можно заключить, что при исчислениях мышление имеет дело только с символами, строится на основе символов и выражает свои результаты в символах. Такое мышление мы вправе назвать в отличие от понятийного *символическим мышлением*.

Многие крупнейшие математики неоднократно подчеркивали наличие таких логико-математических операций, при которых человек имеет дело не с понятиями, а с символами самими по себе.

Основная философская установка, по мнению Д. Гильберта, обязательная как для математики, так и вообще для всякого научного мышления, понимания и общения, без которой совершенно невозможна умственная деятельность, состоит в том, что объекты мышления должны быть обозримы полностью во всех частях; их показания, их отличие, их следование, расположение одного из них

наряду с другими дается непосредственно наглядно, одновременно с самими объектами как нечто такое, что не может быть сведено к чему-либо другому и не нуждается в таком сведении. «В частности, в математике, – заключал он, – предметом нашего рассмотрения являются конкретные знаки сами по себе, облик которых, согласно нашей установке, непосредственно ясен и может быть впоследствии узнаваем» [4, с. 351]¹.

Аналогичное высказывание имеется у С. Клини, сформулированное автором как философская установка метаматематики. «Метаматематика, – пишет С. Клини, – должна изучать формальную систему как систему символов и т. п., которые рассматриваются совершенно объективно. Это означает попросту, что символы и т. п. сами по себе являются окончательными предметами и не должны использоваться для обозначения чего-либо отличного от них самих. Метаматематик смотрит на них, а не через них, и не на то, что за ними; таким образом, они являются предметами без интерпретации или значения» [5, с. 62].

Приведем также свидетельство академика П. С. Новикова, который говорит, что в формальной трактовке системы можно отвлечься от содержания аксиом, и рекомендует рассматривать аксиомы просто, как строчки элементов, а правила логических заключений – как операции над этими строчками. «Если мы не будем сопоставлять полученный формализм ни с чем лежащим вне его, – пишет П. С. Новиков, – то он будет представлять собой внутренним образом определенную систему, состоящую из совокупности строчек, почему-то называемых равенствами. Из них выделены некоторые строчки, которые названы выводимыми равенствами. Это означает только, что они получены из нескольких выбранных строчек с помощью определенных операций» [6, с. 32]. Такие операции представляют собой мыслительные действия на основе символов самих по себе.

В приведенных высказываниях Д. Гильберта, С. Клини и П. С. Новикова обращают на себя внимание главным образом два момента: 1) в математике и математической логике рассматриваются знаки сами по себе; 2) знаки, или символы, не требуют сведения и не могут быть сведены к чему-либо другому,

¹ Разъясняя свою гносеологическую установку, Гильберт приводил пример с теорией чисел. «В теории чисел, – писал он, – мы имеем знаки: I, II, III, IIII, где каждый числовой знак можно распознать благодаря тому, что в нем за I всегда следует опять I. Эти числовые символы – они и являются объектом наших рассуждений – сами по себе не имеют никакого значения. Кроме этих знаков, в элементарной теории чисел мы пользуемся еще и другими знаками, которые нечто означают и служат для сообщений. Так, мы пользуемся числовым знаком 2 для сокращенной записи числового знака II или числовым знаком 3 для сокращенной записи III, далее мы применяем знаки +, =, > и другие, которые служат нам для сообщения того факта, что 2+3 и 3+2, если принимать во внимание сокращенную запись, которой мы пользовались, являются одним и тем же числовым знаком, а именно числовым знаком IIII» [см. 4, с. 352]. Пример Гильберта аналогичен Булевым «извлеченным символам» и говорит, во-первых, о существовании математического мышления как разновидности символического мышления и, во-вторых, о системе исходных и производных символов в символическом мышлении.

т. е. что они и по смыслу, и по значению – знаки, и мышление имеет дело только с ними. И первое, и второе по своей сути – материалистические утверждения. Однако констатируемый факт рассмотрения знаков самих по себе является поводом и для идеалистических выводов, вроде высказывания Б. Рассела о том, что в математике не знают ни о чем говорят, ни верно ли то, что говорят, или вроде такого распространенного тезиса, что математика и математическая логика, имеющие дело с символами самими по себе, не связаны с миром вещей: они просто ничего не отражают в мире вещей.

Последний тезис выражает суть всего «математического» идеализма, возникшего когда бы то ни было и где бы то ни было. Известно учение И. Канта об априоризме чистой математики. Е. Дюринг также проводил линию «математического» идеализма, говоря о независимости аксиом математики от реального содержания мира. Интенсивная математизация физики в конце XIX – начале XX в. явилась одной из причин кризиса в этой науке потому, что некоторые ученые стали на идеалистический путь отрицания за математикой способности отражать мир.

В свое время Ф. Энгельс дал исчерпывающее обоснование философских основ математики, подвергая беспощадной критике дюрингианский априоризм. Математика, говорил Энгельс, берет формы и отношения вещей в чистом виде, отделяет их от содержания вещей, оставляет это последнее в стороне как нечто безразличное; таким путем математика получает точки, лишённые измерений, линии, лишённые толщины и ширины, разные a и b , x и y , постоянные и переменные величины, а в конце доходит до продуктов свободного творчества и воображения самого разума, а именно до мнимых величин. Но, подчеркивал он, «совершенно неверно, будто в чистой математике разум имеет дело только с продуктами собственного творчества и воображения. Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира... Должны были существовать вещи, имеющие определенную форму, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было прийти до понятия фигуры... Как и все другие науки, математика возникла из *практических нужд* людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и механики» [7, с. 36–37]. Таким образом, Энгельс говорит о математике, которая, как и всякая наука, отражает мир.

Материалистические взгляды на познавательную роль математики как науки об объективном мире выражают и сами математики. Г. Фреге, например, подчеркивал, что «все правильно образованные знаки должны обозначать нечто» [8, с. 513]. Русский математик И. Л. Чебышев рассматривал отношение между символами как отображение соответствующих отношений между вещами. Для Чебышева, как свидетельствует академик С. Н. Бернштейн, «всякое соотношение между математическими символами отображает соответствующее соотношение между реальными вещами; математическое рассуждение равнозначно эксперименту безукоризненной точности, повторенному неогра-

ниченное число раз, и должно приводить к логическим и материально безошибочным выводам» [9, с. 37].

Крупнейший специалист по математической логике А. Черч, называя исходные собственные имена и переменные *собственными символами*, пишет, что «они имеют какое-то содержание, даже взятые сами по себе: исходные имена – потому, что они что-то обозначают (или по крайней мере задуманы, чтобы что-то обозначать), переменные – потому, что они имеют (или по крайней мере задуманы, чтобы иметь) непустую область значений». Несобственные символы, т. е. такие, которые не имеют самостоятельного содержания, тоже содержательны, ибо «в сочетании с собственными символами (одним или несколькими) образуют сложные выражения, уже имеющие самостоятельное содержание» [10, с. 37].

Исходя из содержательности математической символики и руководствуясь диалектическим материализмом, академик А. Н. Колмогоров заявляет, «что новейшее развитие математики делает ее ближе к *действительности*, позволяет ей охватить большее разнообразие реальных явлений и изучать их с меньшей степенью схематизации, чем это могла делать классическая математика» [11, с. 13].

Материалистическая теория отражения исходит из первичности материального мира и вторичности его отражения. Это положение полностью распространяется и на обозначение, в том числе на однозначно-символические формы. Однако в определенной системе знаний роли: первичное – вещь, вторичное – символы, – меняются. Функции переменных в дифференциальных уравнениях К. Маркс называл тенями без тела, которые отбрасываются телом, после чего символический дифференциальный коэффициент «становится таким образом *самостоятельным исходным пунктом*. Его реальный эквивалент лишь должен быть найден». Тем самым «дифференциальное исчисление выступает как некоторое специфическое исчисление, уже самостоятельно оперирующее на своей собственной почве» [12, с. 28]. Это происходит в том случае, когда ищут не символ для отражения данных реальных отношений, а, наоборот, по данному символу обнаруживают соотношение вещей. Такая ситуация естественно возможна при содержательности символов, т. е. в том случае, если символы отражают мир вещей.

В определении роли символического мышления одинаково вредны обе крайности: недооценка и переоценка в сравнении с понятийным мышлением. Недооценка символического мышления означала бы отрицание математики и математической логики. Его переоценка означала бы отказ от понятий и других форм образного отражения.

Правильной линией является утверждение: символическое мышление невозможно без понятийного, это значит, что оно существует, но не иначе как в виде дополнения к понятийному, как одна из сторон или возможностей единого логического познания.

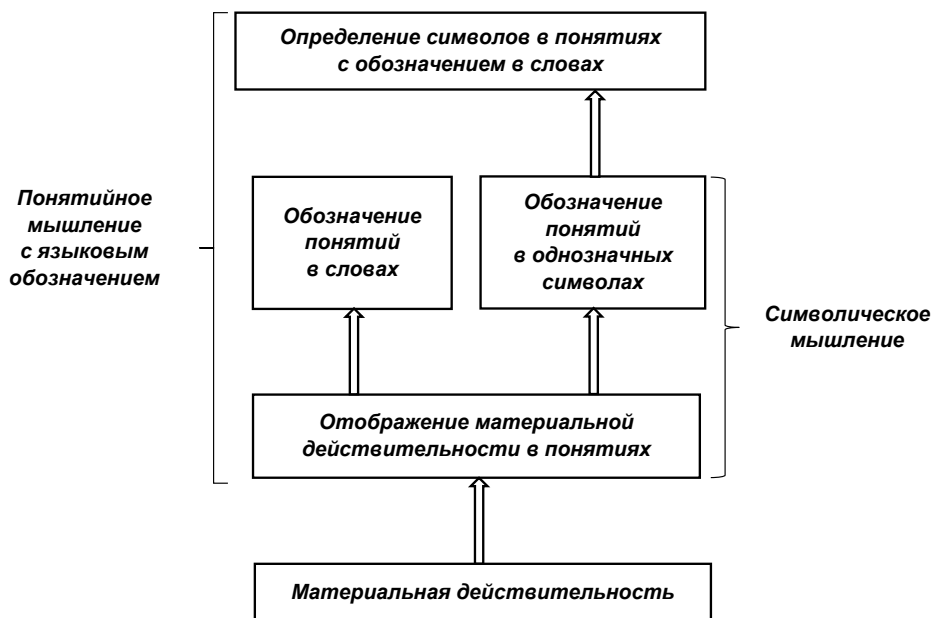
Почему символическое мышление является дополнением и развитием понятийного? Потому, во-первых, что числа и переменные, как правило, абстрагируются от образных форм отражения. Даже в тех случаях, когда числа и переменные абстрагируются непосредственно от событий, это происходит не без участия, а, напротив, с помощью понятий. Во-вторых, оперативные и прочие символы используются только как выражение соответствующих понятий. Операции, ими обозначаемые, должны быть сначала точно определены в виде понятий, и лишь затем они могут быть выражены с помощью однозначных оперативных символов¹. В-третьих, математические и логические исчисления как операции символического мышления производятся не ради исчислений, а ради познания мира. Отсюда в математике и логике уделяется большое внимание интерпретации, которая невозможна без соединения понятийного и символического мышления.

Понятийное мышление может считаться универсальным мышлением, а символическое – его развитием, дополнением не только потому, что символические операции невозможны в полной изоляции от понятийных, но и потому, что символы и их операции сами определяются в понятиях и выражаются в словах. Отсюда мышление всегда заботилось и должно заботиться о понятиях, о выяснении того, что они отражают и что могут отражать. По поводу слов Гегеля о том, что против символов возражать нельзя, В. И. Ленин записал в своих конспектах: «Отметить лишь... замечания о *символах*, что против них вообще ничего иметь нельзя. Но “*против всякой символики*” надо сказать, что она иногда является “удобным средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать *определения понятий*”... А именно в этом дело философии» [14, с. 107]. Тем самым Ленин предостерегал не преувеличивать того значения, которое играют символы в мышлении, и не делать вывода о ненужности понятий.

¹ Как доказал К. Гедель, решение таких основных вопросов, как непротиворечивость и полнота системы аксиом в случае формальной арифметики, оказывается невозможным без выхода за рамки строго финитных методов. Если арифметическая формальная система непротиворечива, гласит теорема Геделя о неполноте (вторая теорема), то не существует доказательства ее непротиворечивости, проведенного средствами, формализуемыми в этой системе [см.: 5, с. 190]. В связи с рассмотрением взаимоотношения понятийного и символического мышления уместно обратить внимание на следующий философский вопрос теоремы о неполноте. Полная формализация знаний в пределах какой-либо знаковой системы невозможна потому, что в ходе формализации к определению отношений знаков необходимо привлекать понятия, для формализации которых в данной системе не оказывается знаков. Таким образом, формализация вообще возможна не иначе как при участии понятийного мышления. В качестве примера можно указать на опыт Д. Пеано, который ставил перед собой задачу изложить арифметику, геометрию и математический анализ только с помощью системы однозначных символов. Свою систему он назвал идеографией, которая представляла собой логико-математический язык без использования слов. Пеано удалось такое изложение, но к нему он вынужден был написать специальный формуляр, чтобы объяснить перевод на символы соответствующих понятий, без которых он все-таки не сумел обойтись [см.: 13].

Существует ли символическое мышление?

С учетом связи и взаимодействия понятийных и символических операций общую схему мышления можно изобразить следующим образом:

В схеме не отражено непосредственное отвлеченно однозначных символов от явлений действительности. Но это не меняет общего принципа, который состоит в том, что понятийное и символическое мышление соединены вместе и дополняют друг друга. В понятиях, кроме того, определяются и выражаются приемы и методы символических операций. Отсюда язык слов может считаться универсальным средством выражения мысли, ибо он обозначает понятия и тогда, когда они отражают первичную материю, и тогда, когда они определяют символы.

Б. Рассел признает: «Если можно говорить о чем-то осмысленном, то об этом можно говорить и на обычном языке слов». Это высказывание поддерживает А. Тарский, добавляя от себя, что было бы несовместимым с духом языка слов, «если бы в каком-нибудь другом языке (имеются в виду формализованные языки. – П. П.) существовали слова и выражения, которые нельзя было бы перевести на повседневный язык» [15, S. 278]. И дело не только в переводе, а и в том, что символическое мышление всегда может быть интерпретировано понятийно и всегда нуждается в такой интерпретации, чтобы быть понятным, познанным и объясненным. Этим не ущемляется относительная самостоятельность символического мышления и лишь оговариваются условия его существования и развития.

Список использованных источников

1. Горский, Д. П. Логика / Д. П. Горский. – М. : Учпедгиз, 1963. – 292 с.
2. Башмакова, И. Г. Происхождение систем счисления / И. Г. Башмакова, А. П. Юшкевич // Энциклопедия элементарной математики. – М. ; Л. : ГИТТЛ, 1951. – Кн. 1 : Арифметика. – С. 11–76.
3. Boole, G. The mathematical analysis of logic, being an essay toward a calculus of deductive reasoning / G. Boole. – Cambridge : Macmillan, Barclay & Macmillan ; London : George Bell, 1847. – 428 p.
4. Гильберт, Д. Основания геометрии / Д. Гильберт. – М. : ОГИЗ, 1948. – 492 с.
5. Клини, С. К. Введение в метаматематику / С. К. Клини. – М. : Иностран. лит., 1957. – 526 с.
6. Новиков, П. С. Элементы математической логики / П. С. Новиков. – М. : Физматгиз, 1959. – 400 с.
7. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом / Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1957. – 376 с.
8. Бирюков, Б. В. Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике / Б. В. Бирюков. – М. : Высш. шк., 1960. – 72, [2] с.
9. Бернштейн, С. Н. Чебышев, его влияние на развитие математики / С. Н. Бернштейн // Ученые записки Моск. гос. ун-та. – Вып. 91: Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры. – 1947. – Т. 1, кн. 1. – С. 35–45.
10. Черч, А. Введение в математическую логику / А. Черч. – М. : Иностран. лит., 1960. – Т. 1. – 484 с.
11. Колмогоров, А. Н. Современная математика / А. Н. Колмогоров // Сборник статей по философии математики. – М., 1936. – С. 7–13.
12. Маркс, К. [Математические рукописи:] 1. Производные и символический дифференциальный коэффициент. 2. Дифференциал и дифференциальное исчисление. 3. Исторический очерк / К. Маркс // Под знаменем марксизма. – 1933. – № 1. – С. 15–73.
13. Peano, G. Notations de Logique Mathématique. Introduction au Formulaire de Mathématique / G. Peano. – Turin : Guadagnini, 1894.
14. Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Сочинения. – 4-е изд. – М. : Госполитиздат, 1958. – Т. 38. – 645 с.
15. Tarski, A. Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen / A. Tarski // Studia Philosophica. Commentarii Societatis Philosophicae Polonorum. – Leopoli [Lwów], 1935. – Bd. 1. – S. 261–405.

Д. И. Широканов

РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ ДИНАМИКИ МЫШЛЕНИЯ¹

Стереотипы и динамика мышления – проблема актуальная, сложная. В конечном счете она напрямую связана, во-первых – с коренной проблемой человечества – его выживаемостью в современном глобально изменяющемся мире на основе познания последнего; во-вторых – с исследованием способности человека прогнозировать развитие сложных систем со многими неизвестными. То есть с определением возможностей человека к такому опережающему отражению развития действительности, которое позволило бы ему сохранить шансы на выживание.

Мир неисчерпаем в бытии и познании, неисчерпаем в своем развитии, которое охватывает первое и второе. Человек как субъект познания и действительности исторически ограничен в своих достижениях и возможностях, в средствах и формах познания.

Противоречие между неисчерпаемостью и ограниченностью в человеческом познании и действительности разрешается в развитии человека, его сознания и мышления, в динамике их изменений. Последнее – динамика мышления как выражение момента изменения и развития – неразрывно связано с устойчивостью форм мышления, их системностью. В познании последнее приобретает статус определенных стереотипов, которые в процессе развития изменяются, теряют прежнюю определенность, приобретают новую форму, новые возможности взаимосвязей этих форм, а с ними и новые возможности для познания и прогнозирования.

Человек как субъект познания и творец своей жизни использует и стереотипы, и динамику форм познания и деятельности, ибо и то, и другое оказывается необходимым в его существовании и жизни, необходимым для его выживаемости. Проблема стереотипов и динамики мышления человека через проблему его выживаемости и развития условий и средств существования оказывается и проблемой его бытия.

Проблема выживаемости человечества – это проблема бытия самого человека как в том смысле, что он должен не только учитывать и прогнозировать отдаленные последствия своей деятельности для себя, сохранение условий своего существования, так и в том смысле, насколько он может быть готовым

¹ Публикуется с сокращениями по: Широканов Д. И. Реалии и проблемы динамики мышления // Стереотипы и динамика мышления / Д. И. Широканов [и др.]. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – С. 8–32.

жить и действовать в измененных условиях. Эта проблема человека и в том смысле, насколько он, используя многообразные орудия, средства и методы познания, способен развить свои материальные и духовные возможности, чтобы обнаружить совершенно необычные явления деятельности, связать их с известными, обычными и на этой основе выявить в изменяющемся мире новые отношения, свойства, новые возможности для человека и в самом человеке.

От уровня развития культуры мышления, методологических установок познающего субъекта, его способностей воспринять новое, отказаться от устаревших, рутинных подходов, использовать для этого достижения науки, культуры, техники и вместе с тем сохранить и развить достижения культуры, завоеванные формы общежития, делающие устойчивыми формы его бытия, будут зависеть своевременность поиска и нахождения нужных человечеству и соответствующих изменившейся глобальной ситуации решений, успех их реализации. Научную общественность (и не только ее) сегодня волнуют проблемы глобального порядка, которые затрагивают коренные условия существования людей на планете, – экологическая среда, условия и последствия использования ядерных источников энергии, потепление климата, демографические проблемы в условиях научного и технического прогресса, возникновение новых, неизвестных ранее болезней и т. д.

Исследование и решение этих проблем требует преодоления многих сложившихся стереотипов в гносеологии и методологии мышления, формирования нетрадиционных подходов, включения человека в осмысление действительности в иных, более широких масштабах. В анализе взаимодействия и взаимосвязей явлений – выходить на новые уровни их организации.

Старая кантовская проблема о границах нашего познания, о трансцендентном и трансцендентальном сознании приобретает сегодня новые аспекты, которые выходят за рамки чисто академического интереса в сферу решения практических задач.

В этом аспекте тревожат науку, например, трудности фиксации, получения достоверных данных о таких явлениях, как НЛО. Нет ли здесь новой ситуации, в известной мере напоминающей прежние ситуации, например, в связи с пониманием природы физических законов и явлений в разных (макро- и микро-) мирах, связанных с открытиями А. Эйнштейна, В. Гейзенберга, Э. Шредингера? Приходится учитывать не только трудности, связанные с необычностью свойств исследуемого объекта, но и с особенностями воспринимающего субъекта. Новые явления неизвестной ранее природы могут не укладываться в логические формы, принятые наукой и закрепленные определенными ее нормами, формулами, стереотипами мышления.

В исследовании новых явлений, в поисках необычных решений науке постоянно приходится преодолевать сложившиеся стереотипы, о чем свидетельствует развитие науки в прошлом. Особенно это относится к той области познания, которая затрагивает субъект мышления, готовность и способности

человека к поиску нетрадиционных форм отражения, к поиску новых методов исследования и построения соответствующих научных образов. Трудности нахождения этих образов для объяснения тех или иных явлений, относящихся не столько к внешнему, сколько к внутреннему миру человека, заставляют прибегать к иррациональным догадкам о состоянии человека, связанным с предсказаниями, видениями, предчувствиями, – телепатией, телекинезом и т. п.

Что лежит в основе подобных явлений, какова их природа, в какой мере подобные явления репрезентативны и могут быть приняты наукой – на эти и другие вопросы современная наука не всегда может дать сколько-нибудь полный, вразумительный ответ. В рассматриваемых аспектах существенно выяснить способы развития содержания мышления, его формы и механизмы, обеспечивающие взаимодействие с другими нерациональными методами исследования, восприятие реалий.

Социальная составляющая в диалектике стилей мышления

Социальная составляющая так или иначе участвует в становлении и модификации содержания тех или иных положений диалектики, в синтезе складывающихся представлений и, наконец, в выборе субъектом той или иной позиции. Идеологический монополизм властных структур не мог не отразиться и в других сферах. Австрийский профессор Кристофор Гюнцль, например, отмечает изменение акцентов в трактовке закона диалектики о единстве и борьбе противоположностей в «новом мышлении», связанном с именем М. С. Горбачева. «Последний, – пишет К. Гюнцль, – понял “знаки времени” и, применяя диалектические категории мышления, пришел к “новому мышлению”, заменил приоритет “борьбы противоположностей” (а соответственно, и классовой борьбы) приоритетом “единства противоположностей”». Квалифицируя изменение приоритетов как скачок в структуре мышления (а такие скачки не противоречат диалектическому материализму), К. Гюнцль видит в нем логическую основу «марксистского подхода к диалектике интеграции», к «качественному», как он пишет, скачку к достижению «единства рода человеческого, и это означает также интеграцию Востока и Запада»¹. Кристофор Гюнцль признает, что переход к новому мышлению обусловлен новыми условиями, связанными с эволюцией средств уничтожения человека человеком, появлением ядерного оружия массового уничтожения. В этой связи он высказывается о процессе перехода к новым реалиям сознания, к выработке его новых норм, базиса общего языка. В аспекте выяснения роли М. С. Горбачева в перестройке и становлении нового мышления он называет его «орудием эволюции», подчеркивает связь с общими процессами поиска новых форм мышления. «Образ мышления человека подвержен эволюции, – подчеркивает К. Гюнцль. – Это происходит как индивидуально, так и коллективно, но здесь

¹ Гюнцль К. Предал ли Горбачев Карла Маркса // Правда. – 1991. – 24 дек.

повторяется знакомая схема: единичные познания и формы мышления в процессе эволюционного развития объединяются в большие комплексы. Вместе с ним приходит также одинаковое во всем мире сознание, которое образует базис общего во всем мире языка и создает предпосылку решения всех серьезных проблем совместно¹.

Примечательно, что приверженность автора диалектике общего, особенного и единичного не мешает, а помогает ему увидеть становление качественно новых структур. Правда, автор не раскрывает содержания «одинаковости сознания». В частности, необходим ли момент «борьбы противоположностей» в единстве при «упразднении противоположностей»? «Интеграционную диалектику» можно трактовать не только в духе «исключения противоположностей», но и в духе включения противоположностей, всего известного многообразия качественно развивающихся форм. Без взаимодействия форм, без противоречий процесс любого развития обречен на затухание. Сказанное не исключает преодоления стереотипов видения борьбы противоположностей, которые нередко отождествлялись с определенной трактовкой в духе абсолютизации классовой борьбы. В этой связи становятся более понятными причины абсолютизации «непримиримости» и борьбы противоположностей, признания насилия как средства разрешения социально-политических противоречий.

Нет необходимости говорить о том, насколько условия того времени сказывались на понимании и трактовке диалектического противоречия, какой вред наносили развитию науки и практике абсолютизация подобных трактовок, превращение их в такие стереотипы, которые проецировались на другие сферы бытия и познания. На наш взгляд, здесь правомерно использовать понятие «ошибка короткого замыкания»², которое связано с прямой трансляцией (переносом) общих философских, религиозных и т. д. положений в конкретную сферу жизни, и связанные с этим неуклюжие попытки втиснуть все богатство живого процесса в определенные догмы, структуры той или иной теории (метатеории). Особенно карикатурные формы такое замыкание приобретает при идеологизации и политизации философских и научных процессов, которые включали в кампанию «борьбы за чистоту науки».

Нетрудно увидеть, что под флагом борьбы за материалистические научные основы, в которые нередко включались в духе прежнего материализма вульгаризированные, метафизированные понятия, нередко расправлялись с инакомыслием. Одни научные школы сводили счеты с другими, как правило, более творческими, которым удавалось совершить прорыв в новые сферы познания и в силу этого более решительно отступавшими от устоявшихся представлений, сложившихся стереотипов и понятий. В результате совершенно закономерный процесс субъективизации в смысле усиления активной роли субъекта

¹ Гюнцль К. Предал ли Горбачев Карла Маркса.

² Парамонов Б. М. Пантеон // Социо-логос. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 362.

в процессах познания как на уровне чувственного, экспериментального, так и на уровне рационального, теоретического знания (понятий, концепций) в рамках стереотипного идеологизированного противопоставления материализма идеализму – приобретал в глазах поборников чистоты материалистической линии чуть ли не преступный характер. Нередко это использовалось для того, чтобы осудить ученого по политической линии, расправиться с ним как с идеологически чуждым элементом. Все это делалось под прикрытием борьбы за передовую науку, за диалектический материализм, хотя ничего «передового», тем более диалектического в такой позиции не было. Конечно, решающую роль в установлении идеологизированного «баррикадного» стиля мышления сыграла идея партийности, классовости науки и философии, особенно широко использовавшаяся в условиях культа личности Сталина. В результате борьбы за материализм, научность в духе «партийности» оказывалась направленной против научного прогресса и ничего общего с диалектикой не имела. По сути она сводилась к отстаиванию консервативных позиций.

В этом плане показательна попытка организации Всесоюзного совещания физиков в марте 1949 г. Совещание не состоялось. Но состоялась предварительная подготовка и обсуждение оргкомитетом сценария намеченного мероприятия в плане борьбы с «физическим идеализмом» и «космополитизмом». Публикация в журнале «Природа» (№ 3, 4, 5 за 1990 г.) материалов этого обсуждения в порядке подготовки указанного совещания показывает, насколько тенденциозность и идеологизация в аспекте заполитизированной оппозиции «материализм – идеализм» могли бы нанести вред развитию физической науки в нашей стране. И не только в аспекте исследования крупнейших ученых, но и в аспекте вульгаризации теории и методологии физического знания. Под видом борьбы с космополитизмом внедрился миф об особой советской научной школе, которая не должна быть космополитической, ибо последний является «теоретической основой» всех идеологических извращений и шатаний¹.

Модель монопольного командно-административного хозяйствования, пронизывавшая весь образ жизни людей, как уже отмечалось выше, сказывалась на выработке стереотипов мышления, идеологии. Она способствовала установлению по сути своей механистического, антидиалектического, линейного стиля мышления, который приходил в явное противоречие с требованиями диалектизации науки, ее теории, методов познания.

Рассматриваемое противоречие сложившегося в 30–50-х годах стиля мышления с диалектической методологией приводило, с одной стороны, к метафизической интерпретации ее положений в соответствии с идеологическими штампами краткого курса «Истории ВКП(б)». С другой – к накоплению диалектического материала, свидетельствующего о несообразности идеологических запретов и штампов с развивающимся научным знанием и требованиями социального развития.

¹ Природа. – 1990. – № 4. – С. 94.

Академик М. А. Марков, один из тех, кто должен был подвергнуться критике на планировавшемся совещании физиков, в статье «Глазами очевидца» рассказывает о сложном пути развития физики в XX веке и связанных с этим логико-методологических и гносеологических проблемах и трудностях познания. Остановившись на «трех интерпретациях квантовой механики» – боровской, статистической и эвереттовской (многомировой), Марков отмечает, что образование понятия объективной реальности оказывается связанным с практикой. Включается сюда и изучение микромира по его проявлениям в макромире, проекции первого на второй (микромира на макромир). Изучение микромира по этим проекциям выявляет в зависимости от способа этих проекций, условий их осуществления противоречивые свойства этих объектов. Поскольку они принадлежат одному и тому же объекту, М. А. Марков называет эти образования «кентаврообразными». Классические понятия в «кентаврообразных» системах оказываются связанными со способами действия человека: в одной микроскопической установке – с одними приборами – электрон имеет определенное положение и не имеет определенного импульса, а в другой установке – с другими приборами – обладает определенным импульсом, но не имеет определенного положения. «Но поскольку человек волен менять макроскопические условия эксперимента, – говорит М. А. Марков, – субъективность в описании реальных свойств мира связана с макроскопическим своеобразием познания его человеком»¹.

Отмеченная ситуация свидетельствует не только об усложнении гносеологических проблем познания, но и о трудностях их решения в рамках дилеммы «материализм – идеализм», если первую составляющую часть дилеммы (материализм) связывать с объективностью, независимостью объекта, его свойств от субъекта (описания). По сути, здесь мы имеем пример необходимости перехода к новой парадигме мышления, которая, в частности, может быть выражена принципом дополнительности Н. Бора. В советской литературе преобладает трактовка принципа дополнительности, которая по существу своему выражает диалектическое содержание и может быть экстраполирована в более широком смысле на другие области познания, особенно в те области знания, где требуется синтез противоположностей, преодоление узости линейного мышления.

Возвращаясь к содержанию статьи М. А. Маркова в аспекте рассматриваемой им ситуации, отметим ту ее часть, в которой он разъясняет, что она (ситуация) складывалась под воздействием сессии ВАСХНИЛ 1948 года. Политическая окраска этой сессии, которую пытались перенести на совещание по физике, усугублялась еще и тем, что среди самих создателей квантовой механики не было единого понимания. В принципе обсуждение глубинной сути квантовой механики, как отмечает М. А. Марков, требовалось, но, конечно, на высоком

¹ Природа. – 1990. – № 4. – С. 94.

профессиональном уровне. «Это должен был быть разговор физиков, разговор “равных”, причем, подчеркиваю, на одном языке. А вмешательство людей некомпетентных, часто преследующих далекие от науки цели, повело совещание по другому пути, не имеющему ничего общего с поиском научной истины»¹.

Заслуживают быть отмеченными требования ученого не только по линии деполитизации, деидеологизации, но и адекватного профессионального уровня, одного языка мышления, который предполагает профессионализм и в аспекте методологии. В конце 50-х годов и в последующие годы видные советские физики, биологи, физиологи принимали самое активное участие вместе с философами в обсуждении гносеологических, логико-методологических и социальных и иных аспектов науки в целом и специальных областей знаний (физики, биологии, кибернетики, космологии) на всесоюзных совещаниях по философским вопросам естествознания, теоретических, методологических семинарах (в т. ч. в г. Дубне). Эти обсуждения в 60–70-х годах проходили не только в иной идеологической и политической обстановке. Главное, что следует отметить, – предмет этих обсуждений были иные методологические и гносеологические проблемы на основе их диалектической интерпретации. При этом на первых таких совещаниях в качестве исходных использовались положения из книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» о неисчерпаемости познания («электрон также неисчерпаем, как и атом»), об относительности истины, знания, противоречивости диалектики его развития, возрастании роли субъекта познания. В последующем – проблемы единства наук о природе и человеке. Например, на III Всесоюзном Совещании – проблемы единства и многообразия мира, дифференциации и интеграции научного знания².

В рамках рассматриваемой проблематики все более свободно обсуждались гносеологические и логико-методологические проблемы, возвышалось значение диалектических поисков, признавалась правомерность различных подходов. Возрастающая роль субъекта познания так или иначе связывалась не только с новыми возможностями познания на современном этапе его развития, но и такими его проявлениями, как свобода мнения, дискуссий, свобода мысли.

В этих условиях противоположность материализма и идеализма, материалистической и идеалистической гносеологии отступала на задний план, поскольку материализм так или иначе связывался с консерватизмом в понимании человека, его творческих сил и возможностей, на первый план выдвигалась диалектика познания, включая диалектику субъектно-объектных и субъектно-субъектных отношений в гносеологической и социальной проблематике науки. Неоднозначность детерминационных отношений в сложных системах, где появляются самоорганизация, бифуркация, вероятные события и т. п., которые все шире и глубже изучаются наукой, приходила в явное противоречие с господствовавшей идеологией чистоты отношений. Последняя явно или

¹ Природа. – 1990. – № 4. – С. 100.

² Диалектика в науках о природе и человеке. – М., 1983.

неявно индуктивно связывалась с чистотой коммунистических идей о развитии социума по строго заданному научно определенному пути. Несмотря на то что в модели административно-командного социалистического общества эти идеи приходили в противоречие с пониманием сущности социализма как общества свободно ассоциированных работников (кооператоров) и т. п., с диалектическими подходами в понимании социальных процессов в духе марксистского реализма (не совпадающего с волюнтаристскими, командно-административными принципами управления из центра), мы можем говорить о несомненном воздействии социальных условий нашего общества на установление господства «линейного» мышления, т. е. такого стиля мышления, который получил название стиля жесткой детерминации. И сколько бы раз ни провозглашались лозунги о свободе в социалистической демократии, о свободе дискуссии, мнений, модель жестко управляемого унитарного общества по образцу односторонне трактуемого «демократического» (а в действительности бюрократического) «централизма» без демократии и инакомыслия так или иначе накладывала свой отпечаток на сознание и мышление человека в духе ограничения свободы мысли, информации, гласности и т. д. Все это не могло не сказаться на практике мышления людей в духе заданных идеологических схем, координат, такой определенности, которая тождественна линейности. Именно с этим, очевидно, связано то обстоятельство, что провозглашение гласности, плюрализма вызвало не богатство мнений, многообразие их содержания, а такое же тоталитарное отрицание ранее признававшихся ценностей, идей, каким ранее было их тоталитарное утверждение.

Отрицание, конечно, важный момент развития. Но утверждение по такому типу, который можно представить как «от противного», не только не избавляет нас от политизации, идеологизации, но, скорее, наоборот, оставляет мышление в тех же окостенелых формах, хотя и наполненных по содержанию «от противного». Вот почему такое мышление в категорических императивах, не терпящих синтеза, интеграции различных по ориентации идей, ценностей, нередко обозначают как «необольшевистское». Творческая, конструктивная роль такого мышления оказывается недостаточной, поскольку оно остается в рамках линейности, политизированных схем.

Основная опасность при этом возникает именно на пути неплодотворного противопоставления имеющегося имеющемуся быть, т. е. на пути «голового», «зрящего» недиалектического отрицания, при котором исходная база для прогресса не возрастает, а сужается. Примеры подобного отрицания можно привести из всех сфер бытия – экономического, социального, научного, культурного и т. д. Например, отрицание единоличных хозяйств в период коллективизации и отрицание или недооценка роли колхозов в период новой кампании – «фермеризации», т. е. образования фермерских хозяйств. Такие кампании напоминают движение маятника, который не выводит нас за рамки строго обозначенного стереотипного движения.

Реалии и проблемы динамики мышления

Здесь не остается места и для упоминавшегося выше принципа дополненности, для такого поступательного движения, при котором понимается, обогащается, приобретает новые качества прежнее содержание, а развитие приобретает новый импульс. Для обозначения стереотипов такого экстремистского отрицания можно использовать термин **инерция** «баррикадного» мышления. Возможно, в свое время оно имело под собой определенное основание. Сегодня оно мешает нам подняться к новым формам, снимающим обе предшествующие односторонности мышления, помогающим преодолеть возникающие противоречия на пути синтеза идей.

А. К. Манеев

ГИПОТЕЗА БИОПОЛЕВОЙ ФОРМАЦИИ КАК СУБСТРАТА ЖИЗНИ И ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА¹

Сложность современной экологической ситуации в мире очевидна. Она обостряет многие аспекты проблемы человека. Под угрозу глобальных кризисов (термоядерного и экологического) поставлено существование всего человечества, жизни на нашей планете. В создании данной ситуации решающую роль сыграл человеческий фактор; но и в выходе из нее ему принадлежит не последняя роль, т. е. деятельности человека, его сознанию, интеллекту как важнейшим социальным ресурсам. Поэтому исследователи ориентируются на выявление всех человеческих способностей и возможностей, так как они являются движущей силой и высшей целью общественного прогресса. Необходимо расширять и углублять исследования развития психологических, интеллектуальных возможностей человека.

Задачи изучения психики на современном этапе предполагают поиск новых подходов, корни которых уходят в кибернетику, теорию информации, голографию и т. д. Здесь же следует отметить и допущение форм жизни и разума на небелковой основе и т. д. В наш век, писал академик А. Колмогоров, отнюдь «не праздну предположение, что нам, возможно, придется столкнуться с другими живыми существами, высокоорганизованными и в то же время совершенно на нас не похожими»². Более того, «мы допускаем, что на Земле, возможно, и в самих людях существуют не только белково-нуклеиновые, но и другие формы жизни. Почему бы и нет? До поры ученые не ведали о существовании вирусов, бактерий, завтра, возможно, мы экспериментально обнаружим что-то еще... Гипотетические формы жизни могут и не иметь четко очерченных пространственных границ. Их сигналы передаются с помощью более сложных полей, чем известные ныне»³.

Идеи подобного рода фактически находятся в русле исследований и разработок по проблемам искусственного интеллекта, позволяющих поставить и обсудить вопрос о наличии в составе белковых живых организмов и такой специфической полевой компоненты, которая, возможно, существенно детерминирует комплекс свойств жизни и психики. Мы называем его биопсифено-

¹ Публикуется по: Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: антология философской мысли / сост. и предисл. к текстам С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой; примеч. А. Г. Гачевой. – М.: Педагогика-пресс, 1993. – С. 354–366.

² Колмогоров А. // Возможное и невозможное в кибернетике. – М., 1963. – С. 13.

³ Казначеев В. // Поиск. – 1989. – № 11. – С. 8.

меном, субстратом которого считаем биопсиполовую формацию. В генетическом аспекте, по нашему мнению, она выступает как состояние определенного возмущения актуально бесконечной в пространстве и во времени целостной субстанциальной реальности континуально-полевого типа¹, т. е. существующей без возникновения. На такой основе осуществимы взаимодействия, распространяющиеся мгновенно, а их сила не зависит от расстояния. Об этом свидетельствуют эксперименты Дж. Белла, совершившего выдающееся научное открытие². Биопсиполе, на наш взгляд, возникает в недрах этой реальности как некоторое целостное первичное возмущение, а не какое-то дискретно-усложненное состояние. Поэтому, как и субстанция, биопсиполе обладает специфической структурой, своеобразие которой состоит в ее континуальности (в отличие от квазиконтинуальности, т. е. контактной непрерывности, прочих, именно квантованных физических полей).

Одним из наиболее существенных свойств биопсиполя, имеющих фундаментальное значение в системе детерминантов творческого потенциала субъекта, является атрибут отражения. Его специфика коренится в упомянутой континуальности структуры биопсиполя как целого. А самодвижение этой реальности в единстве с ее полевой протяженностью обуславливает (через связь с телесной подсистемой организма) как внутреннюю самоактивность его, так и активность во внешней среде. В первом плане система взаимосвязей тела и биоисполевой формации лимитирует проявление ее психических функций – сферы психического, представленного единством уровней бессознательного, подсознания, сознания и самосознания как необходимых элементов в системе детерминации творческого потенциала человека. Такова суть гипотезы биоисполевой формации как компонента организма.

Остановимся подробнее на анализе данных проблем, опираясь на эвристические возможности предлагаемой гипотезы. С позиций структурно-уровневого подхода к явлениям действительности можно на всех ее структурных срезах различать субстраты свойств и носителей последних. Под субстратом будем понимать непосредственную, неотъемлемую основу свойства, а под его «носителем» – опосредованную, в принципе отделимую основу. Например, окрашенная ткань – носитель цвета, а химический краситель – субстрат цвета, неотделимый от последнего (или электрон – субстрат спина, а атом – носитель).

Аналогичный подход к структуре живых белковых организмов позволяет на макроуровне выделить в них телесную подсистему в качестве носителя жизни и психики, а субстратом их считать предполагаемую невещественную материальную подсистему, т. е. некоторую полевую формацию, существующую объективно, как и тело человека, и именуемую биопсиполем, или специ-

¹ Манеев А. К. Движение, противоречие, развитие. – М., 1972.

² Хеберт И. // За рубежом. – 1987. – № 30.

фически материальным полем живых систем. Ее не следует отождествлять с обычными физическими полями – гравитационным, электрическим, магнитным и т. д., ибо они квантованы и потому не могут обладать выраженными свойствами жизни и психики, присущими биополям. Поэтому никакой физической эксперимент, регистрирующий физические поля, не обнаруживает сознания, мышления, воли и других свойств психики. Однако человек, кем бы он ни был, знает, что он жив, обладает сознанием, мышлением, волей, способностью к ощущениям, восприятиям и т. д. Следовательно, можно допустить, что у этих свойств есть собственный субстрат – формация полевого типа. В нашей стране пионерами в исследовании ее были биофизик А. Г. Гурвич, который и использовал термин «биополе» для обозначения этой непрерывной реальности, и Н. К. Кольцов, называвший поле, окружающее зародыш, «силовым». У идеалистически настроенных ученых оно трактуется (начиная с античных времен) как нематериальная «энтелехия».

Однако и последний термин, на наш взгляд, обозначал некоторую наличную реальность, но невещественного характера. Ведь древние мыслители под материей понимали только вещественные образования, а поэтому неизвестные реалии качественно иного типа они автоматически относили к нематериальным сущностям. Фактически на такой основе в течение тысячелетий велась и до сих пор продолжается острая идеологическая борьба между материалистическим и идеалистическим истолкованием сущности жизни и психики.

«Я непосредственно испытываю, – пишет Дж. Экклз, – что моя мысль может вести к действию» и что душа как особая бестелесная сущность в состоянии приводить в движение такое материальное устройство, как тело. Мозг же есть детектор влияний, которые «дух оказывает на тело» посредством специфической микросистемы¹, т. е. дух вызывает изменения в системе материи и энергии². Отстаивая «нематериальность» души, Экклз продолжает: «Я существую как воплощение сознательного “я” в моем теле, и я не могу поверить, что чудесный, божественный дар сознания не имеет будущего, что он не будет воплощен после смерти в другом существовании»³.

Советские ученые А. Р. Лурия и Г. С. Гургенидзе, рассматривая концепцию Дж. Экклза, подчеркивают, что она свидетельствует «о методологических трудностях, испытываемых нейрофизиологией, которая сталкивается лицом к лицу с такими реальными проблемами, как соотношение физиологического и психологического, материального и идеального»⁴. Но это происходит потому, что указанные трудности должным образом еще не преодолены и в философии как общеметодологическом базисе частных наук, в том числе нейрофизиологии и психологии⁵.

¹ Eccles J. Facing Ready. – New York ; Heidelberg ; Berlin, 1970. – P. 150.

² Ibid. – P. 119–136.

³ Ibid. – P. 83–84.

⁴ Лурия А. Р., Гургенидзе Г. С. // *Вопр. философии.* – 1972. – № 6. – С. 152.

⁵ Жуков И. И. Проблема сознания. – Минск, 1987. – С. 146–147.

В психологии и в философии общепризнано, что для психического образа характерны «отсутствие в нем каких-либо вещественных или энергетических компонентов мозга и отображаемого объекта, невозможность обнаружить идеальное... с помощью органов чувств или каких-то приборов»¹, т. е. психический образ как некоторая реальность не обладает ни одним из свойств, характерных для материальных объектов, способных воздействовать на органы чувств биосистемы. Но если это верно, то почему психическое все-таки влияет, и притом существенно, «на физиологические процессы мозга, а через них, при необходимости, на соматические процессы организма человека»?²

В этой связи П. К. Анохин писал: «Я объясняю студентам, что нервное возбуждение формируется и регулируется вот так, оно в такой форме в нерве, оно является таким-то в клетке. Шаг за шагом, с точностью до одного иона, и я говорю им об интеграции, о сложных системах возбуждения, о построении поведения, формировании цели к действию и т. д., а потом *обрываю* и говорю: сознание – идеальный фактор. Сам я разделяю это положение, но я должен как-то показать, как же *причинно* идеальное *сознание* рождается на основе объясненных мною *материальных* причинно-следственных отношений. Нам это сделать очень трудно без изменения принципов объяснения» (курсив наш. – А. М.)³.

Необходимы более глубокие исследования этих проблем, а также ленинской методологически важной идеи об отражении как атрибуте, лежащем в фундаменте материи и по существу родственном ощущению. Новые сдвиги в данной области знания возможны на основе интенсификации разработки концепций биологических полей как в частнонаучном плане, так и в философско-методологическом аспекте.

В 1944 г. советский ученый В. С. Грищенко выступил в Париже среди ученых с лекцией на тему «Четвертое состояние вещества (ни твердое, ни жидкое, ни газообразное). Новейшее открытие». Вот что сообщает об этом выступлении писатель из Свердловска Ю. Е. Яровой: «Истина, очевидная каждому, сказал докладчик. Если последовательно уменьшать число наших чувств восприятия – ликвидировать зрение, затем осязание, обоняние, вкус, слух... Что тогда останется в живом существе? Эмоции, не правда ли? Но если эмоции существуют в нас, это значит, что они существуют вообще в качестве материального компонента нашего существа... Логично предположить, что эти процессы существуют и у животных. Ну, скажем, страх или радость у собак. Более того, есть наблюдения, говорящие о том, что такие процессы “душевного порядка” происходят и в растительном мире. Как известно, все попытки определить материальную суть этих процессов, их физическую природу не привели

¹ Жуков И. И. Проблема сознания. – С. 66.

² Там же. – С. 147.

³ Анохин П. К. // Ленинская теория отражения и современная наука. – М., 1966. – С. 288–289.

ни к чему. Возникает вопрос: почему? Ответ на этот вопрос, мне кажется, может быть единственный: не там искали.

Материальную суть эмоций до сих пор искали в трех привычных нам состояниях: твердом, жидком и газообразном. И не находили. Ибо, как я смею утверждать, все процессы “душевного порядка”, равно как и целый ряд других, не объяснимых современной наукой явлений, – проявление четвертого, неизвестного пока состояния материи... Таким образом, базируясь на строго материалистических рассуждениях, независимо от религии мы приходим к представлению о существовании человеческой души...»¹.

Разумеется, дело не в названиях: «душа», «четвертое состояние материи», «биоплазма», «более тонкое материальное образование», «биополе» и т. д.; суть проблемы – в специфике сущности и природы той формации, которая представляется связанной со сложным комплексом биопсихических процессов и явлений в живых организмах.

Профессор Н. И. Кобозев писал, что в нашем организме имеются еще не исследованные системы, не подверженные энтропийным явлениям и потому надежно хранящие информацию. Например, память человека, прочно хранящаяся в течение десятилетий, не могла бы оказаться столь устойчивой, будь она «записанной» на клетках или молекулах либо даже на атомах, поскольку при температуре человеческого тела тепловые флуктуации атомов и молекул, а особенно процессы метаболизма сравнительно быстро уничтожили бы и удалили из организма так записанную в нем информацию. Возможно, ее «запись» осуществлена на некотором суперустойчивом субстрате полевого типа, непосредственно не вступающем в обмен веществ. (Пенфилд² здесь усматривал некоторую аналогию с электрической звукозаписью на магнитной ленте.) Поэтому биополю, обладая всей информацией организма, в силу собственной динамичности в состоянии обеспечить протекание и таких явлений, которые заслуживают названия «высших безэнтропийных форм мышления и психики как системных процессов»³.

Полагаем, что макромасштабно биополе представлено внутренним компонентом – континуальным биополюсом как материальным субстратом психики, заключенным в рамках тела организма, а также внешним компонентом – квантованным биоэлектрическим полем и вакуумом, как бы продолжающимися биополюсом за его пределами в бесконечность. Свойство же суперпозиции полей обуславливает возможность их сосуществования и хранения в них приобретаемой ими информации, для размещения которой не возникает затруднений при наличии любого количества биополей, связанных соответственно с многообразием биосистем.

¹ Яровой Ю. // Простор. – 1974. – № 11. – С. 77–79.

² Пенфилд Уайлдер Грейвс (1891–1976) – канадский невролог и нейрохирург.

³ Кобозев И. И. // Журн. физ. химии. – 1966. – Т. 15, вып. 4. – С. 794.

Биопсиполе (как область первичного возмущения в недрах вечной субстанции полевого типа на основе избытка¹ ее энергии самодвижения) выступает разновидностью непрерывно-полевых формаций. Поэтому оно отлично от квантованных электромагнитных полей как возмущенных состояний вакуума. Мы считаем, что биопсиполе обладает невещественной протяженностью, относительным самодвижением и свойством отражения, выступающим основой биопсифеномена всей живой системы. Но структура дискретной вещественной подсистемы организма, как бы «вмораживающая» в себя биопсиполе, «конкретизирует» его и оформляет в нем определенный тип биопсифеномена, вторично структурируя эту формацию своим «вторжением».

По-видимому, в недрах материнского организма (или в соответствующих условиях вне его) возникновение биопсиполя будущей живой системы провоцируется информационно-генетическими процессами, развертывающимися либо в результате слияния гамет в зиготу, либо при явлениях партеногенеза. Эти процессы, будучи связаны с соответствующей генетической информацией, и вызывают в «родственной» им среде, т. е. в недрах субстанции, «отклик», адекватное им «возмущение». Последнее предстает как соответственно структурированное биопсиполе зародившегося организма. Оно соединяется с «затравочным» микробиопсиполем исходных клеток новообразования и в дальнейшем существенно определяет процессы его онтогенеза. Мы считаем, что в образующихся новых клетках зародыша аналогичным образом возникают микробиополя под эгидой прежде возникшего макробиополя, с которым они вступают в связь (а также между собой). Эти поля в единстве создают некоторую полевую диалектическую противоположность тела биосистемы, так что ее организованные вещественные подсистемы (ДНК, клетки, ткани, органы и т. д.) выступают элементами многоуровневой кодовой системы, выражающей информацию организма, фактически заключенную в виде голограммы в его полевой подсистеме. В то время как телесная подсистема, кроме функции выражения полевой информации, относительно ограничивая степени свободы биопсиполя, лимитирует и специфицирует проявление его возможностей, вплоть до детерминации психопатологических состояний при соответствующих соматических дисгармониях, искажающих нормальное проявление функции биопсиполя.

Возможно, что точки акупунктуры в теле являются своеобразными «окнами», через которые в соответствующей ситуации усиливается связь биопсиполя с внешним биоэлектрическим полем. Благодаря такому непосредственному контакту этих полей биопсиполе оказывает организующее влияние на биоэлектрическое поле, а потому в принципе может определенным образом изменять

¹ Последний реализуем в соответствующей ситуации, например когда при равенстве антинправленных импульсов провзаимодействовавших объектов их кинетические энергии неодинаковы из-за различия масс (необходимое изменение в структуре процессов осуществимо на основе платформы, с поднятыми бортами которой сталкиваются указанные тела).

его параметры. Этот процесс подтверждается несложными опытами. Пластмассовый сосуд, используемый в качестве своеобразного резонатора для биоэлектрического поля, заряжается при контакте с руками экспериментирующего. В устройстве на обыкновенной нити подвешивается в виде равноплечевого рычага легкая стрелка из любого материала. При приближении какого-либо стержня стрелка отклоняется либо притягивается к нему, находясь на расстоянии 2–3 см от него. Но нередко удается произвольно изменить каждый из этих процессов на противоположный, для чего необходимо сконцентрировать сознание, желание на ожидаемом превращении. Однако сознание не некий блок или материально-субстратная «управляющая инстанция», а атрибут-отражение, свойственное нашему «я», т. е. биопсиполовой формации, пронизывающей тело человека. Именно поэтому сознание столь тесно связано с организмом. В биопсиполовом атрибуте отражения организма относительно выделены области сознания, подсознания и бессознательного посредством зон контакта биопсиполя соответственно с корой полушарий головного мозга, подкоркой и остальной частью телесной подсистемы организма.

С данной точки зрения на основе атрибута отражения биопсиполя и осуществляются рефлексия, оценочное отражение, вообще процесс познавательного мышления, в том числе и собственного состояния организма в его единстве с биополем. Такое отражение нашей «самости» выступает как самосознание, восприятие субъектом собственного бытия, т. е. как фиксирование существования своего «я» любым индивидом. Целостное свойство отражения биопсиполя и можно трактовать в качестве субъективности в психологическом смысле, выступающей объектом интереса психологии как науки, «предметным» статусом психического. Как подчеркивает А. В. Брушлинский, «психика ошибочно понимается как нечто абсолютно “призрачное”, не имеющее своей специфической природы, не обладающее вообще никаким онтологическим статусом»¹.

Мы полагаем, что биопсиполе, обладая атрибутом отражения, а также возникающим на его основе информационным содержанием самосознания, подсознания и бессознательного, именно благодаря своей суперустойчивости на базе континуальной (бесточечной, бесконтактной) непрерывности, инвариантности и чрезвычайной динамичности обеспечивает идентичность нашего активного «я» не только при каждом пробуждении после сна, но и в случаях возвращения сознания по выходе организма из обморочных состояний, наркоза, а также и по выведении человека из состояния клинической смерти.

Пронизывающее весь организм биополе, на наш взгляд, является существенным фактором выработки, преобразования и надежного хранения информации, а также условием и средством возможной дистанционной связи биосистем на уровне подсознания и даже сознания посредством внешнего

¹ Брушлинский А. В. // Мышление: процесс, деятельность, общение. – М., 1982. – С. 8.

биоэлектрического поля, вакуума и субстанции. На такой основе в принципе возможны у экстрасенсов явления телекинеза, ясновидения и т. п.

Приведем исторические факты, свидетельствующие о явлениях подобного рода. Эмануэль Сведенборг¹, известный своими трудами в области математики, механики, астрономии, горного дела, «в конце 1759 г., находясь в Готенбурге... сообщил знакомым, что в Стокгольме начался пожар. Через несколько часов он заявил, что пожар потушили, и он описал его размеры. Спустя два дня в Готенбурге было получено известие, подтверждающее видение Сведенборга»². Аналогичным экстрасенсом в России во времена Ивана Грозного был Василий, прозванный Блаженным, именем которого был назван воздвигнутый в Москве храм³. Д. И. Дубровский правильно подчеркивает, что хотя «наука пока не может дать основательного объяснения некоторых феноменов человеческой психики, но из этого не следует, что данные феномены заведомо нереальны, что все это мистика или ловкие трюки»⁴.

Мы убеждены, что субстратная система, обладающая соответствующим строением, именно в силу и в меру ее связи с непрерывным биоэлектрическим полем способна проявить свойства жизни и психики в выраженной форме. Быть может, поэтому столь иерархично строение белковых организмов (и даже ДНК с ее сверхспиральностью). Вероятно, такое строение и обеспечивает не только оптимум контакта тела с биоэлектрическим полем, но и возможность «сверхтекучего» движения этого квазивихря сквозь субстратную решетку биосистемы. Нарушения ее структуры сокращают сферу контакта организма с биоэлектрическим полем, ликвидируют условия «сверхпроводимости», необходимые для движения последнего, т. е. ослабляется связь тела с данной формацией. При этом в нем наступает известный диссонанс в системе биохимических процессов и физиологических отклонений, ведущий в конечном счете к патологии в проявлении телом психических функций биоэлектрического поля вплоть до временной или полной потери сознания человеком.

С этой точки зрения многообразие психопатологических состояний человека связано с глубиной и обширностью деструктивных изменений в соматической подсистеме живого организма, которыми обуславливаются адекватные им степени изоляции центральной нервной системы от биоэлектрического поля как субстрата психики и носителя информационного содержания сознания субъекта. Вариации отклонения связи биоэлектрического поля с телом от нормы (характерной для состояния бодрствования здорового организма) могут выражаться целым спектром явлений (сон, сомнамбулизм, летаргия, анабиоз у животных и другие

¹ Сведенборг Эмануэль (1688–1772) – шведский ученый и теософ-мистик.

² Гуревич П. С. Возрожден ли мистицизм? – М., 1984. – С. 28.

³ Покровский собор, что на рву. Василий Блаженный (ум. 1552) – русский святой, Христа ради юродивый. В Степенной книге есть рассказ о том, что летом 1547 г. Василий долго и слезно молился в Вознесенском монастыре на Остроге (Воздвиженке). Это явилось предвестием пожара, который вспыхнул на другой день именно в этом монастыре и испепелил Москву.

⁴ Дубровский Д. И. // Филос. науки. – 1987. – № 7. – С. 108.

виды угасания или нарушения биопсихических проявлений в организмах). Значительные деструкции в теле, обуславливающие адекватное нарушение связи биопсиполя с соматической подсистемой человека или животного, могут вызвать и полный разрыв этой связи, означающий неизбежность биологической смерти данного организма.

При локальном сохранении связи биополевой формации с телом, когда степень структурно-функциональных изменений в нем такова, что они с помощью средств реанимации могут быть приостановлены и устранены, нормальная связь биополя с реабилитированной телесной подсистемой восстанавливается. Процесс нормализации связи тела с биополем (как носителем всей информации) является условием не только возвращения сознания, но и возможного фиксирования реанимируемым субъектом даже необычных картин, возникающих именно в период состояний, «когда душа отделяется от тела»¹. Известный американский астроном Х. Шепли отмечает, что «вероятность существования ощущений и органов чувств, неизвестных сейчас человеку, высока...»². Эту способность иного восприятия мира и может проявить биопсиполе человека, выходя за пределы организма частично или на короткое время даже полностью в состоянии клинической смерти.

Экзотичность таких картин у реанимируемых, достигаемая на основе биопсиполя, находится в прямой зависимости от тяжести состояния клинической смерти. В наиболее кризисных ситуациях биопсиполе соответственно более автономно, ибо аномально проникает за пределы организма и потому способно к необычному (без помощи анализаторов) восприятию и созданию информационных образов, к реализации прочих видов рецепции, оказывающихся фантастическими из-за возникновения их в непосредственном контакте биопсиполя с объектами окружающей среды. Но случаев «оживления» лиц, находившихся в наиболее тяжелых состояниях клинической смерти, не столь много, а потому редко кто из общего числа реанимированных свидетельствует о пережитых им каких-то необычных «видениях». Этим и можно объяснить тот факт, что большинство из оживленных находилось в процессе реанимации в состоянии глубокого сна, без сновидений.

Дальнейшее совершенствование путей и средств реанимации, а также методов генной инженерии, возможно, позволит человеку достичь, например, практического бессмертия как этапа на пути к безусловному индивидуальному бессмертию. Т. В. Карсаевская и А. Т. Шаталов пишут, что исследование этой проблемы, по мнению выдвигающих ее энтузиастов, может стать предметом новой науки – «иммортологии», науки о бессмертии³.

В этом плане представляется программной мысль физика Дж. Бернала: «Смерть... не выполняет больше полезной роли в человеческом обществе.

¹ Гуревич П. // Лит. газ. – 1985. – 25 дек. – С. 13.

² Шепли Х. Звезды и люди. – М., 1962. – С. 24.

³ Карсаевская Т. В. Диалектика социального и биологического в целостном процессе жизнедеятельности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1984. – С. 39.

Сейчас, когда мы выросли до осознания подлинных фактов, касающихся смерти, до осознания ее связи с возрастающей брэнностью *более сложных* (курсив наш. – А. М.) организмов, мы поняли, что смерть в принципе никоим образом не неизбежна, и мы должны позаботиться о том, чтобы найти способ отсрочить или избежать ее¹. В данной связи отметим, что в суперустойчивости именно простейшего по своей структуре биопсиполевого макрокванта как континуальной реалии и коренится возможность достижения индивидуального бессмертия человека, поскольку такой квант как носитель всей информации субъекта по излучению из организма (в случае смерти последнего) может сохраняться потенциально бесконечно.

Как тончайшая полевая формация, как бесточечная непрерывность биополе не может быть разрушено, ибо более тонких структур, способных расчленивать его, не существует, а структурно более сложные образования в силу своей одискреченности проницаемы для него. При любой такой попытке оно «туннелирует» сквозь любые «поры» в структуре предполагаемого орудия разрушительного воздействия. Поэтому биополе правомерно рассматривать как надежно сохраняющуюся информационно-голограммную основу принципиальной возможности даже посмертного восстановления, но существенно преобразованного организма для потенциально бесконечного существования. Последнее предполагает коренное преобразование вещественной, телесной подсистемы в адекватную биопсиполю динамично-устойчивую подсистему полевого типа (скажем, напоминающую хотя бы поле постоянного магнита) как средство проявления биопсиполевой голограммы организма, представляющей в виде голографического образа бывшего телесного облика индивида в лучшую пору его жизни, но ставшего полевой системой.

«Материалом» подобного «квазителесного обрамления» для биопсиполя могут послужить множество клеточных микробиополей, а также вещественные элементы организма, преобразуемые в поля. Физик-теоретик Харальд Фрич пишет, что «даже все вещество Вселенной в конце концов превратится в свет»², в полевой субстрат. Упомянутые микрообразования полевого типа соединяются с биопсиполем бывшего организма в силу известной современной физике квантовофизической корреляции между микрообъектами, однажды оказавшимися в соответствующей связи друг с другом. Эту корреляцию при любых расстояниях между системами микроуровня Д. Бом, В.-А. Фок и другие называли несилowym взаимодействием, а Дж. Белл экспериментально подтвердил наличие такой связи в бытии.

Таким образом, некоторые идеалистические по форме соображения Дж. Экклза относительно индивидуального бессмертия могут получить, по нашему мнению, вполне научную интерпретацию. Денотатом понятия о душе, допускаемого современной наукой, правомерно признать материально-полевую

¹ Бернал Дж. Возникновение жизни. – М., 1969. – С. 224.

² Fritsch H. H. Menschen und Kosmos. – Bern, 1980. – S. 231–232.

формацию континуального характера, т. е. биопсиполе, функционирование которого на основе его атрибута отражения обуславливает все черты психики биосистемы. Суперустойчивость биопсиполя благодаря его континуальности, динамичности и топологической инвариантности «делает» эту формацию неуничтожимым «соучастником вечности», связанным с безначально существующей субстанцией полевого типа, являющейся глубинной причиной и универсальной основой существования вещественных и полевых образований. В рамках организма тогда понятна связь его вещественного тела с душой, т. е. столь же материальной подсистемой, хотя и невещественного, полевого типа. При этом подходе исчезает непостижимость взаимодействия тела и души, свойственная идеалистическим концепциям, не усматривающим объективной общности у названных компонентов живого организма. Но так как биополе обычно ускользает от непосредственной регистрации соматическими анализаторами человека, оно в истории познания служило и до сих пор пока еще остается объектом либо идеалистических спекуляций, либо нигилистически-механистического отрицания его под флагом борьбы с душой вообще.

Однако ни древними материалистами (Гераклит, Демокрит, Эпикур¹), ни в Новое время (Радищев² и др.), ни диалектическим материализмом³ не отрицалась принципиальная возможность обнаружения такого структурного компонента в живой системе, который идентичен материалистически понимаемой душе.

Диалектический материализм не может быть не совместим с признанием биополя в качестве материального субстрата психики, т. е. ее связь с мозгом не должна абсолютизироваться. Современная наука прилагает усилия к созданию искусственного интеллекта, отнюдь не намереваясь воссоздать при этом человеческий мозг и тем более самого человека как якобы в принципе единственной системы, способной мыслить. Следовательно, именно недиалектический, узкий, по существу неомеханистический подход с позиций устоявшихся частнонаучных понятий и принципов к совершенно новой проблеме – био-

¹ Гераклит (ок. 520 – ок. 460 до н. э.) – древнегреческий философ, высказавший идею непрерывного изменения, становления. Считая началом всего сущего огонь, определял душу как смесь воды и огня, благородного, мудрого и низменного начал. Демокрит (ок. 470 или 460 до н. э. – год смерти неизвестен) – древнегреческий философ-материалист, атомист. Считал, что именно душой все живое отличается от неживого. Душу понимал как особое расположение сферически подвижных атомов, подобных атомам огня. Эпикур (341–270 до н. э.) – древнегреческий философ. Восприняв атомистическое учение Демокрита, определял душу как состоящую из особо тонких и рассеянных по всему телу атомов.

² Радищев Александр Николаевич (1749–1802) – русский писатель и философ. В философском трактате «О человеке, его смертности и бессмертии» (написан в 1792 г., опубликован в 1809 г.) сталкивает два воззрения на природу души: согласно первому – душа обладает вещественной природой и умирает вместе с телом, согласно второму – душа бестелесна и сохраняется после смерти.

³ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 271.

полю – не может служить основанием для того, чтобы столь поспешно похоронить ее под тяжелой плитой забвения с куцей эпитафией: «лженаука».

С позиций обсуждаемой концепции вне биополя человек мертв, и ни о каком творческом потенциале его в таком состоянии не может быть и речи. Поэтому мы считаем, что биополевую формацию как субстрат психики и основу выработки, преобразования и устойчивого хранения информации правомерно признать базисным элементом в системе детерминации творческого потенциала личности, который функционально возрастает по мере исторического развития человека, обогащения информационного содержания его сознания в общественно-исторической и производственной практике, в условиях научно-технического прогресса и социально-экономического развития. Вне таких условий было бы существенно затруднено формирование и раскрытие творческого информационно-отражательного потенциала субъекта, становление его как личности, адекватной фазе развития социально-экономической формации.

Именно в функциональном аспекте биополя, а точнее, в информационно-отражательном плане и правомерно говорить о сущности человека как социальном феномене, представляющем собой отражение общественных отношений в нашем сознании (как компоненте психики, являющейся атрибутивной функцией биополевого субстрата организма) и оказывающемся одним из фундаментально важных уровней человеческой сущности как многоуровневой реалии, носящей биосоциальный характер. Совокупность общественных отношений не может непосредственно вместиться в человеке в качестве его сущности.

Любые общественные отношения внешни для субъекта, т. е. он в них вступает, а не наоборот, как отмечал К. Маркс. Однако осознание, отображение личностью общественных отношений, а значит, и обладание их информационно-отражательными образами, а также умениями и навыками как способностями к действию являются существенными моментами содержания сознания, психики, характеризующими социальность субъекта, обуславливающими многообразие его общественных ролей как граней человеческого фактора. Осуществление их в обществе выступает в виде социальных действий, которые невозможны для человека вне единства его телесного компонента с биополевой формацией как субстратом его жизни и психики.

Вместе с тем контакты, связи, отношения личностей (прежде всего производственные) создают социум соответствующего ранга, существующий, однако, не только на основе действующих вещественных систем. Бытие этого социума дополняется и системой полевого характера, возникающей в процессе объединения биополей индивидов в сложную надстроечную макросистему (подобную незримой мегасистеме гравитационных полей в космосе). Она выступает своеобразной ноосферой, несущей в себе и общественное сознание. В последнем, однако, интегрируется лишь тот «срез» информационного содержания индивидуальных сознаний, который отражает именно общественное

бытие. Общественное сознание оказывается мысленным конструктом, формирующимся в процессе интеграции определенных социально значимых аспектов информационного содержания соответствующих индивидуальных сознаний.

Поэтому общественное сознание, опирающееся на ноосферу (подобно индивидуальному в рамках своего биополя), имеет статус относительно самодействующей социальной системы надстроечного характера и играет существенную роль в жизни общества. Это позволяет предположить, что и для социальных явлений важна база биополевого типа, а тесное единство этих сфер обуславливает биосоциальную сущность человека. Ведь и элементы телесной подсистемы организма обладают микробиополями на уровне клеток, тканей, органов. Поэтому естественно, что в настоящее время ученые пытаются обнаружить некие наиболее универсальные принципы живой материи, более общие, чем наблюдаемые в природе. По-видимому, сфера их действия – континуальные поля различных типов, свойственные белковым и небелковым биосистемам.

В. К. Лукашевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

НАУЧНЫЙ ПРОГРЕСС: ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Проанализированы современные особенности когнитивного, инструментального и рефлексивного измерений научного прогресса, по которым наука качественно отличается от других способов интеллектуального освоения реальности (мифологического, религиозного, морального, эстетического, повседневно-обыденного и др.), и пути преодоления настороженного отношения к интеллектуальному потенциалу науки со стороны некоторых представителей политической, финансовой, конфессиональной и художественной элит, обвиняющих науку в насильственном расчленении органически целостных образований в ходе их изучения, самонадеянности при оценке собственных средств и возможностей практического действия и конструирования новой реальности в условиях нарастания экономических, антропологических и экологических проблем, содержание которых предопределяет экспликацию современных (ранее не актуальных) измерений научного прогресса.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, аспекты науки, типы научной рациональности, селекционное измерение научного прогресса, адаптивное измерение научного прогресса, экзистенциальное измерение научного прогресса, ноосферное измерение научного прогресса

V. Lukashevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SCIENTIFIC PROGRESS: TRADITIONAL AND MODERN DIMENSIONS

There were analyzed the modern features of cognitive, instrumental and reflective dimensions of scientific progress, on which the science is qualitatively different from other methods of intellectual exploration of reality (mythological, religious, moral, aesthetic, routine-ordinary, etc.), and the ways to overcome the wary attitude towards the intellectual potential of science by some representatives of the political, financial, confessional and artistic elites that accuse science of forcibly dismembering organically integral formations in the course of their study, arrogance in assessing one's own means and possibilities of practical action and constructing a new reality in conditions of increasing economic, anthropological and environmental problems, the content of which predetermines the explication of modern (previously not relevant) dimensions of scientific progress.

Keywords: scientific and technological progress, aspects of science, types of scientific rationality, selection dimension of scientific progress, adaptive dimension of scientific progress, existential dimension of scientific progress, noospheric dimension of scientific progress

В современном массовом сознании научный прогресс воспринимается преимущественно в одном из его социально наиболее значимых измерений, а именно как научно-технический прогресс. Это процесс, акцентированный в общественном сознании с 60-х годов XX в., хотя его первые проявления можно датировать как минимум несколькими десятилетиями ранее. Но в любом случае следует иметь в виду, во-первых, тот исторический факт, что наука как способ интеллектуального освоения реальности существовала и до интенсивного применения ее результатов в техносфере, во-вторых, измерения научного прогресса, адекватные его более ранним стадиям, со временем не теряют своего значения, выражая фундаментальные основания эволюции форм научного прогресса. Поэтому, анализируя современные измерения научного прогресса, необходимо начинать с его исторически предшествующих форм, квалифицируя их как традиционные.

Понимание сущности и форм научного прогресса в любом случае базируется на определенном представлении о науке как одном из способов интеллектуального освоения реальности и типах научной рациональности. Этого хватает для того, чтобы не только достаточно определенно отличать науку от других способов интеллектуального освоения реальности, но и не ослаблять внимания к формам и направленности их взаимодействия в широком контексте социального функционирования. Согласно и поныне доминирующей концепции Дж. Бернала, наука характеризуется указанием на ее основные аспекты. Их пять: наука как система знаний, как специфическая деятельность по производству и теоретической систематизации знаний, как социальный институт, производительная сила и форма общественного сознания. Типы научной рациональности – классический, неклассический и постнеклассический – выделены по историческому критерию и в определенной мере по нарастанию форм социализации науки.

Длительное время в представлении о науке преобладала точка зрения, согласно которой наука – это форма интеллектуального освоения действительности, которая реализует большую совокупность различных схем познавательных действий (операций, процедур), обеспечивающих получение достоверных знаний о природной, социальной и духовной реальности. Основное внимание было сосредоточено на специфике (качестве) познавательного результата: его объективности (истинности), полноте, системности представления и др. Осмыслению специфики познавательных действий не уделялось много внимания, а их цель воспринималась как сама собой разумеющаяся направленность на получение нового предметного знания.

Согласно аспекту «наука как система знаний» критериями научного прогресса считались скорость приращения и объем нового знания о реальности. Особенно ценились результаты фундаментальных исследований («познания вглубь»), где вырабатывались наиболее общие представления о действительности и управляющих ею фундаментальных законах. Классические примеры

такого понимания научного прогресса дает развитие механики (в особенности период от теории импульса до системы Галилея – Ньютона). Это **когнитивное измерение научного прогресса**. Оно четко коррелирует с классическим типом научной рациональности, в соответствии с требованиями которого необходимым условием объективности (истинности) знания при теоретическом описании и объяснении было исключение (элиминация) в нем всего, что относится к познающему субъекту, средствам и операциям его деятельности, которые могли серьезно деформировать познавательный результат, однако не учитывает одну из важнейших интенций научного познания, а именно его направленность не только на окружающую человека реальность, но и на сам процесс научного познания. В настоящее время считается, что реализующая эту интенцию растущая активность познающего человека в осмыслении когнитивных особенностей науки позволяет достаточно определенно отличать науку от мифологии, религии, нравственности, эстетического, повседневного, практического сознания и других способов интеллектуального освоения реальности, где их когнитивная специфика далеко не всегда представлена достаточно четко и в сколь-нибудь развитом варианте. Когнитивные компоненты упомянутых способов интеллектуального освоения реальности квалифицируются как формы вненаучного познания. Их специфика определяется целями тех видов человеческой деятельности, в которые они включены в качестве необходимых, но не имеющих самоценного значения составляющих. Известно, что мифология, религия, нравственность и другие способы интеллектуального освоения реальности включают в свое содержание определенную совокупность познавательных процессов и знаний, практически всецело подчиненных их конечным целям, отличным от целей науки. Эти процессы и знания не всегда представлялись значимыми для специалистов по теории познания и методологии науки.

Такого рода профессиональная самоуспокоенность периодически подвергалась жестким испытаниям. В последние десятилетия они приобрели перманентный характер. Наука как способ интеллектуального освоения реальности и ее система знаний как основание практической деятельности обвиняются представителями форм вненаучного сознания в насильственном расчленении органически целостных образований в ходе их изучения (исследуется фрагментарно представленная реальность), в нивелировании особенностей познающего и рефлектирующего субъекта, в вопиющей самонадеянности в оценке собственных средств и возможностей практического действия и конструирования новой реальности, в антропоцентризме, прагматизме и др. Приводятся примеры недостаточности научных знаний для системного объяснения процессов формирования существующей природной реальности, в том числе человека, способов создания уникальных артефактов древности, не ассимилированных современной наукой, правдоподобной интерпретации определенных исторических событий и др. [1; 2].

Ценность и само явление прогресса в науке ставятся под сомнение. Однако если сопоставить интересующие людей ситуации и процессы, сущность которых получила удовлетворительное научное объяснение, с известными людям и интересующими их реалиями, которые слабо ассимилированы наукой, но самоуверенно и безапелляционно интерпретируются вненаучными способами интеллектуального освоения реальности, то очевидно явное преимущество первых. И оно растет соразмерно расширению и усложнению сферы человеческой практики, а также в сугубо когнитивном измерении, где ключевое значение имеют способы и средства регуляции познавательных процессов в науке, то есть ее исследовательский инструментарий.

На наш взгляд, именно в этом аспекте наука получила решающее превосходство над другими способами интеллектуального освоения реальности. Благодаря тому, что в научном познании имела место когнитивная идентичность его целей – конечной и промежуточных, в любом случае активность исследователя (субъекта познания) была осмысленно направлена на производство (приращение) знания. Соответственно в научном познании со времени его зарождения формировался и развивался («оттачивался») исследовательский инструментарий, органически сопряженный с характером его целей и объектов. «Сопутствующая» работа была сродни основной.

По-иному складывались прагматические обстоятельства в сфере вненаучного познания, где конечная цель каждого из тех видов человеческой деятельности, в который были по необходимости включены познавательные действия, качественно отличалась от познавательной. Соответственно интеллектуальные усилия субъектов вненаучного познания были ориентированы не на исследовательский инструментарий, а на создание средств и осмысление путей их воздействия на человека, обеспечивающих: в религиозном способе освоения реальности – веру в сверхъестественное как его главное условие, дающем устойчивое мировоззрение; в эстетическом способе освоения реальности – выработку приемлемого идеала чувственности, гармонизирующего человека с реальностью; в этическом способе – выработку идеалов и норм коммуникации людей, обеспечивающих стабильность общества и утверждение самооценности личности, и т. д. Это самостоятельная фундаментальная тематика. Как главное отметим, что здесь цели специфические и столь же специфические средства и пути их достижения. Средства познания и познавательные результаты служили вспомогательным каналом активности в достижении внепознавательных целей.

Исторически длительный период (фактически равный возрасту науки как специфического способа интеллектуального освоения реальности), в течение которого изобретались и совершенствовались средства и формы познавательной активности, оказался очень продуктивным. Был разработан достаточно совершенный по собственной структуре и эффективный в действии инструментарий научного познания. Его развитие от простейших средств наблюдения за

небесными телами до сканирующего микроскопа, радужного телескопа и ускорителей элементарных частиц, от близких к повседневно-обыденному мышлению логических схем индуктивных и дедуктивных выводов к «развитой» теории и различным способам математизации научного познания можно квалифицировать как **инструментальное измерение научного прогресса**. Представление о нем достаточно четко коррелирует с неклассическим типом научной рациональности, который отмечен требованием рефлексивного осмысления связей между знаниями об исследуемой реальности, с одной стороны, и знаниями о специфике используемых познавательных средств и соответственно познавательных операций – с другой.

Осмысление качества познавательного результата и сопряженного с ним инструментария научного познания – это сложный и трудно реализуемый процесс, который периодически сопровождался преувеличением роли отдельных средств и методов (например, средств наблюдения и экспериментирования, схем и правил логических выводов по индукции и дедукции и др.), а также явной недооценкой метода моделирования, математической гипотезы, сценарного подхода и т. д. Создавалась необходимость все более масштабной и уточненной рефлексии над познавательными процессами в науке, что привело к формированию постнеклассического типа научной рациональности, включающего требования учета соотношенности результата исследования как со спецификой познавательных средств и операций, так и с ценностно-целевыми структурами науки и социума в их взаимосвязи. Так естественным образом выделилось **рефлексивное измерение научного прогресса**, в русле которого осмысливается широкая совокупность природных, социальных и духовных реалий, ассимилируемых наукой как одним из способов интеллектуального освоения реальности.

Данная совокупность (наряду с содержанием первого и второго аспектов науки) включает и то, что характеризует науку как социальный институт, производительную силу и форму общественного сознания. Данные по истории науки и историко-философские исследования [3; 4] показывают, что этот процесс был наполнен драматическими событиями, которые порой ставили науку на грань выживания, заставляли ее балансировать между повседневно-обыденным и религиозным сознанием. Позднее многие затруднения преодолевались в русле научно-технического прогресса, по историческим меркам довольно скоро показавшем свою противоречивость. Но в целом в общественном сознании формировалась все более адекватная картина социального статуса науки и ее когнитивных возможностей. Эти позитивные изменения были предопределены преимущественно рефлексивными процессами в самой науке («развитием ее самосознания» и повышением уровня социализации).

Рефлексивное измерение научного прогресса в настоящее время очевидно выходит на первый план. С позиций здравого смысла, то есть повседневно-обыденного сознания проблемы, составляющие содержание этого измерения,

могут быть решены в короткое время посредством волевого выбора между более или менее материал-, трудо- и энергоемкими, более или менее экорезонансными и в целом менее опасными технологиями, которые разрабатываются на основе современной технoнауки. Однако основания такого выбора все более и более теряют ясные очертания, если принимать во внимание в идеале всю растущую совокупность природных и социогуманитарных факторов (опасностей, вызовов и угроз), открываемых опять же преимущественно самой наукой. Например, вне усилий представителей современной астрономии, астрофизики и космологии вряд ли в человеческом сообществе была бы сколь-нибудь адекватно осмыслена опасность последствий столкновения Земли с астероидами крупных и средних размеров, истощения биоты вследствие необратимых изменений в других компонентах биосферы, тупиков современной кредитно-финансовой системы, биокапитализма и др.

Выделенные исторически сформировавшиеся измерения научного прогресса (когнитивное, инструментальное и рефлексивное, которые можно квалифицировать как традиционные) – это своего рода матрица исследования познавательных действий в науке и оценки их результатов. Насколько они актуальны в настоящее время, когда ставится под сомнение ценность результатов «незаинтересованного» познания, к которым тяготеет основная масса данных фундаментальных исследований «первого типа» и значительная часть результатов ориентированных фундаментальных исследований, когда явно или неявно принижается позитивное значение прикладных результатов современной технoнауки и акцентируются ее негативные технико-технологические, антропологические и экологические последствия, когда периодически возникает настороженно конкурентное отношение к интеллектуалам от науки со стороны представителей политической, финансовой, экономической, конфессиональной и художественной элит?

Безусловно, актуальны, поскольку, во-первых, выражают специфику науки как оправданного способа интеллектуального освоения реальности, не позволяя заинтересованным акторам социального действия нивелировать ее возможности до неопределенно низкого уровня, несмотря на их успешную позитивную реализацию практически во всех ключевых сферах человеческой жизнедеятельности. Во-вторых, это основа исследования всех последующих представлений о научном прогрессе, которые коррелируют с исторически формирующимися его измерениями – научно-техническим, социогуманитарным, экологическим, прогностическим и др. В-третьих, это фундаментальный контекст анализа современных событий в рамках самих выделенных измерений научного прогресса.

Так, в контексте когнитивного измерения сравнительно давно (несколько десятилетий) с разной степенью интенсивности обсуждалась проблема соотношения фундаментальных исследований «первого типа» и ориентированных фундаментальных исследований. Даже либеральный вариант ее решения

(осуществлять первые из них в том объеме, насколько это подъемно финансово) не дает приемлемых ориентиров, поскольку проблема переносилась из ее когнитивного контекста в финансово-экономический. Но если придерживаться профессионально заданного когнитивного измерения научного прогресса, то выбор направлений фундаментальных исследований будет осуществляться (что во многом уже и делается) по органически присущим этому измерению критериям. Главный из них определен (по меньшей мере намечен) в работах Н. Лумана [5; 6]. Это принцип избыточности, согласно которому результаты исследований должны повышать вариантность системы научных знаний. «Предположение о некотором новом варианте (или вариации, необходимой для отклонения этого варианта) прежде всего повышает вариантность системы. Если это не препятствует автопоэзису, это положение дел сохраняется; но подобные селекции, как правило, провоцируют ирритации, и в этом случае предпринимаются усилия по новой рихтовке избыточной системы... От удостоверенных комплексов теорий отказываются лишь тогда, когда их починка не стоит потраченных усилий; или формулируя менее метафорично – если требующиеся для их сохранения вариации вредят избыточности в большей степени, нежели признание новых теорий» [5, с. 222–230].

Принцип избыточности является универсальным и одновременно довольно абстрактным. Он поощряет открытие новых горизонтов познания без особой оглядки на то, что добыто ранее; главное в такого рода ситуациях – эвристичность новой системы знания за счет ее оригинальности. Это – полет в неизвестное, минимально отягощенный когнитивным наследием. Но последнее (отягощенность наследием) выражает опыт научного знания как специфического способа интеллектуального освоения реальности, который показал и показывает свою социальную ценность. Отвлекаться от него расточительно и малоперспективно. Нужны механизмы связи первого и второго (оригинальности и опыта). Они в определенной мере осмыслены в содержании принципов соответствия, дополнительности, инвариантности, снятия и др. Н. Луман предлагает свой более широкий подход, названный им ре-проблематизация, согласно которому новое знание должно быть в принципе сопоставимым (сопрягаемым) с ранее добытым и иметь четко обозначенный контекст проверки, создавая таким образом необходимую стабильность системы знания в целом. «Она, – поясняет исследователь, – не является телеологической и не является линейной, но выстраивается круговым образом. Она не зависит ни от Input'a (гарантированный уровень исследований), ни от Output'a (результаты), но предполагает знание как репроблематизируемое круговым образом. Для нее (системы) не существует ни начала, ни конца, вообще не существует никаких бесспорно признанных позиций, но исключительно более или менее продвинутые контексты проверки, которые активизируются тотчас, как только в прицел попадают новые предложения истины. Иначе, чем полагали изначально,

стабильность достигается исключительно путем отказа от безусловных достоинств» [5, с. 231].

Резюмируя сказанное об особенностях когнитивного измерения научного прогресса в настоящее время, отметим его сопряженность с необходимостью постоянного выбора перспективных направлений исследовательской работы из их актуального множества, то есть необходимость достаточно определенной когнитивной предметной селекции. Соответственно назовем это **современное измерение научного прогресса селекционным**. Оно дает возможность видеть точки роста научного знания коррелятивно их сознательному выбору.

В контексте инструментального измерения на первый план выходят технико-технологические проблемы научного прогресса. В настоящее время технологии исследований все более масштабно приближаются к технологиям производства, где ключевое значение имеют анализ состава базового носителя технологий, изменение его параметров в ходе технологических операций, контроль параметров конечного продукта и др. В названном контексте сосредоточено, видимо, наибольшее количество проблем, связанных с безопасностью производственных технологий «на базе науки», их способностью максимально использовать исходное природное вещество, продуктивностью, характером влияния на окружающую природную среду и социальную динамику, адаптивностью к резко меняющимся условиям функционирования, перспективностью и др. Сходные проблемы проявляются и в сфере социальных и социогуманитарных технологий. Им посвящено огромное количество научных трудов, научно-фантастических и полумифологических сюжетов, в большинстве сопряженных с пессимистическим финалом. Тем не менее даже в этом контексте логично говорить о **праксеологическом измерении** научного прогресса как степени успешности поиска практических ответов на природные вызовы человеческому сообществу и самой природе (природные катаклизмы, космическая угроза целостности и существованию планеты Земля), об обоснованиях оправданности праксеологических ориентаций в условиях обострения негативных последствий развития техносферы, поиска выхода из множества тупиков социально-экономической эволюции и др. Успешность такого рода поисков, очевидно, целесообразно оценивать в контексте **адаптационного измерения научного прогресса** (название соответствует характеру событий в науке, коррелирующих с названными процессами в практической сфере) и как его частного случая **экологического измерения**.

В контексте рефлексивного измерения научного прогресса концентрируется основной круг социально-гуманитарных проблем (в связи с этим можно вспомнить и горькие разочарования в возможностях науки, и сравнительно короткие периоды ее триумфа). Но, очевидно, главной из них на данное время является осмысление науки как основы новой цивилизации. Известно, что созданная европейской культурой-цивилизацией технаука не может быть в нынешнем состоянии пролонгирована более чем на несколько десятилетий.

Однако вряд ли оправданными будут сомнения относительно необходимости ее включения в типологическое ядро генома новой формирующейся цивилизации, идущей на смену техногенной. Определенные надежды в этом плане возлагаются на конвергентные (нано-, био-, информационные и когнитивные, NBIC) технологии. Тем не менее есть основания относиться к ним с большой осторожностью. «Бесспорно, – отмечает в связи с этим академик В. С. Стёпин, – что NBIC-технологии открывают огромные возможности лечения различных заболеваний, продления человеческой жизни, полноценной жизнедеятельности в старости. Но если речь идет о коренных изменениях человеческой природы, то возникают риски и такие возможные сценарии, которые будут приближать нас к уничтожению людей и разрушению культуры» [7, с. 10].

В названном контексте, таким образом, осмысливается фундаментальная проблема существования (выживания) человеческого социума и ряд сопряженных с ней вопросов: о достаточности потенциала человеческого интеллекта и науки как основы ее решения; об адекватности социальных условий, обеспечивающих реализацию их потенциала (имеющегося и виртуального); о возможностях в этом деле искусственного интеллекта и др. Назовем это **измерение научного прогресса экзистенциальным**, то есть воспроизводящим возможности науки в обеспечении жизнедеятельности человеческого сообщества в новых условиях. Это измерение в своих основных параметрах представлено в синергетической концепции научного прогресса [8], соответственно названию и содержанию которой правомерно выделить его **синергетическое измерение**.

Вместе с тем в русле названной концепции существует пространство творческого поиска предпочтительного сценария развития системы (в данном случае человеческого сообщества), который по каким-то синергетическим основаниям может быть маловероятным, но окажется приемлемым вариантом экзистенциального выбора человеческим сообществом на основе научного знания. В связи с этим не следует забывать, что выбор и поддержка конкретных направлений научного поиска во многом определяется не самими исследователями, а (согласно Дж. Берналу) заинтересованными лицами из других сфер жизнедеятельности социума. Соответственно на первый план выходит **этическое измерение научного прогресса**, реализуемое не только в рамках научного сообщества и рассуждений об амбивалентности ученого, а в широком контексте нынешнего уклада жизнедеятельности человеческого социума, где нравственные устои главных акторов социального действия изучены явно недостаточно.

Так же недостаточно изучено **еще одно из современных измерений научного прогресса – экономическое**, где отмечается лишь тенденция к повышению уровня его осмысления в основном за счет анализа эффективности косвенных последствий осуществления исследовательских программ [9].

Осмысливая тенденции развития событий, связанных с функционированием науки как одного из интеллектуальных способов освоения реальности,

следует сделать вывод о неизбежности дальнейшего научного прогресса в его когнитивном, селекционном, инструментальном, адаптационном и рефлексивном измерениях. Напряженная ситуация на неопределенное время останется в контексте экзистенциального и этического измерений. Однако дорогу осилит идущий, в данном случае, очевидно, в направлении гармонизации способов интеллектуального освоения реальности и измерений научного прогресса, что, на наш взгляд, возможно в русле его **ноосферного измерения** [10]. Основная работа философа в сложившейся ситуации, разумеется, не в концептуализированном наращивании количества измерений научного прогресса (их новые формы естественным образом выдвигает динамика современного уклада жизнедеятельности социума), а в их экспликации как уровней социализации науки и развития ее самосознания.

Список использованных источников

1. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд // Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М. : Прогресс, 1986. – 542 с.
2. Морозов, Е. В. Холизм. Духовное возрождение 2012 / Е. В. Морозов. – Саарабрюккен : LAP Lambert Academic Publishing, 2010. – 312 с.
3. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культура / Л. М. Косарева. – М. : Ин-т психологии РАН, 1997. – 360 с.
4. Гайденок, П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой / П. П. Гайденок. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Университет. кн., 2000. – 456 с.
5. Луман, Н. Эволюция науки / Николас Луман // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51, № 1. – С. 215–233.
6. Luhmann, N. Die Wissenschaft der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1992. – 732 S.
7. Степин, В. С. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития / В. С. Степин // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 6–11.
8. Князева, Е. Н. Одиссея научного разума. Синергетическое видение научного прогресса / Е. Н. Князева. – М. : Ин-т философии РАН, 1995. – 228 с.
9. Научно-технический прогресс и экономическая эффективность научных исследований [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.jouclub.ru – Дата доступа: 22.02.2015.
10. Субетто, А. И. Самосозидание через научное познание (опыт автогносеургии) : науч.-филос. эссе / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2017. – 110 с.

А. Н. Спасков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРИНЦИПЫ СУБСТАНЦИАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ОНТОЛОГИИ*

В статье выявляется принципиальная ограниченность классической онтологии и обосновывается необходимость разработки новой онтологии, включающей в себя единые основания физической науки и науки о жизни и сознании. В основание новой онтологии полагается принцип субстанциального монизма. Выдвигается гипотеза о квантово-информационной природе материи, жизни и сознания. Формулируются основные понятия и принципы субстанциально-информационной онтологии. Введено принципиально новое понятие хронотопоса, обобщающее понятие пространства-времени на область физического и психического. Подтверждено соблюдение принципа соответствия новой онтологии с классической онтологией в формулировке базовых понятий и в качестве методологического принципа дальнейшей программы исследований.

Ключевые слова: онтология, квантовая реальность, материя, жизнь, сознание, субстанция, информация, хронотопос, принцип соответствия

A. Spaskov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PRINCIPLES OF SUBSTANTIAL-INFORMATION ONTOLOGY

The article reveals the fundamental limitation of classical ontology and substantiates the need to develop a new ontology, which includes the common foundations of physical science and the science of life and consciousness. The new ontology is based on the principle of substantial monism. A hypothesis is put forward about the quantum-informational nature of matter, life and consciousness. The basic concepts and principles of the substantive information ontology are formulated. A fundamentally new concept of chronotopos is introduced, which generalizes the concept of space-time to the area of physical and mental. The observance of the principle of compliance of the new ontology with the classical ontology in the formulation of basic concepts and as a methodological principle of the further research program was confirmed.

Keywords: ontology, quantum reality, matter, life, consciousness, substance, information, chronotopos, conformity principle

* Публикация подготовлена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

Введение

Построение новой онтологии, потребность в которой мы обосновали ранее, начинается с принципа субстанциального монизма, согласно которому: «1) Все существующее многообразие необходимо должно иметь единое основание. 2) Все возникающее многообразие необходимо должно иметь единую причину, находящуюся в основании любого действия, движения и изменения» [1, с. 202].

Это единое основание и единую причину мы объединяем в одном понятии субстанции, которую определяем в общем виде как генератор объективной реальности и изменчивости, возникающей в феноменальном опыте субъективного представления в форме структурно упорядоченного информационного многообразия. Из определения понятия субстанции как единого источника феноменальной реальности логически следует понятие информации, которое определяется как генерируемое многообразие, имеющее форму и меру структурно упорядоченного и функционально связанного смыслового единства. Принципиально новым понятием, которое вводится для характеристики фундаментального носителя информации, является понятие хронотопса.

В отличие от классической онтологии, в которой пространство-время выступает некоторым онтологическим эквивалентом пустоты и вместилищем тел и событий, в новой онтологии физические тела и события, а также психические феномены, возникающие в сознании, представляют собой не самостоятельные онтологически сущности, а квантовые состояния универсального носителя этих феноменов – хронотопса. Таким образом, хронотопс представляет собой как форму существования материи, так и необходимый атрибут психики, что позволяет на новых онтологических основаниях решать проблему психофизического единства.

Мировоззренческие предпосылки субстанциально-информационной онтологии

То, что классическая онтология, основанная на натурфилософской метафизике, не дает полного описания реальности и не может объяснить подлинных причин происхождения материального мира, было ясно уже на примере поиска первоначал в древнегреческой философии. Святитель Василий Великий в своем богословском труде «Беседы на Шестоднев», хотя и из религиозных побуждений, но с философской основательностью дал характеристику тщетности этих попыток: «Эллинские мудрецы много рассуждали о природе – и ни одно их учение не осталось твердым и непоколебимым, потому что последующим учением всегда ниспровергалось предшествовавшее. Посему нам нет и нужды обличать их учения, их самих достаточно друг для друга к собственному низложению. Ибо не знавшие Бога не допускали, что происхождение

всех вещей зависит от разумной причины, а сообразно с сим коренным своим неведением заключали и о прочем» [2, с. 10].

Современная наука, хотя и продвинулась гораздо глубже в понимании физических принципов устройства Вселенной, но в вопросе происхождения материального мира и природы физических законов остается в таком же состоянии мировоззренческой неопределенности, как и во времена Василия Великого, а научные космологические концепции и физические «теории всего» по-прежнему сменяют друг друга и конкурируют между собой, не находя твердых онтологических оснований [3].

В «Науке логики» Г.-В.-Ф. Гегеля представлено диалектическое развитие Абсолютной идеи – система объективного идеализма. Но в этой системе нет субъекта – источника и носителя Абсолютной идеи. Это значит, что идея развивается сама по себе, как самодостаточная сущность или субстанция по законам диалектической логики и не нуждается в источнике своего существования. А развитие идеи происходит не благодаря какому-то творческому и активно действующему началу, а в соответствии с некоторой предустановленной и умозрительной абстрактной схемой диалектической логики [4].

Но этого недостаточно, и для полной картины мира помимо идеи нам нужен еще субъективный источник и приемник (носитель) идеи. Речь идет о введении в фундаментальную теорию наряду с физическими понятиями энергии, пространства и времени понятия информации. Такую научную программу построения окончательной физической теории знаменитый физик Дж.-А. Уилер выразил лаконичным тезисом «“Все” из “бита”». Он разрабатывал свою концепцию «Вселенной соучастия» как программу поиска единого ответа на вопрос о происхождении разума и Вселенной и считал, что сознательный разум человека соучаствует через сами акты наблюдения в основании квантовой Вселенной [5].

Эта концепция хорошо согласуется с транзакционной интерпретацией квантовой механики, предложенной американским ученым-физиком и писателем Дж. Крамером в 1986 г. Любое квантовое событие, происходящее в настоящем времени, представляет собой, согласно гипотезе Крамера, транзакцию симметричных и противоположно направленных во времени волн (прямой (из прошлого) и обратной (из будущего)), которые нелокально связывают прошлые и будущие состояния квантовой системы [6].

Можно предположить, что Вселенная на самом глубинном уровне представляет собой неделимое целое. Это тот уровень реальности, который соответствует начальному сингулярному состоянию квантовой Вселенной и нелокально присутствует во всех последующих квантовых состояниях, разворачивающихся в процессе глобальной эволюции. Таким образом, квантовая Вселенная нелокальна как во времени, так и в пространстве: «Как ни странно, сингулярность не существует нигде и в то же время существует везде. Это не локализованный объект, а холистическое свойство пространства-времени» [7, с. 209].

Более того, мы предполагаем, что именно с этим уровнем и связано начальное психофизическое единство материи и разума, а развитие Вселенной из первичной сингулярности происходит благодаря синергетической коэволюции элементарного тела и сознания [8].

В соответствии с этой гипотезой, возникновение материальной Вселенной из первичной сингулярности можно представить как квантовое наблюдение. Квантовое наблюдение существенно отличается от классического, в котором наблюдаемый объект со всеми своими объективными характеристиками существует независимо от наблюдателя. В квантовом же мире таких объективных характеристик, а значит, и самого квантового объекта не существует до акта измерения, и они возникают актуально в опыте как бы «из ничего» или как одно из множества потенциально возможных состояний, описываемых волновой функцией. Поэтому квантовое наблюдение – это не пассивная регистрация объективно существующего внешнего факта, а активный процесс, который было бы точнее назвать «квантовым творением», происходящим внутри единой системы «субъект – объект».

Джордано Бруно говорил о внутреннем творческом процессе возникновения материального мира так: «Всеобщий ум – это внутренняя, реальнейшая и специальная способность и потенциальная часть души мира... Нами она называется внутренним художником, потому что формируют материю и фигуру изнутри» [9, с. 203–204].

Таким образом, мы можем представить этот акт первичного квантового наблюдения как раздвоение единого состояния на материю и сознание. Этот акт – проявление действия субстанции, которая выступает единым источником идей, возникающих в сознании, и их материального воплощения в физической Вселенной.

Необходимость новой онтологии в обосновании квантовой теории жизни и сознании

Квантовая механика коренным образом отличается от классической, так как в ее схеме описания существенную роль играет вероятность, а значит, и случайность. При этом так как до сих пор не ясны онтологические основания квантовой теории, то и природа квантово-механической случайности тоже не понятна. Вероятностный язык является лишь способом математического описания квантово-механических закономерностей, характер которых принято считать индетерминистическим. Но случайный характер квантово-механического поведения говорит, по нашему мнению, о принципиальной невозможности описания квантового мира на языке предустановленных объективных законов. В этом случае нам остается принять в качестве онтологического основания квантового поведения либо объективную случайность, либо субъективную причину или своего рода свободу воли, действующую в квантовом мире.

Жизнь и сознание являются более сложными феноменами и их невозможно редуцировать к механическим и физическим причинам, хотя эта точка зрения и доминирует в современных физикалистских теориях. Мы полагаем, что как раз на квантовом уровне реальности механические движения нужно рассматривать как элементарные процессы жизнедеятельности квантовых субъектов с элементами разума (или точнее – интеллекта). Таким образом, появляется надежда решить две неразрешимые в традиционной парадигме задачи – подвести единые онтологические основания под квантовую теорию и науку о жизни и сознании.

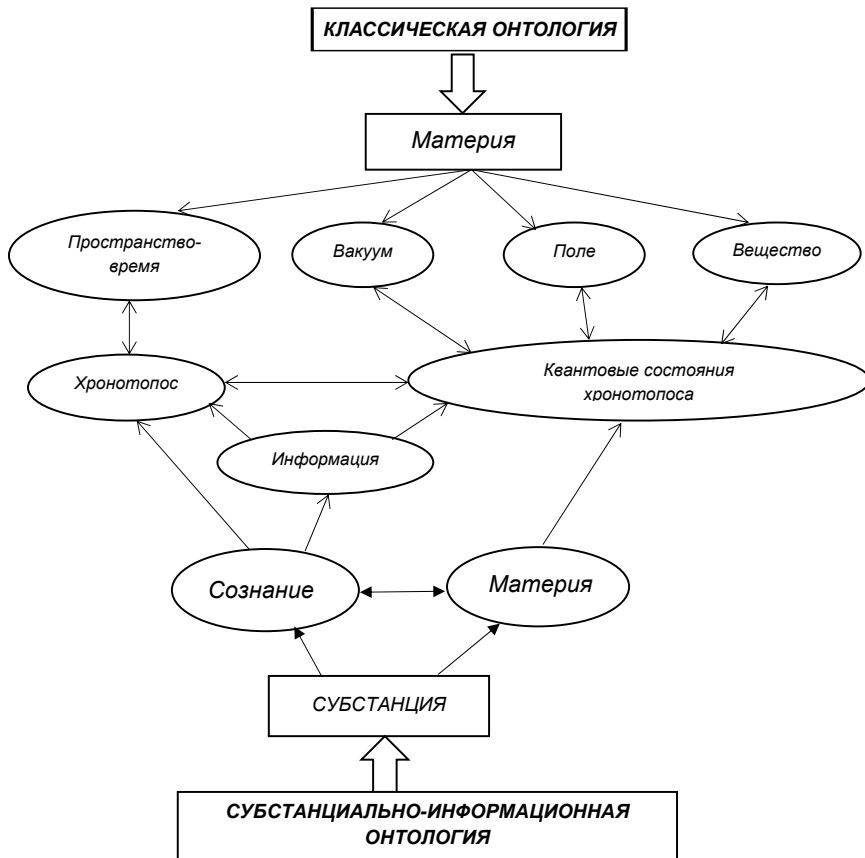
Это означает, что мы должны начинать построение онтологии с такого элементарного уровня, на каком еще нет фундаментального разрыва между феноменами жизни, сознания и механическими движениями, который наблюдается на макроскопическом уровне реальности. Но если на данном уровне мы имеем три относительно автономные предметные области, традиционно изучаемые отдельными естественнонаучными дисциплинами – физикой, биологией и психологией, то на квантовом уровне такое жесткое разделение, по всей видимости, уже невозможно без утраты целостности. Выходом из этой тупиковой ситуации, когда дисциплинарные методы анализа уже не работают, будет, как мы полагаем, создание новой единой онтологии на основе трансдисциплинарного синтеза, органически включающего в себя квантовую физику, квантовую биологию и квантовую психологию.

Но понятия квантовой биологии и квантовой психологии означают все же междисциплинарную методологию, когда квантовые подходы внедряются в традиционную сферу биологии и психологии. В нашем же случае трансдисциплинарной стратегии более точным будет обозначение этих научных направлений, изучающих целостный квантовый мир, как квантовая теория жизни и квантовая теория сознания. При этом понимание жизни и сознания мы будем толковать в более расширительном смысле, выходящем за пределы способа существования белковых тел и особенностей человеческой психики.

Это значит, что элементарное понятие жизни и сознания мы вводим при описании начальных условий существования квантовых объектов, так же как и понятие элементарного физического тела. Таким образом, мы должны построить некоторую идеальную модель квантового субъекта-объекта, имеющего собственное физическое тело, которое функционирует и воспроизводится в результате собственной жизнедеятельности и обладает собственным элементарным сознанием, задающим и регулирующим его квантовое поведение.

Методологический принцип соответствия в обосновании и развитии новой онтологии

Руководящим методологическим принципом в построении новой онтологии является принцип соответствия, особенности которого представлены на рисунке.

Выполнение принципа соответствия между классической и субстанциально-информационной онтологией

На этом рисунке показана схема построения новой онтологии при условии соблюдения принципа соответствия. Это означает, что система базовых понятий классической онтологии заменяется новым онтологическим базисом. Например, понятию материи, которое объединяет в себе такие эмпирически наблюдаемые физические сущности, как вещество, поле и вакуум, соответствует понятие квантовых состояний хронотопоса. В этот же класс можно внести также темную материю и энергию, природу которых мы пока не знаем, но получаем возможность объяснить на новых онтологических основаниях.

Понятию пространства-времени в нашей схеме соответствует понятие хронотопоса. Но если в классической онтологии пространство-время понималось как форма существования материи или как универсальное вместилище эмпирически наблюдаемых явлений, то соответствующее ему понятие хронотопоса означает универсальную форму существования информации или фундаментальный носитель и проводник информации и распространяется, таким

образом, как на объективный физический мир, так и на субъективный мир психики.

Кроме этих понятий, которые соответствуют прежней онтологии, мы вводим принципиально новое – информацию, и придаем ей относительно независимый онтологический статус наряду с другими базовыми понятиями. Исходя из этого, мы получаем возможность выйти за пределы чисто физической картины мира в сферу психики, соблюдая при этом соответствие физической онтологии. И если классическая онтология основывалась на принципе материального единства мира, то в новой онтологии таким основополагающим принципом является принцип субстанциального монизма, что также говорит о логическом соответствии двух онтологий.

Современные «теории всего» строятся, в соответствии с классической онтологией, на чисто физических началах, и в их основании нет места понятиям жизни и сознания. Эти феномены возникают, согласно философии диалектического материализма, в процессе эволюции материи как проявление более высоких форм движения. Таким образом, жизнь сводится к биологической форме, а сознание – к психической форме движения материи. При этом сознание понимается как высшая форма движения материи и возникает в процессе эволюции вместе с его носителем – человеком.

Известный марксистский философ И. Земан, например, определял сознание как «особую форму движения наиболее высоко организованной материи – человеческого мозга» [10, с. 183]. Современный российский философ А. И. Яковлев считает, что сознание – это «функция того нейронного тока, той нейронной энергии, возникающей в результате движения ионов и других частиц по нерву и в нейронах мозга» [11, с. 52].

Мы полагаем, что такие надежды на понимание природы сознания на основе сугубо материалистической онтологии элементарных частиц не оправданны. Это связано прежде всего с тем, что у нас нет квантовой онтологии. Современная квантовая теория очень хорошо описывает индетерминистическое поведение квантовых частиц, но не может объяснить, почему они себя так ведут. Дело в том, что в классической механике причина, которая детерминирует движение, полагалась всегда внешней и связывалась с воздействием другого тела. Здесь же (в квантовом мире) речь идет, скорее всего, о внутренней активности квантовых частиц, природу которой невозможно объяснить на основе представлений о мертвой инертной материи, лишенной собственной активности.

В субстанциально-информационной онтологии любые внешние движения и взаимопревращения элементарных частиц (субстанциальных деятелей), регистрируемые физическими приборами, объясняются как результат внутренней интеллектуальной деятельности этих квантовых объектов, определяемой как «способность генерировать, передавать, воспринимать и перерабатывать информацию» [12, с. 132], которую невозможно зарегистрировать эмпирически.

Согласно нашей гипотезе о квантовой природе сознания, собственное субъективное Я сосредоточено в монаде, которая представляет собой квантовый субъект и нелокально связана с физическим телом и мозгом [13]. Мы развиваем, таким образом, учение Г.-В. Лейбница о монадах как о простейших индивидуальных субстанциях [14]. Н. О. Лосский рассматривал простейшие монады как активные субъекты, которые он называл субстанциальными деятелями [15].

Можно сказать, что монада – это трансцендентная по отношению к телу, невещественная часть человеческого Я, в структуру которой входит несколько уровней подсознания, сознания и сверхсознания, что соответствует общепринятой терминологии, выработанной в психологии [11, с. 62]. Но в отличие от физикалистского подхода, редуцирующего структуру и динамику сознания к структурной и функциональной организации мозга, мы считаем, что материальный носитель человеческого разума мозг – это своего рода органический компьютер, способный воспринимать и обрабатывать информацию, поступающую из субстанциального и трансцендентного по отношению к вещественному уровню организации мира. А на такую роль глубинного субстанциального уровня, формирующего макроскопическую реальность классического мира, представленную в нашем сознании, как раз и претендует квантовый мир.

К аналогичному выводу о невещественной природе сознания пришел еще 30 лет назад А. К. Манеев в своей гипотезе о биопсиполе¹. Мы считаем, что эти идеи белорусского философа и одного из представителей русского космизма имеют непреходящее значение. В связи с этим и наше исследование можно рассматривать как развитие целостного видения мира в нераздельном единстве материи, жизни и сознания. Но источник этого единства, с нашей точки зрения, находится на более глубоком, субстанциальном уровне, по отношению к которому и вещество, и биопсиполе, и даже само пространство-время возникают как вторичная, производная структура.

Заключение

В статье была выявлена принципиальная ограниченность классической онтологии не только в поиске и обосновании физической «теории всего», но и в объяснении природы жизни и сознания. В основание новой онтологии был положен принцип субстанциального монизма. Даны существенно переработанные по сравнению с предыдущими версиями определения базовых понятий субстанции и информации и введено новое понятие хронотопоса, обобщающее понятие пространства-времени на область физического и психического.

¹ Работу А. К. Манеева «Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека», где излагается данная гипотеза, см. в данном издании на с. 44–56.

Одним из условий достоверности в построении новой онтологии явилось соблюдение принципа соответствия с классической онтологией в формулировке базовых понятий и в качестве методологического принципа программы исследований в этом направлении. В дальнейших исследованиях мы будем руководствоваться также методом генетического построения теории, который включает в себя диалектические принципы раздвоения единого и восхождения от абстрактного к конкретному.

Список использованных источников

1. Спасков, А. Н. Природа и структура времени: в поисках новой онтологии / А. Н. Спасков // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 190–204.
2. Василий Великий, свт. Беседы на Шестоднев / святитель Василий Великий. – М. : Синодсисъ, 2020. – 240 с.
3. Барроу, Д. Новые теории всего / Д. Барроу ; пер. с англ. П. А. Самсонова. – Минск : Поппури, 2012. – 368 с. : ил.
4. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1998. – 1072 с.
5. Wheeler, J. A. Perspectives : The Universe as Home for Man : Puzzles Attached to Consciousness, the Quantum Principle, and How the Universe Came into Being Suggest that the Greatest Discoveries are Yet to Come / J. A. Wheeler // Amer. Scientist. – 1974. – Vol. 62, № 6. – P. 683–691.
6. Cramer, J. The Transactional Interpretation of Quantum Mechanics / J. Cramer // Rev. Modern Physics. – 1986. – № 58. – P. 647–688.
7. Массер, Д. Нелокальность: Феномен, меняющий представление о пространстве и времени, и его значение для черных дыр, Большого взрыва и теорий всего : пер. с англ. / Джорж Массер. – М. : Альпина нон-фикшн, 2018. – 360 с.
8. Бабосов, Е. М. Антропный принцип в контексте глобального эволюционизма / Е. М. Бабосов, А. Н. Спасков // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 6. – С. 7–20.
9. Бруно, Дж. О причине, начале и едином / Дж. Бруно // Диалоги / Дж. Бруно. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. – С. 163–293.
10. Земан, И. Познание и информация / И. Земан. – М. : Прогресс, 1966. – 256 с.
11. Яковлев, А. И. Материальность сознания / А. И. Яковлев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2011. – 261 с. – (Научная мысль).
12. Спасков, А. Н. Философия и физика на пути к окончательной теории / А. Н. Спасков, О. А. Козина // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 124–137.
13. Спасков, А. Н. Субстанциально-информационная модель квантового субъекта / А. Н. Спасков, А. О. Карасевич // Постнеклассический дискурс: пути развития философии и методологии науки : материалы XIII Междунар. Пригожинских чтений (14 сентября 2016 г. – 26 янв. 2017 г. – 2 июня 2017 г., г. Одесса) / Одесск. нац. мед. ун-т [и др.] ; ред. колл.: д-р филос. наук В. Б. Ханжи (отв. ред.) [и др.]. – Одесса : Печатный дом, 2017. – С. 222–232. – (Труды Одесского отделения Украинского синергетического общества).
14. Лейбниц, Г. В. Монадология / Г. В. Лейбниц // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1982. – Т. 1. – С. 413–429.
15. Лосский, Н. Ценность и бытие / Н. Лосский. – Paris : YMCA-press, 1931. – 136 с.

И. Е. Прись

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ БЕЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Целью статьи является анализ понятия научных данных с точки зрения различных подходов, в частности перспективизма. На наш взгляд, перспективизм совмещает в себе достоинства репрезентационализма и реляционизма и одновременно устраняет некоторые их недостатки. Мы, однако, полагаем, что следует сделать дополнительный шаг в направлении контекстуального реализма. В рамках этой позиции мы выявляем точный смысл понятия эмпирических данных, эксплицируя логику его реального употребления. Мы приходим к выводу, что эмпирические данные не несут теоретической нагрузки в том смысле, в котором это предполагала пост-позитивистская традиция.

Ключевые слова: *данные, явление, очевидность, наблюдение, теоретическая нагрузка, репрезентационализм, реляционизм, перспективизм, контекстуальный реализм*

I. Pris

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

EMPIRICAL DATA WITHOUT THEORETICAL LOAD

The goal of the paper is to analyse the notion of a scientific data from the point of view of different approaches, in particular, perspectivism. In our view, perspectivism combines the advantages of representationalism and relationism and, at the same time, eliminates their shortcomings. However, we believe that one should take one more step and embrace contextual realism. Within contextual realism, we clarify the notion of empirical data, by making explicit the logic of its real use. We conclude that the empirical data are not theory-laden in the post-positivist tradition sense.

Keywords: *data, phenomenon, evidence, observation, theory-ladenness, representationalism, relationism, perspectivism, contextual realism*

Введение

В 2010-е годы философы науки обозначили новую тенденцию в развитии научного знания, которая была охарактеризована как знание, «направляемое данными» или, скорее, «центрированное на данных». Речь идет о научных эмпирических данных и, в частности, «больших данных», производимых благодаря современной вычислительной технике [1]. Если во времена до цифровой революции сначала строилась теория, которая пыталась понять «внешний мир» наиболее полным образом и которая затем проверялась на опыте/экспе-

рименте, то сейчас зачастую сначала накапливается большой массив эмпирической информации в некоторой области исследования, а затем выдвигаются гипотезы, строятся модели, теории, позволяющие понять, объяснить эти данные и на их основе сделать новые предсказания. Такой подход выглядит скорее эмпирическим или даже инструменталистским. На самом деле он хорошо вписывается в новую научную парадигму, предложенную некоторыми философами науки, в том числе и нами [2]. Речь идет о неметафизическом подходе к изучению мира, отрицающем существование предопределенной реальности объектов, их свойств и отношений между ними и принимающем во внимание контекстуальность познания и онтологии. Наша точка зрения, которая основывается, в частности, на философии позднего Л. Витгенштейна и работах французского философа Ж. Бенуа, с которыми она имеет много общего, называется «контекстуальный реализм» [2–4]. Определенные объекты, – а объекты не могут не быть определенными; при этом мы трактуем понятие объекта в широком смысле как то, что имеет идентичность (реальный объект) или как сам принцип идентичности/идентификации («идеальный объект»), – возникают лишь в контексте, в рамках той или иной перспективы, точки зрения, а также формы жизни как наиболее общего контекста со своими нормами/правилами исследования в результате употребления подходящих языковых, концептуальных и теоретических средств для их идентификации. Это значит, что не существует некоей глубинной, скрытой от нас и осмысленной в себе внешней метафизической реальности, которую априорная теория может «угадать», и которая затем может быть подтверждена на опыте [2]. Подлинная теория, в отличие от спекулятивной псевдо-теории, вырабатывается на опыте/эксперименте и укоренена в нем. Она имеет реальные условия своей применимости, которые могут быть выявлены. Реальность такова, какова она есть. Она первична. Теория вторична. Это справедливо для любой области исследования, чьей целью является истина, знание. М. Битболь вообще призывает отвергнуть западную философскую традицию, согласно которой «сами вещи», их подлинная глубинная суть, познаваемые наукой, скрываются за поверхностной и обманчивой видимостью явлений. Квантовая механика вступает в противоречие с этой традицией и лучше всего может быть понята в рамках постклассической концепции научного знания как формализованного знания-как, отвергающей дуализм субъекта и объекта познания и репрезентационализм [5]. Также и для Л. Витгенштейна «нет ничего скрытого» [3, § 435]. В этом же направлении, как нам представляется, указывает и «когнитивный инструментализм» Д.-П. Роуботтома, делающий акцент на эмпирическом наблюдении [6]. Применительно к квантовой механике мы предложили вернуться к инструментализму, скорректированному в рамках контекстуального реализма [7]. Наша «контекстуальная “демократизация” квантовой механики» – коррекция реляционной квантовой механики К. Ровелли [8]. В общем случае для нас научная теория – укорененная в парадигматических случаях своего

применения, то есть в опыте/эксперименте (реальности), «витгенштейновское правило/норма» (далее: в-правило). Измеряя реальность в соответствующей области исследования, теория как в-правило идентифицирует реальные (эмпирические) объекты в рамках языковых игр своего применения, которые позволяют говорить о явлениях: реальный объект дается, является в рамках корректного применения в-правила [2]. Такие явления – то, что Н. Бор называл «опытом» [7]. Это концептуализированный, то есть идентифицированный/описанный при помощи концептов, теории опыт – наблюдаемые данные. Неконцептуализированный опыт, с которым мы имеем дело до построения теории, просто часть реальности как таковой [2]¹.

Репрезентационализм, реляционизм, перспективизм

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что понятие эмпирических данных играет первостепенную роль. К сожалению, это понятие в философии науки либо было употреблено как нечто само собой разумеющееся, либо определено неточно, либо основывалось на ложных метафизических предпосылках и, в частности, ложной концепции реальности. Понятия «явление» и «очевидность», тесно связанные с понятием «данные», имеют те же недостатки. Как следствие в философии науки возник метафизический спор между репрезентационалистами и реляционистами [9]. Первые утверждали, что данные – представление явления (вообще говоря скрытого) – «сигнал» о явлении-источнике, между которым и данными имеется причинная связь, а вторые – что данные играют чисто функциональную роль очевидности, зависящей от выбора теории, метода, области исследования, интересов и целей исследователя и т. д. Репрезентационалисты абсолютизировали данные и явления [10–12]. Для них автономные (абсолютные) данные соответствовали автономным (абсолютным) явлениям. С одной стороны, это делало данные стабильными. Они также могли использоваться в качестве очевидности независимо от области исследования и выбора метода исследования или теории. С другой стороны, зависимость данных от эпистемического и практического контекста была полностью утеряна. Всякое влияние субъекта, как и влияние неучтенных внешних факторов, было отнесено к «шуму»². Реляционисты, напротив, релятиви-

¹ Уточним, что речь не идет о двух разных опытах, а о том, что всякий опыт в принципе концептуализируем. Концептуализированный опыт – тот же самый опыт, к которому применены соответствующие концепты. Концептуализация по определению позволяет выявить содержание опыта, который сам по себе бессодержателен, но она не преобразует его.

² Для репрезентационалиста Дж. Вудворда «феномены... относительно стабильные и общие черты мира, являющиеся потенциальными объектами объяснения и предсказания общей теории» [11, р. 393]. (См. также [12].) Феномен – причина данных, а данные, соответственно, его причинное следствие. При этом информация о феномене может быть недоступна, то есть ученые могут не иметь средств, чтобы извлечь ее из имеющихся данных. Зависимость самой причинной связи от контекста во внимание не принимается. Также полностью игнорируется нормативное измерение понятия «феномен».

зировали данные и радикализировали зависимость от контекста, игнорируя при этом репрезентационалистское эмпирическое измерение данных [1]. Не только стабильность данных, но и их идентичность оказались под угрозой. В рамках реляционизма неясно, каким образом данные могут играть роль очевидности. Ф. Якоби предложил срединный путь, пытаясь совместить достоинства обеих крайних точек зрения и одновременно устранить их недостатки. Для него данные – регистрация информации о событиях, объектах, процессах и т. д. [9]. Подход Ф. Якоби имеет сходства с нашим контекстуальным реализмом. В то же время, как всякий «срединный» путь, он имеет свои недостатки, так как более точное решение проблемы не конструктивное, а терапевтическое, устраняющее ложные посылки и предпосылки (зачастую общие: репрезентационализм, реляционизм и перспективизм, – явно или неявно предполагают метафизическую концепцию научного реализма), из-за которых и возникают проблемы и парадоксы. Другими словами, наш контекстуальный и в то же время реалистический подход, не отвергающий «хорошую» (подчиненную правилам) метафизику и, в частности, признающий познаваемость самих вещей, принимает во внимание логику употребляемых понятий «данное», «явление», «очевидность» и др. Выяснение этой логики становится возможным лишь в рамках правильной реалистической концепции.

На самом деле история философии, особенно история метафизики и феноменологии, полна концептуальных смешений, так что наличие таковых как бы является визитной карточкой «любви к мудрости». Как показал Ж. Бенуа, понятие «явление» после Платона и Аристотеля вплоть до нашего времени подверглось деформациям, усечениям и (в феноменологии XX века) абсолютизации и натурализации [13]. Это, очевидно, не могло не сказаться на связанных с ним понятиях «эмпирические данные» и «данное». В философии XX века эволюция понятия «данные» также показательна. Для логических эмпиристов существуют автономные, не зависящие от теории, языка, концептуальных схем непосредственные (самоочевидные) эмпирические данные органов чувств – *sense-data*. «Миф о данном» был отвергнут В. Селларсом и другими философами. Для постпозитивистов, в частности для К. Поппера, Н.-Р. Хэнсона, Т. Куна, П. Фейерабенда и других, не существует чистых эмпирических данных; наблюдение и данные с необходимостью несут теоретическую нагрузку в зависимости от употребляемых языка, концептов, теории [14]. Понятие теоретической нагрузки может быть понято по-разному (о трех версиях этого понятия у Т. Куна см. [15], а также см. [16; 17]). Господствующая идея, однако, состояла в том, что у нас нет или даже не может быть доступа к эмпирическим данным как таковым (и, следовательно, к самим вещам) и выражающему эти данные языку как таковому: язык, наблюдение и данные не самостоятельны, а их идентичность переменна, в известной мере конструируется лингвистически, концептуально или теоретически. С этой идеалистической

точки зрения данные – результат субъект-объект (язык/концепты/теория-наблюдения/данные/очевидность) корреляций, за рамки которых невозможно выйти или даже нет смысла выходить.

С точки зрения нашего контекстуального реализма, представляющего собой умеренно дефляционистский подход, понятие теоретической нагрузки наблюдения, данных или языка возникает в результате смешения категорий реального и идеального. Эмпирические данные – данные о реальных объектах (явлениях). Теория, нормы, концепты, а также сами данные как информация/регистрация (а не объект исследования, применения теории) идеальны; они предназначены схватывать реальные объекты в понимании, познании. Они не вносят вклада в идентичность наблюдаемого, данного и, соответственно, в данные (о данном), а выражают, описывают, идентифицируют данное или данные (если сами данные становятся объектом рассмотрения) и, таким образом, выражают, описывают, идентифицируют реальные объекты. Они – инструмент идентификации данного и данных (как объекта рассмотрения) в контексте, поскольку всякая идентификация возможна лишь в контексте; она возможна лишь в результате применения концептов, вынесения суждений, которые по своей природе контекстуальны. До своей осмысленной регистрации нет и не может быть никаких определенных, в том числе и потенциальных, данных. Доброкачественное понимание теоретической нагруженности языка, наблюдения, очевидности и данных может быть лишь такое: данное и данные (о данном) не предопределены; мы не можем и даже не имеем смысла мыслить их – то же самое можно сказать об очевидности, явлении и самих вещах – если мы не применяем (в контексте) соответствующие средства для их идентификации, выражения, то есть не мыслим их. Эта тавтология содержательна, поскольку – против абсолютистского/метафизического репрезентационализма – она указывает на бессмысленность понятия осмысленных в себе данных, осмысленного в себе абсолютного (автономного) данного, самоочевидной очевидности. В то же время она отвергает релятивистскую позицию по отношению к данным, согласно которой данные (то есть в некотором неопределенном смысле одни и те же данные) в зависимости от точки зрения (выбора теории или области исследования) могут играть роль той или иной очевидности, как это утверждает реляционизм. Контекстуальность данных – это также принцип их общности (нормативность и концептуальность есть там, где есть контекст, и наоборот), а не партикуляризм.

Недостатки реляционизма

Реляционизм не разделяет с репрезентационализмом представление о стабильности данных. С. Леонелли выделяет три стадии оперирования биологическими данными: данные-очевидность, возникающие в исходном контексте; деконтекстуализированная база данных; данные-очевидность, возникающие

в новом контексте: «При переходе из исходного контекста производства к базе данных и от нее – в новый контекст исследования биологические данные являются чем угодно, но не стабильными объектами» [1, р. 5]. Согласно реляционистской позиции С. Леонелли данные можно привести в движение, транспортировать и употреблять. Для этого они должны быть форматированы, классифицированы, организованы при помощи метаданных и сохранены для более позднего употребления. Бессмысленно абстрактно спрашивать о том, какие объекты являются данными сами по себе, поскольку данные идентифицируются в терминах их функции в соответствии с той ролью, которую они играют в рамках конкретного процесса исследования. Реляционность подхода означает, что данные не имеют смысла безотносительно к контексту, в котором они используются. Данные как очевидность возникают в рамках того или иного процесса исследования.

Создается впечатление, что для С. Леонелли сама база данных не данные. База данных – это, скорее, то, что она называет «объектом» – понятие, которое, на наш взгляд, у нее плохо определено. Для С. Леонелли всякий объект может быть рассмотрен как данное (*datum*) постольку, поскольку (1) он трактуется как потенциальная очевидность для одного или более утверждений о феноменах, и (2) его можно перемещать (циркулировать) между индивидуумами. Совокупность данных не просто приобретает или теряет некоторые свои свойства или характеристики, когда их употребляют или когда меняется их материальная форма; данные в действительности перестают быть данными или становятся другими данными.

Таким образом, для С. Леонелли совокупность зарегистрированных на материальном носителе «данных» (которые сами по себе еще не данные как очевидность, а просто база данных) – очевидность, если эти объекты функционируют как очевидность и эта совокупность может быть транспортирована. То есть данные определяются в соответствии с их функционированием в качестве потенциальной очевидности и в силу их «физической формы».

В отличие от С. Леонелли, мы приписываем базе данных минимальную идентичность, которая затем может конкретизироваться в результате ее употребления в разных контекстах, производя при этом разные данные-очевидности, которые в общем случае суть данные-очевидности о разных феноменах. Если для реляциониста физическая форма определяет инвариант, который может по-разному употребляться в разных контекстах и, соответственно, приобретать статус той или иной очевидности, то для нас природа материального субстрата не важна, а важен его принцип (норма). Поэтому для нас «физическая форма» в смысле реляциониста имеет некоторую минимальную идентичность. Мы согласны с Ф. Якоби, что для идентификации данных недостаточно их употребления-как-очевидности и что материальность данных не существенна для установления их очевидности. В самом деле, если нет никако-

го инварианта, который употребляется, а просто набор очевидностей в разных контекстах, между которыми нет никакой связи, то невозможно определить идентичность данных-очевидностей. При незначительном изменении контекста остается неясным, имеем ли мы дело с новыми данными-очевидностями или же с теми самыми данными-очевидностями. Важна, так сказать, «форма» материальности, которая и определяет идентичность данных, а не сама материальность.

Данные

Итак, что же такое «данные» и чем они отличаются от «данного»? Что такое наблюдение, явление и очевидность? Мы уже имплицитно частично определили все эти понятия и установили, что между ними имеется тесная связь. «Данное» – это то, что дается, является в рамках явления, то есть это реальный объект в широком смысле – данное эмпирическое. И наоборот: термин «эмпирические данные» можно понимать как указывающий на данное (в рамках явления), то есть реальный эмпирический объект. Его можно также понимать как указывающий на регистрацию этого данного на том или ином материальном носителе (бумаге, компьютерном диске и т. д.). Эти два смысла термина «данные» – данные как реальный объект и данные как регистрация реального объекта, – очевидно, неразделимы и подразумевают друг друга: нет данного без возможности своей регистрации и нет регистрации данных в отсутствие реального (в общем случае потенциального, необязательно актуального) данного. Сама процедура регистрации подразумевает употребление инструментов наблюдения/регистрации. Инструменты должны быть подходящими, то есть предназначенными для регистрации соответствующих данных, и сама их конструкция и их применение должны основываться на устоявшейся (проверенной) теории. Если теория находится на стадии своего становления, то есть еще не может считаться истинной, знанием, она не может быть использована для проектирования и конструирования инструментов наблюдения или наблюдения данных, которые ее «подтверждают». «Проверка» такой теории предполагала бы проверку положений, которые принимаются заранее. Это как раз тот самый случай, когда «эмпирические» данные конструируются, оказываются теоретически нагруженными, то есть, по сути, фальсифицируются.

Применение инструментария неотделимо от применения соответствующей теории, концептов, языка, что подразумевает ответственность наблюдателя/экспериментатора за свои суждения, которые всегда контекстуальны. Информация о наблюдаемом объекте может регистрироваться на носителе вместе с метаданными, описывающими контекст наблюдения, но в этом не всегда есть необходимость. Представление само по себе – изолированные, вы-

рванные из контекста данные – без способа своего употребления не позволяют представить конкретный объект. Такие деконтекстуализированные данные все же сохраняют некоторую минимальную идентичность, то есть отсылают к чему-то реальному. Поэтому они могут быть употреблены в разных (новых) контекстах. В результате возникают новые данные-очевидности в зависимости от выбора контекста, то есть области исследования, метода, теории и т. д. Эти новые, более конкретные данные могут быть несовместимыми. С нашей точки зрения, они указывают на реальные контекстуальные объекты. Это как раз та самая вариабельность, которую на своем языке пытается выразить реляционист. При этом реляционистские проблемы идентичности и нестабильности данных исчезают: в своем контексте данные всегда остаются теми же самыми данными. Отметим, что идентичность данных и их стабильность – взаимосвязанные понятия (например, Ф. Якоби их различает [9]). Если мы знаем, что представляют собой данные, то есть способны отождествлять «те же самые» данные, то и проблема стабильности не возникнет: стабильность – это неизменность, инвариантность, или, говоря иначе, существование принципа идентификации – «идеального объекта» (нормы, концепты, определения), позволяющего идентифицировать реальный объект. Под «нестабильностью» можно также понимать излишнюю чувствительность к контексту. На самом деле такая гиперчувствительность имела бы своим следствием невозможность точно сказать, когда речь идет о том же самом объекте, а когда уже следует принять во внимание изменение самого контекста. То есть, по сути, и в этом случае проблема стабильности сводится к проблеме идентичности и, как мы показали, к проблеме точного определения понятий, выяснению их логики (или, как теперь принято говорить, следуя Л. Витгенштейну, их «грамматики»).

Логика явления («феномена»), в рамках которого нечто дается (наблюдается), была установлена Платоном. Он открыл, что всякое явление имеет нормативную структуру, то есть предполагает различие между видимостью и реальностью. Говоря современным языком, явление предполагает (истинное или ложное) суждение в соответствии с нормой (правилами, концептами), которое делает субъект, наблюдающий явление. Аристотель развил понятие явления. Его категории как раз и позволяют выразить логику явления. Для Аристотеля явление является кому-то, в некоторый момент времени, некоторым образом и при некоторых условиях [13].

Применительно к нашей теме это значит, что не имеет смысла говорить о неких автономных явных или скрытых явлениях, между которыми и данными имеется причинная связь, как это делают репрезентационалисты. Данные действительно что-то представляют, но они представляют это в контексте: само явление контекстуально, не автономно, а вместе со своей нормой укоренено в превосходящей его реальности, которая играет роль почвы для него.

Это также значит, что реляционистская зависимость данных-очевидностей от контекста не радикальна. В частности, одни и те же данные могут быть сохранены на разных материальных носителях и играть роль одной и той же очевидности (одним и тем же данным могут также соответствовать разные метаданные).

В рамках своего срединного подхода, ссылаясь на перспективистский реализм Р. Гиере и других авторов, Ф. Якоби вводит понятие перспективы [9; 18]. Данные перспективны, так как не существует бесперспективных данных, говорит он. Мы всегда наблюдаем и регистрируем данные с той или иной точки зрения, в рамках той или иной перспективы. Наше перцептивное восприятие мира перспективно. Употребление некоторого инструмента или некоторой теории – употребление определенной перспективы. Перспективизм идет рука об руку с контекстуализмом. Выбор перспективы – выбор контекста. Между тем перспективистский реализм имеет репрезентационное измерение: это реализм, делающий утверждения относительно объектов внешнего мира. Ф. Якоби также делает акцент на том, что наблюдение и регистрация данных требует ответственного суждения, которое нормативно (мы решаем, что важно, а что нет, что заслуживает внимания, регистрации, а что нет). Таким образом, перспективизм во многом позволяет устранить недостатки репрезентационализма и реляционизма и имеет общие черты с контекстуальным реализмом.

Несмотря на симпатию к точке зрения Ф. Якоби, мы полагаем, что она имеет свои недостатки. Это недостатки перспективизма как такового. Перспективизм предполагает осмысленность метафизического (научного) реализма, который он подправляет конструктивистски, вводя дополнительное понятие перспективы, неверно понимаемое им по образу и подобию перспективы перцептивной или геометрической. Перспективизм Р. Гиере апеллирует к перспективистским представлениям и моделям, оставаясь тем самым в рамках репрезентационализма модерна. В результате перспективизм вырождается либо в релятивизм (реальность зависит от выбора перспективы), либо в корреляционизм: перспектива оказывается как бы частичным экраном между нами и реальностью; она преграждает доступ к самим вещам, к эмпирическим данным как таковым¹. Последние оказываются перспективно нагруженными – другая ипостась теоретической нагрузки.

На самом деле перспективы не следует ни игнорировать, как это делает метафизический реализм, ни субстанциализировать, или, так сказать, нормализовать, как это делает, например, Х. Патнэм в рамках своего «внутреннего

¹ Мы согласны с Ж. Бенуа, что «нет “конечности” в перспективистском смысле, изобретенном представителями модерна – всякое знание абсолютно; в противном случае оно не было бы знанием» [19, р. 52]. Парадигматический пример объективности без перспективы (и «без объекта») в смысле философии модерна дает квантовая механика [20].

реализма» [21] и (в меньшей мере) сам перспективизм. С точки зрения нашего контекстуального реализма, выбор перспективы – это выбор концепта, теории, языка, концептуальной схемы¹. Поэтому не существует бесперспективного мышления, суждения, наблюдения, регистрации данных. Понятие перспективы в этом смысле просто оказывается излишним. Говорить о перспективе – просто напоминать очевидное: по определению мы не можем мыслить «неконцептуально» в отсутствие инструментов мышления, а значит, и самой мысли. Эмпирические данные, если они корректным образом зарегистрированы, таковы, каковы они есть в своей определенности. Они не несут в себе теоретической или перспективистской нагрузки. Они «перспективны» лишь в тавтологическом смысле самого своего существования.

Эмпирические данные и феноменологическое данное

Существует очевидная связь между неверным употреблением понятия «данные» в философии науки и понятием «данное» в феноменологии. Феноменологическое понятие *данного* как «явления» в смысле «чистой видимости» не имеет смысла, так как видимость не может быть автономной («чистой»), а предполагает реальность, которой она соответствует или нет. «Данное» не следует употреблять и для обозначения неопределенного фрагмента реальности, так как чистая фактивность по определению не дана; она просто есть, или мы ее просто имеем. Неверно также полагать, как это делает феноменология, что существует автономное «голое», или «чистое», данное, которое невозможно выразить при помощи языка (концептов, теории) по той причине, что язык/теория якобы играет роль интерпретационного экрана между нами и данным, искажает или теоретически грузит данное [4, р. 193]. «Неинтерпретированное», «голое» данное, не предполагающее какую-либо точку зрения на него, – не требующая концептов для своей демонстрации фикция. В обыденном и научном языках «данное» означает определенное данное, то есть предполагает свою идентификацию – истинную или ложную (если данные ошибочны) – и, следовательно, употребление концептов (правил, норм). Другими словами, данное, как мы уже говорили в предыдущих разделах, – концептуализированный фрагмент реальности (см. сноску 1 на с. 78). Субъект выбирает подходящие нормы, способы концептуализации, формирования данного и одновременно несет ответственность за этот выбор и за корректную идентификацию данного в соответствии с этим выбором, что предполагает риск. Эти право и ответственность субъект не должен перекладывать на кого-то другого (интерпретатора) под предлогом, что он не хочет исказить дан-

¹ Для Ф. Якоби зависимость «данных» от теории слабая. Зато они сильно зависят от перспективы. Мы отвергаем различие между теорией и перспективой. Для нас теория – тоже перспектива.

ное. При этом конфликт с другими субъектами может оказаться неизбежным. Риск не только в том, что идентификация данного в соответствии с некоторой нормой может быть ошибочной (ошибку достаточно легко можно устранить и прийти к общему согласию), но и в том, что другой субъект может отвергнуть твою норму и, соответственно, не признать твоё данное/данные (которое есть данное (данные) лишь при условии принятия соответствующей нормы) за данное/данные. Он может ответственно выбрать другой способ функционирования, другие нормы и, следовательно, идентифицировать другое данное (и данные). Такое разногласие рационально трудноразрешимо. Реляционист, акцентирующий внимание на чисто функциональном аспекте данных, употребляемых в качестве той или иной очевидности в рамках той или иной точки зрения, недостаточно ответственен, что ведет к релятивизму. К противоположной крайности догматического репрезентационализма, отвергающего контекстуальность и, как следствие, саму реальность (а вместе с этим и нормативность – недостаток, который репрезентационалист разделяет с реляционистом), приводит принятие в качестве данного лишь данное, концептуализированное тем или иным образом, в соответствии с некоторой фиксированной нормой. Другие нормы, другие виды концептуализации данного отвергаются. За реальность принимается лишь та или иная объективированная и фиксированная раз и навсегда реальность.

Неправильное понимание понятия данного и, соответственно, понятия данных может привести, с одной стороны, к абсолютизации данного, которое рассматривается как в некотором смысле самоочевидный фундамент (при этом, как уже было сказано, о нормативном измерении всякого данного (данных) и, следовательно, возможности ошибки (иллюзии) забывают), а с другой – к субстанциализации нормы, то есть превращению ее в «идеальное данное», трансцендентный субстанциальный идеал, который не может быть дан, но в то же время как бы дан в своей трансцендентности и с которым сравнивается действительное данное и, соответственно, действительные данные. В известном смысле норма (правило, концепт) первична, то есть предшествует данному, и относится, как мы уже отметили, к категории идеального, а данное вторично и относится к категории реального – это применение нормы. Данное предполагает, что есть нечто по ту его сторону – реальность, в которой оно укоренено и которая его питает. Но это не означает, что данное неполно, как если бы имело смысл говорить о некотором более полном данном (и, соответственно, данных), чем всякое действительно данное (данные).

Заключение

Перспективизм как «срединный путь» определения понятия научных данных совмещает в себе достоинства репрезентационализма и реляционизма и одновременно устраняет некоторые недостатки этих крайних позиций. В то

же время все три позиции в той или иной мере разделяют между собой общую метафизическую концепцию реальности традиционного научного реализма. Мы утверждаем, что от этой концепции необходимо отказаться. Перспективисту следует сделать дополнительный шаг в направлении контекстуального реализма. В рамках последнего понятия явления (феномена), данного и эмпирических данных, очевидности, теоретической нагруженности хорошо определены. Мы утверждаем, что подлинные эмпирические данные не несут теоретической нагрузки в том смысле, в котором это предполагала постпозитивистская традиция. О теоретической нагрузке данных можно говорить лишь в том смысле, что для идентификации и регистрации данного требуются соответствующие средства идентификации: язык, концептуальный аппарат, теория, инструмент измерения и т. д.

Список использованных источников

1. Leonelli, S. *Data-Centric Biology: A Philosophical Study* / S. Leonelli. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 2016. – 288 p.
2. Прись, И. Е. Контекстуальность онтологии и современная физика / И. Е. Прись. – М. : Алетей, 2020. – 345 с.
3. Wittgenstein, L. *Philosophical Investigations* / L. Wittgenstein ; transl. by G. E. M. Anscombe. – Oxford : Blackwell, 2001. – VIII, 250 p.
4. Benoist, J. *L'adresse du reel* / J. Benoist. – Paris : Vrin, 2017. – 376 p.
5. Bitbol, M. A phenomenological ontology for physics: Merleau-Ponty and QBism / M. Bitbol // *Phenomenological approaches to physics* / eds.: H. A. Wilsche, P. Berghofer. – Springer, 2020. – P. 227–242.
6. Rowbottom, D. P. *The instrument of science: Scientific Anti-Realism Revitalised* / D. P. Rowbottom. – Abingdon : Routledge, 2019. – 228 p.
7. Прись, И. Е. О контекстуальной «демократизации» копенгагенской интерпретации квантовой механики / И. Е. Прись // *Второй Международный конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо»* : сб. ст. / ред.: И. Т. Касавин, Л. В. Шиповалова. – М. : РОИФН, 2020. – Т. 1. – С. 128–131.
8. Rovelli, C. *Relational quantum mechanics* / C. Rovelli // *Int. J. Theor. Phys.* – 1996. – Vol. 35, № 8. – P. 1637–1678.
9. Jacoby, F. *Data and perspectivism* [Electronic resource] / F. Jacoby // *Synthese*. – 2020. – Mode of access: <http://philsci-archive.pitt.edu/17690/> – Date of access: 29.11.2020.
10. Bogen, J. *Saving the phenomena* / J. Bogen, J. Woodward // *Philos. Rev.* – 1988. – Vol. 97, № 3. – P. 303–352.
11. Woodward, J. *Data and phenomena* / J. Woodward // *Synthese*. – 1989. – Vol. 79. – P. 393–472.
12. Woodward, J. *Data and Phenomena: A Restatement and a Defense* / J. Woodward // *Synthese*. – 2011. – Vol. 182. – P. 165–179.
13. Benoist, J. *Logique du phénomène* / J. Benoist. – Paris : Hermann, 2016. – 224 p.
14. Hanson, N. R. *Patterns of discovery* / N. R. Hanson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1958. – IX, 241 p.
15. Bogen, J. *Theory and observation in science* [Electronic resource] / J. Bogen // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. – 2017. – Mode of access: <https://plato.stanford.edu/entries/science-theory-observation/>

16. Schindler, S. Theory-laden experimentation / S. Schindler // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A.* – 2013. – Vol. 44, № 1. – P. 89–101.
17. Basu, P. K. Theory-ladenness of evidence: a case study from history of chemistry / P. K. Basu // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A.* – 2003. – Vol. 34, № 2. – P. 351–368.
18. Giere, R. N. An agent-based conception of models and scientific representation / R. N. Giere // *Synthese.* – 2010. – Vol. 172, № 2. – P. 269–281.
19. Benoist, J. De l'apparence à l'écho / J. Benoist // *Le volume collectif issu du colloque à la Philharmonie 'L'Echo du réel' (Mimesis).* – 2021. – P. 51–63.
20. Benoist, J. Objectivité sans perspective [Electronic resource] / J. Benoist // *Rivista di Filosofia Neo-Scolastica.* – 2020. – Vol. CXII, № 3. – Mode of access: <https://filosofianeoscolastica.vitaepensiero.it/>
21. Putnam, H. Two philosophical perspectives / H. Putnam // *Reason, truth and history.* – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1981. – P. 49.

А. О. Карасевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МОДЕЛИРОВАНИЕ В ФИЛОСОФСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ПСИХИКИ*

В статье рассмотрена графическая модель синтеза знаний о психике. С помощью данной модели продемонстрированы философские взгляды Аристотеля и И. Канта на психику. Модель знания о психике по Аристотелю является структурной, поскольку описывает составляющие части психики, модель по И. Канту – функциональной, так как представляет динамику психических процессов.

Ключевые слова: психика, сознание, моделирование психических процессов, Аристотель, И. Кант

A. Karasevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MODELING IN THE PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF PSYCHE

The article discusses a graphical model of the synthesis of knowledge about the psyche. Using this model, philosophical views of Aristotle and I. Kant about psyche are demonstrated. The model of knowledge about psyche according to Aristotle is structural, since it describes the constituent parts of psyche, the model according to I. Kant is functional, as it represents the dynamics of psychic processes.

Keywords: psyche, consciousness, modeling of psychic processes, Aristotle, I. Kant

Психика является сложной реальностью для изучения, поскольку она нематериальна и в ее исследовании нельзя полностью опираться на естественнонаучную позитивистскую методологию. Психика каждого человека субъективна, и только в выражении в социальном мире она приобретает свою объективность и возможность изучения. Вероятно, самым продуктивным методом в исследовании психики является метод моделирования, поскольку с помощью него можно обозначить структуру и динамику психики, взаимосвязь ее элементов в контексте деятельности субъекта, а также в контексте организма и окружающего мира – социального и природного. Не стоит также забывать, что психику и сознание описывают многие сотни научных школ, которые имеют свои взгляды на природу психического, нередко противоречащие друг

¹ Статья написана при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г20МС-031).

другу. Следовательно, наиболее продуктивной моделью, демонстрирующей научное знание о психике, будет та, которая сможет показать на своем методологическом пространстве все разнообразие научных воззрений на внутренний мир человека. В данной работе мы предложим авторскую модель синтеза знаний о психике.

В двумерной реализации данной модели психика ставится в центр изучения, а внешнее пространство обозначает окружающий индивида мир. Находящаяся в центре модели динамическая психика – это актуальное психическое наполнение индивида в определенный момент времени, второй слой – это стационарная психика, то есть большой пласт потенциального психического содержания, который находится в данный момент времени в неактивном состоянии, причем этой частью психики индивид обладает всегда, даже когда спит. Сюда можно отнести незадействованные в данный момент времени знания, убеждения, ценности, мировоззрение, жизненный опыт, особенности характера, воспоминания и многие другие компоненты стационарной психики. Внешний слой модели обозначает организм и организменную деятельность (поведение) (рис. 1, фрагмент А). Динамическая (активная) и стационарная (потенциальная) части психики имеют под собой физиологическое основание – нервную систему и, в частности, головной мозг, работу которого схематично можно обозначить в дополнительных иллюстративных фрагментах.

Двумерные слои, описывающие психику и деятельность в контексте окружающего мира, можно выстроить в ряд – так мы сможем продемонстрировать динамику всех составных частей модели, при этом каждый слой будет соответствовать определенному моменту времени – к примеру, t_1 , t_2 и t_3 (рис. 1, фрагмент Б). Для удобства и упрощения моделирования мы объединяем временные слои и получаем трехмерную динамичную модель синтеза знаний о психике (рис. 1, фрагмент В). Модель синтеза знаний о психике объединяет в себе психику (динамическую и стационарную), организм (и его деятельность) и окружающий индивида мир, при этом центральное место занимает именно психика. Важной составляющей модели является потребностно-целевой фрейм как описательное методологическое пространство, которое включает в себя временной промежуток психической деятельности между любым психическим содержанием («потребностью»), инициирующим данную деятельность, и содержанием («целью»), ее приостанавливающим или прекращающим. «Потребность» в контексте модели подразумевает многие понятия различных парадигм, служащие для обозначения активизирующей деятельность психической силы, обусловленной работой нервной системы. Потребностно-целевой фрейм – пространство для отображения динамики психических процессов. Сама же модель разворачивается в заданном темпоральном направлении и может быть успешно продемонстрирована в программах по 3D-моделированию. С помощью трехмерной динамичной модели синтеза знаний о психике мы можем подробно описать психические процессы, свойства и состояния в контексте

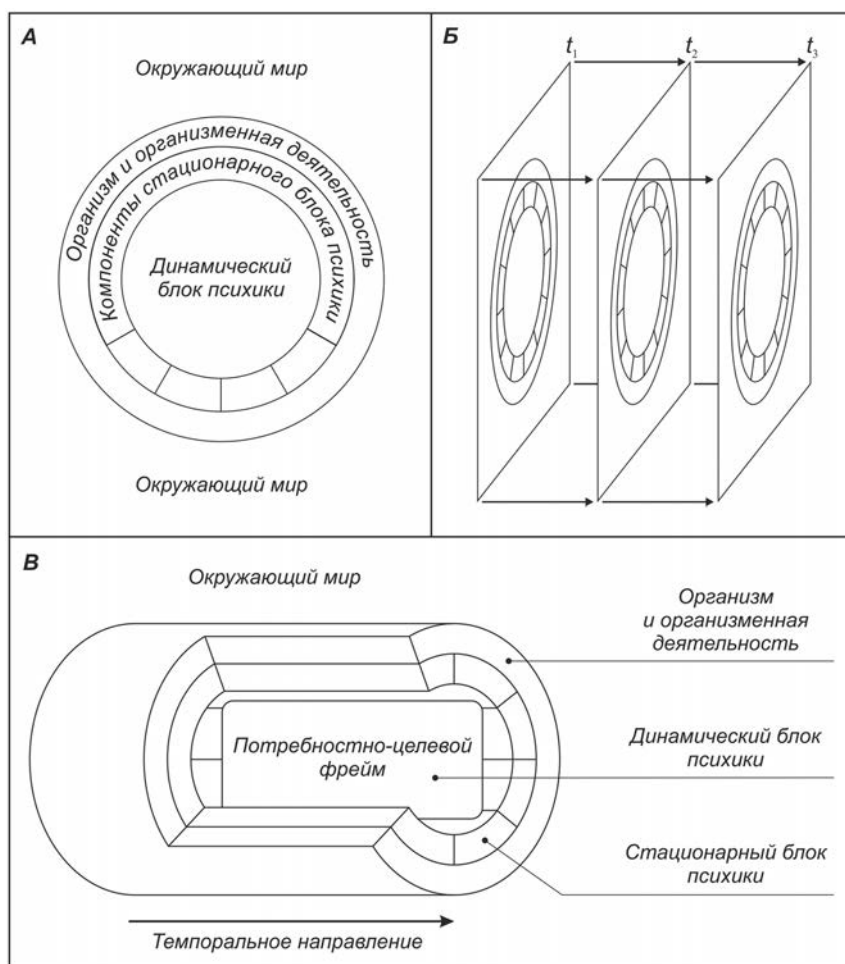

Рис. 1. Модель синтеза знаний о психике

окружающего мира, продемонстрировать детерминанты поведения и психической деятельности, взаимодействие личности с окружающим миром – социальным и природным. Модель представляет собой методологическое поле, пространство, своего рода полотно, дающее возможность презентовать в трехмерном динамичном виде знание о психике различных парадигм и интегрировать его. С помощью модели синтеза знаний о психике можно описывать работу нервной системы в контексте динамики психических процессов и деятельности индивида, что было продемонстрировано в предыдущих публикациях (например, см. [6, с. 245–246]).

Рассмотрим в контексте модели две философские системы, описывающие структуру и динамику психики, а именно идеи Аристотеля и И. Канта. Модель знания о психике по Аристотелю является структурной, поскольку

описывает составляющие части психики, модель по И. Канту – функциональной, так как демонстрирует ход психических процессов.

В труде «О душе» Аристотель дал довольно подробное для своего времени описание психики и ее структуры, а в других своих сочинениях философ углубил и расширил свои психологические идеи. Утверждая, что душа является энтелехией тела, Аристотель наделил психику значимой ролью в диаде «душа – тело». Он определил пять основных способностей души: растительную, стремления, ощущения, мышления (ума) и пространственного движения. Растительная способность сопряжена с питанием и воспроизведением, при этом «растениям присуща только растительная способность, другим существам – и эта способность, и способность ощущения; и если способность ощущения, то и способность стремления» [1, с. 399]. Философ уделил большое внимание описанию ощущений и сообразному своему времени объяснению их появления. Аристотель обозначил пять основных чувств (ощущений): зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Воображение как психический процесс мыслитель описал следующим образом: «Воображение же есть нечто отличное и от ощущения, и от размышления; оно не возникает без ощущения, а без воображения невозможно никакое составление суждений» [1, с. 430]. При этом он отметил, что воображение связано с образами: «...если воображение есть то, благодаря чему у нас возникает, как говорится, образ, притом образ не в переносном смысле, то оно есть одна из тех способностей или свойств, благодаря которым мы различаем, находим истину или заблуждаемся» [1, с. 430]. Также в своем труде Аристотель приводит описание мышления в его связи с представлениями, которые заменяют ему (мышлению) ощущения, сам же данный процесс состоит из деятельности представления и составления суждений. По мнению философа, мышление может быть «правильным и неправильным: правильное – это разумение, познание и истинное мнение, неправильное – противоположное им», при этом «всякому мнению сопутствует вера, а вере – убеждение, убеждению же – разумное основание», мнение же основывается на умозаключении [1, с. 430–431, 445].

Кроме этого, Аристотель определил мотивационную составляющую души. Так, он рассматривал стремление как желание, страсть и волю, причем «в разумной части души зарождается воля, а в не основывающейся на разуме – желание и страсть» [1, с. 441]. Каждое стремление имеет цель, а само стремление и ум, размышляющий о цели, побуждают тело к пространственному движению. В трактате «Тописка» древнегреческий мыслитель затронул процесс памяти, выделив в нем динамический (память как процесс) и потенциальный (память как знание) компоненты. В трактате «О памяти» («О памяти и воспоминании») философ показал разделение памяти на первичное схватывание, возвращение к воспоминанию (удержание в памяти) и припоминание [4, с. 145], тем самым предвосхитив современные исследования в области кратковременной памяти. В «Никомаховой этике» Аристотель выделил в душе страсти,

способности и устои: «Страстями, [или переживаниями], я называю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь (philia), ненависть, тоску, зависть, жалость – вообще [все], чему сопутствуют удовольствия или страдания. Способности – это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, [или склад души], – это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями, например гневом»; при этом устои являются добродетелями [3, с. 84]. Таким образом, Аристотель не только перечислил основные эмоции, но и описал нравственные составляющие психики.

В «Большой этике» мыслитель выделил в душе обладающую разумом часть, в которую включил «разумность, пронизательность, мудрость, способность к научению, память и тому подобное», и внеразумную часть, куда вошли добродетели справедливости, благоразумия, мужества «и другие черты нрава, вызывающие одобрение» [3, с. 304–305]. При этом «ни одна добродетель внеразумной части души не возникает в нас от природы» [3, с. 306], – так Аристотель определил важность воспитания личности, которое включает в себя усвоение социально одобряемых моделей поведения, знаний и опыта. Также в «Большой этике» Аристотель более подробно раскрыл свое понимание эмоций, выделив в душе «движения чувств, предрасположенности и состояния» и описав их следующим образом: «Движения чувств – это гнев, страх, ненависть, вожделение, зависть, жалость и все подобное, чему обычно сопутствуют огорчение и удовольствие. Предрасположенности – это то, в силу чего мы зовемся способными испытывать движения чувств, т. е. то, благодаря чему мы в силах гневаться, огорчаться, жалеть и т. д. Состояния – это то, соответственно чему наше отношение к движениям чувств бывает хорошим или плохим» [3, с. 306]. В сочинении «Категории» Аристотель разделил качества и состояния человека: качества свойственны с рождения, а состояния временны и зачастую обусловлены внешними обстоятельствами. Так Аристотель предвосхитил многие психологические концепции, описывающие важность для психической деятельности ситуации и окружения индивида, в частности – теорию поля К. Левина [7]. В целом Аристотель в своих трудах довольно подробно описал основные психические процессы – ощущения, мышление, воображение, память и эмоции, а кроме того философ рассмотрел мотивационный и личностно-нравственный компоненты психики.

Воззрения Аристотеля на душу в контексте модели синтеза знания о психике представлены на рис. 2. Можно видеть, что аристотелевское описание психики довольно подробно, включает основные психические процессы, а также те психические составляющие, которые мы относим к стационарной психике, – это нравы человека, его качества, знания, память и другие психические компоненты, присутствующие у человека в неактивном, потенциальном состоянии в любой момент времени.

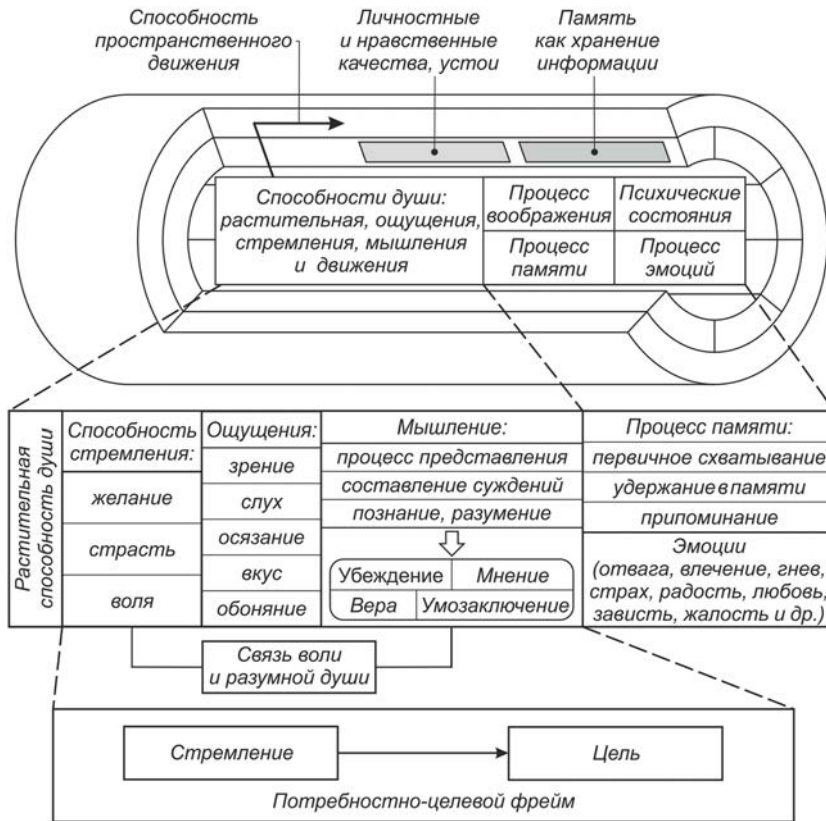

Рис. 2. Структура души по Аристотелю

Перейдем к идеям И. Канта, который в «Критике чистого разума» предложил новаторскую для своего времени схему строения психики, причем его идеи до сих пор являются актуальными и дискуссионными. Философ ограничил поле изучения, описав три части психики: *чувственность*, *рассудок* и *разум*. По мнению И. Канта, любое знание начинается в чувствах, далее переходит в рассудок и заканчивается в разуме, представляющем собой «высшую инстанцию для обработки материала наглядных представлений и для подведения его под высшее единство мышления» [5, с. 287], а такие составляющие психики, как память, эмоции и мотивационная сфера, должны изучаться психологией. Философ в своей работе описал каркас строения и процесс функционирования чувственности, рассудка и разума, а также четко разграничил априорное их содержание, которое является доопытным, и апостериорное – эмпирическое и связанное с опытом. И. Кант называет опытом «первый продукт, производимый рассудком, когда он обрабатывает грубый материал ощущений» [5, с. 52]. На возникающий в психике опыт влияют априорные знания, которые вносят связь в появляющиеся чувственные представления, при этом

если из этих представлений убрать все принадлежащее чувствам, то останутся «первоначальные понятия и происходящие из них суждения, которые должны были возникнуть совершенно а priori, независимо от опыта, так как благодаря им мы можем или по крайней мере думаем, что можем, сказать о предметах, являющихся чувствам» [5, с. 52].

Немецкий мыслитель так писал о связи чувственности и рассудка: «Существует два ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из общего, но неизвестного нам корня, именно чувственность и рассудок», при этом «посредством чувственности предметы нам даются, и только она снабжает нас наглядными представлениями, но мыслятся предметы посредством рассудка, и из рассудка возникают понятия» [5, с. 70–71, 75]. Под чувственностью И. Кант понимал способность души получать представления извне вследствие того, что предметы действуют на психику и именно в ней даны каждому человеку. Таким образом, вещи в себе, находящиеся в окружающем индивида мире, воздействуют на его органы чувств, вследствие чего происходит их восприятие. Процесс воздействия вещей в себе на сознание философ назвал *аффицированием*.

Восприимчивость психики к объектам окружающего мира и способность воспринимать представления являются чувственностью. И. Кант красноречиво описывает важность слаженной работы чувственности и рассудка: «Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один не был бы мыслим. Мысли без содержания пусты, а наглядные представления без понятий слепы... Рассудок не может ничего наглядно представлять, а чувства не могут ничего мыслить. Только из соединения их может возникнуть знание» [5, с. 102].

Под явлениями философ понимал «вещи, которые мы принимаем за предметы наших чувств» [5, с. 87]. В явлении И. Кант выделяет материю и форму. Апостериорная материя явлений соответствует ощущениям, а благодаря априорной форме, которая всегда находится в психике и предшествует эмпирическому опыту, ощущения явлений приводятся в порядок «в известных отношениях» [5, с. 75–76]. Данная чистая форма чувственности, «в которой наглядно представляется в известных отношениях все многообразное содержание явлений», называется мыслителем чистым наглядным представлением [5, с. 76].

Соединение находящегося в наглядном представлении многообразия в одно эмпирическое наглядное представление осуществляется посредством *синтеза аппрегензии* (синтеза воображения), благодаря чему становится возможным восприятие данного многообразия. Синтез многообразия в явлении осуществляется сообразно априорным формам, а также представлениям пространства и темпоральной последовательности впечатлений. По И. Канту, процесс аппрегендирования, связанный с восприятием впечатлений, является первым этапом процесса воображения, в ходе которого происходит соединение многообразия наглядного представления в один образ.

Интересны воззрения немецкого мыслителя на пространство и время. С точки зрения И. Канта, пространство является не эмпирическим понятием, а необходимым априорным представлением, лежащим в основе всех внешних явлений и их наглядных представлений. Пространство не зависит от явлений, а, напротив, является условием возможности явлений: «Никоим образом нельзя себе представить, что пространства нет, между тем как нетрудно мыслить, что в нем нет никаких предметов» [5, с. 78]. Таким образом, пространство является формой явлений внешних чувств и субъективным условием чувственности, дающим нам возможность структурировать внешние наглядные представления. По И. Канту, время, как и пространство, по сути не эмпирическое понятие, а необходимое априорное представление, лежащее в основе всех наглядных представлений и создающее темпоральную последовательность в психике. В свою очередь окружающая человека природа является не вещью в себе, а совокупностью явлений, группой представлений в психике, а кроме того индивид сам задает законосообразность природы. И. Кант утверждает: «Хотя мысль, что сам рассудок есть источник законов природы и, следовательно, формального единства ее, кажется нелепой и преувеличенной, тем не менее она совершенно верна и вполне соответствует [исследуемому нами] предмету, именно опыту» [5, с. 146].

По мнению философа, в психике существует три источника знания, посредством которых возможно получение опыта и познание его предметов, – это чувство, способность воображения и апперцепция. Чувственность дает сознанию эмпирический материал, а посредством синтеза аппергензии происходит формирование целостного эмпирического представления. О своем понимании процесса воображения И. Кант высказывался следующим образом: «Что воображение есть необходимая составная часть самого восприятия, об этом, конечно, не думал еще ни один психолог. Это происходит отчасти вследствие того, что эту способность ограничивают только деятельностью воспроизведения, а отчасти вследствие того, что предполагают, будто чувства не только дают нам впечатления, но даже и соединяют их и производят образы предметов, между тем как для этого, без сомнения, кроме восприимчивости к впечатлениям, требуется еще нечто, именно функция синтеза впечатлений» [5, с. 143]. Процесс воображения в психологическом понимании начинается в рассудке и связан с психическими процессами представления образов и памяти.

Под эмпирической апперцепцией (или внутренним чувством) И. Кант понимал сознание себя, своего Я в восприятии – сознание, носящее эмпирический и изменчивый характер, обусловленный тем, что «в этом потоке внутренних явлений не может быть никакой устойчивой и пребывающей самости» [5, с. 138]. В то же время под трансцендентальной апперцепцией философ подразумевал чистое первоначальное неизменное сознание, единство которого «предшествует всем данным наглядных представлений и в отношении к которому лишь возможно всякое представление о предметах», а без этого един-

ства «для нас невозможны никакие знания, никакое сочетание и единство их» [5, с. 138].

Появление знания в рассудке сопряжено с действием категорий, которые объединяют и систематизируют эмпирический опыт. Категории – это «понятия, а priori предписывающие законы явлениям, т. е. природе как совокупности всех явлений» [5, с. 168]. И. Кант указывает четыре вида категорий:

- количества: единство, множество, всеобщность;
- качества: реальность, отрицание, ограничение;
- отношения: принадлежность и самостоятельность, причинность и зависимость (причина и действие), общение (взаимодействие между действующим и страдающим);
- модальности: возможность – невозможность, существование – несуществование, необходимость – случайность.

Связующим звеном между эмпирическим психическим материалом и категориями являются схемы рассудка – посредствующие чистые неэмпирические представления, которые, с одной стороны, интеллектуальны и связаны с категориями, а с другой – чувственны и связаны с явлениями и находящимися в них предметами. Использование рассудком данных схем называется схематизмом. И. Кант так описал различия категорий и схем: «Категории в их чистом значении, без всяких условий чувственности, должны иметь отношение к вещам вообще, как они существуют, между тем как схемы представляют вещи только так, как они являются» [5, с. 182].

Рассудок в системе философа выступает как способность суждения и деятельность по их формированию. Само же суждение «есть опосредствованное знание о предмете, т. е. представление о представлении предмета» [5, с. 112]. Суждения выполняют функции объединения представлений, и «в них для познания предмета, вместо непосредственного представления применяется более общее представление, содержащее под собой и непосредственное представление, и многие другие, и таким образом многие возможные знания соединяются вместе» [5, с. 112].

Разум, по И. Канту, – это «способность умозаключать, т. е. строить суждение опосредствованным путем». При этом «разум, производя умозаключения, старается свести огромное многообразие знаний рассудка к наименьшему числу принципов (общих условий) и таким образом достигнуть высшего единства знаний рассудка» [5, с. 306, 291]. Идеи чистого разума являются предельными понятиями, для которых не может быть дан точный эмпирический предмет.

Основы концепции И. Канта изображены на рис. 3, причем с помощью данного моделирования можно проследить «эволюцию» эмпирического психического материала от ощущений до процесса мышления, связать идеи немецкого философа с современными психологическими теориями и идеями представителей философии сознания. В описанной И. Кантом структуре души

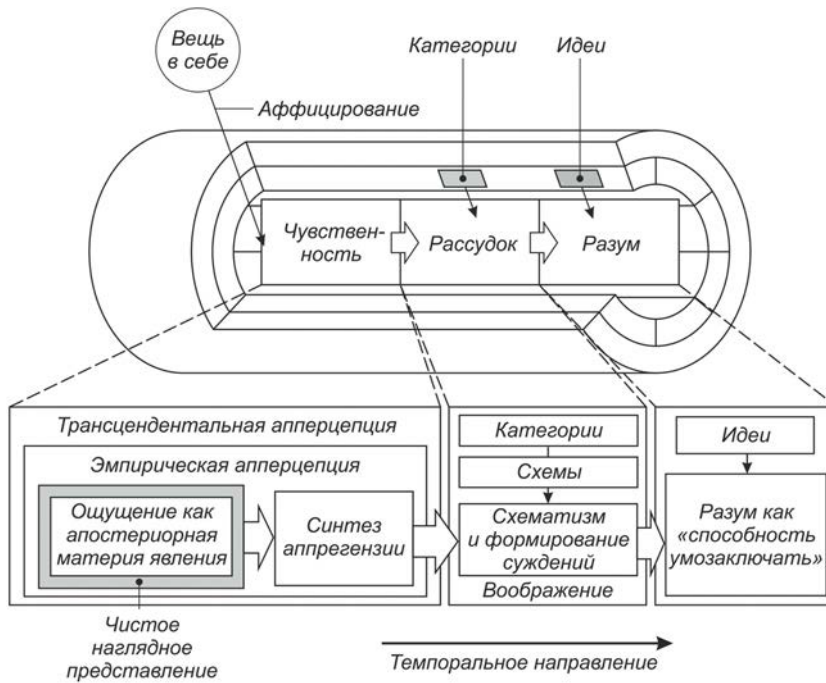

Рис. 3. Структура чувственности, рассудка и разума по И. Канту

можно выделить чистую ее составляющую (априорную) – по сути, это каркас психики, и эмпирическую (апостериорную) – это психический материал, который движется в заданном каркасом направлении.

В данной статье мы рассмотрели воззрения Аристотеля и И. Канта на психику. Постигая внутренний мир человека, эти величайшие философы ввели в круг своих исследований ряд важнейших вопросов, изучением которых по сей день активно занимаются философия сознания, психология и нейробиология. С помощью рассмотренной в статье модели синтеза знаний о психике можно продемонстрировать теории восприятия, мышления, памяти, воображения, эмоций, внимания и других процессов психики и ее стационарных составляющих, а также личностных свойств человека. Наиболее интересно и продуктивно для изучения рассмотрение философских воззрений на психику, начиная с древности, в контексте современных теорий, что способствует взаимообогащению классических и современных направлений в изучении внутреннего мира человека. Также можно предположить, что теория о психике – это зачастую описание исследователем своего личного сознания и особенностей его строения и функционирования, поэтому каждая научная теория о психике является важным «кирпичиком» в общем «здании» знаний о психике, и рассмотрение каждой подобной теории, особенно в межпарадигмальном ключе, обогащает методологию исследования психической реальности.

Список использованных источников

1. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; ред. В. Ф. Асмус. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; ред. З. Н. Микеладзе. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.
3. Аристотель. Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; ред. А. И. Доватура. – М. : Мысль, 1983. – Т. 4. – 830 с.
4. Аристотель. Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Аристотель ; пер. на рус. Е. В. Алымовой. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. – 183 с.
5. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. – М. : Наука, 1999. – 655 с.
6. Карасевич, А. О. Антропный принцип в контексте деятельностного подхода / А. О. Карасевич // Филос. исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 237–249.
7. Левин, К. Динамическая психология : избр. тр. / К. Левин. – М. : Смысл, 2001. – 572 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ РАЗРАБОТОК НАЦИОНАЛЬНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ: ОТ ПРОШЛОГО ЧЕРЕЗ НАСТОЯЩЕЕ К БУДУЩЕМУ

Социально-философская проблематика занимает важное место в научных исследованиях Института философии Национальной академии наук Беларуси с даты его основания, то есть с 1931 г.

Разработки философов в 1930-х – начале 1940-х годов, наряду с исследованиями экономистов, призваны были выступать в качестве теоретической основы социальной практики – построения общества нового типа, исключаящую какую-либо эксплуатацию человека человеком. Философская дисциплина, которая исследовала социум, официально называлась историческим материализмом. В ее проблемном поле своими фундаментальными методологическими основаниями и теоретическим уровнем выделялись печатные труды первого директора Института академика С. Я. Вольфсона, посвященные исследованию социальной структуры общества, семьи и брака, межнациональных отношений (тему межнациональных отношений разрабатывал также И. М. Ильюшин). Особое место в опубликованных в Минске и Москве трудах белорусского ученого занимали вопросы критики фашистской идеологии – определялись ее теоретические источники, социальная база и идеологическая направленность. Теоретические разработки С. Я. Вольфсона сыграли важную роль в формировании сугубо негативной мировоззренческой позиции советских людей по отношению к идеологии фашизма.

Исследование социально-философской тематики было продолжено белорусскими учеными в послевоенные годы. Их усилия фокусировались на проблеме построения гуманного общества. Академик К. П. Буслов, доктора философских наук В. И. Бовш, А. И. Головнев, В. И. Горбач, А. И. Савастюк и другие в своих трудах раскрывали объективные предпосылки и движущие силы социалистической революции, роль субъективного фактора в революционном процессе, методы и формы подготовки трудящихся масс к революции, главные силы мирового революционного процесса, формы перехода разных стран к социализму, динамику основного противоречия той эпохи – противоречия между капиталистической и социалистической системами, закономерный характер обострения идеологического, политического и экономического противоборства двух социальных систем, роль международного коммунистического движения. Философы давали критическую оценку идеям социал-реформизма

и разнообразным концепциям общественного прогресса, которые отрицали закономерность социалистической революции.

В исследованиях ученых института в 1960–1980-е годы нашли отражение общие и специфические закономерности строительства социализма в СССР, особенности преобразования общественных отношений в переходный период, основные этапы изменения классовой структуры и классовых отношений общества, теория и практика преодоления противоположностей между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, коренные изменения в области межэтнических отношений, сущность и содержание изменений в политической системе советского общества, различные аспекты научно-технической революции. Полученные научные результаты излагались в научных статьях и монографиях, обсуждались на научных конференциях. Одной из дискуссионных площадок стала Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Изменение социальной структуры советского общества», которая прошла в Минске на базе Института в 1966 г.

Возможно, не все проблемы общественного развития, которые исследовали белорусские философы, осмысливались на должном теоретическом уровне, поскольку официальные партийные документы изначально задавали установку их решения и тем самым заметно сковывали мышление ученых. Основной причиной изъянов теоретического мышления той эпохи было не само учение немецких классиков, а незнание многими исследователями и политиками, принимавшими решения, подлинного К. Маркса и его диалектического метода. Тем не менее не существует убедительных аргументов отказать исследователям той эпохи в компетентности, а тем более в патриотичности. Они предупреждали советских людей о потенциальной угрозе для страны, избравшей особый путь развития.

Для более глубокого изучения общественных процессов необходимы были серьезные методологические разработки. Решением этих вопросов непосредственно занимались сотрудники отдела исторического материализма и методологических проблем социологических исследований Т. И. Адуло, М. И. Артюхин, Н. А. Барановский, С. П. Винокурова, Р. А. Смирнова, Г. Н. Соколова, С. А. Шавель и другие под руководством Е. М. Бабосова.

Геополитическими событиями планетарного масштаба – уходом с политической арены социалистического лагеря и СССР, коммунистической идеологии и советской философии, ознаменовались 1990-е годы. Все это серьезным образом отразилось на работе философов Института. Тем не менее и в тот период философские исследования проводились, хотя, возможно, не так интенсивно, как раньше. Из различных областей философии наиболее востребованными оказались работы, относящиеся к сфере социума. Преобладающей тенденцией на постсоветском пространстве и в том числе в Беларуси стало заимствование и трансляция социально-философских идей западноевропейских философов, критически направленных по отношению к марксистской философии в целом

и к историческому материализму в частности. Вместе с тем отмечалось и использование методологических наработок прошлого, в том числе теоретического наследия К. Маркса, для научного понимания и прогнозирования динамики социальных процессов.

В этом плане различные стороны переходной эпохи – динамика, перспективы и последствия для белорусской нации, раскрыты в работах Т. И. Адуло, В. И. Бовша, Л. Е. Криштаповича и других философов академического учреждения. В центре внимания ученых оказалась проблема социальной консолидации общества на том сложном этапе исторического развития: был проведен социологический и политологический анализ условий и факторов, способствующих консолидации общества; выявлены предпосылки и основные факторы формирования социальной консолидации в контексте функционирующих социально-политических и духовно-нравственных систем ценностей; обобщен мировой опыт в обеспечении социальной консолидации и раскрыты пути его адаптации к белорусско-российским реалиям. Углублено теоретическое осмысление идеологии как формы общественного сознания и специфического социального феномена, а также идеологии белорусского государства. Научные результаты отражены в монографиях Т. И. Адуло «Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия» (Минск, 2003), Т. И. Адуло, О. А. Павловской «Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ» (Минск, 2006), коллективных трудах «Социальная консолидация общества (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии)» (Москва, 2004), «Проблемы социальной консолидации общества в процессе глобализации (сравнительный анализ на материалах России и Белоруссии)» (Москва, 2005), «Белорусский путь» (Минск, 2010), «Республика Беларусь: общество, политика, экономика, люди» (Минск, 2010) и др. С 1990-х годов ученые Института в качестве методологической основы анализа социума применяли в основном цивилизационную парадигму, синергетический и другие методы. Однако и диалектический метод, и формационный подход тоже успешно использовались ими для получения новых результатов.

Позитивно сказалось на научных разработках создание в 2008 г. Центра социально-философских и антропологических исследований, который возглавляет доктор философских наук, профессор Т. И. Адуло. Под его научным руководством были успешно выполнены три проекта государственных программ научных исследований: «Человек в XXI веке: сущность бытия и интеллектуального развития» (2006–2010 гг.), «Философско-теоретический анализ социальной динамики и моделирование современных антропологических процессов, обоснование национальных приоритетов в развитии человеческого потенциала» (2011–2015 гг.), «Социально-антропологические механизмы обеспечения суверенитета и гармоничного развития Республики Беларусь в первой четверти XXI века: концептуальные основы исследования и моделирования» (2016–2020 гг.).

Научно-исследовательская работа в Центре выстраивается в русле актуальных практических задач, стоящих перед белорусским государством и обществом, с учетом необходимости прогнозирования динамики социума и выработки адекватных ответов на разнообразные вызовы современности.

Проведен анализ и выявлен когнитивный, методологический и образовательный потенциал современного социально-философского знания, предложены пути повышения его эффективности в теоретическом обеспечении стабильности общественных устоев. Сделан вывод о том, что цивилизационная парадигма, принятая многими постсоветскими философами и политиками за основу трактовки исторического процесса, и синергетика, используемая в качестве основного метода, не всегда позволяют адекватно воспроизвести в теоретической форме его объективную диалектику, а следовательно, спрогнозировать динамику социума на ближайшую перспективу.

Обращено внимание на необходимость создания системы понятий и категорий социальной философии как дисциплины, реформативной проблематики социальной философии с микро- на макропроцессы социума. Обоснована важность более системного философско-теоретического понимания механизма функционирования социума для прогнозирования общественных процессов путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического. Сделан вывод о назревшей потребности для проектирования будущего нашего государства разработки отечественной теоретической социальной мысли, выстроенной на национальной эмпирической базе (имеются в виду национальные экономические, социологические, политологические исследования), о важности создания системы понятий и категорий социальной философии как дисциплины.

Выявлены сущность и динамика социальной феномена бытия и как одной из базовых категорий философии истории, проведено теоретическое осмысление социальных коллизий современного социума. В этом плане раскрыты объективные и субъективные онтологические основания нестабильности современного мира. Показано, что объективные основания нестабильности проистекают из онтологии самих общественных процессов – атрибутивного характера социальных противоречий, вне которых развитие социального организма проблематично. Субъективные основания нестабильности общества связаны с деятельностью самих участников социальных процессов – людей, начиная с рядовых граждан и заканчивая политиками и государственными деятелями.

Проведен анализ характерных для рыночного общества основных форм отчуждения, получивших теоретическое осмысление в трудах К. Маркса. Отмечено, что осуществленный К. Марксом анализ истоков и последствий различных форм отчуждения обретает актуальность в условиях реанимирования на постсоветском пространстве института частной собственности на средства производства. Сформулирована и теоретически обоснована идея антрополо-

гических (личностных) механизмов обеспечения суверенитета и гармоничного развития белорусского государства в условиях глобализирующегося социума. Данная идея представлена как ответ на запрос государственных структур находить адекватные ответы на новые вызовы современности и выстроена на теоретико-методологической основе классической философии с использованием современных методологических разработок в области социологии и политологии.

И. И. Морозовой под углом зрения динамики социальности осуществлено философско-теоретическое осмысление трансформации института семьи, Н. Н. Куксачевым отмечена исключительная важность утверждения в современной семье сострадательного поведения на личностном уровне. Показана значимость милосердия и сострадания как факторов гармонизации общественных отношений в условиях социальной нестабильности.

Значительное внимание уделено философскому анализу различных аспектов глобальной и белорусской медиасреды. На основе исследования существующих подходов к управлению Интернетом Т. Е. Новицкой предпринята попытка обосновать наиболее адекватную модель управления национальным информационно-коммуникационным пространством новых медиа с целью преодоления имеющих место существенных рисков и угроз, связанных с его функционированием.

П. С. Петровским проведен анализ политического поведения человека, отмечена его фрагментированность, несмотря на преодоление государственных границ и создание общепланетарной возможности распространения и потребления информации. В плоскости динамики социальности проанализированы отдельные процессы глобализации, связанные с созданием наднациональных институтов, усилением влияния транснациональных корпораций и деятельностью транснациональных медиа, что нередко приводят к перераспределению функций управления и принятия решений на уровне отдельного государства, а также его регионов. Показана потенциальная угроза легитимности органов государственной власти в ряде стран в силу постепенной девальвации чувства сопричастности граждан к принятию решений, выявлены риски, обусловленные нахождением индивида в современной сетевой информационно-коммуникационной среде, и факторы усиливающейся рискогенности социальной действительности, определено влияние глобализации на изменение содержания и структуры феномена власти в эпоху кризиса государства.

Свои разработки в области теоретических проблем социума сотрудники Института представляют на различных международных научных форумах. В частности, Т. И. Адуло выступал с научными докладами на Всемирном форуме духовной культуры (Астана, 2011 г.), XXIII Всемирном философском конгрессе (Афины, 2013 г.), всероссийских философских конгрессах, международных конгрессах «Глобалистика», был приглашенным докладчиком в Волгограде, Казани, Белгороде, Кракове. Т. Е. Новицкая, П. С. Петровский, Ю. П. Середа

представили результаты своих исследований на научных конференциях в Кракове, Москве, Киеве, Санкт-Петербурге.

Сотрудники Центра неоднократно выполняли различные поручения Правительства Республики Беларусь по экспертизе рукописей и различных проектов, в том числе касающихся социально-экономического и политического курса Республики Беларусь, давали заключения на обращения граждан Беларуси.

На базе Центра организован теоретический семинар «Человек и общество в XXI столетии». Расширенные и доработанные научные доклады участников семинара опубликованы отдельным изданием «Человек и общество на рубеже тысячелетий: в поисках устойчивых оснований мироздания» (Минск, 2010).

Центр поддерживает научные связи с Институтом философии Российской академии наук, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и другими известными научно-исследовательскими центрами в области социальной философии.

Наряду с сотрудниками Центра социально-философских и антропологических исследований различные срезы общества анализируют сотрудники и других структурных подразделений Института – В. А. Белокрылова, Н. А. Кутузова, А. А. Лазаревич, В. К. Лукашевич, Э. М. Сороко и др.

Социальная философия останется востребованной и в XXI столетии. Но для того чтобы давать людям правильные ответы на волнующие их вопросы и отвечать постоянно возрастающим запросам социальной практики, она и сама должна постоянно развиваться в методологическом и теоретическом плане.

Приведенные далее в этом разделе тексты дают представление об основных этапах социально-философских исследований в Институте философии НАН Беларуси.

*Заведующий Центром социально-философских
и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор
Т. И. Адуло*

С. Я. Вольфсон

ОТ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОГО К МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОМУ ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ¹

Философия истории, как специальная отрасль науки, стремящаяся внести общие принципы в теорию исторического познания, существует относительно недавно. Отцом философии истории считают *Джамбатиста Вико*, творившего в начале XVIII в., следовательно, как научная дисциплина она существует два века. Но с отдельными попытками осмыслить ход истории, наряду с *описанием* исторических событий, дать их *объяснение*, установить те или иные принципы, которым подчиняется исторический процесс, мы встречаемся уже на заре исторической науки.

Уже со времени Геродота и Фукидида историки старались не только описывать события, но их и объяснять, вносили в свое повествование и элемент обобщения, при всем бесконечном разнообразии тех объяснений, которые они давали историческому процессу, – все эти объяснения были насквозь *идеалистическими*.

От *зависти богов* отца Геродота до *влияния среды* Тена бесконечное число концепций, помогающих пояснять и дополнять излагаемые события, настойчиво возникали в уме повествователей как естественные порождения непосредственной мысли. Классовые стремления, религиозные идеи, народные предрассудки, влияния того или иного господствовавшего философского течения, разгул воображения и желание придать художественную форму фактам, о которых имелись лишь отрывочные сведения, – все эти причины и много других способствовали образованию субстрата более или менее наивной теории событий, присущей повествованию или служащей по крайней мере для его отделки и украшения. Идет ли речь о случае или судьбе, обращаются ли к привиденциальному направлению человеческой жизни, придерживаются ли понятия или слова «случайность», говорят ли, как это теперь принято, о логике вещей, – все эти понятия были и остаются результатом и следствием наивной и непосредственной мысли, которая не в состоянии объяснить сама себе ни своего хода, ни своих концепций, будь то путем критики или посредством опыта. Стремление заполнять условными фактами (как, например, случаем) или соображениями с виду теоретического характера (как, например, роковым ходом событий, нередко принимаемым за прогресс) пробелы в нашем знакомстве со всеми обстоятельствами, которые сопровождали события

¹ Публикуется с сокращениями по: Вольфсон С. Я. Диалектический материализм. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 1929. – Ч. 1–3. – С. 235–241.

в действительности, в силу их необходимости и не заботясь о нашей воле или согласии, – это стремление заключает в себе и причину, и результат той вульгарной философии историков-повествователей, которая, будь она скрытой или явной, рассеивается, вследствие своего непосредственного характера, как только на сцену выступает *критика знания*¹.

Все события общественной жизни историческая наука до открытия материалистического понимания истории рассматривала сквозь идеалистическую призму. Но уже задолго до того, как Маркс формулировал свою теорию исторического познания, мы при общем идеалистическом направлении исторической мысли сталкиваемся с отдельными проблесками материалистического подхода к общественной жизни. Уже в эпоху зарождения торгового капитала мы находим в трудах историков разрозненные попытки объяснять исторические события причинами экономического характера, более того – рассматривать их под углом классовой борьбы.

Исторические труды знаменитого *Макиавелли* содержат в себе, правда, еще не совсем ясно выкристаллизовавшиеся элементы этого нового подхода к истории. Семнадцатый век с его ростом производительных сил толкал мысль и философов, и историков все более в сторону *экономического* объяснения общественной жизни. Творчество Гоббса и Спинозы – лучшее тому доказательство.

Революционная борьба с разложившимся феодализмом, которую повел в восемнадцатом веке народившийся капитал, властно потребовала от историков замены идеалистических представлений, рассматривавших всю эволюцию человеческого общества как результат изменений человеческого ума, реальными силами, борющимися в социальной сфере. Великая французская революция дала мощный толчок мышлению историков в пути, который привел к победе реалистической прозы над всеми комбинациями идеологического свойства. Если, примерно, борьба феодальной аристократии с городской буржуазией, происходившая в XV в. во Флоренции, внушала Макиавелли мысль о значении борьбы классов в истории, то нет ничего удивительного, что события Великой французской революции, это величественное выявление классовой борьбы, не видеть которого могли лишь слепо рожденные, должны были рассеять тот идеалистический туман, который застилал собою истинные причины исторических явлений.

Если в первые годы революции еще твердили о «*volonté général*» – о всеобщей воле народа, то вскоре стало ясным, что эта мнимая единая воля разбивается о взаимную вражду различных слоев нации – классов. Смутно брезжившее в трудах Руссо, Рейналя, Тюрго и других мыслителей дореволюционной эпохи сознание о классовом антагонизме «богатых» и «бедных» нашло мощное подтверждение в событиях Великой революции. Вот почему многие из ее

¹ Лабриола А. Исторический материализм (очерки материалистического понимания истории) / пер. А. Н. Горлина. – Пг. : ГИЗ, 1922. – С. 71.

деятели заговорили языком людей, понявших, что классовая борьба – основная пружина общественной жизни. Некоторые же из них, как, например, Жан-Поль Марат, превратили понятие классовой борьбы в отправную точку для всех рассуждений о революции.

Первые десятилетия девятнадцатого века знаменуют собой решительную победу материалистического понимания истории над идеалистическим¹. Идеалистические концепции в области истории безжалостно и беспощадно низвергались всем ходом вещей в начале девятнадцатого века.

Экономические законы, говорит об этой эпохе Лабриола, восторжествовали над всеми иллюзиями и взяли на себя руководящую роль в социальной жизни... И кому, в самом деле, не приходилось видеть, как рождались на его глазах новые пролетарии, появляясь на экономических развалинах целого ряда классов мелких собственников, малоземельных крестьян и ремесленников; кто не был в состоянии открыть новые творческие приемы, создавшие новый социальный строй, которому столько людей должны были покориться и в условиях которого они вынуждены были жить?.. Кто не видел, как новые города возникали вокруг фабрик, окружая себя поясом той безысходной нужды, которая является уже не результатом индивидуальных неудач, а условием и источником богатства?..²

Под влиянием обострившейся классовой борьбы, в эпоху Реставрации во Франции начинают крепнуть те тенденции, которые, как мы указывали выше, заметно выявились уж в годы революции, – объяснять ход истории экономическими причинами, исходить при исследовании общественной жизни из понятия классовой борьбы.

Французская историческая наука первых десятилетий прошлого века (XIX в. – *Ред.*) направляет острие своих исследований в сторону имущественных отношений, господствующих в обществе, и тем самым решительно вступает на путь материалистического понимания истории. Ее наиболее талантливые и глубокие представители *Гизо*, *Мишле*, *Огюстен Тьерри* приходят к заключению, что для понимания политического строя страны, необходимо изучать отношения социальных групп, что в имущественных взаимоотношениях

¹ Эта решительная победа, обусловленная не личным гением какого-нибудь мыслителя, а самым ходом общественной жизни, не мешала, впрочем, тому или иному носителю исторической науки продолжать оставаться на идеалистической точке. Ведь и в наши дни рискуешь столкнуться с глубокомыслящими заявлениями о том, что «причиной страданий человечества являются не учреждения, а порождающие эти учреждения воззрения», что в Китае, напр., до сих пор не обосновался капитализм «по той простой причине, что китаец любит и чтит земледельческий труд», а что «если бы те же взгляды царили в Европе, то не только бы оказалась лишней эта ужасная война, но Европа имела бы перед собою счастливую и спокойную жизнь...» (Поль Э. Машинное сердце : (из «Der Zusammenbruch des deutschen Idealismus») // Современная немецкая мысль : сб. ст. : пер. с нем. / под ред. Вл. Коссовского. Дрезден, 1921).

² Лабриола А. Исторический материализм... – С. 117.

различных социальных слоев – ключ к пониманию исторических событий. Для Гизо и Тьерри история Франции – история войны классов. Борьба между классами кончается не компромиссом между ними, а победой одного над другим. «Примирить их – химерический замысел. Привести их к соглашению было бы не менее несбыточной мечтой», – говорил Гизо. Концепция классовой борьбы была провозглашена историками задолго до Маркса, но если одни из них, как, например, Буленвилье, рассматривали эту борьбу с точки зрения интересов *дворянства*, другие, как Гизо, Минье, Тьерри, – с точки зрения *буржуазии*, то Маркс был первым, который обосновал понятие классовой борьбы с точки зрения *пролетариата*.

Выше мы видели, как философы дореволюционной Франции, став на позицию материализма, в то же время оказались бессильными дойти до конца в решении стоявших перед ними проблем, чему прежде всего мешала их метафизическая точка зрения. О то же место, о которое споткнулись философы-материалисты дореволюционной Франции, споткнулись и историки-материалисты в послереволюционной Франции. Они дошли до того, что перенесли центр тяжести своих исторических исследований в имущественные отношения, но когда они должны были объяснять происхождение самих имущественных отношений, то апеллировали к метафизическому понятию «человеческой природы». Они знали, что политические учреждения слагаются под влиянием социальных отношений, что строение общества коренится в его экономике, но когда им предстояло объяснить, *что* лежит в основе изменений самой экономики, под влиянием *чего* она изменяется и развивается, – то они беспомощно останавливались перед разрешением этого вопроса. Лишенные точки зрения развития, французские историки первых десятилетий прошлого века (XIX в. – *Ред.*) оказались не в состоянии дойти до логического вывода из своего материалистического взгляда на историю: они не открыли того *primus agens* исторического процесса, той «движущей силы движущих сил», которая была вскоре после них открыта Марксом – Энгельсом... В эпоху Маркса – Энгельса бацилла материалистического понимания истории носилась в самой социальной атмосфере Европы. Увидев и открыв эту бациллу, основоположники научного социализма, бывшие бесстрашными и до конца последовательными диалектиками, построили на основе своего открытия монистическую систему материалистического понимания истории. Эта стройная система в такой же степени разнится от расплывчатых и хромающих построений историков эпохи Реставрации, в какой марксистская теория познания от противоречивых и шатающихся концепций философов-просветителей.

На примере формулированной Марксом – Энгельсом исторической теории мы можем лишней раз убедиться в правильности того положения, которое уж мы не раз подчеркивали: творцы диалектического материализма своей системой не «выдумывали», ее не «изобретали», а слили в единый, захватывающий по гениальности своего выполнения синтез высшие достижения предшество-

вавшей им философской и исторической мысли. Развернувшиеся общественные отношения эпохи дали возможность Карлу Марксу на рубеже первой и второй половины девятнадцатого века отлить свои мысли касательно исторического процесса в ставшую классической формулу. Это классическое место, одно из самых удивительных, которые когда-либо выходили из-под пера гения, гласит:

– В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независимые отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил.

– Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

– На известной ступени своего развития, материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или – что является только юридическим выражением этого – с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов нужно всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче от идеологических форм, в которых люди сознают этот конфликт и борются с ним.

– Как мало можно судить об отдельном человеке на основании того, что он сам о себе думает, так же мало можно судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание нужно объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и общественными отношениями.

– Ни одна общественная формация не погибает прежде, чем не разовьются все производительные силы, для которых она достаточно широка, и новые, высшие производственные отношения никогда не устанавливаются прежде, чем в недрах старого общества не созреют материальные условия их существования¹.

Основную философскую проблему – отношение мышления к бытию – марксизм разрешает в том смысле, что признает единственно реальным миром –

¹ Маркс К. К Критике политической экономии. Предисловие.

мир материальный, познаваемый нашими чувствами, а идеи считает отражением этого материального мира.

Тем самым диалектический материализм устанавливает свой взгляд и на историю. Общественный процесс для него не результат эволюции идей, а продукт изменения материальных условий нашего существования.

Приведенная выше схема и есть мастерское изображение того, как марксизм мыслит эту зависимость между материальным и идеальным в сфере общественной жизни.

Литература

1. Бельтов, Н. [Плеханов, Г. В.] К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Н. Бельтов. – СПб., 1895. – Гл. II, III.
2. Плеханов, Г. В. Предисловие к русскому изданию «Манифеста Коммунистической Партии» / Г. В. Плеханов. – [Женева] : Рус. соц.-рев. б-ка, 1882.
3. Плеханов, Г. В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории / Г. В. Плеханов // *Le Devenir Sozial.* – 1895. – № 8.
4. Лабриола, А. Исторический материализм (очерки материалистического понимания истории) / А. Лабриола ; пер. А. Н. Горлина. – Пг. : ГИЗ, 1922. – Гл. II–VI.
5. Краузе, Г. Развитие понимания истории от древних греков до Карла Маркса : (пер. с нем.) / Г. Краузе. – Гомель : Западное областное издательство «Гомельский рабочий», 1925.
6. *Gesellschafts und Staatstheorie* L. B. I. – Kapitel erstes – neuntes.

К. П. Буслов

ЛИЧНОСТЬ КАК ВЫСШИЙ КРИТЕРИЙ ЦЕННОСТИ¹

Самый сложный и интересный объект познания для человека – он сам... Во всех научных словарях упоминаются термины «организм», «человек», «личность», «индивид», «индивидуальность», «индивидуализм». Все они связаны с понятием «человек» и его проявлением в разных сферах многогранной деятельности. Не раскрывая сущности приведенных терминов, обратимся к личности, которая в сравнении с понятием «человек» означает его высшую социальную значимость, включая процесс формирования сознательной деятельности человека, его социально-психологическую сущность. Личность – это человек, взятый в конкретно-исторических условиях, как член определенного социального коллектива, как субъект деятельности, общения, сознания, самосознания и мировоззрения. Человека делают личностью, замечает А. С. Спиркин, его социально-психологические особенности: ум, сила воли, наблюдательность, мотивационная сфера, социальный статус и связанные с ним установки, социальные функции, ценностные ориентации и характер мировоззрения. «До уровня личности человек поднимается лишь тогда, когда он обретает способность управлять самим собой и властвовать над своими влечениями и страстями»².

Исходя из положения К. Маркса, что сущность личности составляет «не ее абстрактная физическая природа, а ее *социальное качество*»³, марксизм-ленинизм судит о личности не на основании ее мнений о самой себе, а по делам на основе конкретного научного анализа общественных отношений, определяющих ее сознание, ее место в реальной действительности. Личность является носителем политических, правовых, производственных и моральных совокупностей. В связи с этим типология личности определяется особенностями отношений той или иной исторической эпохи. Личность в отличие от человека характеризует общественно-экономическую формацию, в которой она живет, т. е. может быть личностью рабовладельческого, феодального, капиталистического и социалистического общества.

При первобытнообщинном строе человек субъективно не был личностью, так как не осознавал субъективности своего существования, а объективно был свободным от эксплуатации и по существу являлся личностью. В рабо-

¹ Публикуется с сокращениями по: Буслов К. П. Формирование социального в человеке / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1980. – С. 35–52.

² Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – М., 1972. – С. 250.

³ Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения. – Т. 1. – С. 242.

владельческом и феодальном обществе личность выражала сущность неравенства социальных групп: раб и крепостной крестьянин в представлении господствующих классов не являлись личностью.

В экономических и идеологических условиях капитализма возникают и развиваются два типа личности – буржуазная и пролетарская. По мере разложения капиталистического строя деградирует буржуазная личность и обретает новые силы, новое содержание личность пролетарская. Возникают новые критерии в определении социалистической личности – степень сознательного единства, т. е. насколько личность осознала общественные интересы своими, какова глубина совпадения личного и общественного.

Личность как высший критерий ценности определяется ее структурой, которая понимается весьма многообразно. Основные стороны личности включают биологические особенности, социально обусловленные факторы, психические процессы, производственный опыт, диалектику сознания и самосознания, мировоззрение как ядро всей структуры личности.

Все компоненты личности, вместе взятые и каждый в отдельности, отражают определенную сторону жизнедеятельности. При определении сущности человека К. Маркс исходил из признания того, что реально существуют не какие-то общие схемы «человека вообще», а конкретные подвиды. В мире не найдешь двух совершенно одинаковых людей. Люди различаются не только внешними физическими признаками, но и особенностями психики, характером, способностями, мышлением. Людям присущи такие черты, которые объединяют их в человеческий род. Человек – родовое существо, и общечеловеческие родовые признаки являются настолько общими и существенными, что присущи каждому человеку и определяют его сущность, но не как представителя определенного класса, нации или расы, а как носителя рода человеческого.

Исходным принципом, определяющим отличие человеческого рода от всех других живых существ, является единство человека и природы. «Сама история, – писал К. Маркс, – является *действительной* частью *истории природы*»¹. Человек – это, по словам Маркса, «историческая природа», активная ее часть, наделенная жизненными созидательными силами. Через человека природа познает себя. В труде инстинктивное познание обретает характер познания активного. Органы человека и дальнейшее их развитие обуславливают создание орудий производства, методов труда.

Кроме непосредственных физических органов человека, существуют, по утверждению Маркса, общественные органы: «...*человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое ухо – иначе, чем грубое, неразвитое ухо, и т. д.»². Человеку присущи не только пять внешних чувств, но и так называемые духовное чувство, практические чувства, такие как воля и любовь.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. – С. 596.

² Там же. – С. 592.

Животное только пользуется внешней природой и изменяет ее просто в силу своего присутствия. Человек вносимыми им изменениями заставляет окружающую его среду служить своим целям, господствует над познанной природой. Этим отличает человек обязан трудом. В борьбе с природой он организует среду, накладывает на нее печать своей собственной организованности.

Биологическое и социальное в личности не изолированы одно от другого, находятся в единстве, но личность формируется только в социальном.

Советская наука, начиная от медицины и кончая политической, правовой, нравственной, художественной, философской формами общественного сознания, опровергает вульгаризацию личности. Показывая на огромном научном материале и практическом опыте важное значение биологического в структуре личности, советская наука убедительно доказывает также, что оно находится в диалектическом единстве с общественным началом, определяющим гражданский, нравственный и духовный облик личности...

Идеологи буржуазии и буржуазные ученые, воспевающие капиталистический образ жизни, выделяют в личности биологическое, животное начало и, исходя из этого, пытаются поведение личности объяснить не социальными причинами, а какими-то скрытыми, необъяснимыми силами природы. Личность, по их мнению, есть абстракция, существующая вне времени и пространства, лишенная общественной природы. Гальванизировав идеи З. Фрейда, отдельные буржуазные философы, социологи, историки доходят до абсурда, объясняя все явления природы, начиная от космоса и кончая структурой атомного ядра, взаимоотношениями двух начал – мужского и женского. Тем самым они упрощают, вульгаризируют окружающий мир, извращая даже идеи Фрейда. Представители вульгарно-гедонического направления человеческих отношений, широко культивируемого на Западе, разрывают сущность личности на биологическое и социальное начала, проводят между ними пропасть, утверждая, что личности якобы чужды социальные проблемы, что ее назначение состоит в неограниченном, необузданном удовлетворении чувственных инстинктов. Удовольствия, наслаждение, сексуальные потребности, твердят они, – основной мотив поведения личности.

Биологические особенности личности подразумевают наличие темперамента, задатков, инстинктов, простейших потребностей, играющих известную роль в человеческом общежитии. В определенных жизненных ситуациях личность проявляет порой безотчетное побуждение, объяснимое внезапным страхом, нервным стрессом, инстинктом сохранения. Инстинкт личности в противоположность инстинкту животного определяется тем, что человеческое проявление сложной цепи рефлексов обусловлено огромным количеством условнорефлекторных реакций, связанных с первой и второй сигнальными системами. Эти особенности отражают нервные процессы возбуждения и торможения.

Академик И. П. Павлов установил, что физиологическую основу психического склада человека определяет тип высшей нервной деятельности, характеризующийся силой или слабостью, уравновешенностью, подвижностью или инертностью процессов возбуждения и торможения. Это темпераменты сангвиника, флегматика, холерика и меланхолика. Они по-разному реагируют на один и тот же источник возбуждения...

Если характер, по определению К. Маркса, создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человеческими. В то же время Маркс указывал, что история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Ускорение и замедление развития зависят от «случайностей», среди которых фигурирует «и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения».

Достойное проявление темперамента личности, благородное восприятие ею острых жизненных ситуаций характеризует физическое и нравственное здоровье, оптимизм, устойчивый статус гражданина. А. С. Макаренко утверждал, что в понятие характера вкладывается все содержание личности, т. е. и характер внешних проявлений, и внутренняя убежденность, и политическое воспитание, и знания – решительно вся картина человеческой личности. Полноценный характер личности складывается, как правило, в здоровой обстановке, а характер исковерканный рождается, наоборот, в неблагоприятных условиях¹. Воспитание оказывает существенное влияние на становление характера. Окружающие условия могут развить, задержать или подавить склонности и черты той или иной личности. Когда идеи встречаются с характером, то возникают, по замечанию Гете, явления, которые «изумляют мир в течение тысячелетий»².

Биологические особенности личности характеризуются также ее страстями. К. Маркс указывал, что страсть – это энергично стремящаяся к своему предмету существенная сила человека³. Страсти являются сильными желаниями, которые одинаковым образом могут соответствовать прогрессивному направлению личности или противоречить общественному благу. Советником страстей является разум: он определяет цель жизни и освобождает личность от «мелких помыслов, мелких страстей»⁴. Касаясь страстей, желаний и стремлений людей, А. М. Горький писал, что ему люди нравятся до той поры, пока они чего-нибудь хотят, куда-нибудь идут, чего-то ищут, мучаются... «Но если они дошли до цели своей и остановились, тут они уже неинтересны!»⁵.

Развитие социалистического общества, его расцвет неизбежно влекут за собой и развитие конкретной личности, воспитание нового, целеустремленного

¹ Макаренко А. С. Сочинения. – Т. 5. – С. 114 ; Его же. Книга для родителей. – М., 1956. – С. 80.

² Гете В. Избранные афоризмы и мысли. – СПб., 1903. – С. 28.

³ Подготовительные работы для «Святого семейства». – М., 1929. – Т. III. – С. 644.

⁴ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. – М., 1948. – Т. 2. – С. 96.

⁵ Горький М. Собр. соч. : в 30 т. – М., 1949. – Т. 2. – С. 495.

и убежденного человека. Общество развитого социализма настойчиво стремится к тому, чтобы качества, биологические особенности личности развивались в соответствии с общественным формированием, чтобы важнейшие естественные черты (темперамент, страсти, желания и стремления) разумно дополняли становление социального в человеке...

В структуру личности входят сознание и самосознание. Сознание является субъективным условием ориентации личности в окружающем мире, в то время как самосознание направлено на постижение собственного «я». Основная особенность самосознания, по определению А. Г. Спиркина, состоит в том, что оно ориентировано на осмысление личностью своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения в обществе. Если сознание есть знание о другом, то самосознание – знание человека о самом себе¹, связанное со способностью взглянуть на себя со стороны.

Самосознанию личности присущи отличительные особенности: противопоставление личности другому человеку, самоконтроль сознания, самоисследование, самопознание своих поступков. В круг самосознания личности входит ее отношение к международным событиям, к буржуазному образу жизни, явлениям современного революционного процесса. Через самовыражение личности наиболее ярко проявляются ее идеалы.

В процессе самопознания личность анализирует не только отношения других людей к важнейшим явлениям жизнедеятельности, сопоставляет их со своими поступками, но, главным образом, создает определенную систему личного отношения, например, к обществу, классу, трудовому коллективу, своей профессии, своему положению на производстве, в кругу товарищей. В структуре самосознания не может быть штампа, какой-то всеобщности, оно – индивидуально, субъективно. Кроме сугубо индивидуального отношения к явлениям действительности, самосознание подразумевает критическую оценку поступков, определенную функцию в которой выполняет самоконтроль. Благодаря самокритике, самосовершенствованию, самовоспитанию личность глубже познает окружающий мир, более чутко осознает требования государства, общественных организаций, производственного коллектива. Постоянный анализ личностью своих поступков через призму требований общества обуславливает субъективные суждения, желания, потребности и стремление объективировать их, т. е. приводить, в соответствие с общественным долгом, смыслом жизни, политической, правовой, нравственной, профессиональной ответственностью.

Хотя самосознание является наиболее субъективным понятием, оно особенно ярко проявляется в трудовом коллективе. Фактор самосознания приобрел особое значение в современных, условиях, когда производственные коллективы состоят в основе своей из образованных, высококвалифицированных работников, а в их деятельности все большую роль играют сознание, воля, потребности и интересы людей, личные качества руководителей, степень доверия

¹ Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – С. 141–142.

между членами коллектива, контактность личности, ее способность успешно овладевать социальными, организаторскими и управленческими навыками...

Самосознание находится в непосредственной связи с социальной ответственностью, отражающей систему отношений, в которой личность обязана отвечать перед Родиной, обществом, классом, производственным коллективом, семьей за последствия своей деятельности. Социальная ответственность определяется глубиной осознания интересов страны. Через ответственность проявляются духовное и нравственное богатство личности, степень свободы ее действий, выбор поведения...

Самосознание позволяет личности всесторонне проявлять и развивать свои индивидуальные качества, способствует обогащению не только ее личного мира, интимных отношений, но и производственных, общественных, нравственных и духовных принципов.

Обобщающим аспектом структуры личности является свобода в ее философском значении. Свобода – это степень познания окружающего мира, умение превратить познание в практику, представляющую совокупность материальных, политических, научных, духовных, нравственных и эстетических преобразований.

Диалог между обществом и личностью, природой и человеком повышает уровень познания всеобщих законов, реализуемых в процессе активной деятельности. Освоение целины, богатств Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, возведение крупнейших энергетических сооружений, новое размещение производительных сил на Волге, Украине, Кавказе и Урале, в Средней Азии и Белоруссии, преобразование сельского хозяйства на индустриальной основе, огромные достижения в области науки, культуры, искусства не являются только государственной программой, это – дело всего нашего народа, каждого советского человека. Грандиозные свершения народа олицетворяют силу социального как общечеловеческого, ставшего жизнеутверждающим началом, нравственным и эстетическим призванием. Формирование социального в человеке основоположники научного коммунизма считали важнейшим звеном процесса перерастания социалистических основ в коммунистические.

В совокупности все черты или особенности личности – биологические, социальные, сознание и самосознание, мировоззрение, политическая культура, свобода – раскрывают ее в ценностном отношении. Структура личности, говорил В. И. Ленин, как «неприступная крепость» осознается и в комплексе и по каждой особенности в отдельности. Через свои структурные компоненты личность проявляется в многообразии общественных отношений, но все стороны ее в разных социальных сферах отражают в конечном счете патриотизм, гуманизм, достоинство, престиж, ответственность, высокую политическую культуру, свободу, глубокое проникновение в назначение человека социалистического общества. Все эти особенности определяют личность как высшее мерило ценностей, смысл которых предполагает формирование общечеловеческих качеств.

В. И. Горбач

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ¹

Определяющим фактором в развитии всякого общественного строя, как известно, является способ производства материальных благ. С ним непосредственно и органически связаны и им обусловливаются закономерности распределения и потребления их в данном обществе; определяет он через базис также всю надстройку и формы общественного сознания.

Две его противоположные стороны – производительные силы (содержание) и производственные отношения (форма развития производительных сил), органически взаимосвязаны, находятся в диалектическом единстве и взаимодействии. В жизни они фактически нераздельны и взаимопроникают друг в друга. Лишь для удобства исследования их особенностей и взаимодействия мы мысленно подчас разделяем их.

В специфических для каждой формации противоречиях между присущими ей производительными силами и производственными отношениями, т. е. в противоречиях самого способа производства, заключается внутренний основной источник развития производства и опосредованно всех остальных явлений, присущих данной формации.

Производительные силы являются более подвижным и в этом смысле революционным элементом производства. Они выражают прежде всего отношение человека к природе. Разрешение его противоречий (внешних для общества) с ней происходит на основе развития производительных сил и познания. Вместе с тем отношение человека к природе на любом этапе его развития проявляется и осуществляется как определенное общественное отношение, вытекает из производственных отношений, господствующих в данном обществе.

В связи с этим в корне неверны попытки искать основные источники развития производства (а значит, и общества в целом) лишь в противоречии производительных сил и природы, в отрыве их от производственных отношений и тем самым за пределами самого способа производства, хотя влияние этого внешнего противоречия, особенно на ранних стадиях общественного развития, весьма существенно.

Эти источники прежде всего заключены в самом способе производства, в диалектическом противоречивом единстве и взаимодействии производительных сил и производственных отношений.

¹ Публикуется с сокращениями по: Горбач В. И. Проблемы диалектических противоречий. – М. : Наука, 1972. – С. 219–227.

Основное противоречие всякой общественно-экономической формации заключено, следовательно, в ее экономике, в первую очередь в способе производства, в особенностях диалектического взаимодействия производительных сил и производственных отношений. При этом необходимо учитывать, что определенные противоречия между производительными силами и производственными отношениями существуют в любой формации. Они будут присущи и коммунизму. Это – общесоциологические противоречия.

В то же время первостепенное значение имеет выяснение их специфики, проявляющейся именно в интересующей нас формации, в ее способе производства. При этом К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин особое внимание обращали на моменты соответствия и несоответствия в способе производства, на противоречия между уровнем развития и характером производительных сил и соответствующими сторонами производственных отношений, которые предопределяют характер присвоения и распределения производимых благ. «Классами называются, – писал В. И. Ленин, – большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»¹.

Способ (и размер) получения доли производимого общественного богатства определяется, следовательно, отношением к средствам производства, а отсюда и ролью в общественной организации труда. Они зависят в первую очередь от формы собственности – основы производственных отношений. В то же время именно в связи с различным способом получения каждым классом или лицом «своей» доли от произведенного общественного богатства, в зависимости от размера ее, наиболее сильно, наглядно и непосредственно проявляются классовые различия и противоречия. И это вполне понятно, так как данный процесс непосредственно связан с возможностями возмещения физических и духовных затрат отдельной личности и того или иного класса в целом для производства ценностей и стоимостей; он непосредственно позволяет удовлетворять их материальные и духовные потребности.

Уравнительное распределение крайне скудного продукта общего труда при первобытнообщинном строе естественно вытекало из общественной собственности на средства производства, ограниченной узкими рамками небольших общин. Эта форма собственности (и распределения) в свою очередь обусловливалась очень низким уровнем развития производительных сил, примитивностью орудий производства, бессилием отдельной личности перед природой и необходимостью в связи с этим простого кооперирования рабочей силы для выполнения однородных работ.

¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 15.

С возрастанием роли отдельной патриархальной семьи и индивидуального труда в процессе и на основе развития орудий производства, разделения труда и обмена нарастает несоответствие и обостряется противоречие между новыми потребностями развития производительных сил и узкими рамками общинной собственности и уравнительного распределения. Появляется частная собственность. Возникают неравенство, классы, эксплуатация, постепенно упрочивается рабовладельческая общественно-экономическая формация.

Начиная с рабовладельческого строя и во всех последующих, докоммунистических формациях, как известно, класс-собственник средств производства, эксплуатируя угнетаемый им класс, присваивал прибавочный продукт. Специфические в каждой из антагонистических формаций формы производства, распределения, эксплуатации обуславливали особые для каждой из них основные социальные противоречия. Это были противоречия между главными классами-антиподами данной формации, олицетворяющими присущие ей производственные отношения. Соответственно основным социальным противоречием рабовладельческого строя было противоречие между рабами и рабовладельцами, феодального – между крепостными крестьянами и феодалами, капиталистического – между пролетариатом и буржуазией.

По мере того как устаревающие производственные отношения переставали стимулировать заинтересованность тружеников в производительном труде (мы отвлекаемся здесь от внеэкономического принуждения в условиях рабства), они превращались в препятствие дальнейшему развитию перерастающих их рамки производительных сил. Обострялись и противоречия между ними, приводя в конечном счете к крушению данной формации.

В литературе в качестве основных противоречий докапиталистических общественно-экономических формаций называются социальные, классовые противоречия. Лишь при освещении закономерностей капитализма рассматривается его основное экономическое противоречие, а уж затем социальное, как его проявление в столкновениях основных классов капиталистического общества. Этот принцип рассмотрения заслуживает более широкого и последовательного применения, особенно в исторических и экономических исследованиях, и полученные результаты должны представлять немалый интерес.

При этом следует подчеркнуть, что и основное противоречие нельзя рассматривать в качестве чего-то готового и неизменного на всех фазах существования и развития явления. На ранних стадиях развития противоречие еще только формируется, содержится в неразвитом виде или даже в зародышевом состоянии. Затем оно развивается, в ряде случаев принимая наиболее отчетливую форму в период расцвета, «зрелости» явления. Наконец, оно может достигнуть и такой степени обострения, как в канун крушения антагонистических формаций, что образующие его противоположности становятся несовместимыми¹

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. // Сочинения. – Т. 23. – С. 773.

в данном единстве. Внутренняя структура явления в связи с этим разрушается и осуществляется переход его в иное качество.

Но если это так, то степень и характер влияния основного противоречия на качественные особенности и тенденции развития явления различны на разных стадиях его развития. На ранних стадиях, особенно в переходные периоды, существенно влияют еще неизжитые противоречия предыдущего этапа развития. Более того, противоречия между элементами разрушаемого, но еще существующего старого и упрочивающегося нового могут доминировать над основными противоречивыми тенденциями последнего (канун и начало буржуазных революций, переходный период от капитализма к социализму и др.).

В целом же основное противоречие явления определяет его характерные черты и тенденции развития. Ярким свидетельством этого является основное противоречие капитализма.

Среди многочисленных противоречий капитализма выделяется как основное противоречие – противоречие его способа производства – между общественным характером процесса производства и капиталистической формой собственности, а отсюда и частнокапиталистической формой присвоения его результатов.

По мере развития капитализма происходит дальнейшее общественное разделение труда, крепнут внутренние и международные экономические связи между предприятиями, отраслями производства и целыми странами, происходит концентрация и централизация капитала, объединяется труд многих тысяч рабочих. Но капиталистическое обобществление труда, общественный характер производства сталкиваются с диаметрально противоположной им частнокапиталистической формой присвоения.

Нарастает и углубляется противоречие, которое непосредственно и резко проявляется в антагонизме интересов и острейшей классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией. Оно в той или иной мере обуславливает все остальные противоречия капиталистического общества и определяет основные особенности его развития, свойственные именно капитализму как общественной формации: жестокую конкуренцию, массовую и хроническую безработицу, периодические кризисы перепроизводства, анархию производства, острейшие социальные, национальные и межгосударственные конфликты и столкновения¹, в том числе и истребительные мировые войны.

Существуя на всех этапах развития капитализма как качественно определенной формации, это противоречие постепенно развивается и достигает наибольшего обострения на монополистической стадии, при империализме. Проявлением противоречия между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения являются противоречия между производством и потреблением, между растущим богатством кучки капиталистов,

¹ См.: Мендельсон Л. А. Теория и история экономических кризисов и циклов. – М., 1959. – Т. 1. – С. 25–39.

с одной стороны, и неуклонным относительным и абсолютным обнищанием пролетариев – с другой. «Противоречие между производством и потреблением, присущее капитализму, состоит в том, что производство растет с громадной быстротой, что конкуренция сообщает ему тенденцию безграничного расширения, тогда как потребление (личное), если и растет, то крайне слабо; пролетарское состояние народных масс не дает возможности быстро расти личному потреблению... растет национальное богатство рядом с ростом народной нищеты, растут производительные силы общества без соответствующего роста народного потребления, без утилизации этих производительных сил на пользу трудящихся масс»¹.

Идеологи буржуазии обычно пытаются убедить читателя в том, что крайняя поляризация нищеты и богатства была свойственна лишь «старому» капитализму, но в наши дни капиталистическое общество якобы изменилось, превратилось в общество «равных» возможностей, «всеобщего благополучия» и равенства. Но факты свидетельствуют о другом, и это вынуждены признать многие лидеры буржуазного мира. Так, президент США в своем послании конгрессу о бедности отмечал, что «имеются миллионы американцев – пятая часть всего населения», которые живут в условиях, близких к нищете, и перед которыми «закрыты ворота возможностей»².

Эта статистика бедности, как заявил председатель сенатской комиссии по иностранным делам Джеймс Фулбрайт, «хотя и поражает, является небольшим злом по сравнению с фактическими невзгодами и безнадежностью, испытываемыми бедными», в 1963 г. 4,2 млн американцев, из них 17 % молодых рабочих в возрасте от 16 до 20 лет, были безработными. «Триста пятьдесят тысяч молодых людей по всей стране... являются сегодня безработными и останутся ими до конца своей жизни»³. Джеймс Фулбрайт приходит к неутешительному выводу о том, что, в сущности, способность США «порождать экономический спрос все время отстает от... способности увеличивать производство товаров и услуг. Возможно, что увеличивающееся неравновесие настолько велико, что ликвидировать его уже нельзя при помощи правительственных мер, призванных стимулировать экономический рост и полную занятость»⁴...

Основным противоречием капитализма необходимо обуславливаются анархия капиталистического производства и свойственные ему диспропорции развития, а также противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе, между условиями производства прибавочной стоимости и ее реализации. Все эти взаимосвязанные и имеющие общую основу антагонистические противоречия капитализма влияют друг на друга и содействуют взаимному обострению, являются при-

¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 158, 159.

² За рубежом. – 1964. – 25 апр. – С. 16.

³ Фулбрайт Д. США и холодная война // За рубежом. – 1964. – 25 апр. – С. 16.

⁴ Там же.

чиной периодических кризисов перепроизводства и классовых битв в капиталистическом обществе. Причем эти противоречия, как и их неизбежные социальные следствия, неустранимы в условиях капитализма...

Основное противоречие капитализма являлось главным источником общественного развития в период безраздельного господства империализма на Земном шаре. Поэтому правильно понять особенности развития капитализма, своеобразие внутренней и внешней политики капиталистических стран можно, лишь рассматривая их с учетом специфики развития и обострения основного противоречия капитализма и органически связанного с ним его основного экономического закона.

Развитие и обострение основного противоречия капитализма привело к возникновению отрицающего его как общественную систему антипода – мировой системы социализма. С концом безраздельного господства капитализма на Земном шаре сужается (соответственно ограничению сферы его существования и влияния) и сфера действия его основного противоречия. Закономерности общественного развития в рамках всей планеты определяются противоречиями и борьбой двух систем, составляющими внутреннее содержание процесса перехода человечества от старого качества к новому в общественном развитии – к социализму и коммунизму.

Сущность современных общественных процессов можно поэтому правильно понять, лишь рассматривая их в свете этого основного противоречия нашей эпохи. Последнее обстоятельство, кроме того, является новым подтверждением тезиса, об относительности противоположности внутренних и внешних противоречий и их роли в развитии.

Следовательно, не только отдельным экономическим формациям или общественным явлениям, но и определенным историческим эпохам свойственно специфическое основное противоречие.

Выделение из всей совокупности различных противоречий эпохи основного ее противоречия позволяет познать главную движущую силу данного исторического периода, выяснить доминирующие тенденции и перспективы общественного развития. «Мы не можем знать, – писал В. И. Ленин, – с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.»¹.

При анализе общественных явлений необходимо прежде всего выяснить, какой класс стоит в центре эпохи, каковы главное содержание, направление, задачи и ведущая тенденция общественного развития. «Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных “эпох” (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы, – писал В. И. Ленин, – правильно построить свою тактику; и только знание основных черт

¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 142.

данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»¹.

Основное противоречие исторической эпохи в его классовом выражении – это противоречие между классом – носителем еще господствующих, но уже устаревших производственных отношений, превращающихся в тормоз дальнейшего развития производительных сил, и классом – носителем новых, прогрессивных в данных условиях производственных отношений.

В эпоху разложения феодализма и становления капитализма таким противоречием, как правило, являлось противоречие между классом феодалов и молодой буржуазией – носителем новых общественных отношений. Буржуазия тогда представляла собой ведущую силу общественного прогресса.

В условиях капитализма, в особенности на империалистической стадии его развития, в центре эпохи становится рабочий класс – носитель более прогрессивных, будущих социалистических производственных отношений.

С победой пролетариата в первой стране – Советской России, пишет В. И. Ленин, уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории. Взаимные отношения народов, вся мировая система государств, замечает Ленин, «определяются борьбой небольшой группы империалистических наций против советского движения и советских государств, во главе которых стоит Советская Россия. Если мы упустим это из виду, то не сможем поставить правильно ни одного национального или колониального вопроса, хотя бы речь шла о самом отдаленном уголке мира. Только исходя из этой точки зрения, политические вопросы могут быть правильно поставлены и разрешены коммунистическими партиями как в цивилизованных, так и в отсталых странах»².

¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. – Т. 26. – С. 142.

² Там же. – Т. 41. – С. 242.

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

В статье заострен вопрос о философской рефлексии социальности – исходной ступени и результирующей индивидуального и общественного бытия. Сделан вывод о важности системного исследования данного феномена для более полного и глубокого понимания современных общественных процессов в целом, прогнозирования их динамики на ближайшую перспективу. Для реализации этой цели предложено задействовать апробированный методологический инструментарий философии, прежде всего диалектику и адаптированное применительно к современным реалиям формационное учение. Философия призвана стать координатором других общественных и гуманитарных наук в решении этой актуальной задачи, систематизатором их научных результатов.

Ключевые слова: социальность, философия, социальная философия, диалектика, цивилизационная парадигма, формационное учение

T. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHICAL REFLECTION OF MODERN SOCIALITY

The article focuses on philosophical reflection of sociality, which is the initial stage and the result of individual and social being. The conclusion was made about the importance of systematic study of this phenomenon for a more complete and thorough understanding of modern social processes in general, predicting their dynamics in the near future. To achieve this goal, it was proposed to use the approved methodological tools of philosophy, first of all, dialectics and formational doctrine adapted to modern realities. Philosophy is called upon to become a coordinator of other social and humanitarian sciences in solving this urgent problem, a systematizer of their scientific results.

Keywords: sociality, philosophy, social philosophy, dialectics, civilizational paradigm, formational doctrine

Одним из востребованных объектов научных разработок философов и социологов стал в последние годы феномен социальности, что связано с динамичными общественными процессами, характеризующими нашу эпоху, а также с возросшей потребностью в социальных прогнозах в условиях общественной турбулентности. Анализ отдельных аспектов данной темы был представлен в прежних публикациях автора [1–3]. В данной статье определена задача показать

особую значимость философской рефлексии социальности, учитывая то, что в последние годы в общественном мнении когнитивная функция философии заметно снижена.

Предварительно хотелось бы еще раз обратить внимание на важность исследования феномена социальности. Постигание сущности современных общественно-политических процессов, а также прогнозирование их дальнейшего развития не представляется возможным осуществить без использования данной категории, поскольку именно она позволяет воспроизвести в мышлении первичную клеточку индивидуального и общественного бытия в их динамике, а следовательно, дает возможность осмыслить и сам механизм функционирования общества в конкретные исторические эпохи. При этом представляется целесообразным выделить и проанализировать два основных аспекта (среза) феномена социальности. Во-первых, предстоит раскрыть процесс развития идеи социальности в философской, экономической и исторической мысли. Во-вторых, требуется осуществить корреляцию философского, экономического и исторического осмысления социальности с самим историческим процессом, то есть реализовать корреляцию логического и исторического. Наконец, следует выявить специфику трансформации социальности в белорусском обществе за последние три десятилетия с учетом тех существенных качественных изменений, которые в ней произошли в результате перевода хозяйственной жизни (экономического базиса) на так называемый рыночный путь развития. Несомненно, здесь философам не обойтись без теоретических и эмпирических наработок социологов.

И о философском понимании феномена социальности. Этот вопрос отчасти прояснен ранее [1, с. 42–45], поэтому ограничусь лишь ее дефиницией. Социальность представлена мною как *«система исторически складывающихся и постоянно воспроизводящих себя на новой ступени взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в процессе их жизнедеятельности, определяющая типы и формы организации общества, а также характер и направленность исторического процесса»* [1, с. 42]. Считаю важным отметить чрезмерную динамичность социальности в нашу историческую эпоху. Скажем, применительно к Беларуси она претерпела существенные изменения буквально за один год под воздействием внешних политических сил, ориентированных на разрушение белорусской государственности и организовавших для реализации этой цели так называемую цветную революцию, а также по причинам, связанным с пандемией Covid-19. Наряду с перманентными факторами динамики социальности, к которым следует отнести два названных выше, имеют место устойчивые объективные основания социальности, представляющие собой онтологию самих общественных процессов, и ее субъективные основания, связанные с деятельностью самих участников социальных процессов – людей, начиная с рядовых граждан и заканчивая политиками и государственными

деятелями, руководствующихся в своих поступках мировоззренческими установками, которые выступают в качестве своеобразных имманентно присущих в содержании индивидуального сознания ориентиров, заданных программ поведения и деятельности.

Относительно дисциплин, обладающих способностью на профессиональном уровне заниматься анализом социума и владеющих для этого соответствующей методологической базой и уровнем теоретических разработок, на протяжении последних лет ведутся активные дискуссии. К сожалению, философия, которая в недалеком прошлом была ведущей дисциплиной в познании социальной материи, оттеснена на второй план, для чего есть веские основания. В сложившейся ситуации виноваты отчасти сами философы: как отмечает современный французский исследователь Ж. Бенуа, философия теряет кредит доверия общественности и «терпит издержки по причине своей пассивности» [4, р. 139]. Бурные политические события, охватившие Беларусь в августе-октябре 2020 г., как раз и высветили целый комплекс проблем, требующих серьезного философско-теоретического осмысления, причем с позиции диалектического мышления. С одной стороны, они показали, что в целом невысокий уровень философских оснований мыслительной деятельности молодежи предстал в качестве одной из причин ее не адекватного социальным реалиям поведения. В частности, молодежь не осознала и не оценила тех громадных материальных и интеллектуальных ресурсов, созданных не ею самой, а другими поколениями, которые были затрачены на ее физическое и духовно-культурное развитие за последние три десятилетия. С другой стороны, почти полное забвение диалектики в целом и диалектического метода познания в частности сказалось на качестве аналитической деятельности политологов, не позволило аналитикам своевременно уловить все более усиливающуюся тенденцию разворачивания социальных противоречий, а следовательно, и предложить соответствующие меры, направленные на их предотвращение. Ведь именно диалектический метод, социальная диалектика позволяют улавливать объективные тенденции общественных процессов. В связи с этим считаю нужным отметить, что в прошлые годы именно данной проблематике уделялось приоритетное внимание как в Институте философии К. П. Бусловым, Д. И. Широкановым, В. И. Горбачем и другими, так и за стенами научного учреждения – в особенности В. И. Степановым, Л. В. Акуловым, Ю. А. Хариним с его научной школой [5].

Между тем, как показали последние события, оппозиция, вернее, ее организаторы, предпринявшие попытку реализации плана по хаотизации страны – разрушения прежде всего экономической базы белорусского государства, в процессе создания социального хаоса руководствовались не так называемым синергетическим методом с его ключевым понятием «хаос», которое стало в последние годы доминирующим в философском мышлении соотечествен-

ников-интеллектуалов, а путем применения системного, то есть диалектического метода. А что предлагают обществоведы для выхода из кризиса? Они предлагают выйти из социального хаоса с помощью средств, которые формируются на базе синергетического метода, то есть посредством хаоса. На самом деле для преодоления социального хаоса нужны средства, разработанные на базе научной, апробированной методологии, учитывающие весь спектр многовековой социальной практики. Диалектический метод – один из тех методов, на базе которого представляется возможным выработать действенные средства, адекватно отвечающие современным социальным вызовам.

На Западе в XX веке проблемой общественных устоев в основном занимались социологи и политологи: в США – П. А. Сорокин, в Великобритании – А.-Дж. Тойнби, во Франции – Р. Арон и др. Изредка к ним подключались философы: напомним фундаментальную работу К. Поппера «Открытое общество и его враги», автор которой посредством логической аргументации пытался обосновать незыблемость утвердившихся на Западе общественных отношений и одновременно доказать утопичность и антигуманную сущность советского социального проекта, усмотрев в нем серьезную опасность для всей западной политической системы [6, с. 7]. Заслуживает внимания и другой пример, связанный с написанием А. А. Зиновьевым работы под названием «Запад». Как отмечал ее автор, этот заказ он получил для проведения своеобразной социальной экспертизы надежности западной политической системы. Издателю был «нужен от меня не путеводитель по странам Запада, не учебное пособие и не справочник, а впечатления и мысли, какие возникли у меня за годы жизни на Западе» [7, с. 9]. То есть не политику, а философу, логику, беспристрастному ученому, прожившему много лет на Западе, было поручено дать объективную оценку политической системы, выявить ее позитивные и негативные стороны. Это важно было сделать для определения уровня устойчивости данной системы, а также для возможной ее корректировки с целью устранения изъянов, грозящих ее существованию.

В советской науке начиная с 1920-х годов разработка теоретических вопросов обеспечения устойчивости общества велась в основном философами в рамках дисциплины «диалектический и исторический материализм», базирующейся на теоретическом наследии классиков марксизма. К этой научно-исследовательской работе пытались подключиться социологи, но их деятельность вскоре была свернута – правительство не желало видеть реальной, в целом не очень благоприятной картины советского общества переходного периода. К тому же и социология в тот исторический период находилась на стадии становления и не в состоянии была дать объективную картину социальности, на что указывал П. А. Сорокин [8, с. VIII]. В конце 1980-х годов, уже на закате СССР, диалектический и исторический материализм упразднили как специальность и взамен ей создали две новые специальности – «Онтология

и теория познания» и «Социальная философия». К сожалению, специальность «Социальная философия» получилась «размытой» в содержательном плане. Исторический материализм при всех его изъянах решал, или, скажем точнее, стремился решить задачу теоретического осмысления человеческой истории как таковой, то есть выступал в качестве философии истории в гегелевском понимании этой дисциплины. Социальная философия изначально не ставила перед собой столь масштабную задачу, даже не закрепила за собой права на ее научное решение, а социология, взявшая на себя эту миссию, пока не дотянула до уровня философии истории (в данном случае речь идет о постсоветском интеллектуальном пространстве, не более). Серьезная ошибка в процессе реформирования философии состояла в том, что в качестве базовой модели исторического процесса философам была задана, с подачи секретаря ЦК КПСС А. Н. Яковлева, цивилизационная концепция. Правда, В. С. Стёпин ставил себе в заслугу то, что в процессе обсуждения с А. Н. Яковлевым проекта реформирования советской философии отстоял идею сохранения своеобразного синтеза формационного и цивилизационного подходов «по принципу дополнительности в смысле Н. Бора» [9, с. 62], что в дальнейшем и было заложено в вузовские учебные программы. Однако, возглавив Институт философии АН СССР, В. С. Стёпин, по собственному признанию, стал развивать идею именно цивилизационного подхода. Философ отмечал: «Это было связано с определенным социальным заказом, потому что с 1989–1990 гг. начиналась критика марксизма и возникла идея, что формационному подходу надо противопоставить цивилизационный подход, который разрабатывался в основном на Западе. Критиковали марксистский формационный подход, говорили, что он ограничен и нужно перейти к анализу цивилизационного подхода, и тогда, может быть, мы поймем многое в современной мировой истории» [9, с. 62]. Действительно, это был «социальный заказ». И критиковали формационный подход, учение К. Маркса, не советские, а европейские философы – К. Поппер и другие, а также русские эмигранты – Н. А. Бердяев, И. А. Ильин и др. Именно их работы антимарксистского содержания, вышедшие на Западе еще в 1920–1940-е годы, в конце 1980-х годов активно переиздавались в СССР огромными тиражами, в том числе в типографиях ЦК КПСС. Отметим и то, что на Западе в то время не было особого интереса к цивилизационному подходу. Западные философы, экономисты и политологи выстраивали свои концепции постиндустриального общества в основном на базе формационного учения К. Маркса. В целом попытка соединить несоединимое – формационный и цивилизационный подходы, при объяснении человеческой истории изначально закладывала основу эклектичности социальной теории.

Цивилизационная концепция, разработанная русским мыслителем Н. А. Данилевским, а затем углубленная применительно к общественным процессам XX века А.-Дж. Тойнби, имеет право на существование. Она способна объяснить

причины и уловить динамику противостояния Запада и Востока в наши дни, но при этом не объясняет истоки, сущность и последствия финансовых и экономических потрясений мирового сообщества, периодически охватывающих одновременно как Запад, так и Восток, вступивший на путь капитализма, в том числе Россию. Между тем формационное учение позволяет дать этим социальным кризисам объяснение. В отличие от цивилизационного учения, которое основывается главным образом на сравнительном анализе духовных устоев народов, типологии их культур, формационное выстраивается на основе выявления сущности материальных основ общества, в данном случае – «экономической клеточки буржуазного общества», которая есть «товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара» [10, с. 6]. Как указывал К. Маркс, «предметом моего исследования в настоящей работе («Капитале». – Т. А.) является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена» [10, с. 6]. Анализ «экономической клеточки» современного глобального капитализма, отношений обмена, способа производства в целом позволяет раскрыть истинные причины современных социальных кризисов. Объяснение их природы, к примеру, коронавирусом есть либо плод иллюзорного воображения, либо специально заготовленный информационный вброс с целью манипулирования общественным сознанием. Не коронавирус, а «экономическая клеточка» глобального капитализма порождает ежедневно современные социальные кризисы и потрясения. И не телеология А. А. Богданова, которую в 1990-е годы попытались представить чуть ли не квинтэссенцией научной методологии, не синергетика, а диалектика позволяет постичь социальность в ее онтологической сущности, исторической динамике и современной модификации как базе потенциальных вызовов XXI века. Мы стали очевидцами такой социальной реальности: явного расхождения взятой на вооружение россиянами, вернее, российским истеблишментом, философской цивилизационной концепции и самой социальной практики, идущей в русле формационного учения – встраивания России в глобальную систему капитализма на условиях его ядра – в виде его сырьевого придатка и рынка сбыта продукции. Даже те политики, которые стояли у истоков «перестройки», убедились в губительности избранного страной экономического и политического курса. Как отмечает Г. А. Явлинский, восприятие России «все больше отражает ее нынешнее состояние пусть и весомой, но периферийной и сравнительно малозначимой части мирового хозяйства, чья роль, с одной стороны, сводится преимущественно к поставкам нефти и газа, некоторых других сырьевых продуктов, а также торговле “ширпотребом” ВПК и оказанию некоторых транспортных услуг, а с другой – к потреблению товаров массового спроса» [11, с. 10].

Начиная с конца 1980-х годов и фактически до настоящего времени на всем постсоветском пространстве идет непрерывный процесс реформирования философии, то есть всего корпуса философских дисциплин, а также вузовского

учебного курса по этой дисциплине. Постсоветская философия до сих пор так и не обрела системности. Это касается ее теоретической и практической частей, включая проблему ее трансляции в учебных заведениях. Подтверждением тому может служить последний вариант учебного курса по философии в Беларуси «Интегрированный модуль для учреждений высшего образования», охватывающий учебные дисциплины «Философия» и «Основы психологии и педагогики». Его программа была разработана преподавателями ведущих вузов и утверждена Министерством образования Республики Беларусь 12 июня 2012 г. В том же неизменном виде этот курс преподается в белорусских вузах по сей день.

Что собою представляет данный модуль и каково место в нем философии? Согласно его программе, на курс философии отведено 42 часа, из них 20 часов – лекции и 22 часа – практические (семинарские) занятия. Из общего объема курса на введение в учебную дисциплину и характеристику предмета философии отведено 5 часов, на историю философии, включая историю белорусской философии, – 19 часов, на основные проблемы современной философии – модули «Философия бытия», «Философская антропология», «Теория познания и философия науки» и «Социальная философия» – планом предусмотрено только 16 часов. Помимо этого, выделено 2 часа на «Модуль-резюме» и «Модуль контроля» [12, с. 10–11].

Естественно, возникает целый ряд вопросов. Что бы ни утверждали в настоящее время о советской высшей школе, но философия в ту эпоху занимала в учебных планах всех вузов, несмотря на их специализацию, достойное место: на ее изучение отводилось 120 часов, а формой контроля знаний студентов были два зачета и два экзамена. При этом учебной программой предусматривалось изучение серьезных первоисточников – трудов представителей классической философии, представляющих собой узловые точки закономерного процесса развития философской культуры, то есть теоретического сознания социума, в идеальной форме воспроизводящего динамику социальности.

Как показала нынешняя вузовская практика, советская философия, которая базировалась на критически переосмысленной гегелевской диалектике и формационном учении К. Маркса, при всем ее кажущемся догматизме была более продуктивной в качестве инструмента формирования индивидуального мышления студента. Она обладала как диалектическим методом, так и разработанными методами научного познания в целом. Это касалось познания и исторического процесса. В сознание индивида, усвоившего логику «Капитала», не представлялось возможным внедрить в качестве абсолютной истины тезисы о бесконфликтности социума, общечеловеческих ценностях и другие метафизические идеи. А вот мозг выпускников вузов перестроечной и постперестроечной эпох оказался идеально подготовленным для восприятия алогичных идей. Он не застрахован от разного рода манипуляций современных политехнологов, ибо не усвоил объективную диалектику (понимание диалек-

тического характера социального бытия) и в такой же степени субъективную диалектику – умение диалектически мыслить при оценке социальных процессов.

Как убеждает социальная практика последних лет, требуется более системное философско-теоретическое понимание механизмов функционирования социума для прогнозирования общественных процессов. Осуществить это можно путем диалектического синтеза двух планов исследования социума – абстрактно-теоретического и конкретно-исторического. Абстрактно-теоретический план предполагает разработку понятийно-категориального аппарата философии истории. В этом плане к числу приоритетных задач следует отнести задачу создания системы понятий и категорий, которая бы позволила на принятом в научном сообществе языке излагать авторское видение решения той или иной проблемы общественного бытия, дискутировать с оппонентами и т. д. Но абстрактно-теоретическое исследование общества в конечном счете базируется на конкретно-историческом материале. Поэтому только диалектический синтез абстрактно-теоретического и конкретно-исторического планов исследования позволяют ученому раскрыть сущность социума и на базе этого спрогнозировать его динамику.

С позиции философии истории важно уяснить и сам ход человеческой истории, и способы ее воспроизведения (отражения) в мышлении человека. В наше время явно недооценен интеллектуальный и образовательный потенциал социальной философии. Посему необходимо значительно повысить уровень самой социальной философии, решить важные вопросы трансляции философской культуры. Просчеты в этой сфере, как показывает практика, негативно сказываются на общественном сознании, уровне мыслительной деятельности граждан и являются идеологическим основанием нестабильности общественных устоев.

В современную драматичную историческую эпоху значительно возросла роль диалектики как орудия мыслящего духа. Диалектическое мышление в состоянии вскрыть основные противоречия современного глобального мира, выявить их сущность, потенции и динамику, отыскать адекватные способы их разрешения. Именно диалектический метод нацеливает философов на познание не внешних, вербально воспринимаемых социальных явлений и процессов, а внутренних, скрытых от внешнего наблюдения механизмов общественного развития, постигаемых посредством абстрактного мышления, что позволяет понять природу и сущность современных социальных кризисов, рисков и угроз, дает возможность выработать конкретные предложения по их предотвращению. Диалектическая философия в состоянии оказать помощь политикам, но лишь тем, которые на самом деле стремятся беспристрастно смотреть на окружающий их мир и предпринимают всяческие усилия для обустройства его на гуманных основаниях, пытаясь сделать его справедливым, а следовательно, устойчивым.

Одна из причин недостаточно высокого уровня философского осмысления социальности – недооценка исследователями формационной теории К. Маркса, а точнее, чрезмерно критическое отношение к ней. В процессе критики формационного учения К. Маркса обычно акцентируют внимание на якобы имеющую место в его теории «жесткую привязку» общественного сознания к общественному бытию и тем самым обвиняют классика в чрезмерном детерминизме. В свое время именно на такого рода обвинения обратил внимание Ф. Энгельс. Он отмечал, что ни К. Маркс, ни он сам, признавая определяющую роль общественного бытия по отношению к общественному сознанию, в то же время не отрицали влияния общественного сознания на общественное бытие. Но в 1840-е годы в процессе разработки своего учения для них было главным отстоять материалистическую позицию при объяснении человеческой истории, то есть при распространении материализма на трактовку общественных процессов.

Точка зрения К. Маркса на взаимоотношение общественного бытия и общественного сознания приемлема вполне и в нашу эпоху. В то же время есть все основания признать то, что содержание общественного сознания и общественного бытия в нашу историческую эпоху претерпело существенные изменения. В XIX в., в годы разработки материалистического учения об обществе социальность выглядела для исследователя более осязаемой, более зримой, чем в наши дни, хотя и в то время К. Маркс отмечал возникающие трудности в процессе постижения ее сущности абстрактным мышлением. Главное, что определяло ее в ту эпоху, состояло во взаимоотношениях между достаточно четко выраженными основными социальными классами, а именно между рабочим классом (пролетариатом) и капиталистами (буржуазией). На сцене картина была схожей: там тоже постепенно сформировалась капиталистическая форма хозяйствования с вытекающими следствиями.

В наш век социальная структура социума, а следовательно, и социальные связи между социальными атомами сложнее на много порядков. Скажем, рабочий класс, хотя и имеется, но по своим качественным характеристикам значительно отличается от рабочих XIX в., он не столь однороден, как это имело место в прошлом. Несомненно, рабочие остаются таковыми же наемными работниками, как и прежде, но среди них имеются высококвалифицированные специалисты, получающие за свой труд достойную заработную плату. Тем не менее, как отмечает известный российский ученый В. Т. Рязанов, «при всех крупных переменах в капиталистическом хозяйственном устройстве его базовые основания, ключевые противоречия, неблагоприятные социальные и экологические последствия и ограничения сохранились. Более того, они приобрели еще больший размах в условиях развертывания глобализации» [13, с. 8].

В последнее время в обиход ученых и политиков основательно вошло понятие «цифровая экономика», семантика которого достаточно размыта. Под

цифровой (электронной) обычно понимают экономику, базирующуюся на цифровых технологиях или же привязанную к ним (т. н. электронную коммерцию). На уровне обыденного сознания она представляется порой как экономика, которая осуществила перевод сопровождающей ее документации (контрактов, расчетов, отчетности и т. п.) с бумажного на электронный носитель. Иногда цифровую экономику представляют в виде экономики, использующей новейшее программное обеспечение. Пока более-менее четко вырисовываются два взгляда на этот социальный феномен: а) как на отдельный, специфический сектор экономики; б) как на всю экономику, постепенно обретающую новое качество под воздействием активно развивающихся информационных технологий.

В социально-философском плане обратим внимание на то, что цифровизация экономики не делает ее виртуальной реальностью, как и сам производственный процесс, в котором по-прежнему участвуют люди (физические существа) – наниматели и наемные работники, и где, как и ранее, по определенным правилам выстраиваются между ними взаимоотношения. В цифровой экономике, как и в традиционной, формируются взаимосвязи между наемными работниками. Наконец, и в эпоху цифровой экономики, безусловно, будет осуществляться производство и воспроизводство самого человека. Об этом приходится говорить, поскольку отдельные проектировщики цифровой экономики, оперируя виртуальной реальностью, в своих разработках не учитывают (возможно, даже осознанно) социальные противоречия и антагонизмы, произрастающие на базе объективной реальности – нынешней глобальной экономики, не ставят вопроса о том, сохранятся ли они в новой экономике. Социальные проекты цифровой экономики тем самым снимают с повестки дня экономические противоречия современного глобального мира, не выясняют их природу и сущность, не поднимают вопрос о путях их преодоления. Создается впечатление, будто бы эпохе цифровой экономики вовсе чужды экономические противоречия.

На самом деле цифровую экономику не следует отрывать от той социальности, на базе которой она функционирует. А эта социальность – современный глобальный мир. Следовательно, и цифровая экономика – это не что-то абсолютно новое. Это та реальность, которая формируется нынешним глобальным капитализмом с присущими ему антагонизмами. По этой причине и выстраиваемая новая экономика не будет лишена противоречий и антагонизмов. Цифровая экономика, к сожалению, не упраздняет отчужденных (превращенных) форм социальности, характерных для капиталистического способа производства, природа, сущность и способы преодоления которых были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом.

В этом плане, думается, более пристального внимания заслуживает понятие и феномен «интеллектуальная экономика» как возможная альтернатива цифровой экономике. По своему содержанию оно шире и глубже используете-

мого сейчас понятия «цифровая экономика». Оно нацеливает познающего субъекта на уяснение сущности производственного процесса в целом, включая самого человека и его социальные связи с другими такими же субъектами этого процесса. С точки зрения интеллектуальной экономики важны не носитель сопровождающей производственный процесс документации и не виртуальная реальность. Главное для нее – сам производственный процесс, рассматриваемый с позиции его интеллектуальной составляющей, а также человек, занятый в производственной сфере.

Признав возросшую роль философии в раскрытии сущности современной социальности, мы вместе с тем должны отметить значимость и других наук в решении этой задачи, в особенности политической экономии, хотя эта дисциплина практически прекратила свое существование на постсоветском пространстве. Ее предстоит воссоздавать. «Необходимость восстановления в правах классической школы политэкономического анализа, – отмечает В. Т. Рязанов, – конечно, не сводится к “реабилитации” самого этого термина. Значительно сложнее достойно вернуть ее в современную систему теоретического знания в сфере экономики... Тем более что для современного капитализма, помимо многих других особенностей, характерно возникновение длинных и не всегда видимых цепочек взаимосвязей и событий, что еще более скрывает и затушевывает происходящие процессы в социально-экономической жизни. Понять и распутать их – значит приобрести объемное и истинно-ориентированное знание о происходящем в мире экономики» [13, с. 6–7]. В целом задачу теоретического обеспечения приемлемой общественной стабильности в состоянии решить социальная философия сообща с другими гуманитарными и социальными дисциплинами, но лишь при условии перестройки ее проблематики с микро- на макропроцессы социума.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Социальность как объект философского осмысления / Т. И. Адуло // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 29–49.
2. Адуло, Т. И. Трансформация социальности в Западной Европе в эпоху Нового времени и ее философская рефлексия / Т. И. Адуло // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2019. – Вып. 6. – С. 78–94.
3. Адуло, Т. И. Своеобразие подходов к постижению социальности: Николай Бердяев и Питирим Сорокин / Т. И. Адуло // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 95–111.
4. Benoist, J. Quelques réflexions sur comment penser le monde aujourd’hui. Réponses a Jing Xie / J. Benoist // Phàsis: European Journal of Philosophy. – 2018. – № 5. – Р. 139–147.
5. Адуло, Т. И. Проблемы диалектики в белорусской философии / Т. И. Адуло // Филос. исследования. – Минск : Беларус. навука, 2017. – Вып. 4. – С. 134–150.
6. Поппер, К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Р. Поппер ; пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М. : Феникс, Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1 : Чары Платона. – 448 с.
7. Зиновьев, А. А. Запад / А. А. Зиновьев. – М. : Алгоритм : Эксмо, 2007. – 512 с.

8. Сорокин, П. Система социологии / П. Сорокин. – Пг. : Колос, 1920. – Т. 1 : Социальная аналитика. Ч. 1 : Учение о строении простейшего (родового) социального явления. – XIV, [1], 360 с.
9. Важно, чтобы работа не прекращалась... : [интервью с академиком РАН В. С. Степиным ведет член-корреспондент РАН И. Т. Касавин] // Вопросы философии. – 2004. – № 9. – С. 16–71.
10. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
11. Явлинский, Г. А. Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия / Г. А. Явлинский. – М. : Московские ведомости, 2015. – 264 с.
12. Философия: экспериментальная учебная программа интегрированного модуля для учреждений высшего образования на 2012–2013 учебный год. – Минск : М-во образования Респ. Беларусь, 2012. – 48 с.
13. Рязанов, В. Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза / В. Т. Рязанов. – СПб. : Алетейя, 2020. – 436 с.

В. А. Белокрылова¹, В. К. Лукашевич², Ю. Ф. Никитина²

¹Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

²Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ИНФРАСТРУКТУРЕ «ОБЩЕСТВА РИСКА»

Специфика социальной реальности сегодня в значительной степени определяется повсеместным распространением социально-гуманитарных технологий, использующих информационно-коммуникационные разработки в качестве эффективных инструментов целенаправленного воздействия на индивида и общество. Проектирование и управление в «обществе риска» должно быть сопряжено со всесторонним анализом форм конвергенции социального и технологического, выявлением сопутствующих рисков и новых гуманитарных перспектив. Важную роль играет осмысление социально-онтологических факторов генезиса новых технологий, а также экспликация методологических и аксиологических параметров когнитивной деятельности субъектов социально-технологического проектирования.

Ключевые слова: *социально-гуманитарные технологии, мягкая сила, когнитивные и аксиологические основания социального проектирования, коммодификация, общественная кооперация и самоорганизация, краудсорсинг*

V. Belokrylova¹, V. Lukashevich², Yu. Nikitina²

¹Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

²Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIAL AND HUMANITARIAN TECHNOLOGIES IN THE INFRASTRUCTURE OF THE “RISK SOCIETY”

The specificity of social reality today is largely determined by the ubiquitous spread of socio-humanitarian technologies that use information and communication developments as effective tools for targeted impact on the individual and society. Planning and management in the “risk society” should be associated with a comprehensive analysis of the forms of convergence of the social and technological, identification of associated risks and new humanitarian prospects. An important role is played by the comprehension of the socio-ontological factors of the genesis of new technologies, as well as the explication of the methodological and axiological parameters of the cognitive activity of the subjects of socio-technological planning.

Keywords: *socio-humanitarian technologies, soft power, cognitive and axiological foundations of social planning, commodification, social cooperation and self-organization, crowdsourcing*

Обилие информационных средств и сред, глубина их интеграции в жизнь современного человека многократно усиливает возможности антропомерного воздействия социальных акторов, реализующих собственные цели. Объектами воздействия социальных технологий становятся не только деятельность и поведение, но и мышление, эмоции, чувства, симпатии и антипатии как отдельных индивидов, так и социальных общностей в целом. Конвергенция экспоненциально возрастающих информационно-технических средств с эффективными инструментами воздействия на человека актуализирует задачу междисциплинарного изучения феномена социально-гуманитарных технологий во всем многообразии сфер их применения, привлекаемых средств и реализуемых целей. Праксеологический вектор в развитии отечественной гуманитаристики актуализирует задачу изучения социальных технологий как места встречи научной теории и определенного социального заказа.

Важнейшей задачей обществознания в условиях возрастающего влияния человекомерных технологий представляется исследование и проектирование научно обоснованных и практически апробированных организационно-управленческих, информационных и гуманитарно-образовательных средств противодействия деструктивным социальным технологиям. В условиях «общества риска», перманентного воспроизводства кризисных сценариев общественного развития остро ощущается потребность в реконструкции и гуманитарном осмыслении идей и сопутствующих им конкретных практик, лежащих в основе социального проектирования. Реализация масштабных социальных и социально-гуманитарных технологий может стать причиной кризисных сценариев в общественных системах. Однако социальные технологии могут служить средством антикризисного регулирования общественных процессов. В данном аспекте важна экспликация соотношения стихийного и управляемого в стратегиях преодоления кризисного состояния общественных подсистем. Сюда можно отнести новые возможности горизонтальных и вертикальных форм общественной кооперации, технологии стимулирования конструктивной гражданской активности, партнерства государства и бизнеса в преодолении кризиса.

Задача оптимизировать, рационализировать, контролировать эффективность разнообразных управленческих практик оставалась актуальной на протяжении всей человеческой истории. Различные «штучные» техники социального управления (в их числе многообразные дисциплинарные техники подчинения, эксплуатации, религиозного и иного убеждения), к которым функционально также могут быть отнесены социальные традиции и ритуалы, сопровождали развитие человеческого общества с древнейших времен. Мы разделяем мнение о том, что «все это и многое другое оказывается видом человеческой активности с применением “социальной” техники, но такая активность находится на дотехнологическом уровне» [1, с. 14–15]. Потребность в «индустриальном» характере управления, устойчивом результате стала главной причиной проявления, распространения и совершенствования социально-гуманитарных технологий.

Указанные технологии тесно интегрированы в механизмы жизнедеятельности современного информационного общества. В чем состоит их специфика по сравнению с традиционными управленческими практиками? В ситуации информатизации, глобализации, мультикультурных процессов и аксиологического плюрализма очевидной становится ограниченность моделей традиционного «вертикального» управленческого воздействия. Сетевым структурам постиндустриального общества коррелятивны «мягкие технологии», например технология «мягкой силы» как способ реализации влияния на международной арене. Кроме того, следует учитывать цивилизационные завоевания гуманизма, личностную автономию, политические права и свободы, требование политкорректности и т. п., которые накладывают определенные ограничения на прямое «авторское» управляющее воздействие. Поэтому социально-гуманитарные технологии могут быть дифференцированы из массива управленческих практик как раз по признаку опосредованного (непрямого) воздействия.

Популярное в обществоведческом дискурсе понятие «социальная (социально-гуманитарная) технология» при ближайшем рассмотрении демонстрирует достаточно парадоксальные свойства. С одной стороны, поступательная технологизация социокультурной сферы мало у кого вызывает сомнения. С другой стороны, содержание, границы и концептуальные координаты данного понятия не регламентированы и контекстуальны. Его широкое употребление и разнородный смысл, которым наделяют это понятие исследователи в зависимости от изначальных концептуальных установок и контекста, имеют беспрецедентный масштаб. «В исследовательском и управленческом сообществе нет не только единой теории социальных технологий, но и единства во взглядах на то, какие именно виды управленческого воздействия или влияния на общество относятся к данному разряду явлений» [2, с. 51].

Многие исследователи указывают на метафоричность термина «социальная технология», имея в виду лишь его структурное, но не сущностное соответствие прототипу, той совокупности явлений, которые привычно именуется технологиями в техносфере. Технология это то, что происходит в технической сфере при упорядоченной обработке неодушевленного материала, а отнюдь не мыслящей и волящей «социальной материи». Определение социальной технологии по аналогии с технологией в ее аутентичном инженерном значении оставляет много двусмысленностей и вопросов. В частности, это вопросы о свободе воли, критериях оценки деструктивного и конструктивного воздействия на человека, об артикуляции либо сокрытии подлинных целей воздействия для его реципиентов и т. д.

Принципиальное значение имеет вопрос о том, являются ли социально-гуманитарные технологии научной производной, либо в данном случае наука выполняет роль «догоняющего» по отношению к доказавшей свою эффективность практике? Какие достижения гуманитарной науки легли в основу социальных технологий, и наоборот, какие современные гуманитарные теории

стали рефлексивным ответом на соответствующие социальные процессы? Как соотносятся критерий практической эффективности и постулаты научности, и должна ли наука перед лицом экспансии социально-гуманитарных технологий корректировать собственные теоретические схемы? Не праздным является и вопрос об этичности социально-гуманитарных технологий: вправе ли наука выступать в роли инструмента социальных преобразований в чьих-либо интересах?

Полифония смыслов, которыми наделяется понятие «социальная технология» в зависимости от изначальных установок и контекста, имеет беспрецедентный масштаб. Не претендуя на полный охват всех «разночтений» в этой области, попытаемся хотя бы в общих чертах обозначить спорные пункты, «точки бифуркации», исследовательских позиций по поводу этого понятия.

Технологии социально-гуманитарного профиля различаются по масштабу целевой аудитории: от трансграничного влияния («мягкая сила», «цветные революции») до локальных проектов (адаптация мигрантов, социализация молодых ученых, управление знаниями на предприятии). Их следует также отличать от естественно протекающих социокультурных процессов и механизмов (например, социализация подрастающего поколения в определенных культурных рамках). Социальная технология, как и ее инженерный прототип, – это явление «рукотворное», искусственное. Однако зачастую естественная системно-социальная воспроизводимость культурных практик может быть ошибочно расценена как целенаправленное регулярное воспроизводство кем-то в каких-то целях. И наоборот, технологии, действующие инкогнито, охотно и весьма убедительно мимикрируют под естественные процессы воспроизводства социальной жизни, встраиваются в их механизмы и действуют от их имени.

Существенной атрибутивной чертой социально-гуманитарных технологий является их целерациональный характер. Однако в качестве средств и инструментов их реализации вполне могут быть использованы и традиции, и ценности, и аффекты. Чем более эмоционально окрашен некий посыл влияния, тем выше коэффициент его полезного действия.

Рассматриваемые нами технологии представляют собой своеобразное алиби социально-гуманитарных наук перед возрастающими требованиями эффективности и инновационности. «Использование социальных технологий управления в различных сферах жизнедеятельности человека привели к образованию нового типа управленческой культуры – концептуально-стратегической. Основная отличительная ее особенность – это инновационность, под которой понимается превращение информации, знаний в материальный ресурс, в коммерческий доход» [3, с. 10]. В то же время рыночная востребованность социально-гуманитарных технологий как инструментов коммодификации и максимизации коммерческого эффекта сосуществует с их гуманистически ориентированным применением. Дистанция между императивом эффективности и императивом гуманизма постоянно увеличивается. Как ни парадоксально, «гуманитарные» отнюдь не обязательно означают гуманные и конструктивные.

Принципиальным для этико-мировоззренческой оценки феномена социально-гуманитарных технологий представляется определение их отношения к человеку: человек – это цель либо лишь средство инновационных трансформаций? Человек для экономики либо экономика для человека? Очевидно, что подлинным ответом здесь будет не декларация о благих намерениях (вспомним некогда широко известное «все для человека, все во имя человека»), а гуманитарно соразмеренные сценарии достижения целей, корректная постановка этих целей, учет их ближайших и отдаленных последствий не просто для «человеческого капитала», рассматриваемого через призму исключительно экономической эффективности. В рефлексивном продуцировании и ценностном лоббировании гуманных параметров общественных взаимодействий и состоит прямая миссия гуманитарных наук в эпоху коммодификации, сопровождающей становление когнитивного капитализма.

Для методологически корректного употребления понятия «социально-гуманитарная технология» сформулируем его наиболее характерные атрибутивные признаки. Они могут играть роль «идеальных типов», в соответствии с которыми можно выделить данный феномен из массива внешне схожих с ними практик и процессов.

1. Эффективность, а именно то обстоятельство, что технология с достаточно высокой статистической вероятностью реализует свои цели, «работает».

2. Наличие эксплицитных целей по преобразованию сознания, ценностей, убеждений индивидов и (или) общественных групп. Очевидно, что социально-гуманитарные технологии активно используют информационно-коммуникативные технологии в качестве средства достижения своих целей, многие из которых стали возможны в принципе благодаря цифровизации, что позволяет говорить об их конвергенции. Однако речь о социально-гуманитарных технологиях может идти тогда и только тогда, когда их предметная направленность (то, что пытаются изменить в заданном направлении) – человек и общество, когда присутствуют четкие цели, средства и алгоритмы достижения подобных изменений.

3. Если речь идет о социально-гуманитарной технологии, простого желания нечто изменить, на что-то повлиять недостаточно, важно иметь определенным образом организованное знание о средствах достижения искомого состояния, как, собственно, и сами средства. Знания, во-первых, эксплицитно выражены, разделены на этапы, сведены к алгоритму, то есть рефлексивно обработаны и оформлены в достаточной степени; во-вторых, в силу этого они могут передаваться, транслироваться и воспроизводиться в сходных условиях. В своем исконном значении «техне» означает мастерство как индивидуальное достояние мастера, в то время как технология (дополнительно включающая еще и «логос» – рефлексивную реконструкцию методологии и алгоритма успешных практик) выводит данные компетенции на надындивидуальный уровень серийного воспроизводства.

4. Эмпирически фиксируемая повторяемость неких социальных процессов дает провокационный повод заподозрить в их основе проявление определенной технологии. Общественная жизнь, коммуникация, культура вообще состоят из множества регулярных рутинизированных практик и ритуалов. Соблазн домыслить технолога-кукловода, социального инженера, стоящего за идущими в определенном направлении событиями, был и остается очень сильным, особенно в периоды социальных трансформаций. Отсюда не теряющие своей популярности конспирологические теории, основанные на интуиции «происходящим кто-то управляет». Важным критерием выделения социально-гуманитарных технологий из массива процессов социальной реальности является различие «искусственного» и «естественного». При этом искусственное (спроектированное) должно обладать признаками 1–3: определенность целей, осознанность средств и эффективность многошаговых стратегий. Важным условием квалификации явления в качестве технологии является наличие целенаправленного перехода от сущего к должному. Должное возникает как функция искусственного проектирования, для которого соблюдаются условия пунктов 1–3. Продолжительные исторические тренды и разовые прецеденты влияния в этом смысле не могут быть отнесены к социально-гуманитарным технологиям.

Воздействие информационно-коммуникационной среды также не должно автоматически отождествляться с реализацией данных технологий без достаточного на то квалификационного основания: наличия в «анамнезе» сведений об эффективном (1), целенаправленном (2), искусственно спроектированном (4), рефлексивно структурированном (3) воздействии на сознание, поведение и деятельность человека.

В ситуации плюрализма подходов, критериев и разнообразия потенциально напоминающих социально-гуманитарные технологии феноменов наиболее корректной должна быть идентификация данного класса явлений через обнаружение у них указанных функциональных особенностей, которые могут расцениваться в качестве «идеально типических» атрибутивных признаков. Наличие подобного минимального набора атрибутов будет свидетельством того, что перед нами именно социальная технология. В свою очередь отсутствие будет необходимым условием понятийной переквалификации рассматриваемого феномена, например как целерациональной, ценностно-рациональной либо воспроизводящей определенные традиции практики.

Несмотря на свою широкую распространенность, трактовка социальных технологий как продукта операционализации социально-гуманитарного знания требует определенной конкретизации. Так, в рамках концепции Г. П. Щедровицкого методологическое мышление соединяет проектирование, критику и нормирование с исследованием и познанием. При этом основная функция методологии состоит в обеспечении универсума человеческой деятельности прежде всего нормами, проектами и предписаниями. Поэтому основные про-

дукты методологической работы – конструкции, проекты, нормы, методические предписания, не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются только на реализуемость [4].

Таким образом, перспективы эффективности социально-гуманитарных технологий тесно сопряжены с когнитивными основаниями их проектирования, которые нуждаются в развернутой рефлексивной реконструкции. Когнитивные процессы, направленно создаваемые и регулируемые заказчиками и разработчиками, то есть инициативной стороной социально-гуманитарных технологий, и целесообразно воспринимаемые их реципиентами, по определению имеют несколько измерений.

Во-первых, это предметная корреляция их содержания с когнитивными характеристиками (запасом знаний и интеллектуальными способностями) разработчиков технологий, с одной стороны, и реципиентов (пользователей) – с другой. В самом общем виде названная корреляция задается той областью человеческой жизнедеятельности, в которой планируются к использованию социально-гуманитарные технологии: экономика (бизнес, финансовая сфера, торговля и т. д.), здравоохранение (оказание медицинских услуг, профилактика заболеваний, оборот медикаментов и медицинской техники и др.), образование, политическая деятельность, общественная безопасность, охрана природных ресурсов, культурная активность и многое другое, в русле чего уместны и ожидаемо эффективны социально-гуманитарные технологии. Несмотря на доминирующую самоочевидность такого рода корреляций, они не всегда срабатывают. Например, малосведущему человеку в сфере финансовой деятельности трудно осмыслить некоторые из предлагаемых схем собственных действий и их возможную пользу для личного или семейного бюджета. Соответственно он вряд ли их примет во внимание практически, если не формировать предметную корреляцию целенаправленно в русле процессов проектирования социально-гуманитарных технологий.

Во-вторых, это целевая (телеологическая) корреляция планируемых разработчиками схем поведения реципиентов и их реальным поведением, с одной стороны, и далеко идущими целями разработчиков и стоящих за ними заказчиков социально-гуманитарных технологий – с другой. Потребитель этих технологий прежде всего будет «искать свой интерес» в предлагаемой схеме поведения, и если его не найдет, то вряд ли примет ее, даже при наличии множества ярко демонстрируемых аргументов теоретического и квазипрагматического характера, а также аргументов вне-сферного характера (идеологических, политических, культурных, псевдокультурных, мифологических и т. п.).

В-третьих, анализируя однопорядковые измерения когнитивных процессов в русле проектирования и реализации социально-гуманитарных технологий, непременно предстоит принять во внимание процессы холизации знаний, сопряженные с оценкой эффективности социально-гуманитарных технологий в условиях целостной конкретной ситуации. Видимо, это наименее заметная

часть когнитивных процессов, связанных с разработкой и реализацией социально-гуманитарных технологий, поскольку на первом плане всегда оказываются целевые (а в их рамках ценностные) ориентации инициативной стороны и, соответственно, реципиентов. Но они же и указывают основное (во всяком случае, первоначальное) направление когнитивного анализа целостной конкретной ситуации: инициативная сторона будет изучать ее в контексте собственных целевых ориентаций, реципиенты – в русле своих. В итоге неизбежна плюралистичность оснований холизации знаний о целостной конкретной ситуации, а следовательно, о перспективах ее трансформации под воздействием социально-гуманитарных технологий.

Преодолеть плюралистичность представлений об исходной ситуации, действуя по всему фронту знаний, невозможно. Выход – в определении ее доминантных элементов. Для инициативной стороны и потребителя они могут быть существенно различными, но непременным условием проектирования и эффективной реализации социально-гуманитарных технологий должна выступать ассимиляция (трансформация) инициативной стороной доминантных элементов в представлении потребителя.

Разработка и реализация социально-гуманитарных технологий связаны с условиями неопределенности. Соответственно, эти процессы сопряжены с рядом эпистемологических проблем, решение которых направлено на уменьшение неопределенности. Для разработчиков социально-гуманитарных технологий базовым этапом когнитивных поисков является формирование представлений о целостной конкретной ситуации, сложившейся на данное время в конкретном социуме. В этом контексте далее необходимо определить степень чувствительности конкретной сферы, в которой планируется применение социально-гуманитарных технологий к событиям (состояниям и их ожидаемым изменениям) в других сферах с тем, чтобы учесть их возможные возмущающие влияния на течение событий в преобразуемой (равно охраняемой) сфере.

Особое внимание в любом случае необходимо уделить темпоральному аспекту осмысления конкретной ситуации, а именно ее связям с прошедшими состояниями социума и проекциями в будущее (виртуальными состояниями), в контексте которых (связей) можно оценить степень обоснованности виртуальных проекций, их шансов на реализацию и оправданную скорость планируемых трансформаций исходной ситуации в желаемую.

Механизмы (приемы) наведения (индукции) резонансных когнитивных процессов у потребителя следует адаптировать к его сформировавшемуся ранее пониманию отмеченных реалий: специфики целостной конкретной ситуации, чувствительности данной сферы (в которой планируется использование социально-гуманитарных технологий) к событиям в других сферах социума и сложившейся конкретной ситуации в целом, к оценке приемлемых темпов трансформации конкретной ситуации и, соответственно, предлагаемых механизмов ее сохранения, если ставится названная задача. Простейшим и наиболее рас-

пространственным приемом, видимо, является аналогия (историческая, структурно-функциональная, эволюционная и др.). Такого рода действия во многом сходны по своей когнитивной структуре с прогнозами-предостережениями и нормативными прогнозами как разновидностями (конкретными вариантами) сценарного подхода.

В целом анализ взаимодействия когнитивных процессов в контексте проектирования и реализации социально-гуманитарных технологий показывает, что такого рода взаимодействие наблюдается в двух основных ракурсах. Во-первых, в русле научного поиска по разработке социально-гуманитарных технологий. Здесь необходима корреляция предметных представлений об исходной целостной конкретной ситуации и процессов целеполагания, а именно рационализации целеполагания на основе знаний об исходной ситуации с учетом представлений о ее динамике, базирующихся на проекциях из сферы виртуальной реальности. И далее в русле реализации представлений когнитивное взаимодействие происходит путем корреляции знаний об исходной конкретной ситуации и результатов рационализации целеполагания, с одной стороны, и знаний о практико-ориентированных схемах действий, направленных на ассимиляцию реципиентами (потребителями, объектами) социально-гуманитарных технологий предлагаемых им оценок конкретной ситуации и образцов поведения в ее условиях, – с другой.

Во-вторых, в русле научного поиска по отысканию эффективных приемов реализации социально-гуманитарных технологий предстоит апплицировать названные процессы на потребителя, предполагая, что он, делая рациональный выбор в пользу принятия или непринятия (отторжения) предлагаемого образа поведения, совершит аналогичные корреляции. Подчеркнем, что такого рода корреляции, напоминающие действия по разработке социально-гуманитарных технологий, возможны в русле принципиально неудалимого рационального выбора, наряду с которым действуют механизмы эмоционального выбора и различного рода суггестии со стороны социальной мифологии, идеологием, моральных установок и др. В их условиях взаимодействие когнитивных процессов осуществляется через механизмы их наведения (индуцирования) в сознании реципиентов разработчиками социально-гуманитарных технологий. Им необходимо мотивировать потребителя к рациональному осмыслению взаимодействия когнитивных процессов, связанных с разработкой и функционированием социально-гуманитарных технологий, по меньшей мере в плане их обоснования знаниями об исходной целостной конкретной ситуации, включая виртуальные проекции, то есть предстоит выявить совокупность доминантных элементов (ценностных, ментальных и праксеологических ориентаций), представленных их носителями в исходной конкретной целостной ситуации, их динамику (факторы, ограничители, тенденции) и механизмы их воздействия на процессы проектирования и реализации социально-гуманитарных технологий. В этом контексте возможно успешное исследование системно-

методологических дефектов социальных технологий и деструктивных действий, направленных на дискредитацию позитивно ориентированных социально-гуманитарных технологий, которые, как и в целом культура социума, должны не разъединять, а интегрировать социальные группы в устойчивые целостности на основе идеала социальной гармонии.

Доступность информационно-коммуникационных технологий для широких масс, возможность создания пользовательского контента привели, как заключают эксперты, к оформлению новой субкультуры, которая способна развлекать сама себя, что обуславливает структурообразующие изменения культуры и экономики [5, с. 12]. Возможность любого желающего оставить рецензию, отзыв на фильм, книги, концерты и т. п., тиражируемость, простота и скорость распространения данных в сети Интернет до определенной степени нивелируют иерархический разрыв между специалистами и так называемыми дилетантами. Сторонники демократизации склонны видеть в этом кризис экспертократии, которая начинает тесниться любителями.

Долгое время было принято считать, что телевидение породило поколение, отличающееся индифферентностью и пассивностью. Но интернет-технологии вывели внеурочные увлечения общественности в публичную сферу, свидетельствуя о многогранности и активности широких масс. Виртуальные сообщества энтузиастов-единомышленников становятся своего рода группой поддержки того или иного хобби. На сегодняшний день нет методологии, позволяющей четко количественно определить вклад любителей в экономику, но, как утверждают эксперты, однозначно он растет [6; 7]. Ч. Лидбитер и П. Миллер в книге «Революция профессиональных любителей: как энтузиасты меняют нашу экономику и общество» («The Pro-Am Revolution: How Enthusiasts Are Changing Our Economy and Society») пишут о необходимости ввода в оборот нового понятия «профессиональные любители» (pro-am), поскольку количество и качество любительских работ существенно возросло [7]. Это любители, работающие в соответствии с общепринятыми профессиональными стандартами, обладающие значимым культурным и социальным капиталом. «Профессиональные любители – компетентные, образованные, ответственные и связанные Сетью люди» [7, р. 33]. Области действия профессиональных любителей, как правило, те, что недостаточно организованы с точки зрения институционализации, представляют большую долю риска для корпораций и компаний, периферийны, не отвечают должному уровню научности.

Подобная установка на делегирование полномочий решения вопросов массам из соображений, что количественный показатель определяет гарантию эффективности и качества решаемой проблемы, – вызов многовековой традиции, исходившей из постулата доступности знания сущности немногим. Однако практический опыт продемонстрировал, что при определенном общем уровне образованности масс и с условием правильной организации общественной результативность их трудовой деятельности может оказаться выше

корпоративной. Это позволило заключить, что для любой работы подходит тот человек, который хочет ее выполнять, работает с удовольствием.

В сложившейся конъюнктуре произошло оформление технологии краудсорсинга. Данный термин впервые употребил Дж. Хау [8]. Под краудсорсингом мы понимаем социально-гуманитарную технологию, основанную на инновационной информационно-коммуникационной инфраструктуре, ориентированную на привлечение к решению тех или иных задач широкого круга лиц, координируемых через Интернет, для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах. В случае краудсорсинга оплата, как правило, не практикуется либо же она невелика. Краудсорсинг обеспечивает консолидацию интернет-пользователей в цифровой среде с целью их привлечения к социальному конструированию, одним из последующих эффектов которой (консолидации) является формирование социальной ответственности. Платформы, на чьей базе реализуются краудсорсинговые проекты, становятся площадками интеграции разрозненных идей в единое осмысленное целое, порождая синергетические эффекты. Краудсорсинг бросает вызов концепции одномерного человека массового общества, отталкиваясь от установки, что интересы человека вне зависимости от его профессиональной принадлежности гораздо более разносторонние, потенциал, спектр способностей каждого из нас шире, нежели предлагаемые современной экономикой возможности для их реализации.

Как правило, экономические факторы оказываются определяющими в вопросе выбора трудовой деятельности, вынуждая отодвинуть на позиции хобби истинные увлечения. Социально-гуманитарная технология краудсорсинга с помощью широко распространенных информационно-коммуникационных технических средств, обеспечивающих их пользователям возможность выхода в Интернет, умело пользуется глубинной социальной природой человека, его потребностью во взаимодействии с себе подобными, избытком неостребованного таланта и творческого потенциала, обеспечивая сотрудничество между людьми самых разных регионов мира, тем самым способствуя глобализации труда, трансформируя структурные экономические связи.

При всем при том, что на заре возникновения технологии краудсорсинга ведущие компании скептически отнеслись к ней, на сегодняшний день это признанный инструмент, механизм, в том числе взятый на вооружение в сфере бизнеса, чья экономическая эффективность доказана. Одна из причин, определяющая обращение компаний к помощи краудсорсинга, – мониторинг спроса потенциальных потребителей с целью уменьшения рисков управления товарным производством.

Практическая реализация социально-гуманитарной технологии краудсорсинга продемонстрировала его привлекательность не только для недипломированных кадров любителей, но и дипломированных специалистов. Несмотря на то что краудсорсинг предполагает сотрудничество на безвозмездной основе, тем не менее ряд ведущих компаний все-таки финансово вознаграждают внес-

ших вклад добровольцев. Однако принципиально важно отметить, что право на интеллектуальную собственность отчуждается в пользу компании, на благо которой была осуществлена работа добровольцем.

Во многих краудсорсинговых проектах до определенного времени практикуется принцип анонимности (анонимны как компании, от которых исходит заказ, так и добровольцы, выполняющие задание). В этой форме демократизации, где не важны ни национальность, ни профессиональная специфика, ни уровень квалификации, некоторые исследователи склонны видеть способность краудсорсинга к формированию современной версии меритократии, при которой главным является лишь качество работы. Это дает основания им заключить, что со временем профессия превратится в артефакт индустриальной эпохи [5, с. 49].

Вместе с тем оценка социально-гуманитарной технологии краудсорсинга не столь однозначно позитивная. Скептики видят в краудсорсинге изощренный механизм современного капитализма охоты за талантливыми людьми со всего мира, чей труд при этом будет скромно оплачен по сравнению с вознаграждением штатных сотрудников этих компаний, предлагающих инновационные решения, либо вообще будет осуществлен на безвозмездной основе. К тому же высказываются опасения, что данная технология чревата возвращением культурной посредственности, уверовавшей в свой скрытый потенциал и утратившей самокритику [5, с. 23].

Социально-гуманитарные технологии – это сложный, многоаспектный и амбивалентный феномен современности, тесно интегрированный в структуры информационного общества. Ставшую крылатой формулу К. Маркса «не просто объяснять, но изменять окружающий мир» социально-гуманитарные технологии реализуют в различных целях и разнообразными способами.

Список использованных источников

1. Пржиленский, В. И. Возможна ли техническая наука об обществе? / В. И. Пржиленский // Филос. науки. – 2014. – № 10. – С. 9–19.
2. Воскобитова, Л. А. Социальные технологии и гуманистические ценности. Рефлексируя проблему / Л. А. Воскобитова, Г. Л. Тульчинский, М. В. Захарова // Филос. науки. – 2014. – № 10. – С. 47–52.
3. Шадрина, Л. Ю. Социальные технологии в системе управления / Л. Ю. Шадрина. – Новосибирск : НГУЭУ, 2011. – 306 с.
4. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды [Электронный ресурс] / Г. П. Щедровицкий – М. : Шк. культ. полит., 1995. – 800 с. – Режим доступа: https://royallib.com/read/shchedrovitskiy_georgiy/izbrannie_trudi.html#0 – Дата доступа: 21.01.2021.
5. Хау, Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса / Дж. Хау. – М. : Альпина Паблишер, 2012. – 287 с.
6. Брусов, М. Мудрость толпы: что заменит финансовую [Электронный ресурс] / М. Брусов // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/business/20/04/2016/57174e6d9a7947172a16f352> – Дата доступа: 20.11.2019.
7. Leadbeater, Ch. The Pro-Am Revolution: How Enthusiasts are Changing our Economy and Society / Ch. Leadbeater. – London : Demos, 2004. – 77 p.
8. Howe, J. The Rise of Crowdsourcing [Electronic resource] / J. Howe // Wired. – 2006. – 6 January. – Mode of access: <https://www.wired.com/2006/06/crowds/> – Data of access: 17.12.2019.

А. Л. Куиш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ

В работе с позиций философии образования анализируются современный статус, основные черты и особенности бытия личности в условиях современной реальности с проекцией результатов этого анализа в образовательную плоскость. Обозначены контуры образовательного идеала личности, определены основные положения концепции формирования и развития личности.

Ключевые слова: философия и методология образования, образование, личность, образование личности, образовательный идеал личности, концепция формирования и развития личности, образовательная модель личности

A. Kuish

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PERSONALITY AND THEIR EDUCATION IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIAL REALITIES

In the work, from the standpoint of the philosophy of education, the modern status, the main features of a person's being in the conditions of modern reality are analyzed with the projection of the results of this analysis into the educational plane. The contours of the educational ideal of personality are proposed, the main provisions of the concept of the formation and development of personality are determined.

Keywords: philosophy and methodology of education, education, personality, personality education, personality educational ideal, the concept of personality formation and development, personality educational model

Современное общество на данном этапе своего развития находится в стадии турбулентности. Как считают многие ученые, это состояние является следствием его активного техногенного развития, приводящего к серьезным экономическим, социальным, культурным, личностным, экологическим и иным изменениям (см., например, [1; 15; 17] и др.). Происходящие в обществе процессы оказывают как позитивное, так и негативное воздействие на образование, изменяя его формы, содержание, место и роль в обществе, цели и задачи.

Мы будем анализировать эти процессы с их проекцией на личность и ее образование. В основе нашей методологии решения задачи концептуализации современного образования личности лежит идея о том, чтобы через изучение социальных процессов, а также форм, интересов, целей, иных особенностей

бытия человека выйти на решение проблем его образования, определиться с содержанием последнего, его формами, направлениями развития. Создание методологии в этом случае подразумевает определенную последовательность шагов. В ее основе лежит совокупность методов философии образования и социально-гуманитарных дисциплин, от которых путь лежит к формированию исследовательского подхода, в чьих рамках разрабатываются методологии и методики исследования личности. Его формирование осуществляется с помощью философско-антропологического и философско-социального подходов, относящихся соответственно к социальной философии и философской антропологии.

Говоря о конкретных методах исследования в рамках этого подхода, отметим, что следует обратиться к изучению свойств и особенностей бытия личности в современном обществе в таких аспектах, как культурный, духовный, экономический, техногенный, политический, национальный, информационный, экологический, прав человека и др. В процессе исследования следует определить современные статус, свойства, условия существования, цели и задачи жизнедеятельности личности. Полезно сравнить ее современные качества с качествами из предыдущих времен и эпох. Используя результаты этих исследований, мы сможем определиться с образованием личности, с путями и способами его реформирования. Для удобства изучения обозначенного нами объекта исследования следует сформировать методологическую рамку исследования как систему представлений о нем и методов его изучения, с помощью которой проводится само исследование.

К самому процессу исследования предъявляются определенные требования и ставятся условия. Что касается требований, то они стандартны в смысле их применения к научному поиску, основываются на объективности и доказательности результатов научного исследования, следования его логике, обоснованности полученных выводов и т. п. В процессе исследования следует учитывать условия функционирования современного общества и личности – это, в частности, постиндустриальная стадия развития, в которой находится современное общество, техногенная среда, система коммуникаций, что касается образовательного аспекта, то это процессы трансформации образования, его глобализация, интернационализация и др. Поскольку мы имеем дело с объектами, обладающими собственной субъектностью (как общество и личность), то в процессе исследования необходимо учитывать их интересы, интенции и потребности. Одним из условий является также ориентирование исследования на практику.

Человеческое общество (если иметь в виду развитые страны) за последние полстолетия претерпело существенные изменения в различных областях своей деятельности: технико-технологической, экономической, социальной, культурной, духовно-нравственной, системе коммуникаций и др. Появились и (или)

актуализировались такие глобальные проблемы человечества, как экологическая, демографическая, войны и мира, международного терроризма, богатства и бедности, манипулирования общественным сознанием и проч. (см., например, [5; 6; 8; 15] и др.). Характеризуя сложившуюся ситуацию, академик Е. М. Бабосов пишет: «Самыми характерными особенностями современного социума становятся нелинейность, противоречивость, поливероятность, зачастую непредсказуемость основных трендов развития» [1, с. 10]. Как отмечают Д. Белл, В. П. Старжинский, в качестве наиболее важного фактора, приведшего к серьезным социальным и личностным изменениям, явилось активное техногенное развитие, связанное с быстрым ростом научного знания [2; 17].

Идущие в современном обществе процессы очень разноплановы, многообразны, разнонаправлены, их трудно уместить в рамках некоторой одной концептуальности, как это было возможно на более ранних этапах развития человеческой цивилизации, они не являются устоявшимися и стабильными, что также осложняет задачу их описания и оценки. Говоря о внутренней структуре самого общества, следует отметить, что оно стало фрагментированным, и в каждом из фрагментов созревают и развиваются относительно самостоятельные процессы, не всегда приводимые к общему социальному знаменателю. В современном мире реализуются самые разные способы социального бытия, он имеет множество культурных, социальных, профессиональных и иных «ниш». Ф. Лиотар назвал это состоянием постмодерна [13].

Одной из важных проблем современного общества является доминирование экономики над остальными сферами его жизнедеятельности. Несомненно, следует отметить успехи экономической сферы, способной эффективно обеспечивать основную часть населения необходимыми материальными благами, гибкость современных производственных процессов, которые быстро переоборудуются на выпуск прибыльной продукции, международное разделение труда. Но вместе с тем, как признают многие экономисты (см., например, [14]), современная экономика является довольно неустойчивой, несоразмерно развита финансовая сфера, имеет место серьезный дисбаланс между трудом и капиталом, что приводит к серьезному социальному неравенству. Такая экономика в перспективе не способна обеспечить экономическую стабильность широких масс населения, справедливое или хотя бы достаточно сбалансированное распределение доходов. О главном направлении преодоления проблемы доминирования экономики говорит В. Л. Иноземцев, утверждая, что постиндустриальное общество переходит в постэкономическую фазу, и в перспективе в нем будет преодолевать господство экономики над людьми, а основной формой его жизнедеятельности станет развитие человеческого капитала [8].

Под влиянием комплекса техногенных, коммуникационных, информационных, социокультурных факторов возникают значительные изменения в социальной, экономической, политической, культурной сферах деятельности современного человека, нравственном и духовном его состоянии. Происходит

отчуждение человека от общества, в своих мыслях и действиях он противостоит самому себе и окружению, у него возникают проблемы в рефлексивном поведении, что проявляется в формах агрессивности, безразличия, недоверия, подозрительности, отчаяния, страха, ожесточения и часто приводит к алкоголизму, наркомании, ведет к разрушению его личности [16]. Об отчуждении современного человека, проблеме нового тоталитаризма («Всеобщей империи») пишет А. А. Федотов, анализируя проблемы бытия человека в контексте разных исторических эпох [18]. Ученый акцентирует внимание на проблеме «нового тоталитаризма», показывающей, как хрупка свобода современного человека, как он незащищен и слаб перед лицом появившихся серьезных угроз со стороны новых технологий цифрового государства, где вместо свободной и саморазвивающейся личности можно получить *самозагоняющегося раба*, который сам будет тщательно заботиться о том, чтобы выполнять все, что от него требует государство.

Современные реалии демонстрируют отрицание сложившейся ранее системы норм и ценностей. Современная ценностная сфера находится в состоянии поливариантности. Идет процесс забывания и отрицания традиций, имеет место быстрая сменяемость социокультурных образцов, сокращение срока их действия [12]. Следствием происходящих в современном мире процессов является кризис индивидуальных и коллективных идентичностей, который связан с разрушением многих привычных ценностей и норм, с эфемерностью социальных процессов, с трудностью интеграции прошлого и будущего, с проблемой согласованности разных коммуникационных потоков и систем социальных взаимодействий на индивидуальном и коллективном уровнях. [15]. Глобализация активно распространяет по всему миру и ускоряет все эти процессы. В итоге в современном мире с каждым годом все острее начинает ощущаться проблема духовно-нравственной безопасности личности, национальных культур и общества в целом.

Особо следует отметить, что негативные тенденции и формы социального и личностного бытия, сформировавшиеся под влиянием указанных факторов, наиболее активное влияние оказывают на молодежь, поскольку система ее ценностей еще не вполне сформирована, она находится под сильным влиянием средств массовой информации, новых информационных технологий, открытость которых несет как конструктивный, так и деструктивный контент. Отсутствие должного контроля за процессом формирования личности приводит к тому, что зачастую существенное влияние на нее оказывают негативные факторы социальной среды, и это провоцирует различного рода искажения и диспропорции в ее формировании и развитии.

Все указанные в данной работе процессы и явления, связанные с обществом и личностью, в той или иной степени проецируются на образовательную систему, вызывая в ней соответствующие изменения. Процессы плюрализации,

отчуждения, контроля над деятельностью людей, которые имеют место в обществе, проникают в образование, приобретая в нем различные формы. Оно начинает переходить на диалоговые формы, увеличивается формальная составляющая в организации учебного процесса, снижается по сравнению с прошедшей эпохой воспитательное воздействие на личность, образование коммерциализируется и рассматривается уже как образовательная услуга и т. д.

На систему образования оказывают влияние современные цифровые технологии, Интернет с его мощными информационными ресурсами, средства массовой информации с их технологиями воздействия на личность, которые составляют серьезную конкуренцию традиционному образованию в плане ее обучения и воспитания. Кроме того, цифровые технологии проникли в саму систему образования и находят свое применение в его дистанционных формах, в средствах коммуникации, в области средств технического обучения.

Образование является одной из главных движущих сил общества, и если оно основано на прогрессивных принципах, использует прогрессивные организационные ресурсы и технологии, то с его помощью возможно достичь существенных результатов в становлении и развитии личности и совершенствовании социума. Вместе с тем невозможно построить стабильную, развитую, эффективно функционирующую систему образования в нестабильном, неразвитом, неопределенном в плане своего развития обществе. Социальная и образовательная системы должны быть гармонизированы. Это означает, что одним из главных условий эффективности образовательной системы является наличие развитого и стабильного общества.

Для решения проблемы реформирования образования необходима разработка *образовательного идеала*, на основе которого можно сформировать *концепцию развития образования*, определиться с его *моделями*. Решение проблемы создания такого идеала основывается на результатах концептуализации социальных процессов с выработкой доктрин дальнейшего развития общества на основе созданных прежде всего философией с помощью всего спектра социально-гуманитарных и технических наук представлений о том, куда должен двигаться дальше современный мир. Выверенная стратегия развития общества, адекватная тактика решения соответствующих ей задач способны обеспечить сбалансированное его развитие с учетом существующих конструктивных традиций и прогрессивных инноваций. То есть для разработки образовательного идеала необходимо иметь представление об идеале социальном.

Если исходить из положения, что социальный идеал общества должен выглядеть как общество социальной справедливости, основанное на благосостоянии граждан, нацеленное на совершенствование, гармоничное и сбалансированное развитие, познание природы и самого себя, освоение духовно-нравственной сферы, культуры, гармоничное сосуществование с природой, учитывающее свободное творческое позитивное развитие личности, то тогда можно более

определенно высказаться и об образовательном идеале, который представляет собой своего рода образец, высшую цель, лучшее из того, что мы можем достигнуть, и к которому следует направлять образование. Он должен использовать научно-технический, социально-политический, духовный и культурный потенциал современного общества и личности, быть нацеленным на опережающее их развитие, гармонично сочетать в себе традиции и новации, уметь противостоять негативным тенденциям и угрозам, служить альтернативой деградиционным и деструктивным процессам, вызванным неправильным использованием упомянутого потенциала.

Разработка образовательного идеала связана с определением путей развития образования на основе социальных и личностных перспектив роста и использования в нем возможностей, которые предоставляет нам современная эпоха. То есть задача сводится к определению этих путей и использованию в их реализации всего спектра возможностей современного общества, личности и образования. Решение этой задачи затронет все аспекты современного образования: его содержание, форму, используемые технологии, структуру, отношения как внутри его самого, так и с внешними по отношению к нему объектами и др.

Образовательный идеал личности и соответствующая ему модель ее формирования должны создаваться с учетом социального образовательного идеала. Они разрабатываются, научно обосновываются, принимаются научным и педагогическим сообществом, обществом в целом и служат общим ориентиром в формировании доктрин, организации форм, обеспечении процессов и реализации моделей образования. К этому выводу нас подводят, в частности, работы таких ученых, как С. Э. Берестовицкая [3], М. В. Демин [7], В. Л. Цыбовский [19], П. Г. Щедровицкий [20] и др. В противовес этой точке зрения придерживающиеся либеральных взглядов ученые проповедуют полную свободу выбора человеком и обществом собственного жизненного пути. Не отрицая наличия у этих субъектов социального процесса определенного диапазона свободы, мы придерживаемся мнения, что общество должно стоять на пути достижения некоторой общей для него цели. При этом социальный идеал выступает ориентиром, к которому оно должно стремиться, а являющаяся его частью базовая система ценностей служит основой для социальной стабильности, социальных коммуникаций, согласованности и гармонизации социальных отношений.

В рамках образовательного идеала должно быть обозначено решение гуманитарной проблемы, обусловленной техногенным перекосом, образовавшимся в современном обществе, который можно преодолеть только через нравственное, духовное, интеллектуальное развитие каждого человека, через совершенствование его культуры и мировоззрения, укрепление социального статуса, развитие личностного потенциала. Гуманитарное образование, как минимум гуманитарная грамотность, обеспечивает основу для коммуникации людей,

для формирования сообществ, для взращивания гуманитарных элит как источника устойчивого функционирования и развития общества.

Попробуем на основе изложенного нами определить некоторые направления и отметить особенности образования личности в современных условиях. Как уже было указано, путь от образовательного идеала, формирующегося в результате изучения общества, личности, образования, лежит к образовательной концепции, которая представляет собой результат рационализации, приближения к реальности этого идеала, то есть его концептуализации. Концепция является обобщенным, целостным и системным представлением об объекте, в ней должны быть даны общие положения и принципы, ориентированные на практику. Это приближенная к практическим условиям теоретическая конструкция, в которой прописываются условия существования, принципы устройства, направления развития, основные черты и требования к образовательному объекту, в нашем случае – образованию личности. На основании концепции и в соответствии с ее требованиями, системой принципов с помощью определенной методологии разрабатывается конкретная образовательная модель.

Отметим, что на основе определенной концептуальности разработан и ныне действующий Кодекс об образовании [9]. Нет возможности анализировать и сравнивать его концептуальные основания с предлагаемыми здесь. Заметим только, что они различаются, в частности, тем, что излагаемые нами основания в большей степени согласованы с современными социальными реалиями, поскольку разработку этих оснований мы осуществляем, опираясь на результаты анализа этих реалий.

Представим основные принципы концепции формирования и развития личности в системе современного образования, которые определяют контекст образования личности на сегодняшний момент и на перспективу:

- гуманитаризация современного образования;
- использование информационных технологий и воспитание информационной культуры;
- использование в современном образовании мультипарадигмальности, основанной на едином концептуальной базисе;
 - свобода выбора образовательной траектории личностью как возможность реализации своего личностного потенциала;
 - поликультурность, содержащая в своей основе национальные традиции и общечеловеческие ценности;
 - отражение в образовании человека основных его социальных связей;
 - привитие навыков самообучения и саморазвития;
 - учет процессов глобализации.

Сделаем некоторые комментарии к этим положениям. Так, сложной и важной является проблема сбалансированного соотношения социального и личностного факторов в системе образовательного процесса. Ее решение лежит на пути, с одной стороны, воздействия образования на личность в плане ее

социализации и, с другой – свободного развития личности по индивидуальной траектории в соответствии с ее способностями, потребностями, целями и задачами. В подобном ракурсе, как проблему инкультурации и обособления индивида, ее рассматривает в своих работах Л. С. Выготский [4].

В связи с этим структура концепции должна быть многоуровневой. На нижнем уровне – единый базис, на более высоких уровнях – все более реализуемое многообразие в зависимости от возможностей общества и потенциала личности. Этот базис выступает как основа и связующее звено всего образования, является следствием единства структуры и деятельности личности. Полипарадигмальность же оказывается возможной благодаря способности реализации личностью всего разнообразия образовательных путей. Подобное можно сказать и о принципе «поликультурность, содержащая в своей основе национальные традиции и общечеловеческие ценности». В качестве общечеловеческих ценностей могут выступать признанные научным сообществом и международными организациями теоретические разработки в области аксиологии по этой проблеме и подтвержденные международной социальной практикой права человека (см. [10; 11]).

Исходя из такого подхода следует рассматривать и решение проблемы национального и интернационального в образовании. На основе этого подхода формируются идеи и представления, которые выступают выражением идеалов и ценностей национальной системы образования, общества и личности. При этом интернациональность может рассматриваться с позиций признаваемых отечественным научным сообществом философских течений через призму национальной культуры. Эти течения формируют мир потенциальных возможностей в области развития образования, из которых реализуются только соответствующие потребностям нашего общества и требованиям эпохи.

На основе предложенных положений новой образовательной концепции развития личности, наполняя их содержанием, проецируя в практическую плоскость, можно разрабатывать соответствующие образовательные модели, в которых эти положения воплощаются в реальность.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Роль креативной личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 300 с.
2. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 2004. – 786 с.
3. Берестовицкая, С. Э. Какое мировоззрение необходимо сегодня воспитывать? / С. Э. Берестовицкая // Народ. образование. – 2015. – № 7. – С. 51–57.
4. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1991. – 480 с.
5. Горова, С. В. Особа в інформаційному суспільстві: виклики сьогодення / С. В. Горова ; наук. ред. О. С. Онищенко. – Київ : Нац. б-ка України, 2017. – 452 с.
6. Губин, В. Д. Человек и его бытие в природе, истории и культуре / В. Д. Губин. – М. : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1992. – 238 с.

7. Демин, М. В. Проблемы теории личности: социально-философский аспект / М. В. Демин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 240 с.
8. Иноземцев, В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 470 с.
9. Кодекс Республики Беларусь об образовании: от 13.01.2011, № 243-З (ред. от 26.05.2012) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://research.bsu.by/wp-content/uploads/2014/04/code-on-education-243-3-13.01.2011-ed-2012.pdf> – Дата доступа: 20.11.2020.
10. Куиш, А. Л. Базовые ценности личности / А. Л. Куиш // Национальная философия в глобальном мире : тезисы Первого белорусского философского конгресса / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2017. – С. 328–329.
11. Куиш, А. Л. Понятие личности в контексте прав человека: философский аспект / А. Л. Куиш // Сборник материалов Республиканского научно-практического республиканского семинара «Права человека и личность. Роль личности в познании, защите и реализации прав человека», 8 дек. 2018 года, г. Брест / науч. ред. И. И. Котляр. – Брест : Альтернатива, 2019. – С. 8–11.
12. Левада, Ю. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000 / Ю. Левада. – М. : Моск. школа полит. исслед., 2003. – 574 с.
13. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар ; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М. : Алетейя, 1998. – 159 с.
14. Пикетти, Т. Капитал в XXI веке / Т. Пикетти. – М. : Ad Marginem, 2015. – 592 с.
15. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / [В. С. Степин и др. ; отв. ред. В. С. Степин]. – М. : Наука, 2007. – 638 с.
16. Салихов, Г. Г. Проблема идентичности в условиях глобализации / Г. Г. Салихов // Век глобализации. – 2015. – № 1 (7). – С. 122–129.
17. Старжинский, В. П. Гуманизация инженерного образования: философско-конструктивный подход / В. П. Старжинский. – Минск : Ремико, 1997. – 195 с.
18. Федотов, А. А. Личность перед лицом глобальных вызовов в свете истории конца XIX – начала XXI в. / А. А. Федотов. – Витебск : Витеб. гос. ун-т имени П. М. Машерова, 2020. – 139 с.
19. Цыбовский, В. Л. Личностно-ориентированный подход в вузовском образовании / В. Л. Цыбовский // Вышэйшая школа. – 2003. – № 3. – С. 13–14.
20. Щедровицкий, П. Г. Очерки по философии образования / П. Г. Щедровицкий. – М. : Пед. центр «Эксперимент», 1993. – 276 с.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГІСТОРЫЯ ФІЛАСОФІІ БЕЛАРУСІ: МІНУЛАЕ І НОВЫЯ ТВОРЧЫЯ ГАРЫЗОНТЫ

Перыяд сталасці школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў у Беларусі прыпадае на канец 60-х – пачатак 70-х гадоў XX ст. Пасля выхаду кнігі «3 гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі»¹ надышоў час, калі да збору матэрыялу і абагульнення асобных фрагментаў інтэлектуальнай рэальнасці мінулага дадалося напісанне прац тэарэтычнага плана, прысвечаных не толькі пэўнаму абагульненню сабранага матэрыялу, але і задумванню той ці іншай канцэптуальнай схемы, здольнай ахапіць усю гістарычную рэальнасць і паказаць некаторыя тэндэнцыі яе развіцця. Нейкім прамежковым пунктам гэтай работы было выданне ў 1973 г. пад рэдакцыяй К. П. Буслова «Нарысаў гісторыі філасофскай і сацыялагічнай думкі Беларусі (да 1917 г.)»². Па сутнасці з гэтых дзвюх кніг пачынае назапашвацца вопыт комплексных даследаванняў у галіне беларускай філасофіі. Праз абагульненне здабыткаў пасляваеннага перыяду адбываецца выбудоўванне тых метадалагічных узораў, на якіх і цяпер грунтуюцца нашыя даследаванні ў галіне гісторыі філасофіі Беларусі.

Для многіх «нацыянальных філасофій» агульнасаюзнай прасторы гісторыі адначасова была цэласнай версіяй і ўласна лакальнага развіцця, ад якой ужо, зыходзячы з інстытуцыянальных традыцый савецкай філасофіі, вымушаны былі адштурхоўвацца і ўсе далейшыя нацыянальныя тэорыі. Гісторыя філасофскай думкі Беларусі не была тут выключэннем. Праўда, дзеля справядлівасці неабходна адзначыць, што «Гісторыя філасофіі ў СССР»³ не была чыста «маскоўскім праектам», паколькі адпаведныя раздзелы пісалі філосафы з розных саюзных рэспублік. Так, матэрыялы, якія тычыліся Беларусі, належаць пярэ акадэміка Д. І. Шыраканавы, К. С. Пракошынай, М. А. Алексютовіча, М. С. Купчына, Э. К. Дарашэвіча, А. А. Бірылы, П. Д. Пузікава.

Ацэньваючы першапачатковы этап, можна адзначыць, што яго дасягненні, прычым не толькі канцэптуальна-метадалагічнага, але і арганізацыйнага плана былі надзвычай прадуктыўнымі для далейшага развіцця школы гісторыка-

¹ Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – начала XIX в. / под ред. В. А. Сербенты. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1962. – 524 с.

² Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) / АН БССР, Ин-т философии и права ; под ред. К. П. Буслова. – Минск : Наука и техника, 1973. – 556, [551] с.

³ История философии в СССР : в 5 т. / рук. авт. коллектива В. Е. Евграфов. – М. : Наука, 1968–1988. – 5 т.

філасофскіх даследаванняў у Беларусі. Наша выснова пацвярджаецца ўжо тым, што ў наступныя два дзесяцігоддзі выходзіць шэраг фундаментальных манаграфій¹, а па выніках даследаванняў калектыў гісторыкаў філасофіі (А. С. Майхровіч, С. А. Падокшын, У. М. Конан і інш.) у 1984 г. атрымлівае Дзяржаўную прэмію БССР за цыкл прац па гісторыі філасофіі і грамадскай думкі Беларусі дакастрычніцкага перыяду. Такія высокія дасягненні абумоўлены тым, што ўжо на дадзеным этапе развіцця школы ў межах калектыву даследчыкаў беларускай філасофіі была створана творчая атмасфера, вольная ад дагматызму і ідэалагічнай абмежаванасці. Па ўспамінах супрацоўнікаў, ужо з тых далёкіх часоў склалася традыцыя грунтоўнай і нязмушанай дыскусіі пры абмеркаванні, свабоднай ад аўтарытарызму і навязвання пунктаў гледжання, што стварыла дадатковы творчы патэнцыял пры развіцці беларускай школы гісторыка-філасофскіх даследаванняў.

Прыкладна ў той жа час у гісторыі школы вызначылася іншая важная тэндэнцыя. Мы ўжо адзначылі, што тая першасная метадалогія, на аснове якой ствараліся першыя абагульняючыя работы², была выпрацавана з апорай на агульнасаюзную праграму даследаванняў шматнацыянальнай савецкай філасофіі. У 1970-я гады практычна адначасова былі прапанаваны ўжо дзве «ўнутраныя» парадыгмы тэарэтычнага асэнсавання беларускай нацыянальнай філасофіі, якія, па-першае, абапіраліся на тое, што мы ўмоўна можам назваць беларускім духоўным вопытам, а па-другое, з'яўляліся ў цэлым самастойнымі канцэпцыямі. Мы маем на ўвазе манаграфію А. С. Майхровіча «Аб эстэтычным асваенні рэчаіснасці»³ і працу У. М. Конана і Э. К. Дарашэвіча «Нарыс гісторыі эстэтычнай думкі Беларусі»⁴.

Навуковая спадчына Альфрэда Майхровіча шматгранная і ахоплівае амаль увесь спектр пытанняў, над якімі і цяпер працягваюць працаваць прадстаўнікі айчынай школы гісторыі філасофіі. Гэта працы і ў галіне гісторыі культуры, і сацыяльнай філасофіі, і эстэтыкі, і этыкі. Таленавіты вучоны імкнуўся не толькі выкладаць гісторыю беларускай думкі, але і канцэптуальна выбудоўваць

¹ Идеи гуманизма в общественно-политической и философской мысли Белоруссии : (дооктябрьский период) / АН БССР, Ин-т философии и права ; под ред. К. П. Буслова. – Минск : Наука и техника, 1977. – 279 с. ; Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: доокт. период: закономерности развития, проблемы исследования / под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Наука и техника, 1987. – 335, [331] с. ; Идеи материализма и диалектики в Белоруссии : доокт. период / АН БССР, Ин-т философии и права ; под ред. К. П. Буслова. – Минск : Наука и техника, 1980. – 344 с.

² Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии... ; Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.) ; Лушчыцкі І. М. Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі Беларусі ў другой палавіне XIX веку. – Мінск : Выд-ва Беларус. дзярж. ун-та, 1958. – 367 с.

³ Майхрович А. С. Об эстетическом освоении действительности. – Минск : Наука и техника, 1973. – 181 с.

⁴ Дорошевич Э. К., Конан В. М. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. – М. : Искусство, 1972. – 319 с.

яе асноўныя вехі, звязваючы тэксты, персаналіі, а таксама інтэрпрэтацыі перыядаў у адзіную лінію, падпарадкаваную агульнай ідэі. У якасці стрыжня, што спалучаў усе эпохі і народы ў агульную гісторыю, А. С. Майхровіч прызнаваў ідэі гуманізму, а эвалюцыю грамадства ён разглядаў менавіта як яго гуманізацыю. Уладзімір Конан з'яўляецца наступнай знакавай постаццю школы філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Хаця для тых, хто знаёмы з творчасцю гэтага філосафа, відавочна, што сутнасць яго спадчыны не можа быць зведзена толькі да нейкай пэўнай галіны філасофіі, а таксама і да галіны гуманітарыстыкі наогул. Ён уяўляў сабой рэдкі для сучаснасці тып вучонага-энцыклапедыста. У беларускай культуры У. М. Конан лічыўся прызнаным аўтарытэтам шмат у якіх галінах ведаў: ад фалькларыстыкі і культуралогіі да беларускай філалогіі і мастацтвазнаўства. І ўсё ж дазволім сабе меркаванне, што, звяртаючыся да ўсіх шматлікіх прадметаў свайго зацікаўлення, ён выступаў найперш як філосаф, гэта значыць, імкнуўся шляхам напрацоўкі і наступнага асэнсавання і інтэрпрэтацыі выкарыстоўваць велічэзны факталагічны матэрыял перш за ўсё для верыфікацыі пэўнай канцэпцыі беларускага нацыянальнага генезу.

Полілінгвістычная мадэль беларускай філасофіі стварыла вельмі камфортныя ўмовы для шматграннай работы па назапашванні матэрыялу, яго перакладу і філасофскай інтэрпрэтацыі. У вусную гісторыю аддзела гісторыі філасофіі ўвайшлі вельмі цёплыя ўспаміны пра рэгулярныя камандзіроўкі супрацоўнікаў у Вільнюс, Маскву і Ленінград, дзе з надзвычайнай скрупулёзнасцю выбіраліся і капіраваліся разнастайныя крыніцы, у тым ліку на лацінскай і польскай мовах. Вынікі гэтай працы сталі асновай для напісання манаграфій і навуковых артыкулаў У. В. Дуброўскага, А. Я. Цукермана, Л. А. Чарнышовай¹. Крыху пазней, ужо ў пачатку 1990-х, убачыла свет своеасаблівая анталогія «Помнікі філасофскай думкі Беларусі XVII – першай паловы XVIII ст.»², у якой была змешчана большая частка перакладзеных і інтэрпрэтаваных крыніц. З дапамогай гэтай факталагічнай базы дзякуючы арганізацыйным намаганням і тэарэтычным напрацоўкам К. С. Пракошынай³ была створана школа беларускага рэлігіязнаўства.

Між іншым назапашаны матэрыял становіўся факталагічнай базай для вялікай колькасці даследаванняў, прысвечаных як асобным персаналіям, так і цэлым эпохам. Трэба адзначыць кардынальнае значэнне ключавых для разу-

¹ Дубровский В. В. Казимир Нарбут. – Минск : Наука и техника, 1979. – 136 с. ; Цукерман А. Я. Философская мысль в Белоруссии середины XVIII века. – Минск : Наука и техника, 1980. – 111 с. ; Чернышева Л. А. Латиноязычная традиция в культуре белорусского барокко // Белороссика: книговедение, источники, библиография / Акад. наук Белорус. ССР, Фундамент. б-ка им. Якуба Коласа ; ред. Л. И. Збралевич [и др.]. – Минск : [б. и.], 1980. – С. 68–80.

² Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в. / под ред. А. С. Майхровича. – Минск : Наука и техника, 1991. – 318, [311] с.

³ Прокошина Е. С. Казимир Лыщинский. – Минск : Беларусь, 1986. – 93 с. ; Ее же. Очерк свободомыслия и атеизма в Белоруссии в XIX в. – Минск : Наука и техника, 1973. – 226 с.

мення айчыннай філасофскай думкі рэканструкцый такіх стадый яе развіцця, як Асветніцтва, якое даследаваў Э. К. Дарашэвіч¹, а таксама Адраджэнне – любімая тэма намаганняў С. А. Падокшына². Беларускі рамантызм і позняе Асветніцтва даследавала Н. М. Махнач³. А. С. Майхровіч на працягу ўсёй сваёй творчасці цаглінка за цаглінкай будаваў цэласную і шматгранную карціну дынамікі станаўлення беларускай нацыянальнай ідэі, а таксама канцэптуалізаваў Сярэдневякоўе і ранні Рэнесанс⁴. Пэўнай канкурэнтнай мадэллю выступалі канструкцыі У. М. Конана⁵.

Працэсы перабудовы і дэмакратызацыі грамадства дазволілі беларускім філосафам зрабіць чарговы крок, які па сваёй значнасці стаў вяццом усёй канцэпцыі агульнай тэорыі айчыннай думкі. Менавіта ў сумеснай беларуска-літоўскай манаграфіі «Філасофская і грамадска-палітычная думка: дакастрычніцкі перыяд» (1987) упершыню многія рэчы былі названы сваімі імёнамі. Тут у дадатак да абстрактных у пэўнай ступені разваг пра рэвалюцыйна-вызваленчую барацьбу беларускага народа ў выразнай і зразумелай форме быў уведзены канцэпт «нацыянальнай філасофскай думкі» і пастаўлена задача распрацоўкі «агульнай канцэпцыі нацыянальнага гісторыка-філасофскага працэсу»⁶. Крыху пазней гэтая ўжо відавочна эксплікаваная навуковая праграма становіцца краевугольным каменем апошніх манаграфій А. С. Майхровіча⁷. Тыя інтэнцыі свабоды і эмансціпацыі ад нацыянальнага і класавага ўціску, што ставіліся

¹ Дорошевич Э. К., Конон В. М. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии ; Дорошевич Э. К. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. – Минск, 1983. – 395 л. ; Его же. Философия эпохи Просвещения в Белоруссии. – Минск : Наука и техника, 1971. – 246 с.

² Подокшин С. А. Философская мысль эпохи Возрождения в Белоруссии: от Ф. Скорины до Симеона Полоцкого. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 283, [282] с.

³ Мохнач Н. Н. Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начало XIX в. – Минск : Наука и техника, 1985. – 94 с. ; Ее же. От просвещения к революционному демократизму: обществ.-полит. и филос. мысль Белоруссии конца 10-х – начала 50-х годов XIX в. – Минск : Наука и техника, 1976. – 184 с. ; Ее же. Идеиная борьба в Белоруссии в 30–40-е годы XIX в. – Минск : Наука и техника, 1971. – 157 с.

⁴ Майхровіч А. С. Янка Купала і Якуб Колас: вобросы міравоззрэння. – Минск : Наука і тэхніка, 1982. – 246 с. ; Его же. Белорусские революционные демократы: важнейшие аспекты мировоззрения. – Минск : Наука и техника, 1977. – 205, [202] с. ; Его же. Поиск истинного бытия и человека: из истории философии и культуры Беларуси / под ред. Д. И. Широканова. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 245, [242] с. ; Его же. Становление нравственного сознания: из истории духовной культуры Беларуси. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 204 с.

⁵ Конон В. М. Проблемы искусства и эстетики в общественной мысли Белоруссии начала XX в. – Минск : Наука и техника, 1985. – 200 с. ; Его же. От Ренессанса к классицизму: становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв. – Минск : Наука и техника, 1978. – 158 с.

⁶ Философская и общественно-политическая мысль Белоруссии и Литвы: доокт. период... – С. 4–5.

⁷ Майхровіч А. С. Які ён, шлях Беларусі да дэмакратычнай дзяржавы? – Минск : Права і эканоміка, 1996. – 38 с. ; Его же. Идеология: сущность, назначение, возможности. – Минск : Право и экономика, 2001. – 76, [72] с.

гэтым філосафам на ўсіх этапах яго творчасці, былі тут пададзены квінтэсенцыяй беларускай нацыянальнай ідэі, светапоглядным падмуркам станаўлення Рэспублікі Беларусь як суверэннай і незалежнай дзяржавы.

Якія ж здабыткі прынесла беларуская гісторыка-філасофская традыцыя савецкага і постсавецкага перыяду? Яна пачыналася з селекцыі фрагментаў, якія мелі філасофскія канатацыі, а скончылася пошукамі існага быцця чалавека Альфрэда Майхровіча¹ і архетыпамі культуры Уладзіміра Конана². Цікава тут і іншае. Гэта па вялікім рахунку другасная філасофская дысцыпліна выхавала інтэлектуальных волатаў нацыянальнага маштабу: У. Конана, А. Майхровіча, С. Падокшына. Нешта падобнае мы можам назіраць у філасофскай традыцыі нашых суседзяў³. Імёны Раманаса Плечкайтца⁴ ў Літве, Вілена Горскага⁵ ва Украіне самі па сабе з'яўляюцца сімвалічнымі.

*Загадчык Цэнтра гісторыка-філасофскіх
і кампаратыўных даследаванняў
Інстытута філасофіі НАН Беларусі,
кандыдат філасофскіх навук, дацэнт
В. Б. Евароўскі*

¹ Майхровіч А. С. Поиск истинного бытия и человека...

² Конан У. М. Беларуская мастацкая культура эпохі Сярэднявекі і Рэнесансу. – Мінск : Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, Навук.-асветн. цэнтр, 2006. – 175, [171] с.

³ Yevarouski V. R. Plečkaitis and Belarusian Tradition of Studies in The National History of Philosophy // Problemos. – 2010. – № Suppl. – P. 28–37.

⁴ Plečkaitis R. Lietuvos filosofijos istorija. – Vilnius : Kultūros, filosofijos ir meno institutas, 2004. – 715 p.

⁵ Горський В. С. Святі Київської Русі. – Київ : Абрис, 1994. – 175 с. ; Його ж. Історія української філософії. – Київ : Наук. думка, 1996. – 288 с.

Г. Ф. Александров

ИДЕОЛОГИЯ БРАХМАНИЗМА. ЗАКОНЫ МАНУ¹

Происхождение мира и человека

Древнейший памятник политической литературы Индии – законы Ману², содержит богатый материал, характеризующий жизнь индийского общества в VI в. до н. э.

В законах Ману определены не только обязанности и нормы поведения людей разных каст, но и высказаны мысли о происхождении Вселенной и человека. Уже в пятой статье первой главы законов Ману мы читаем: «Этот (мир) был тьма, невидимый, неопределимый, недоступный для разума, непознаваемый, как бы совершенно погруженный в глубокий сон»³. Как же произошел этот мир? На это не дается ясного ответа. Авторы «Законов» просто отмечают, что мир, постигаемый только умом и неуловимый для чувств, заключающий в себе все созданные существа, «воссиял по своей собственной воле» (1, 7). В статьях 12 и 13 первой главы законов Ману дается более подробное пояснение вопроса о происхождении мира, но и оно не дает определенного ответа. Здесь указывается, что божественный Брахма силой своей мысли разделил зародыш мира на две части. Он создал небо и землю, установил между ними «срединную сферу», образовал на земле восемь стран света и «вечное хранилище вод». Все созданное Брахмой непостоянно, изменчиво, имеет вечный «круг рождений и смертей». В своем течении мир последовательно проходит ряд стадий. В ходе этого движения солнце разделяет дни и ночи. Основным делением изменяющегося мира для людей является месяц, а единым «днем и ночью» богов является год. Здесь же делается попытка представить мировую историю в целом, разделив ее на точно очерченные периоды. Период богов составляет 12 тысяч лет, а тысяча периодов богов является лишь одним днем Брахмы; столько же времени продолжается и его ночь. Только по окончании дня и ночи пробуждается Брахма и создает то внутреннее чувство, которое творит все: эфир, могучий ветер, лучезарный свет, видимые формы вещей, воду, землю и все, что ее населяет.

¹ Публикуется по: Александров Г. Ф. Очерк истории социальных идей в Древней Индии. – Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – С. 105–113.

² Согласно ведийской мифологии, прародитель всех людей Ману оказался единственным, который выжил после наводнения на земле. От дарованной ему богами жены Иды пошел человеческий род. Мудрые люди получили, согласно преданию, от Ману законы, обязательные для всех.

³ Законы Ману / пер. с санскрит. С. Д. Эльмановича. – СПб., 1913. – С. 2. В дальнейшем ссылки на «Законы» даются в тексте с указанием главы и статьи.

Согласно воззрениям авторов законов Ману, история человечества хотя и порождена некоей высшей разумной силой – Брахмой, однако поддается изучению, из нее можно извлекать людям известный опыт. Так, в одном из наставлений царю говорится, что царь должен тщательно обсуждать будущие и непосредственные результаты всех предприятий, хорошие и дурные стороны всех прежних действий (7, 178). Здесь отмечается также необходимость заранее видеть результат, пользу и вред всякого рода действий, которые будут предприниматься в грядущем. Только тот не будет побежден врагами, кто быстро принимает решения в настоящем и хорошо понимает последствия прошлого.

Происхождение и обязанности различных каст

Законы Ману точно выражают сложившиеся в древней Индии общественные отношения и формулируют основные принципы идеологии господствующей касты жрецов (брахманов) – рабовладельцев. Особенно ярко классовый смысл этой идеологии виден на примере того, как в «Законах» освещается вопрос о происхождении каст и обязанностях людей, принадлежащих к разным кастам.

В своей деятельности и жизни человек, согласно законам Ману, проявляет себя в разных сферах. Главные из них – это стремление к совершенствованию, образованию, интеллектуальной жизни. Здесь человек проявляет себя как общественное существо. Он приобретает благородные желания и борется против низменных, овладевает самоконтролем и готовит себя к высокой духовной жизни. Человек проявляет себя в хозяйственной и семейной жизни; он не может отвлечься от повседневных нужд. Не может он перестать быть и биологическим существом. Но никогда его не должны привлекать корыстолюбие, жажда личной наживы. Его цель – саморазвитие личности. В семье, которая составляет три стороны – мужа, жену и детей, должно быть полное согласие, основанное на браках, в которых обе стороны хорошо понимают друг друга и происходят из среды равного социального положения. Человек высшей касты обязан также участвовать в делах государства. Ради этого он должен отвлечься от семейных и иных обязанностей, от личных интересов в целях блага общества, проявить чувство милосердия и доброжелательности по отношению к своим соотечественникам. Одна из основных обязанностей человека – неукоснительное исполнение религиозных обязанностей. Только в этой сфере человек достигает высшего блаженства, «освобождения» от мирских интересов и соблазнов. Религиозный экстаз приведет к отрешению от повседневных нужд, уходу от общественных дел и тем самым к высшему самозабвению.

Через весь текст законов Ману, состоящих из двенадцати глав и многих сотен статей, красной линией проходит мысль о вечности и божественном характере деления людей на различные касты. Причем, дело изображается так,

будто всевышний создал различные касты «для благосостояния миров» (1, 31). Для того чтобы касты знали свое место в обществе, авторы «Законов» создали ничем не прикрытую классовую идеологию, существенным моментом которой является теория происхождения каст. Согласно этой теории предполагается, что верхняя часть тела человека относится к его наиболее чистой и благородной сущности, а нижняя часть – к низменной и грязной¹. Как и следовало из всей идеологии брахманизма, бог, конечно, позаботился о том, чтобы брахмана создать из своих уст, кшатрия-воина – из рук, вайшьев-крестьян и ремесленников – из бедер, а бесправных людей – шудр, находящихся в услужении и на работе у богатеев, – из ног (1, 31).

Несмотря на столь усиленное подчеркивание божественного предопределения судьбы всех людей, в законах Ману то и дело проскальзывает мысль о том, что люди – существа алчные и заинтересованы они не столько в поклонении «создателю», сколько в получении источников существования и в оплате за свой труд².

Законы Ману являются, пожалуй, самым ярким политическим документом из всех когда-либо созданных людьми, в которых открыто обосновывается необходимость и божественный характер власти рабовладельцев, последовательно и без всяких прикрас оправдывается и защищается неприкрытая власть жрецов и военачальников из среды имущих классов. Особенно много усилий потратили авторы «Законов» на доказательства «божественного» происхождения и главенствующей роли брахманов-жрецов в государстве. Ввиду своего происхождения из уст Брахмы (бога), брахман должен считаться единственным господином всего творения. Даже сохранение Вселенной ставится в зависимость от жизни брахмана. «Между созданными существами, – говорится в «Законах», – первыми считаются одушевленные, между одушевленными – живущие разумом, между одаренными разумом – люди, а между людьми – брахманы» (1, 96). Однако если отбросить в сторону многословные рассуждения о божественном происхождении брахманов и попытаться узнать, чем они действительно обязаны заниматься, то в самих «Законах» можно найти высказывание, что брахман призван не только приносить жертвы богам и предкам, но главным образом охранять «сокровищницы закона». Именно поэтому брахман занимает «высочайшее место на земле» (1, 99).

Отдав дань религиозному объяснению происхождения брахманов и их господствующей роли на земле, авторы «Законов» спускаются на грешную землю и порой приоткрывают те действительные классовые мотивы, которыми они руководствовались, возвеличивая и обожествляя жрецов.

¹ «Выше пула человек считается более чистым (чем ниже), а уста его Самосуций признал самой чистой частью» (1, 92).

² «Здесь (на земле) нет ни одного дела, которое было бы совершено человеком, свободным от желания награды; ибо все, что ни делает (человек), есть следствие желания награды» (2, 4).

Как и следовало ожидать от такого документа, на первое место выдвигается обязанность брахманов защищать интересы господствующего класса рабовладельцев и особенно зорко стоять на охране их собственности. Чтобы не было в народе никаких кривотолков, авторы «Законов» для начала объявляют все существующее в мире собственностью брахманов (1, 100). Для того чтобы вдолбить в головы людей низших каст – вайшьев и шудр – эту трудно укладываемую «божественную» истину, авторы «Законов» вырабатывают целую систему мер по охране господства собственности и жизни брахманов, а также систему жесточайших наказаний за любое покушение на эти атрибуты жрецов. Так, «Законы» ссылаются на якобы «исторический опыт», согласно которому кшатрии потому перестали когда-то быть брахманами, что они нарушили священный обряд, проявили неуважение к брахману. Как следствие этого, многие поколения кшатриев постепенно снизились до состояния шудр (10, 43). Если простое неуважение брахманов в каком-то прошлом поколении низводит людей из высшей касты в низшую, то что же говорить о людях, которые заносят руку на него, смеют покушаться на жизнь брахманов! Ни один человек не должен говорить брахману ничего неприятного, не может обращаться к нему с грубыми словами. Даже в том случае, если брахманы станут предаваться всякого рода «непозволительным делам», они все равно должны быть почитаемы, ибо каждый из них «есть очень большое божество».

Нечего и говорить о том, сколь жестокие наказания сулят авторы законов Ману тем, кто рискнет напасть на брахмана или убить его. Ведь душа человека бессмертна. По окончании этой жизни она переселяется в другое существо. Отсюда угроза: смотря по тяжести преступления, убийца брахмана входит в утробу собаки, свиньи, осла, верблюда, коровы, козы, овцы, оленя, птицы. Такова, согласно законам Ману, безрадостная судьба лиц, не смирившихся под властью рабовладельцев или отступивших от идеологии брахманизма.

Законы Ману о низших кастах

Если, согласно законам Ману, брахманы предназначены для исполнения религиозных обрядов и политического управления страной, а кшатрии должны охранять народ, то совершенно другие обязанности выпадают на долю людей труда, принадлежащих к низшим кастам – вайшьям и шудрам. Вайшьи, например, должны пасти скот, приносить дары брахманам, предлагать жертвоприношения, торговать, ссужать деньги и обрабатывать землю. Другими словами, вайшьи обязаны создавать продукты питания, предметы домашнего обихода, орудия труда, а две высшие касты – брахманы и кшатрии – пользоваться результатами их труда. Чтобы вайшьи не особенно протестовали против столь несправедливого распределения обязанностей между людьми в обществе, законы Ману ссылаются на предписание «владыки тварей», который-де создал скот и поручил его вайшьям, создал землю и предназначил им же обрабаты-

вать ее. Ввиду этого вайшья никогда не должен уклоняться от своих обязанностей¹.

Особенно тщательно разработан в законах Ману вопрос об обязанностях самой низшей касты – шудр. У шудр может быть только одно предназначение – служить брахманам и кшатриям. Брахманы, кшатрии и вайшьи считаются дваждырожденными, а шудра – единождырожденным. Сам бог «предназначил» шудр для исполнения всех тех работ, которые противны людям «благородного» происхождения.

Статья 91 первой главы законов Ману гласит: «Одно только занятие Владыка предписал шудре – безропотно служить этим (другим) трем кастам»².

Шудра должен думать об одном – как лучше служить брахманам, как угодить им. Его обязанность служить брахманам либо «ради неба», либо ради будущей жизни. «Услужение брахманам считается делом самым важным для шудры; ибо всякое другое, кроме этого, которое он может исполнять, не принесет ему плода» (10, 123).

Как и полагается, за свое смирение и покорность шудра получит вознаграждение, но только... в будущей жизни: «(Шудра) чистый, покорный высшим классам, кроткий в словах, чуждый гордости и всегда ищущий убежища у брахманов, достигает (в своей будущей жизни) высшей касты» (9, 335). В общем, можно обещать все: счастье, довольство, радость, но только в *будущей* жизни. Пока же терпи! Изнемогай, но трудись! Проклинай своих предков, уготовивших тебе такую безрадостную участь, но смирись! Ты еще получишь вознаграждение за свое смирение, за свою покорность, за свой подневольный труд!

Но как бы ни вел себя шудра, как бы интенсивно ни трудился, сам он ни при каких обстоятельствах не может перейти в высшую касту. Только в будущем перевоплощении, если шудра в настоящей жизни будет себя вести смиренно и покорно, он может оказаться рожденным в среде высшей касты. Что же касается настоящей жизни, то шудра и в помыслах своих не должен быть озабочен улучшением своего благосостояния, не говоря уже о стремлении

¹ К числу обязанностей касты вайшьев законы Ману относят также: «(Вайший) должен знать относительную стоимость драгоценных камней, жемчуга, кораллов, металлов, (платья), сделанного из тканей, духов и приправ... Он должен знать (способ) сеяния семян, хорошие и дурные свойства почвы, и он должен в совершенстве знать все меры и веса... Кроме того, достоинства и недостатки товара, выгоды и невыгоды (разных) стран, (вероятные) барыши и убытки на товарах и средства надлежащего разведения скота... Он должен употреблять величайшие усилия для приращения своего имущества...» (9, 329–333).

² Такое же обоснование различных обязанностей разных каст мы находим в Артхашастре Каутильи: «Закон для брахмана – учение, обучение, жертвоприношение для себя и для других, раздача даров и их получение. Закон для кшатрия – учение, жертвоприношение, раздача даров, добывание средств к жизни военным делом и охрана живых существ. Закон для вайшьи – учение, жертвоприношение, раздача даров, земледелие, скотоводство и торговля. Закон для шудры – послушание дваждырожденным, ведение хозяйства, ремесло и актерство».

получить равные права с брахманами, кшатриями и даже вайшьями. Шудра, «купленный или некупленный», «может быть принужден исполнять услуги; ибо он был создан Самосущим (Свайямбху) быть рабом брахмана» (8, 413). В другом месте мы читаем: «Шудра, даже отпущенный своим хозяином, не освобождается от рабства; ибо оно врождено ему, кто может освободить его от этого?» (9, 414).

Но что же за весь свой труд и за свои услуги брахманам получает сам шудра? На это дается такой ответ: «Ему должно давать остатки пищи, старое платье, оборыши зерна и старую домашнюю утварь» (10, 125). Но неужели шудра, обязанность которого всю жизнь трудиться, не разгибая спины, исполнять самые отвратительные работы, не имеет никакого права на более сносную человеческую жизнь? Нет, согласно законам Ману, он такого права не имеет. Шудра не должен собирать богатств, хотя бы даже и имел возможность для этого. Приобретая богатства, шудра «причиняет огорчения брахманам» (10, 129).

В законах Ману выражено крайне презрительное отношение к касте шудр и вместе с тем явственно обнаруживается боязнь этой касты.

Презрительное отношение к физическому труду и к людям, занимающимся этим трудом, – вообще характерная черта идеологии рабовладельцев во всех странах Востока и Запада. Глубоко заблуждаются те историки древнего мира, которые не считают эту черту идеологии рабовладельцев характерной для стран Востока. Текст законов Ману достаточно красноречиво опровергает эту точку зрения. В самом деле, в статье 102 главы 8 «Законов» резко осуждаются те брахманы, которые пасут скот, занимаются торговлей, ремеслом, исполняют обязанности слуг и т. д. Если такой брахман в чем-либо провинится, то судья должен относиться к нему, как к шудре. Некоторые думают, говорится в «Законах», что земледелие – прекрасное дело. Но такой способ существования «порицается добродетельными людьми» (10, 84).

Вместе с тем авторов законов Ману явно охватывает страх, когда они начинают рассуждать о возможном усилении касты шудр, особенно если ее представители придут к власти. Отсюда поучение: только брахман может объяснять закон, но этого никогда не может делать шудра (8, 20). Царство того государя, который безразлично, пассивно смотрит на то, что шудра произносит какое-либо решение, «погибнет, как корова в болоте» (8, 21). Те же законы предрекают: «Царство, населенное по большей части шудрами, наполненное безбожниками и лишенное дваждырожденных (обитателей), скоро все погибнет, пораженное голодом и болезнями» (8, 22).

Из этого видно, что всей системой законодательных мер и всеми средствами, имеющимися в распоряжении рабовладельческого государства, шудры – одна из наиболее многочисленных каст древнеиндийского общества – ставились вне закона. Они не имели права принимать участие в каких-либо общественных делах, обсуждать принятые правительством и брахманами решения,

давать показания на суде относительно лиц высших каст, брать себе в жены женщин, принадлежащих к кастам брахманов, кшатриев, вайшьев¹.

Что же касается рабов, о которых часто упоминается в законах Ману, то они вовсе лишены каких бы то ни было прав и представляют собою своего рода изгнанников из общества; они приравниваются к скоту, вьючным животным, товарам и пр. Члены высших каст – рабовладельцы, могли сделать с рабом что угодно и не несли за это никакой ответственности перед законом. Любое соглашение, договор, заключенный пьяным, безумным или рабом, считался недействительным (8, 163). Раб, его жена и дети объявляются людьми, «не имеющими собственности». Имущество, которое они приобретали, считается собственностью того, кому они принадлежат сами (8, 416). Брахман имеет право в любое время отобрать имущество своего раба и шудры, так как раб по повелению самого бога не мог иметь собственности.

Весь смысл законов Ману, все устремления их авторов как последовательных защитников интересов рабовладельцев направлены на упрочение кастового строя, особенно на то, чтобы никто из людей низших каст не мог претендовать на права и роль представителей высших каст. В статье 107 главы 1 говорится, что в настоящих «Законах» установлены «вековечные правила образа жизни», которым должны следовать все четыре касты. Среди всех каст брахман объявляется владыкой общества. Здесь следует привести в высшей степени знаменательный наказ царю: «(Царь) должен тщательно принуждать вайшьев и шудр исполнять (предписанные) им дела; ибо, если бы эти две (касты) уклонились от своих обязанностей, они повергли бы (весь) этот мир в разрушение» (8, 418).

Изложив таким образом обязанности разных каст, «Законы» лицемерно объявляют их священными и вечными: «В этом (труде) вполне изложен закон, а также добрые и дурные качества (человеческих) действий и вековечные правила образа жизни, которым должны следовать все четыре касты» (1, 107).

¹ «Для шудры полагается жена его собственной касты только, [а] не другой...» (9, 157).

ФІЛАСОФСКАЯ КРЫТЫКА НА ЗЫХОДЗЕ ХХ СТАГОДДЗЯ¹

1.

Мяне зацікавіла сама акцэнтацыя «крытычнай функцыі філасофіі» рэдакцый часопіса «Фрагмэнты». Вопыт гісторыі філасофіі засведчыў: у спакойных, «традыцыйных» эпохі яна акцэнтуюе ўвагу на тлумачэнні сутнасці быцця і культуры; у драматычных, пераходных эпохі, на стыку стагоддзяў і тысячагоддзяў, філасофія становіцца крытычнай, бо вызначае момант перарыву традыцыяў, станаўленне новых філасофскіх парадыгмаў. Найбольш яркавыя прыклады крытычнай філасофіі – творчасць І. Канта напярэдадні ХІХ ст. і Фр. Ніцшэ напярэдадні ХХ ст. Аснова філасофіі Канта – тры крытыкі: крытыка чыстага мыслення, крытыка практычнага мыслення і крытыка здольнасці суджэння. Гэтым кенігсбергскі мудрэц на прафесійным узроўні канчаткова аддзяліў філасофію ад тэалогіі, вызначыў яе функцыі і межы яе пазнавальных прэтэнзіяў.

Татальная пераацэнка гуманістычных каштоўнасцяў ХІХ ст., якую на «скандальным» узроўні геніяльна ажыццявіў Фр. Ніцшэ, была фактычна адкрытым паўстаннем лідэра інтэлектуальнай эліты супроць прывідаў ліберальнай палітыкі, сацыялізму, камунізму, паўстання масаў і, урэшце, масавай культуры – супраць усяго таго, што набыло дамінаванне ў ХХ ст. Фр. Ніцшэ дэманстравана крытыкаваў і хрысціянства, але не асобу Хрыста і ягоных апосталаў (хрысціянства заўсёды было і засталася духоўнай элітай), а толькі «лібералізм», «дэмакратызм» і «гуманізм» хрысціянства. Таму што якраз гэты філосаф убачыў у хрысціянстве вытокі палітычнага лібералізму і сацыялізму, якія ён аднолькава не цяпеў і праклінаў як параджэнне «паўстання масаў». Адсюль ягоны «Антыхрысціянін: вопыт крытыкі хрысціянства».

Такім чынам, Фр. Ніцшэ быў філосафам-прапрокам: прадбачыў крызіс класічнай культуры ў ХХ ст., упадак арыстакратычнай улады, паўстанне «сусветнага хама», праклінаў гэтыя «відмы» ХХ ст. і захацеў «пераскочыць» гэты гістарычны этап дэмакратыі, каб патрапіць адразу ў новае царства ўлады духоўнай эліты, імперыю Духа, увасобленую ім у вобразе *Звышчалавека*. Гэтую крытыку закончыў (але вельмі па-свойму) філосаф пачатку ХХ ст. Освальд Шпенглер.

¹ Публікуецца паводле: Конан У. М. Філасофская крытыка на зыходзе ХХ стагоддзя // Фрагмэнты. – № 7 : Беларусь: Крытычнае мысленне. – URL: <https://knihi.com/storage/frahmenty/7konan.htm> (дата звароту: 20.01.2021).

2.

Сёння мы напярэдадні новага стагоддзя і новага тысячагоддзя апынуліся ў аналагічнай сітуацыі. Як на маю думку, універсальная (не рэгіянальная і не нацыянальная) функцыя філасофскай крытыкі цяпер заключаецца ў тым, каб гістарычна «закончыць» («падвесці рысу») усе асноўныя філасофскія школы і плыні XX ст. (пазітывізм, марксізм, прагматызм, непазітывізм, экзістэнцыялізм etc.), выявіць іх вытокі, сутнасць, пачатак і канец. Урэшце, здаць іх у жывы «архіў гісторыі», каб пасля карыстацца імі як інструментамі новай філасофіі XXI ст.. Задача гэтай філасофіі будзе найперш у тым, каб татальна крытыкаваць усе сацыяльныя і палітычныя інстытуты XX ст. – сацыялізм, ліберальны капіталізм, а найперш грамадства масавага спажывання і «татальнай інфармацыі» (хочацца сказаць: дэзынфармацыі), ліберальную дэмакратыю і люмпенпралетарскую дэмагагічную дыктатуру, ліцэмерную дэмагогію, роўнасць ўсяго і ўсіх etc. Свет выратуе ў XXI ст. толькі ўлада духоўнай эліты, дысцыпліна духу, думкі, творчасці, майстэрства, урэшце, рамяства. Не ліберальная «экзістэнцыя», а дух творчага парыву.

Адпаведна і функцыі філасофіі будуць пераарыентаваны: ад чалавека эмпірычнага, сацыяльнага – да чалавека творчага, духоўнага; ад сусвету наогул да яго эканамічнай раўнавагі і эканамічнага выратавання; ад масавага спажывання да масавай творчасці і татальнай эканоміі прыродных і людскіх рэсурсаў. Першачарговае значэнне набудуць, па-першае, філасофская прагматыка, набліжаная да мастацкага і рэлігійнага прароцтва; па-другое, герменэўтыка – увядзенне ўніверсальнай і нацыянальнай культурнай традыцыі ў актуальны кантэкст сучаснага творчага жыцця. Важнейшая «перманентная» падзея першай паловы XXI ст. – канец эпохі тэрытарыяльных і фінансавых імперыяў і наступленне ўніверсальнага адраджэння нацыяў і народаў. Яна і будзе ў эпіцэнтры ўвагі практычнай філасофіі-сацыялогіі, сацыяльнай этыкі, эстэтыкі, філасофскай публіцыстыкі.

3.

Спецыфічна беларуская нацыянальная філасофія выявілася галоўным чынам не ў адэкватных філасофіі жанрах, а ў тэалогіі і хрысціянскім асветніцтве (эпоха Сярэднявечча, X–XV стст.), асветніцкім тлумачэнні Бібліі і хрысціянскай традыцыі, сінкрэтычнай літаратуры красамоўніцкіх і палемічных жанраў (эпоха Рэнесансу, XVI – перш. пал. XVII ст.), у мастацкай літаратуры і публіцыстыцы эпохі нацыянальнага Адраджэння (XIX–XX стст.). Уласна філасофскі дыкурс прывіўся на Беларусі ў другой палове XVII – XVIII ст. Гэта была пераважна еўрапейская неасхаластыка (натурфіласофія, логіка, гнасеалогія, сінкрэтычная навука рыторыка і асветніцкая філасофія канца XVIII – перш. трэці XIX ст.), якая канчаткова не «развялася» з тэалогіяй.

Беларуская філасофія (у шырокім сэнсе гэтага паняцця як спецыфічна нацыянальнай школы культуры і светапогляду) у XX ст. выявілася ў мастацкіх і публіцыстычных жанрах класічнай літаратуры.

Як тэарэтычнае і маральна-эстэтычнае падагульненне – у філасофскіх эсэ літаратараў Ігната Канчэўскага «Адвечным шляхам: даследзіны беларускага сьветапогляду» (Вільня, 1921) і Уладзіміра Самойлы «Гэтым пераможам! Нарыс крытычнага антымізму» (Вільня, 1924). Калі б Беларусь была БНР, а не БССР, дык на гэтай аснове (маю на ўвазе наогул заходнебеларускую філасофію) магла б стварыцца нацыянальная школа беларускай філасофіі. У БССР афіцыйна спавядалі марксісцкую філасофію і прадстаўлялі яе ў нас нават не этнічныя беларусы, а рускія (Уладзімір Іваноўскі, 1867–1931), яўрэі (Сямён Вальфон, 1894–1941; Бернард Быхоўскі, 1901–1980). З 30-х гадоў адзінай легальнай філасофіяй у БССР была марксісцка-ленінская ідэалогія. Спробы «дапасаваць» яе да кантэксту беларускай нацыянальнай культуры (Цішка Гартны, Усевалад Ігнатоўскі, іншыя «нацыянал-камуністы», «узвышанец» Адам Бабарэка) падаўлены яшчэ ў пачатку 30-х гадоў, пазней ужо «мірным тэрарам» падаўляліся «рэцыдывы» (адным з апошніх «нацыянал-камуністаў» быў атакаваны бальшавіцкай наменклатурай у чарнобыльскі 1986 год аспірант Алег Бембель).

Сёння ўзніклі магчымасці (галоўным чынам на недзяржаўным узроўні) адаптацыі на беларускай глебе посткаланіялізму, постмарксізму, постмадэрнізму, розных крытычных канцэпцыяў. Паводле майго глыбокага пераканання, гэтая адаптацыя павінна набыць прагматычны, інструментальны характар. Сам па сабе постмадэрнізм, наогул усякая татальная крытыка эмпірычнай рэальнасці і культурнай традыцыі маюць сэнс толькі для развіцця з дрэнным мінулым. Яны не здольныя стаць філасофіяй вяртання да жыцця, уваскросання, універсальнага Адраджэння. Бо яны толькі крытыкуюць, высмейваюць, «гратэскнічаюць», але не здольныя прапанаваць новыя ідэалы і праграму стабілізацыі мабільнай «экзістэнцыі», нацыі, усечалавецтва. Функцыю «жывой вады», што ўваскрашае і абнаўляе, здольныя выканаць такія філасофскія (мастацкія, этычныя, практычныя) сістэмы, якія грунтуюцца на Абсалютным Дабры, прапанаваным хрысціянскім вучэннем.

Ідэалы Адраджэння асабліва актуальныя для нашай Бацькаўшчыны. Але ж яны выратавалі іншыя, старадаўнія (яўрэі, персы) і сучасныя (немцы, японцы) народы пасля іх расцярушання, разгрому, падзелу на часткі, пасля ўсялякіх іншых дэфармацыяў. З гэтай пазіцыі і варта ацэньваць практычны, палітычны, этычны, мастацкі, філасофскі і ўсякі іншы вопыт «старой» Еўропы. Патрэбныя для нас грунтоўныя штудыі ў гэтым кірунку, глыбокае вывучэнне гэтага вопыту. Але не для эпігонства, а для новай творчасці, якая грунтуецца на традыцыях класічнай хрысціянскай культуры.

А. С. Майхровіч

ФІЛАСОФСКАЯ КРЫТЫКА: УЗРОВЕНЬ ПРАДУКТЫЎНАСЦІ¹

Пытанне пра крытычныя патэнцыі і крытычную накіраванасць мыслення, відаць, можа быць асветлена толькі ў канкрэтна-гістарычным кантэксце пэўнай формы духоўнай культуры – еўрапейскай, з хрысціянскімі каранямі, з улікам уласцівых менавіта ёй праяваў рацыяналізму і аналітызму, што знаходзяць сваё афармленне ў своеасаблівым тыпе і стылі філасофствавання. Увогуле крытычны пачатак ёсць арганічным элементам усялякай дысцыплінаванай формы мыслення і творчасці, без якога немагчыма ўнутраная, змястоўна-вартасная крышталізацыя гэтай формы мыслення, а таксама і яе сцвярджэнне ў асяроддзі іншых праяў і суб'ектаў духоўнай культуры. Менавіта як неабходны ўнутраны элемент творчага мыслення і духоўна-культурнага жыцця ўвогуле крытыка (крытычны пачатак, крытыцызм) у адрозненне ад негатывізму і нігілізму не мае статусу самастойнасці, самадастатковасці, а заўсёды выступае ў непарыўнай сувязі і залежнасці ад асноўнай творча-стваральнай мэты-задачы пэўнай формы і ступені філасофствавання.

Тыповай характарыстыкай крытычнага пачатку з'яўляецца менавіта яго вытворнасць ад асноўнай духоўна-праблемнай функцыі філасофскага мыслення, якое жывіцца пастаянна зменлівай у гістарычным часе патрэбаю існавання ўніверсальнага рацыяналістычнага светапогляду. Працэс афармлення і станаўлення той ці іншай формы канцэптуальнага мыслення адбываецца пры актыўным удзеле пазіцыі крытыцызму, якая, абапіраючыся на фундамент аналітызму, выкарыстоўвае яго сродкі як у працэсе доказнага абгрунтавання новых ідэй і каштоўнасцей, прадстаўлення новай духоўнай рэальнасці (ці некаторых яе асобных вымярэнняў), а таксама актыўна рэалізуе свае патэнцыі па-за ўнутранымі межамі – у адносінах да з'яў культуры і носьбітаў ідэй, якія супярэчаць духу і зместу таго, што сцвярджаецца дадзенай формай мыслення, свядомасці. Пазіцыя крытыцызму неадрыўна ад аналітычных, рацыянальна-ўсвядомленых падстаў, цесна звязана з развіццём формаў рацыяналізму.

Калі мець на ўвазе адну з вядучых гістарычных тэндэнцый у развіцці духоўнай культуры, то яе можна вызначыць як паступовае і паслядоўнае накапленне і ўзмацненне аналітыка-крытычных пачаткаў. Дарэчы, менавіта ў гэтым рэчышчы ўзніклі філасофія і навука ў пэўным адмежаванні ад міфа як

¹ Публікуецца паводле: Майхровіч А. С. Філасофская крытыка: узровень прадуктыўнасці // Фрагмэнты. – № 7 : Беларусь: Крытычнае мысленне. – URL: <https://knihi.com/storage/frahmenty/7maichrovicz.htm> (дата звароту: 20.01.2021).

першаснай сінкрэтычнай формы светапогляду і мыслення. Тэндэнцыя ўзрас-тання аналітыка-крытычных пачаткаў у складзе розных формаў духоўнай твор-часці, відаць, будзе працягвацца. Гэта абумоўлівае змену суадносінаў крытыч-ных і стваральных пачаткаў у складзе розных формаў мыслення і культуры. Аднак прыкметай іх нармальнага развіцця з'яўляецца перавага пафасу ства-ральнасці, пазітыўна-творчых патэнцый над крытычным пачаткам. Зразуме-ла, у працэсе сцвярджэння, асабліва пачатковага, пэўнай формы мыслення, свядомасці, калі асабліва абвостранымі з'яўляюцца патрэбы яе адмежавання ад іншых, першаснага самасцвярджэння, у гэтай сітуацыі крытыцызм можа пераважаць над пазітыўнай стваральнасцю. Калі ж мэта першапачатковага сцвярджэння выканана, тады на галоўны план вылучаюцца творча-наватар-скія функцыі. Паказальным у гэтых адносінах з'яўляецца, напрыклад, працэс станаўлення ідэалогіі і філасофіі беларускага нацыянальна-вызваленчага руху другой паловы XIX – пачатку XX ст.

Аднак здараецца, што крытыцызм пачынае набываць самастойнае значэн-не, паглынаць стваральнасць – гэта ўжо становіцца прыкметай пэўнага стану не толькі духоўнай культуры, але і ўсяго грамадства, сведчаннем пэўнага аслаблення ці прыпынення натуральных працэсаў, вычарпанасці былых маг-чымасцей. Для вызначэння такой сітуацыі ўжо недастаткова тэрмінаў «кры-тыка», «крытычны пачатак», «крытыцызм». Тут ужо назіраецца такая ступень адмаўлення, якая завецца негатывізмам і нігілізмам. Гэта ўжо сфера ці крызіс-на-пераходная, ці маргінальная. У адрозненне ад гарманізаванага крытыцыз-му як неабходнага элементу духоўна-культурнага жыцця негатывізм і нігі-лізм, хаця і праяўляюцца ў сферы духоўнай культуры, нясуць выразныя са-цыяльна-ідэалагічныя і сацыяльна-псіхалагічныя прыкметы не лепшых бакоў працэсу дэмакратызацыі грамадскіх і духоўна-культурных структур, з'яўля-юцца ваяўнічымі апанентамі высокіх, складаных формаў культуры і жыцця чалавечай супольнасці.

Пераходнасць, памежнасць – як грамадска-палітычная, так і духоўна-куль-турная – сённяшняга часу з яго атмасферай няпэўнасці, сацыяльнай апатыі і жыццёвай стомленасці, калі сталі амаль што нераспазнавальнымі арыенціры класічнай гуманістычнай і рацыяналістычнай спадчыны, усечалавечы ўнівер-салізм якой саступіў месца стракатаму кангламерату мноства пунктаў погля-ду і меркаванняў, – менавіта такая духоўная атмасфера з'яўляецца моцным каталізатарам тэндэнцый адмаўлення. Працяглае знаходжанне ў стадыі пера-ходнасці і няпэўнасці вельмі небяспечнае, вядзе да ўкаранення ў духоўна-гра-мадскім жыцці ўжо не проста крытычных тэндэнцый, а цэлага рэчышча нега-тывізму, які здольны падточваць унутраныя духоўныя сілы нацыі і чалавека, паглынаць іх стваральныя патэнцыі, што ніколі не бывае на карысць культуры і духоўнасці. Тое, што ў абмежаванай колькасці бывае карысным і неабход-ным для існавання духоўных з'яў, у бязмежным пашырэнні можа стаць пера-шкодаю самому прынцыпу існавання і развіцця гэтых з'яў.

Пытанне пра стан і магчымасці сучаснай беларускай філасофіі вельмі складанае, патрабуе ўсебаковага ўліку шматстайных духоўна-ідэалагічных рэаліяў мінулых дзесяцігоддзяў і тых карэнных зрухаў у грамадскай атмасферы і духоўнай галіне, якія адбыліся за 90-я гады. Да таго ж сам тэрмін «беларуская філасофія», здаецца, пакуль што яшчэ не мае арганічнага змястоўнага нападунення, яго ўжыванне – гэта хутчэй суб’ектыўна-псіхалагічнае імкненне прыспешыць працэс станаўлення нацыянальнай культуры, абазначыць тое, што хацелася б бачыць, што павінна быць. Рэальны патэнцыял сучаснага філасофскага мыслення ў нашых абсягах абумоўлены найўнай спадчынай, тымі традыцыямі, што склаліся і ўплывоваць якіх адчуваецца і зараз. Рэальна існуючы духоўны – ідэйна-змястоўны і метадалагічны – падмурак складаецца з трох важнейшых плыняў і элементаў.

Па-першае, гэта ідэі і памкненні нашай нацыянальнай філасофскай і грамадскай думкі, пачынаючы ад Ефрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, уключаючы дзеячоў эпохі гуманістычнага і рэфармацыйнага руху, Асветніцтва, нацыянальнага Адраджэння XIX – пачатку XX ст., да сучасных спроб абгрунтавання нацыянальнай ідэі і аналізу стану беларускай культуры і грамадства. Па-другое, гэта спадчына марксісцкай філасофіі, у адносінах да якой недастаткова абмяжоўвацца аднабаковымі вызначэннямі. За гады існавання СССР яна стала неад’емнай часткай усяго палітычнага і духоўна-ідэалагічнага жыцця, асновай дзяржаўнай ідэалогіі. З іншага боку, яна была дастаткова разгалінаванай і развітай сістэмай спецыяльных дысцыплін, ступень ідэалагічнасці якіх даволі істотна адрознівалася, што дазваляла захоўваць (напрыклад, у галіне гісторыі філасофіі, логікі, філасофскіх пытанняў прыродазнаўства, эстэтыцы) у постгегелеўскай рацыяналістычнай традыцыі і абалонцы даволі высокую культуру прафесійнага філасофскага мыслення. Сучаснае пераасэнсаванне сутнасці і гістарычных абставін існавання гэтай дактрыны, крытычна-дасведчанае і ўсебаковае, адносіцца да ліку актуальных задач філасофскай думкі, з’яўляецца істотным фактарам яе станаўлення, таму што толькі ўважлівы аналіз з’явы, якая ў розных мадыфікаваных формах пакуль што захоўвае сваю ўплывоваць, можа даць канкрэтны інтэлектуальны матэрыял для пераадолення яшчэ існуючых старых стэрэатыпаў мыслення. Па-трэцяе, гэта ўспрыняцце ідэй ды ўстановак заходнееўрапейскай філасофіі, у тым ліку і сучаснай (відаць, тут пераважае цікавасць да экзістэнцыялізму, а таксама да структуралізму, герменеўтыкі, семантычнага аналізу). Да гэтага, так сказаць, спецыяльнага, пераважна мысліцельнага і разнастайнага філасофскага арсеналу, што вызначае вымярэнні сучаснага мыслення, трэба дадаць дастаткова моцны пазнавальна-вартасны патэнцыял іншых духоўна-культурных форм – навукі, мастацтва, права, маралі, рэлігіі, кожная з якіх валодае сваімі магчымасцямі асваення-пазнання-адухоўлення жыцця. І гэты вопыт з’яўляецца адкрытым і выключна карысным для філасофіі. Асаблівае пытанне – пра ўплывоваць

сучасных глабальных ідэалогій (дарэчы, адной з якіх з'яўляецца марксізм-ленінізм) і іх магчымасцей уздзеяння на філасофскае мысленне.

У якой ступені і якім чынам гэтыя дастаткова розныя філасофскія і іншыя плыні могуць у працэсе напружанай творчай працы стаць вытокамі і пачаткам ажыццяўлення таго духоўнага сінтэзу, у выніку якога можна будзе гаварыць пра пэўную форму нацыянальнай філасофіі, – такое пытанне пакуль што застаецца адкрытым.

Таму што філасофія – гэта не проста вынік рацыяналістычных намаганняў, а натуральнае выяўленне наспелых унутраных праблем і патэнцый духоўнага жыцця грамадства. Нельга механічна перанесці чужую філасофію на сваю сацыяльна-культурную глебу. Таксама нельга раптам стварыць арыгінальнае філасофскае вучэнне; для гэтага неабходныя пэўныя сацыяльныя і духоўныя перадумовы. Узнікненне арыгінальнай філасофіі, што заваёўвае шырокае прызнанне, – гэта паказчык высокага ўзроўню развіцця духоўнай культуры пэўнага грамадства і народа, што падуладна толькі пачынальнікам і стваральнікам новага цыкла культурна-цывілізацыйнага станаўлення. А вось аснова, глеба для ўзнікнення арыгінальнай філасофіі можа быць падрыхтавана толькі даследаваннямі ў розных сферах філасофскіх ведаў, што ёсць праца ў межах наяўнай метадалогіі і паступовы працэс наакуплення новых ведаў.

Таму сёння цэнтральнай задачай з'яўляецца ўважлівае вывучэнне сучасных філасофскіх плыняў, іх тэарэтыка-пазнавальных магчымасцей і шырокае разгортванне на той аснове, якая ёсць зараз, канкрэтных філасофскіх даследаванняў, накіраваных на аналіз розных сфер нашага жыцця, на раскрыццё сутнасці сучасных духоўных і сацыяльна-палітычных працэсаў. Толькі рухаючыся па гэтым шляху, філасофія будзе (калі зможа) прадстаўляць сведчанні сваёй здольнасці заняць адпаведнае яе прызначэнню месца ў сучасным духоўным жыцці – а менавіта ажыццявіць выпрацоўку сапраўды прадуктыўных гуманістычных асноў і арыентацый жыццядзейнасці грамадства і чалавека.

Што ж тычыцца крытычнага патэнцыялу сучаснай беларускай філасофскай думкі, то яго ацэнка не можа быць вычарпана колькаснымі межамі (малы, дастатковы і г. д.), а павінна зыходзіць з канкрэтнага ўліку рэальных аналітыка-крытычных магчымасцей, якія ўласцівыя адзначаным раней дастаткова сваеасаблівым плыням, што ўтвараюць сучаснае асяроддзе філасофскага досведу. Прычым у абсягу кожнай плыні гэтыя магчымасці дэтэрмінаваны адметным ідэальна-пазітыўным зместам. Увогуле аб'ектыўна сфарміраваўся пэўны інтэлектуальна-псіхалагічны арэал крытыцызму як акрэслена-замацаванай пазіцыі ў адносінах да розных духоўных і сацыяльных з'яў і працэсаў і як сродак іх вытлумачэння і ацэнкі. Зразумела, што назапашаны вопыт можа і павінен быць выкарыстаны для «крытыкі сучаснасці», але сапраўдная прадуктыўнасць такога выкарыстання залежыць ад дастаткова выразнага афармлення хаця б элементаў новай ідэальнай пазітыўнасці, якая ўздымаецца над старымі даляглядамі, выяўляючы тым самым і абмежаванасць былога крыты-

цызму. Крытыка сучаснасці – гэта не сама мэта, гэта толькі крок і адзін з сродкаў ажыццяўлення руху да новай сучаснасці.

З першачарговых тэм прадуктыўнай крытыкі і даследавання хацелася б адзначыць у першую чаргу праблемы філасофіі гісторыі і грамадска-палітычнага жыцця і ўладкавання, таму што ў гэтых галінах яшчэ даволі ўстойліва валадарнічае спадчына, густа замешаная на ўтапічных спадзяваннях і ілюзіях. Цесна злучаная філасофія, гісторыя і сацыяльная філасофія – гэтыя накірункі можна прызнаць асабліва актуальнымі для нас. Справа ў тым, што тэарэтычная неўпарадкаванасць свету адпавядае і рэальнай, сацыяльна-жыццёвай неўпарадкаванасці. Таму і выйсце з гэтага стану пралягае праз змены ў свядомасці, яе развіццё і навукова-тэарэтычнае дасканаленне. Уяўляецца, што ў забеспячэнні такога руху істотную ролю мае пастаноўка і асвятленне наступных праблем.

Сутнасць сучасных тэндэнцый глабалізацыі і магчымасці захавання свайго культурнага, нацыянальнага і дзяржаўнага аблічча.

Праблема гэтая мае як важныя сацыяльна-эканамічныя і палітычныя вымярэнні, так і вельмі істотны духоўна-культурны аспект. Ён звязаны перш за ўсё з усепаганічнасцю сучасных сродкаў інфармацыі і шырокім усталяваннем стэрэатыпаў масавай культуры і паводзінаў. А стэрэатыпы гэтыя часта ўступаюць у супярэчнасць з патрэбамі развіцця навукі, тэарэтычнага светапогляду, з умовамі, спрыяльнымі для ўсё больш інтэнсіўнага нараджэння ў грамадстве таго тыпу чалавека – свядомай асобы, што так неабходна для грамадска-культурнага прагрэсу.

Адносіны Усход – Захад у плане цывілізацыйных арыентацый і іх значэнне для сацыяльна-палітычнага і культурнага развіцця Беларусі.

Праблема гэтая абумоўліваецца самім нашым геапалітычным становішчам. І сутнасць праблемы заключаецца ў дакладным размежаванні розных уплываў, іх адэкватнай вартаснай класіфікацыі па ступені сапраўднай цывілізацыйнай спеласці. Пакуль што ў падыходзе да гэтай важнай тэмы пераважаюць адвольныя разважанні.

Дзяржаўнасць, шляхі гуманізацыі яе форм, а таксама суадносіны працэсаў усталявання дзяржаўнасці і фарміравання нацыі.

Гэта вельмі складаны і істотны блок сацыяльна-філасофскіх пытанняў, народжаных сучаснай грамадскай практыкай, які патрабуе асаблівай увагі.

Традыцыі агульнасці, калектывізму і прынцып індывідуальнасці.

Значэнне праблемы заключаецца ў тым, што забеспячэнне гарманічных адносін гэтых пачаткаў абумоўлівае немагчымасць праводзіць пад лозунгам каштоўнасці агульнага апалогію патрыярхальнасці і замкнёнасці, а таксама здольна садзейнічаць стымуляцыі механізму сацыяльнага развіцця, яго запуску, што заўсёды звязана з асабовым, адзінкавым. Дарэчы, тут жа схавана вельмі істотная для нас праблема адносін культуры сялянскай і культуры гарадской, якая ў нас ніяк не закранаецца.

У сілу пэўных прычын склаліся грамадскія прыярытэты ў адносінах да навукі, рэлігіі і ідэалогіі, якія ніяк не адпавядаюць рэальнай іерархіі і сацыяльна-культурнаму прызначэнню гэтых форм грамадскай свядомасці. Думаецца, што сёння раскрыццё межаў кампетэнцыі і сапраўднай ролі розных духоўных утварэнняў у жыцці грамадства набывае асаблівую актуальнасць. Гэта павінна пераважаць той сімбіёз ідэалогіі, рэлігіі і асобных элементаў навукі, які часта праяўляецца ў падыходзе да разумення духоўных і грамадскіх праблем.

З ліку іншых, не менш значных праблем хацелася б назваць наступныя. Гэта – ідэя «цэнтр-эканомікі» і звязаная з ёю праблема розніцы і несупадзення тэмпаў і ўзроўню развіцця розных грамадстваў і дзяржаў. Прынцып сацыяльнай справядлівасці як магчымасць памнажэння ілюзій сацыяльнай роўнасці і ўплыў іх на стан грамадскай свядомасці. Усталяванне ўніверсальнай (а не групавой, партыйнай ці класавай) маралі як істотны фактар самарэгуляцыі і развіцця грамадства.

Сказанае – толькі невялікая частка агульнай праблемнай панарамы сучаснасці. Яна можа быць дапоўнена з іншага пункту погляду. Але дылема адна – ці мы абмяркоўваем і вырашаем праблемы і рухаемся наперад, ці, па нашай даўняй звычцы, чакаем і тым самым аддаляемся ад сучаснасці.

В. Б. Еворовский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**КЛАССИЧЕСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ В XXI ВЕКЕ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СИНТЕЗА**

Двадцатый и последовавший за ним XXI век кардинально изменил место и роль философии в современном обществе. Мы сейчас живем под грузом двух альтернатив построения разноуровневых картин реальности: с одной стороны, человеческие фантазии облачаются в литературные формы, с другой – истинность почти всегда отождествляется с научностью со своими ясно эксплицируемыми формами построения знания. В таких условиях часто говорят о кризисе философии, которая не выдерживает конкуренции с литературой и кинематографом в борьбе за аудиторию. Касаемо науки философии предъявляются претензии в умозрительности и невозможности обосновать правомерность предлагаемых выводов. Между тем коренные вопросы о природе сознания и познания, априорных формах восприятия, разграничении объективного и субъективного продолжают жить в современном знании, лишь слегка модифицируя свои формы, но органично входя в структуру современной науки.

Ключевые слова: философия в XXI веке, субъективный опыт, философия сознания, априорные формы чувственного восприятия, структура сознания, объективное и субъективное, человеческое Я

V. Yevarouski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**CLASSIC PHILOSOPHICAL QUESTIONS IN THE 21ST CENTURY:
CONCEPTUAL TRANSFORMATIONS IN THE CONTEXT
OF INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS**

The twentieth and the next 21st century radically changed the place and role of philosophy in society. We now live under the weight of two alternatives to the construction of multi-level pictures of reality. On the one hand a human imagination is put into literary forms. On the other hand, truth is always found with science with its clearly explicit forms of knowledge. Someone often talks about crisis of philosophy. For it does not stand up to competition with literature and cinema in the struggle for the audience. As for the science, philosophy accused of the speculativeness with the inability to substantiate the validity of the proposed conclusions. Meanwhile, the fundamental questions about the nature of consciousness and cognition, a priori forms of sense, the distinction between the objective and the subjective continue to live in modern knowledge to modify their forms slightly but entering organically into the structure of modern science.

Keywords: philosophy in the 21st century, subjective experience, philosophy of consciousness, a priori forms of sense, structure of consciousness, objective and subjective, human Self

Философия как объективация человека сохраняет черты самого *Homo sapiens*, то есть действует подобно живому организму, а это значит – во многом спорадически и хаотично. Формирование философии как дисциплины есть почти во всех случаях вторичный процесс, то есть следствие некоего принудительного оформления объективированных ипостасей жизни в спекулятивные формы организации знания. Уяснение всегда потаенного смысла человеческой жизни, той сакральной цели, для которой мы существуем в подлунном мире, всегда считалось первым и главным для философии, неким наказом, полученным свыше. Универсальная (наверное, не только для европейской традиции мышления, но и для всей цивилизации вообще) проблема познания самого себя. Чувства, эмоции страсти, знаменующие человеческие радости и горести, – любимый предмет поэтического вдохновения. Разгадывание «кода» человеческой жизни – нелегкий удел философов. И очевидно, что мы здесь наталкиваемся на определенные трудности. *Любовь к мудрости в качестве основной задачи ничего не говорит о тех границах, где поиски мудрости должны прекратиться.*

Такая претензия на всеядность, как и любая позиция, имеет свои достоинства и недостатки. Человеческий разум в числе многих еще не до конца объясненных свойств в своих наиболее выдающихся проявлениях показывал то, что мы называем предвидением или озарением. В более рутинной практике мы можем видеть умозрительный подход, который был практически вне конкуренции вплоть до наступления технологической эпохи, породившей в том числе и науку, основанную на эксперименте.

Увы, в наше время философское знание в борьбе на поле объяснения сложностей мира заведомо оказывается в проигрышной позиции. А значение нашей первонауки смещается в область, где идет конкуренция не в поиске истины, но, например, наряду с литературой или драматургией за красоту изложения для привлечения внимания зрителя. И это положение вещей связано прежде всего со спецификой требований, которые предъявляет к получаемому знанию современная эпоха. Из важнейших, хотя в основном технических, требований можно привести наглядность и верифицируемость. Не является новой дискуссия о техногенной эпохе, о различии между калькулятивными и медитативными подходами к осмыслению социальной реальности.

Именно в условиях такой практики добывания нового знания, когда любое, даже мелочное, в чем-то заурядное предположение нуждается в доказательстве или таком обосновании, которое отвечает общепринятой методике, на любое потенциальное озарение может последовать несколько надоедливый, но вполне ожидаемый вопрос «откуда ты это взял?». Однако, как предупреждал М. Лютер, «не стоит выплескивать из ванны с грязной водой и самого ребенка». Тем более что в мировом доэкспериментальном наследии выделить абсолютно бесполезное весьма сложно. Что касается именно безусловно полезного, то, как покажет дальнейшее изложение, многие исконно философские

вопросы остаются, во-первых, актуальными, во-вторых, без принятия их во внимание невозможны многие уже чисто научные концепции и, наконец, в-третьих, несмотря на громадный прогресс науки, подходы к наиболее фундаментальным проблемам (прежде всего сознания и всего внутреннего мира человека) остаются, как и несколько веков назад, умозрительными.

Цивилизация, в основе которой заложена техника [1], или, говоря иными словами, процесс производства и распределения материальных благ, неминуемо мерит себя либо производственными, либо экономическими критериями. То есть решение определенной социальной задачи предлагается производить, используя средства и методы, построенные в форме методической точности или математической достоверности. Таким образом, характер техногенного мышления задает техногенный запрос. Между тем математическая форма подачи знания во многих отношениях является просто формой, а возможность того, что весь мир подлежит переводу на язык уравнений, пока только предполагается [2]. В противоречии между подсчетом и объяснением кроется еще одна интересная вещь. Разграничение между тем, что можно подсчитать, и тем, о чем можно думать, является исторически конкретным. И соотношение между этими двумя понятиями разнится от эпохи к эпохе. Парадигмальным здесь пока остается только одно. Человек как сущность и как вещь в себе не поддается количественному измерению. Это проявляется хотя бы в том, что не существует математической модели человека. Искусственному конструированию поддается только совсем небольшая часть активности личности, а объясняющие поведение механизмы в основном носят предположительный характер.

Проблемы сознания

Рассматривая попытки понять, что такое сознание в XXI веке, прежде всего нужно отметить, что подавляющие число нынешних исследований проводится в определенных дисциплинарных рамках. В частности, эти рамки задают и тот ход размышлений, с помощью которых обозначенная проблема решается [3]. По сути дела те конструкции, которые станут предметом дальнейшего рассмотрения, можно отнести к своеобразной прикладной философии (хотя она так и не называется) или теоретическим основаниям таких наук, как нейробиология и теория искусственного интеллекта, что уверенно вытесняют в этой области классическое, ничем не ангажированное философское вопрошание.

Сознание имеет в своей основе две разноплановые вещи. С одной стороны, это то, что мы можем назвать элементарным феноменом, а с другой – некий рассказ о жизни этих феноменов внутри нас. Мы всегда живем в состоянии внутреннего диалога, в бесконечном раскладывании и перекладывании различных элементов нашего внутреннего мира по разным воображаемым полочкам. Поэтому содержание нашего сознания – это некая полифоническая история, в которой каждый ее элемент имеет свое начало и свой конец. Однако мы всегда

чувствуем некие базовые составляющие этой картины, историю происхождения которых мы не знаем и потому воспринимаем как данное.

Исходной в той системе задач, для которых требуется некая концепция сознания, является поиск механизмов того, как головной мозг (преимущественно человека, хотя есть исследования сознания животных [4; 5] и даже более низших существ) продуцирует некое идеальное по своей природе содержимое [6]. Таким образом, необходимо найти соответствие между регистрируемой активностью определенных участков мозга и неким набором состояний (с известной долей искажения назовем их психологическими), о которых в данный момент можно спросить человека, ибо опрос до сих пор является основным источником информации. Другое дело, что результаты опрашивания могут затем подвергаться той или иной степени формализации, однако суть от этого не меняется. Если использовать здесь классическое для философии разделение на материальное и идеальное (оставляя последнее на уровне чисто интуитивного восприятия), то некий процесс мозга, который исследуется средствами естественных наук, затем превращается в нечто, не поддающееся под их описание [7, р. 3]. Это содержимое, в свою очередь, приобретает семантическое значение, которое в итоге заново формализуется, становясь якобы достоянием точной науки, и уже в таком виде сравнивается с теми данными, что получены при изучении нейробиологических процессов, приписываемых нашему мозгу.

При построении современных естественнонаучных теорий сознания открыто декларируется наличие разрыва в объяснении (*explanatory gap*) [8; 9], который существует между физическими свойствами мозга, как мы знаем их, и субъективными событиями, что мозг создает [10, р. 2]. Мы всегда имеем также дихотомию третьего и первого лица, что для исследователя проблем сознания означает резкое разделение его как предмета интереса и постоянного внутреннего опыта того же сознания, границы которого всегда шире того описания, что к нему прилагается. Восприятие внутреннего мира человеком одновременно как своего и как чужого имплицитно закладывает в схватывание сознания пока непреодолимую интерференцию между номотеическим и идеографическим подходами. Также получается, что даже для тех теорий, которые претендуют на строгую научность, в основе определения сознания лежит философское ядро, когда сознание устанавливается либо как способность быть самим собой [11], либо как свойство человека (а, возможно, и других живых организмов [10; 12; 4]) удваивать реальность.

В рамках этого типа осмысления предполагается, что мозг создает особый феноменологический мир, который можно назвать сознанием [13]. Нед Блок [14], отражая подобную ситуацию, метко обозначил сознание как концепт-полукровка (*mongrel concept*). Декларирование тезиса, что сознание – это сугубо научная проблема, а человек – строго физический объект, диктует определенную моду для дальнейшего развертывания этого по своей сути двойственного

концепта сознания. Сознание неминуемо должно выводиться из функционирования своего материального субстрата, то есть головного мозга [15; 16].

В рамках рассматриваемой парадигмы одной из базовых является концепция Неда Блока, предлагающая рассматривать два типа сознания: собственно феноменальное как некий полный набор состояний, который продуцирует наш мозг, и так называемое доступное сознание или то, о чем мы можем сказать что-нибудь. «Феноменальное сознание – это наш опыт в его целостности; феноменально сознательный аспект состояния – это то, каково это быть в этом состоянии. Признаком сознания доступа, напротив, является доступность для использования в рассуждениях и рациональном руководстве речью и действием» [17, р. 227]. При построении такой модели сознания обычно принимаются следующие компоненты. (1) Содержание сознания, включающее некий набор идеальных субстратов или феноменов. (2) Далее вводятся по крайней мере два типа субъектов. Первого из них можно определить как владельца содержимого некоего сознания, второго – как воображаемого наблюдателя, которому может быть сообщено то, что является содержимым, ибо если мы не имеем доступа к содержанию некоего сознания (собственного или того, что мы исследуем), мы не можем выдвигать о нем никаких суждений, которые могут быть либо подтверждены, либо фальсифицированы.

Приведенную конструкцию можно обозначить как материалистическую, максимально полно соответствующую существующим нормам построения научного знания. Следует отметить, что на сегодняшний момент она является доминирующей. Несмотря на свои слабости (очевидные с точки зрения, например, философской феноменологии), подобный стиль изложения в современном осмыслении сущности сознания популярен прежде всего потому, что он видится наиболее плодотворным для обогащения и объяснения получаемых на сегодняшний момент результатов (к сожалению, фрагментарных и спорадических) исследований того, как наш мозг продуцирует сознание.

Априорные формы чувственного восприятия

Можно предположить, что любое живое существо существует внутри некой пространственно-временной матрицы, а если считать, что оно относится к тому разряду организмов, которые осуществляют перемещение, то есть изменяют свое положение в рамках трехмерной системы координат, и не просто осуществляют перемещение, но и делают это ради чего-то, реализации своих жизненных функций, то есть все основания предполагать, что такое живое существо должно предвидеть ситуацию. Оно будет двигаться к определенной точке, например, ради того, чтобы пересечься в ней с неким важным для его жизнедеятельности объектом или наоборот избежать встречи с тем, что несет потенциальную опасность. Таким образом, мы можем говорить и про ошибки, и про предвидение или не говорить, если допустить, что некие относительно

несложные или недолго живущие системы являются не обучаемыми и живут строго в рамках заложенных образцов поведения. Однако от схемы предвидеть и корректировать нам нужно сделать еще один небольшой шаг. Не только наш мозг, но и подобные системы совсем простых организмов не предвидят будущее, но создают его, ибо любое событие немислимо без его участников. Далее если мы говорим, что корректируем чьи-то ошибки, то остается вопрос, кто является их автором. То есть мозг (наш или чей-то, в данном контексте неважно) сначала должен создать то, что потом нуждается в исправлении. Совсем не простым в этом контексте будет ответ на вопросы: «Что есть правильное?», «Какие критерии оценки для этого (например, в случае червя) должны предложить не мы (опираясь, например, на концепт эволюции), но он сам как заведомо неразумное существо?».

Однако в этом элементарном случае, при допущении возможности коррекции ошибок потребности смотреть вперед за рамки представляющей перед органами ощущения некой на данный момент времени стабильной пространственно-временной конфигурации, как-то само собой предполагаются все те же (заметим, только отдаленно похожие на кантовские) **некие априорные предпосылки, своеобразные предустановки будущего, без которых даже нечеловеческий опыт не может осуществиться**. Ибо чтобы стремиться к чему-то, нужно рационально или иррационально представлять то, чего требуется достигнуть.

И здесь нам придется возобновить на совершенно необычном уровне старый спор **эмпиризма и рационализма**. Работа с миром в случае многих живых существ включает обработку информации. Для современной науки очевидным сейчас считается, что ключевым органом в этом процессе будет головной мозг или его прототипы. Наиболее просто нашу работу с информацией можно рассматривать как ее накопление. В случае, если организм получает некий массив данных, на него следует та или иная реакция. То есть в таком (теперь уже совершенно сомнительном) случае важный для живого существа объект как бы входит в его мозг, очевидно, далее вызывая некую ответную реакцию. Любое признание возможности для живого существа каким-либо образом модифицировать информацию поднимает вопрос о неких априорных механизмах (в случае, если мы у того или иного вида признаем неспособность к воспитанию, – врожденных).

Именно с таких позиций и строится **генеративная модель** [18] работы мозга и формирования образов внешнего мира. Начнем с того, что наличие предустановок для оперирования с информацией, получаемой из внешней реальности, исходя из нашей человеческой логики взгляда на мир может значительно упрощать и ускорять процесс обработки информации. В терминах поведенческой экономики [19; 20] наличие неких встроенных образцов и моделей, безусловно, полезно. Между тем приходится в который раз повторять, что

любые из подобных моделей всегда таят опасности очеловечивания сугубо естественных процессов.

«Генеративная модель стремится захватить статистическую структуру некоторого набора наблюдаемых входных данных путем отслеживания (можно сказать, путем схематического пересчета) причинной матрицы, ответственной за эту самую структуру. Таким образом, хорошая генеративная модель для зрения должна стремиться отразить способы, которыми наблюдаемые визуальные реакции более низкого уровня генерируются взаимодействующей сетью причин, например различными аспектами визуально представленной сцены. На практике это означает, что нисходящие соединения в многоуровневой (иерархической и двунаправленной) системе начинают кодировать вероятностную модель действий подразделений и групп подразделений на более низких уровнях» [18, р. 182].

Если принимать эту модель, то каждое новое событие как бы вписывается в предшествующий опыт, а это значит, что даже в случае неразумного живого существа могут возникать некие прообразы прошлого [21], настоящего и будущего, а восприятие мира приобретает целостность, которую в таких рамках можно назвать операционной. Подобного рода рассуждения подспудно поднимают еще один вопрос: возможно ли присутствие в нашем сознании (в том числе в неосознаваемой его области) неких эталонных образцов, под которые подгоняется получаемая извне информация. Тем не менее наличие неких «подсказок» в нашем внутреннем опыте является необходимым для любой из моделей, пытающихся повторить процесс получения и распознавания, например, зрительных образов. Ибо если мы признаем, что внешний мир не дан нам непосредственно и что наши органы зрения действуют не по принципу фотоаппарата или видеокамеры, а производят многоуровневую обработку информации, значит, каким-то образом должны быть заданы правила этой обработки. Существуют ли они в виде каких-то образцов, математических или иных алгоритмов – вопрос, конечно, важный, и даже критический для построения любых моделей, но с точки зрения философского рассмотрения все же является вторичным.

Основной вопрос философии

Итак, привычный нам мир – это сонм объектов. Конечный продукт, с которым работает сознание, – это царство феноменов, то есть уже не сами объекты, но их образы. Метафорически их можно обозначить как сгустки информации, которая с необходимостью должна включать некие описания важных для нас физических свойств внешнего мира. Однако объект – это не обязательно заведомо онтологический и материалистический феномен, ибо вопрос «копирует ли наше зрение неким естественным образом существующие границы между телами или заново делит на части отображаемую реальность?»

не будет иметь однозначного ответа. Человек не отражает образы, а именно конструирует их и даже каждый раз заново создает, ибо в тех композициях и комбинациях, в которых внешний мир оказывается в глубинах конкретного сознания, он каждый раз специфичен, в том числе и в силу конкретных целей и задач, для которых та или иная визуальная информация приобретает.

Очевидно, что ни человек, ни тем более другие живые существа (последние, кажется, выполняют при работе с миром сугубо утилитарные задачи) никак не могут быть сторонними наблюдателями. А коль это так, объекты должны быть выделены из мира, исходя из набора ряда существенных для нас свойств, которые можно назвать характеристиками объекта. На макроуровне или уровне рассказа о привычном объекте мы прежде всего упомянем его размеры (длина, высота, ширина), цвет, уровень освещенности, его местоположение или привязку к соседним объектам. Далее мы обычно фиксируем скорость и высоту (очевидно, что некоторые объекты или поверхности имеют нулевые скорость и высоту). Тем не менее из уже имеющихся у нас знаний мы будем вынуждены признать, что все объекты, которым мы приписываем нулевую скорость, на самом деле движутся, а привязка по высоте вообще является относительной.

Таким образом, нулевые скорость и высота скорее всего приписываются миру нашей зрительной системой, чем присущи самой реальности. Однако и это еще не все. Мы выше с некоторой легкостью оперировали длиной, шириной, скоростью и другими знакомыми со школьного курса физики понятиями. Тут необходимо подчеркнуть, что это именно понятия или некие категории, сформированные развитием науки в частности и культуры вообще. Как воспринимается высота, скорость, определяется местоположение на бессознательном уровне, мы можем только предполагать и опять же по аналогии с личным знанием. Также пока нет другого способа строить те системы, что мы называем искусственным интеллектом, вне этих привычных нам физических моделей.

В современной нейробиологии [22–24] вполне обоснованно предполагается, что мозг животных, как, очевидно, и других существ, которые вынуждены передвигаться в пространстве, нуждается в анализе его конфигурации. Если следовать этим данным, то мы имеем перед собой две системы, которые могут претендовать на первичность. С одной стороны, есть наша среда, существование которой мы вынуждены признавать независимым от нашего ее восприятия. А с другой – пока не до конца понятные формы работы с окружающей реальностью, которые (по крайней мере частично) даны нам биологически.

Мир предстает нам дифференцированным, разделенным на громадное число объектов. Это разделение дано нам непосредственно, то есть мы не задумываемся, например, почему в определенной ситуации мы видим камень, одиноко лежащий на земле, или листок бумаги, летящий, поддаваясь дуновению ветра. В ряде случаев выделение объекта может быть даже объяснено.

Кот, к примеру, может реагировать на бегущую мышь как на желаемый объект охоты. Однако этот, последний, пример показывает не онтологичность, но функциональность в распознавании образов. Нет одной общепризнанной теории, объясняющей, как формируются образы, как и нет достаточных данных, что наши внутренние образы – это точная копия реального разделения мира на объекты. Тем более что уже в нашем простом примере с котом мы видим, что на наше восприятие конфигурации мира влияют такие совсем не физические характеристики, как некий интерес или утилитарность.

Так, прослеживание протяженности объекта [25] независимо от его перемещения в пространстве, а также фиксация самого движения дает для того же кота возможность «встретиться» с мышью в некой **заданной** точке. С одной стороны, мышь должна оставаться мышью на всем протяжении того пути, когда она привлекает внимание, с другой стороны, в каждый момент времени ей должно принадлежать уникальное место, в котором не предполагается наличие другого объекта. Если эти базовые условия нарушатся, мир превратится в хаос.

Список использованных источников

1. Heidegger, M. Die Frage nach der Technik / M. Heidegger // Vorträge und Aufsätze / M. Heidegger. – Pfullingen : G. Neske, 1954. – S. 13–44.
2. Wigner, E. P. The unreasonable effectiveness of mathematics in the natural sciences. Richard courant lecture in mathematical sciences delivered at New York University, May 11, 1959 / E. P. Wigner // Communications on Pure and Applied Mathematics. – 1960. – Vol. 13, iss. 1. – P. 1–14.
3. Phillips, I. The methodological puzzle of phenomenal consciousness [Electronic resource] / I. Phillips // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological sciences. – 2018. – Vol. 373, iss. 1755. – Mode of access: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2017.0347> – Date of access: 20.11.2020.
4. Consciousness in humans and non-human animals: recent advances and future directions / M. Boly [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2013. – Vol. 4. – P. 625–639.
5. Edelman, D. B. Animal consciousness: a synthetic approach / D. B. Edelman, A. K. Seth // Trends in Neurosciences. – 2009. – Vol. 32, iss. 9. – P. 476–484.
6. Block, N. Consciousness, accessibility, and the mesh between psychology and neuroscience / N. Block // The Behavioral and Brain Sciences. – 2007. – Vol. 30, № 5–6. – P. 481–499; discussion 499–548.
7. Dehaene, S. Towards a cognitive neuroscience of consciousness: Basic evidence and a workspace framework / S. Dehaene // Cognition. – 2001. – Vol. 79, № 1–2. – P. 1–37.
8. Levine, J. Materialism and qualia: the explanatory gap / J. Levine // Pacific Philosophical Quarterly. – 1983. – Vol. 64, iss. 4. – P. 354–361.
9. Chalmers, D. J. Phenomenal Concepts and the Explanatory Gap / D. J. Chalmers // Phenomenal Concepts and Phenomenal Knowledge / T. A. Alter [et al.]. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2009. – P. 167–194.
10. Feinberg, T. E. The ancient origins of consciousness: How the brain created experience / T. E. Feinberg, J. M. Mallat. – Cambridge, MA : MIT Press, 2016. – 387 p.
11. Nagel, T. What Is It Like to Be a Bat? / T. Nagel // The Philosophical Review. – 1974. – Vol. 83, iss. 4. – P. 435–450.
12. Barron, A. B. What insects can tell us about the origins of consciousness / A. B. Barron, C. Klein // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2016. – Vol. 113, iss. 18. – P. 4900–4908.

13. Chalmers, D. J. The conscious mind: In search of a fundamental theory / D. J. Chalmers. – New York ; Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. – XVII, 414 p. – (Philosophy of mind series).
14. Block, N. J. Comparing the Major Theories of Consciousness / N. J. Block // The Cognitive Neurosciences / ed. M. S. Gazzaniga. – 4th ed. – Cambridge, MA ; London : MIT Press, 2009. – P. 111–1122.
15. Dehaene, S. Experimental and theoretical approaches to conscious processing / S. Dehaene, J.-P. Changeux // Neuron. – 2011. – Vol. 70, iss. 2. – P. 200–227.
16. Velmans, M. Understanding Consciousness / M. Velmans. – 2nd ed. – London ; New York : Routledge, 2009. – XII, 393 p.
17. Block, N. On a confusion about a function of consciousness / N. Block // Behavioral and Brain Sciences. – 1995. – Vol. 18, iss. 2. – P. 227–297.
18. Clark, A. Whatever next? Predictive brains, situated agents, and the future of cognitive science / A. Clark // Behavioral and Brain Sciences. – 2013. – Vol. 36, iss. 3. – P. 181–204.
19. Bickel, W. K. Behavioral economics (Editorial) / W. K. Bickel, L. Green, R. E. Vuchinich // Journal of the Experimental Analysis of Behavior. – 1995. – Vol. 64, № 3. – P. 257–262.
20. Ng, I. An Integrative Framework of Value / I. Ng // Special Issue – Toward a Better Understanding of the Role of Value in Markets and Marketing / S. L. Vargo. – Emerald Group Publishing Limited, 2012. – P. 207–243.
21. Swanson, L. R. The Predictive Processing Paradigm Has Roots in Kant / L. R. Swanson // Frontiers in Systems Neuroscience. – 2016. – Vol. 10. – P. 79.
22. Palmer, L. Neuroscience. A Kantian view of space / L. Palmer, G. Lynch // Science (New York). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1487–1488.
23. Development of the hippocampal cognitive map in preweanling rats / T. J. Wills [et al.] // Science (New York). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1573–1576.
24. Development of the spatial representation system in the rat / R. F. Langston [et al.] // Science (New York). – 2010. – Vol. 328, iss. 5985. – P. 1576–1580.
25. Core cognition in adult vision: A surprising discrepancy between the principles of object continuity and solidity / A. Falck [et al.] // Journal of Experimental Psychology: General. – 2020. – Vol. 1, iss. 1. – P. 827–830.

I. M. Babkoŭ

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

**ФІЛАСОФСКІЯ І ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЭІ
ГЕНРЫКА ЖАВУСКАГА Ў КАНТЭКСЦЕ ІНТЭЛЕКТУАЛЬнай
КУЛЬТУРЫ ПОЗНЯГА РАМАНТЫЗМУ**

У артыкуле аналізуюцца філасофскія і грамадска-палітычныя погляды Генрыка Жавускага, аднаго з самых вядомых прадстаўнікоў кансерватыўна-традыцыяналіскага лагера – «пецяярбургскай катэрыі», кола інтэлектуалаў, што згуртаваліся вакол «Tygodnika Petersburskiego» («Тыднёвіка Пецяярбурскага»). Ключавыя ідэі Г. Жавускага – паварот да традыцыі, яе аналіз і рэканструкцыя, радыкальная крытыка сучаснасці з яе перспектывы, былі не проста індывідуальным аўтарскім вынаходніцтвам, але характэрны для ўсёй інтэлектуальнай культуры позняга рамантызму.

Ключавыя словы: гісторыя беларускай думкі, інтэлектуальная гісторыя Беларусі, рамантызм, Генрык Жавускі

I. M. Bobkov

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
ХЕНРИКА ЖЕВУСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ПОЗДНЕГО РОМАНТИЗМА**

В статье анализируются философские и социально-политические взгляды Хенрика Жевуского, одного из самых известных представителей консервативно-традиционалистского лагеря – «петербургской катерины», круга интеллектуалов, собравшихся вокруг «Tygodnika Petersburskiego» («Петербургского еженедельника»). Ключевые идеи Х. Жевуского – обращение к традиции, ее анализ и реконструкция, радикальная критика современности с ее точки зрения – были не просто отдельными авторскими «новациями», а характерными для всей интеллектуальной культуры позднего романтизма.

Ключевые слова: история белорусской мысли, интеллектуальная история Беларуси, романтизм, Хенрик Жевуский

I. Babkou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**HENRYK RZEWUSKI'S PHILOSOPHICAL AND SOCIO-POLITICAL IDEAS
IN THE CONTEXT OF THE INTELLECTUAL CULTURE OF LATE ROMANTICISM**

The article analyzes the philosophical and socio-political views of Henryk Zhawuski, one of the most famous representatives of the conservative-traditionalist camp – the “St. Petersburg cateria”, a circle of intellectuals gathered around the “Tygodnik Petersburski”

(“*St. Petersburg Weekly*”). His key ideas – a turn to tradition, its analysis and reconstruction, a radical critique of modernity from its perspective, were not just individual authorial inventions, but characteristic of the entire intellectual culture of late Romanticism.

Keywords: History of Belarusian thought, Intellectual history of Belarus, Romanticism, Henryk Rzewuski

У 1839 г. у Парыжы, у выдавецтве «А. Jełowicki i Spółka» выходзіць з друку невялікая кніжыца. На тытульным аркушы было напісана: «Pamiętki Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego» («Успаміны яснавельможнага пана Северына Сапліцы, чашніка парнаўскага»), сама кніга складалася з раздзелаў, прысвечаных розным эпізодам з жыцця XVIII ст. Апавед аўтара пра сябе і пра падзеі быў шчыры і бясхітрасны, самі падзеі яшчэ памяталіся, і для наіўнага чытача амаль не было б сумневу, што перад ім сапраўды «ўспаміны», калі б на першых старонках прадмовы выдаўцы не раскрывалі ўсе карты: перад намі літаратурны твор, гістарычная стылізацыя нашага сучасніка. Прадмову напісаў Стэфан Вітвіцкі, паэт, эмігрант, выдаўца. У прадмове ён адзначае, што кніга створана нешараговым аўтарам і ў пэўным сэнсе працягвае лінію Адама Міцкевіча (само прозвішча Сапліца паказвае, што аўтар выдадзенага твору чытаў «Пана Тадэвуша»). Адзначаючы вялікі талент пераўвасаблення, С. Вітвіцкі спадзяецца, што «Успаміны Сапліцы» – толькі пачатак эпоэ, галоўным героем якога мусіць стаць «даўня, старасвецкая, кунтушова Польшча». Гэтая Польшча паводле аўтара прадмовы, ужо памерла і менавіта таму гатова стаць матэрыялам для вялікага гістарычнага цыкла, што мусіць замяніць недахоп помнікаў і паэтаў у адпаведных эпохах. Пры гэтым галоўным арыенцірам павінны быць дух часу і месца, а не звыклыя стэрэатыпы, для якіх старая Рэч Паспалітая – гэта заўсёды нешта «гучнае і непрыстойна крыклівае» (*junackie, rubaszne i halasowe*). С. Вітвіцкі раіць аўтару максімальна атаясамлівацца з эпохай, пра якую піша, і яе героямі і пазбягаць аўтарскіх заўваг і ацэнак. Напрыканцы прадмовы С. Вітвіцкі сцвярджае, што тэкст узорны для свайго жанра і сваёй ідэі, спадзяецца на працяг і ўрэшце піша, што аўтара чакае ў польскай літаратуры важная місія.

Вітвіцкі не памыліўся. Ужо ў прадмове да другога, парыжскага, выдання [1, s. IX–XXXVII] тэкст «Успамінаў Сапліцы» становіцца падставай грунтоўнага эстэтычнага разгляду, упісваецца ў шырокую панараму гісторыі еўрапейскай літаратуры і найноўшых ідэйна-літаратурных тэндэнцый. Агульны кірунак бачыцца аўтару прадмовы як усё большы адыход ад нарматыўнай паэтыкі, універсальных схем і топікі літаратуры ў бок лакальнага, канкрэтнага. Важнасць твора палягае ў тым, што ён ўпершыню дае голас самой рэчаіснасці і робіць гэта ў адэкватных мастацкіх формах. У параўнанні з «Успамінамі Сапліцы» папярэдняя гісторыя тутэйшай літаратуры выглядае як вучнёўства, наследаванне і адаптацыя чужых эмоцый ды агульнапрынятых літаратурных стыляў. Далейшая крытыка не адыходзіць далёка ад першапачатковай ацэнкі:

«Успаміны Сапліцы» разглядаюцца як тэкст знакавы і пачынальніцкі. Пры гэтым крытыкі, чытачы і даследчыкі рыхтаваліся да таго, што гэты твор застаецца адзіным творам Жавускага – геніяльным пачаткам, альбо Жавускі будзе развіваць свой поспех, дадаючы і пашыраючы заваяваны плацдарм. На здзіўленне большасці гэтага не адбылося. І не з-за нядбайнасці аўтара. Наадварот: Жавускі мае перад сабой больш за дваццаць год насычанай інтэлектуальнай працы. Выходзяць новыя кнігі, з’яўляюцца новыя ідэі, рэалізуюцца праекты. Але большасць чытачоў і крытыкаў гэтаму былі не рады.

У 1868 г. у Ліпску (Ляйпцыгу), праз два гады пасля смерці, «Успаміны Сапліцы» выходзяць у серыі «Класікі польскай літаратуры», і ў прадмове выдаўцы звяртаюцца не толькі да зместа твора і да рэпутацыі аўтара, які на той час стаўся ўжо скандальным і слаўным, але і да шлейфа перавыданняў, рэцэпцый і інтэрпрэтацый. Формула, з якой яны ўлучаюць «Успаміны Сапліцы» ў літаратурны канон, тым не менш выглядае парадаксальнай: кніга мусіць застацца ў каноне як твор класічны і нават геніяльны, нягледзячы на ўсё тое, што Жавускі пісаў, здзяйсняў і пражываў пасля [1, s. V–VII]. У 2012 г. Івона Венгжын, прадырмаючы франтальнае перачытанне літаратурнай творчасці Жавускага і падсумоўваючы папярэдняю крытыку [2, s. 7–12], практычна паўтарае гэтую формулу: нягледзячы на плённую і разнастайную літаратурную і ідэалагічную прадукцыю, для культуры Г. Жавускі застаецца перадусім аўтарам «Успамінаў Сапліцы».

Праблема была не ў тым, што аўтар не разумеў альбо па-іншаму разумеў сваю місію. Праблема палягала ў тым, што місія ў было дзве. І другая значна менш удзячная, хаця і не менш важная. Генрык Жавускі выканаў абедзве, і гэта зрабіла яго адным з самых праблемных і супярэчлівых аўтараў XIX стагоддзя.

У 1841 г. у Вільні пад псеўданімам *Jarosz Bejła* выходзіць іншая кніга Жавускага «*Mieszaniny obyczajowe*» [3]. Зборнік крытычных эсэ, у якіх аўтар паставіў пад пытанне эмоцыі, ідэі і стэрэатыпы свайго часу. Назва дастаткова двухсэнсоўная, яе перакладалі і як «Трасянка традыцыяў», і як «Жыццёвыя дробязі». Сапраўды, Г. Жавускі апісвае і аналізуе блізкія і знаёмыя рэчы: кнігарня Глюксберга, літаратурныя дыскусіі і абмеркаванні, правінцыйныя шляхецкія соймакі, штодзённыя, побытавыя гісторыі. Не адразу, але ўрэшце становіцца зразумела, што за гэтым антуражам хаваецца насамрэч штосьці больш важнае. Што перад намі бліскучая і бязлітасная крытыка эпохі з яе мешанінай новага і старога, мадэрнага і традыцыйнага. Напачатку кніга прачытвалася з цікавасцю і нават сімпатыяй. Але чым далей, тым болей нарасталала незадавальненне і формай, і зместам, і аўтарскай пазіцыяй. Шмат у чым гэтаму спрыяла актыўнасць кіеўскай «Гвядзы», якая менавіта Жавускага абрала ў якасці аб’екта для крытычнай палемікі. Менавіта палемісты гэтага часопіса залічылі Г. Жавускага ў кансерватары, у ар’ергард эпохі. Крыху стрымлівала сітуацыю ўхвала А. Міцкевіча, з якім аўтар зборніка быў знаёмы асабіста і які

надзвычай высока ацэньваў яго ідэі і патэнцыял. Але Міцкевіча ў 1840-я самога панесла ў «тавяншчыну», і яго падтрымка больш не выглядала гарантыяй недатыкальнасці.

Першыя сімптомы публічнага незадавальнення былі звязаныя з крытыкай Жавускім Крамянецкага ліцэя – інстытуцыі, якая для рэгіёна (Валынь і Падолле) стала жывой легендай. У сярэдзіне XIX стагоддзя вобраз гэтай навучальнай установы і яе ставаральніка Тадэвуша Чацкага быў амаль міфалагічным. «Валынскія Атэны» – менавіта так успрымалася гэтая інстытуцыя. Жавускі ж паставіў пад пытанне галоўнае: адпаведнасць адукацыйнай праграмы ліцэя цывілізацыйным выклікам ды практычным задачам найноўшай эпохі. Ды яшчэ дадаў асобны раздзел пра валынскіх «балагулаў» – новую генерацыю шляхецкай моладзі, якая марнуе свой час на кірмашах і соймаках у мілых і безсэнсоўных таварыскіх забавах. Ясна, што высновы Г. Жавускага мусілі быць несудыцальнымі: для такога грамадства няма і не мусіць быць будучыні.

У адрозненне ад «Успамянаў Сапліцы», якія не проста патрапілі ў поле ўвагі, але адкрылі новы далягляд «рэканструкцыі і пераўяўлення мінулага», «Мешаніна» выдавочна ішла насуперак грамадскім чаканням. Зрэшты сам аўтар выдатна гэта ўсведамляў: напачатку кнігі ён змясціў эпіграф з «Новай Элаізы» Ж.-Ж. Русо, які сканчаўся характэрнай скаргаю: «Чаму ж я не жыву ў эпоху, у якой я проста спаліў бы гэтыя лісты». Насцярожанасць бачна і ў аўтарскай «Прадмове» – адным з першых металітаратурных тэкстаў у нашай традыцыі, куды Г. Жавускі ўводзіць адмысловых персанажаў, што спрачаюцца пра змест кнігі, прадстаўляюць аргументы за і супроць і нават абмяркоўваюць фінансавыя рызыкі для выдавецтва. Усё гэта паказвае, што аўтар выдатна ўсведамляў усе складанасці свайго крытычнага прадпрыемства. У 1845–1846 гг. у Пецярбургу выходзіць выданне ў трох кнігах «Listopad: romans historyczny z drugiej połowy wieku XVIII» («Лістапад: раман гістарычны з другой паловы XVIII стагоддзя»), якое зблытвае і пераплятае дзве лініі: творчую рэканструкцыю мінулага і крытычны аналіз эпохі. Гэта ўжо не стылізацыя простай шляхецкай гаворкі, а складаная сюжэтная гісторыя, якая фармальна абапіраецца на лепшыя ўзоры жанру. Гэта гісторыя двух братоў Стравінскіх – Людвіка і Міхала, – разлучаных у дзяцінстве праз развод бацькоў і знайшоўшых адзін аднаго пры трагічных абставінах. Першая частка ўводзіць нас у асабістае. Людвік, які вяртаецца на радзіму і сустракаецца з Міхалам, загахаўся ў яго нарачоную. Тая адказвае ўзаемнасцю і пакідае Міхала, з'язджае з Людвікам у Варшаву. (Імя дзяўчыны, канешне, Зося, што зноў адсылае да Міцкевіча.) Дзеянне другой часткі трагічна сутыкае братоў на іншым полі. Барская канфедэрацыя ў лістападзе 1771 г. арганізуе выкраданне караля Станіслава Аўгуста, і важная роля ў гэтай авантуры належыць Міхалу. Людвік выратаўвае караля і міжволі спрычыняецца да смерці брата. У выніку сам ад распачы і ганьбы канчае жыццё самагубствам.

Але гэтая сэнтыментальная гісторыя, расказаная Г. Жавускім таленавіта, з ужываннем найноўшых нарратыўных тэхнік (вальтэрскагаўскі раман, раман выхавання), па сутнасці толькі гіперструктура, у якую ўкладзены значна больш важныя рэчы. Письменнік распачынае ў «Лістападзе» тое, што мы можам назваць «раманам ідэй». І каб ніхто ў гэтым не засумняваўся, аўтар наўпрост у прадмове і шматлікіх прыпісах і тлумачэннях уводзіць нас у сутнасць справы. Браты Стравінскія рэпрэзентуюць дзве цывілізацыі, якія трагічна сутыкаюцца на полі гісторыі і ў прасторы асабістага жыцця. Першая цывілізацыя – старая, шляхецкая альбо сармацкая *рэчнаспалітая*. Другая – новае грамадства, якое «вырастае» са старога, абапіраецца на яго, але імкнецца знайсці і рэалізаваць сябе ва ўніверсальных (на той час пераважна французскіх) формах жыцця і мыслення. Пры гэтым мысленне і ідэйная пазіцыя Г. Жавускага далёкая ад бінарнага, чорна-белага падзелу рэальнасцей на добрую і злую. Хаця аўтар відавочна на баку «пераможаных», але ў той жа час ён прызнае арыстакратызм, адукаванасць і добрыя намеры «пераможцаў». Тое, што крытыкуе і не прымае Жавускі, можна назваць радыкалізмам, альбо якабінствам мадэрнасці: спробай гвалтоўна, не арганічна навязаць грамадству новыя формы як адзіна магчымыя і прагрэсіўныя, і адпаведна прадставіць старыя як аджылыя і рэтраградныя. Кульмінацыяй гэтага радыкалізму, паводле Жавускага, з’яўляецца Канстытуцыя 3 траўня і адпаведныя рэформы. Незадавальненне чытацкай публікі «Лістападам» было звязана менавіта з гэтым ідэйным зместам: крытыкай Канстытуцыі і эпохі Станіслава Аўгуста як адыходам ад натуральнага, арганічнага развіцця грамадства.

Пасля «Лістапада» лініі літаратуры і крытыкі зноў разышліся. У працяг літаратурнай, лініі выходзяць «Pamiętniki starego szlachcica litewskiego» («Успаміны старога шляхціца літоўскага», Вільня, 1844–1845), «Zamek krakowski» («Замак кракаўскі», 1847–1848), «Adam Śmigielski» («Адам Шмігельскі», Санкт-Пецярбург, 1851), «Rycerz Lizdejko» («Рыцар Лідзейка», 1852), «Zaporożec» («Запарожац», 1854), «Pamiętniki Bartłomieja Michałowskiego» («Успаміны Барталамея Міхалоўскага», Санкт-Пецярбург і Варшава, 1857), «Paź złotowłosu, czyli Wieczory sułtana» («Паж з залатымі валасамі, або Вечары султана», Львоў, 1858). Але ўсё гэта не выклікала наваць чвэрці той увагі і захаплення, якія прыпалі на «Успаміны Сапліцы». Другая лінія – крытычная рэфлексія – ідзе паралельна. У 1840-я гады Г. Жавускі пачынае друкаваць у «Tygodniku Petersburskim» («Тыднёвіку Пецярбургскім») фрагменты роздумаў, якія ён называе філасофскім калейдаскопам. Потым яны выходзяць асобнай кнігай «Голас на пушчы: маральныя і палітычныя эсэ» (Вільня, 1847). «Голас на пушчы» важны як з перспектывы формы, так і з перспектывы зместу. У гэтай кнізе Г. Жавускі канчаткова знаходзіць свой новы жанр – інтэлектуальная проза, што складаецца з кароткіх эсэістычных фрагментаў. У працяг выходзяць «Łaska i przeznaczenie» («Міласць і лёс», Варшава, 1851), «Teofrast polski» («Тэафраст польскі», Санкт-Пецярбург, 1851), «Nie-bajki» («Не-байкі», 1851), «Wędrówki umy-

slowe» («Вандроўкі разумовыя», 1855), «Próbki historyczne» («Гістарычныя ўзоры», 1868). Першая, літаратурная, лінія стварыла вобраз класіка, таленавітага літаратара і геніяльнага стыліста, рэканструктара. Другая, крытычная, – кансерватыўнага мізантропа і, амаль, здрадніка.

* * *

Біяграфія Г. Жавускага (у тым ліку інтэлектуальная) даследаваная практычна вычарпальна. Генрык Жавускі (герб Крыўда/Krzywdą) нарадзіўся 3 мая 1791 г. у мястэчку Славута, памёр 26 лютага 1866 г. у мястэчку Чудноў. Абудва пасяленні знаходзяцца на поўначы Украіны, на мяжы Палесся. Паходзіць з вядомай магнацкай сям’і. Прадзед Вацлаў Жавускі быў вялікім каронным гетманам, сасланым у Калугу. Бацька – Адам Ваўжынец – аўтар трактата «Аб форме рэспубліканскага ўраду», які стаў апошнім маніфестам сармацкага рэспубліканства. Жыццё самога Г. Жавускага выразна падзяляецца на некалькі перыядаў. Служба ў войску (Варшаўскае княства), жыццё ў Пецяргбургу і за мяжой. Падарожжы (падарожнічаў у Крым разам з А. Міцкевічам, бачыўся з ім у Італіі). Масонства. Павольнае выпяванне ідэй і пазіцый. І далей – раптоўны выбух 1840-х, калі пішуцца і выходзяць важныя кнігі, рэалізуюцца практы. Захапленне Дэ Мэстрам і «кансерватыўнай крытыкай мадэрнасці». Пецяргбургскі асяродак. Спроба ўтрымацца ў новых абставінах. Далей Варшава: служба ў Паскевіча ўраднікам да спецыяльных даручэнняў (1850–1856 гг.). Журналістыка (рэдактар «Dziennika Warszawskiego» ад 1851 г.). Вяртанне ў Чудноў.

Пры ўсім радыкалізме і скандальнасці, Г. Жавускі так і не нарадзіў «зорных» інтэрпрэтацый, не гаворачы ўжо пра рэвізіі і пераацэнкі. Пераважаюць даследаванні творчай біяграфіі, публічных і прыватных (пераважна прыжыццёвых) дыскусій, збіранне абураных рэакцый сучаснікаў. Пры гэтым рэканструкцыя яго ўласных ідэй рэдка выходзіць за межы склаўшыхся ацэнак і стэрэатыпаў. І асноўныя яе пазіцыі застаюцца нязменнымі больш за стагоддзе: бліскучы і таленавіты рэнегат, кансерватар і амаль здрайца [4–9]. Работа крытыкі палягае ў тым, што першапачатковыя ацэнкі і дыягназы пацвярджаюцца на ўсё большым эмпірычным матэрыяле, набываюць новыя кантэксты і значэнні. Апошнія дзесяцігоддзі мы бачым спробу вярнуцца да Жавускага, перагледзець яго пазіцыю ў літаратурным каноне XIX ст. У той жа час рэвізія тычыцца пераважна літаратурнай спадчыны і не закранае інтэлектуальную пазіцыю, ідэй і думкі. Так, Івона Вегжын у сваім даследаванні «У свеце прозы Генрыка Жавускага» [2] прадымае грунтоўнае перачытанне ўсёй яго літаратурнай творчасці. Гаворачы ж пра ідэйную пазіцыю Жавускага, яна спасылаецца на варшаўскую школу гісторыі ідэй, пагаджаючыся з вобразам крайняга радыкала, нават «якабінца».

З аднаго боку, гэты стэрэатып мае дачыненне да рэальнасці. Перад намі відавочна радыкальная крытыка мадэрнага грамадства. З іншага – застаюцца

незразумелымі крыніцы гэтага радыкалізму, месца пісьменніка ў агульнай інтэлектуальнай карціне эпохі. Непазбежна паўстаюць пэўныя пытанні. Ці сапраўды Г. Жавускі ў сваёй крытыцы зыходзіць з ідэі вяртання назад, утрыманьня старых форм? Ці сапраўды гэта ар'ергард традыцыі? Патрэбна новае працытанне тэкстаў і постаці, пры якім бярэцца пад увагу не толькі літаратурны складнік і сацыяльна-палітычная пазіцыя, і нават не толькі яго мысленне, але і кантэксты, у якіх яго мысленне працавала, чэрпала моц і актуальнасць. Каб адэкватна апісаць гэтыя кантэксты, рэканструюваць логіку і змест яго крытыкі, мы мусім звярнуцца да двюх важных рэчаў. Па-першае, грамадская дыскусія аб стане і перспектывах шляхецкага грамадства і, больш за тое, сармацкай цывілізацыі і яе лёсах у эпоху мадэрнасці. Гэта той кантэкст, у якім і гістарычныя рэканструкцыі, і крытыка сучаснасці Г. Жавускага набываюць сапраўдны сэнс. І па-другое, позні рамантызм як сістэма думкі, інтэлектуальная фармацыя, які забяспечвае гэтую крытыку інтэлектуальным інструментарам: паняткамі, ідэямі, канцэптуальнымі эмоцыямі.

Толькі на гэтым фоне мы можам адэкватна зразумець цэльнасць творчасці Г. Жавускага, а таксама ідэі, якія праходзяць праз розныя формы і жанры яго творчасці, фарміруючы ўлюбёныя тэмы, паняткі, літаратурныя тыпажы.

Два кантэксты

Саракавыя – пачатак пяцідзясятых гадоў XIX ст., з аднаго боку, – гэта час пералому, генерацыйных і інстытуцыйных змен у культуры, час шматлікіх дэбютаў і з'яўлення новых імяў, вырастанне эпохі, якая становіцца заўважнай. З іншага боку, гэта час завяршэння доўгай палемікі паміж лібераламі і традыцыяналістамі, якая распачалася ў другой палове XVIII стагоддзя, і цягнулася аж да сярэдзіны наступнага, складаючы асноўны сюжэт і асноўны цывілізацыйны і ідэалагічны патэрн эпохі. Пры гэтым мы можам выдзеліць тры фазы гэтай палемікі. Першая распачынаецца ад другой паловы XVIII ст. і цягнецца да канца стагоддзя. У гэтай фазе фарміруюцца асноўныя апазіцыі і канцэптуальныя метафары, якія мадэлююць нашае разуменне падзей: сілы прагрэсу, рэформ, розуму супрацьстаяць сілам рэакцыі і цемрашальства. Да сярэдзіны XVIII ст. сфарміравалася гістарычная міфалогія, звязаная з рэформамі і Канстытуцыяй 3 мая, якая пераўтварыла гэтыя міфы ў звязаны гістарычны наратыў пра караля-рэфарматара і сілы прагрэсу, што прайграюць у сутыкненні з навакольным светам.

Другая фаза звязаная з рэакцыяй (грамадскай і інтэлектуальнай) на выбух рэвалюцыі ў Францыі і палягае ў пераходзе партыі прагрэсу да больш памяркоўнай, «ліберальнай» праграмы. Гэтая фаза займае першыя дзесяцігоддзі XIX ст. і ўжо падзяляецца геакультурна: паўстаюць віленскі і варшаўскі лібералізмы з рознымі праграмамі і акцэнтамі [10, s. 51]. На гэты час прыходзіцца і афармленне ідэалогіі кансэрватыўнага лагера. У Еўропе гэта Ж. дэ Мэстр,

І.-Г. Гаман, Л. дэ Банальд, Э. Бэрк, чые імёны і ідэі ўжо не проста агульнавядомыя, але і модныя. Кансэрватызм становіцца рэфлексіўным і крытычным, выступае ўжо не з перспектывы мінулага, а як неабходны дадатак і супрацьвага да непазбежнай і пагрозлівай прагрэсіўнай будучыні.

Ідэалогія прагрэсу таксама мадыфікуецца. Познеасветніцкі лібералізм звязаны з ідэяй арганічнага развіцця грамадства, з падзелам на ліберальную меншасць і кансэрватыўную большасць, што жыве ў яшчэ традыцыйным укладзе. Задача меншасці – пашырэнне плацдарма «аўтаномнасці, разумнасці і свабоды», улучэнне ўсё большых і большых слаёў (сацыяльных) і тэрыторый (геакультурных) у сваю зону ўплыву. Тыпалагічна лібералізм з’яўляецца ледаколам мадэрнасці. І асноўным ворагам для гэтай новай праграмы выступае ўжо не кансэрватызм, а «якабіністаў», радыкалізм мадэрнасці, які настойвае на прыспешаным і радыкальным злome ўсяго «аджылага і спарохнелага».

Трэцяя фаза палемікі пачынаецца з выбуху рамантызму (20–30-я гады XIX ст.) і заціхае ў сярэдзіне стагоддзя. Рамантычны бунт не проста ставіць пад пытанне асветніцкія ідэі, разумнасць самога розуму, але і дае голас шматлікім цэневым, маргінальным суб’ектам і ідэнтычнасцям. Адбываецца новае прачытанне сацыяльнай і геакультурнай прасторы, засяленне гэтай прасторы *іншымі галасамі*. Суб’ектамі гэтай новай эпохі, асноўнымі канцэптuallyнымі персанажамі становяцца шараговыя, звычайныя, негераічныя тыпы: чашнік Сапліца ў Г. Жавускага, шляхціц Завальня ў Я. Баршчэўскага, пан Тадэвуш у А. Міцкевіча. Сармацкае мінулае выступае не проста як аб’ект разгляду і рэканструкцыі, але і ў якасці мастацкай утопіі.

Да сярэдзіны XIX ст. гэтая палеміка ў сваіх старых формах відавочна вычарпалася. Але сама праблема засталася: цывілізацыйная і культурная правінцыялізацыя, выпадзенне з гісторыі. Больш за тое: засталася і ўзмацнілася адчуванне гістарычнай паразы. Не проста выпадзенне з гісторыі, але і цывілізацыйны заняпад, адставанне. Асабліва гэта было бачна з эміграцыі, у Заходняй Еўропе, дзе імкліва адбываўся пераход ад старых форм жыцця да новых з дамінантай тэхнікі, навукі і капіталістычна-грашовага абмену.

Пытанне «што рабіць з шляхецкім грамадствам/сармацкай цывілізацыяй?» паўстае наноў. Лёс сармацкай цывілізацыі вырашаецца ў сутыкненні з двюма рэчамі: еўрапейскай мадэрнасцю і імперскай уладай. З аднаго боку, з’яўляюцца істотныя пытанні: «Як пераадолець цывілізацыйнае адставанне?», «Якія спосабы мадэрнізацыі і шляхі праз мадэрнасць?», «Ці магчымы хуткі і радыкальны пераход?». З іншага боку, адбываецца перанос цывілізацыйнага сутыкнення на вонкі, на Усход. Распачынаецца антыкаланіяльная палеміка, крытыка імперскай улады не проста за падзелы і захопы, але і за цывілізацыйны тупік.

Адказы, якія паўстаюць на пераломе эпох, супрацьлеглыя і ўзаемавыключныя: альбо радыкальная, прыспешаная, рэвалюцыйная мадэрнізацыя, альбо вяртанне ў свае формы, спроба цярплівага гадавання будучыні. І першае, і другое патрабуюць радыкальнай крытыкі сучаснасці, расчысткі месца для

новага. Пераходу ад лібералізму і кансэрватызму да новых ідэалагічных дамінант – народніцтва і пазітывізму. Паўстае новае раздарожжа.

Генрык Жавускі як аўтар і мысляр з'яўляецца менавіта ў гэтай, трэцяй фазе. У позне- і пострамантычны перыяды, пасля двух тактаў мадэрнасці, падчас моды на Г. Гегеля. Калі патрабуецца не проста рэабілітацыя мінулага, апалогія сармацкай цывілізацыі, кансэрватыўны бунт супроць гісторыі. Але і крытычная работа, расчыстка тэрыторыі для новых ідэалогій. (Найбольш гэтую гіпотэзу пацвярджае ідэйная эвалюцыя Міхала Грабоўскага.) Тое, што аб'ектам гэтай крытыкі выступае ліберальная міфалогія, не мусіць нас дэзарыентаваць. Жавускі крытыкуе познеасветніцкі лібералізм не з перспектывы вяртання ў мінулае, а звароту да сучаснасці, якая патрабуе прысваення мінулага як важнага фактару новай мадэрнай ідэнтычнасці. І ў гэтай сваёй крытыцы Жавускі ідзе нага ў нагу з рамантыкамі.

Кантэкст інтэлектуальнай фармацыі позняга рамантызму

Познерамантычнае мысленне шмат у чым парадаксальнае. Распачаўшы ад атакі на розум і рэабілітацыі іншых форм сацыяльнай і культурнай арганізацыі грамадства, на позніх стадыях яно імкнецца да сінтэзу, пазітыўнай работы. Не проста рэабілітацыя «старога», «адсталага» як неабходных форм у развіцці чалавечага духа і цывілізацыі, але і вынаходніцтва традыцыі, яе канструяванне, знаходжанне ёй месца ў формах культуры і калектыўнага ўяўлення.

І тут важна адрозніць дзве рэчы: рамантычнае вынаходніцтва традыцыі і наступнае фарміраванне міфа паходжання ўжо ў новай нацыянальнай парадыгме. У першым выпадку гаворка ідзе пра рэстаўраванне прамінулых форм жыцця і мыслення ў іх радыкальнай адрознасці, інакшасці. У другім – пра новае і ўжо нацыянальнае «мы», якое глядзіцца ў мінулае як у люстэрка, шукаючы ў ім апірышча і крыніцы легітымнасці, пра дыстанцыю да гісторыі, да гістарычных эпох, пра дчуванне іншай будучыні.

Жавускі зрабіў за рамантыкаў надзвычай істотную, цэнтральную, «вальтэрскаўскую» частку работы з традыцыяй. У той час як літвінская версія адкрывала дробную шляхту і традыцыйную культуру (фальклор) у якасці альтэрнатывы (А. Міцкевіч), беларускі і ўкраінскі рамантызмы былі занятыя *Ortgeist*'ам («духам месца»), Беларуссю і Украінай як пэўнымі топасамі, месцамі культуры (Я. Баршчэўскі, М. Грабоўскі), Г. Жавускі ва «Успамінах Сапліцы» аб'яднаў усё ў адзіны наратыў, адну традыцыю. Старая Літва, але яшчэ як *рэчпасалітая*, гістарычная арыстакратыя, магнаты, але ўбачаныя крыху збоку, з перспектывы шараговых чальцоў сармацкага грамадства. І галоўнае – дух, годнасць, самадастатковасць, свабода – архаічная, але пэўная сябе і іншых.

З рамантычнай парадыгмай Г. Жавускага яднаў пэўны літаратурацэнтрызм інтэлектуальнай фармацыі, скепсіс да дысцыплінарных сістэматычных форм мыслення і радыкальная крытыка сучасных форм жыцця як плыткіх і безасноўных. Як у імя будучыні, так і ў параўнанні з мінулым.

«Успаміны Сапліцы» ў гэтым сэнсе былі ідэальным пачаткам. Але далейшыя крокі Жавускага засталіся без падтрымкі проста таму, што эпоха раптоўна скончылася. Прышло новае пакаленне, якое бачыла свет па-іншаму.

На раздарожжы

Жавускі – гэта не вяртанне ў мінулае, а рэфлексіўная затрымка перад будучыняй. Калі творца перад тым, як радыкальна абрынуцца ў новыя формы, спыняецца ў роздуме і сузіранні. Спрабуе ўбачыць і прадумаць будучыню не праз ліберальныя ўтопіі (прагрэс, навука), а праз магчымыя страты і перашкоды.

Жавускі распачынае радыкальную крытыку мадэрнасці. Спрабуе знайсці месца – сацыяльнае, культурнае, эпістэمالагічнае, – адкуль такая крытыка была б магчымая. У выніку ў яго творчасці адбываецца накладка двух рэчаў: цывілізацыйнай спрэчкі пра прагрэс і адсталасць у яе апошняй, позняй фазе і рамантычнай думкі, якая прапануе свае спосабы і формы работы з традыцыяй. Гэта прыводзіць да «дзвюх ліній» – да адначасовай адкрытасці ў будучыню і радыкальнай нязгоды з тымі формамі, якія гэтая будучыня прапануе.

Так у рэгіёне нараджаюцца ідэалогіі. У пэўным сэнсе мы маглі б сказаць, што познерамантычныя ідэі, патрапляючы ў мадэрны сацыяльны кантэкст, становяцца ідэалогіямі.

Звычайна феномен ідэалогіі (ідэалогій) разглядаецца ў сінхранічным аспекце, як істотны складнік актуальных палітычных практык. Альбо (у левай традыцыі – ад К. Маркса да С. Жыжака) як істотная частка дзяржаўнай і сацыяльнай машыны, якая дапамагае падтрымліваць статус-кво. У той жа час ідэалогіі маюць свой непасрэдны ідэйны змест і могуць разглядацца ў дыяхранічным вымярэнні – як сістэмы ідэй, што з’яўляюцца ў пэўны гістарычны момант і надалей імкнуцца да пераемнасці, да захавання самой сістэмнасці. Фарміруюць вызначаныя ідэйна-ідэалагічныя традыцыі, у якіх ідэйны змест «кансервуецца» і захоўваецца, актуалізуючыся ў новых гістарычных дэкарацыях.

У той жа час каб ідэалогія як «сістэма ідэй» стала магчымай, патрабуецца новая якасць сацыяльнай і культурнай прасторы, нечуваная ў традыцыйным грамадстве інтэнсіўнасць сацыяльных камунікацый унутры супольнасці, своеасабліва грамадская і грамадзянская звышправоднасць.

Роля Г. Жавускага ў станаўленні новага ідэалагічнага ландшафту эпохі надзвычай важная. Сваёй крытыкай сучаснасці ён стварыў само месца, дзе ідэалогіі могуць нараджацца. Пісьменнік адкрывае эпоху крытыкі, крытычнага мыслення, ён безальтэрнатыўна мадэрны. У гэтым сэнсе нават калі ён звяртаецца ў мінулае, ён скіраваны ў будучыню. Менавіта адсюль, ад сярэдзіны XIX ст., паўстаюць новыя супярэчнасці і раздарожжы, новыя ідэі і сацыяльныя практыкі, нараджаецца новая эпоха. Яна не мае сваёй агульнапрынятай назвы, не ўтварае, як яе папярэднікі, эпохі асветніцтва і рамантызму, ясную і выразную парадыгму. Звычайна яе характарызуюць як «сучаснасць/мадэрнасць» у самым шырокім і неакрэсленым сэнсе.

Тым не менш гэта эпоха, у якой сыходзяцца Ш. Бадлер і Ф. Багушэвіч, Ф. Ніцшэ і К. Маркс, З. Фройд і Янка Купала. Эпоха нараджэння нацыянальных праектаў, паўстання гарызантальнай структурацыі культур, станаўлення мадэрнай суб'ектнасці і ідэнтычнасці, нацыянальных «канонаў». У нашым рэгіёне на месца адзінага гетэракультурнага грамадства прыходзіць канкурэнтнае суіснаванне розных сацыяльных і культурных праектаў, кожны са сваёй міфалогіяй і ідэалогіяй, са сваім сацыяльным месцам. Паўстае праблема метамовы, сувязі ўсяго з усім, а таксама дачыненняў з традыцыяй, гісторыяй. У шляхцае грамадства прыходзіць ідэя арганічнай працы і краёвай культуры.

Усё гэта стала магчымым дзякуючы Г. Жавускаму. І для ўсяго гэтага Жавускі быў антыгероём.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Pamiętki J Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego. – Wyd. nowe, pomnozone. – Lipsk : F. A. Brockhaus, 1868. – 269 s.
2. Węgrzyn, I. W świecie powieści Henryka Rzewuskiego / I. Węgrzyn. – Kraków : Wydawnictwo Uniw. Jagiellońskiego, 2012. – 386 s.
3. Bejła, J. Mieszaniny obyczajowe / J. Bejła. – Wilno : Nakł. i druk Teofila Gluckberga, 1841. – 295 s.
4. Жавускі, Г. Успаміны Сапліцы / Генрык Жавускі ; [пер. з пол. мовы і камент. М. П. Кенькі ; прадм. А. І. Фядуты]. – Мінск : Лімарыус, 2005. – 366, [1] с.
5. Urbaniski, J. Konserwatyzm w poglądach społeczno-filozoficznych Henryka Rzewuskiego / J. Urbaniski. – Poznań : Uniw. im. A. Mickiewicza, 1979. – 115 s. – (Prac. Ser. Filozofia i logika ; 21).
6. Slisz, A. Henryk Rzewuski: życie i poglądy / A. Ślisz. – Warszawa : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1986. – 326 s.
7. Polska myśl filozoficzna i społeczna / red. A. Walicki. – W-wa : Książka i Wiedza, 1973. – Т. 1 : 1831–1863. – 679 s.
8. Polska myśl filozoficzna. Oświecenie. Romantyzm. – Warszawa : PWN, 1964. – 497 s.
9. Мохнач, Н. Н. От просвещения к революционному демократизму: обществ.-полит. и филос. мысль Белоруссии конца 10-х – начала 50-х гг. XIX в. / Н. Н. Мохнач ; Акад. наук БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1976. – 184 с.
10. Chmielowski, P. Liberalizm i obskurantyzm na Litwie i Rusi, 1815–1823 / P. Chmielowski. – Warszawa : Druk. S. Sikorskiego, 1898. – 163 s.
11. Rzewuski, H. Głos na puszczy, próbki morzne i polityczne / H. Rzewuski. – S.-Peterburg : Druk. Wojenna, 1847. – 169 s.
12. Rzewuski, H. Probki historyczne / H. Rzewuski ; oprac. J. I. Kraszewski. – Paryż : Księgarnia Luxemburska, 1868. – 178 s.

А. Ю. Дудчик

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматривается междисциплинарный характер современных исследований по истории философии, для которых характерно сочетание как минимум двух типов знания: собственно философско-спекулятивного и научно-исторического. Показано, что подобный двойственный статус истории философии как дисциплины одновременно и философской, и исторической связан с особым отношением философии к своему прошлому, которое отличается от истории как естествознания, так и социальных и гуманитарных наук. В силу этой неизбывной двойственности и междисциплинарности история философии оказывается достаточно близкой современным исследованиям в области истории идей и интеллектуальной. Устанавливаются предметные и нормативные различия между историей философии и интеллектуальной историей, которые, однако, скорее описывают определенные «идеальные типы» подходов. Обосновывается идея о перспективности дальнейшего междисциплинарного взаимодействия между историей философии и интеллектуальной историей с учетом теоретических наработок в современной исторической науке, прежде всего тематики глобальной истории и новейших подходов социальной теории.

Ключевые слова: история философии, интеллектуальная история, история идей, междисциплинарность

A. Dudchik

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

INTERDISCIPLINARITY OF CONTEMPORARY HISTORICAL-PHILOSOPHICAL RESEARCH

The article examines the interdisciplinary nature of contemporary research in history of philosophy, which combines at least two types of knowledge: the speculative philosophical and historical. Such a dual status of the history of philosophy – as a discipline both philosophical and historical, is closely related to a special attitude of philosophy to its past, which differs from the history of both natural science and social sciences and humanities. History of philosophy is close to contemporary researches in the field of “history of ideas” or “intellectual history”. Subject and normative differences are established between the history of philosophy and intellectual history as certain “ideal types” of approaches. The idea of the further interdisciplinary interaction between the history of philosophy and intellectual history and modern history in general, mostly in the area of global history and the latest approaches of social theory is stated.

Keywords: history of philosophy, intellectual history, history of ideas, interdisciplinarity

История философии достаточно давно и уверенно существует в качестве самостоятельного направления философских исследований и важной составляющей философского образования. Регулярно проходят научные конференции и семинары, издаются монографии и тематические журналы, читаются университетские курсы по истории философии. Существенную роль играли и продолжают играть исследования по истории философии и в деятельности Института философии, что подробно отражено в соответствующем разделе ежегодника. Для специалистов, занимающихся этим направлением философии, характерна достаточно явно выраженная специализация в зависимости от изучаемого периода, философского направления, конкретной персоналии и т. д. Характер исследовательской деятельности, эмпирическая база, используемые методы могут существенно различаться, например, у исследователей античной философии и немецкой философии XX в. Вместе с тем последние несколько десятилетий активно обсуждаются и вопросы о статусе и специфике истории философии как отдельной дисциплины, возможности прогресса в полученном в данной области знании, соотношении истории философии с собственно философией и т. д. (из русскоязычных работ последних лет можно назвать коллективную монографию [1], в которой, помимо прочего, представлен достаточно подробный обзор дискуссий в англоязычной литературе). В данном исследовании автор хотел бы остановиться на эвристическом потенциале междисциплинарных методов, которые могут использоваться при изучении истории философии. Перед этим, однако, следует кратко охарактеризовать современные представления об истории философии как области философского знания. Сразу стоит отметить, что словосочетанием «история философии» могут обозначаться как минимум два разных явления: название философской дисциплины и обозначение ее предметного поля, то есть совокупности идей и концепций, изучаемых в рамках истории философии как дисциплины. В данном тексте история философии будет пониматься преимущественно в первом значении – как область философского и научного знания.

Начнем с того, что многие исследователи отмечают двойственный характер истории философии, которая имеет одновременно отношение и к философскому, и к историческому знанию. Об этом, например, пишет известный современный французский феноменолог Ж.-Л. Марион: «Как следует уже из названия истории философии – это философская (а не только историческая) дисциплина, которая стремится к убедительности, ибо претендует на выдвижение тезисов, основанных на доказательствах... история философии, конечно, должна стремиться к тому, чтобы оставаться философичной. Однако это не должно служить оправданию лености, поскольку история философии должна быть прежде всего научной. Для того чтобы обосновать себя в качестве научной дисциплины, она должна постоянно приумножать обоснованные знания» [2, с. 99, 103–104]. Соответственно, в работах по истории философии, по мнению ученого, можно выделить два типа аргументов – «с помощью факта и с помощью

разума» [2, с. 101]. Как видим, Ж.-Л. Марион исходит из различия философского знания, которое основывается на умозрительных рассуждениях и выводах, и знания научного (в данном случае – исторического), опирающегося на определенные эмпирические данные и обладающего «позитивным» (проверяемым, верифицируемым) характером.

Конечно, открытым является вопрос о границах «позитивности» научного знания, которое, как показывают исследования по эпистемологии и философии науки, также основывается на ряде теоретических положений и допущений, не выводимых из опыта напрямую (что убедительно показано В. С. Стёпиным, например, [3]). Кроме того, можно отметить, что для разных наук в разные периоды их развития степень «научности» также может существенно меняться, и, конечно, современная история как дисциплина не ограничивается утверждениями по поводу событий прошлого, занимаясь, например, изучением и самой памяти о прошлом (чему посвящены исследования Я. Ассмана [4]). Тем не менее все же можно согласиться, что для истории философии как направления знания характерны не только философско-умозрительные суждения, но и суждения по поводу эмпирической реальности: об авторстве текстов, времени их написания, установлении контактов и влияния между конкретными мыслителями и т. д. В качестве примера можно упомянуть работы Псевдо-Аристотеля – корпус текстов различного авторства и разных исторических периодов, в свое время приписываемых Аристотелю. Сам факт установления авторства (в данном случае – опровержения тезиса об авторстве) может рассматриваться скорее как исторический, нежели как философский результат. Тем не менее это знание позволяет уточнить имеющиеся представления о содержании и структуре философии Аристотеля, ее распространенности и влиянии в определенных регионах и т. д. Точно так же публикация ранее неизвестных текстов, даже не являющихся в строгом смысле исключительно философскими, может оказать влияние на восприятие и оценку философских идей (например, относительно недавний случай с «Черными тетрадами» М. Хайдеггера – ранее не публиковавшимися дневниковыми записями, содержащими рассуждения на политические темы, в том числе выражающие поддержку нацистскому движению). В этом случае работа по истории философии выступает прежде всего как историческое исследование.

Между тем, как уже было отмечено, история философии не сводится исключительно к историческим изысканиям, продолжая оставаться главным образом философской дисциплиной. Изучая наследие философов прошлого, историки философии работают не только с внешними обстоятельствами, в которых реализовывалась философская мысль (тексты, школы и течения, социальные институты и т. д.), но и собственно с ее содержанием, философски реконструируя, интерпретируя, критикуя и уточняя определенные положения, по сути дела принимая участие в философском размышлении. Как отмечает Ж.-Л. Марион, подобный подход характерен не только для историка философии,

но и для каждого серьезного читателя философских текстов: «...нет в философии “публики”, “потребляющей” философию, но не занимающейся ею (в противоположность литературе, экономике или кино): читатель философских и историко-философских текстов должен, таким образом, философствовать сам» [2, с. 100–101]. Вероятно, подобный двойственный статус истории философии – как дисциплины одновременно и философской, и исторической, связан и с особым отношением философии к своему прошлому, которое отличается от истории естествознания и истории социальных и гуманитарных наук. Как отмечает А. М. Руткевич, для философии характерна меньшая установка на прогресс в накоплении научных знаний, и «классические» тексты философов прошлого в значительно большей степени сохраняют свою актуальность и оказываются вовлечены в современные дискуссии [5, с. 409–416]. Поэтому работа с философскими концепциями прошлого будет носить как историко-исследовательский, так и философский характер.

Можно предположить, что исследование по истории философии может быть в большей степени либо философским, либо историческим. В качестве примера первого можно вспомнить случаи, когда известные и вполне самостоятельные мыслители (Г. Гегель, М. Хайдеггер, Б. Рассел и т. д.) обращаются к авторам прошлого. Конечно, рассуждения этих авторов на темы истории философии во многом продолжают их собственные философские взгляды в форме заочного диалога или даже полемики со своими предшественниками, не всегда способствуя более взвешенной и объективной (при всей условности использования этого термина в данном случае) оценке взглядов философов прошлого. Возможна и противоположная ситуация, когда исследование, объектом которого являются взгляды философов прошлого, является по преимуществу историческим. В качестве примера можно привести работу известного французского историка культуры М. Эспаня «Франко-немецкий культурный трансфер» [6], в которой достаточно подробно показано восприятие идей немецкой философии во Франции XVIII–XIX вв.

Безусловно, нельзя утверждать, что в своих работах ученый полностью избегает содержательного анализа философских идей, тем не менее изучение философских концепций наряду с анализом истории социальных и гуманитарных дисциплин необходимо ему для прояснения специфики более общих процессов культурного трансфера. Поэтому в зарубежной, прежде всего англоязычной (хотя и не только), традиции подобное исследование будет отнесено скорее не к философским, а к историческим наукам, более конкретно – к такой области, как история идей или интеллектуальная история. И хотя оба эти названия достаточно часто используют в качестве синонимических, хронологически история идей обычно рассматривается как направление, которое возникло в 1930-е годы в контексте исследований американского историка А.-О. Лавджоя. При этом интеллектуальная история связывается с дальнейшим развитием методологии истории идей, как отмечает А. В. Корчинский,

«начиная с 1980-х годов, когда арсенал гуманитарных наук пополнился за счет подходов, возникших в рамках лингвистического поворота, “археологии знания” М. Фуко, теории “социального пространства” П. Бурдьё, новейших исследований в области социологии знания и др., и. и. (история идей. – А. Д.) получила новый импульс для развития в лоне более обширного предметного поля – интеллектуальной истории» [7, с. 192]. Философия прошлого может быть одним из объектов изучения для интеллектуальной истории, но как одна из форм интеллектуальной жизни, наряду с другими. Кроме того, интеллектуальная история может использовать и философскую методологию или как минимум некоторые подходы и методы философии. Так, британский исследователь С. Коллини в работе «Идентичность интеллектуальной истории» предлагает своеобразный лозунг для занимающихся интеллектуальной историей: «... читай как критик, анализируй как философ, объясняй как историк» [8, р. 13]. Можно было бы предположить, что условная разница между подходами истории философии и интеллектуальной истории может заключаться как раз в способах объяснения: там, где историк философии склонен видеть процесс внутреннего развития идей, интеллектуальный историк будет искать (и, что немаловажно, достаточно убедительно находить) внешние по отношению к философскому содержанию факторы – социальные, культурные, политические и т. д.

Как пишет М. Н. Вольф, характеризуя эвристический потенциал методов интеллектуальной истории применительно к изучению истории философии, «при всех аргументах в пользу интеллектуальной истории и ее способности учитывать контекст, главный аргумент против – это практически бесконечное расширение предмета» [9, с. 24]. Вместе с тем отметим, что проблема определения предмета философии и, соответственно, его расширения актуальна для истории философии в целом, но, вероятно, может решаться с учетом исследуемого материала. Так, если придерживаться строгих критериев понимания развития философской мысли как истории «философских систем» (подход, принятый в немецкой истории философии со времен Я. Брукера, подробнее см. монографию Л. Катаны [10]) или истории кумулятивного накопления знаний по решению философских «проблем» (подход, долгое время распространенный в аналитической философии), многие темы и фигуры в истории философии оказываются под вопросом: от древневосточных учений до работ Ф. Ницше. Вероятно, для некоторых представителей аналитической философии это не будет существенной проблемой, но многие исследователи сочтут такой подход излишне радикальным. Пожалуй, допустимо говорить о различии предметных областей и используемых методов, когда подходы, успешно зарекомендовавшие себя при изучении одного периода в истории мысли (например, философии Нового времени), не всегда полностью успешно работают для другого (например, «досократической» философии). Кроме того, можно привести примеры исследований по истории философии, которые в целом

сохраняют рамки философского предметного поля, однако по своему содержанию явно не являются философскими. Например, более чем 1200-страничная книга Р. Коллинза «Социология философий» [11], где история мировой (включая и древневосточную) философии рассматривается как развитие социальных сетей, включающих в себя известных мыслителей, их последователей, популяризаторов их идей и т. д.

Тем не менее можно согласиться с тем, что для интеллектуальной истории «в большей мере свойственны сведение истории философии к истории вообще и утрата ею как философской историей некоторого особого статуса, выделяющего ее из числа всех остальных специализированных историй, – будучи историей, оставаться при этом актуальным философским знанием» [9, с. 25]. Однако речь все же идет скорее о некоторой общей тенденции, свойственной, вероятно, многим образцам исследований в области интеллектуальной истории, но все же не всем. Учитывая эту особенность, можно просто рекомендовать исследователям быть более аккуратными и строгими в своих рассуждениях и четко выделять предметное поле.

Кроме того, историческое объяснение механизмов развития определенных идей не обязательно должно вести к отказу от анализа их философского содержания. Здесь уместным может быть понятие «эпистемические притязания» (epistemic claims), которые использует норвежский историк философии Г. Скирбекк. Так, проводя различие между историей философии и историей идей, он отмечает, что история философии должна работать с философским содержанием идей прошлого, рассматривая их истинность (true), правильность (right), разумность (reasonable) и соответствие (relevant) [12, с. 2]. Сам ученый характеризует эту позицию как «серьезное» отношение к мыслителям прошлого. Здесь важно отметить, что данный тезис выглядит достаточно близким к позиции в исследованиях по истории философии, которую в современной литературе принято называть «присваивающей» или «апроприационистской», то есть «история философии выступает как источник идей и аргументов для современной философии. Сохранение интеллектуального наследия прошлого заключается не в правильном историческом изложении намерений и идей какого-либо философа, а в том, что его мысли могут послужить источником готовых решений для извечных проблем философии, актуализированных в современных условиях» [9, с. 10]. Тем не менее позиция Г. Скирбекка, на наш взгляд, не может быть целиком отнесена к «апроприационистской», поскольку большое внимание в его программе историко-философских исследований уделяется и социально-историческому контексту (что в современной англоязычной традиции обычно обозначается как «контекстуализм»): «...текст существует в *определённом обществе*. Это общество детерминирует текст и, в свою же очередь, само же детерминируется текстом. Поэтому полезно рассматривать текст в историческом контексте. Подобный подход также может включать социологический и психологический анализ текста. Его примером

является выяснение того, каким образом семейное окружение, социальный статус или политические интересы могли влиять, возможно, в скрытой форме, на автора и его современников» [13, с. 17].

В целом можно предположить, что рассмотренное различие между условно «философским» и «историческим» подходами к изучению истории философии во многом воспроизводит гегелевскую идею о внешней истории и внутреннем содержании при изучении истории философии. Так, немецкий философ писал: «Внешнюю историю имеют не только религия, но и другие науки, и между прочим также и философия. Последняя имеет историю своего возникновения, распространения, расцвета, упадка, возрождения: историю ее учителей, покровителей, противников и гонителей, равно как и историю внешних отношений, чаще всего между нею и религией, а иногда также и отношений между нею и государством» [14, с. 75]. При этом не стоит забывать, что Г.-В.-Ф. Гегель предлагал рассматривать исторически не только внешнюю сторону существования философского знания, но и динамику его содержания. Кроме того, в его диалектической философской системе различие между внутренними и внешними аспектами философии носит не абсолютный, но относительный характер, а изучение на первый взгляд внешних обстоятельств и условий – также важно для постижения содержания философских учений. Вместе с тем жесткое противопоставление исторических условий и внутреннего содержания, вероятно, оправдано с аналитических и методических позиций, однако носит в значительной степени условный характер и не отражает всей сложности реального исследования в области истории философии. Не стоит забывать и об особенностях дисциплинарных и институциональных различий, которые также меняются в зависимости от страны или региона. Так, понимание предмета, методов и содержания историко-философского знания существенно различается в постсоветской, континентально-европейской и англо-американской традициях.

Американский специалист по истории античной философии и историографии истории философии В. Техера отмечает, что одной из задач исследования в области интеллектуальной истории является анализ оснований (foundational analysis)¹ концепций прошлого, что с его точки зрения является философским приемом и позволяет отнести интеллектуальную историю к философским дисциплинам. Содержание подобного анализа оснований заключается в том, что реконструируются «скрытые, глубинные предпосылки, исходя из которых общества или группы индивидов действуют, и при этом речь идет не о простом обнаружении таких предпосылок или указании на них, а на их продолжающуюся критику» [9, с. 23]. При этом социально-культурные основания, по мнению ученого, не должны восприниматься как нечто готовое, сводясь к рас-

¹ М. В. Вольф переводит это выражение как «фундаментальный анализ» [9, с. 23].

хожим объяснительным схемам, но должны творчески реконструироваться самим исследователем. Это, как считает автор, позволяет избежать, по крайней мере в явной форме, редуционистской позиции, когда взгляды философа напрямую объясняются его социальным положением или историческими обстоятельствами. Напротив, аисторичное рассмотрение идей философов прошлого, сводящееся к некритической работе с их текстами, игнорирующее культурные условия их создания, специфику понимания понятий и т. д., не способствует налаживанию полноценного диалога по отношению к предшественникам, и характеризуется В. Техерой как «нефилософское» [15, с. 124–130]. И хотя подобный подход может показаться излишне категоричным, пожалуй, следует согласиться со следующим утверждением, опубликованным более 30 лет назад: «Сегодня сложно сомневаться в том, что история философии является философским предприятием (*philosophic endeavor*), гораздо важнее вновь обнаружить и задуматься над тем ускользающим от внимания фактом, что это также и историческое исследование» [15, с. 123].

Если говорить о взаимном влиянии интеллектуальной истории и истории философии, то оно, несмотря на активное обсуждение методологических вопросов, частично рассмотренных нами в данной статье, во многом носит ограниченный характер. Так, датский историк философии Л. Катана, рассуждая о взаимоотношениях двух дисциплин, отмечает, что специалисты в области интеллектуальной истории (представители Кембриджской и Сассекской школ, а также немецкоязычной традиции изучения истории понятий – *Begriffsgeschichte*) занимаются преимущественно периодом последних 400 лет, при этом область их интересов – политическая философия [16, с. 139]. Вероятно, это в определенной степени свидетельствует о том, что методы интеллектуальной истории более эффективны при применении к определенным предметным областям и историческим традициям. Тем не менее, вероятно, у них может быть еще не задействованный исследовательский потенциал для научного поиска в других областях.

Кроме того не стоит забывать, что историческое знание в последние 100 лет также достаточно активно развивается, осваивает новые предметные области, использует новые методологии и взаимодействует с другими областями знания. Здесь сошлюсь на обзорную работу по современным исследованиям в исторических науках И. М. Савельевой. Рассматривая период второй половины XX в., российский исследователь отмечает, что для 1960–1990-х годов были характерны «междисциплинарность, возникновение огромного количества новых исторических субдисциплин, появление у историков нового (междисциплинарного) корпуса классиков, формирование конвенционального списка известных историков, возвращение “большой исторической науки” к читателям, отчетливая методологическая рефлексия» [17, с. 26–27]. И если этот период исторического знания характеризовался активной разработкой теоретических вопросов и связанных с этим целым рядом «поворотов» в исследованиях,

то, по мнению автора, «можно уверенно сказать, что методологического обновления истории, сколько-нибудь *сопоставимого* даже с любым из десятилетий второй половины XX века, в наступившем столетии не происходило – ни на уровне внедрения новых “сильных” концепций, ни на уровне междисциплинарного взаимодействия, ни в области появления новых объектов, ни в сфере теоретической рефлексии» [17, с. 35]. Из наиболее существенных новых тенденций она отмечает «пространственный поворот» и интерес к «глобальной истории». Подчеркивая, что развитие исторического знания в XX в. во многом шло за счет продуктивного взаимодействия с другими дисциплинами, в том числе социальными науками, И. М. Савельева высказывает предположение о возможности дальнейшего развития исследований в области истории за счет восприятия ряда положений новейшей «волны» в социологии: «Представители третьей волны (Р. Аминзаде, Дж. Касанова, Э. Клеменс, Б. Дилл, Д. Дж. Фрэнк, Л. Гриффин, Дж. Хайду, М. Хэчтер, Э. Кизер, Дж. Мэйер, У. Сьюэлл и др.)... сконцентрировались не на типологии, поисках подобия, преемственности и больших нарративах, а на принципиально ином – случайности, динамике, изменчивости, неустойчивости, мутациях. Разрабатываемые ими объяснительные модели существенно повышают статус исторических акторов и отдельных событий и, соответственно, фокусируются на непредвиденных долговременных последствиях человеческих действий в разворачивании исторических траекторий. Тем самым процесс анализа сосредоточен на последовательностях (событий), вероятности и непредсказуемости, поворотных точках, “исторических ловушках” и т. п., а результатом исследования становится не создание типологий, а выковывание индивидуальных для каждой исторической тенденции цепей событий и причинно-следственных связей (достаточно сложно устроенных)» [17, с. 45].

Возможно, развитие не только исторического, но и историко-философского знания в ближайшие десятилетия как раз может быть связано с исследованиями в названных областях – глобальной истории и одновременном комплексном изучении уникальных событий. Уже появились работы самих историков с попытками концептуализации подхода «глобальной истории» [18]. Кроме того, философы и историки философии могут более активно участвовать в теоретических и методологических дискуссиях с представителями как исторической, так и социальных наук. В любом случае за последнее столетие междисциплинарные исследования в самых разных областях истории предоставили достаточно большой багаж знаний и подходов, который, естественно, критически, может использоваться в исследованиях по истории философии.

Подведем краткие итоги. Как было установлено, для истории философии как специальной области исследований характерно сочетание как минимум двух типов знания: собственно философско-спекулятивного и научно-истори-

ческого. Подобный двойственный статус истории философии – как дисциплины одновременно и философской, и исторической, связан с особым отношением философии к своему прошлому, которое отличается от истории как естествознания, так и социальных и гуманитарных наук. В силу этой неизбежной двойственности история философии оказывается достаточно близкой современным исследованиям в области «истории идей» или «интеллектуальной истории». Тем не менее можно зафиксировать предметные («философия» либо «история в широком смысле») и нормативные (разные «эпистемические притязания») различия между историей философии и интеллектуальной историей, которые, однако, скорее описывают определенные «идеальные типы» подходов и не всегда в явной степени проявляются в реальных исследованиях. Обосновывается идея о перспективности дальнейшего междисциплинарного взаимодействия между историей философии и интеллектуальной историей с учетом теоретических наработок в исторической науке за последние 100 лет, прежде всего тематики глобальной истории и подходов современной социальной теории.

Список использованных источников

1. Берестов, И. В. Аналитическая история философии: методы и исследования / И. В. Берестов, М. Н. Вольф, О. А. Доманов. – Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. – XVIII, 242 с.
2. Марион, Ж.-Л. Некоторые правила в истории философии / Ж.-Л. Марион // Философские науки. – 2010. – № 8. – С. 99–107.
3. Степин, В. С. Становление научной теории / В. С. Степин – Минск : БГУ, 1976. – 319 с.
4. Ассман, Я. Культурная память: письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с.
5. Руткевич, А. М. К вопросу о классике в философии / А. М. Руткевич // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / отв. ред.: И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Новое лит. обозрение, 2009. – С. 402–418.
6. Эспань, М. Франко-немецкий культурный трансфер / М. Эспань // История цивилизаций как культурный трансфер / М. Эспань. – М. : Новое лит. обозрение. – С. 35–374.
7. Корчинский, А. В. История идей / А. В. Корчинский // Теория и методология исторической науки : термин. словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. – М. : Аквилон, 2014. – С. 191–193.
8. Collini, S. The Identity of Intellectual History / S. Collini // A Companion to Intellectual History. – London : Wiley Blackwell, 2016. – P. 7–19.
9. Вольф, М. Н. Современные дискуссии об истории философии: противостояние текста и контекста / М. Н. Вольф // Аналитическая история философии: методы и исследования / И. В. Берестов, М. Н. Вольф, О. А. Доманов. – Новосибирск : Офсет ТМ, 2019. – С. 1–26.
10. Catana, L. The Historiographical Concept ‘System of Philosophy’ / L. Catana. – London : Brill, 2008. – 388 p.
11. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. – 1280 с.
12. Skirbekk, G. The Idea of a Global History of Philosophy [Electronic resource] / G. Skirbekk. – Mode of access: <https://khrono.no/files/2019/10/09/theideaofaglobalhistoryofphilosophy.pdf> – Date of access: 20.12.2020.

13. Скирбекк, Г. История философии : учеб. пособие для студентов вузов / Г. Скирбекк, Н. Гилье. – М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2008. – 799 с.
14. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – Кн. 1. – 480 с.
15. Tejera, V. Intellectual History as a Tool of Philosophy / V. Tejera // History and Anti-history in Philosophy. – Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1989. – P. 122–134.
16. Catana, L. Intellectual History and the History of Philosophy: Their Genesis and Current Relationship / L. Catana // A Companion to Intellectual History. – London : Wiley Blackwel, 2016. – P. 122–140.
17. Савельева, И. М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова / И. М. Савельева // Диалог со временем. – 2017. – Вып. 58. – С. 26–53.
18. Конрад, С. Что такое глобальная история? / С. Конрад – М. : Новое лит. обозрение, 2018. – 312 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

РАЗВИТИЕ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ НАН БЕЛАРУСИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Вторая половина XX века знаменуется активным развитием процессов компьютеризации и информатизации общества, широким внедрением в жизнь информационно-коммуникационных технологий. Это создало предпосылки для глобальной мобилизации интеллектуальных ресурсов социальной модернизации, явилось условием формирования нового цивилизационного этапа развития. Исследовательский интерес к данным процессам повлиял на возникновение ряда научных направлений, соответствующих центров, школ и «фабрик мысли» по всему миру.

Не обошел стороной этот процесс и Республику Беларусь. С конца 1980-х годов в стенах Института философии НАН Беларуси формируется направление философско-методологических исследований, связанное с разработкой социально-культурных проблем информатизации и формирования структур информационного уклада в контексте трендов становления глобальной информационной цивилизации, закономерностей функционирования научного, инженерного, управленческого и повседневного знания как основного фактора социальной модернизации. Предмет разработок в рамках этого перспективного направления можно обозначить как философия и эпистемология информационного общества.

Теоретико-методологическим базисом для данного направления выступила прежде всего обширная традиция социально-философского дискурса, сложившаяся во второй половине XX в. Здесь следует назвать работы Д. Белла, М. Пората, Й. Масуда, Т. Стоуньера, Р. Катца, М. Кастельса, Э. Тоффлера, Т. Стюарта, У. Бека, В. Л. Иноземцева, Р. Ф. Абдеева и других авторов.

Отправной точкой в исследовании указанной проблематики в рамках белорусской философской традиции послужили публикации по методологии кибернетики и роли информации в сложных процессах функционирования природных и социальных систем. Одним из первых свои идеи в данной области в системном виде представил известный белорусский философ Н. И. Жуков¹. Идеино-теоретической и методологической базой формирующегося

¹ Жуков Н. И. Философские основы кибернетики / науч. ред. А. Г. Спиркин. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1970. – 116 с. ; Его же. Информация: философский анализ центрального понятия кибернетики / ред. В. И. Степанов. – Минск : АН БССР, 1971. – 280 с. ; Его же Философские основы теории систем, кибернетики и информатики : учеб. пособие для вузов. – Минск : ЗАО «Веды», 1997. – 169 с.

направления стали также работы в области логики и методологии научного познания, философии научно-технического прогресса, междисциплинарных исследований, авторами которых стали видные белорусские ученые: академик Е. М. Бабосов, Л. В. Уваров, Е. В. Дмитриев, Г. И. Щербицкий, В. А. Героименко. Программа первых исследований в этом проблемном поле была задана потребностями в анализе философско-методологических и социокультурных аспектов феномена информации и научного знания как факторов и результатов процессов познания и общественного развития¹. Характер реализации этой программы был связан со сложившейся в 1970–1980-е годы в белорусской философии продуктивной ориентацией на раскрытие различных аспектов информационно-знаниевой культуры личности, вовлеченной в творческую деятельность, научный поиск². Она была ориентирована и на осмысление причин социально-этических противоречий индустриализма, и на поиск новых моделей социального развития, которые учитывали бы роль и значение духовно-культурных и интеллектуальных возможностей человека в сочетании с активно развивающимися информационно-компьютерными технологиями социальных коммуникаций, что нашло отражение, в частности, в коллективной монографии «Знание. Компьютер. Общество»³.

Выход последней из упомянутых работ, авторами которой выступили В. А. Героименко, А. А. Лазаревич и Л. Г. Титаренко, стал одним из первых результатов формирующейся научной школы. Именно в это время, в начале 1990-х годов, ее предыстория сменилась этапом самостоятельной истории, когда сперва на базе исследовательской группы, затем – сектора философских проблем науки и техники, а позже – отдела философии науки, техники и информационных процессов Института философии НАН Беларуси был дан импульс исследовательской работе в рамках таких заданий государственных научных программ, как «Сознание и культура: философские традиции и компьютерные новации» (научный руководитель – В. А. Героименко), «Информационно-когнитивные и технологические основы общественного развития» (научный руководитель – А. А. Лазаревич), «Постиндустриальная трансформация общества: научно-мировоззренческие, информационно-эпистемологические и социально-психологические аспекты» (научный руководитель –

¹ См., в частности: Гносеологические проблемы формализации / АН БССР, Ин-т философии и права; [Л. В. Уваров, А. К. Манеев, И. И. Жбанкова; редкол.: Д. П. Горский (отв. ред.) и др.]. – Минск: Наука и техника, 1969. – 268 с.; Жуков Н. И. Информация: Философский анализ центрального понятия кибернетики; Дмитриев Е. В. Диалектика содержания и формы в информационных процессах / АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1973. – 224 с.

² Героименко В. А. Личностное знание и научное творчество / под ред. М. А. Слемнева; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск: Наука и техника, 1989. – 208 с.

³ Героименко В. А., Лазаревич А. А., Титаренко Л. Г. Знание. Компьютер. Общество / под ред. М. А. Слемнева; Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права. – Минск: Навука і тэхніка, 1992. – 149 с.

А. А. Лазаревич). На этой основе начал складываться научный коллектив, важным достижением которого стала разработка философско-методологических и научно-эпистемологических принципов, лежащих в основе формирования политики и идеологии постиндустриального развития и становления информационного общества; также учеными были показаны сущность и издержки технократизма как идеологии и практики управления общественным развитием в индустриальную эпоху.

В работах конца 1990-х – начала 2000-х годов был сделан вывод о необходимости мировоззренческого «сдвига», влекущего новое ценностное обогащение повседневной жизни людей в контексте проникновения в нее информационно-коммуникационных технологий на основе принципов креативности, ответственности, приоритета саморазвития и гуманизма.

Результаты выполненных исследований воплотились в серию книжных публикаций, посвященных трансформации статуса науки и научного знания в информационном обществе, пониманию их роли в качестве источника развития и важнейшего фактора социально-экономического, технологического и культурного прогресса¹; философско-аксиологической оценке процессов социализации информации и знаний, становления системы информационной безопасности общества и вызовов для нее, складывающихся в условиях информационной и культурной глобализации²; вопросам онтологии формирующегося информационно-коммуникационного пространства и, в частности, виртуальной реальности, ее адекватному философскому пониманию³. Обобщая эти идеи, А. А. Лазаревич в своей монографии «Глобальное коммуникационное общество»⁴ отразил систему взаимодействия двух фундаментальных процессов: производства и функционального использования информации, с одной стороны, и ее коммуникативных свойств и возможностей – с другой, как движущую силу социодинамики в контексте постиндустриального способа производства и соответствующей системы социальных отношений.

Выход указанных работ, их обсуждение, дискуссия вокруг них в рамках методологических семинаров и конференций стали катализатором формирования в Институте философии НАН Беларуси постоянной научно-исследовательской группы в области философии науки, техники и информационных процессов под руководством А. А. Лазаревича. Она разрабатывает такие направления научных исследований, как анализ философских проблем научно-технического и технологического прогресса, научных и технико-технологиче-

¹ Лазаревич А. А. Научное знание в информационном обществе / под ред. В. А. Героименко ; Ин-т философии и права. – Минск : Навука і тэхніка, 1993. – 101 с.

² Грядущее информационное общество / [А. А. Лазаревич и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Белорус. наука, 2006. – 391 с.

³ Карпенко И. Д. Философский анализ виртуальной реальности / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2003. – 91 с.

⁴ Лазаревич А. А. Глобальное коммуникационное общество / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 349 с.

ских предпосылок и основ общественного развития; философско-логический анализ сложных самоорганизующихся систем в современной науке и культуре; синергетические аспекты становления информационного общества; разработка целостной концепции социализации достижений научно-технического прогресса, информационных технологий, интегральных форм информации и знания как факторов инновационной динамики общества.

Исследовательская деятельность в данном направлении продолжилась в 2010-е годы, отразившись в выполнении ряда заданий государственных программ научных исследований («Разработка философско-методологических основ и ценностных принципов построения информационного общества в Республике Беларусь, социализации и гуманизации информационно-коммуникационных технологий», 2011–2012 гг.; «Философско-эпистемологические основания проектирования и реализации социогуманитарных технологий в условиях становления информационного общества», 2016–2020 гг.), отдельных исследовательских проектов («Трансформация норм рациональности в постиндустриальной культуре», «Сетевая парадигма в современной социокультурной динамике: философско-методологический анализ», «Проблема человекомерности современных информационных технологий: философско-методологический анализ», «Философско-логические основы инновационного развития знания в контексте глобальной информатизации социума» и др.). В рамках этих работ была сформулирована концепция динамики индивидуального и общественного сознания в условиях резкого возрастания значимости информационно-коммуникационных технологий и виртуальной реальности в жизни общества. Концепция обосновывает природу, направления и ценностно-мировоззренческие аттракторы динамики сознания, самосознания и идентификации личности, социально-демографической группы, общества в целом в условиях становления постиндустриального уклада, связанного с резко возросшей ролью информационно-коммуникационных средств и технологий виртуальной реальности в повседневной жизни людей. Практическое значение основных положений данной концепции отражено в работе А. А. Лазаревича «Наше интернет-поколение»¹.

Существенным результатом исследований в данный период стала разработка гибкого междисциплинарного методологического инструментария по анализу и решению социогуманитарных проблем становления информационного общества, что нашло отражение в аналитическом докладе «Человек в пространстве электронных сетевых коммуникаций: возможности, риски, проблемы общественно-государственного управления», который был подготовлен авторским коллективом под руководством А. А. Лазаревича, заслушан на заседании Президиума НАН Беларуси, направлен для изучения в ряд министерств и ведомств.

¹ Лазаревич А. А. Наше интернет-поколение // Беларус. думка. – 2014. – № 10. – С. 86–93.

Комплексный анализ цивилизационной динамики в цифровую эпоху представлен в монографии А. А. Лазаревича «Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания»¹, раскрывающей проблематику культурно-ценностных оснований информационного общества как особой формы социальности, векторов и «пределы роста» техногенной цивилизации, горизонтов антропологической динамики в бурно развивающейся среде сетевых коммуникаций, интернет-технологий, виртуальной реальности, а также характера и потенциала социотехнологических инструментов управления информационно-коммуникационной средой.

Дальнейшие разработки проблем становления информационного общества и цифровой трансформации в целом нашли свое отражение в выполнении сотрудниками Института философии НАН Беларуси ряда проектов Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, материалах международных и республиканских научных конференций, среди которых следует выделить функционирующий с 2018 г. на базе Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации ежегодный научный форум «Проектирование будущего. Горизонты цифровой реальности», позволяющий на системной междисциплинарной основе вести научно-экспертную деятельность по различным направлениям развития информационного общества. Результаты исследований изложены в ряде научных работ².

*Директор Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук, доцент
А. А. Лазаревич*

¹ Лазаревич А. А. Становление информационного общества. Коммуникационные, эпистемологические и культурно-цивилизационные основания / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 537 с.

² Контуры цифровой реальности: гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего : сб. ст. / ред.: В. В. Иванов [и др.]. – М. : URSS : ЛЕНАНД, 2018. – 339 с. – (Будущая Россия ; № 28) ; Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 2-й Международной конференции (7–8 февраля 2019 г., Москва). – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2019. – 300 с. ; Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 3-й Международной конференции (6–7 февраля 2020 г., Москва). – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2020. – 260 с. ; Стратегия развития компьютерной реальности / под ред. Г. Г. Малинецкого, П. А. Верника, В. В. Иванова. – М. : Техносфера, 2020. – 356 с.

Н. И. Жуков

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ¹

Сложность и многоплановость понятия «информация» объясняет тот широкий диапазон (подчас взаимно отрицающих друг друга) определений, которые даются ему в литературе. Уяснение общности и различий между типами и видами информации поможет правильно сориентироваться в море информации и дезинформации об информации и, минуя острова и рифы заблуждений, двигаться к берегу истины. Думается, что важнейшей задачей при определении информации является поиск того критерия, который дает возможность отличать информацию от структуры вообще, присущей всем без исключения системам – объектам действительности и их воздействиям.

Согласно весьма распространенным в научной литературе взглядам, структура представляет собой способ взаимосвязи элементов целостной системы, ее инвариант. Структурой обладают все целостные образования независимо от того, являются они духовными или материальными, относятся к сфере неорганической или органической природы, суть естественные или искусственные образования. Структура обуславливает целостность системы, ее интегративный характер, неаддитивность свойств по отношению к составляющим ее элементам, когда существенное изменение в одном элементе вызывает изменение системы в целом².

Структура не всякой целостной системы является информацией. Молекула, например, есть, вне всякого сомнения, интегративная, целостная система, свойства которой не сводятся к свойствам составляющих ее элементов. Однако представляется достаточно очевидным, что структуру молекулы нельзя еще считать информацией (в отличие от знания о ней). Необходимо, чтобы объект принадлежал организованной природе. Каков же в таком случае наиболее существенный признак, характеризующий информацию? Таким признаком является целесообразность. Именно она позволяет отличать системы организованной природы от систем и объектов неживой естественной природы. Свободная и связанная информация – это не структура вообще, а *целесообразно упорядоченная структура*. Целесообразную упорядоченность обычно нетрудно обнаружить. Напомним, что в обществе и технике она опосредована дея-

¹ Публикуется с сокращениями по: Жуков Н. А. Информация (философский анализ центрального понятия кибернетики). – 2-е изд. перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1971. – С. 215–224.

² См.: Проблемы методологии системного исследования. – М., 1970. – С. 430.

тельностью человека, в живой же природе целесообразность относительна и является результатом действия естественного отбора.

Что касается *актуальной информации*, то она есть функциональное свойство кибернетических систем, информационный процесс. Это особое свойство выступает как *способность кибернетической системы воспринимать, перерабатывать, хранить и использовать информацию*, полученную преимущественно из окружающей среды, для управления и регулирования. Отличительная черта функционального свойства заключается в том, что при отсутствии деятельности системы его нет... При отсутствии притока информации мозг перестает функционировать, засыпает. Этот факт – одно из свидетельств в пользу того, что связанная информация предполагает свободную (и наоборот), так что вне информационно-регулятивных процессов об информации можно говорить только как о чем-то потенциально возможном. «Информация, – справедливо замечает Е. А. Чернов, – возникает в процессе управления, т. е. в процессе приспособления к внешнему миру»¹. И это не теоретический постулат, а факт, который можно наблюдать в случае деятельности любой кибернетической системы. Вспомним, например, что до выработки условного рефлекса индифферентный раздражитель практически не несет животному информации, тогда как после образования условной нервной связи приобретает сигнальный характер.

Подобные факты, показывающие несостоятельность «атрибутивной» концепции информации, приводились нами из всех трех областей организованной природы. Все они говорят о том, что возможность использования свободной информации, а зачастую и ее наличие зависят от приемника информации, от объема и характера связанной информации отражающей кибернетической системы.

Актуальная информация есть разрываемое лишь мысленно органическое единство связанной и свободной информации – сходное, но не тождественное сознанию функциональное свойство, внутреннее состояние кибернетической системы, *целесообразно упорядоченное отражение*. Причем на разных стадиях процесса отражения информация неодинакова. Так, независимо от природы кибернетической системы на стадии отображения осуществляется активация, считывание части связанной информации, тогда как на остальных – передача свободной информации как таковой, целесообразно упорядоченной структуры прямых и ответных воздействий. Последняя принципиально отличается от обычных внешних воздействий, которые в соответствии со своей организацией упорядочивает сама отражающая кибернетическая система, формируя собственно информацию. Как это делается человеком, пытался показать еще Кант. Однако метафизическое и идеалистическое толкование принципа априоризма и агностицизм лишили его возможности правильно решить этот вопрос.

¹ Чернов Е. А. Философские проблемы кибернетики. – Куйбышев, 1969. – С. 52.

В кибернетической литературе неизменно фигурирует термин «организация». И это не случайно. Целесообразная упорядоченность и организация – два близких по смыслу понятия, характеризующие особенность всех без исключения информационных процессов, их отличие от структуры объектов и соответствующих воздействий неживой естественной природы¹. Подобно тому как в физике энергия является мерой движения, так информация выступает мерой организации (Н. Винер, как известно, рассматривал кибернетику в качестве теории организации). В связи с этим нам кажется неправомерным отождествление организации со структурой². Организация – это скорее характеристика системы, способной к достижению целесообразного эффекта, степень упорядоченности кибернетической системы – объекта организованной природы³. Организация присуща не только обладающей связанной информацией кибернетической системе, но и свободной информации, поскольку та тоже целесообразно упорядочена. Таким образом, «организация» органически связана с двумя другими характерными для кибернетических систем особенностями – «целесообразностью» их структуры и «функцией», обеспечивающими достижение целесообразного эффекта. Эти три понятия можно рассматривать как категории кибернетики.

С понятием информации тесно связано понятие «шум». Впрочем, сказать, что они являются взаимодополняющими – значит сказать нечто банальное. Важно другое – согласовать это с тем, что информация и управление образуют пару категорий, а также ответить на вопрос о причинах возникновения шума.

«Троичность» понятий *управления, информации и шума* не нарушает парности категорий «информация» и «шум», «управление» и «информация» и перестает казаться необычной, как только обратимся к таким категориям, как «необходимость» и «случайность», «необходимость» и «свобода», «возможность» и «действительность», «возможное» и «невозможное».

Значительно более сложным оказывается вопрос о природе шума. Диалектика соотношения информации и шума такова, что шум может выступать в качестве информации, а информация стать шумом. Как отмечал еще К. Шеннон, шум для техника связи может стать на время информацией, а само содержание передаваемого сообщения – шумом, отвлекающими внимание досадными помехами. Причем такого рода ситуация не ограничивается сферой техники.

Что же является причиной шума при передаче свободной информации от приемника к потребителю? (Дезорганизация определенной степени, возрастание энтропии может иметь место, конечно, и в самой организованной системе, в ее связанной информации.)

Ответ на этот вопрос заключен в том, что на предметы действуют не изолированные объекты, кибернетической системой воспринимается не одно,

¹ Принцип самоорганизации. – М., 1966. – С. 316.

² Петрушенко Л. Н. Принцип обратной связи. – М., 1967. – С. 7, 26.

³ Кастлер Г. Возникновение биологической организации. – М., 1967.

а сразу несколько, в том числе и «посторонних», воздействий. Задача приемника в том и состоит, чтобы из спектра всех воздействиях воспринять только необходимое для нормального функционирования системы (к сожалению, достичь этого полностью почти никогда не удается). При восприятии биологической и социальной информации дело усложняется еще и тем, что соотношение между информацией и шумом меняется в зависимости от подготовки, потребностей отображающей кибернетической системы.

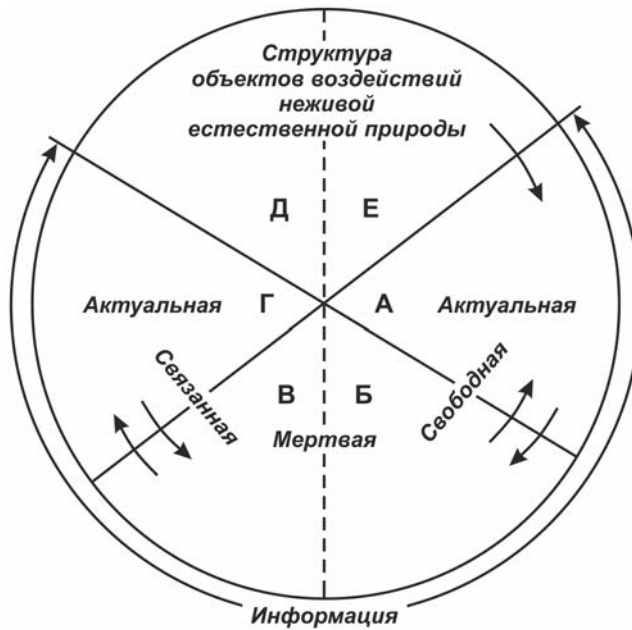
Итак, в суждениях о природе информации мы исходим из ее целесообразного характера. Неслучайно достижению целесообразного эффекта, своеобразному активному уравниванию системы со средой подчинено управление по принципу обратной связи. Такое приспособление возможно только при наличии определенного уровня организации систем и получения ими соответствующей информации извне. Эти и другие кибернетические категории образуют, по выражению Г. Клауса, своеобразное «понятийное поле», кибернетический образ мышления, абсолютизация которого обычно приносит горькие плоды и дает повод для справедливых упреков его сторонников в механицизме и упрощенчестве.

Анализ понятия информации осложняется некоторыми важными нюансами, которые требуют дополнительных разъяснений.

Во-первых, с позиций толкования актуальной информации как функционального явления как будто неправомерно говорить о связанной информации неработающего технического устройства (или какого-то сооружения искусственной природы), а также о наличии «мертвой» информации в неиспользуемых в данный момент книгах, документах, перфолентах, перфокартах и других носителях духовной культуры.

Человеку, не владеющему языком, на котором составлен текст, заключенная в нем информация недоступна, между тем социальная информация там наличествует. Объяснение этого мнимого противоречия заключается в том, что указанная «мертвая» информация выработана ранее, отличается своей целесообразной упорядоченностью от информационных возможностей («потенциальной информации») всех объектов неживой естественной природы и соответствующих им воздействий (секторы Б и В на схеме). К тому же использование «мертвой» информации какой-то вполне определенной кибернетической системой впоследствии предполагается.

Объекты и воздействия (соответственно вещи, свойства, отношения) неживой естественной природы представляют собой возможность формирования собственно информации. Воздействия окружающей абиотической среды упорядочивает в соответствии со своей организацией уже простейшее живое существо. Человек же не только упорядочивает падающие на его органы чувств воздействия, но и постигает сущность самих объектов, выступающих их источником. Выработывая соответствующую социальную информацию, он может кодировать ее в виде знаков, а также создавать объекты искусственной

Схематическое изображение существующих в природе типов информации (диаграмма не претендует на точное объемное соотношение понятий). Стрелками показана тенденция перехода «потенциальной информации» в актуальную (свободную и связанную), актуальной – в «мертвую», а «мертвой» – в свободную, а также в связанную информацию мозговых структур (этап взаимопревращения актуальной информации в «мертвую» и обратно осуществляется только в обществе)

природы и тем самым воплощать свои знания в технику, в средства производства. Впрочем, процесс этот двусторонен: человек способен не только сам создавать «мертвую» информацию, но и использовать книги, фильмы, технические устройства в качестве источника «готовой» информации общества.

Во-вторых... в науках о неорганической природе (физике, например) используется *вероятностный математический метод*, который широко применяется в теории информации. На первый взгляд этот факт не согласуется с функциональной природой актуальной информации. Но это только на первый взгляд. При более вдумчивом подходе оказывается, что такие попытки не аргумент в пользу наличия информации в неживой естественной природе. Как известно, математическая теория вероятностей, которая в применении к некоторым случаям исчисления меры количества информации в технике связи и определения оптимальных условий передачи селективной информации дает шенноновскую (математическую) теорию информации, и раньше широко использовалась в науках о неорганической природе (в термодинамике, например), поскольку вероятность присуща всем массовым явлениям естественной природы. Тем самым теория вероятностей, в последние годы усиленно

эксплуатируемая в области кибернетики, как и вся математика, еще раз подчеркивает широкую общность изучаемых ею областей действительности.

Использование в науках о неживой естественной природе иных математических методов, чем вероятностные (топологический, алгоритмический, комбинаторный и пр.), вопреки утверждениям некоторых увлекающихся исследователей тоже не является доказательством того, что содержательная, общая теория информации по объему шире кибернетической науки¹. Оно лишь свидетельствует о существовании невероятностного, нестатистического подхода к математическому описанию самых разнообразных систем, в том числе и кибернетических.

Впрочем, попытки вывести общую теорию информации за рамки кибернетики обусловлены не только широким использованием математического аппарата теории вероятностей и комбинаторики в науках о неживой естественной природе. Они объясняются и *трудностью чисто философского порядка*. Поясним ее на примере.

До возникновения человека логических понятий о законах не было, существовал лишь источник, объективная основа этих понятий, которую мы в силу необходимости и свойств языка не можем выразить иначе, как с помощью тех же логических понятий. Ввиду взаимопроникновения онтологического и гносеологического аспектов, «совпадения» субъективной диалектики с объективной обычно не проводят различий между законом как таковым и его понятийным образом, семантической информацией, в известном смысле игнорируя при этом субъективную сторону логического понятия, всех психических образов, неполноту наших представлений. Если об этом вынужденном огрублении забыть, то возникает опасность «распять» природу на кресте современных представлений, опасность забвения относительности наших знаний. Как известно, В. И. Ленин, как и Л. Фейербах, критиковал тех, кто отождествлял субъективное с объективным, идеальное с материальным, субъективный образ с вне нас существующей действительностью, вкус соли с объективным свойством соли, «вещь для нас» с «вещью в себе».

Подобная картина наблюдается ныне с информацией вообще. Строго говоря, в неживой естественной природе информации нет. И только при воздействии на кибернетическую систему соответствующая часть информационных возможностей воздействующих объектов превращается в действительность. В силу трудности проведения такого различия оно часто не учитывается, и мы обычно говорим: «всем объектам свойственна информация», «воздействия среды несут животному информацию» и т. д., и т. п. При игнорировании такого рода вынужденных упрощений возникает реальная опасность возведения теории информации в ранг «всеобщей методологии науки», что фактически и сделал французский ученый Л. Бриллюэн в своей книге².

¹ См.: Урсул А. Д. Природа информации. – М., 1968. – С. 106.

² Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация. – М., 1966. – С. 12.

Из этого следует, что при ответе на вопрос о наличии информации в неживой естественной («неорганизованной») природе должна быть проявлена известная осторожность. Конечно, *атрибутивная* концепция информации с неизбежностью ведет к отождествлению структуры всех объектов и воздействий соответственно со связанной и свободной информацией, к последующему выводу теории информации за рамки кибернетической науки (и даже к телеологии в силу органичной связи информации с целесообразностью).

Вторая, *функциональная* точка зрения является более правильной, хотя и она имеет свою ахиллесову пята, если отсутствует специальная оговорка по поводу наличия во всей неживой естественной природе объективной основы, потенциальной возможности информации. (Только в этом смысле можно говорить об определенном сближении противоположных точек зрения на информацию.)

Кстати сказать, наличие такой «потенциальной информации» является, на наш взгляд, одной из причин того, что центральным понятием кибернетики подавляющее большинство специалистов считают информацию, в то время как определение этой науки обычно связывают прежде всего с понятием управления¹. (Исключение, пожалуй, составляют академики А. А. Колмогоров, который в 51-м томе «Большой советской энциклопедии» определяет кибернетическую науку через понятие «информация», и В. М. Глушков, рассматривающий кибернетику как науку о закономерностях преобразования информации в сложных управляющих системах.)

При функциональном толковании информации, как видим, она выступает целесообразно упорядоченным изменением, используемым для управления, а само понятие информации оказывается категорией кибернетики (теория информации – соответственно разделом кибернетической науки). Информация в таком случае не является свойством всей материи, хотя это понятие мы и употребляем столь же широко, как общенаучные и философские категории, как бы отождествляя ее со структурой всех объектов и соответствующих им вещественно-энергетических воздействий. Безоговорочное расширительное толкование информации как всякого разнообразия, различия, структуры (А. Д. Урсул, И. Земан, Р. Эшби) чревато опасностью возведения этого понятия в ранг философских категорий². А это примерно такое же насилие, какое допускается при «укладывании» природы в прокрустово ложе сформулированных человеком на данном этапе развития законов науки³.

Нельзя согласиться и с мнением, будто понятие информации является только психологической категорией. Понятие актуальной информации по объему

¹ Кибернетика, мышление, жизнь. – М., 1962. – С. 53.

² Урсул А. Д. Информация и мышление. – М., 1970. – С. 16.

³ См.: Голованов В. Н. Гносеологическая природа законов науки. – М., 1967; Его же. Законы в системе научного знания. – М., 1970.

Определение понятия информации

значительно шире понятия сознания, но уже философского понятия отражения. При анализе субординации этих понятий необходимо учитывать логический закон обратного соотношения объема и содержания понятий: понятие информации по объему шире понятия сознания, но значительно беднее последнего по содержанию и по сравнению с ним представляет собой довольно «тощую» абстракцию. Впрочем, этот вопрос перерастает в проблему соотношения его с основным вопросом философии.

Еще раз о типах информации – этого емкого и многопланового понятия, значение которого можно установить в каждом конкретном случае лишь из контекста.

1. *Актуальная* информация – информационный процесс, актуальное отражение целесообразного характера, функциональное свойство кибернетических систем, сходное с сознанием, но не тождественное ему, разрываемое лишь мысленно единство вовлеченных в процесс управления связанной и структурированной информации (см. схему, секторы А и Г).

2. *Связанная* информация – целесообразно упорядоченная структура кибернетических систем, их структурная организация, память, информация в широком смысле этого слова (секторы Г и В).

3. *Свободная* информация – это и целесообразно упорядоченная пространственно-временная структура воздействия – «сведения» об отражаемом, относительная информация (сектор А) и вместе с тем знаковая информация (сектор Б). Свободная информация представляет собой наиболее распространенное в науке значение термина «информация».

4. *«Мертвая»* информация – выработанная кибернетической системой, но находящаяся в «покое» зафиксированная информация. Сюда относится связанная информация недействующего технического устройства, точнее, целесообразная форма всех предметов материальной культуры (сектор В), а также закодированная в знаках свободная информация, вся созданная человеком духовная культура, все духовные ценности (сектор Б). «Мертвая» информация выходит за пределы актуального отражения, но она тоже представляет собой целесообразно упорядоченную структуру.

Закодированная в знаках «мертвая» информация образует как бы промежуточное звено между связанной и относительной информацией: она перестала быть вовлеченной в процесс управления свободной информацией, но ее еще нельзя считать связанной информацией, так как она не прошла стадию опредмечивания, хотя и объективирована в знаках, чертежах и других материальных носителях духовной культуры.

Наконец, «потенциальная информация» – структура объектов и воздействий неживой естественной природы (секторы Д и Е), представляющая собой основу и возможность формирования собственно информации. Отличие ее от последней заключается в том, что она не обладает целесообразностью.

А. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматривается феномен информационного общества в контексте его теоретико-методологического и категориально-понятийного осмысления. Раскрываются исторические и социально-организационные предпосылки перехода индустриального общества в постиндустриальное и информационное. Показываются понятийно-категориальные различия названных типов общества, а также особенности их концептуально-теоретического обоснования. Рассматриваются международные рейтинги и сводные индексы готовности к информационному обществу, выделяются процессы социальных трансформаций, обуславливающих переход к информационной цивилизации. Отдельное внимание уделяется процессам становления информационного общества в Республике Беларусь в период с 1991 по 2020 г. Выделяются пять основных этапов на этом пути, раскрываются особенности этих этапов и меры их организационно-правовой поддержки на уровне правительственных решений. Характеризуются перспективы информационно-цифрового развития страны в контексте мировых трендов информатизации и становления информационного общества.

Ключевые слова: индустриальное общество, постиндустриальное общество, общество знания, информационное общество, индекс готовности к информационному обществу, этапы становления информационного общества в Республике Беларусь

A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**INFORMATION SOCIETY: CONCEPTUAL ANALYSIS AND PRACTICE
OF FORMATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The phenomenon of information society in the context of its theoretical-methodological and categorical-conceptual comprehension is considered in the article. Historical and socio-organizational prerequisites of transition of the industrial society to the post-industrial and informational one are disclosed. The conceptual and categorical differences of the named types of society, as well as the features of their conceptual and theoretical justification are showed. The international ratings and composite indices of readiness for the information society are considered; the processes of social transformations that determine the transition to the information civilization are distinguished. Special attention is paid to the processes of formation of information society in the Republic of Belarus in the period from 1991 to 2020.

Five main stages on this way are distinguished, their features and the measures of their organizational and legal support at the level of government decisions are disclosed. The prospects of information and digital development of the country in the context of global trends of informatization and formation of the information society are described.

Keywords: *industrial society, post-industrial society, society of knowledge, information society, index of readiness to information society, stages of formation of information society in the Republic of Belarus*

Актуализация тематики исследований, связанной с процессами становления информационного общества, имеет свою историю и предпосылки. Связано это прежде всего с кризисом парадигмы индустриального развития и выходом на авансцену цивилизационной модернизации нового технологического уклада, в основе которого лежат необычные инструментальные возможности мобилизации информационных ресурсов общества. Это своего рода новое «осевое время», которое приходится на конец 50-х – начало 60-х годов XX в. и которое ознаменовало приоритет интеллектуального над материальным.

Информационное общество – это реальность, в которую вступил современный мир, включая и Республику Беларусь. Между тем путь к этой реальности для многих стран и народов не был простым и по-прежнему остается достаточно тернистым. Еще в середине XX в. ряд ученых, среди которых можно отметить таких футурологов, как Д. Белл, Д. Рисмен, Э. Тоффлер, А. Турен и др., говорили о трансформации и усложнении экономических, политических, социальных связей и отношений между различными регионами мира. По их мнению, процессы, характеризующиеся не столько количественными показателями социальной динамики, сколько качественной перестройкой всех сфер общественной жизни, должны были привести к возникновению нового типа общества, функционирующего по иным законам и имеющего иную структуру и принципы организации. Тогда же было осознано колоссальное значение, которое играют информационно-коммуникационные технологии в развитии цивилизации, что позволило многим исследователям заявить о вступлении человечества в новую эру – информационную. Сегодня стало очевидным, что многое из предсказанного не только воплотилось в реальность, но и превзошло достаточно смелые прогнозы.

Понятие информационного общества оформилось в самостоятельную сущность уже с начала 60-х годов XX в. Введение его в широкий научный оборот произошло практически одновременно в таких странах, как США и Япония, благодаря работам Ф. Махлупа и Т. Умесао. Ф. Махлуп изучал информационную составляющую экономики в США, а Т. Умесао исследовал данный сектор в своей стране. Независимо друг от друга ученые не только указали на значимость компьютеризации и автоматизации производства, но и сделали вывод о ключевом статусе информации в данном процессе. Тем не менее полученные результаты еще не рассматривались в разрезе их возможной экстраполяции на весь социальный порядок.

Свое более широкое использование понятие «информационное общество» обрело лишь в 70–80-е годы XX в. благодаря работам Д. Белла, Ё. Масуды, Э. Тоффлера, М. Кастельса. Значимый вклад в развитие теории информационного общества внесли М. Порат, Т. Стоуньер, Р. Катц, У. Мартин, Р. Брэйтенштейн, Т. Бэккер, У. Дайзард, Г. Краух, Д. Мур, М. Понятовски, Дж. Пелтон и др. Проведенные ими исследования продемонстрировали, что с началом развития компьютерных и информационно-коммуникационных технологий стало возможным с принципиально новых позиций оценить целостность и мобильность информационной цивилизации, принципы и практики самоорганизации и форм деятельности людей.

Изучение феномена информационного общества неразрывно связано с такими понятиями, как «постиндустриальное общество» и «общество знания». Вместе с тем их нельзя буквально отождествлять. Согласно теоретикам постиндустриального общества (Д. Белл, Р. Арон, У. Хармен), его сущность заключается в том, что оно основывается на так называемом третичном секторе общественно-экономической деятельности – сфере услуг, к которым относятся бытовые, образовательные, финансовые, туристические, медицинские и др. Информационное же общество в своей основе имеет принципиально иной фундамент: его базой выступают приоритеты четвертичного сектора экономики и социально-культурной сферы – знания, информация, профессионально-образовательные и культурные компетенции, информационные технологии и соответствующие программные продукты, то есть все то, что в широком плане составляет содержание интеллектуального капитала и инновационно определяется им. Четвертичный сектор экономики по своей сущности является информационным.

Вместе с тем сугубо экономический подход не может раскрыть сущность информационного общества, поскольку в современном контексте оно определяется целой системой мер, например, политикой информатизации, которая связывается с комплексом организационных мероприятий государства и институтов гражданского общества по созданию условий производства интеллектуально-информационного ресурса и обеспечению заинтересованных субъектов достоверными и своевременными сведениями во всех видах человеческой деятельности на основе новейших информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Что касается достаточно широко используемого как в научном контексте, так и в быденном сознании понятия «общество знания», то здесь следует отметить, что оно в гораздо большей степени является синонимичным понятию информационного общества, поскольку в обоих типах социума информация и знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора экономического и социально-культурного развития. Термин «информационное общество» описывает реальность общества, основанного на знаниях, с точки зрения состояния и эволюции производительных сил. И наоборот, термин «общество, осно-

ванное на знаниях» представляет информационное общество с точки зрения «способа производства» – сочетания производительных сил и системы отношений, складывающихся в процессе производства, хранения и распространения информации и знаний. Таким образом, основой информационного общества выступает не просто информация, а процесс интенсивной переработки информации в знания, которые являются условием и инструментом инновационного развития. При этом в информационном обществе знания вырабатываются и транслируются посредством новейших информационных технологий и электронных сетевых коммуникаций, представляющих в своей совокупности «пространство электронных сетевых коммуникаций», куда входят Интернет, технологии мобильной электросвязи, технологии социальных сетей, интерактивные технологии телевидения и др.

Несколько слов следует сказать о сравнительно новом понятии цифровизации. Этот термин не всегда означал одно и то же. Какое-то время под ним подразумевался перевод в цифровой формат или хранение в цифровом формате традиционных форм данных. Сегодня цифровизация и, соответственно, цифровая трансформация – это не только новые технологии (искусственный интеллект, блокчейн, анализ данных и интернет вещей), но и глубокое преобразование продуктов и услуг, структуры организаций и предприятий, общества в целом. Под воздействием процессов информатизации и цифровизации формируется новый тип социальной организации, получивший название информационного, или цифрового, общества.

Делая краткий вывод о специфике соотношения указанных понятий, можно заключить, что информационное общество как таковое представляет собой совершенно новый тип социальности, основанный на нетрадиционных (с точки зрения технологии и возможностей социализации) формах производства и использования информации. Иначе говоря, информационное общество следует понимать как новый тип социальной организации, формирующийся на стадии постиндустриального развития общества и опирающийся на четвертичный сектор общественно-экономической деятельности, связанный с созданием рынка информационных услуг и технологий, программного обеспечения, интеллектуально-знаниевых ресурсов, интенсивной коммуникационной среды.

Информационное общество – современный этап развития цивилизации с доминирующей ролью знаний и информации, воздействием ИКТ на все сферы человеческой деятельности и общество в целом¹.

Но какие именно процессы в социуме позволили сделать вывод о переходе к информационному обществу как новому типу социальной организации?

Среди глобальных трендов, существенно повлиявших на развитие всех систем и институтов современного социума и вызвавших его глубокие транс-

¹ Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года. Утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 09.08.2010 г. № 1174. – URL: [https://pravo.by/pdf/2010-197/2010-197\(010-023\).pdf](https://pravo.by/pdf/2010-197/2010-197(010-023).pdf) (дата обращения: 15.01.2021).

формации в экономической, политической, социальной и культурных сферах, особая роль принадлежит процессу информатизации.

*Информатизация – организационный, социально-экономический и научно-технический процесс, обеспечивающий условия для формирования и использования информационных ресурсов и реализации информационных отношений*¹.

Информатизация в современном ее прочтении имеет две взаимосвязанные тенденции: экспоненциальный рост информации и революционный сдвиг в сфере производства новых средств и технологий социализации информации (ее обнаружения, преобразования, хранения и использования различными социальными субъектами). Благодаря этим процессам информация обрела статус ведущего ресурса экономического и социально-культурного развития. Информатизация общества направлена на создание оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, общественных организаций на основе постоянного развития и использования информационно-технологических ресурсов.

Национальный статистический комитет, анализируя процесс развития информационного общества в Беларуси, выделяет следующие факторы: состояние информационно-коммуникационной инфраструктуры; развитие человеческого капитала; состояние экономической среды; уровень развития национальной индустрии ИКТ.

Международные рейтинги и сводные индексы готовности к информационному обществу характеризуются следующими особенностями:

рейтинг уровня развития ИКТ Международного союза электросвязи составляется исходя из 11 параметров, в числе которых – общая грамотность населения, количество пользователей мобильной связи на 100 жителей страны, количество компьютеризованных и подключенных к Интернету домашних хозяйств, количество стационарных телефонов и т. д. Таким образом, параметры условно можно разделить на две части: первая охватывает наличие доступа к средствам связи, а вторая – желание и умение жителями той или иной страны ими воспользоваться;

индекс готовности к участию в сетевой экономике (Networked Readiness Index – NRI), представляет собой оценку способности страны использовать возможности ИКТ;

индекс информатизации общества (Information Society Index – ISI), рассчитывают и публикуют совместно две организации World Times и IDC (Корпорация международных данных) начиная с 1996 г. Он основывается на 23 показателях, определяющих способность граждан страны обмениваться информацией внутри государства и с внешним миром;

¹ Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 г. № 455-З. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800455> (дата обращения: 15.01.2021).

рейтинг развитости информационных и коммуникационных технологий, который также называют индексом готовности к сетевому обществу, ежегодно определяется бизнес-школой INSEAD в преддверии Всемирного экономического форума начиная с 2002 г. Он включает 53 показателя, объединенных в четыре подиндекса: окружающая среда (политика и регулирование, бизнес и инновации), готовность (инфраструктура, доступность, способности), использование (индивидуальное, бизнесом, правительством), воздействие на экономическую и социальную сферу;

индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index – KEI), публикуется Всемирным банком; состоит из четырех подиндексов – образования, инноваций, ИКТ, экономического и институционального режима;

корзина цен на услуги ИКТ (IPB), представляет собой составной индекс, основанный на ценах фиксированной телефонной связи, подвижной сотовой телефонной связи и услуг фиксированного широкополосного Интернета;

рейтинг готовности стран к электронному правительству, публикуемый ООН (рассчитывается с 2003 г.); формируется на основе трех индексов – индекса развития государственных веб-сайтов, индекса развития национальной телекоммуникационной инфраструктуры и индекса развития человеческого капитала.

Становление информационного общества в Беларуси осуществлялось в контексте мировых трендов информатизации, автоматизации и компьютеризации, расширения доступа населения к сети Интернет, распространения мобильных телефонов и др. Республика Беларусь находится в группе стран, занимающих довольно высокую позицию в рейтинге государств по показателям развития ИКТ.

Можно выделить несколько этапов становления информационного общества в Республике Беларусь. *Первый этап* – 1991–1996 гг. – был связан с осознанием необходимости перехода к построению информационного общества как стратегии преодоления кризиса, вызванного государственными трансформациями в период обретения страной независимости. Вектор на информатизацию всех сфер общественной жизни, предоставление массового доступа к различным средствам информации выступил значимой мерой по преодолению негативных моментов, связанных с разрушением информационных связей и каналов, сформированных на предшествующем историческом этапе, а также с высоким уровнем политического давления на информационную сферу независимой Беларуси. Основным завоеванием первого этапа следует признать ликвидацию идеологического контроля над информацией со стороны властных структур, демократизацию информационной сферы в целом.

В 1993 г. Республика Беларусь подписала Конвенцию стран Черноморского региона о сотрудничестве в области культуры, образования, науки и информации, которая направлена на поощрение и развитие регионального сотрудничества в обозначенных областях. Принятие ряда мер на этом этапе под-

тверждается не только стремлением достичь мировых показателей информатизации, но и другими шагами в этом направлении. Так, Беларусь стала первой из постсоветских стран, принявших собственную программу информатизации страны на 1991–1996 годы и на период до 2000 года. На этом пути важным шагом стала регистрация доменной зоны *by* (1994), что явилось отправной точкой формирования национального сегмента Всемирной паутины. Был принят целый ряд основополагающих нормативно-правовых актов в сфере массовой коммуникации и связи, в том числе «Закон об информатизации».

Второй этап формирования информационного общества – 1996–2005 гг. – характеризовался дальнейшим целенаправленным развитием информационно-коммуникационных технологий и информатизации всех сфер жизнедеятельности общества. В этот период существенно изменяются принципы государственного управления в сфере информатизации, принимается Программа информатизации Республики Беларусь на 2003–2005 годы и перспективу до 2010 года «*Электронная Беларусь*», задача которой состоит в формировании в государстве единого информационного пространства.

О соответствии проводимой работы мировым трендам в сфере построения информационного общества можно судить *по активному участию нашей страны во Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества* (г. Женева, 2003 г. – г. Тунис, 2005 г.¹). По итогам встречи разработаны ключевые принципы дальнейшей стратегии построения информационного общества.

О том, что в данный период Республика Беларусь движется в направлении реализации мировых трендов, свидетельствует и то, что по данным за 2001 год страна занимает лидирующие позиции среди стран СНГ по индексу человеческого развития. Такие факторы развития информационного общества, как доступ к ИКТ, сети Интернет, наличие развитой инфраструктуры, в данный период характеризуются тем, что в стране более 1 млн человек, более 3 млн персональных компьютеров, около 42 % образовательных учреждений имеют интернет-доступ. В 2002 г. по развитию информационной инфраструктуры Беларусь находилась на 61-м месте в мире, опережая Россию (62-е место) и Украину (67-е место).

Третий этап развития информационного общества – 2006–2010 гг. – может быть описан как период совершенствования механизмов принятия решений в области построения информационного общества. Ключевым моментом данного этапа стало создание аналога «*силиконовой долины*» – Парка высоких технологий (ПВТ). Продолжается разработка нормативно-правовых актов, регулирующих сферу информации и связи. Принимаются законы «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации»,

¹ Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». – URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_ws.is.pdf (дата обращения: 15.01.2021).

«Об электронном документе и электронной цифровой подписи». Трансформации все глубже проникают во все сферы общества: растет осознание необходимости повышения компьютерной грамотности работников организаций и рядовых граждан; компьютеры приобретают повсеместное распространение; компьютеризация и информатизация внедряются в образование; осуществляется дальнейшая поддержка правительством развития компьютерной микроэлектронной технологии и телекоммуникаций. Разрабатываются «Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2005–2020 гг.», «Программа структурной перестройки и повышения конкурентоспособности экономики до 2010 г.» с учетом процессов информатизации и компьютеризации.

В течение промежутка времени с 2006 по 2010 г. отмечалась стойкая положительная динамика увеличения процента индивидуальных пользователей сети Интернет. Демографический (половозрастной) состав пользователей в Республике Беларусь также является соответствующим общемировым тенденциям: как и в мире в целом, основную прослойку интернет-пользователей в Беларуси составляют граждане в возрасте 19–44 лет (70,4 %). 39 % белорусских пользователей Интернета имеют высшее и последипломное образование.

Четвертый этап развития информационного общества – 2011–2015 гг. Начиная с 2010 г. развитие ИКТ выступило одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности и модернизации национальной экономики, совершенствования системы государственного управления, повышения зрелости гражданского общества. В этот же период был принят Указ Президента Республики Беларусь № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет», утверждена Национальная программа ускоренного развития услуг в области информационно-коммуникационных технологий на 2011–2015 годы, разработанная в рамках плана первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества до 2015 года. Началось поэтапное создание системы оказания электронных услуг населению¹. Также было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 февраля 2012 г. № 138 «О базовых электронных услугах».

О прогрессе страны на пути построения информационного общества на последних двух этапах можно судить по значительно возросшему количеству пользователей сети Интернет и увеличению количества абонентов мобильной связи в период с 2005 по 2013 г.

Если сравнить показатели Республики Беларусь с динамикой широкополосного доступа в расчете на 100 человек населения в 2010–2014 гг. с аналогичным периодом у ряда стран мира, то окажется, что показатели роста в нашей

¹ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2011 г. № 1074 «Об оказании электронных услуг и реализации государственных функций в электронном виде посредством общегосударственной автоматизированной информационной системы». – URL: <https://portal.gov.by/i/portalgovby/download/post-1074.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).

стране выше среднестатистических. Также стране удалось существенно повысить уровень развития электронного правительства (EGDI): в 2014 г. Беларусь заняла 55-е место по индексу развития электронного правительства (64-е место в 2010 г. из 193 стран мира).

Пятый период – с 2015 г. по настоящее время – период совершенствования принятых мер по развитию информационного общества в Республике Беларусь. На уровне программных документов данный приоритет был закреплён в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, одобренной Президиумом Совета Министров Республики Беларусь 10 февраля 2015 г. В ноябре 2015 г. на заседании Президиума Совета Министров была утверждена Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы. Стратегия определила принципы государственной политики страны в сфере информатизации и выделила основные направления развития информационного общества с учетом совокупности факторов, влияющих на его прогресс.

В марте 2016 г. была принята Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы. Она разработана в соответствии с действующей Стратегией. Реализация Государственной программы направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики. Целью Программы выступает совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием ИКТ, включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства.

Существенным моментом на данном этапе выступило *принятие Декрета № 8 от 21.12.2017 г. «О развитии цифровой экономики»*. Данным документом были переопределены правовые основы деятельности Парка высоких технологий, в том числе установлены порядок работы и объем компетенций его наблюдательного совета и администрации, алгоритм регистрации резидентов, требования, предъявляемые к их деятельности. Основным достижением стало установление беспрецедентных мер государственной поддержки ПВТ, а также отечественной ИТ-отрасли в целом. В частности, был значительно расширен перечень видов деятельности, которые резиденты ПВТ имеют право осуществлять. В него были включены разработка биотехнологий, медицинских, авиационных и космических технологий, киберспорт. Помимо разработки высокотехнологичной и наукоемкой продукции Декретом было предусмотрено право ее производства и коммерциализации. Документ также предоставляет широкие возможности для оказания услуг в сфере образования в области ИКТ, включая право предоставлять спонсорскую помощь различным учреждениям образования. Особенно следует подчеркнуть, что Декретом преду-

смотрен перечень мер, ориентированных на проведение ICO (Initial Coin Offering), использование криптовалюты и внедрение смарт-контрактов. В результате Беларусь впервые в мировой практике ввела комплексное правовое регулирование бизнесов на основе технологии блокчейн, одновременно создав благоприятные с точки зрения налогообложения условия для их реализации.

Таким образом, Республика Беларусь проделала большой путь по реализации наиболее значимых шагов, чтобы соответствовать мировым трендам развития информационного общества. В дальнейшем страна сможет перейти к опережающему развитию информационно-коммуникационных технологий и цифровизации основных сфер жизнедеятельности общества.

А. В. Колесников

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК В МОДЕЛЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

В статье рассматривается клеточно-автоматное представление агента социальных систем в фазе цифровой трансформации, основанное на двух взаимодействующих клеточных автоматах. Для отображения эмерджентных свойств психических процессов и сознательного выбора вариантов используются правила перехода, усиливающие малые погрешности представления чисел с плавающей точкой, а также явление самоорганизованной критичности. Отмечается, что традиционное клеточно-автоматное представление должно быть дополнено матрицами связности графов взаимодействия индивидов в социальных сетях. С целью более адекватного математического представления необратимых и эмерджентных свойств психических процессов вводятся понятия темпоральных чисел и динамических множеств. В качестве фундаментальной дилеммы современной фазы эволюции цифрового общества рассматривается выбор цели и пути дальнейшего развития. Конкурирующие социотипы условно обозначены как человек молекулярный и человек космический. Молекулярный человек представляет собой тип личности, ориентированный на репликацию собственных генов и существование в наиболее комфортных условиях. Это образ обобщенного потребителя и основной элемент общества потребления. Космический человек представляет собой пассионарный тип личности, ориентированной на познание и на синтез культурных ценностей. Рассмотренное клеточно-автоматное представление может служить основой, элементарной ячейкой для построения комплексных моделей социальных систем в фазе их цифровой трансформации.

Ключевые слова: клеточные автоматы, хаос, социальные системы, молекулярный человек, космический человек

A. Kolesnikov

Institute of Philosophy of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

DIGITAL HUMAN IN THE MODELS OF SOCIAL DYNAMICS

The article discusses the cellular automaton representation of the agent of social systems in the digital transformation phase, based on two interacting cellular automata. To display the emergent properties of mental processes and the conscious choice of alternatives, transition rules are used, which reinforce small errors in the representation of floating point numbers, as well as the phenomenon of self-organized criticality. It is noted that the traditional cellular automaton representation should be supplemented with matrices of connectivity graphs of interaction of individuals in social networks. In order to provide a more adequate mathematical representation of the irreversible and emergent properties

of mental processes, the concept of temporal numbers and dynamic sets is introduced. As a fundamental dilemma of the modern phase of the evolution of digital society, the choice of goals and ways for further development is considered. Alternatives are conventionally designated as cosmic human and molecular human. Molecular human is a type of personality, focused on the replication of its own genes and existence in the most comfortable conditions. Molecular human is a generalized consumer and the main element of the consumer society. Cosmic human is a passionate personality type, focused on knowledge and on the synthesis of cultural values. The considered cellular automaton representation can serve as the basis, the unit cell for the construction of complex models of social systems in the phase of their digital transformation.

Keywords: *cellular automata, chaos, social systems, molecular human, cosmic human*

Моделирование социальных систем представляет собой актуальную научно-практическую задачу, так как теоретически позволяет предварительно проигрывать на модели последствия стратегических управленческих решений, а также исследовать и прогнозировать тенденции и сценарии развития общества в зависимости от влияния тех или иных факторов и рисков, возникающих на том или ином историческом этапе его эволюции. Нынешний период характеризуется вступлением социума в эпоху тотальной цифровизации всех сторон жизни. Процесс этот, кроме очевидных новых удобств и выгод, несет с собой и определенные риски, и вызовы, которые неизбежно возникают в процессе перехода общества на новую ступень технологического развития.

Проблема, однако, заключается в том, что социальные системы коренным образом отличаются от тех, с которыми традиционно имеют дело математика и физика. Если в физической системе, например в совокупности гравитирующих масс, поведение каждого элемента полностью определяется конкретными действующими на него физическими факторами, то элементы или агенты социальных систем обладают некоей внутренней мотивацией и свободой воли, которая зачастую заставляет их действовать вопреки и против внешних обстоятельств и объективных рациональных, например экономических, соображений. Агенты социальных систем обладают психикой и сознанием, через которые непредсказуемо преломляются факторы внешнего мира и которые в итоге определяют и регулируют поведение индивида.

Что же это за факторы и можно ли их учесть в рамках математической либо компьютерной модели? Или, может быть, социальный агент – человек – принципиально непредсказуем и неформализуем? Существует и такая точка зрения. Однако живое существо и, в частности, человек суть также физическая сущность, состоящая из тех же атомов и подчиняющаяся тем же законам природы, что и прочие физические тела. Следовательно, социальный агент все-таки может быть адекватно описан и воспроизведен в рамках математической либо компьютерной вычислительной модели. Но для этого имеет смысл некоторые изменения внести в саму математику.

Итак, какими специфическими свойствами обладает агент социальной системы, что его отличает от элемента традиционных физических систем, с которыми имела дело математика? Прежде всего это непредсказуемость и хаос внутри каждого социального агента. Поведение человека спонтанно, эмерджентно, хотя и несет в себе элемент внешней детерминированности, адекватности и некоторой рациональности. Тем не менее поступки разных людей, более того, поступки даже одного и того же человека в схожих обстоятельствах могут быть различны. При этом они все-таки не вполне произвольны, так как определяются внутренними установками, опытом и воспитанием конкретного субъекта. Это не шарики в модели идеального газа, повинующиеся только внешним механическим воздействиям со стороны других шариков. Социальные агенты, «шарики» в модели «социального газа» должны обладать свободой воли, или пси-фактором, который придает импульсы их поведению изнутри.

Традиции и стандарты точного физико-математического знания негласно постулируют положение о том, что поведение человека непредсказуемо, не поддается и противоположно по своей сути методам математики и точной формализации. Вместе с тем в системе физико-математического знания в последней трети XX в. произошла революция, которая в значительной мере изменила все, в том числе традиционные устоявшиеся взгляды на точность, предсказуемость, причинность и детерминизм. Речь идет прежде всего о теории хаоса и синергетике в целом [1]. С возникновением новой нелинейной динамики хаос, непредсказуемость и эмерджентность появляются и в точной, невероятной, детерминированной математике. В математике начинает угадываться истинное историческое время, чего раньше никогда не бывало.

Одной из наиболее естественных форм компьютерного отображения социальных систем выступают клеточные автоматы, представляющие собой одну из базовых парадигмальных моделей синергетики. Данные дискретные игры обладают рядом свойств, присущих организации социальных систем. Это прежде всего определяющее влияние локальных взаимодействий и способность к самоорганизации на их основе. Как и в социальных системах, достаточно простые правила локальных взаимодействий между ячейками могут приводить к чрезвычайно сложному совокупному поведению всего автомата в целом.

Однако в условиях нарождающейся цифровой реальности простого клеточного поля с локально взаимодействующими ячейками, вероятно, уже недостаточно. Разветвленные делокализованные контакты каждого индивида в условиях цифровой реальности диктуют необходимость привлечения к описанию современных социальных систем еще и теории графов с матричным представлением связности агентов через социальные сети.

Вместе с тем при моделировании социальных систем сложно обойтись простым однослойным клеточным автоматом, когда каждый отдельный индивид просто представлен ячейкой на клеточном поле. Этого недостаточно

для адекватного отображения поведенческой активности агента в социальной системе, так как ее элементы обладают внутренними эмерджентными поведенческими регулятивами. Нами проводились эксперименты с многослойным клеточно-автоматным представлением социальных агентов. Эксперименты позволили прийти к выводу, что поведение социального агента в ряде системно значимых случаев может быть сведено к выбору альтернативных стратегий. При этом сам выбор осуществляется им на основе воспитания, анализа, обучения, приобретенного жизненного опыта, а также, что специфично для агента, наделенного психикой, под влиянием психоэмоциональных (подсознательных) сиюминутных импульсов.

Самой значимой бинарной оппозицией, с выбором которой связаны практически все поведенческие стратегии современного человека, является фундаментальная мировоззренческая дилемма. Суть дилеммы заключается в следующем. На современном этапе своего развития человек подошел к осознанию того факта, что продукция его разума, его вклад в культуру человечества может быть не менее, а, возможно, более значим, чем репликация его генов и передача их следующему поколению. По мысли известного автора Ричарда Докинза [2], по своей сути животный организм, в том числе и человек, эволюционно возник и представляет собой фактически надстройку над геном – по существу средство или приспособление для репликации генов. Однако с какого-то момента человек становится перед дилеммой: что же более значимо – деятельность разума в контексте развития культуры и познания либо репликация собственных генов и забота о том, чтобы их копирование происходило в максимально комфортных условиях. Человек на современном этапе своего развития подошел к осознанию возможности освобождения от власти эгоистичного гена. Но это не общий выбор всего человечества. Скорее, освобождение от власти эгоистичного гена – удел пассионариев [3], способных увлечь массы людей и вести часть человечества дальше по пути познания и становления как уникального космического феномена. Именно такова была и остается базовая установка и объединяющий мотив философии космизма [4], представляющей собой глубинное выражение основной философской идеи русского, славянского и евразийского цивилизационного кластера. Между тем общество потребления и постпотребления ориентируется именно на поддержание устойчивого, эффективного и комфортного социума, реплицирующего свои гены, своего рода «человеяника» в терминологии Александра Зиновьева. Эти два полюса и две фундаментальные ветви развития человека будущего обозначим как человек молекулярный и человек космический. Первый представляет собой существо, подчиненное власти эгоистичного гена и выполняющее его предписания. Будучи разумным, человек молекулярный ориентирован на выработку индивидуальных и общих стратегий выживания и максимально комфортного существования в качестве потребителя. Общество потребления – общество молекулярных людей.

Человек космический ориентирован на познание и синтез культуры, на формирование картины мира, познание и отображение Вселенной. Он представляет собой орган рефлексивного самопознания Вселенной. Человек космический в меньшей степени озабочен потреблением, а путь в собственное бессмертие видит не только и не столько в репликации генов, но прежде всего в превращении периода своего существования в акт познания, синтеза и приращения уникальной человеческой культуры. Обозначим эту альтернативу двумя латинскими буквами Wv (от англ. *Worldview*), а два полюса этой дилеммы – как Wv^+ (человек космический) и Wv^- (человек молекулярный). Разумеется, что в совсем чистом виде каждый из полюсов встретить сложно. В каждом космическом человеке присутствует некоторая доля человека молекулярного, равно как и в каждом молекулярном человеке присутствует некоторая доля космического. Но преобладающие тенденции, как правило, в каждом отдельном индивидууме хорошо различимы. В принципе, основной характер цивилизационной динамики в значительной степени определяется соотношением космических и молекулярных людей в социальной системе.

Возвращаясь к клеточно-автоматному представлению агентов, следует рассмотреть возможность моделирования выбора обозначенной альтернативы. Как уже отмечалось, ядром, движущей силой поведенческой активности личности выступает ее внутренняя психоэмоциональная энергия, внутреннее психическое движение, экзистенциальное ощущение бытия и времени. Из этих спонтанных древних психических явлений и процессов рождаются, самоорганизуются мышление, интуиция и сознательное поведение. Природа субъективного бытия до настоящего времени представляет собой величайшую научную загадку, но благодаря открытому в области синергетики новому пониманию хаоса появляются, прорисовываются возможный путь и подходы к познанию и моделированию механизмов самоидентификации «я».

В клеточно-автоматном представлении для решения задач моделирования социальных систем важно иметь модель, генерирующую неповторяющуюся последовательность состояний или конфигураций. Данная процедура в разрабатываемой модели предназначена для имитации темпорологической эмерджентности, свойственной агентам, которые обладают психическими свойствами. Кроме этого, интерес для понимания и описания психических процессов может представлять возможность введения специальных темпоральных чисел, обладающих схожими эмерджентными свойствами. Характерным для постнеклассического периода развития научного знания является обращение к единичным объектам и невоспроизводимым историческим процессам. Благодаря открытиям, сделанным в области синергетики, происходит переоткрытие или обретение истинного исторического времени в рамках строгих физико-математических дисциплин. Феномен хаоса заставляет по-новому рассматривать и оценивать прежде всего процессы становления и развития, в том числе человекомерных систем. Развитие математических средств отображения и описания

исторических уникальных необратимых процессов представляется актуальной задачей. Шагом в этом направлении можно считать введение в арсенал оснований математики специальных невоспроизводимых – истинных, или темпоральных, – чисел [5], а также соответствующих динамических множеств [6]. Речь в данном случае идет о том, что такое истинное, или темпоральное, число может быть извлечено из динамического множества лишь единожды. При следующем обращении к такому динамическому, или кипящему, множеству в далеких неконтролируемых точностью нашего эксперимента разрядах числа неизбежно произойдут изменения, и это фактически будет другое число. Для гладких воспроизводимых процессов это несущественно, но для процессов с нелинейностью и хаосом – принципиально важно. В качестве гипотезы можно высказать предположение о том, что именно это свойство реальности является источником невоспроизводимых психических процессов.

Числа с плавающей точкой, применяемые в цифровых вычислительных машинах для представления действительных чисел, имеют определенную неустранимую погрешность, что делает возможным их использования как приближения или модели истинных, темпоральных, чисел. В данном случае в нашем клеточно-автоматном представлении использовано именно это свойство. Благодаря этому клеточно-автоматные пси-агенты приобретают свою неповторимость, что характерно для индивидуумов – элементов реальных социальных человекомерных систем.

Опишем алгоритм функционирования автомата. Первоначально в помеченную как центральная ячейку одномерной клеточной ленты, замкнутой в кольцо, помещается произвольное действительное число из интервала от 0 до 1. Далее вступают в действия правила перехода. Для каждой ячейки вычисляется среднее арифметическое трех (возможно применение и среднего геометрического) соседних ячеек. Затем вычисленное значение подставляется в одно из уравнений, которые демонстрируют переход к хаосу через серию бифуркаций удвоения периода по сценарию Фейгенбаума. Причем параметр устанавливается в значении, находящемся именно в зоне хаоса. Эволюция автомата происходит следующим образом. Ячейки, начиная с центральной, симметрично заполняются вычисленными значениями. Симметрия внешне сохраняется довольно долго. Однако постепенно малые погрешности вычислений с плавающей точкой приводят систему к хаосу (рис. 1). Полученный весьма индивидуализированный хаос используется в дальнейшем для «накачки» и приведения в состояние самоорганизованной критичности другого клеточного автомата, обеспечивающего выбор альтернатив.

Согласно данным современных нейроисследований, процессы в нейронных тканях мозга имеют определенное сущностное сходство с лавинными осыпаниями, которые описываются теорией самоорганизованной критичности [7]. Таким образом, в клеточно-автоматном представлении логично использовать эти же подходы. По данному принципу функционирует процедура выбора

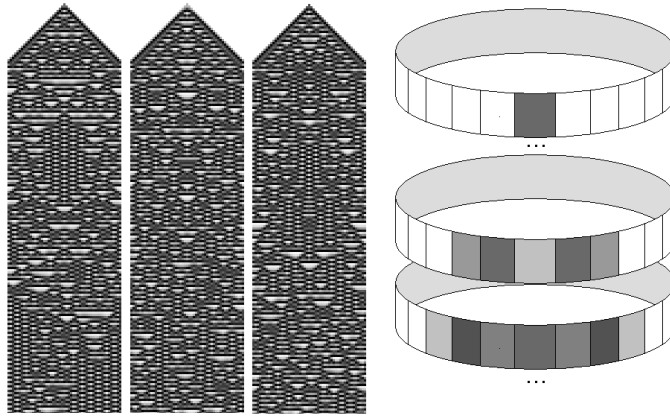

Рис. 1. Эволюция одномерного клеточного автомата от симметричной фазы к хаотической полюсов реагирования. В одномерном континуальном клеточном автомате волны осыпаний распространяются от центральной ячейки к краям. Каждый из полюсов и символизирует собой ту или другую поведенческую стратегию (рис. 2). При этом путь лавины в том или другом направлении может быть облегчен изменением порога осыпания в тех или иных ячейках. Изменение порога осыпания

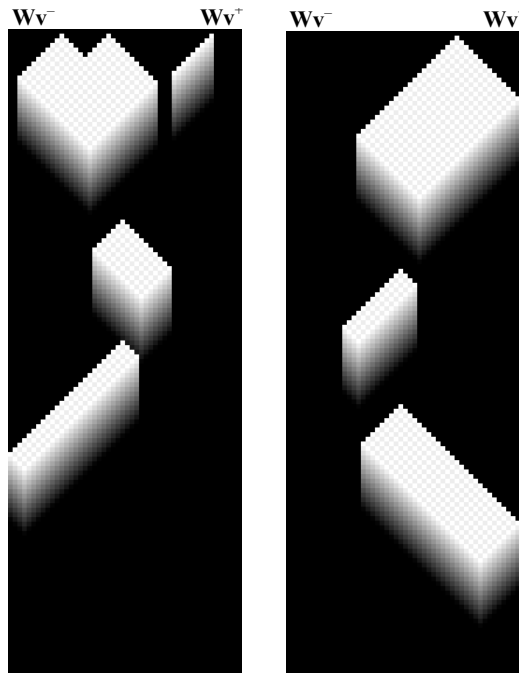

Рис. 2. Эволюция осыпаний критического одномерного клеточного автомата к различным полюсам реагирования

может происходить в результате социальной жизни агента, накопления опыта, внешних воздействий, под влиянием социальных сетей и сетевого окружения.

Человек как элемент социальных систем обуславливает «нефизическую» специфику их поведения. Обладая психикой, волей, мышлением и сознанием, он способен к целенаправленным действиям и спонтанным пассионарным толчкам. Единичные события в социальной системе могут радикально изменить весь ход ее истории. Но между тем механизмы и мотивы действия социальных агентов научно познаваемы и формализуемы. Клеточные автоматы, прежде всего континуальные, представляют собой адекватный данной задаче язык описания поведения сложных распределенных систем. С использованием элементов хаоса, темпоральных чисел, самоорганизованной критичности этот язык становится пригоден и для описания поведения сложных, человекомерных, социальных систем. Важным достоинством клеточно-автоматных моделей является то, что они позволяют углубить понимание механизмов движения сложных, в том числе социальных, систем. А это в конечном счете и представляет собой одну из приоритетных задач науки и философии в сложный бифуркационный период цифровой трансформации общества.

Список использованных источников

1. Малинецкий, Г. Г. Синергетика в XXI веке / Г. Г. Малинецкий // Горизонты синергетики: структуры, хаос, режимы в обострении. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – С. 10–86.
2. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Ричард Докинз ; пер. с англ. Н. Фоминой. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 512 с.
3. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М. : Айрис-Пресс, 2016. – 560 с.
4. Алексеева, В. И. Космизм о мире, человеке и обществе (концепции XIX – середины XX вв.) / В. И. Алексеева. – М. : Луч, 2012. – 576 с.
5. Kolesnikov, A. Chaos, time and temporal numbers / A. Kolesnikov, S. Sirenko, G. Malinetsky // Canadian Journal of Pure and Applied Sciences. – 2020. – Vol. 14, № 1. – P. 4928–4934.
6. Левич, А. П. О «динамических множествах» [Электронный ресурс] / А. П. Левич. – Режим доступа: <http://www.mce.su/archive/doc61551/doc.pdf> – Дата доступа: 11.03.2019.
7. Ouellette, J. Sand Pile Model of the Mind Grows in Popularity [Electronic resource] / J. Ouellette // Quanta Magazine. – 2014. – April 7. – Mode of access: <http://www.scientificamerican.com/article/sand-pile-model-of-the-mind-grows-in-popularity> – Date of access: 20.03.2019.

А. Ю. Косенков

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**ПРОЦЕССЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
СУЩНОСТЬ, КЛЮЧЕВЫЕ ВЕКТОРЫ
И СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье на основе анализа структурных элементов формирующейся цифровой реальности (цифровые компьютеры, компьютерные сети, виртуальные объекты) автор конкретизирует смысловое содержание понятия «цифровизация». Установлено, что ключевыми векторами данного процесса являются количественное увеличение и качественное совершенствование цифровых компьютеров, виртуализация, развитие и внедрение сетевых технологий. На примере социальной реальности выявлены сущность, направления и следствия цифровизации. В завершение отмечено, что концепция цифровой реальности имеет эвристический потенциал, а использование понятия цифровизации способно задать новые направления научных поисков, обогатить теории постиндустриального и информационного общества, сместить ракурс исследований в сторону онтологического осмысления последствий компьютерной революции.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая реальность, компьютерные сети, виртуализация, информация

A. Kosenkov

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**DIGITALIZATION PROCESSES:
ESSENCE, VECTORS AND RESEARCH STRATEGIES**

In the article, based on the analysis of the structural elements of the emerging digital reality (digital computers, computer networks, virtual objects), the author concretizes the semantic content of the concept of digitalization. The work found that the key vectors of this process are the quantitative increase and qualitative improvement of digital computers, virtualization, development and implementation of network technologies. On the example of social reality, the essence, directions and consequences of digitalization are revealed. In conclusion, it was noted that the concept of digital reality has a heuristic potential, and the use of the concept of digitalization is capable of setting new directions of scientific research, enriching the theories of the post-industrial and information society, and shifting the perspective of research towards ontological comprehension of the consequences of the computer revolution.

Keywords: digitalization, digital reality, information society, virtualization, information

Введение

Цифровизация достаточно часто оказывается в центре внимания философии и науки. При этом на сегодняшний день исследователи отдают приоритет рассмотрению ее частных аспектов, нежели написанию обобщающих трудов, в которых была бы раскрыта сущность процесса. Тем не менее обилие работ по «цифровой» тематике позволяет делать весьма важные шаги в этом направлении.

На первый взгляд, раскрытие сущности цифровизации – тривиальная задача, так как в широком смысле ее можно определить как процесс внедрения цифровых технологий в структуры универсума. Однако данная дефиниция лишь отчасти приближает к сути. Так, сравнение цифровизации в медицине и транспорте действительно позволяет свести этот процесс к внедрению цифровых технологий; однако очевидно, что они имеют и специфические черты. В ходе цифровизации медицины, например, вводятся технологии, позволяющие хранить и обрабатывать медицинские данные, разрабатываются персональные электронные медицинские карты и системы искусственного интеллекта для постановки диагноза; в процессе цифровизации транспорта внедряются системы, снижающие энергопотребление, создаются приложения, позволяющие определять местоположение транспортного средства. Цифровые технологии, как видим, находят применение в двух сферах, но ход и следствия данных процессов имеют специфические черты (по причине прежде всего специфики института или вида деятельности).

Возможно ли в таком случае дать определение цифровизации? Автор убежден в том, что это вполне достижимая задача, так как, анализируя и сопоставляя ход процесса в разных структурах социальной реальности, можно обнаружить не только частное, специфическое, но и инвариантное. Так, цифровизация медицины и транспорта сопровождается виртуализацией (что выражено, к примеру, в создании виртуальных порталов, предоставляющих новые формы взаимодействия между индивидами); внедрение компьютерных сетей создает технологические предпосылки для трансформации структурной организации институтов; цифровые технологии используются в качестве инструмента обработки больших объемов информации, ее обмена с другими акторами.

Именно выявление инвариантов цифровизации позволит сделать следующий шаг к раскрытию ее сущности. Данную задачу же автор предлагает решить через разработку концепции цифровой реальности. Ее исходным основанием является утверждение о формировании после компьютерной революции в универсуме цифровой реальности, имеющей собственную структуру, специфические пространственно-временные параметры функционирования, динамику развития и прочие характеристики. В данной статье предлагается выявить ключевые векторы, инварианты цифровизации через анализ структуры цифровой реальности.

Структура цифровой реальности

Утверждение о существовании в структуре универсума некоторого фрагмента, определяемого как реальность, подразумевает наличие в нем множества относительно однородных объектов. В случае социальной реальности ими могут быть социальное действие или социализированный индивид, биологической реальности – живой организм, технической реальности – технический артефакт и т. д. Если подходить подобным образом к цифровой реальности, то ключевыми структурными элементами, которые составляют эту область универсума, являются цифровые технологии (в контексте исследований цифровизации их предлагается называть цифровыми объектами или цифровыми компьютерами, отграничивая таким образом от аналоговых и квантовых компьютеров, функционирующих по иным принципам). На основе анализа технических исследований цифровые компьютеры можно определить как функциональные объекты, выполняющие операции с информацией, представленной в дискретной форме (измеряемой в битах), посредством исполнения программ (алгоритма) на физическом носителе.

Цифровые объекты объединяются индивидом в компьютерные сети, которые имеют определенную архитектуру, топологию и функционируют по установленным сетевыми протоколами правилам. Компьютерную сеть следует рассматривать как самодостаточную структуру, а не простую совокупность объектов: включение цифрового объекта в сеть способно расширить его функциональные возможности (например, удаленного хранения информации), а выход из строя может привести к распаду сети.

В структуре цифровой реальности уместно также выделять виртуальный уровень, порождаемый цифровыми компьютерами и сетями. Заметим при этом, что понятие виртуализации не тождественно понятию цифровизации: автор статьи, как и ряд исследователей (К. К. Колин, А. А. Лазаревич, Н. А. Носов и др.), придерживается позиции, что виртуальные объекты могут порождаться различными субстанциями (например, сознанием) и иметь нецифровую природу. Ввиду этого в контексте цифровизации гораздо корректней использовать по отношению к данным виртуальным реальностям понятие цифровых виртуальных реальностей. Их специфика в том, что они являются искусственными, имеют функциональное назначение и порождающую субстанцию – аппаратное обеспечение, на котором может быть исполнен комплекс программ, создающих соответствующие виртуальные объекты (также цифровые по своему «субстрату»). Программы, исполняемые на аппаратном обеспечении компьютеров, могут копироваться, передаваться от одного устройства к другому, исполняться на других аппаратных средствах. К ключевым технологиям, порождающим виртуальные объекты, стоит отнести виртуальные технологии погружения, технологии дополненной и смешанной реальности, сетевые технологии.

Таким образом, структурными элементами цифровой реальности являются цифровые объекты, компьютерные сети, порождаемые ими виртуальные объекты. Исходя из этого можно установить, что ключевыми инвариантами цифровизации являются: а) количественное увеличение и качественное совершенствования цифровых объектов; б) развитие и внедрение сетевых технологий; в) виртуализация. Конкретизируем содержание выявленных векторов и их следствия на примере цифровизации социальной реальности.

Цифровизация социальной реальности

Рассматривая следствия количественного увеличения и качественного совершенствования цифровых объектов (а), заметим, что в процессе становления цифровой реальности они становятся производительней, миниатюрней, экономически доступней, функциональней. Помимо разработок персональных компьютеров и смартфонов, что привело к интенсивному увеличению числа цифровых объектов, на данном этапе цифровизации их количественному росту также способствует развитие технологии интернета вещей (Internet of Things, или IoT), в ходе которого свойства приема, передачи и обработки информации получают объекты вроде бытовой и производственной техники. Так, по прогнозам компании IHS в 2025 г. их число будет составлять 75 млрд (по сравнению с 15 млрд в 2015 г.) [1, с. 121]. Данная тенденция побуждает исследователей предположить, что в скором времени вся ткань социальной реальности будет пронизана «умными» устройствами. С. Грингард, журналист и автор многочисленных книг о современных инновациях, прогнозирует переход от технологий интернета вещей к технологиям интернета всего, «представляющих из себя более развитое и совершенное состояние, в котором физический и цифровой миры сливаются в единое пространство» [2, с. 36].

Процессы цифровизации также отмечены тенденцией, которую условно можно назвать заменой вещественного/физического цифровым. Данный процесс обусловлен тем, что программы как элементы цифровых объектов обладают целым рядом преимуществ перед своими физическими «аналогами». По верному замечанию информатика Н. Негропonte, они занимают меньше «площади», находясь в памяти компьютера; не имеют физической массы; могут быть переданы с помощью Интернета на большие расстояния; чаще всего требуют меньших ресурсных затрат на производство [3]. В качестве примеров данного процесса – замены вещественного цифровым – можно привести некоторые практики использования систем искусственного интеллекта (которые приводят к автоматизации, исключению индивида из трудовых процессов), замену ритейлерами пространства магазинов веб-сайтами или амбициозные и постепенно реализуемые планы снижения бумажного документооборота в рамках проектов электронного правительства.

Ввиду того что цифровые объекты выполняют операции с информацией, их совершенствование и внедрение приводит к изменению качественных и количественных параметров информационных процессов в обществе. Если говорить о количественном аспекте, то можно отметить интенсивный рост информации: по подсчетам Л. Флориды цивилизация с момента возникновения письменности до 2006 г. накопила примерно 180 экзабайт данных, а с 2006 до 2011 г. – 1600 экзабайт. Эта цифра, по словам философа, увеличивается четырехкратно приблизительно каждые три года [4].

Вместе с тем следствием компьютерной революции стала разработка самых эффективных за всю историю средств, позволяющих обрабатывать большие объемы информации и, что важно, делать это достаточно быстро, что в конечном счете приводит к ускорению информационных процессов и трансформаций в обществе. Также информация становится доступней, появляются новые информационные технологии и соответствующие виды деятельности, возрастает сегмент фиксированной информации (она хранится на серверах и потенциально к ней может быть получен доступ), возрастает значение информации как товара и ресурса. В новой технологической реальности появляется необходимость разработки более совершенных технологий обработки информации (например, технологии больших данных – BigData), выработки механизмов адаптации к постоянным трансформациям, совершенствования информационной культуры индивида.

Другой вектор цифровизации – внедрение компьютерных сетей (б). Развитие сетевых технологий обусловлено прежде всего необходимостью распределения вычислительных ресурсов, передачи информации на большие расстояния. Во многом из-за того, что компьютерные сети становятся технологической основой для структурных элементов социальной реальности, их внедрение приводит к трансформации последних. В качестве примера можно привести трансформацию государства, которое, по словам М. Кастельса, становится сетевым и «характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» [5, с. 58]. Важной вехой трансформаций в результате развития сетевых технологий стало распространение Интернета, ускорившее глобализационные процессы, включение множества территориально распределенных акторов в международные политические, финансовые и другие сети. Новый этап цифровизации, помимо того, отмечен внедрением сетевой технологии блокчейн, ключевым свойством которой является надежность функционирования, обусловленная особым способом шифрования информации.

Виртуализация социальной реальности в процессе цифровизации (в) приводит к выработке новых форм коммуникации (феномен виртуальной комму-

никации), занятости (удаленная занятость), творчества (практики открытого кода, делающие творчество коллективным, поликультурным, постоянно возобновляемым процессом), образования (дистанционное обучение). «Перенос» в виртуальное приводит к трансформациям институциональной структуры общества. При этом данный процесс затрагивает даже самые консервативные, на первый взгляд, институты. Как замечает Х. Кэмпелл, религиозные институты в ходе цифровизации и виртуализации наполняются технологическими структурами и характеристиками интернет-среды: происходит нивелирование традиционных иерархий, расширяются возможности мгновенной коммуникации и получения немедленного ответа, расширяется доступ к сакральному и приватной информации [6, р. 68].

Также в ходе виртуализации происходит трансформация социального пространства. Так, использование технологий дополненной реальности, посредством которых при наведении гаджета на определенное место физического пространства «накладываются» виртуальные объекты (например, дорожная разметка, информация об историко-культурных объектах и т. д.), приводит к формированию многоуровневого социального пространства. Фактически создается среда, предоставляющая индивиду разные возможности в зависимости от наличия у него цифрового объекта и (или) доступа к сети [см. 7].

Таким образом, внедрение цифровых технологий приводит к трансформациям социальной реальности. Исходя из анализа последствий внедрения цифровых технологий, можно дать следующее определение цифровизации (применимое в первую очередь к социальной реальности). *Цифровизация* – это процесс внедрения цифровых технологий, основными векторами которого являются количественное увеличение и качественное совершенствование цифровых компьютеров, внедрение сетевых технологий и виртуализация, приводящие в совокупности к комплексу многомерных трансформаций, выраженных в первую очередь в изменении параметров информационных процессов социальной реальности, трансформации институциональной структуры, социального пространства, к появлению новых практик и других процессов. Раскрытие же сущности цифровизации социальной реальности через выявление структурных элементов цифровой реальности позволяет обобщить, систематизировать и рубрицировать все полученные о данных процессах результаты исследований.

Заключение

Как следует из сказанного, разработка концепции цифровой реальности позволяет исследователю конкретизировать смысловое содержание процессов цифровизации, что в данной работе было сделано путем выявления ее структурных элементов. Это свидетельствует об эвристическом потенциале концепции, дальнейшая разработка которой, помимо обобщения и систематизации

уже полученных результатов, позволит выявить связи и отношения между цифровой реальностью и другими структурами универсума; конкретизировать сущность новых вызовов и угроз, сопряженных с цифровизацией; создать условия для эффективного и качественного осуществления практической деятельности по внедрению цифровых технологий во все сферы общества.

В завершение хотелось бы заметить, что использование в современных исследованиях новых понятий – цифровизации, цифровой реальности и прочих – является не только модой, но и интерпретацией учеными следствий современных технологических процессов. Цифровые двойники, блокчейн, технологии смешанной реальности и прочие явления побуждают обновлять понятийно-категориальный аппарат и разрабатывать соответствующую методологию. Как отмечал академик В. С. Стёпин, «в культуре не сложилась категориальная система, соответствующая новому типу объектов» [8, с. 263]. Обновление категориального аппарата при этом не свидетельствует об отказе от концепций постиндустриального и информационного общества, а дополняет сформировавшиеся теории, задает новые векторы в исследовательских поисках. Так, понятие цифровизации акцентирует внимание прежде всего на технологическом аспекте трансформаций, происходящих на данной стадии развития социальной реальности. Кроме того, анализ этого понятия позволяет сместить ракурс в сторону онтологических исследований, так как цифровизация – это не только процесс изменений структур социальной реальности, что было показано в данной статье, но и амбициозные проекты создания искусственного интеллекта, выстраивания новых отношений между человеком и природой [см. 9]. В работе К. Шваба и Н. Дэвиса, идеологов четвертой промышленной революции, даже анализируются перспективы геоинженерии – целенаправленного управления биосферой посредством цифровых технологий [1, с. 231–239]. Цифровизацию, таким образом, следует рассматривать как проект, который приводит к масштабным и качественным трансформациям универсума. Ввиду этого познание данных процессов выходит в сферу междисциплинарных исследований.

Таким образом, появление новых понятий и концепций не становится поводом для отказа от теорий информационного и постиндустриального общества. Более того, анализ понятия «цифровизация» и разработка концепции цифровой реальности способны в перспективе обогатить данные теоретические системы, обновить их в соответствии с новыми технологическими явлениями.

Список использованных источников

1. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб, Н. Дэвис. – М. : Эксмо, 2018. – 320 с.
2. Грингард, С. Интернет вещей: будущее уже здесь / С. Грингард. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 188 с.

Процессы цифровизации: сущность, ключевые векторы и стратегии исследования

3. Negroponte, N. *Being Digital* / N. Negroponte. – N. Y. : Knopf, 1995. – 256 p.
4. Floridi, L. *Big Data and their epistemological challenge* / L. Floridi // *Philosophy and Technology*. – 2012. – Vol. 25, № 4. – P. 435–437.
5. Кастельс, М. *Власть коммуникации* / М. Кастельс. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2016. – 564 с.
6. Camphell, H. *Understanding the Relationship between Religion Online and Offline in a Networked Society* / H. Camphell // *Journal of the American Academy of Religion*. – 2012. – № 1. – P. 64–93.
7. Косенков, А. Ю. *Одна среда – разные возможности: трансформация социального пространства в процессе цифровизации* / А. Ю. Косенков // *Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М. А. Слемнев (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 129–131.*
8. Степин, В. С. *Теоретическое знание* / В. С. Степин. – М. : Прогресс-традиция, 2003. – 744 с.
9. Пшера, А. *Интернет животных. Новый диалог между человеком и природой* / А. Пшера. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2017. – 192 с.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ, ИНТЕГРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ

Исследования в области философии геополитики и международных процессов осуществляются в Институте философии с 2009 г., когда был создан Центр стратегических европейских исследований и международного сотрудничества, переименованный в 2016 г. в Центр исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества. Центр объединил экспертов в области философии международных отношений. Среди лидеров нового направления были доктор философских наук И. Я. Левяш (1937–2017) и член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор философских наук Л. Ф. Евменов (1932–2019). Результаты исследований сотрудников Центра нашли свое отражение в ряде фундаментальных научных изданий, таких как: «Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека» (Минск, 2015) и «Международная идеология прав человека: проблемы – решения (опыт философского исследования)» (в 5 т., Минск, 2018) Л. Ф. Евменова; «Глобальный мир и геополитика», (в 2 т., Минск, 2012) И. Я. Левяша. Л. Ф. Евменов также был инициатором, составителем и научным редактором издания «Логика достоинства и свободы личности», посвященного 85-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси (Минск, 2016).

Деятельность Центра отличает широкая международная коммуникация и многочисленные проекты. Постоянными партнерами Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры, который функционирует на базе Института философии НАН Беларуси, являются Китайская академия общественных наук и Линнаньский педагогический университет. Совместно с китайскими коллегами были изданы научные сборники «China and Belarus: Forge Ahead Together in the “Belt and Road” Construction» (Beijing, 2019); «“Один пояс, один путь”: гуманитарные аспекты белорусско-китайского сотрудничества» (Вильнюс, 2019). Сотрудники Центра поддерживают активные отношения с турецкими коллегами, в стадии создания Белорусско-Турецкий исследовательский центр совместно с Фондом «Маариф». Поддерживается сотрудничество и выполняется совместный научный проект с коллективом Ариэльского университета (Израиль). Сотрудники Центра имеют успешный опыт осуществления проектов с международными организациями – Советом Европы, совместно с Секретариатом Европейской Хартии региональных языков и языков меньшинств была издана монография «Республика Беларусь и Европейская

Хартия региональных языков и языков меньшинств» (Минск, 2017). Сотрудники Центра выполняли проекты по заказу ЮНИСЕФ, Центрально-Европейской Инициативы; поддерживали деятельность Национальной контактной точки Восьмой рамочной программы Европейского союза по развитию научных исследований и технологий «Горизонт 2020» по направлению «Наука с обществом и для общества» в период 2016–2020 гг.

Коллектив Центра стремится к консолидации экспертов в области сценарного прогнозирования международных отношений, философии геополитики, рассматривая новое направление в контексте потребностей в эффективном осуществлении многовекторной внешнеполитической деятельности, участия Республики Беларусь в формировании многополярного мира и системе глобального партнерства.

К важнейшим результатам исследований 2016–2020 гг. можно отнести разработку методологической программы конструирования структурно-динамических моделей культурно-цивилизационной и геополитической субъектности Беларуси, основанной на следующих методах:

- структурно-функциональном анализе особенностей имплементации международных стандартов обеспечения прав человека;
- социально-конструктивистском подходе к исследованию культурной идентичности;
- холистском подходе (приоритет макро-уровня), методологическом индивидуализме (преимущество микроуровня) и синтетической методологии, признающей взаимозависимость формирования субъективности и идентичности коллективных субъектов социокультурной и культурно-цивилизационной деятельности;
- ситуационном анализе внешнеполитической стратегии Беларуси.

Новой исследовательской задачей является разработка теоретико-методологической модели, которая позволит прогнозировать внешние риски для эффективного позиционирования участия Республики Беларусь в системе глобального партнерства, в том числе более точно определять возможности для страны при проведении последовательной и сбалансированной многовекторной внешней политики; выявлять в международной практике меры принудительного характера, направленные на ущемление суверенных прав государства; определить среднесрочные и долгосрочные приоритеты в интеграционных проектах, а также в коммуникации с Организацией Объединенных Наций, Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе и другими международными организациями.

*Заведующий Центром исследований глобализации,
интеграции и социокультурного сотрудничества
Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук, доцент
Н. А. Кутузова*

Л. Ф. Евменов

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ БЕЛАРУСИ¹

На протяжении всей истории человечества умы людей будоражит мысль о единении под знаком определенных идей. «Уже давно не бродит по Европе призрак коммунизма, потерял привлекательность и влияние западный либерализм, но на смену уходящим идеологиям в последней трети XX века выдвинут новый всемирный идеологический проект. Имя новой идеологии – глобализм» [1].

Сама глобализация – это процесс, имеющий двойную природу: объективную и субъективную. Глобализация субъективна как идеология и объективна как реальность. Ее объективный характер проявился, например, в том, что английский язык стал глобальным средством делового, технического, научного и дипломатического общения; американский доллар – глобальной валютой; рыночная экономика «с человеческим лицом» – глобальной основой экономического развития. <...>

Говоря об истоках, о природе глобализации как социального явления, мы можем утверждать, что всякая сложившаяся система (или еще только складывающаяся) имеет в качестве своего внутреннего закона *стремление к глобализации*. Можно сказать, что *глобализация есть закон всякой системы* – идейной системы, системы знаний, системы экономических, социальных, политических, правовых, геополитических отношений. Отсюда и столкновение, противоположение систем и, соответственно, различных видов глобализации, например, капиталистической и социалистической систем, различных систем морали и нравственности, систем религиозной веры, геополитики. Таким образом, *в действительности* мы имеем дело не с чем-то однозначным, одноплановым, но с явлением многозначным, многоплановым, более того – внутренне противоречивым, с постоянными отношениями борьбы в хрупком единстве противоположностей и различий *объективного и субъективного, негативного и конструктивного* в процессе глобализации мира. <...>

Каково содержание понятия «глобализация»? Это, очевидно, процесс превращения каких-то качеств, бытовавших в мире, или качеств, еще отсутствующих в нем, но желаемых передовыми умами человечества, в нечто всеобщее, универсальное? Если говорить философски, превращение реального *особенного*, целого ряда реальных особенных качеств или еще только желаемых, абстрактных качеств в нечто реально всеобщее. <...>

¹ Публикуется с сокращениями по: Евменов Л. Ф. Глобализация: конвергенция – достоинство и права человека : сб. науч. ст. / Л. Ф. Евменов. – Минск : Право и экономика, 2015. – С. 5–31.

«Глобализм выступает и проявляется в экономике, геополитике, международном праве, в международных институтах, в культуре и идеологии...» [2], – говорит исследователь этой проблемы Николай фон Крейтор. <...>

Почему не сработали старые концепции глобализации?

<...> Запад, и США в особенности, пытаясь создать новую концепцию, новую школу глобального стратегического мышления, не смогли или не желали учесть того, почему не сработали старые концепции, старые школы, связанные с идеями «конвергенции» систем и «общепланетарного дома». Дело в том, что глобализация как новая система стратегического мышления, как сверхидеология была посажена на старый понятийный аппарат и помещена в старые геополитические условия: понятийный аппарат и антагонистические политические и геополитические отношения холодной войны. Это понятия и отношения «протекционизма, популизма, национализма, этнического шовинизма, фанатизма и терроризма» [4] плюс нового постсоветского тоталитаризма и авторитаризма и старого империализма. Кроме того, не было определено, что понятие «глобализация» отражает *объективно существующее единство противоположностей негативных и конструктивных его аспектов*. Скажем, *экономическая глобализация* в своих объективно существующих параметрах несет богатство одним индивидам, слоям и регионам, но продолжает нести нищету другим индивидам, слоям, регионам и целым расам, что по-прежнему порождает социальную и международную напряженность, чреватую конфликтами и даже, в конечном итоге, *глобальным конфликтом* бедных цивилизаций против богатой цивилизации *латинской культуры*. Вот почему одним из наиболее актуальных является сегодня вопрос: «...будет ли глобализация служить во благо бедных, или, сокращая географические расстояния, она будет расширять материальную и психологическую пропасть между привилегированными и обездоленными?» [3] Вот почему Генеральный секретарь ООН ставит вопрос об общепланетарном выборе: «Мы должны сделать выбор между мировым рынком, которым правит жажда мгновенной прибыли, и рынком, служащим благу человека. Между мировым сообществом, которое приговаривает четверть населения земного шара к голоду и нищете, и миром, который может предложить каждому хотя бы шанс на обеспеченную жизнь в здоровой окружающей среде» [4].

Экологическая глобализация – это единство объективно существующих процессов, продолжающих разрушение природы, уничтожение основ разумной жизни и жизни в целом на Земле и процессов, направленных на спасение природы и жизни. Какие из них возьмут верх?

Духовная глобализация в ее объективно существующих условиях ведет к развитию высокого уровня большие, развитые культуры, например, имперских народов и наций, и она же ведет к вымиранию меньших культур и их

квинтэссенции – национального сознания и национальных языков. Объективные устои духовной культуры человечества зиждутся на проповеди, с одной стороны, высоких морально-этических и эстетических норм *доброто и прекрасного*, с другой – мести, отчаяния, страха, насилия, алчности, вседозволенности и произвола. Объективно существующие процессы духовной глобализации несут, с одной стороны, понимание *достоинства личности и нации как высших ценностей человеческой культуры*, с другой – глобализация негативов духовной культуры ведет к разложению понятия и *реальности достоинства личности, народа*.

Говоря о «хрупкости глобализации», Кофи Аннан имел в виду, конечно, что ее негативные аспекты ныне еще превалируют в мире. В результате – отчуждение и неприятие этой идеи многими слоями населения Запада и, похоже, большинством не-Запада. «Но это не значит, что большинство людей хотело бы обратить вспять процесс глобализации. Это означает, что они стремятся к другой, более совершенной форме глобализации, чем та, которая существует у нас сегодня» [5]. Поэтому, чтобы снять возможность отчуждения от процесса глобализации, возможность ее неприятия, ее отрицания, чтобы сохранить идею и процесс глобализации, не стоит ли начать все с начала: с «выравнивания» самого понятия, с «уточнения» самих возможных условий и целей ее осуществления, с определения задач человечества по ограничению и полному снятию негативного в глобализации, по созданию условий реализации конструктивных ее аспектов?

Для этого с самого начала как минимум следует уточнить элементы, главные уровни содержания понятия, особенно те, которые постоянно подразумеваются творцами стратегии глобализации. Подразумеваются, но по причине некорректно понятого и толкуемого *национального интереса* утаиваются. Речь идет о внутривнутриполитическом и геополитическом, о социальном, правовом, духовном и экологическом ее элементах. Ведь думая о глобализации, ее западные творцы, конечно же, вынашивают идею демократизации на свой западный, элитарный манер всего человеческого общества, всех видов государственных устройств. То же происходит и с правовым ее элементом. Думая об утверждении идеи *абсолютной индивидуализации прав человека*, практически *отвергая или приглушая права народа и нации*, они, кроме защиты интересов личности, в не меньшей степени озабочены правами человека как универсальной отмычкой главного уставного положения ООН о неприкосновенности *суверенитета государств, народов, наций*, что выводит их уже на позиции идеологов транснационализма и нового мирового порядка. Неслучайно политический лексикон международных отношений конца XX столетия пополнился такими понятиями, как «ограниченный суверенитет», «гуманитарное вмешательство» и «гуманитарная интервенция», а политическая действительность – акциями агрессии против суверенных народов и государств.

Какими представляются нам основные уровни глобализации и новые принципы организации мира?

Для правильного осмысления понятия «глобализация» необходимо четко определить его основные уровни, структурные и содержательные элементы.

Экономическая глобализация. Новая глобальная экономика должна идти по пути уменьшения мировой бедности, к выравниванию доходов народов всего мира. Для этого она должна предполагать глобализацию мирового рынка, что требует тесной увязки местных, национальных, региональных рынков с мировым. Этот процесс невозможен *без открытости рынков друг для друга*, в первую очередь – рынков развитых стран. Открытый общепланетарный рынок, развитие финансовой помощи, ликвидация международных долгов – неперемные условия скорейшего прогресса развивающихся стран. «Горькой правдой является то, что для рынка самое главное – это успех и склонность наказывать бедных только за то, что они бедны», – заявил на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 1999 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан. Поэтому наряду с *открытостью рынков* в основу глобализации экономики должен лечь *Всеобщий договор*, предложенный тогда К. Аннаном, «охватывающий общие ценности и принципы, которые позволили бы придать мировому рынку *человеческое лицо*» (выделено мною. – Л. Е.) [5].

Техническая глобализация призвана выравнивать возможности технического развития всех стран и народов мира.

Информационно-технологическая глобализация должна предполагать не только возможность абсолютной связанности мира, не только возможность универсальной его информированности и информационно-технологического развития, но и необходимые меры для снятия вопроса о возможном едином мировом центре «управления мозгами», едином центре электронного влияния и слежения за каждой личностью. Полицентризм, полицентрическая демократия, подтягивание всех уровней информационных потоков до уровня полицентрической интерцивилизационной информационной технологии, твердые гарантии неприкосновенности бытия личности – главные цели информационно-технологической глобализации.

Экологическая глобализация должна иметь научно выверенную программу спасения жизни на планете, восстановления биологического разнообразия в регионах, пострадавших от техногенного вмешательства и природных катастроф.

Духовная глобализация должна предполагать не только равное положение всех религий и верований, равную значимость в жизни общества культур разных народов, но и решительные меры – экономические, информационные, политические, правовые – для признания высшей ценностью человеческого бытия *достоинства каждой личности, культуры каждого народа, каждой нации и каждой расы* – то есть общечеловеческой культуры и достоинства человечества в целом. Духовная глобализация должна исключить правовое и материальное неравенство в доступе к образованию и науке.

Социальная глобализация – это область, которая должна быть полностью изолирована от любых идеологических вмешательств и диктата. Она должна предполагать поступательное влияние на человеческий *социум и его структуру* объективно складывающихся экономических отношений и культуры народов. Социальная глобализация предполагает профессиональный труд каждому, глобальное медицинское обследование всем, медицинское и социальное обеспечение нуждающимся.

Политическая глобализация должна предполагать не только возможность демократизации человеческого общества по западным рецептам *элитарной демократии*, но и меры по созданию развитого гражданского общества на базе *общенародной демократии*, которая опирается в том числе и на региональные духовно-нравственные и политико-правовые особенности и обычаи Востока и Юга.

Правовая глобализация должна исходить не только из Всеобщей декларации прав человека, международных пактов и конвенций о правах человека, но и непременно из региональных и местных правил, норм и принципов человеческого общежития, акцентирующих внимание на *обязанностях человека и правах общины, народа, нации*. Она должна предполагать взаимоподтягивание различных региональных вариантов права до того уровня, на котором будет обеспечена *юридическая защита неприкосновенности достоинства личности, народа и нации, этноса и расы*, отрицание *глобализации* всего, что их унижает и подавляет.

Геополитическая глобализация опирается прежде всего на положения Устава ООН, гласящие, что в международном праве и международных отношениях все народы и нации равны. Речь должна идти *не о равенстве тождеств, а о равенстве различий; причем не о равенстве различий по содержанию* (здесь должно быть *тождество* высокого экономического развития, открытости рынков, сильных социально ориентированных моделей экономического развития, высокой культуры прав человека, национально-государственного суверенитета), а *о равенстве различий по форме* (организационные формы национально-государственных суверенитетов, духовная культура, традиции и обычаи, национальные языки).

Сегодня эта вера еще не стала реальностью, если принять во внимание, абстрагируясь от всего остального, два явления: отношение к энергетическим ресурсам, во-первых; отношение к ядерному и другим, нацеленным на массовое истребление людей, видам вооружений, во-вторых. Чтобы геополитическая глобализация в ее конструктивном варианте, т. е. в объективном установлении равенства больших и малых наций, стала реальностью, человечеству необходимо решить две задачи.

Первая, ближайшая задача: *полностью отказаться от ядерного и других видов и средств массового уничтожения жизни на Земле, осуществить всеобщее разоружение в целом.*

Вторая, самая главная из них: *разработать источник энергии, энергоноситель, доступный каждому из всех живущих на Земле народов независимо от степени его экономического и культурного развития.*

Актуальность сказанного возрастает в связи с тем, что разведанных энергоносителей при сохранении нынешних объемов их потребления человечеству хватит лишь на несколько десятков лет. Решение этих двух проблем лежит в основе реализации *равенства всех народов и наций* в реальном международном праве, в реальных международных отношениях.

Таковы, на наш взгляд, главные уровни глобализации мира, их главные содержательные элементы, конструктивные аспекты которых и обуславливают *новые принципы организации мира, новую парадигму его развития.*

Каким же образом можно сформулировать новые принципы организации мира, новую парадигму его развития? Вытекая из конструктивных аспектов глобализации, данная парадигма представляет собой набор следующих качеств: объединение успехов рыночной (капиталистической) экономики с сильной социально ориентированной (социалистической) моделью экономического развития; социальная структура социума определяется исключительно экономикой и духовной культурой народа и нации; социальное развитие обеспечивает каждому человеку профессиональный труд, нуждающемуся – медицинскую и социальную помощь; достижение равенства уровня технического развития всех уголков мира; развитие политической реальности идет в направлении от западной элитарной демократии к общенародной демократии гражданского общества на основе нравственно-политических ценностей Запада и Востока, Севера и Юга; в основе права – неприкосновенность достоинства личности, народа и нации; в основе человеческого самосознания – *равное достоинство* культур всех народов и наций, культуры человека как *Homo sapiens* в целом; всевозрастающая техногенная эксплуатация природы, совмещенная с эффективной программой превращения умерших и умирающих уголков природы в оазисы жизни; цивилизационный полицентризм информационных потоков; реальное равенство всех народов и наций в международном праве и международных отношениях, их безусловное право на *свободу самоопределения* и *реальный национально-государственный суверенитет*. Именно такими представляются эти принципы и парадигмы.

Все страны должны пережить *переходный период* в движении от сегодняшнего состояния глобализации к ее зрелому, завершённому состоянию. Главная цель этого движения – *снятие негативных аспектов глобализации, снятие негативной глобализации* как таковой. <...>

Глобализация означает избавление всех людей мира от безработицы, эпидемий, медицинской и социальной небезопасности, от различного рода гуманитарных катастроф, тоталитарно-авторитарных деспотических политических и экономических режимов и роста политической нестабильности; обеспечение законодательного преследования всякого нарушения прав человека

и народа, всякого унижения *достоинства личности, народа, нации*; прекращение процесса унификации личности, утверждение и укрепление человеческой солидарности как главного принципа гражданского общества.

Глобализация означает, наконец, через установление системы региональных противовесов (типа Евросоюза, Совета Европы) <...> переход к миру *беспольному и бесполусному*, от бесправия и неравенства в международных отношениях целых народов и стран к их *реальному равенству и диалогу*; утверждение суверенного государственного существования каждого народа, каждой нации, международное неприятие понятия и явления «*нового мирового порядка*», объявляющего об окончании эпохи национально-государственного самоопределения и суверенитета; преодоление беспрецедентного роста международного терроризма.

Когда мы говорим о проблемах перехода от сегодняшнего к зрелому состоянию глобализации, следует еще раз подчеркнуть: главными условиями осуществления конструктивных аспектов глобализации как *новых принципов организации мира и новой парадигмы его развития* являются *всеобщее ядерное разоружение и разоружение в целом, а также поиск принципиально нового энергоносителя, доступного любому народу на любой стадии его развития*.

Именно эти два свершения человечества могут стать ключом для перехода от старых антагонистичных принципов организации мира и старых парадигм его развития к *новым*. *Без их достижения мир будет продолжать двигаться к активной глобализации всех своих негативных качеств, к своему самоуничтожению. Бессмертие и дальнейшее прогрессивное развитие человеческой цивилизации заключено в решении в течение данного переходного периода этих двух задач*.

Каковы задачи Беларуси в процессе единения мира?

У каждого отдельного народа, у каждой отдельной нации в силу особенностей их исторического развития и объективно накопленных различий, связанных с негативными и конструктивными аспектами их восхождения, существуют свои задачи и проблемы в процессе глобализации мира. <...>

Каковы же конкретные задачи Беларуси в объективном процессе глобализации мира?

В *области экономической глобализации* сохранение старых экономических отношений и порядков командно-административной экономики представляет собой негативный аспект процесса глобализации. Чтобы войти в процесс конструктивной экономической глобализации, Беларусь должна разумно и решительно осуществить разгосударствление экономики. Она должна проводить политику формирования экономической укладности, основанной на абсолютно равных возможностях всех форм собственности: государственной, коллек-

тивной и частной. Именно такое отношение может сформировать *реальную многоукладность, реальное инвестирование и обновление фондов* промышленного производства. Именно на такой основе может быть реализована объявленная *социально ориентированная модель* экономического развития. <...> Идея «рыночной экономики с человеческим лицом» <...> продолжает реализовываться на капиталистической основе во всех высокоразвитых странах Запада, а на социалистических основаниях реализуется сегодня на Востоке (Китай, Вьетнам).

В области *технической глобализации* следует, всячески стимулируя развитие многоукладности, правовое равенство укладов и рыночные отношения, привести народное хозяйство республики к полному обновлению основных фондов производства.

В области *информационно-технологической глобализации* перед Республикой Беларусь стоит решение вопроса о разгосударствлении информационно-технологических средств и процессов, о предоставлении средствам массовой информации абсолютного права выбора авторов и участников передач и публикаций, о полной ликвидации цензуры при сохранении их финансирования государством и общего контроля со стороны государства за организацией работы и качеством СМИ.

В области *экологической глобализации* основной задачей является решение проблем, связанных с последствиями чернобыльской катастрофы; это решение вопроса о запрете строительства атомных электростанций на территории республики; <...> это возрождение лесных, водных и воздушных ресурсов страны и многое другое. Среди чего политика отчуждения результатов производства (особенно сельского хозяйства) в зонах загрязнения должна проводиться неукоснительно.

В области *духовной глобализации* основной задачей является достижение абсолютного равенства прав всех культур и религий в государстве. В этом плане необходимо предоставление национальной культуре белорусов, их национальному языку в государстве не только равного права, не только равного статуса, но и равного положения с русской культурой и русским языком. Это означает возрождение белорусскоязычных школ и детских садов, восстановление белорусского языка в государственном делопроизводстве и общении, в высшей школе, возрождение белорусской культуры и языка в семье. Кроме того, необходимо достигнуть абсолютного равенства в государстве всех традиционных церквей и религий, соблюдение их равной удаленности и равной приближенности к государству.

В области *социальной глобализации* необходимо осуществить отход от социальной политики советских времен с ее, по существу, *двухклассовым делением* общества на класс рабочих и класс колхозного крестьянства, не административными, а экономическими, решая вопрос о многоклассовом делении общества в зависимости от рода деятельности и прибыли, потребностей

и интересов в процессе производства материальных и духовных ценностей. Объективный процесс деления общества ведет, как нам представляется, к образованию следующих классов: *класс управленцев* (вертикали всех уровней), *класс крупных, средних и мелких собственников*, *класс рабочих* (в том числе сельскохозяйственных), *класс крестьян* (фермерские и одноособные хозяйства), *класс интеллигенции* (включая служителей церкви) и *военнослужащих*.

Предоставляя абсолютно равные права каждому классу в жизни общества и преимущества, следует исходить лишь из одного принципа: *количества и качества произведенных для общества материальных и духовных благ*. Социальная безопасность должна включать в себя трудовую занятость, медицинское и социальное обеспечение всего населения, и главное – *демографическую безопасность*.

В области политической глобализации следует осуществить переход к нормам общенародной демократии гражданского государства и общества, в которых политические права и власть будут в одинаковой мере принадлежать и большинству, и меньшинству.

В области правовой глобализации – закрепление четкого разделения власти на три самостоятельных ветви. <...> Главное сейчас в процессе позитивной правовой глобализации республики уйти *от уже сформировавшейся системы государственного права к праву общенародного гражданского общества, в котором основным критерием правомерных ограничений прав человека будет не закон как таковой, а постоянно действующий как обычное право закон неприкосновенности достоинства личности*.

В области геополитической глобализации следует осуществлять продолжение политического курса на безъядерный статус государства. Возможно, для нашей страны было бы целесообразно постепенно отказаться от армии, сделав упор на сильные пограничные и внутренние войска МВД.

Внешней политикой государства должна стать *политика разумного прагматического реализма*, реализация которой привела бы Беларусь к осуществлению идеи *равенства в международных отношениях и международном праве*, к завершению национально-государственному самоопределению, истинному национально-государственному суверенитету. Этот принцип означает, что Беларусь (как и любая другая страна) могла бы быть одновременно в союзе с Россией и в составе Евросоюза. Этот принцип мы именуем принципом *активного нейтралитета*. Переход *от нейтралитета неучастия* (замкнутый, пассивный нейтралитет) *к политике нейтралитета участия* – открытому, активному нейтралитету, дал бы возможность для реализации постулированной *многовекторной политики*. <...>

С решением проблем реализации отмеченных выше конструктивных аспектов всех составляющих глобализации как *новых принципов организации человеческого мира и парадигмы дальнейшего прогрессивного развития* будет

обеспечен *реальный всеобщий диалог цивилизаций*, который сегодня является пока еще несбыточной мечтой для большинства народов и наций, наиболее развитые из которых предпочитают *диалог неравных*, перерастающий часто в *имперский диктат и взаимотеррор*.

Об управлении процессом становления конструктивной глобализации

Главной задачей и целью всех этих усилий ООН является «*необходимость заставить глобализацию служить благу людей всего мира*», ибо «*если мы не сможем заставить глобализацию служить всем, то в конечном счете она не будет служить никому*» [5].

Думается, что воскрешая *идею конвергенции – многопланового схождения различий*, обновляя и усиливая главную идею *общепланетарного дома – все лучшее из каждого дома – в единый глобальный процесс*, учитывая серьезные наработки в области влияния на развертывание конструктивных аспектов процесса, *следовало бы полностью передать становление глобализации мира под управление Организации Объединенных Наций*. «...Только в этом случае может быть проявлена необходимая сдержанность и ответственность за будущее цивилизации, а также в полной мере соблюден Устав ООН, который обязалось выполнять подавляющее большинство государств мира. Коллективный разум Объединенных Наций, учитывающий мнение и опыт различных народов и основанный на *конструктивном диалоге цивилизаций*, позволит точно сформулировать необходимые в нынешних условиях меры» (выделено мною. – Л. Е.) [6].

Список использованных источников

1. Максименко, В. Призрак глобализма / В. Максименко // Православие. – 2000. – 21 марта.
2. Крейтор, Н. К. фон. Глобализм и национальная независимость / Н. К. фон Крейтор // Филос. газета. – 2001. – 23 дек.
3. Аннан, К. Обращение Генерального секретаря к Всемирному экономическому форуму 4.02.2002.
4. Аннан, К. Выступление на Всемирном экономическом форуме. 31.01.1999.
5. Аннан, К. Выступление на Всемирном экономическом форуме. 28.01.2001.
6. Линг, С. Пленарное заседание 56-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. – Нью-Йорк, 1.10.2001.

А. В. Сивицкий

Институт философии Национальной академии наук Беларуси;
Центр стратегических и внешнеполитических исследований, Минск, Беларусь

**СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ:
СИЛА, СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНФЛИКТЫ В СЕТЯХ**

Данная статья представляет собой концептуальный обзор применения сетевого подхода к исследованию международных отношений, который претендует на роль инновационной междисциплинарной методологии. Сетевой подход с помощью концепта сети и метода сетевого анализа позволяет исследовать сетевые структуры и производить количественные измерения их структурных характеристик. Его применение ставит под сомнение традиционные взгляды на силу акторов международных отношений, определяя ее через возможности доступа, посредничества и выхода из сети. Наиболее активно сетевой подход сегодня применяется в исследованиях причин, следствий и сетевых взаимозависимостей в распространении международных конфликтов и сотрудничества.

Ключевые слова: сетевой подход, международные отношения, сетевой анализ, сеть, актор, межгосударственный конфликт, сила, сотрудничество, социальный капитал, центральность

A. Sivitski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus;
Center of Strategic and Foreign Policy Studies, Minsk, Belarus

**THE NETWORK APPROACH TO THE STUDIES OF INTERNATIONAL RELATIONS:
POWER, COOPERATION, AND CONFLICT IN NETWORKS**

This article is a conceptual overview of the applying the network approach to the studies of international relations, which claims to be an innovative interdisciplinary methodology. The network approach with the help of the network concept and network analysis method allows investigating network structures and making quantitative measurements of their structural characteristics. Its application calls into question traditional views on the power of actors in international relations defines it as the possibilities of access, mediation and exit from the network. The network approach is most actively used today in studies of causes, effects, and network interdependencies in the spread of international conflict and cooperation.

Keywords: network approach, international relations, network analysis, network, actor, interstate conflict, power, cooperation, social capital, centrality

Введение

Сетевой подход, включающий в себя концепт сети и метод анализа социальных сетей, или сетевой анализ (СА), был применен в мир-системных исследованиях для выявления структурных факторов, определяющих неравенство в глобальной капиталистической мир-системе еще в 1960-е годы [1; 2]. С 1990-х годов наблюдаются попытки синтеза мир-системного и цивилизационного подходов [3, с. 75–78]. В результате сетевой подход начал активно использоваться и в цивилизационных исследованиях, а цивилизации стали пониматься как зоны сетевого контакта и культурного престижа [4] или как плотные сети торгово-экономического и военно-политического взаимодействия [5].

Однако дальнейшее применение данного подхода в мир-системных и цивилизационных исследованиях не получило глубокой методологической проработки, ограничившись пониманием цивилизаций и мир-систем как сетей взаимодействий культурно-символического [4, р. 421–423] и материального порядков [6, р. 41–56] соответственно. Исключение составляет оригинальная сетевая теория международных отношений Зеева Маоза, которая синтезировала результаты применения сетевого подхода в исследованиях глобальной капиталистической мир-системы и международных отношений [7]. В целом, начиная с 1990-х годов наиболее успешно и последовательно сетевой подход стал применяться именно в исследованиях международных отношений [8].

Центральность, социальный капитал и сила в сетях

В своем обзоре применения сетевого подхода к исследованию международных отношений Эмили М. Хафнер-Бёртон, Майлз Калер и Александр Х. Монтгомери показали, что в отличие от структурных подходов к изучению международных отношений, сосредоточенных на характеристиках акторов и статическом равновесии, СА придает особое значение тому, как материальные и социальные отношения через динамические процессы порождают сетевые структуры, элементами которых являются акторы. Применение сетевого подхода поставило под сомнение традиционные взгляды на могущество и силу в международных отношениях. Обобщив результаты ряда работ, исследователи определили силу в сети через возможности доступа, посредничества и выхода из сети [9, р. 559–562].

Сетевой анализ имеет дело с отношениями, определяемыми связями между узлами (агентами, или акторами). Узлы могут представлять собой как отдельных лиц, так и коллективных агентов, таких как организации и государства. СА направлен скорее на изучение связей между узлами, чем на характеристики отдельных узлов и основывается на трех принципах: 1) узлы и их поведение являются взаимозависимыми, а не автономными; 2) связи между

узлами могут представлять собой каналы передачи как материальных (например, вооружение, финансы или инфекции), так и нематериальных (например, информация, верования и нормы) артефактов; 3) устойчивые модели отношений между узлами порождают структуры, которые задают характеристики узлов, создают для них благоприятные возможности или ограничивают их. Сети можно определить как множество или множества связей между любым множеством или множествами узлов. Сила связи осмысливается как сочетание величины и частоты взаимодействий между узлами.

Распределение связей в сети наводит на мысль о двух важных структурных характеристиках: центральности (важности) узлов в сети и разделении сетей на подгруппы. Варианты центральности в сети включают степень (degree), близость (closeness) и посредничество (betweenness). Центральность узла по степени определяется суммой весов связей между данным узлом и любым другим узлом в сети. Данный показатель говорит о том, какой доступ конкретный узел имеет к другим узлам. Центральность по близости рассчитывается на основании длины пути между данным узлом и любыми другими узлами. Этот показатель отображает время, необходимое для того, чтобы информация или ресурсы распространились по сети до узла. Центральность по посредничеству соответствует числу самых коротких путей в сети, проходящих через узел и, таким образом, этот показатель отражает то, насколько сеть зависит от конкретного узла в том, что касается поддержания связности (connectedness).

Центральность по собственному вектору (eigenvector centrality) учитывает не только связи данного узла и их силу (strength), но также центральность остальных узлов. Сходным образом в случае информационной центральности путям приписывается различный вес, чтобы учесть не только расстояния от данного узла до других узлов, но также силу связи между ними, определяемую вероятностью передачи (transmission) по всем возможным путям. Поточковая центральность по посредничеству (flow betweenness centrality) вместо регистрации или определения только кратчайших путей учитывает силу всех путей между узлами и позволяет измерить долю общего потока ресурсов, контролируемого одним актором. Степень централизации в сети, то есть то, насколько другие узлы полагаются на отдельный узел, может быть рассчитана на основании любой из упомянутых концепций центральности.

Двумя наиболее значительными реляционными механизмами образования новых сетевых связей являются структурный баланс и структурная эквивалентность. Теории структурного баланса (или переходности, транзитивности) предполагают, что между тремя узлами могут наличествовать только определенные модели положительных (приязнь, affect) и отрицательных (неприязнь, enmity) связей. В основном, это модели «друг моего друга – мой друг» и «враг моего врага – мой друг». Структурная эквивалентность позволяет предположить, что узлы в схожих структурных положениях относительно других

узлов будут вести себя сходным образом. С большой долей вероятности данные узлы установят связи при условии, что они не конкурируют за ресурсы.

Индивидуальные механизмы образования сетевых связей включают гомофилию, стремление узлов к образованию связей на основании общих характеристик, или гетерофилию, при которой узлы образуют связи, чтобы совместно использовать сильные стороны и свести к минимуму слабые.

Сетевой подход также пытается объяснить способы, которыми отдельные узлы, совокупности узлов и целые сети оказывают влияние на представляющие интерес процессы и результаты. Например, узлы с высокими показателями центральности в сети обладают большим социальным капиталом, то есть ресурсами, полученными за счет членства в сети [9, р. 563–568].

Два конкурирующих подхода к вопросу социального капитала приписывают различным структурным позициям больший или меньший вес. Первый подход полагает, что узлы, расположенные между кластерами сети в структурных пустотах (высокий показатель центральности по посредничеству), получают большой социальный капитал. Второй подход придерживается позиции, что узлы, хорошо связанные в целом (высокие показатели центральности по степени или по собственному вектору), получают больше ресурсов через свои сетевые связи. Узлы с высокими показателями центральности по близости или информационной центральности также будут быстрее получать информацию, чем периферийные узлы.

Узлы в сплоченных подгруппах (*cohesive subgroups*) благосклонно относятся к членам подгруппы и враждебно настроены к внешним узлам. Узлы в структурно схожих кластерах сталкиваются со схожими трудностями и благоприятными возможностями и, таким образом, с большей вероятностью действуют схожим образом. Однако схожее поведение не предполагает сотрудничества. Структурно эквивалентные узлы также могут конкурировать в зависимости от ролей, предполагаемых их позициями.

Сила в сети, или сетевая сила, определяемая как доминирующее положение в сети, в которой ценная информация и редкие ресурсы передаются от одного актора к другому, обычно связана с одним из конкурирующих определений центральности. Например, узел сети с высоким показателем центральности по степени (сильные связи со многими другими узлами) может обладать социальной властью, получая легкий доступ к ресурсам и информации от других узлов благодаря своему центральному положению. Социальная сила позволяет узлу, – будь то государство, организация или частное лицо, – не только получить доступ к благам, принимаемым от остальных членов сети, но и оказывать влияние на поток информации между узлами и изменять общие представления об относительных возможностях, общих интересах или нормах.

Некоторые исследователи международных отношений восприняли понятие центральности по степени как равнозначное понятию социальной силы [10, р. 7–12]. Акторы с более высоким показателем центральности в междуна-

родной системе могут ограничивать получение социальных благ, таких как участие в какой-либо группе или признание, а также использовать социальные санкции, например изоляцию как средство принуждения, и надеяться на дополнительную поддержку в случае конфликта [11, р. 417–420]. В частности, государства и сообщества с привилегированными положениями в системе международных организаций способны в значительной степени определять повестку дня, влиять на ход обсуждения насущных вопросов и продвигать выгодный для себя политический курс в отличие от непривилегированных государств и сообществ. Подобное положение вещей обусловлено «структурным неравенством» (*structural inequality*), которое в свою очередь основывается на степени централизации в сети межправительственных организаций [12, р. 219–221].

Доступ к сети может налагать ограничения на автономность, равно как и создавать возможности для оказания влияния. Направление влияния в сети редко бывает односторонним, даже если она асимметрична. Например, государства, являющиеся частью союзнической сети, часто попадают в конфликтные ситуации, которых они предпочли бы избегать; нередко торговые связи используются для введения экономических санкций; правовые связи могут быть задействованы для принуждения к соблюдению установленных требований и т. д. Сетевые структуры и связи порождают и определенные поведенческие ожидания: государства в определенных позициях должны играть определенные роли.

Сила также может возрастать, если узел имеет исключительную связь с другими изолированными или слабо связанными узлами либо группами узлов. Государства и прочие международные акторы в подобных положениях могут приобретать влияние как посредники. Узел, перекрывающий структурную пустоту, превращает социальный капитал в социальную силу [13, р. 1170–1172]. Узел, выступающий как мост или посредник, с определенной долей вероятности получает влияние благодаря своей центральности (определяемой как промежуточность, т. е. центральность по посредничеству), так как он может обеспечить единственную связь с большей сетью. Сила по посредничеству или предполагаемые инструменты влияния являются зеркальным отражением возможности доступа: в первом случае сила проистекает из связей с менее центральными узлами, а во втором – влияние порождается связями с другими центральными узлами [14, р. 357].

Последняя форма силы в сети основана не на центральности узла в сети, но на возможности выйти из сети, разорвать связь. Если переговорная сила представляет собой силу узлов-посредников, то социальная сила присуща узлам с высокими показателями связности, а силой как возможностью выхода часто располагают менее интегрированные узлы на окраинах сетей. Усилия на стратегическом уровне по использованию переговорной силы могут привести к возникновению угрозы выхода тех узлов, на которые данные усилия

направлены. Следовательно, существование неких возможностей за пределами сети становится критически важным для оценки сетевой силы подобного рода. Правила, определяющие установление связей в сети, также задают вероятность угрозы выхода, таким образом, если узлы устанавливают связи преимущественно с узлами с высокими показателями связности в сети, то уменьшается вероятность угрозы выхода. Однако если социальная сила узла уменьшается, то угроза выхода становится более вероятной.

Узлы, обладающие переговорной силой, будут стремиться уменьшить риск выхода как путем усиления мер дипломатического воздействия на партнеров по сети, так и посредством принуждения.

Два следующих вопроса, касающиеся сетевой силы, особенно важны для международных отношений: 1) могут ли акторы увеличить свою силу, улучшая свое положение в сети и используя его; 2) может ли сила в сети быть использована для того, чтобы дополнить или компенсировать другие типы силы (взаимозаменяемость сил). Социальная сила, основанная на положении в сети, не всегда точно соответствует другим показателям силы, таким как военные возможности и экономический вес. Сетевая сила способна компенсировать прочие типы силы в международной политике, но, кроме того, сетевая сила может быть самоусиливающейся и существенно усиливать неравенство в международной системе отношений. Акторы, умеющие создавать для себя благоприятные позиции в сети и использовать их во множественных сетях (особенно государственные акторы среднего уровня, открытые и хорошо связанные), приобретают влияние на более слабые акторы с менее центральным положением в сети [9, p. 570–589].

Международные конфликты и сотрудничество в сетях

Наиболее активно сетевой подход сегодня применяется в исследованиях причин и следствий межгосударственных конфликтов [15]. Так, Хан Доруссен, Эрик Грацке, Оливер Вестервинтер предлагают применять СА тремя различными способами для исследования проблем международных конфликтов и сотрудничества [16].

Во-первых, концепт «сети» может быть использован как теоретический инструмент для объяснения отношений между государствами и другими акторами в международной системе за пределами диад [16, p. 284–285]. Для любой пары государств (диада) действия одного актора не являются свободными от влияния прочих акторов, что порождает сложную систему взаимозависимостей. В дополнение к высокоуровневым зависимостям в пределах единичной сети взаимозависимости существуют между различными сетями. Например, структура связей в сети совместного участия в межправительственных организациях (МПО), которая оказывает влияние на области деятельности за пределами сферы безопасности, может определять решения государств

о создании союзов, членстве в них или их прекращении в дополнение к внешним ковариатам (переменным) и сетевым взаимозависимостям в пределах союзнических сетей. Сходным образом структура отношений союзнической сети может оказывать влияние на связи в торговой сети.

Во-вторых, СА может быть использован для проведения количественных исследований. Многие показатели в системе международных отношений (могущество, кластеризация и косвенные связи) затруднительно измерить, если государства или диады рассматриваются изолированно. Например, использование многоагентного моделирования (Agent-Based Modeling, ABM) позволяет изучить, как потрясения приводят к перестройке союзнической сети. Для этого используется ряд сетевых показателей, чтобы измерить связность (connectivity) и согласованность (consistence) на уровне страны, диады и системы в период после потрясений.

Для построения модели заключения договоров о ненападении как многостороннего процесса применяется k -адический анализ (k -adic analysis). В свою очередь, чтобы оценить уровень угрозы и соперничества в стратегическом окружении, используется аналитический показатель плотности недавно прекращенных конфликтов (recent rivalry cessation). Так, группы государств с большими показателями плотности в значительно большей степени склонны заключать договоры о ненападении.

Другой показатель, объединяющий групповую центральность и торговую зависимость, демонстрирует, как симметричные и асимметричные косвенные торговые связи влияют на конфликты между государствами. Косвенные торговые связи часто противодействуют влиянию двусторонних торговых отношений, ослабляя умиротворяющее воздействие симметричных торговых связей и снижая конфликтогенное воздействие несимметричных.

В-третьих, СА можно применять в качестве инструмента для получения статистически достоверных выводов об определяющих факторах и последствиях конфликтов и мира между государствами. Стандартные статистические модели полагают, что результаты наблюдений независимы, сетевые статистические модели, такие как экспоненциальные модели случайного графа (exponential random graph models, ERGM) или стохастические акторно-ориентированные модели (stochastic actor-oriented models, SAOM), сделали данное требование менее строгим. В отличие от традиционных статистических методов данные модели не только вносят поправку на зависимость наблюдений, но и позволяют исследователям напрямую оценить сложные внутренние взаимозависимости и то, как эти взаимоотношения влияют на распространение конфликтов и мира. Включение подобных внутренних взаимозависимостей в статистические сетевые модели должно основываться на тщательных теоретических построениях о причинных механизмах, которые связывают внедиадные взаимозависимости и поведение интересующих государств.

При исследовании связей между межгосударственными военными союзами, международными конфликтами и демократизацией внутривластной жизни государств используется динамическая актор-ориентированная сетевая модель коэволюции (dynamic co-evolutionary actor-oriented network model).

Использование методов пространственной эконометрики позволяет исследовать феномен международного посредничества в сфере конфликтов. Сосредотачиваясь на «существенных» (substantive) связях между кризисами, представленными в виде их обобщенных характеристик, исследователи получают возможность выявить механизмы, посредством которых как сами кризисные ситуации, так и вовлеченные в них стороны подпадают под влияние кризисных посредников. Введение тензорной регрессии позволяет работать с данными не независимых наблюдений, а также изучать динамичные параллельно развивающиеся сети (co-evolution networks) [16, p. 286–288].

В значительной степени под влиянием экономических исследований к изучению сетей был применен стратегический теоретико-игровой анализ, так называемые игры на сетях, который способствовал пониманию причин, побуждающих акторов к установлению (разрыву) связей в сетях. Перспективным направлением исследований является применение игр формирования сетей (network formation games), описывающих образование коллективных акторов (коалиций), которые рассматриваются как одиночные игроки в теоретико-игровых моделях; они могут быть выявлены при помощи методов определения клик, группового анализа или блок-моделей [17, p. 277–278].

Теория сетевых игр подтолкнула к рациональному объяснению факторов, определяющих игры для двух акторов, и показала, какая информация будет передаваться, а какая будет утаиваться, а также то, как прямые и косвенные связи влияют и накладывают ограничения на стратегические решения. Большинство исследований объясняют конфликт и сотрудничество через феномен равновесия в играх на сетях [18, p. 311–316].

Заключение

Итак, сетевой подход позволяет исследовать сетевые структуры и производить количественные измерения их структурных характеристик – эмерджентных свойств устойчивых моделей отношений между акторами (агентами, узлами), которые предоставляют определенные возможности данным агентам или ограничивают их. Сетевой подход переосмыслил феномен силы в международных отношениях. Теперь она не определяется исключительно или даже преимущественно характеристиками отдельных узлов, например их материальными возможностями, а предполагает связь между социальным капиталом и центральностью в сети.

Такие методы, как стохастические акторно-ориентированные модели (SAOM), динамические модели сетевой коэволюции, сетевые модели скрытых состояний (latent positions), k-адический анализ, открывают новые перспективы в исследовании

довании роли сетевых взаимозависимостей в распространении международных конфликтов и сотрудничества, а стратегический теоретико-игровой анализ раскрывает механизмы зарождения сетевых коллективных акторов и их моделей поведения (конфликт – союзничество).

Вместе с тем частичное или ошибочное использование сетевого подхода к исследованию международных отношений влечет риск получения малозначительных выводов, бездоказательных утверждений и бессодержательных количественных показателей.

Список использованных источников

1. Lloyd, P. Looking back and forging ahead: thirty years of social network research on the world-system / P. Lloyd, M. C. Mahutga, J. De Leeuw // *Journal of World-System Research*. – 2009. – Vol. 15, № 1. – P. 48–85.
2. Сивицкий, А. В. Применение метода анализа социальных сетей в мир-системном подходе / А. В. Сивицкий // *Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук*. – 2017. – № 1. – С. 24–32.
3. Браславский, Р. Г. Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы / Р. Г. Браславский // *Петербургская социология сегодня*. – 2009. – № 1. – С. 68–82.
4. Collins, R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact / R. Collins // *International Sociology*. – 2001. – № 3. – P. 421–437.
5. Wilkinson, D. Civilizations as networks: trade, war, diplomacy, and command-control / D. Wilkinson // *Complexity*. – 2002. – Vol. 8, № 1. – P. 82–86.
6. Chase-Dunn, Ch. Rise and Demise: Comparing World-Systems / C. Chase-Dunn, T. D. Hall. – Boulder : Westview Press, 1997. – 336 p.
7. Сивицкий, А. В. Сетевая теория международных отношений З. Маоза: методологические предпосылки и основные положения / А. В. Сивицкий // *Филос. исследования : сб. науч. ст.* – Минск : Беларусь. наука, 2019. – Вып. 6. – С. 58–68.
8. Дегтерев, Д. А. Сетевой анализ международных отношений / Д. А. Дегтерев // *Вест. СПбГУ. Сер. 6, Политология. Междунар. отношения*. – 2015. – № 4. – С. 119–138.
9. Hafner-Burton, E. M. Network Analysis for International Relations / E. M. Hafner-Burton, M. Kahler, A. Montgomery // *International Organization*. – 2009. – Vol. 63. – P. 559–592.
10. Hafner-Burton, E. Power Positions: International Organizations, Social Networks, and Conflict / E. Hafner-Burton, A. Montgomery // *Journal of Conflict Resolution*. – 2006. – Vol. 50, № 1. – P. 3–27.
11. Beckfield, J. Inequality in the World Polity: The Structure of International Organization / J. Beckfield // *American Sociological Review*. – 2003. – Vol. 68, № 3. – P. 401–424.
12. Beckfield, J. The Dual World Polity: Fragmentation and Integration in the Network of Intergovernmental Organizations / J. Beckfield // *Social Problems*. – 2008. – Vol. 55, № 3. – P. 419–442.
13. Bonacich, P. Power and Centrality: A Family of Measures / P. Bonacich // *American Journal of Sociology*. – 1987. – Vol. 92, № 5. – P. 1170–1182.
14. Burt, R. S. The Network Structure of Social Capital / R. S. Burt // *Research in Organizational Behavior*. – 2000. – Vol. 22. – P. 345–423.
15. Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов / Ф. Т. Алескеров [и др.] // *Полит. наука*. – 2016. – № 4. – С. 111–136.
16. Dorussen, H. Networked international politics: Complex interdependence and the diffusion of conflict and peace / H. Dorussen, E. A. Gartzke, O. Westerwinter // *Journal of Peace Research*. – 2016. – Vol. 53, № 3. – P. 283–291.
17. Scharpf, F. W. Games real actors could play: the challenge of complexity / F. W. Scharpf // *Journal of Theoretical Politics*. – 1991. – № 3. – P. 277–304.
18. Gallop, M. B. Endogenous networks and international cooperation / M. B. Gallop // *Journal of Peace Research*. – 2016. – Vol. 53, № 3. – P. 310–324.

О. В. Иванов, Н. А. Кутузова, А. В. Сивицкий

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ: ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Данная статья посвящена обзору современных теоретико-методологических подходов к прогнозированию глобальных процессов. Авторы подчеркивают сложность и неоднозначность геополитических прогнозов. С ссылкой на англоязычные исследования показано многообразие прогнозирования с учетом исторических событий, географических и негеографических переменных, принятое разграничение на классическую и критическую геополитическую теории и далее на формальную, практическую и популярную геополитические теории, феминистскую, а также теории, основанные на репрезентативных и нерепрезентативных подходах. В качестве наиболее перспективных подходов авторы выделяют стратегический форсайт и сценарное, игровое моделирование.

Ключевые слова: геополитика, прогнозирование, глобальная социодинамика, сценарное прогнозирование, стратегический форсайт

O. Ivanov, N. Kutuzova, A. Sivitski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

FORECASTING GLOBAL PROCESSES: BASIC THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES

This article proposes an overview of current theoretical and methodological approaches to forecasting global processes by stressing its complexity and their ambiguity. With reference to English-language sources, the text presents state-of-art forecasting as a synthesis of historical events with geographic and non-geographic variables. It considers distinctions first between the classical and critical geopolitical theories, through formal, practical, popular and feminist geopolitics, ending with representative versus non-representative approaches. It finally pinpoints as long-term most promising both strategic and scenario forecasting, and game modelling.

Keywords: geopolitics, global sociodynamics, forecast, scenario forecasting, strategic foresight

В современном взаимосвязанном и стремительно меняющемся мире события и тенденции в различных сферах человеческой жизни взаимодействуют друг с другом непредсказуемыми способами, что приводит к неожиданным эффектам, от предвидения и контроля над которыми зависит сам факт выживания человечества. Современная динамика глобальных процессов все больше

соответствует характеристикам глобальной самоорганизующейся критичности, часто ассоциирующейся с высокими рисками неопределенности и нестабильности. Внимание к прогнозированию в рамках научных исследований сопровождается растущими ожиданиями политического сообщества и международных организаций в отношении того, что исследования в области глобальных процессов должны обеспечить раннее предупреждение конфликтов и других человеческих бедствий [1, р. 5]. Предоставление прогнозов, направленных на минимизацию неопределенности и предвидение рисков, является одной из самых актуальных и одновременно сложных задач для социальных наук, социальной философии, философии международных отношений. Способность предметной области исследований давать точные прогнозы часто рассматривается как одно из основных доказательств их эвристического потенциала, но усложняющиеся характеристики социальных систем под влиянием технологических трендов делают прогнозные исследования весьма проблематичными. Данное положение требует отказа от господства в социально-гуманитарном знании детерминистской парадигмы, связанной с взаимодействием объектов и сил и ориентированной на последовательные изменения. Так как мир становится более сложным, классические теоретические модели все менее способны объяснять происходящие в нем изменения [2; 3].

Традиционно наибольшее количество прогнозов развития глобальной социодинамики среди социальных дисциплин приходится на международные отношения или смежные междисциплинарные области, такие как стратегические или глобальные исследования. Однако, как показывает масштабный исследовательский проект, выполненный коллективом из 18 российских ученых в течение двух лет, в ходе которого было рассмотрено 5559 статей, опубликованных с 1992 по 2014 г. в ведущих академических журналах, прогнозирование международных отношений происходит путем широких генерализаций, а не в форме анализа вероятности конкретных событий. Генерализация данных сводится к увеличению количества номоскопических прогнозов, то есть стремящихся сформулировать обобщающие закономерности. Количество же идиоскопических прогнозов, в которых речь идет о ситуации, разворачивающейся в конкретном временном промежутке с определенным набором действующих акторов и их характеристиками, остается стабильно небольшим. Подобное положение вещей свидетельствует, что исследователи по-прежнему избегают «трудных проблем» [4], которые впервые были обозначены в 2000 г. группой американских ученых и сопряжены с движением по пути обобщений и выявлением генерализированных предсказательных закономерностей [5].

Сегодня помимо номенологическо-дедуктивных и повествовательно-сценарных видов прогнозов исследователи выделяют прогнозы, основанные на различных уровнях методологической организации и структурированные в спектр от наиболее до наименее системно организованных. В этой типологии прогнозы, созданные при помощи искусственного интеллекта, квалифицируются

как наиболее систематизированные, а нормативные прогнозы – как наименее систематизированные. Между этими двумя крайностями появляются хорошо систематизированные прогнозы, построенные на симуляционном моделировании, менее систематизированные прогнозы, основанные на моделях, и еще менее систематизированные – экстраполяционные прогнозы [6, р. 68–69].

Альтернативой является трехкомпонентная типология подходов к прогнозированию глобальных процессов, включающая структурный подход, анализ временных рядов и теоретико-игровое моделирование. Структурный подход предназначен для прогнозирования риска того, что географическая единица (страна, регион или город) испытает определенное поведение в последующие временные периоды с учетом важных характеристик данной единицы в настоящее время. Подход, основанный на временных рядах, касается относительно коротких временных периодов, когда ситуация быстро меняется. Теоретико-игровое моделирование подходит прежде всего для прогнозирования закономерностей принятия решений, так как эмпирическая база для прогнозистов в основном состоит из экспертных оценок [1, р. 6–7].

Различают прогнозы, основанные на данных и на моделях. Прогнозы, основанные на данных, содержат небольшое количество допущений по предмету исследования. Прогнозы, основанные на моделях, бывают неформальными, формальными, агентными и вычислительными [7].

Главными конечными целями прогнозирования выступают: 1) понимание неизвестного; 2) контроль над будущими результатами; 3) понимание общей динамики системы для оценки нынешних условий; 4) планирование на ближайшее будущее. При прогнозировании глобальных процессов важно учитывать: 1) различные роли государств, их позиции в глобальной политике и средства, с помощью которых они осуществляют свои отношения с другими государствами; 2) детерминанты силы и уязвимости, а также глобальные последствия диспропорций в области военного потенциала и социально-экономического неравенства; 3) ограничения ресурсов, их доступность и использование; 4) социально-экономические и политические последствия технологического развития и распределения знаний и навыков; 5) политические и социально-экономические последствия демографических изменений и нагрузок на природные ресурсы; 6) конфигурацию национальных представлений, взглядов и установок; 7) глобальные последствия активностей негосударственных субъектов, многонациональных корпораций, международных учреждений и транснациональных организаций; 8) связь международной политики с международным сообществом и взаимозависимость между международной политикой и международной экономикой [6, р. 63–64].

Проблема прогнозирования развития глобальной социодинамики связана не только с принципиальной недетерминированностью будущего, но и субъектностью акторов международных отношений, которая характеризуется свободой выбора действий и стратегий, потенциально влияющих на будущее.

Однако долгосрочное прогнозирование вызывает все большее недоверие, в небольшой степени потому, что чаще прогнозы оказывались неверными [8]. В связи с этим альтернативным прогнозированию подходит выступая подход, получивший название стратегического форсайта (от англ. *foresight* – «предвидение»).

Стратегический форсайт отличается от прогнозирования тем, что он рассматривает невероятное и вероятное, возможное и невозможное, правдоподобное и предпочтительное будущее в равной степени. Форсайт имеет отношение к процедурам предвидения [9] и является частью стратегического мышления, предназначенного для раскрытия расширенного диапазона восприятий доступных и возможных вариантов развития событий [10]. Однако вместо создания прогнозов, основанных на экстраполяции текущих тенденций или частоте аналогичных событий в прошлом, форсайт скорее развивает способность предвидеть альтернативное будущее и визуализировать различные возможные результаты и их последствия [11, р. 16]. Таким образом, форсайт связан с процессами предвидения, которые определяют возможности и угрозы, способные возникнуть в среднесрочной и долгосрочной версиях будущего. Как способ мышления форсайт также поощряет инновации, стратегическую оценку и проактивное формирование будущего, выражающееся в поведенческих стратегиях различных акторов глобальной социодинамики с учетом представлений о будущем. Выделяют три этапа создания стратегического форсайта: 1) сбор информации, или «исследование/сканирование внешней среды»; 2) интерпретация данных и изложений версий будущего; 3) разработка вариантов для действия [12, р. 3–8].

Методологический инструментарий стратегического форсайта включает такие методы, подходы и техники, как анализ взаимного влияния факторов и матричный способ прогнозирования (Cross Impact Analysis); системный подход; имитация операционных условий (Wind Tunneling); среднесрочное и долгосрочное планирование в условиях глубокой неопределенности; ситуационный анализ и осведомленность о возможных, вероятных и предпочтительных будущих альтернативах; упреждающее сканирование горизонта и выявление трендов (Horizon Scanning and Trend Analysis); анализ больших данных в условиях реального времени; сценарное моделирование и др. Стратегический форсайт предполагает не только изучение возможных сценариев и путей их развития, выявление будущих рисков и возможностей, а также систематическую репетицию потенциальных ответных мер на вызовы неопределенности со стороны различных акторов [13, р. 26–47].

Одним из известных примеров применения стратегического форсайта является доклад «Global Trends 2030: Alternative Worlds» («Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры») [14]. С 2020 г. Европейской комиссией принято решение проводить регулярные ежегодные стратегические форсайты с целью выработки рекомендаций для усиления устойчивости (resilience) Европейского союза и его государств-членов к глобальным вызовам и неопреде-

ленностям будущего в четырех взаимосвязанных измерениях: социально-экономическом, геополитическом, экологическом и цифровом [15].

Геополитические исследования стремятся к прогнозу как к конечной цели [16]. Стратег может сформулировать правдоподобные сценарии и быть готовым к более или менее адекватному реагированию на события. Американский социолог Х. Корради призывает видеть риски в прогнозировании в случае взаимодействия разновеликости и диспропорций развития, но не упускать из виду и случайные выгоды [17]. Анализировать потенциал необходимо для того, чтобы соотнести диспропорции величины и степени развития. Это неперемное условие надлежащего стратегического видения, под которым ученый подразумевает (а) гибкую реальную политику (пристальное внимание к фактам и рассмотрение всех возможных сценариев) и (б) ориентировку на универсальные ценности, которые не ограничиваются национальными границами [17]. По замечанию Х. Корради [17], в эпоху глобализации время и пространство предельно сжаты. Сегодня гораздо проще общаться на большом расстоянии, но гораздо сложнее узнать, куда нас ведут коллективные сети и индивидуальные связи. Иногда непредвиденное обстоятельство производит эффекты, которые в конечном счете кажутся predetermined. Утверждение «*Post hoc ergo propter hoc*» (после этого – следовательно, из-за этого) является ошибкой: мы склонны проецировать необходимость на в принципе непредвидимые обстоятельства. Американский исследователь Я.-Дж. Григель подчеркивает, что следует избегать поспешных прогнозов, но необходим аргументированный анализ альтернативных сценариев [18]. Надлежащее владение принципами геополитического прогноза позволяет определить всего лишь вероятное направление внешней политики государства.

Для повышения точности прогноза необходимо прежде всего учитывать события исторического прошлого. Геополитика – сложная сфера, где самые разные акторы участвуют в стратегических расчетах. Их действия часто имеют стратегические последствия даже в отсутствие расчета. Субъектами геополитики являются крупные и малые, центральные и маргинальные, независимые и зависимые, государственные и негосударственные акторы, в том числе и отдельные люди. Со временем возникают непропорциональные эффекты от действий и решений, которые вначале кажутся незначительными или противоречащими очевидной логике развития. Трудно заранее и с точностью определить, какие именно события окажутся историческими. Х. Корради полагает, что история полна примеров событий, которые не казались значимыми, но оказали решающее значение в долгосрочной перспективе [17]. Однако есть события, которые поначалу кажутся важными, но не оставляют длительных последствий.

Чтобы предсказать и объяснить поведение государств, необходимо учитывать как их внутренние особенности во всей их сложности, так и географическое место действия. Взаимное расположение государств иногда имеет

решающее значение для понимания их поведения. Государства действуют в реальном, физическом, иерархически стратифицированном и поляризованном мире [18]. Учитывать только военный потенциал недостаточно для объяснения и предсказания поведения и состояний. Фактически государства балансируют не против силы, а против угрозы, которая является функцией четырех переменных: совокупной силы, наступательной силы, агрессивных намерений и географической близости. Геополитика поэтому использует такие базовые географические переменные, как «дистанция» и «близость», чтобы объяснить функционирование «баланса угроз». Более полное понимание значения географии, по выражению Д.-Т. Мёрфи [16], можно получить путем совмещения инструментов науки (аналитического исследования и описания) и средств искусства (интуиции, синоптического представления, творческого предположения).

Факторы этнической и культурной принадлежности были и остаются важными составляющими прогноза. Х. Корради, рассуждая об уже упомянутом стратегическом ориентировании на универсальные ценности вне национальных рамок, считает, что культурные переменные скорее переплетаются, чем остаются независимыми в качестве факторов геополитики. Американский социолог ссылается на исследования роста популизма на Западе, которые показывают, что культурные ценности зачастую являются лучшими предикторами голосования за правые и левые популистские партии, чем явные экономические лишения [17].

А. Аниевас и К. Нисансиоглу рассматривают в качестве ключевого для геополитического прогноза в рамках развития капитализма подход «Мир-Система» (World-Systems) с его наиболее влиятельным представителем И. Валлерстайном [19]. Подобно тому как в исследованиях происхождения капитализма господствует приверженность методологически евроцентрическому (или англоцентрическому) анализу, авторы выделяют среди недостатков подхода «Мир-Система» его устойчивый евроцентризм. Существование капитализма полагается в качестве разумеющегося исходного условия в постколониальных исследованиях, сам по себе дискурс постколониализма представляет собой важный методологический и теоретический вклад в изучение истоков капитализма [19]. Исследователи постколониализма сосредотачивались на опыте появления капитализма в «других» странах, то есть странах, которые находятся за пределами Европы. Китайско-индийский геополитический эксперт из Вестминстерского университета Д. Ананд [20] изучает геополитический и геокультурный феномен «других стран» в качестве общей практики формирования европейской идентичности и как набор репрезентаций, с помощью которых Запад утвердил себя в качестве основной мировой политической и культурной идентичности. Например, образ Советского Союза был сконструирован в форме опасного «другого», чтобы создать идеологическое обоснование для построения системы национальной безопасности США. По

мнению А. Аниеваса и К. Нисансиоглу, подход постколониализма является перспективным инструментом анализа поведения стран, входивших в состав империй [19].

З. Гштэль и Э. Лэннон пишут, что принятие включительного политического подхода и, таким образом, включение в анализ «других» политических практик позволяет преодолеть «территориальную ловушку» внешней политики, которая включает в себя превратное представление об исторических отношениях между странами, социально-экономическими системами и геополитическими порядками как формами пространственной практики государств [21]. Геополитическая теория «Мир-Система» имеет многие достоинства, но ее недостатки не позволяют достичь полноты геополитических представлений. Подчеркивая важный вклад, который эта теория внесла в изучение генезиса капитализма на протяжении долгого времени, Я.-Дж. Григель утверждает, что этот подход по-прежнему недостаточно эффективен [18].

Переходя собственно к современным технологиям прогнозирования, необходимо заметить, что в наиболее общем виде классическая геополитика изучает тот мир, с которым сталкивается государство, внешнюю среду для государства, мотивирующую его действия. Геополитическая реальность определяется линиями связи и расположением центров экономических и природных ресурсов государств [21].

Исследователи признают, что теория перестала предсказывать реакцию государств на системное давление [18]. Сейчас господству традиционных теорий международных отношений бросили вызов так называемые критические теории: критический социальный конструктивизм, феминизм, постмодернизм и постструктурализм. «Критические теории» выявили, что международные отношения – это дискурсивный процесс, то есть процесс становления политического мира. Именно концептуализация «международного как дискурсивного» и позволяет как оспаривать, так и признавать различные возможности международной политики [20].

Критическая геополитическая теория сосредотачивается на способах, которыми субъект связывает тексты в нарративы, превращая их в инструмент власти. Ввиду заметной роли элиты (национальных лидеров, военачальников, аналитических центров, стратегов, экспертов и ученых) в принятии геополитических решений важно учитывать их в прогнозировании. Одним из наиболее важных источников для исследований в рамках критической геополитической теории являются тексты элит, например правительственные файлы, отчеты специалистов, выступления национальных лидеров и политические документы. Изначальные построения критической геополитической теории в последнее время подвергаются сомнению по причине их элитарности и всё больше замещаются новым направлением геополитических исследований, которое объединяет геополитические труды и популярную культуру [22].

Критическая геополитическая теория констатирует множество сложных взаимосвязей между политической практикой и географическим определением как репрезентативных, так и нерепрезентативных форм. Помимо популярной, критическими геополитическими теориями являются формальная, практическая, феминистская и нерепрезентативная. Разграничение на формальную и практическую возникает при том, что первая тесно связана с обоснованием территориализации, которая осуществляется экспертами и учеными, тогда как вторая заключена в практиках политиков [22].

Призыв к раскрытию «заглушенных голосов» в практике геополитики расширяется за счет понятия «геополитика подчиненных» (subaltern geopolitics). Учитывая влияние массовой культуры, в исследованиях популярной геополитики в последние десятилетия рассматривался широкий спектр популярных материалов журналов, газет, фильмов, музыки, комиксов, видеоигр. Тогда как большинство приверженцев ранней критической геополитической теории (включая формальную, практическую и популярную) уделяли много внимания дискурсивным, знаковым текстам, а также лингвистическим практикам. Так, не всегда могут быть охвачены символами воплощенный опыт и эмоции, предкогнитивный аффект и материальность за пределами дискурсивных систем, например в феминистской и нерепрезентативной геополитике.

Феминистская геополитическая теория представляет собой наиболее заметное недавнее развитие критической геополитической теории. Исследователи феминистской геополитической теории утверждают, что ранние элито-ориентированные исследования в рамках парадигмы критической геополитики фокусировали свое внимание исключительно на «присвоении» глобального политического пространства доминирующими интеллектуалами, институтами и практиками госуправления. Большинство текстов о текущем геополитическом состоянии и прогнозов написано мужчинами, о мужчинах и для мужчин, тогда как роль женщин замалчивалась и исключалась из политической сферы. Исследователи феминистской геополитической теории стараются вернуть в геополитику роль женщин посредством изучения феминистской практики государственного управления [22].

Нынешние критические геополитические исследования указывают на недостатки основанных на репрезентации геополитических теорий и базируются на аффектации, эмоциях, практиках, действиях. Нерепрезентативный подход в геополитических исследованиях представляет собой неконструктивистскую перспективу, которая связана с бытием и делом, с участием и эффективностью, с теми способами познания, которые в большей степени зависят от прямого опыта, нежели рефлексия, абстракция и представление.

Нерепрезентативная теория геополитики в значительной степени может рассматриваться как прямая критика текстовой логики и делает акцент на фиксации изменений через аффект и эмоции, материальные объекты, практику и производительность, которые, как правило, выходят за рамки текстов, но

все чаще выражают понимание геополитики, как это показывается в самых последних геополитических исследованиях. В качестве примера может служить исследование эмоциональной реакции на теракт 11 сентября 2001 г. Сопутствующие этому событию аффект и эмоции (боль, страх, ужас, горе, патриотизм) проецируются через медиа-индустрию, свидетельства очевидцев, спектакли, фильмы и музыку, послужили коллективным опытом травмы и потери и используются для оправдания нынешней политики борьбы с терроризмом. В отличие от ранней критической геополитики (включая формальную, практическую и популярную) с ее текстоориентированным дискурсом в качестве единственной формы геополитической онтологии можно увидеть, что недавняя феминистская геополитика и нерепрезентативная геополитика выделяют формы новой геополитической онтологии за пределами текста [22]. В ближайшем будущем геополитические исследования и способы исследования нашего геополитического понимания в репрезентативных и в нерепрезентативных рамках, вероятно, будут включать системный анализ, теорию игр и сложные обсуждения взаимосвязей и ориентаций глобальной политики [16].

Таким образом, современные исследования обозначают прогнозирование как аналитический принцип, в основе которого лежат подходы традиционного прогноза с учетом исторических событий, географических и негеографических переменных. Принятое в англоязычной исследовательской литературе разграничение на классическую и критическую геополитическую теории и далее на формальную, практическую и популярную геополитические теории, феминистскую, а также теории, основанные на репрезентативных и нерепрезентативных подходах, – только приходит в отечественные исследования, но сформировавшееся разнообразие подходов в то же время оставляет широкий выбор для белорусских экспертов в области геополитической теории, стимулирует формирование геополитического прогнозирования как отрасли, необходимой для Республики Беларусь, которая провозгласила своим основным трендом мультивекторность в международных отношениях.

Список использованных источников

1. Schneider, G. Forecasting in international relations / G. Schneider, N. P. Gleditsch, S. Carey // *Conflict Management and Peace Science*. – 2011. – Vol. 28, № 1. – P. 5–14.
2. Mann, S. R. Chaos Theory and Strategic Thought / S. R. Mann // *Parameters*. – 1992. – Autumn. – P. 54–68.
3. Mann, S. R. The Reaction to Chaos / S. R. Mann // *Complexity, Global Politics, and National Security*. – Washington, D.C. : National Defense University, 1997. – P. 62–68.
4. God gave physics the easy problems: adapting social science to an unpredictable world / S. Bernstein [et al.] // *European Journal of International Relations*. – 2000. – Vol. 6, № 1. – P. 43–76.
5. International studies in an unpredictable world: still avoiding the difficult problems? [Electronic resource] / I. Fomin [et al.] // *European Journal of International Relations*. – 2020. – September. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1354066120948124> – Date of access: 01.12.2020.

6. Choucri, N. Forecasting in international relations: problems and prospects / N. Choucri // *International Relations*. – 1974. – Vol. 1, № 2. – P. 63–86.
7. Metternich, N. W. Forecasting in international relations [Electronic resource] / N. W. Metternich, K. S. Gleditsch // *International Relations*. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – Mode of access: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199743292/obo-9780199743292-0179.xml> – Date of access: 01.12.2020.
8. Berkhout, F. Foresight futures scenarios: Developing and applying a participative strategic planning tool / F. Berkhout, J. Hertin // *Greener Management International*. – 2002. – № 37 (Spring). – P. 37–52.
9. Kuosa, T. Practising strategic foresight in government [Electronic resource] / T. Kuosa // *RSIS Monograph*, no. 19. – Singapore: S. Rajaratnam School of International Studies, 2011. – Mode of access: <https://www.files.ethz.ch/isn/145831/Monograph19.pdf> – Date of access: 10.12.2020.
10. Voros, J. A primer on futures studies, foresight and the use of scenarios [Electronic resource] / J. Voros // *Foresight Bulletin*. – 2001. – № 6 (December). – Mode of access: http://thinkingfutures.net/wp-content/uploads/2010/10/A_Primer_on_Futures_Studies1.pdf – Date of access: 10.12.2020.
11. Fuerth, L. S. Foresight and anticipatory governance / L. S. Fuerth // *Foresight* 11. – 2009. – № 4. – P. 14–32.
12. Foresight as a Strategic Long-Term Planning Tool for Developing Countries: a publication of the United Nations Development Program [Electronic resource]. – Singapore : UNPD Global Centre for Public Service Excellence, 2014. – Mode of access: https://www.undp.org/content/dam/undp/library/capacity-development/English/Singapore%20Centre/GPCSE_Foresight.pdf – Date of access: 10.12.2020.
13. Foresight Manual. Empowered Futures for the 2030 Agenda: a publication of the United Nations Development Program [Electronic resource]. – Singapore : UNPD Global Centre for Public Service Excellence, 2018. – Mode of access: https://www.undp.org/content/dam/undp/library/capacity-development/English/Singapore%20Centre/UNDP_ForesightManual_2018.pdf – Date of access: 10.12.2020.
14. Global Trends 2030: AlternAtive Worlds [Electronic resource]. – Washington, D.C. : Office of the Director of National Intelligence, 2012. – Mode of access: <https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> – Date of access: 10.12.2020.
15. 2020 Strategic Foresight Report – Charting the course towards a more resilient Europe [Electronic resource]. – Brussels : European Commission, 2020. – Mode of access: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/strategic_foresight_report_2020_1.pdf – Date of access: 10.12.2020.
16. Murphy, D. T. The Heroic Earth: Geopolitical Thought in Weimar Germany, 1918–1933 / D. T. Murphy. – Kent ; London : The Kent State Univ. Press, 1997. – 338 p.
17. Corradi, J. E. Strategic impasse: Social origins of geopolitical disarray / Juan E. Corradi. – New York : Routledge, 2018. – 149 p.
18. Grygiel, J. J. Great powers and geopolitical change / J. J. Grygiel. – Baltimore : John Hopkins Univ. Press, 2006. – 258 p.
19. Anivas, A. How the West came to rule: The geopolitical origins of capitalism / A. Anivas, K. Nişancioğlu. – London : Pluto Press, 2015. – 386 p.
20. Anand, D. Geopolitical exotica: Tibet in Western imagination / D. Anand – Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2007. – 190 p.
21. Gstöhl, S. The neighbours of the European Union's neighbours: Diplomatic and geopolitical dimensions beyond the European neighbourhood policy / S. Gstöhl, E. Lannon – Farnham : Ashgate, 2015. – 315 p.
22. Ning An. Confucian Geopolitics: Chinese Geopolitical Imaginations of the US War on Terror / Ning An. – Springer, 2018. – 183 p.

О. А. Павловская

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В контексте современных вызовов и угроз раскрывается специфика проявления морального фактора в геополитической сфере, рассматривается проблема соотношения насилия-ненасилия в развитии международных отношений.

Ключевые слова: геополитика, международные отношения, моральный фактор, насилие-ненасилие, диалог культур, культура диалога

O. Pavlovskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIO-MORAL ASPECTS OF MODERN GEOPOLITICAL SITUATION

In context of modern challenges and threats, the specific of moral factor manifestation in geopolitical sphere is reflected, the problem of violence-nonviolence correlation in the development of the international relations is considered.

Keywords: geopolitics, international relations, moral factor, violence-nonviolence, dialog of cultures, culture of dialog

Современный мир, несмотря на социально-экономические и научно-технические достижения, не свободен еще от угрозы войн и международных военно-политических конфликтов. Исторически любая война, как бы ее ни оценивали (справедливая/несправедливая, общемировая/региональная, захватническая/освободительная, международная/гражданская и др.), является формой организованной вооруженной борьбы (противостояния) с целью захвата или удержания политической власти и установления господства определенного типа социально-экономических отношений. Конечно, различные виды вооруженного насилия сопровождаются многочисленными человеческими жертвами, масштабными разрушениями социальной инфраструктуры, что в морально-психологическом отношении не может не расцениваться иначе как злодеяние и антигуманное действие.

В условиях современной международной обстановки особую актуальность приобретают высказывания известного русского мыслителя И. А. Ильина о нравственной природе войны. Он, в частности, отмечает, что, с одной стороны, «война... не есть явление случайное или произвольно созданное; наоборот, она есть зрелый и неизбежный плод *всего* нашего жизненного уклада» [1, с. 817], а значит, и конкретной социально-психологической атмосферы

общества, и уровня духовно-нравственного развития всех участников военного конфликта, с другой – «война как будто переворачивает наши добрые побуждения и наши нравственные принципы в некоторых основных отношениях» [1, с. 798], то есть обнажает до предела мироощущение и моральное сознание каждого человека. Согласно И. А. Ильину, «всякая война без исключения есть *нравственно виновное делание*» [1, с. 816]. Это конкретно выражается в двух основных проекциях: во-первых, в своеобразной коллективной форме («Мы»), когда «участие в войне есть для каждого участника акт повиновения внешнему приказу, который исходит от органов государства, действующих на основании правовых полномочий», и, соответственно, это участие в «организованном массовом убиении людей» для индивида невольно связывается с «чувством удовлетворения и смутным, неопределенным полуоправданием неприемлемого» [1, с. 814]; во-вторых, в сугубо индивидуальной форме («Я»), когда для человека сам акт убийства другого человека вызывает личное «глубокое и решительное неприятие», и он «беспокоит себя действительным голосом совести и развитым чувством ответственности», «не отрекается от своего человеческого достоинства, от *самозаконного служения духу*» [1, с. 822]. В этом противостоянии/противодействии модусов коллективного и личностного отношения к убиению человека заключается, по мнению И. А. Ильина, основное нравственное противоречие войны, разрешение которого в значительной мере зависит от процесса *осознания виновности* любой войны, что является своего рода источником нравственного очищения и обновления как для человека, так и для общества в целом.

В современном мире к разряду глобальных угроз относятся сохранение и усовершенствование военно-политических методов и средств «старого образца», а также появление новых форм вооруженного противоборства с использованием информационных технологий, способов психологического воздействия, новых технических средств, биохимических веществ.

В контексте последних мировых событий, связанных с обострением кризиса мировой капиталистической системы, опасной экологической ситуацией, а также с охватившей весь мир пандемией коронавируса, в сфере геополитических отношений используется и такое определение современной войны, как гибридная война. Предполагается, что в структуре этого вида войны комбинируются между собой различные формы и средства воздействия (информационные, психологические, экономические, идеологические, религиозные, биологические, кибератаки, террор, диверсии, провокации и др.) с определенной целью – нанести как можно более ощутимый вред физическому и моральному здоровью людей. При этом не столь важным является образ противника в виде конкретных вооруженных формирований, основной мишенью становятся население страны (или нескольких стран) или конкретный народ, которые расцениваются как предполагаемая угроза. Привычные классические виды использования военной силы отодвигаются на задний план, а распространение

получают всевозможные скрытые или откровенно вызывающие формы давления на массовое сознание, направленные на то, чтобы посеять страх, панику, отчаяние, безысходность и другие отрицательные психологические реакции, сформировать новые стереотипы подчинения и управляемости. С использованием «грязных» информационных технологий распространяются ложные сведения, искажаются факты, фальсифицируются исторические события, демонизируются отдельные политические деятели. Все это осуществляется откровенно антигуманными действиями на почве попрания общепринятых норм морали, пренебрежения честью и достоинством личности.

Обострение социально-экономической обстановки в современном мире зачастую вызывает возмущение и недовольство народных масс, рост «майданных» настроений, выливается в организованные акции протеста. Стало популярным многим подобного рода политическим событиям придавать статус «революционных». Обострение политической обстановки в ходе «цветных революций» сопровождается насильственными, агрессивными действиями, вооруженными столкновениями, страданиями и даже гибелью людей, что, естественно, ухудшает морально-психологическую обстановку, а самое главное – нивелируется ценность человеческой жизни как таковой. Опыт многих стран убедительно свидетельствует о том, что любые попытки утверждать демократические ценности путем агрессивных и радикальных действий, через насилие и террор зачастую дают противоположный результат – установление диктатуры и проведение политических репрессий. Поэтому в моральном отношении очень важно осознавать, что истинное утверждение демократических ценностей может быть осуществлено только в условиях мирной жизни, а не в ходе вооруженных конфликтов.

В контексте современной геополитической ситуации вырисовывается комплекс проблем социально-этического характера, рассмотрение которых позволяет составить достаточно четкое представление о морали как неотъемлемом компоненте политической деятельности и одной из движущих сил преобразования общественной жизни.

Происходящая в настоящее время информационная революция не только значительно меняет содержание экономики, но и оказывает влияние на сферу мировой политики. Особой остроты достигает противоречие между *всемирным* (глобальным) характером экономического развития и *национальным* характером политического обеспечения этого процесса. О возникновении такого рода противоречий говорили в свое время и классики марксизма. С одной стороны, для капиталистической системы закономерным является создание и развитие всемирного рынка, космополитический характер производства и потребления. «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [2, с. 145]. Это распространяется как на материальную, так и на духовную сферу общественной

жизни, способствуя возникновению всевозможных видов товарного и культурного обмена между народами и странами. С другой стороны, в целях сохранения и приумножения материального богатства (капитала) необходимым становится процесс централизации политической власти с легитимным правом на физическое насилие в рамках отдельного национального государства. Различные области (территории) «оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей» [2, с. 146], на поддержку и защиту которых выступают идеологические и административные структуры, армейские и полицейские формирования.

Следует заметить, что на начальных этапах развития капитализма приоритет был явно на стороне национального государства, что обеспечивало относительную стабильность экономических связей и общественный порядок внутри отдельно взятой страны, а на основании этого предполагалось и достижение, по словам классиков марксизма, «гармонического сотрудничества европейских наций». В последующем, на стадии своего империалистического развития, капиталистическая система все более и более открыто проявляла свой агрессивно-насильственный, милитаристский характер, попирала национальные интересы и культурные достижения тех или иных народов и стран, в угоду своим захватническим целям откровенно пренебрегала человеческими жизнями – со всем этим человечество воочию столкнулось в XX веке в ходе мировых войн, различных региональных и локальных военных кампаний, экономических и торговых баталлий, политических конфликтов и идеологических противоборств.

На современном этапе соотношение глобального и национального начал в проявлении политического фактора на международной арене находится пока в состоянии *баланса*: с одной стороны, активно себя позиционируют транснациональные компании, различные международные организации и общественные объединения, с другой – основными акторами остаются национальные государства, в руках которых сохраняется базовая политическая власть, в том числе и монополия на легитимное насилие. Политические события и процессы последних десятилетий весьма убедительно свидетельствуют о том, что, по существу, мало в чем изменились стратегические цели и тактические приемы ведущих акторов в преследовании своих национальных интересов, усилении своего влияния на международной арене. При этом в ход пускаются не только новейшие технологии, но и хорошо известный с прошлых времен фактор силы, конечно же, уже модернизированный и еще более изощренный. С социально-гуманитарной точки зрения это означает, что не только сохраняются, но и существенно модифицируются методы и средства манипуляции массовым сознанием и обезчеловечивания человека.

Среди социально-этических проблем в сфере политики повышенный интерес вызывала и вызывает проблема *политического лидерства* и необходимых

для его достижения социокультурных предпосылок и морально-психологических параметров. В качестве субъектов политической деятельности выступают государство, его различные структуры, социально-политические группы, народные движения и, конечно же, личность правителя и личности политических и общественных деятелей.

В условиях индустриального общества значительно возрастает проявление субъективного фактора в политике, что в моральном плане непосредственно выражается в таком феномене, как *авторитет* власти. Согласно М. Веберу, роль государства как института политической власти с легитимным правом на насилие, функциями управления и необходимыми для этого средствами может осуществляться по трем основным социально-психологическим типам воздействия на людей (господства – в терминологии Вебера): 1) *традиционный* – сформированный в прошлом устойчивый механизм господства и подчинения с опорой на авторитет нравов; 2) *харизматический* – посредством личного авторитета правителя или государственного деятеля, обладающего уникальными личностными качествами, способного увлечь массы и повести их за собой; 3) *легальный* – опирающийся на авторитет бюрократического аппарата, государственных служащих, официально признанного механизма исполнения и подчинения согласно установленным правилам [3, с. 646–647]. Первый тип господства, традиционный, связан теснейшими узами с многовековыми представлениями и нормами народной жизни, освященными и закрепленными в обрядах и религиозных ритуалах, которые являются обязательными для исполнения как простыми людьми, так носителями власти. Второй тип господства, харизматический, является весьма распространенным во все времена, проявляется и в такой форме, как политический вождизм: «...в образе сначала свободного “демагога”, существовавшего на почве города-государства... а затем – в образе парламентского “партийного вождя”, выросшего на почве конституционного государства» [3, с. 648]. Третий тип господства, легальный, представляет собой выделившуюся из общества и отделившуюся от него самостоятельную сферу для управления, организации и контроля, в рамках которой имеется специальный штат лиц, призванных исполнять эти функции (чиновники). Со временем государственная деятельность стала все более приобретать черты профессиональной. По Веберу, существуют два морально-психологических способа сделать политику своей профессией: 1) *жить «для» политики* – осознанно и ответственно служить делу и видеть в этом смысл своей жизни, что ведет к образованию «высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью»; 2) *жить «за счет» политики и «политикой»* – стремиться сделать из государственной деятельности постоянный источник дохода, а то и не гнушаться его увеличить нечестным путем, в чем скрывается «роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства» [3, с. 657].

М. Вебер специально акцентирует внимание на личностной мотивации политического поведения. В связи с этим он противопоставляет две принципиально отличающиеся друг от друга индивидуальные позиции. Первая – это самонадеянная, эгоистичная, безответственная позиция: «Мир глуп и подл, но не я; ответственность за последствия касаются не меня, но других, которым я служу и чью глупость или подлость я выкорчую». Большинство политиков, избравших такую позицию, по мнению ученого, могут быть названы «вертопрахами, которые не чувствуют реально, что они на себя берут, но опьяняют себя романтическими ощущениями». И резонно возникает вопрос о характерной для них «мере внутренней полновесности». Вторая – это глубоко осознанная, принципиальная, ответственная позиция: «Когда зрелый человек – все равно стар он или юн годами, – который реально и всей душой ощущает свою ответственность за последствия и действует сообразно этике ответственности, в какой-то момент говорит: “Я не могу иначе, на том стою”. Это нечто человечески подлинное и трогательное. Ибо такое именно состояние для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер, должно когда-то иметь возможность наступить» [3, с. 704–705]. Именно в гармоничном соединении этики ответственности и этики убеждения может реализовать человек свое призвание к политике: «Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если с его точки зрения, мир окажется слишком глуп или слишком подл для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать “и все-таки!”, – лишь тот имеет “профессиональное призвание” к политике» [3, с. 706]. Следует заметить, что, называя эти индивидуальные позиции, М. Вебер употребляет такие выражения, как «мера внутренней полновесности», «зрелый человек», «состояние, для каждого из нас, кто, конечно, внутренне не умер», тем самым подчеркивается наличие особого внутреннего состояния, степень духовного развития человека в качестве необходимого источника осуществления политической деятельности. Применительно к анализу современной общественно-политической ситуации эта веберовская идея получает свое развитие в теоретической разработке положения о корреляции *политической культуры общества* с уровнем развития *нравственной культуры личности*.

Особое место в системе моральных координат политической и геополитической деятельности занимала и продолжает занимать проблема соотношения *цели и средств*. Исторический опыт убедительно показывает, что, преследуя цель завоевать государственную власть любой ценой: будь то путем военного захвата, будь то посредством революционной борьбы, будь то в ходе парламентских выборных кампаний, – политические субъекты менее всего обеспокоены характером используемых для этого средств, также их мало волнует, какой человеческой «ценой» будет оплачена их «победа».

В современном мире, в противовес политической позиции, оправдывающей насилие как инструмент власти, все более активно обсуждается проблема *ненасилия*.

Известный российский и белорусский ученый В. С. Стёпин предлагает связать рассмотрение проблемы *ненасилия* с новым типом рациональности, который утверждается в современной науке. За основу здесь принимаются сложные саморазвивающиеся системы, среди которых главное место отводится человеку-коразмерным. При разработке новых технологических стратегий должны не только учитываться цель, специфика и результаты инновационной деятельности, но и делаться основательный прогноз ее последствий для самого человека, его физического и морального здоровья, его места и роли в системе «природа – общество».

Гипотетически можно говорить о том, что истоки ненасилия, так же как и насилия, коренятся в самой природе человека. «В человеческих сообществах, – пишет В. С. Стёпин, – взаимодействуют между собой альтернативные программы: с одной стороны, агрессии и эгоизма, а с другой – общения и альтруизма, каждая из которых имеет свои генетические истоки. Усиление или ограничение каждой из генетических программ зависит от того, *в какую культурную среду* человек попадает, *в какой системе культурных традиций* формируется и развивается его сознание» (курсив наш. – О. П.) [4, с. 552–553]. В любой культуре в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств и творческой деятельности людей складывается своеобразная система мироощущения и мировидения с присущим ей набором ценностей, смыслов и значений. По мнению В. С. Стёпина, среди универсалий культуры, наряду с такими, как «добро» и «зло», «деятельность», «власть» и др., имеют место «насилие» и «ненасилие». Если смысл и значение насилия многогранно отражены в истории народов и их культуре, то осмысление ненасилия преимущественно связано со стремлением уйти от жизненных преград и неурядиц, с надеждой на лучшее будущее. Культурная традиция, свойственная восточным цивилизациям, сохраняет определенный опыт ненасильственного отношения человека к жизни общества и природы, в то время как в европейской культурной традиции преобладает активное, деятельное начало в человеке, направленное на преобразование и подчинение себе окружающей среды, осуществляя тем самым определенное насилие над нею.

Как считает В. С. Стёпин, стратегия перспективного социокультурного развития должна формироваться на основе синтеза данных противоположных цивилизационных парадигм: «Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной технологической культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание» [4, с. 558]. Конечно, реализация новой стратегии может блокироваться противодействием экономических и политических структур, давлением со стороны потребительского общества и массовой культуры, в чем непосредственно будет проявляться насилие в различных своих формах. Но противопоставлением этому может служить лишь рациональный выбор в пользу ненасильственных действий по качественному изменению социальной жизни

и благотворному воздействию на природу. «Ориентирами в этом выборе служат не только знания, но и нравственные принципы, налагающие запреты на опасные для человека способы экспериментирования с системой и ее преобразования» [4, с. 560]. В качестве своеобразной точки роста осуществления цивилизационного синтеза ученый называет *диалог культур*, в ходе которого будет происходить поиск новых ценностей и этических регулятивов человеческой деятельности: «Диалог, взаимные уступки при выработке согласованных действий выступают в современном мире той стратегией, которая обеспечит выживание человечества. Нетрудно видеть, что это и есть стратегия ненасильственных действий» [4, с. 563].

На наш взгляд, наиболее концентрированное выражение морального фактора в сфере геополитических отношений может осуществляться во взаимосвязи двух процессов: с одной стороны, развития *диалога цивилизаций* (культуры), с другой – формирования *культуры диалога*.

Что касается проблемы диалога цивилизаций, то необходимо обратить внимание на сложившуюся на данный момент *объективную* по своей сути социальную реальность: в мировом социокультурном пространстве отчетливо просматриваются три основных, взаимно пересекающихся цивилизационных потока. Во-первых, это существование в той или иной степени традиционалистских типов цивилизаций, представляющих собой своеобразные сплавы культурно-исторического развития стран и народов, в которых отражены их уникальность и самобытность, сохранены вековые механизмы трансляции ценностей и традиций. Во-вторых, это наличие техногенной цивилизации как закономерного результата общемирового индустриального развития со всеми присущими ему достижениями и пороками. В-третьих, это формирование на наших глазах *информационно-гуманитарной цивилизации*, которая ориентирована на последовательный переход к принципиально новому качественному состоянию глобального мира, где, согласно логике исторического развития, доминантой должно становиться действие морального фактора с четко выраженной субъективно-личностной составляющей.

Формирование культуры диалога как одного из необходимых условий совершенствования международных отношений непосредственно связано с уровнем развития личностной культуры субъектов политической деятельности, где органично сочетаются интеллектуальный потенциал и нравственно-гражданская позиция. А отсюда следует, что самым главным в государственной политике, согласно И. Канту, должен стать курс на нравственное воспитание граждан: «Но пока государства тратят все свои силы на достижение своих тщеславных и насильственных завоевательных целей и потому постоянно затрудняют медленную *работу над внутренним совершенствованием образа мыслей своих граждан*, лишая их даже всякого содействия в этом направлении, – нельзя ожидать какого-либо улучшения в сфере морали. Ибо для этого

необходимо долгое внутреннее совершенствование каждого общества ради *воспитания* своих граждан» (курсив наш. – *О. П.* 5, с. 18].

Из истории известно, что проявление морали в политической сфере носило весьма противоречивый, а зачастую и драматический характер. Получило широкое распространение мнение, что политика вообще не совместима с моралью. И в настоящее время проблема взаимосвязи морали и политики не просто вызывает повышенный интерес, а сопровождается весьма острыми дискуссиями в ходе своего обсуждения. В связи с этим необходимо согласиться с аргументом, приведенным А. А. Гусейновым: «Идея моральной нейтральности политики может заслуживать серьезного рассмотрения только в том случае, если нам представят мораль, в которой нет нормы “не убий” как ее краеугольного основания, и если нам представят политику, которая не практикует убийства и угрозы убийством в качестве одного из существенных выражений своей дееспособности» [6, с. 5].

Таким образом, сложная и опасная ситуация на современном этапе существенно обострила проблемы осознания ценности человеческой жизни как таковой и ценности мира как необходимого условия для ее осуществления. В геополитической сфере ведущей действенной силой должен стать моральный авторитет политических и общественных лидеров, государств и международных организаций. Моральный авторитет как форма духовно-практического выражения гуманистически ориентированной деятельности политических субъектов является важнейшим инструментом в установлении доверительных и ответственных отношений между ними, утверждении принципов диалога, консенсуса, партнерства, верховенства права в политической деятельности. Для такой позиции в корне неприемлемыми становятся аргументы с позиции силы и военного диктата, а основополагающими будут цели, методы, действия конструктивного, созидательного характера во имя мира и гуманности.

Список использованных источников

1. Ильин, И. А. Основное нравственное противоречие войны / И. А. Ильин // Вопросы философии и психологии. – М., 1914. – Год XXV, кн. 125 (V). – С797–826.
2. Маркс, К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избр. соч. : в 9 т. – М. : Изд. полит. лит., 1985. – Т. 3. – С. 139–189.
3. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Избр. произв. : пер. с нем. / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.
4. Стёпин, В. С. Стратегия ненасилия и развитие цивилизации / В. С. Стёпин // Философия и этика : сб. науч. тр. : к 70-летию акад. А. А. Гусейнова. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 551–563.
5. Кант, И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 5–23.
6. Гусейнов, А. А. Мораль и политика: уроки Аристотеля / А. А. Гусейнов // Философия. Политика. Культура: материалы школы молодого философа. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – С. 4–25.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Академическая философская школа изучения проблем социальной экологии и социоприродных отношений возникла в Институте философии и права АН БССР в конце 1970-х – начале 1980-х годов. После выхода в свет докладов Римского клуба (модельных прогнозов социобиосферной динамики Дж. Форрестера, Д. Медоуза, Э. Ласло, М. Месаровича, Я. Тинбергена и др.), возросшего внимания к учению В. И. Вернадского, И. И. Шмальгаузена, П. Тейяра де Шардена и публикации работ М. М. Камшилова, Н. Н. Моисеева, Э. В. Гирусова, И. Д. Лаптева, Н. Федорова, Э. Маркаряна и других авторитетных авторов вопросы экологии человека и общества прочно вошли в философский дискурс, стали объектом пристального внимания не только ученых и специалистов, но и широкой общественности. Лейтмотивом большинства исследований экологических проблем явилась серьезная озабоченность экспертов и ученых масштабами и формами антропогенного преобразования биосферы, последствия которого уже могли угрожать сохранению гомеостатических условий существования человека.

Книги П. А. Водопьянова «Устойчивость в развитии живой природы» (Минск, 1974), «Динамическое равновесие природы и человека», «Человек, природа, производство: современный этап взаимодействия» (Минск, 1977) впервые в Беларуси вывели предмет исследований за пределы сугубо биологических вопросов в сферу широкой экологической проблематики, связанную с глобальными проблемами современного мира людей и судьбами всего живого. Диалектика устойчивости трактуется ученым как важная философская и социальная проблема, весьма актуальная в плане обоснования возможности оптимизации социоприродного взаимодействия¹. Системный подход к изучению актуальных проблем динамики современной биосферы дал возможность комплексно проанализировать возможные формы воздействия человека на природу, наметить контуры сбалансированной эволюции общества и окружающей среды на основе гармонизации структуры социальных потребностей, усиления роли духовных факторов².

¹ Водопьянов П. А. Устойчивость и динамика биосферы. – Минск : Наука и техника, 1981. – 246 с.

² Водопьянов П. А., Зеленков А. И. Динамика биосферы и социокультурные традиции. – Минск : Университетское, 1987. – 238, [1] с. ; Карако П. С. Революция в современной биологии и ее социальные аспекты. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 255 с.

В Институте философии под руководством академика Д. И. Широканова разрабатывалась методология системного анализа биотических, абиотических и антропогенных характеристик биосферы в соответствии с требованиями сопряженной, совместной эволюции человека и природной среды его обитания. Системный подход к исследованию актуальных проблем динамики современной биосферы дал возможность комплексно проанализировать возможные формы воздействия человека на природу (П. А. Водопьянов, А. К. Манеев, М. К. Буслова). Академиком К. П. Бусловым было положено начало развитию отечественной социальной философии в области осмысления и решения социально-экологических проблем, вопросов экологизации сознания и культуры белорусского общества, базовых категорий и понятий социальной экологии и социально-экологической практики. Под его руководством в Институте начались исследования по социальным аспектам возникающих глобальных и региональных экологических проблем.

Большую роль в инициации этих программ сыграл академик Е. М. Бабосов, тогда директор Института философии и права АН БССР. В его работах особое внимание уделено социальным последствиям аварии на Чернобыльской АЭС, предложена система рекомендаций конструктивного решения проблем населения, застигнутого атомной бедой. Многие из них актуальны и сегодня. Это – необходимость комплексных исследований биогеохимического производства радионуклидов в экосистемах, анализа биохимических объектов в условиях снятия или снижения на них хозяйственной нагрузки; организация адресного, достоверного, научно обоснованного информирования местного населения; создание программ формирования активной жизненной позиции для молодежи из регионов, пострадавших от радионуклидного загрязнения, что требует мер индивидуального подхода к каждому жителю с учетом его физиопотенциала, психологии, уровня интеллектуального и духовного развития¹.

Первый руководитель созданного в Институте философии в 1992 г. сектора проблем социальной экологии И. Я. Жибуль посвятил свои работы вопросам гуманизации образа жизни в условиях экологических кризисов². Были изданы коллективные монографии «Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития» (Минск, 1997); «Беларусь: социально-экологические проблемы» (Минск, 1999); «Экология и социальное развитие» (Минск, 2001); «Социальная экология: новые подходы в теории и практике» (Минск, 2005); «Экологическая безопасность в динамике социокультурного развития» (Минск, 2007); а также индивидуальные монографии Н. Е. Захаровой «Проблемы социоприродного моделирования в контексте глобализации» (Минск, 2005);

¹ Бабосов Е. М. Чернобыльская трагедия в ее социальных измерениях. – Минск : Право и экономика, 1996. – 155 с.

² Жибуль И. Я. Гуманизм советского образа жизни. – Минск : Наука и техника, 1982. – 166 с. ; Его же. Экологические потребности: сущность, динамика, перспективы. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 181, [2] с.

Н. А. Лазаревич «Биотехнологические проблемы современной социальной экологии» (Минск, 2006); А. С. Червинского «Биотехносфера: понятие и реальность» (Минск, 1990) и «Качество окружающей среды» (Минск, 1997)¹.

Работая в рамках Государственных программ фундаментальных исследований над заданиями «Концептуальные основания экологической безопасности Республики Беларусь в постчернобыльских условиях» (1993–1995 гг., научные руководители – П. А. Водопьянов и Н. Е. Захарова), «Социально-природная система Беларуси (состояние, динамика, прогнозируемость)» (1996–2000 гг., руководитель – Н. Е. Захарова), «Социально-природная система Беларуси (состояние, динамика, прогнозируемость)» (2001–2005 гг., руководитель – Н. Е. Захарова), «Экологическая культура, образование, воспитание как факторы социоприродной устойчивости и инновационного развития белорусского общества» (2006–2010 гг., руководитель – Н. Е. Захарова), коллектив сектора проблем социальной экологии разработал целостную концепцию экологической безопасности, которая органично вошла в созданную в середине 1990-х годов первую Стратегию устойчивого развития Республики Беларусь.

Основным содержанием научно-исследовательской работы данного коллектива являются научно-методологические принципы философского осмысления взаимодействия в системе «человек–природа–общество»; проблемы формирования экологического сознания; разработка теоретико-методологических основ экологической культуры и моделирования социоприродной практики; духовно-нравственные проблемы биотехнологического прогресса; аксиологические акценты экологической культуры и ее роли в развитии человеческого потенциала. Работа строится как на философском осмыслении коэволюции природного и социального бытия, так и на философско-методологическом обобщении результатов естественнонаучных дисциплин экологического

¹ Экологические и социокультурные аспекты устойчивого развития : сб. ст. / под ред. П. А. Водопьянова ; Ин-т философии и права Акад. наук Беларуси. – Минск, 1997. – 178 с. ; Беларусь: социально-экологические проблемы / под ред. А. А. Лазаревича. – Минск : Беларус. кнігазбор, 1999. – 224 с. ; Экология и социальное развитие / [С. П. Онуприенко и др.] ; науч. ред. А. А. Лазаревич ; Ин-т философии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2001. – 246, [2] с. ; Социальная экология : новые подходы в теории и практике / [Н. Е. Захарова и др.] ; науч. ред. В. И. Парфенов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2005. – 306, [1] с. ; Захарова Н. Е. Проблемы социоприродного моделирования в контексте глобализации / науч. ред. Н. В. Новиков ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2005. – 120, [2] с. ; Лазаревич Н. А. Биотехнологические проблемы современной социальной экологии / науч. ред. С. П. Онуприенко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 210, [2] с. ; Экологическая безопасность в динамике социокультурного развития / Н. Е. Захарова [и др.] ; науч. ред. Д. И. Широканов ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. наука, 2007. – 168, [2] с. ; Червинский А. С. Биотехносфера: понятие и реальность. – Минск, 1990 ; Его же. Качество окружающей среды / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права. – Минск : Инва-центр, 1997. – 141, [1] с.

профиля с выработкой при этом конкретных императивов социоприродных взаимодействий.

Коллектив Института философии НАН Беларуси продолжает работать и по проектам Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ). Так, в рамках международного проекта БРФФИ Г14РА-007 «Социальные, культурные и демографические приоритеты развития человеческого капитала в контексте качества жизни: компаративный опыт Республики Беларусь и Румынии» (2014–2016 гг., научный руководитель – Н. Е. Захарова) разработана концептуальная модель оптимизации взаимодействия интегративных факторов развития человеческого капитала на основе доминирования культурно-экологических ценностей в гармонизации структуры потребностей личности для населения Беларуси и Румынии как новой парадигмы социальной политики.

Международный проект БРФФИ Г16РА-008 «Смена парадигмы социальной политики: преодоление угроз качеству жизни» (научный руководитель – Н. Е. Захарова) включает описание разработанной концептуальной модели социальной политики для повышения качества жизни и преодоления технологических угроз и антропогенных рисков в Республике Беларусь на основе интегративного единства философско-мировоззренческих, социокультурных, антропологических, ценностно-экологических параметров для сравнительного анализа оптимальной политики возрастания качества жизни и развития человеческого потенциала Республики Беларусь и Румынии.

В ходе осуществления международного проекта БРФФИ № Г17Р-044 «Дивергенция будущего человека: конвергенция технологий, их философское осмысление и этико-правовое нормирование» (2017–2019 гг., научный руководитель – В. К. Савченко) выявлены гуманитарные, антропологические и экзистенциальные риски, связанные с развитием и конвергенцией новых социокультурных, медицинских, геномных, информационных, когнитивных и нанотехнологий; дана трактовка современного этапа технобиологической эволюции как процесса новой «нетрадиционной» технологизации бытия человека.

При выполнении заданий международного проекта БРФФИ № Г18РА-016 «Социальная политика Румынии и Беларуси: сравнительный подход» (2018–2020 гг., научный руководитель – Н. А. Лазаревич) на основе сравнительного изучения социоэкологического и социокультурного измерения качества жизни в Республике Беларусь и Румынии получены рекомендации по оптимизации социальной политики обеих стран в условиях глобальных экономических, техногенных, информационных, культурно-экологических рисков.

Международный проект БРФФИ № Г20РА-022 «Угрозы и риски для молодого поколения: вызовы социальной политике» (от 4 мая 2020 г., научный руководитель – Н. А. Лазаревич) ставит своей целью разработку концептуальной модели национальной молодежной политики на основе определения состоя-

ния и качества защищенности жизненно важных интересов в сфере семьи, здоровья, образования, социальной справедливости и социальной ответственности.

В настоящее время социально-экологические исследования продолжают в Центре социально-философских и антропологических исследований в составе научно-исследовательской группы в области философских проблем социальной экологии (Н. Е. Захарова, С. П. Онуприенко, Н. А. Лазаревич, А. С. Червинский) в рамках задания «Философско-мировоззренческие, социально-экологические и психологические параметры человеческого развития и качества жизни в Республике Беларусь» (ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 годы), в тесном сотрудничестве с вузовской наукой под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси профессора П. А. Водопьянова, доктора философских наук, профессора А. И. Зеленкова. К фундаментальным результатам можно отнести разработку методологии субъектного подхода в рассмотрении человека как саморазвивающейся системы в контексте решения проблем социоэкологической устойчивости и формирования условий осуществления экологического императива; разработку методологии комплексной оценки устойчивого развития и надлежащего качества жизни населения Беларуси как в экологически оптимальных, так и в экологически экстремальных условиях с учетом уровня природной деградации; разработку научных принципов стратегии достаточного развития на основе методологии коэволюционного подхода и его эвристической значимости; выявление направлений совершенствования образования в качестве фактора мировоззренческой безопасности общества и необходимого условия преодоления культурно-экологического кризиса; разработку теоретико-методологических оснований эко-социо-технологического подхода к проектированию надлежащего качества жизни, счастья и общественного блага в условиях новых глобальных вызовов.

*Ведущий научный сотрудник
Центра социально-философских
и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси,
кандидат философских наук
Н. Е. Захарова*

П. А. Водопьянов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

В условиях современной научно-технической революции воздействие человека на природу отличается особой интенсивностью, в результате чего темпы преобразования природной среды становятся соизмеримыми с изменением самого общества. Возникающие при этом конфликты во взаимодействии общества и природы, совокупность которых именуется как глобальный экологический кризис, есть результат несоответствия закономерностей общественного развития с законами эволюции биосферы. По мнению С. С. Шварца, человек потребляет в год не более 1 % чистой продукции биосферы (не считая полезных ископаемых), однако удовлетворяет свои потребности без учета структуры и функций биосферы². Поэтому анализ специфики человеческой деятельности в современных условиях – важная предпосылка оптимизации взаимодействия общества и природы.

Общие методологические принципы взаимодействия общества и природы сформулировали классики марксизма. Они показали, что данный процесс осуществляется посредством трудовой деятельности, в которой происходит обмен веществ между человеком и природой. Любой живой организм может существовать лишь в условиях поддержания метаболических процессов с окружающей средой, однако у человека непосредственный обмен веществ с природой опосредуется производством предметов, необходимых для жизни. Именно на это обстоятельство обращал внимание К. Маркс, характеризуя труд как определенный процесс взаимодействия человека с природой, процесс, в котором человек своей «собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³. При этом он специально подчеркивал, что в данном определении речь идет об абстрактном труде, «независимо от его исторических форм, как процесс между человеком и природой», как вечное естественное условие человеческой жизни⁴. Такое абстрактное функциональное понятие труда выражает наиболее всеобщие моменты, присущие труду во всех общественно-экономических формациях и отвлеченные от его конкретно-исторических особенностей.

¹ Публикуется по: Водопьянов П. А. Устойчивость и динамика биосферы / науч. ред. А. Б. Георгиевский. – Минск : Наука и техника, 1981. – С. 222–244.

² Шварц С. С. Эволюция биосферы и экологическое прогнозирование // 250 лет Академии наук СССР: документы и материалы юбилейных торжеств. – М. : Наука, 1977. – С. 369.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 23. – С. 188.

⁴ Там же. – С. 516.

Вместе с тем в силу своей всеобщности абстрактное понятие труда воплощает в себе общие характерные черты всякого конкретного труда, имеющего предметное содержание. Последнее предполагает наличие не только субъекта и предмета деятельности, но и наличие орудий труда, с помощью которых человек непосредственно взаимодействует с природой.

Совершенствование орудий труда, познание законов природы и развитие средств ее использования в ходе исторического развития позволили человеку коренным образом изменить свое отношение к природе, придали труду опосредованный характер. Это обстоятельство дало возможность человеку создавать необходимые запасы веществ, выйти из непосредственной зависимости от природы. Человеческая деятельность постепенно становится мощным фактором изменения природных процессов, нарушения их нормального функционирования.

Уже на стадии первобытнообщинного строя человек своей деятельностью вносил определенные изменения в экологически сложившиеся равновесные состояния экосистем, выжигая леса, уничтожая животных и т. п. «Всю историю человечества, – отмечает Ж. Дорст, – в сущности, следует рассматривать как борьбу человека с окружающей средой, как последовательное освобождение его от различного рода зависимостей, в которые поставила его природа»¹. На разных этапах становления первобытного общества, по мере его развития, совершенствования орудий, использования огня, появления жилищ взаимодействие человека и природы все более усложнялось. Это было тесно связано с непрерывно возрастающим использованием природных ресурсов, воздействием окружающей среды на образ жизни первобытного человека, антропогенным изменением и преобразованием окружающей среды.

На первых этапах становления человека его развитие во многом определялось биологическими факторами. Даже использование орудий не выходило за рамки биологического процесса, так как эти орудия выступали по отношению к человеку как составные элементы среды для присвоения других элементов. Веществу природы, писал К. Маркс, человек «сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»². Трудовая деятельность людей этого периода в известной мере соответствовала характеру протекания естественных процессов в биосфере, а общество в целом не переходило границ устойчивости биосферы, которая самовосстанавливала нарушенные процессы.

¹ Дорст Ж. До того как умрет природа / пер.: М. А. Богуславская, Н. Б. Кобрина. – М. : Прогресс, 1968. – С. 23.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 23. – С. 188, 189.

По мере исторического прогресса воздействие человека на природу непрерывно возрастало, а влияние среды на развитие общества неуклонно ослабевало. В результате этого непосредственные связи человека и природы на более высоком уровне общественного развития заменялись опосредованными, вследствие чего уменьшалась зависимость человека от природы. Человечество, открывая все новые и новые закономерности в своем окружении, усиливало господство над природой. Этот процесс сопровождался выработкой определенных социальных навыков и совершенствованием орудий труда. Они существенным образом повлияли на характер взаимоотношений человека и природы и привели к созданию антропогенной среды, без которой невозможно существование общества в окружающем мире.

На характер взаимодействия общества и природы все больше влияют социальные факторы, приводящие к изменениям динамического равновесия в природе. Однако эти нарушения скрыты и обнаруживаются лишь по истечении определенного периода времени и, как правило, после того, как процесс деградации данного местообитания становится необратимым. Биологические закономерности, регулирующие воздействие животных на среду обитания, сами по себе приводят к восстановлению природной среды. Например, увеличение численности определенного вида животных ведет к нехватке пищи, распространению заболеваний и т. п., в результате их численность сокращается и достигает оптимума.

Овладение принципиально отличным от имеющегося в биологическом мире механизмом саморегуляции послужило одним из важнейших факторов выделения человека из животного царства. Благодаря своему уму человек способен противостоять самым тяжелым условиям внешней среды. Диалектика общественного развития в современную эпоху проявляется в том, что независимость человека от природы и все более активное его вмешательство в ее процессы выдвигает новую форму зависимости, обусловленную ограниченностью размеров планеты и общего количества ее ресурсов. Независимость от среды, господство над нею диалектически переплетаются с зависимостью от условий внешнего окружения. Общая тенденция эволюции органического мира в целом – повышение общей устойчивости биосферы, в то время как человек своей деятельностью во многих случаях нарушает ее.

На современном этапе взаимодействия общества и природы автономизация вида *Homo sapiens* приводит к его противопоставлению окружающей среде, выражающемуся в последствиях экологической ситуации. Человек как наиболее приспособленный вид расширил ареал своего обитания и практически подчинил себе все живое. Это служит одной из основных причин нарушения естественного равновесия между человеком и природой. Анализируя множество факторов, приводящих к нарушению естественного равновесия в природе, Ж. Дорст и Р. Парсон отмечают, что оно было нарушено с тех пор, как

человек стал располагать более совершенными техническими средствами¹. Стремительные темпы преобразования естественных местообитаний – основная причина, приводящая к нарушению динамического равновесия в природе, снижению устойчивости экосистем. И именно там, где эти темпы велики, наиболее резко изменяется окружающая среда. В частности, примером уничтожения флоры и фауны под влиянием человеческой деятельности может служить Северная Америка, в которой, по словам Ж. Дорста, естественное равновесие повсеместно нарушено и возникла угроза исчезновения большей части представителей крупных животных, деградации целого ряда больших ландшафтов.

Такое нарушение динамического равновесия в природе не является результатом биологической природы человека. Напротив, генетическая конституция человека не претерпела существенных изменений на протяжении последних нескольких десятков тысяч лет. Поэтому человек в процессе воздействия на природу всецело зависит от устойчивости всей циклической структуры жизни и может существовать в сравнительно узких рамках физических и химических условий, соответствующих особенностям своей организации. Вместе с тем человек способен осваивать все новые и новые среды (подводный мир, космос), искусственно создавая с помощью специальных средств и устройств условия, близкие к тем, в которых протекала его эволюция.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что не биологическая природа человека определяет характер его взаимодействия с окружающей средой. Если биологические потребности людей в общем одинаковы, то социальные потребности изменяются в ходе исторического развития. По мере совершенствования научно-технического прогресса человеческие потребности все более расширяются, они обусловлены социальными факторами. Если с биологической точки зрения человек – это часть определенной экосистемы, то в социальном отношении он выступает как элемент производительных сил. Изменяя в своих социальных интересах многие природные процессы, он вступает в конфликт с силами естественной саморегуляции природы, нарушает равновесие биосферы, а следовательно, причиняет вред и самому себе.

Социальная эволюция человека, являясь определяющим фактором его развития, неизбежно ведет и к эволюции окружающей среды, которая в свою очередь влияет на биологическую природу человека. Общество и природа представляют единое целое, и их отношение друг к другу не может происходить за счет деградации одной из них. «Человек *живет* природой, – писал К. Маркс, – Это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть»².

Оставаясь биологически неизменным по своей природе, человек непрерывно расширяет и изменяет формы взаимодействия с окружающей средой,

¹ Дорст Ж. До того как умрет природа. – С. 23–33 ; Парсон Р. Природа предьявляет счет: охрана природных ресурсов в США : пер. с англ. – М. : Прогресс, 1969. – 568 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М., 1956. – С. 565.

влияет на него через трудовую деятельность, через технологию, осуществляемую на основе достижений науки и техники. Посредством материально-производственной деятельности как основы жизни общества человек связан с природой, и эта связь находит выражение в практике, в которой природа выступает перед человеком во всем многообразии своих свойств. В процессе труда человек направляет одну силу природы против другой, благодаря чему достигает поставленных целей.

Практическое освоение окружающего мира должно основываться на знании закономерностей эволюции биосферы, поскольку их нарушение неизбежно ведет к ухудшению качества среды обитания человека. Исходя из этого, можно сформулировать основной методологический принцип оптимального взаимодействия общества и природы как принцип соответствия общественного развития естественным законам эволюции биосферы.

Существование человека всегда было связано с использованием ресурсов природы, с перераспределением энергии и вещества на земной поверхности. Однако степень данного процесса до сравнительно недавнего времени была незначительной и существенно не влияла на функционирование биосферы в целом. Совершенствование орудий труда сделало человека относительно независимым от внешнего окружения, привело в итоге к тому, что его деятельность стала мощным фактором нарушения природных процессов. Ежегодно из-за несовершенства техники теряется примерно половина добытых металлов и 1/3 химического сырья. Характерным при этом является то, что в природных циклах обмена веществ наряду с их рассеиванием происходят, хотя и медленные, процессы концентрации, в то время как быстрые темпы производственной деятельности за немногим исключением сопровождаются рассеиванием используемого сырья. Следовательно, в плане оптимального регулирования обмена веществ на нашей планете необходимо преодоление сложившегося противоречия, поскольку масштабы человеческой деятельности столь существенны, что влияют на функционирование геологического и биологического круговорота. Это обусловлено тем, что, во-первых, человеческая деятельность соизмерима с действием геологических процессов, а по скорости их протекания значительно превышает течение последних; во-вторых, в ходе производственной деятельности синтезируются такие соединения, которые не встречаются в природе. Все это оказывает влияние на сложившееся на протяжении миллионов лет геологической эволюции равновесие, приводя к его нарушению, нарушению структуры взаимосвязей между отдельными звеньями круговорота. В природе дело обстоит иначе: за длительное время количество вещества, вовлеченного в процессы, протекающие в биосфере, остается постоянным. Биосфера обладает большим числом положительных и отрицательных обратных связей, осуществляющих процессы саморегуляции. «Механизмы саморегуляции биосферы складывались стихийно, по мере того, как возникали и приходили во взаимодействие различные ее компоненты. Спецификой

трудовой деятельности является то, что трудовые действия и вызываемые ими процессы с самого начала возникали в каждом конкретном случае вполне сознательно как средство достижения заранее поставленной человеком цели»¹, ориентированной на удовлетворение потребностей людей, независимо от последствий, оказываемых на природу. Размеры вносимых человеком изменений и нарушений в природу при низкой численности населения, примитивных орудиях труда были незначительны, и природа восстанавливала временно нарушенное равновесное состояние и восполняла временно утраченные биологические ресурсы. Вместе с совершенствованием орудий труда возрастало и воздействие человека на окружающую его среду. «Коротко говоря, – писал Ф. Энгельс, – животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней»². Это господство, достигшее своего апогея в настоящее время, приводит к негативным последствиям для самого человека. Живые организмы могут существовать лишь в условиях внешней среды, к которым они эволюционно приспособились, т. е. используют эту среду определенным образом в зависимости от своих потребностей. Человек же по мере исторического развития постоянно расширяет формы взаимодействия со средой, привлекая все новые и новые вещества природы для удовлетворения своих потребностей.

Вовлечение химических соединений, не встречаемых в природе, оказывает, как правило, вредное воздействие на живые организмы, поскольку в ходе эволюции они не взаимодействовали с ними. Искусственные синтетические соединения (детергенты, пластики, пестициды) выпадают из биологического круговорота, не ассимилируются естественными природными циклами и накапливаются как загрязнители. Изменения, которые произошли за последнее время в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства в результате применения технологических процессов, связанных с созданием синтетических материалов, привели к резкому загрязнению окружающей среды, к ухудшению ее качества. Поэтому трудовая деятельность отражает не только позитивную сторону, выражающуюся в освобождении человека от рабской зависимости от природы и в удовлетворении его потребностей, но и негативную, приводящую к загрязнению окружающей среды, к разрушению растительного покрова планеты, к нарушению стабильности экологических систем. Устранение негативных аспектов человеческой деятельности предполагает введение замкнутых циклов производства, сведение к минимуму вредных выбросов, поиски новых энергетических ресурсов. В качестве методологического требования современного природопользования выступает принцип экологической безвредности человеческой деятельности, ориентированный на

¹ Гирусов Э. В. Система «общество – природа»: проблема социальной экологии. – М., 1976. – С. 60.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 20. – С. 495.

поддержание нормальных условий для существования человека. Именно поэтому не только биологические, но еще в большей степени и социальные факторы и процессы, направленные на поддержание качества окружающей среды, имеют решающее значение во взаимодействии общества и природы.

Характер отношения человека и природы определяется преобразованием природы в среду обитания человека. При этом существенное значение для человека имеет как внутренняя среда (его собственное тело), так и внешняя, т. е. среда его окружения. Следовательно, отношение человека и природы не может идти за счет деградации и разрушения одной из этих сред. Усиление воздействия общества на природу ведет к усилению воздействия природы на общество, т. е. общество и природа представляют единую систему.

Вместе с тем воздействие человека на природу коренным образом отличается от действия стихийных природных сил. «В природе, – отмечал Ф. Энгельс, – (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Здесь нигде нет сознательной, желаемой цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях, видимых на поверхности, ни в окончательных результатах, подтверждающих наличие закономерности внутри этих случайностей»¹.

В обществе, наоборот, всегда действуют люди, одаренные сознанием и ставящие те или иные цели. Человек создает и применяет орудия и осуществляет свои цели в использовании природы. В процессе труда создаются такие условия взаимодействия природных тел, в результате которых человек удовлетворяет свои потребности. При этом изменяется форма самого природного процесса, происходит снятие стихийного характера проявления природного взаимодействия.

Творчески активный характер деятельности определяется характером общественных отношений того или иного способа производства, и потому общество в целом взаимодействует с природой. Связь человека с природой социально обусловлена, а характер применения технологии зависит от социальной организации общества, т. е. отношения данной конкретно-исторической формации к природе.

В условиях современного научно-технического прогресса темпы использования человеком природных ресурсов значительно опережают темпы их естественного восстановления, поскольку все увеличивающиеся потребности людей, возрастание численности населения в мире немыслимы без интенсивного использования ресурсов природы. Перед обществом встает задача искусственного воспроизводства природных ресурсов и целых комплексов, которая выступает как новая закономерность общественного развития. Принцип компенсации, т. е. восстановления нарушенных процессов, является важнейшим

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 20. – С. 495.

методологическим принципом природопользования в современных условиях, поскольку достижения научно-технического прогресса во многом оказывают отрицательное воздействие на стабильность экологических систем. Повышение устойчивости таких систем предполагает совершенствование их структуры путем научно обоснованного подбора сообществ, увеличения количества их компонентов и межвидовых связей, ограничения числа конкурирующих видов и других мероприятий. В противоположность этому естественные экосистемы, характеризующиеся сложностью структуры, высокоустойчивы, обладают совершенными механизмами саморегуляции и способны восстанавливать нарушенную структуру за незначительное время.

Высокие уровни загрязнения окружающей среды, приводящие к нарушению функционирования естественных экосистем, оказывают отрицательное влияние на условия жизни людей. При этом нарушения появляются не сразу, а по истечении определенного времени, как правило, когда нарушение достигает предельного значения. Человек заставляет природу служить своим целям, господствует над ней, писал Ф. Энгельс. «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»¹.

В настоящее время эти последствия уже проявляются в различных регионах Земли. Это объясняется прежде всего несовершенством научно-технического прогресса с точки зрения производственного использования его достижений.

Научно-техническая революция углубляет и обостряет противоречия, присущие капиталистическому обществу, обуславливает неизбежность социальных преобразований. Многие зарубежные исследователи подчеркивают, что погоня за прибылью – основная причина «экологического кризиса» и что его предотвращение требует социального переустройства общества. «Понимание причин кризиса окружающей среды, – отмечает, в частности, Б. Коммонер, – влечет за собой понимание необходимости социальных изменений, которые в более широком аспекте заключают в себе и разрешение этого кризиса»².

* * *

По своей направленности и тенденциям современная наука превращается в средство практического овладения силами природы и сознательного регулирования общественных отношений. «Рациональное управление наукой и техникой предполагает обеспечение целесообразных пропорций между различными стадиями научно-исследовательской и проектно-конструкторской работы.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 20. – С. 495–496.

² Коммонер Б. Замыкающийся круг: природа, человек, технология. – Л., 1974. – С. 211.

Соотношение между этими стадиями может быть самым различным в зависимости от решаемых задач, условий, имеющихся возможностей. Однако приоритет должен, без сомнения, отдаваться тем направлениям и видам научно-исследовательских работ, которые обеспечивают успех всему фронту науки и техники, а не тем, что рассчитаны на непосредственный, но проходящий выигрыш¹.

Сложившаяся экологическая ситуация, являющаяся результатом специфического направления физического, химического и технического познания, приводит к переориентации научного познания в целом. Практическое применение результатов науки не может не учитывать их влияние на живое вещество планеты. В соответствии с этим в науке возникают новые методологические принципы, связанные с прогнозированием последствий воздействия человека на окружающую среду и с прогнозированием тех условий, которые могут наступить в будущем. Науку интересуют прежде всего пути выбора оптимальной в данных условиях стратегии и тактики человеческой деятельности, поскольку помимо бесспорных достижений научно-технический прогресс имеет и свои негативные стороны, выражающиеся в разрушении среды обитания человека. Поэтому наука кроме функции познания окружающего мира и его преобразования превращается в средство выживания человечества, что накладывает определенные ограничения на развитие науки в целом. «Разработка методов и способов сознательного регулирования обмена веществ между человеческим обществом и биосферой, включение человеческой деятельности в биотический круговорот планеты и представляют собой новую функцию науки, призванную обеспечить неограниченное временем существование и развитие общества в условиях социально-технического прогресса»².

Управление развитием науки предполагает отказ от многих традиционных форм взаимодействия человека и природы, требует подконтрольности развития науки обществу. Бурный рост численности населения, истощение природных ресурсов, недостаток продовольствия, рост цен, распространение болезней как следствие загрязнения приведут к массовой гибели людей, к экологическому кризису в глобальном масштабе. Таков главный вывод, к которому приходит Дж. Форрестер в работе «Мировая динамика». Для описания любого процесса необходимо выделение наиболее существенных переменных (фазовых координат). Зная состояние системы в данный момент времени t , внешние воздействия, оказывающие влияние на нее, можно описать поведение системы в каждый последующий момент времени. При этом если существенные переменные выделены достаточно полно, если учтены все связи в системе, т. е.

¹ Афанасьев В. Г. Научно-технический прогресс: Управление. Природа // Методологические аспекты исследования биосферы : сб. ст. – М., 1975. – С. 7.

² Камшилов М. М. Третья функция науки // Биосфера и человек. – М., 1975. – С. 52.

если построенная модель достаточно надежна, то получение необходимой информации о поведении системы не представляет затруднений.

Изменение существенных переменных (по терминологии Дж. Форрестера, уровней) равно разности плюс- и минус-факторов. Плюс-факторы увеличивают значение существенных переменных, минус- – уменьшают. Взаимосвязь факторов с существенными переменными образует контуры обратной связи. На основании анализа демографических процессов, истощения природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, экономических показателей общественного развития Дж. Форрестер приходит к выводу, что при сохранении нынешних темпов развития капиталистического общества примерно с середины следующего века начнется резкое увеличение смертности из-за недостатка продовольствия, истощения природных ресурсов, чрезмерного загрязнения среды, т. е. произойдет деградация общественного развития¹.

Недостаток такого подхода не должен заслонять его позитивного содержания. Заслуга Дж. Форрестера состоит в том, что он предложил новый метод исследования сложных динамических систем – метод системной динамики. В этом непреходящее значение его работ.

Построение моделей общественного развития неправомерно осуществлять и без анализа достижений научно-технического прогресса, поскольку только путем развития науки возможно удовлетворение человеческих потребностей. Тот факт, что ресурсы планеты ограничены, не вызывает сомнений. Однако эту ограниченность можно рассматривать как реально существующую лишь в рамках нынешней технологии. Извлечение урана из морской воды, нефти из нефтеносных сланцев, осуществление реакции управляемого термоядерного синтеза и другие меры могут неограниченное время удовлетворять потребности человека в энергии. Поэтому в моделях прогнозирования общественного развития особое место должна занимать модель научно-технического прогресса.

Построение моделей мирового развития на современном этапе развития научного познания – задача чрезвычайно трудная, в особенности применительно к таким сверхсложным системам, как биосфера и общество. Успехи построения моделей, обладающих прогностическими функциями, существенно зависят от знания общих законов той или иной области исследуемых явлений. Такими наиболее общими законами являются законы сохранения, отражающие существенные отношения самой природы. Так, открытие основных законов механического движения тесно связано с соответствующими законами сохранения. Открытие законов сохранения массы, электрического заряда и др. означало формулирование основных физических законов. Выявление законов сохранения жизни (в простейшем случае границ гомеостаза, за пределами которых жизнь невозможна) – важнейшее условие для управления биосферой,

¹ Форрестер Дж. Мировая динамика. – М., 1978. – 420 с.

представляющего сознательную деятельность общества, направленную на ее изменение в соответствии с практическими потребностями. Задача управления биосферой, по существу, сводится к управлению отдельными биогеоценозами с целью обеспечения их нормального функционирования в антропогенных условиях.

Пока человеческая деятельность была незначительной по сравнению с процессами, протекающими в биосфере; эволюция живой природы протекала в соответствии с естественными законами. Приближение человеческой деятельности до уровня природных процессов создает угрозу для существования человечества. Опасность такого рода заключается не столько в уничтожении отдельных сообществ растений и животных (хотя и это само по себе важно), сколько в разрушении сложившихся взаимозависимостей между отдельными видами, ведущими к разрушению структуры биогеоценозов, к вымиранию вида. «Катастрофические, но естественные изменения условий существования, – пишет С. С. Шварц, – вызывают катастрофические снижения численности вида, но не отражаются на воспроизводительных силах популяций. Изменения же, которые вносит в среду человек, как правило, не ведут к катастрофической смертности животных, но ведут к разрушению их популяций. Гибель вида становится при этом лишь вопросом времени»¹.

Сама биосфера как объект управления весьма специфична и содержит огромное количество подсистем, объединенных между собой различными связями, определяющими характер ее функционирования. Она обладает совершенными механизмами саморегуляции, позволяющими самовосстанавливать нарушенные процессы. Специфика биосферы состоит и в том, что она сама себя порождает, выделяет из себя и содержит в себе своего собственного субъекта управления – общество². Эти черты биосферы качественно отличают ее от других известных систем управления и создают определенные трудности на пути к управлению ею. Эти трудности связаны с прогнозированием эволюции биосферы, невозможностью постановки экспериментов в природе, поскольку неизвестно, какие последствия при этом могут произойти, и другими обстоятельствами. В отношении биосферы «мы столкнулись с парадоксальной ситуацией, когда преобразовательная возможность вооруженного техникой человека превосходит прогностические возможности науки»³. Дальнейшее общественное развитие должно основываться на сокращении разрыва между практической деятельностью и прогнозом, на органическом сочетании компенсирующей, контролирующей и прогностической функций. Это пред-

¹ Шварц С. С. Экологические основы охраны природы // Методологические аспекты исследования биосферы. – С. 105.

² Бокарев В. А. Понятие управления и оптимизация биосферы // Там же. – С. 273.

³ Новик И. Б. Философия и проблемы методологического прогнозирования // Проблемы философии и методологии современного естествознания. – М., 1973. – С. 186.

полагает изменение характера отношений человека и природы, изменение самой науки.

Трудности управления биосферой связаны также с тем, что она находится в состоянии развития, причем направленность последнего не может быть предсказана заранее.

Несмотря на отмеченные трудности, к настоящему времени накоплен значительный опыт, позволяющий наметить некоторые меры по управлению биосферой, в частности на пути создания искусственных биогеоценозов, обладающих интересующими человека свойствами. Это позволяет создать определенную новую среду для обитания растений и животных. Изменение среды обитания живых существ определяет темпы и формы эволюционных преобразований. Под влиянием человеческой деятельности характер протекания эволюционного процесса существенно изменяется, происходят быстрые эволюционные преобразования отдельных видов. Это ставит перед человеком задачу разработки методов управления микроэволюционным процессом. Решение этой задачи предполагает выяснение экологической структуры популяции, необратимое преобразование генетического состава которой представляет элементарное эволюционное событие. Структура популяции зависит от распределения животных по территории, от соотношения разных возрастных групп, численности животных и других факторов. Изменение экологической структуры неизбежно ведет к изменению ее генетического состава. Зная структуру популяции, изменяя ее соответствующим образом, можно направить ход микроэволюции в нужном направлении.

Задача управления биосферой сводится к познанию ее основных закономерностей, выяснение которых зависит от структуры популяции, оказывающей влияние на эффективность действия эволюционных факторов: мутационного процесса, популяционных волн, изоляции и естественного отбора. Мутационный процесс и популяционные волны – поставщики эволюционного материала, изоляция определяет становление внутри- и межпопуляционных дифференцировок, а естественный отбор является творческим, направляющим эволюцию фактором¹.

Изучение этих факторов позволило достаточно точно исследовать многие процессы микроэволюции и явилось основой для анализа закономерностей макроэволюции, причин, движущих сил и закономерностей исторического развития живой природы. Последнее в свою очередь важно для понимания закономерностей биосферы, а соответственно, и для выработки оптимальных форм взаимодействия человека и природы.

Знания, добытые в области эволюционной теории, имеют исключительное значение для решения данной задачи, поскольку управление процессом эволюции базируется на ее законах. Эти знания детерминированы социальными

¹ Тимофеев-Ресовский Н. В., Яблоков А. В. Микроэволюция. – М., 1974. – С. 48.

факторами. Низкому уровню развития производительных сил соответствовала идея постоянства живых организмов, их независимость друг от друга. Рост численности населения способствовал интенсификации сельского хозяйства, что влекло за собой и развитие теоретических представлений об эволюции органического мира. Оценивая теорию Ч. Дарвина, Н. И. Вавилов отмечал, что социальный генезис его учения прослеживается во всех деталях. Дальнейшая практика выведения новых сортов растений и пород животных всецело опирается на достижения эволюционной теории. Н. И. Вавилов писал: «...селекция на наших глазах превращается в научную дисциплину, изучающую проблемы эволюции, управляемой человеком, другими словами, становится экспериментальной эволюцией»¹.

Связь эволюционной теории с практикой прослеживается во многих аспектах. В результате искусственного отбора человек повышает продуктивность растений и животных: увеличивает размеры и количество семян у зерновых культур, качество и количество плодов у ягодных культур и плодовых деревьев и т. п., количество мяса, жира у животных и т. д. Действие естественного отбора, хотя и ослабляется в известной мере, однако не утрачивается полностью. Особое значение в этих условиях приобретает стабилизирующий отбор, направленный на охрану нормы. В то же время под влиянием человеческой деятельности изменяется характер отношений между компонентами биоценоза, происходит перестройка связей между различными видами. Поэтому многие искусственно созданные биогеоценозы существенно отличаются от природных, и прежде всего пониженной стабильностью. Естественные биогеоценозы по сравнению с искусственными обладают высокой стабильностью, но незначительной продуктивностью. Регулирование состава сообществ для получения достаточно высокой продуктивности и стабильности – основная задача, стоящая перед сельскохозяйственной практикой. Конкретным примером практического решения этой задачи может служить явление гетерозиса, основанное на достижении жизнеспособности, устойчивости, мощности и плодовитости в результате скрещивания особей путем установления благоприятного соотношения между генами.

Одним из важнейших критериев оптимального управления биосферой является сохранение ее устойчивости. Воздействие на управляемую систему не должно выходить за границы устойчивости. Устойчивость сложных динамических систем (в частности, биосферы) выступает как устойчивость процессивного типа, как устойчивость саморазвивающегося объекта. В соответствии с этим управление биосферой предполагает комплекс сложных мероприятий, направленных на оптимизацию взаимодействий человека и природы, исключение тех вариантов развития, которые выводят общество за границы гомеостаза.

¹ Вавилов Н. И. Роль Дарвина в развитии биологических наук // Дарвин Ч. Происхождение видов. – М., 1935. – С. 37.

Как справедливо отмечает в этой связи Ч. Элтон, уже сейчас необходимо управлять будущим органического мира, но это управление не должно быть чем-то вроде игры в шахматы – оно должно скорее напоминать управление кораблем. Нам необходимо научиться более мудро использовать огромные потенциальные силы размножения популяций растений и животных, научиться представлять некоторым из этих сил достаточную свободу, чтобы они могли взаимодействовать между собой, научиться конструировать такую среду, которая поддерживала бы постоянную устойчивость в том или ином сообществе¹.

Управление биосферой со стороны человечества – сложный, комплексный процесс, направленный на поддержание нормальных условий существования человека и удовлетворение его потребностей, основанный на знании закономерностей эволюции биосферы и закономерностей социально-технического развития.

Это обстоятельство – основа для разработки моделей общественного развития. В качестве базовых моделей выступают общая модель биосферы, выраженная ее главными закономерностями, и модельное представление человеческой деятельности. Наиболее существенными закономерностями биосферных процессов служат процессы энергообмена, климатические процессы, биологический и геологический круговороты, соотношение стабильности и преобразования в развитии живой природы. Социально-техническое развитие определяется демографическими характеристиками, производственной деятельностью в широком смысле, охватывающей использование ресурсов, производство пищи, экономические показатели, масштабы загрязнения, развитие научно-технического прогресса. Анализируя эти существенные переменные, можно прогнозировать общественное развитие и вырабатывать оптимальную техническую политику.

Выполнение поставленных задач – залог сохранения нормального качества окружающей среды, предполагающий гармоническую эволюцию общества и биосферы.

¹ Элтон Ч. Экология нашествий животных и растений. – М., 1960. – 232 с.

Н. Е. Захарова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОЦИОПРИРОДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ: ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

В статье рассматриваются актуальные проблемы социоэкологической устойчивости и формирования человека экологической культуры. Показано, как проявляется диалектическое противоречие между экологическим императивом/идеалом и социо-природной реальностью, лежащее в основе проективной деятельности. Выясняется, как именно в «модели потребного социоприродного будущего», как одной из характеристик экологического императива, происходит постижение смысла социоприродного бытия и социокультурного опыта, а также создания собственного смыслового пространства, выступающего важнейшим фактором личностного развития в условиях информационно-технологических общественных трансформаций. Проективная деятельность рассматривается как единство внутреннего (духовных ценностей, определяющих меру свободы самореализации) и внешнего (способности отвечать требованиями и целям социального и устойчивого социоприродного развития).

Ключевые слова: *социоприродная реальность, экологический императив, проект, экологическая культура, экологическая этика, устойчивое развитие, свобода, ответственность*

N. Zakharova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

SOCIO-NATURAL REALITY AND ECOLOGICAL IMPERATIVE: DIALECTICAL UNITY

The article discusses topical issues of socio-ecological sustainability and the formation of a person's ecological culture. It is shown how the dialectical contradiction between the ecological imperative / ideal and the socio-natural reality, which underlies the projective activity, is manifested. It is found out how exactly in the "model of the required socio-natural future", which is one of the characteristics of the possibility of implementing the ecological imperative, the comprehension of the meaning of socio-natural life and socio-cultural experience is realized. The creation of one's own semantic space is the most important factor in personal development in the context of information and technological and social transformations. Projective activity is viewed as a unity of internal (spiritual values, that determine the measure of freedom of self-realization) and external (the ability to meet the requirements and goals of social and sustainable socio-natural development).

Keywords: *socio-natural reality, ecological imperative, project, ecological culture, ecological ethics, sustainable development, freedom, responsibility*

Задача построения новой парадигмы исследования личности и ее развития в контексте экологизации культуры жизнедеятельности чрезвычайно актуальна в условиях современного полного противоречий и быстро меняющегося мира, где противоречия социальные все в большей степени оказываются связанными с необходимостью решения экологических проблем. Формирование способности к проективной деятельности, то есть преобразованию действительности на основе «модели потребного будущего», выступает одной из характеристик «человека экологической культуры» и возможности осуществления экологического императива.

Новые информационные технологии, а затем так называемые конвергирующие био-, нано-, когнитивные и социальные технологии (НБИКС-технологии) создают новую жизненную среду человека и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире и традиционные человеческие ценности. Жизненный мир человека, будучи историческим и культурным понятием, многократно менялся и был разным в разных культурах. При этом он всегда сохранял определенные инварианты. Сегодня под влиянием глоболизирующего воздействия науки и техники происходит размывание этих инвариантов. В частности, современное общество знания пытается «выйти за пределы природных ограничений». Конечно, не имеется в виду возможность «обойти» законы природы – это никому не удастся сделать. Речь идет о конструировании (с опорой на природные законы) новых образований, а также конструировании самого человека: как его психики, так и телесности, – и проектировании его деятельности, в том числе и условий саморазвития. Распространение новых информационных технологий, в частности Интернета, создает колоссальные возможности для манипулирования психикой. Появляются новые ограничения человеческой свободы, возникает необходимость ее переосмысления. Обостряется старая философская проблема отношения реального и кажущегося, а также знания и мнения, ибо с помощью информационных технологий можно фабриковать знание о реальности, а тем самым до известной степени и саму реальность. Современная наука и техника, породившие постиндустриальное информационное общество, – это вызов для человека, его внутренней и внешней экологии. Перспективы человека и его деятельности во многом связаны с тем, какова будет ценностная ориентация мира, созданного наукой и техникой.

Проективная деятельность, в том числе и конструирование личностного проекта, решается в русле бинарной оппозиции идеала и социальной, социо-природной реальности целей. Экологический императив, или экологический идеал, носит несколько спекулятивный характер. Его появление связано с рефлексией общественного сознания на экологическую угрозу. То есть онтологические основания экологического императива лежат в плоскости идеальной сферы человеческой деятельности. Неистинность (утопического) идеала в том и состоит, что, будучи связан с идеальной сферой человеческой деятельности,

он может не находить действительного источника своего обоснования. В свое время на курьезы философской спекуляции обращал внимание немецкий философ и общественный деятель И. Дицген [1, с. 366].

Непонимание необходимой связи между экологическим идеалом и материальной сферой человеческой деятельности приводит к тому, что экологическое сознание представляет собой в основном здравый смысл своего времени, который еще очень далек от понимания действительных путей реализации экологического идеала/императива. Пример с неожиданным возвышением и признанием заявления в ООН Греты Тунберг, призвавшей бороться с глобальным потеплением, показывает, что оторванность от истинного понимания корней глобального экологического кризиса представляет лишь продукт такого общественного сознания, которое не выходит за границы социально-политических и культурных стереотипов своей эпохи, и потому апеллирует к нравственной точке зрения.

Фактически императивно-экологический идеал сверяется не столько с материальными фактами, сколько с отражением этих фактов в сознании человека (нравственность, право и т. п.). Согласно подобной логике, если дать новое объяснение этому сознанию (экологическому), то можно изменить мир, не понимая, что только объективная природа мира (экологический и культурный кризис) и создала эти условия, сделавшие возможным новое объяснение сознания. Отсюда и стремление нацелить все классы, группы, страты и т. д. социума на общие действия, примирив угрозой экологических последствий их разнородные интересы. А раз на практике императивный идеал не реализуется, то решение ищется в плоскости долженствования. Это спасение зачастую достигается бегством от действительности (экологизм, дауншифтинг, зеленые движения, движение «Zero Waste» и т. п.), но убегающий еще не свободен, поскольку в своем бегстве он обусловлен тем, от чего убегает.

Обратимся к материалистическому обоснованию общественного идеала в философии Л. Фейербаха, которое гласит: оторванность от человека, человеческих качеств в виде идеальной, абсолютной сущности рождает противостояние с реальным человеком. «Наш идеал, – писал немецкий философ, – не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, наш идеал, это – цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек» [2, с. 778]. Идеал и человек уже не противопоставляются друг другу, а рассматриваются в единстве. Обращение к человеческой сущности в понимании идеала и критика абсолютной идеальной сущности в философии Л. Фейербаха являются важным элементом общечеловеческой культуры.

Идеал выступает лишь научным отражением социальной действительности, но таким отражением, которое представляет действительность во всех аспектах ее внутреннего развития. Отражение же зачастую рассматривается с точки зрения отсутствия всякого движения. Получается, что экологический идеал/императив – объективная историческая необходимость. Таким образом,

экологический идеал представляет собой научное отражение закономерно развивающейся социоприродной действительности, но это такое отражение, которое создает идеальный образ социального будущего, по которому должна быть преобразована наличная социальная действительность в целостно развитую действительность.

Можно заметить, что в этих рассуждениях присутствует абстрагирование от ценностного аспекта идеала, который обычно только и признается в экологической этике. Аксиологический аспект мало что дает в понимании природы идеала, поскольку фокусируется на чисто субъективной, оценивающей точке зрения. Вполне можно согласиться с Г. Гегелем, что ценностный подход к идеалу тождествен субъективному идеализму [3, с. 179]. В то же время отрыв чисто научного аспекта идеала от ценностного подрывает жизнеспособность самого идеала. Долгий период начиная с Нового времени существовало твердое убеждение, что знание – это сила. И только наше время показало, насколько может быть опасным это могущество. Стремление связать идеал с реальной жизнью человека законно, но ценностный подход ничем нам не поможет, ведь он связан с субъективной оценкой человека. Думать, что эта оценка во всех жизненных позициях тождественна активной жизненной позиции человека, ошибочно, поскольку такая оценка существует исключительно в сфере наличной когнитивной деятельности субъекта, констатируя, что идеал наличествует. Но важно не то, что идеал есть, а важно содержание этого идеала, и то, истинно ли это содержание. То, что идеал просто есть, не спасает его: придет время, и один идеал сменится другим, и в любом случае мы вынуждены будем обратиться к его содержанию, что невозможно в рамках аксиологического подхода. Потребуется научный анализ для того, чтобы идеал стал убеждением человека и основой его практической деятельности.

Объективное развитие самой социоприродной действительности дает основание утверждать, что экологический идеал/императив не только возможен, но и необходим, неизбежен, потому что он коренится в существенных свойствах этой действительности. Экологический идеал/императив, выступающий в качестве социального инструмента человеческой деятельности, обуславливает необходимость осознания каждым человеком своей жизнедеятельности как жизнедеятельности созидательной. Но само это осознание возможно лишь при условии, что человек знает этот свой инструмент. Как не может быть успешной человеческой деятельности в процессе труда без знания соответствующих орудий труда, так не может быть успешной его экологическая деятельность как члена общества без знания соответствующего идеала [4, с. 74–75], не может воплотиться созидательная сторона сознания.

Экологический идеал/императив как основа регуляции социальной среды логически дополняет и завершает социальный идеал человека, выступая как осознание его образа жизни. Но давая характеристику экологическому идеалу как фактору регуляции социоприродной среды в результате усвоения его

в качестве теоретического знания, следует подчеркнуть, что само это усвоение возможно лишь на основе личной практической деятельности человека. Нельзя представлять себе дело так, что можно усвоить его чисто теоретически, а затем приступать к его практической реализации. Процесс формирования экологического сознания, основанный на точке зрения общих принципов экологической этики, ведет к чисто внешнему привязыванию этих принципов к человеку. Но в таком случае можно привязать к нему совершенно противоположные принципы (отложенной ответственности, потребительства, поклонения вещному миру, меркантилизма и т. д.). И ограничиваясь чисто теоретическим подходом к вопросу о доказательстве истинности или неистинности экологического идеала, мы невольно переходим на позиции просветительства и внешних ограничений, считая, что спор может быть решен путем аргументов и убеждения. Сложность состоит еще и в том, что само понимание неизбежности глобального экологического коллапса при существующем отношении человека к природе на практике может означать стремление противодействовать этой неизбежности, и тогда речь будет идти о ликвидации этого противоречия. Необходимо, чтобы в проектировании целей своей жизнедеятельности человек действовал не в качестве объекта, а субъекта, каковым он является на практике, а это можно реализовать только при условии, что предметом теоретической деятельности человека будут не абстрактные принципы любви к природе, но культурно-экологическое осмысление собственного опыта.

Глобальный культурно-экологический кризис показал, что человек не может произвольно, лишь субъективно управлять своей эволюцией, он должен действовать осознанно, со знанием соответствующих законов, в гармонии с ними. «Из понимания фундаментального факта эволюционирующего бытия человека совершенно объективно, с необходимостью и неизбежностью встает вопрос о новой, эволюционной свободе и новой, эволюционной ответственности человека как двух основных атрибутах и принципах эволюционной культуры» [5, с. 310].

Человек же, созидая эволюцию, безусловно, становится ответственным за все им содеянное, за все достижения и провалы этой эволюции. Он свободен постольку, поскольку он ответственен, поскольку он овладел законами и гармонией созидания, наукой и искусством творения, а точнее, сотворения, ибо в процессе этого созидания наряду с ним, вместе с ним участвует и весь остальной мир. Человек сам эволюционирует и, создавая эволюцию остального мира, эволюционирует вместе с ним, находится в постоянном процессе со-созидания, совместной со всем остальным миром *коэволюции* и эволюционного восхождения.

Допустимо предположить, что реализация универсальных оснований экологического императива в общественной практике зависит от условий, в которых принципы коэволюции выступают в качестве мобилизующей и интегрирующей силы. При обозначенных условиях должно присутствовать чувство

общего приятия, общей причастности, общей деятельности, поэтому воплощение универсальных предписаний морали в общественной жизни неизбежно ограничивается существованием отдельных субъектов (государств, корпораций, сообществ, партий, слоев и групп), традиционно исходящих из своих специальных интересов и предпочтений. Нельзя исключить и проблему морально обоснованной пристрастности, когда этическую правильность тех или иных действий приходится определять между отдаленными (биосферными) и близкими (личными, групповыми, национальными) предпочтениями [6, с. 38]. Универсальность моральных требований не следует смешивать с тем, насколько они распространены и общепризнаны. Моральные ценности в условиях глобализации целого ряда рисков развития технологий, общества потребления, культурных трендов нуждаются прежде всего в коррелятивных императивных формулировках, которые универсальны не потому, что общепризнаны, а потому, что обращены к каждому.

По мысли Эпикура, нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо. В философии И. Канта нравственное сливается с идеей религиозного, божественного. По его мнению, Церковь есть всеобщее и необходимое нравственное единение. Нравственная субстанция, по Г. Гегелю, немислима без социальной общности людей, феномен нравственности возможен только во взаимоотношениях людей и в их отношении к природе, к Богу. Причем экологический дискурс этики можно считать не целью, а средством, модальностью перехода к вершинам духовно-нравственного развития человека. Побуждением к усилению модальности экологического императива становятся перемены в самом обществе и в общественном сознании, стоящих перед необходимостью формирования новых принципов экологичной жизнедеятельности, для чего необходимы и новые экоцентрированные ценности, прежде всего ценности материального потребления.

Устойчивое развитие социума и его членов представляет собой триаду: свобода – необходимость – истина. Или другими словами право – долг – знание. Человек не продвинется по пути решения порожденных им экологических проблем, если он только апеллирует к правам и безразличен к долгу и истине. То есть права человека тут относятся не к личностной, а к общественной силе, к равным социально-экологическим возможностям для всех людей. Вместе с тем юридическое равенство является только первым этапом, этапом права, этапом свободы. Идея такого развития, «обязанностей для всех», «долга», «необходимости» – это более высокая ступень освоения экологической ответственности. Другими словами, экологические права человека заключаются в том, чтобы жить по долгу, осознанно. Диалектический парадокс приведенной триады в том, что права человека – это права общества на устойчивое развитие, то есть справедливые и равные права для всех, что возможно только при отрыве человека от уровня «права» и переходе его на более высокую ступень «морали» и «разума».

В основе этики И. Канта также лежит не стремление к счастью, а стремление быть *достойным* счастья. Осуществляясь при выполнении долга, который и есть категорический императив, это стремление должно быть бескорыстным, свободным от желаний [7, с. 344]. Вот почему принцип личного счастья, пользы, наслаждения, который зачастую выдается за высшее человеческое достижение достойной жизни, по сути, противоречит моральному закону. Ведь этот принцип гласил бы: люби себя больше всего, а Бога и ближнего своего – только ради самого себя. «Вот почему и мораль, собственно говоря, есть учение не о том, как мы должны сделать себя счастливыми, а о том, как мы должны стать достойными счастья» [7, с. 463]. И закон долга дает человеку внутреннюю свободу, избавление от безудержной навязчивости склонностей [7, с. 498], тем самым вызывая уважение к самому себе. Таким образом, признается свободной только воля, глубоко осознающая долг.

Что же является долгом в отношении природы? Воля, глубоко осознающая долг в отношении природы, а не только человека. Экологический императив – это запретная черта во взаимодействии с природой, преступать которую человечество не имеет права ни при каких обстоятельствах. Экологический императив имеет безусловным приоритетом сохранение живой природы, видового разнообразия планеты, защиту окружающей среды от чрезмерного загрязнения, несовместимого с жизнью. В данном императиве нет противоречия с правами человека и свободой, ибо свободная личность глубоко осознает долг и поступает морально и добродетельно, включая в принципы моральности не только человеческий, но и природный компонент.

Утилитаристская этическая теория (Дж. Милль, Дж. Бентам, П. Сингер) в онтологическое основание этики кладет принцип пользы, полезности и принцип равенства. В итоге этическую правильность тех или иных действий утилитаристскому нравственному субъекту приходится определять между счастьем одних и счастьем других людей. И в этот момент люди предстают неравными между собой. Кого спасти при пожаре: горящий лес, или людей, или животных, бегущих из него? В отношении природы есть не только вопрос отдаленности или беспристрастности. Если мы так поступаем, то должны хотя бы знать, что поступаем безнравственно.

Здесь представляется очень перспективной разработка Г. Йонасом «новой этики» глобальной ответственности и принципиальной ценности жизни. Расширение масштабов человеческой деятельности потребовало пересмотра границ ответственности в отношении субъекта, которым становится все человечество, и объекта (в него включается биосфера и будущие поколения) [8, с. 71]. Универсальным принципом человеческой деятельности во всех сферах, по Йонасу, должна стать «эвристика страха» – необходимость действовать из страха перед будущим, что требует признания преимущества плохого прогноза перед хорошим [8, с. 220].

Каждый человек в отдельности не является «экологическим злодеем», не совершает поступков, явно губительных для природы, но из его воли и миллиардов волей складываются масштабные последствия. Здесь мораль как бы снижается до уровня права, обеспечивая некие договорные обязательства в сфере морали [9, с. 22]. Домохозяйки с ежедневным выбором и предпочтениями, автовладельцы, индустрия потребления и развлечений, интересы корпораций по производству новых лекарств и средств омоложения, гедонизм в привычках большинства – все это подтверждает, что преодоление стереотипов внеэкологического поведения требует кардинальной перестройки сознания именно обыденного уровня. Г. Йонас подчеркивает, что решение проблемы живого и полноты человеческой жизни как единства природного и социального возможно именно на сугубо человеческом, моральном уровне взаимоотношений [10, S. 29].

Значительная часть этического теоретизирования и нравственная экологическая практика принципиально не согласованы между собой в вопросах о содержании и приоритетности моральных требований. В этом случае преобразовать необходимо именно повседневную нравственную практику, поскольку требовать моральной беспристрастности в таких социальных сферах, как семья, нация, государство и т. д., в пользу экологической этики и эоцентрической морали можно только с помощью вытеснения некоторых нравственных традиций на периферию общественной жизни, а также глобальной реконструкции некоторых из ныне существующих общественных институтов.

Список использованных источников

1. Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 29. – С. 3–620.
2. Фейербах, Л. Лекции о сущности религии / Л. Фейербах // Избр. филос. произведения : в 2 т. – М. : Политиздат, 1956. – Т. 2. – С. 490–810.
3. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1 : Наука логики. – 452 с.
4. Павлов, Т. Л. Информация, отражение, творчество / Т. Л. Павлов. – М. : Прогресс, 1967. – 105 с.
5. Конашев, М. Б. Эволюционная теория и эволюционная культура / М. Б. Конашев // Идея эволюции в биологии и культуре / отв. ред.: О. Е. Баксанский, И. К. Лисеев. – М. : Канон+, 2011. – С. 309–320.
6. Прокофьев, А. В. Парадоксы морально обоснованной пристрастности / А. В. Прокофьев // Человек. – 2008. – № 2. – С. 37–53.
7. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант // Собр. соч. : в 6 т. / [под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гульги, Т. И. Ойзермана]. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 1. – 544 с.
8. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас ; пер. с нем. И. И. Маханькова. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – 480 с.
9. Прокофьев, А. В. По ту сторону беспристрастности / А. В. Прокофьев // Человек. – 2009. – № 3. – С. 21–34.
10. Jonas, H. Technik, Medizin und Ethik: zur Praxis des Prinzip Verantwortung / H. Jonas. – Frankfurt a/M. : Insel, 1985. – 422 S.

А. С. Червинский

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ В СТРУКТУРЕ СОЦИОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье исследуются актуальные аспекты философско-методологического обеспечения социоэкологической проблематики, определения приоритета концептуального взаимодействия философской и естественнонаучной познавательной структуры, выявляется перспективный вектор развития социально-экологического знания.

***Ключевые слова:** философская методология, экологические исследования, качество окружающей среды, качественные изменения экологических систем*

A. Chervinsky

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHICAL METHODOLOGY IN THE STRUCTURE OF SOCIOECOLOGICAL RESEARCH

The article examines the current aspects of the philosophical and methodological support of socio-ecological problems, determining the priority of the conceptual interaction of the philosophical and natural-scientific cognitive structure, reveals a promising vector for the development of socio-ecological knowledge.

***Keywords:** philosophical methodology, ecological research, environmental quality, qualitative changes in ecological systems*

Введение

Философско-методологическая разработка социоприродной проблематики может служить исходным базисом для формирования комплекса эффективных прикладных методик оценки ее качества, в которых будут преодолены традиционные недостатки, что позволит сформировать адекватную реалиям комплексную оценку состояния среды жизнедеятельности человека. Интерпретация проблемы сперва на философско-методологическом уровне с последующей экстраполяцией концептуального конструкта на комплекс прикладных разработок имеет то принципиальное значение, что обеспечивает должный уровень экологической грамотности, становление которой происходит в тесной связи с внедрением в социальную практику механизмов оптимального природопользования, что в свою очередь расширяет перспективы как оптимизации функциональных связей в системе «общество–природа», так и использования методологии анализа сложного социоприродного объекта.

Каждый этап в истории развития такого динамического объекта, как система «человек–природа», выдвигает свои актуальные проблемы в качестве объекта теоретического исследования. Основное содержание глобального процесса, охватывающего практически все стороны взаимодействия общества с окружающей природной средой, заключается в качественном изменении роли социального фактора в обеспечении темпов и направлений дальнейшего развития всей совокупности биосферных компонентов, в усилении регулятивных функций общества по отношению к природе в связи с развитием научно-технической революции. Человечество получило возможность влиять на структурно-функциональную организацию живых систем путем воздействия на свойственные им регулятивные механизмы в объемах, превышающих пределы гомеостатических норм. Антропогенная регуляция динамического равновесия природных экосистем отличается от биотической саморегуляции целенаправленным характером, тем, что основывается на определенной гипотетической схеме. Эффективность регуляции в конечном счете зависит от того, насколько научно обоснована схема. В связи с этим возрастает роль науки в планировании способа воздействия человека на природу, выбора цели, обоснования и прогнозирования конечного результата, а также в разработке методов определения эффективности антропогенного преобразования среды [1, с. 82].

Философский аспект проблемы заключается в содействии разработке новых методов и познавательных процедур в момент перехода научного знания на новый уровень анализа социоприродных связей, развитию понятийного аппарата в связи с расширением познавательной деятельности и включением исследования качественно новых аспектов социоприродной динамики, а также в обосновании исследовательских принципов разработки общей стратегии социозэкологической оптимизации на современном этапе социоприродного взаимодействия.

Принципиально важным является вопрос о направленности исследовательского процесса, ориентированного на поиск оптимальных вариантов взаимодействия человека и природы, и предоставлении необходимого базиса в научно-практическом решении проблемы социоприродного взаимодействия.

Философия как методология социальной экологии

Разработка концептуальных оснований качества природной среды обитания как нормативной характеристики поступательного изменения, необходимого для осуществления жизнедеятельности и обеспечения оптимальных параметров социального природопользования, может служить исходным базисом для формирования эффективных *прикладных методик комплексной оценки* в Беларуси, в которых будут преодолены традиционные недостатки: фрагментарность оценочной схемы, ее внутренняя противоречивость, часто приводящая к несопоставимости результатов исследования. Это позволит сформировать

адекватную белорусским реалиям *комплексную оценку*, на основе которой могут быть разработаны стратегические направления устойчивого социально-экономического развития Беларуси [10, с. 257].

Анализ проблемы оптимизации динамики социоприродных отношений предполагает отражение в концептуально-оценочном конструкте максимальной возможной полноты реально существующих связей и отношений, межэлементной и межуровневой иерархии, характерной для такого сложноорганизованного объекта, каким являются природные системы. Для этого необходим развитый понятийно-методологический аппарат, способный с должной степенью оценочной адекватности отразить в понятийном выражении логику структурно-функциональной организации объекта оценки – окружающей человека природной среды обитания.

Необходимо конкретизировать концептуальный статус понятия «механизмы оптимизации социоприродной динамики», поскольку его объем не ограничен сферой социоприродного взаимодействия и включает совокупность факторов, содержащих признаки функциональной социоприродной общности и способных к агрегативному выражению на основе обобщения единичных понятий. В структурном отношении понятие является комплексным, включающим конкретно-репрезентативные формы, которые характеризуют оптимизацию состояния системных элементов природной среды. Это позволит на основе развернутого анализа современной социоприродной ситуации выявить специфику деструктивных трансформаций в сфере отношений человека с окружающей природной средой и выработать алгоритм реализации практических мер по минимизации экологических последствий такой деструкции.

Специфика социоприродной деструкции может быть проявлена как возникновение и переход на уровень глобальных проявлений антропогенных загрязнителей в связи с развитием прежде всего генной инженерии. Модифицированные на генном уровне продукты не отторгаются, в отличие от традиционных техногенных загрязнителей, из системы природных компонентов, с достаточной легкостью включаются в структуру природных метаболизм и тем самым формируют принципиально новую социоэкологическую ситуацию с неопределенными перспективами сохранения условий нормальной жизнедеятельности человека.

Разработка проблемы вхождения загрязнителя в структуру биоценоза и изменения его функционального статуса в системе биосферы предполагает использование принципа «качественно-количественной сопряженности оценочных показателей» в определении качества природной среды обитания, что позволит выявить специфические особенности устойчивого развития искусственных экосистем [2, с. 101].

Особенности устойчивого развития искусственных экосистем, связанные с низкой экологической пластичностью культивируемых видов, недостаточным видовым разнообразием и другими факторами, характерными для такого

уровня социоприродного взаимодействия, обуславливают необходимость широкого использования методологического потенциала философии.

Поскольку развитие человечества связано с пространственной экспансией и качественным изменением форм антропогенного воздействия на биосферу, то в производственном процессе создаются новые возможности для трансформации продуктов технической деятельности в структуру биоценозов, поскольку этот процесс включает в себя геохимическую деятельность в качестве функционального аспекта.

В социальной экологии востребована разработка концептуальных предпосылок оценочного анализа устойчивого развития природопромышленных комплексов с учетом структурно-функционального единства природных и социальных компонентов на уровне агроценозов [7, с. 18].

Дифференциация окружающей среды по степени участия антропогенного фактора в обеспечении структурной целостности системы и сохранении функциональных характеристик основных ее компонентов может явиться той методологической платформой, на которой достижимо преодоление противоречия между объектным и субъектным подходами к формированию оценочного комплекса. Феномен комплекса предполагает не просто суммирование большого числа оценочных критериев с незначительной их взаимной адаптацией, но строгую в методологическом отношении иерархизацию оценочных критериев по принципу соподчиненности [8, с. 206].

Отношения между исследуемыми уровнями характерны своей преемственностью, когда формирование более общих по объему уровней на базе единичных часто приводит к консервации узких характеристик понятия даже в случаях перехода на уровень сложных категориальных структур. При этом отвлечение от фактора предметности описываемого природного явления и перенос акцента на обстоятельства взаимодействия между человеком и объектом, в роли которого выступает среда обитания как совокупность внешних условий существования, приводит к представлению о качестве природной среды как определенной функциональной характеристике субъектно-объектных отношений, содержание которой зависит от характера конкретных социальных, прежде всего хозяйственных, потребностей. Происходит определенное механическое суммирование сущностных характеристик отдельных биосферных компонентов в общее понятие практически без учета того обстоятельства, что новое понятие призвано отражать закономерности более широкого порядка, следовательно, принципиально новой системы отношений. Если состояние какого-нибудь объекта устанавливается в связи с наличием в объекте какого-либо признака, то с изменением или исчезновением этого признака непременно исчезнет и сама качественность исследуемого объекта, и объект, предмет, система переходят из разряда качественных в число неблагоприятных, экологически вредных. К такой смене свойств объекта могут привести не только преобразования его структуры, но и смена системы отношений, возник-

новение новой функциональной направленности с изменением степени общности среды, в которой реализуются его свойства.

Целенаправленное преобразование природы предполагает познание ее существенных свойств, формирование алгоритма преобразовательного процесса, посредством которого будет осуществляться изменение. Вовлекая различные биосферные компоненты в орбиту практической деятельности, человек познает их существенные свойства, достигая при этом высокого уровня достоверности, поэтому исследование проблемы приобретает не только онтологическое, но и гносеологическое содержание.

Интегративные тенденции, характеризующие современный уровень отношений человека и окружающей природной среды, дальнейшее развитие получают на основе усиления целенаправленной природообразующей деятельности, с одной стороны, и формирования разумных, методологически обоснованных принципов социального управления окружающей средой – с другой.

Становление и поступательное развитие социоприродных отношений предполагает радикальное изменение состояния природных и антропогенных факторов в обеспечении жизнедеятельности организмов, в определении направлений и темпов их дальнейшего развития.

Изменение естественных детерминантов динамики жизнедеятельности отдельных организмов и экологических систем в сторону большей социализации усложняет оптимизацию природного и социального, так как в этом случае объектом социальных преобразований становятся не только сами материальные носители жизни, но и абиотические компоненты биосферы как условия их существования. Формирование фундаментального единства человека с абиотической средой в большинстве случаев требует преобразования материально-структурных основ компонентов биосферы с целью преодоления состояния «подчиненности» человека природным силам.

Оптимизация динамики их отношений возможна как на уровне адаптации человека к природным условиям, так и на уровне целенаправленного техногенного изменения природы. Такая адаптация требует антропогенного преобразования окружающей среды в целях достижения большего ее соответствия потребностям человека. Социальное в этом случае приобретает статус первичности по отношению к природному в процессе детерминации биосферных процессов.

Значение проблемы целенаправленных изменений природы под воздействием антропогенных факторов и особенностей развития корреляционных отношений между различными по степени социальной детерминированности системами биосферных комплексов заключается в том, что она позволяет рассмотреть проблему становления системы «общество–природа» как проблему качественных изменений сложного динамического объекта в процессе его развития. Такой подход – важное условие успешного решения задачи формирования новой социоприродной ситуации под непосредственным влиянием

техногенеза на постиндустриальном этапе, так как он позволяет осуществить перевод проблемы из области простых наблюдений в область научной интерпретации. Выделенные уровни природной среды, имеющие различную степень структурно-функциональной организованности, специфические формы внутренних и внешних закономерностей, выражают этапы общего для всех биосферных компонентов процесса качественных преобразований природной среды в процессе становления.

Такая последовательность развития природной среды позволяет определить образование каждого нового этапа как разрешение противоречий между поступательным развитием социума и ограниченными возможностями окружающей природной среды. В определении оптимизирующей роли антропогенного фактора по отношению к различным природным комплексам следует руководствоваться принципом конкретности как одним из важнейших требований философской методологии.

Динамика социально-природных связей в своем подавляющем выражении характеризуется перманентным состоянием конфронтации, что можно объяснить антропоцентристскими тенденциями к расширению сферы влияния, и только осознание пределов биосферных возможностей способно смягчить последствия антропогенной экспансии [5, с. 123].

Формирование комплексной оценки социоприродной динамики предполагает оперирование критериями по принципу «оптимально–экстремально», при этом рассматриваемые факторы традиционно определяются количественно, а при окончательном нормативном определении экстремального в экологическом отношении региона выявляется суммарный показатель, который при необходимости может быть выражен в виде среднеарифметической величины и именно в таком выражении представлен в системе нормативных оценок. Качественная оценка основывается на количественном анализе, играет решающую роль в формировании комплексной концептуальной картины, поскольку позволяет произвести сравнительный анализ биотопов, находящихся на разных уровнях техногенной деградации, и соотнести показатели с определенной нормативной схемой.

Основу нормативных стандартов составляют медико-биологические критерии, в соответствии с которыми происходит оценка не всей совокупности качественных характеристик окружающей среды, а только тех ее компонентов, которые могут выразить совокупность условий комфортности экологической ситуации или, наоборот, ее экстремальности. Приоритет качественных критериев перед количественными не препятствует формализации оценочного процесса и не ограничивает возможности количественной интерпретации. Более того, экологическая безопасность как нормативный феномен может быть выражен в количественном аспекте, а выделяемые нормативные уровни определены в числовом выражении.

Важной представляется операция определения иерархии характеристик экологической безопасности в соответствии с требованиями социальной заданности, содержание которой заключается в анализе качественных определений экологических аномалий с учетом различий функционального проявления. Иерархическая структурализация факторов должна осуществляться с учетом их влияния на качество окружающей среды, возможности возникновения синергетических эффектов и изменения в связи с этим иерархической структуры. Поисковый алгоритм, имплицитно присутствующий в иерархической классификации экологических факторов, включает в себя выбор цели, выбор критериев, определение приоритетов, возможных альтернатив, выявление значения и весомости критериев. Однако детализация каждого элемента значительно затруднена в связи с неразработанностью методов определения факторов в комплексном системном проявлении. Пока наиболее эффективным вариантом оценки каждого из экологических факторов является соотнесение его функциональных характеристик с социальным запросом, что, безусловно, не может удовлетворить в должной мере потребность в методологическом обеспечении проблемы экологической безопасности, особенно в связи с вероятностью глобальных социоприродных катастроф, связанных с загрязнением окружающей среды [9, с. 87].

Если для анализа ситуации не использовать количественные представления о характере взаимной сопряженности показателей, то в процессе прикладного исследования факторов экологической деградации необходимость в количественной интерпретации возникает на стадии сравнительного анализа исследуемых факторов в системе нормативной оценки. Определение значимости факторов в соответствии с их значением для сохранения или, наоборот, разрушения структурной организации системы «человек–природа» устанавливает оценочную приоритетность показателей в концептуальной схеме.

В контексте экологической опасности в связи техногенным загрязнением транзитивность факторов проявляется в специфической форме, в которой приоритетность факторов, обуславливающих ситуацию, не имеет жесткой линейной направленности, поскольку, с одной стороны, каждый из них полиаспектен в качественном отношении и, с другой стороны, представлен компонентами, не меняющими по существу структурной упорядоченности природных компонентов.

Экологическая оценка биоценоза любой степени организации предполагает определение его роли как в системе социоприродных отношений, так и (безотносительно к человеку) выявление его роли в системе биосферных компонентов. Функциональная определенность биоценозов с искусственным, антропогенно детерминированным характером метоболических процессов связана с сезонной цикличностью [4, с. 146], не имеет фиксированной территориальной привязанности на длительный срок, и их экологическая роль представля-

ется крайне неопределенной, в отличие от социальной, под которой традиционно подразумевается способность экосистемы обеспечивать человека продуктами питания.

Естественные экосистемы, в условиях Беларуси – это прежде всего хвойный лес, не могут иметь такого продуктивного значения, как агроценозы, поскольку дикоросы не в состоянии в своем качественном и количественном выражении удовлетворить пищевые потребности человека. В социальном плане лесная экосистема является источником энергетического обеспечения и в этом проявлении может быть интерпретирована как в системе качественной оценки, так и в соответствии с нормами экологической безопасности. Однако следует иметь в виду специфику каждой из оценочных структур. Если качественная оценка может носить непосредственный характер и многоаспектную ориентацию, находящуюся в зависимости от изначальной заданности оценочного процесса, то определение по принципу «экологически опасно – экологически безопасно» по отношению к лесному биотопу на территории Беларуси может быть только опосредованным и моноаспектным.

Опосредованность заключается в том, что критерии экологической опасности по отношению к естественной экосистеме осуществимы только через комплекс субъектных (в нашей терминологии социальных) критериев. Так, промышленная продуктивность лесного биотопа может быть выражена через понятие «экономическая безопасность» только тогда, когда речь идет о древесине как товарной продукции, а через понятие «энергетическая безопасность» – в случае, когда продукция биотопа рассматривается как потенциальный энергетический ресурс и т. д., но при этом вторая, собственно биосферная, природная сторона биотопа остается по-прежнему сферой экологической оценки по принципу «качественно–некачественно», а сама оценка может быть реализована безотносительно к социальному (экономическому, энергетическому, эстетическому и т. д.) статусу экосистемы. За качественной оценкой при этом остается возможность многоаспектности в силу того обстоятельства, что функциональные отношения в системе биосферных связей характеризуются полинаправленностью.

Предложенная структура оценки, реализуемая по принципу «качественно–некачественно» предполагает дифференцированный подход к объекту оценочной интерпретации. Если оценке подвергается конкретная экологическая система (прежде всего, как было отмечено, естественная), то предполагается в качестве исходного условия выделение оценочных аспектов в отдельные проблемные блоки, в которых концентрируются тождественные или по меньшей мере близкие по своим функциональным характеристикам факторы. При этом структурные характеристики теряют свою актуальность и могут быть опущены при блокировке как несущественные, второстепенные. Выделение комплекса факторов по одному общему для них признаку позволяет осуществить их агрегацию и представить в качестве единого либо деструктивного

(в зависимости от изначальной поисковой направленности анализа) объекта оценочной интерпретации.

При рассмотрении проблемы техногенных преобразований окружающей среды необходимо учитывать, что антропогенная деятельность на современном этапе не сводится к созданию технических комплексов, оказывающих влияние на окружающую среду, а выступает также в виде целенаправленных антропогенных преобразований естественных экологических систем (процесс «окультуривания» природы). Формирование технических комплексов и окультуривание природной среды в процессе антропогенного воздействия имеют общую особенность – они выступают результатом общественного труда человека, материальным воплощением его целенаправленной деятельности и в этом смысле оказываются продуктом социальной формы движения материи. Такое положение, когда техногенные и природные антропогенно преобразованные системы в одинаковой мере включают в себя социальную форму движения (в виде целесообразного управления системами), создает условия для формирования определенного симбиоза «общественный труд – технические комплексы – живая природа», что и составляет искомый вариант построения биотехногенных систем.

Заключение

Значение теоретико-методологического анализа проблемы целенаправленных изменений природы под воздействием антропогенных факторов и особенностей развития корреляционных отношений между различными по степени социальной детерминированности системами биосферных комплексов заключается в том, что он позволяет рассмотреть проблему оптимизации социоприродного взаимодействия как философскую проблему качественных изменений сложного динамического объекта в процессе его развития. Рассматривая перспективы возможности регулирования природной среды, следует иметь в виду, что на нынешнем этапе взаимодействия общества с окружающей средой всепроникающая деятельность человека уже не позволяет в чистом виде изучать природу. Биосфера как открытая динамичная система включает в качестве своего компонента человека с его социальными атрибутами. В процессе развития биосферы с одной стороны и поступательного развития общественного организма – с другой реальный статус человека в системе биосферы претерпел значительные изменения, что привело к тому, что сегодня многие природные процессы протекают под непосредственным или опосредованным влиянием антропогенных факторов. Степень социальной детерминации природных процессов на различных уровнях структурной организации биосферы настолько возросла, что в соответствии с выводом В. И. Вернадского следует говорить о правомерности выделения *антропогенного* круговорота вещества и энергии, качественно отличающегося от естественных – биотического

и геохимического, а также о необходимости различать два типа эволюции – естественную и антропогенную [3, с. 36].

Такой подход – важное условие успешного решения проблемы дисциплинарного становления социальной экологии, так как он позволяет осуществить перевод проблемы из области простых наблюдений в область научной интерпретации.

Список использованных источников

1. Бернал, Дж. Возникновение жизни / Дж. Бернал ; пер. с англ. И. Б. Бухвалова [и др.] ; под ред. и с предисл. А. И. Опарина. – М. : Мир, 1969. – 391 с.
2. Браун, Р. Л. Рисуя картину устойчивого общества / Р. Л. Браун, К. Флэвин, С. Постел // Экологическая антология. – М. : Голубка, 1992. – 268 с.
3. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой природе / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1975. – 177 с.
4. Водопьянов, П. А. Устойчивость динамики биосферы / П. А. Водопьянов. – Минск : Наука и техника, 1981. – 246 с.
5. Дарвин, Ч. Происхождение видов / Ч. Дарвин. – М. : Гос. изд. с.-х. лит., 1952. – 223 с.
6. Рябкова, С. А. Возникновение и основные проблемы вхождения концепции устойчивого развития в мировую политику и науку / С. А. Рябкова // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитар. и социал. науки. – 2015. – № 2. – С. 34–40.
7. Сен-Марк, Ф. Социализация природы / Ф. Сен-Марк. – М. : Прогресс, 1977. – 440 с.
8. Тейяр де Шарден. Феномен человека / Тейяр де Шарден ; предисл. Р. Гароди ; пер. с фр. Н. А. Садовского. – М. : Прогресс, 1965. – 296 с.
9. Широканов, Д. И. Категории диалектики и развитие обобщений в истории научного познания / Д. И. Широканов // Академик Широканов Дмитрий Иванович: философия, методология, познание / сост.: В. Г. Гавриленко, Р. И. Ядевич ; Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2016. – С. 162–174.

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ И ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

ПОСТИГАЯ СУЩНОСТЬ РЕЛИГИИ И ФОРМИРУЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ

Религиоведческие исследования – одно из приоритетных направлений научной деятельности Института философии НАН Беларуси. Еще с момента основания академического научного учреждения в его структуру наряду с другими тремя секциями входила антирелигиозная, в которой под руководством академика С. Я. Вольфсона выполнялась плановая тема «Атеистическое движение в БССР». К 1930-м годам был накоплен огромный массив эмпирического материала в области атеистического воспитания масс и формирования у них научного мировоззрения. Требовалось систематизировать и с философских позиций осмыслить имеющиеся данные, выработать стратегию дальнейшей работы государственных институтов и общественных организаций в этом направлении, а главное, углубить философскую базу анализа и критики религии, что и было поручено сотрудникам учрежденной секции. Основной причиной актуальности темы атеистического воспитания населения являлась стоящая перед государством задача формирования отечественной науки, широкого спектра отечественных научных школ. Решить эту сверхзадачу без масштабной атеистической работы не представлялось возможным.

Уже в первые годы работы сотрудники секции представили реальную картину религиозного состояния белорусского общества и внесли ряд конкретных предложений по совершенствованию системы атеистического воспитания населения. Наряду с этим приступили к системному исследованию процесса формирования свободомыслия и атеизма в Беларуси.

В послевоенные годы работа в этой области продолжилась. Были опубликованы монографии П. М. Кирюшиным «Религиозное сектантство и его сущность» (Минск, 1957), В. М. Ковалгиным «Як рэлігія перашкаджае пазнаваць і пераўтвараць свет» (Минск, 1960), А. С. Карлюком «Очерки по научному атеизму» (Минск, 1961), Е. М. Бабосовым «Тейярдизм. Попытка синтеза науки и христианства» (Минск, 1970) и др.

Программная идеологическая установка советской эпохи предполагала необходимость научной критики религии с целью формирования атеистического мировоззрения граждан Беларуси. В этом направлении работа велась до середины 1980-х годов. В научных публикациях обосновывалась идея закономерности утверждения в общественном сознании как на теоретическом, так и на его обыденном уровне свободомыслия, а также твердого убеждения в иллюзорности каких-либо сверхъестественных сил. Именно под этим углом зрения

анализировалась человеческая история и ее рефлексия в философской и общественно-политической мысли Беларуси. С позиции рационализма процесс формирования свободомыслия и атеизма представлен в коллективных трудах «Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: избранные произведения XVI – начала XIX в.» (Минск, 1962), «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии (до 1917 г.)» (Минск, 1973), «Из истории свободомыслия и атеизма в Белоруссии» (Минск, 1978) и др. Значительный вклад в научную разработку этой темы внесли В. А. Сербента, Н. А. Алексютович, В. И. Протасевич, А. А. Чудникова и в особенности Е. С. Прокошина – старший научный сотрудник, а затем научный руководитель группы исследователей отдела истории философии Института философии. Именно в ее индивидуальных монографиях «Мелетий Смотрицкий» (Минск, 1966), «Очерк свободомыслия и атеизма» (Минск, 1973), «3 гісторыі вальнадумства і атэізму ў Беларусі» (Минск, 1978), «Казимир Лыщинский» (в соавторстве В. Ф. Шалькевичем, Минск, 1986) детально отражена картина формирования свободомыслия и атеизма в Беларуси в отдельные исторические эпохи.

С 1990-х годов парадигма исследования религии и Церкви претерпела существенные изменения. Прежде всего, они не стали представляться в качестве антиподов науки и государства. Заметим, что еще в бытность СССР, вернее, на его закате, была сделана официальная установка на сотрудничество государства и Церкви. Однако ученые академического института, и прежде всего руководитель научно-исследовательской работы в области религиозной тематики Е. С. Прокошина, не отказались от своих прежних наработок в области религиоведения и научного анализа религии как формы общественного сознания и Церкви как социального института, хотя при этом стали руководствоваться более взвешенными оценками их места и роли в историческом процессе. Именно на научной основе учеными был проведен системный анализ неокультов, что явилось важным вкладом в исследование общественного сознания в Беларуси в переходную эпоху – эпоху радикального преобразования ее экономических и политических устоев. Результаты опубликованы в книгах «Неокульти: “новые религии” века?» (4-е изд., Минск, 2002), «Неокульти: идеология и практика» (Минск, 2005, авторы – Е. С. Прокошина, Т. П. Короткая, Н. А. Кутузова, И. Ф. Рекуц, А. А. Титовец и др.), «Современная религиозная ситуация в Беларуси: состояние и перспективы развития» (Минск, 2005) и др.

На рубеже XX–XXI вв. были изданы и другие серьезные исследования – «Старообрядчество в Беларуси» (Минск, 1992, авторы – Е. С. Прокошина, Т. П. Короткая, А. А. Чудникова), «Христианство в Беларуси: история и современность» (Минск, 2000, авторы – Т. П. Короткая, А. И. Осипов, В. А. Теплова), монографии Т. П. Короткой «В поисках новой рациональности. Религиозная философия в России конца XIX – начала XX в.» (Минск, 1994), И. Ф. Рекуца

«Униатство и духовная культура Беларуси» (Минск, 1996), Н. А. Кутузовой «Нация, религия и государственность в полемической литературе Беларуси конца XVI – первой половины XVII в.» (Минск, 2005) и др.

В начале XXI в. религиозная мысль получила новый импульс в своем развитии. В частности, учеными Института представлено новое видение политико-правовых аспектов государственно-конфессиональных отношений, а также теоретически обоснована новая интерпретация способа и характера взаимоотношения богословия и философии. Исследователи исходят из того, что богословие и философия представляют собой различные подходы к осмыслению бытия, человека и общества. С одной стороны, богословие, исповедующее и внедряющее в души людей Божественную истину, и философия, базирующаяся на принципах рационализма, взаимно отрицают друг друга, с другой – они характеризуются общими устремлениями, общей ориентированностью на душу человека, хотя трактуют ее, несомненно, с различных позиций.

И богословие, и философия проявляют постоянную заботу о человеке, помышляют о его спасении, но предлагаемые ими способы помощи человеку выглядят по-разному. Церковь заботится о спасении человеческих душ через их приобщение к Богу. Философия же, напротив, с рационалистических позиций постигает сущность и логику развития бытия как такового, выясняет конкретные причины, порождающие социальные противоречия, антагонизмы, превращенные формы социальности, и на основании этого предлагает возможные способы их преодоления.

Обществоведы пришли к мысли, что современная эпоха – динамичная, противоречивая, конфликтная и порой жестокая, непредсказуемая в своих последствиях, обязывает всех нас – светских лиц и служителей Церкви – совместными усилиями решать назревшие проблемы, которых, к великому сожалению, немало. Прежде всего речь идет о сохранении и приумножении духовных устоев общества – духовности в самом широком смысле этого слова, формировании высокой нравственности, отстаивании чистоты духовных помыслов и устремлений, повышении ответственности за свои поступки, возвращении гуманности, сохранении семейных устоев, обеспечении на земле мира и духовного спокойствия. Для решения этих непростых задач требуются целеустремленность, воля, собранность и огромные усилия как верующих, так и неверующих людей. На поприще созидательной работы во имя человека и человечества светские ученые-гуманитарии, преподаватели, учителя, воспитатели и служители Церкви способны объединиться и принести несомненную пользу человечеству. Именно в таком направлении стала выстраиваться в последние годы работа Института. В частности, совместными усилиями Института и Белорусской православной церкви были организованы Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей» (27 мая 2010 г., Жировичи), Международная научная

конференция «Святой князь Владимир и крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира» (14–15 мая 2015 г., Жировичи), Международная научно-практическая конференция «Митрополит Иосиф (Семашко; 1798–1868): личность, эпоха, исторический путь православия на белорусских землях» (24–26 октября 2018 г., г. Минск). Работа этих научных форумов была сориентирована на активное развитие взаимодействия государства, общества и Церкви в сфере воспитания и образования в плане актуальных задач духовно-нравственного совершенствования человека. Сотрудники Института принимают активное участие в экспертно-аналитической работе в сфере религиозной проблематики, в частности Н. А. Кутузова на протяжении многих лет является экспертом Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь.

В исследованиях ученых Института значительное место занимает этическая проблематика. Во-первых, в рамках социальной философии (раньше – исторического материализма) мораль исследуется на макроуровне, то есть как одна из форм общественного сознания. Такой подход характерен для публикаций С. Я. Вольфсона, К. П. Буслова, Е. М. Бабосова, И. Я. Жибуля и др. С одной стороны, он позволяет создать более полную картину формирования и развития социума, с другой – дает возможность раскрыть диалектический характер взаимодействия различных форм общественного сознания в историческом процессе.

Во-вторых, активно исследуется история отечественных этических учений – постоянно вводятся в научный оборот новые источники и с учетом изменяющихся тенденций в области гуманитарной науки дается их интерпретация. Мораль подается как качественная характеристика исторически формирующегося общественного сознания с его противоречиями и коллизиями и как его отражение в социально-философской мысли конкретных исторических эпох. Одним из первых такого рода монографических исследований, в котором этические идеи начиная с XVIII в. и заканчивая 1917 г. представлены в системном виде, являются «Очерки истории философской и социологической мысли Белоруссии» (Минск, 1973). Помимо этого, фактически во всех публикациях, посвященных выдающимся мыслителям, изложены их мировоззренческие позиции, включающие в себя этические представления.

В-третьих, институтские философы не обошли своим вниманием целый ряд теоретических вопросов морали, нравственности и этики. Одним из первых поднял эти вопросы доктор философских наук М. И. Боровский: в монографиях «О критерии нравственности» (Минск, 1970) и «Детерминизм и нравственное поведение личности» (Минск, 1974) он обосновывал идею психолого-этического исследования поведения личности, попытался раскрыть механизм морально-психологической регуляции ее поведения.

В-четвертых, философы Института приложили немало усилий для выявления условий, путей и средств формирования нравственной личности. Этой

теме посвящены работы академика Е. М. Бабосова «Нравственная культура личности» (Минск, 1985), А. П. Вардомацкого «Моральная регуляция поведения личности» (Минск, 1987), С. П. Винокуровой «Личность в системе нравственных отношений» (Минск, 1988) и др.

В опубликованных за три последних десятилетия работах воспроизведена и теоретически осмыслена нравственность транзитивных обществ, в том числе белорусского общества. Эта тема нашла отражение в монографиях Т. И. Адуло, О. А. Павловской «Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ» (Минск, 2006), О. А. Павловской «Моральный фактор в жизни человека и общества: исторические уроки и современные проблемы» (Минск, 2014), а также коллективной работе, выполненной под научной редакцией О. А. Павловской, «Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека» (Минск, 2011) и др.

Проблемам нравственного развития современного общества были посвящены международные конференции, организованные Институтом философии, в частности: «Тенденции развития современного общества: Наука. Философия. Нравственность» (24 сентября 2004 г., г. Минск), «Духовное наследие народов Центральной и Восточной Европы в контексте современного межкультурного диалога» (17–18 ноября 2005 г., г. Минск), «Довгирдовские чтения – IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества» (16–17 мая 2013 г., г. Минск) и др.

*Заведующий Центром социально-философских
и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси,
доктор философских наук, профессор
Т. И. Адуло*

Е. С. Прокошина

СВОБОДОМЫСЛИЕ И АТЕИЗМ ДВОРЯНСТВА¹

Из среды господствующего класса, его интеллигенции вышли лучшие представители и внесли в духовную культуру своего времени и всего народа большой вклад – теоретическое наследие, выражая прогрессивные идеи, закладывая фундамент материалистической и атеистической мысли. Они представляли собой ум и совесть страны, отражая насущные интересы угнетенного народа, преодолевая ограниченность своего класса либо порывая с ним. И это закономерно. В распоряжении господствующего класса были неограниченные возможности для образования, овладения всем богатством истории европейской и мировой мысли и культуры, чего не имели другие сословия и классы в Российской империи. Но в то же время они не могли не видеть вопиющих противоречий жизни общества, тех «мерзостей и гнусностей», которые имели место. Яркий пример тому «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Для примера можно привести также свидетельство современника, далекого от политического и социального радикализма. Говоря о «злоупотреблениях» крепостников-помещиков, он отмечал, что прежде всего сами же дворяне с негодованием смотрели на «отвратительное порабощение» и унижение человека, но не знали, как изменить «застарелый произвол»².

Именно эта передовая часть дворянства была глашатаем революционных идей, воспитателем прогрессивных устремлений в первую очередь своих собратьев по классу. Выражения атеистических и свободолобивых тенденций в мыслях, настроениях, поступках помещиков, дворян и интеллигенции разнообразны – от отказа исповедоваться до гласного выражения своего отрицательного отношения к религии, к духовенству, к существующим порядкам, т. е. от отрицания исполнений установлений церкви до разного рода открытой критики церкви и духовенства, как доказательной, так и просто отрицательной.

Наивысшей формой проявления атеизма можно считать единство социально-политического радикализма и атеизма в образе мыслей, единство революционной устремленности и антирелигиозной бескомпромиссности в образе жизни. Примеры тому не единичны, а история не скупится на описание траги-

¹ Публикуется по: Прокошина Е. С. Очерк свободомыслия и атеизма в Белоруссии в XIX веке. – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 157–172.

² Назимов М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 г. // Русский вестник. – 1876. – № 7. – С. 94.

ческих последствий подобного образа мыслей и жизни, хотя нельзя сказать, что эта высшая форма проявления атеизма в прошлом характерна была только для представителей господствующего класса – дворянства (представители различных классов и сословий поднимались до нее). Подобный образ мыслей и жизни означал разрыв со своим классом. Известно высказывание дворянина К. Калиновского перед казнью при чтении приговора: «Здесь нет дворян, все люди равные». Наибольшая активность в свободном проявлении своего отношения к религии обнаруживалась всегда в периоды подъема общественного движения.

К активным формам выражения атеистической настроенности относятся различного рода открытые индивидуальные выступления против духовенства и церкви, «богохульные» поступки, рукописные сочинения и т. п. К середине XIX столетия отмечается особое оживление, брожение общественной мысли, в том числе и антирелигиозной. А. Н. Пыпин отмечал, характеризуя настроения общества в этот период, что усиленная официальная реакция и цензурные стеснения вызвали обильную рукописную литературу, которая ходила повсюду¹. Это были записки об общем политическом положении вещей, о внутренних неурядицах и бессилии власти искоренить злоупотребления, записки, бичующие власть и религию, царя и духовенство и т. п.

О том, что это были за рукописи, дает некоторое представление их описание, так как многие из них утеряны, не сохранились. Одна из них – рукописная книга «Библиотека здравого рассудка, или Собрание важных сочинений для спасения» – представляет собой переработанные на русской основе статьи зарубежных прогрессивных мыслителей. О характере их можно судить по заключению на эту книгу, сделанному Надеждиным: «Статьи эти все направлены против религии и имеют содержание самое богохульное. В них осмеиваются и даже просто подвергаются самому бесстыдному ругательству священнейшие обряды, таинства и догматы христианской веры, не говоря уже о прочих святых. Вместе с тем открыто нападается на все общественные постановления, столь тесно связанные с религиею; проповедуется естественное право, равенство людей...»².

К 1851 г. относится сообщение виленского военного губернатора к минскому губернатору, в котором сказано: «В Париже издано в числе 3000 экземпляров и переведено на русский язык сочинение польского выходца Островского под заглавием “Катехизис русского народа”, в котором автор, излагая преступное учение о монархической власти, представляет средства к изменению настоящего правления в России. Необходимо принять все меры, *чтобы* означенное сочинение не проникло в Россию, следить, чтобы в Минской губернии оно не появилось»³. «Катехизис» состоит из четырех глав: о царе, о дворянстве,

¹ Пыпин А. Н. А. Некрасов. – СПб., 1905. – [4], 321, [2] с.

² Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. – СПб, 1909. – С. 463–464.

³ ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 295, оп. 1, д. 1174, л. 1.

о солдате, о правительстве, написан в виде диалога между «убежденным» и «просвещающимся». Вот некоторые выдержки из этого сочинения.

«Убежденный: Как зовут Вашего царя?»

Просвещающийся: Николай Павлович Романов.

У.: Верует ли он в Бога?

П.: Он ходит в церковь.

У.: Но губит праведных, а ворах потакает... Плохо, что и говорить. Что ворах потакать, что с ними делиться, есть одно и то же.

П.: Видно, что так уж свыше устроено.

У.: Свыше идет дождик или снег, светит солнце, а судьба наша от людей зависит, но люди-то глупы. Нас, как стадо овец, гонят, бьют и губят. Вечно ли будем мы овцами?

П.: Человеку суждено мучиться на этом свете.

У.: Да, мучение это не для всех одинаково. Один мучается, мучая других, тот страдает от несварения желудка, а другой от голода.

П.: Зато на том свете будет наоборот.

У.: Это выдумали счастливцы для простаков, попы для людей суеверных.

П.: Но вера упрочивает наше спокойствие.

У.: Вера слепая только сохраняет наше невежество, которое составляет счастье утешителей и несчастье утешаемых...»¹.

Фактов, ярко характеризующих отношение к религии определенной части помещиков и дворян, немало. В одном секретном донесении минскому гражданскому губернатору от 1840 г. говорилось, что «дворянин Минской губернии Александр Свенторжецкий... навлекает на себя подозрение в нерасположенности к законному правительству, а главное всего, в неуважении законов религии, ибо поносит как православное, так и католическое духовенство, внушает крестьянам... такое же неуважение, говоря: “Что Вам молиться богу, мы Вам бог и Митрофаний”». Автор донесения характеризует Свенторжецкого как «вольномудца, внушающего крестьянам неуважение к религии»².

Другой факт. Священник А. Хруцкий приводил к присяге дворян Полоцкого уезда Викентия и Антония Ремидовских при разборе их дела о долгах. «И когда на должном месте открыто было св. Евангелие с наложением животворящего креста и свидетели начали присягу – дворянин Ремидовский неприличными словами, к пренебрежению святыни Божией, ругал почти всех... После же сего тот же Ремидовский, позабыв закон Божий и Государственный, произнес в отчаянной запальчивости против св. Евангелия и креста столь богохульные слова, что все присутствовавшие при сем... вздрогнули от страха, думая, что на том же месте гнев Божий накажет преступника»³.

¹ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. – С. 567. Автор приписывает этот «Катехизис» Головину.

² ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 295, оп. 1, д. 644, л. 11 об.

³ Там же. – Ф. 1430, оп. 1, д. 11211, л. 1 об.

В деревне Кочицы Мозырского уезда помещиком Г. Пясецким был построен в отдаленной и глухой местности деревянный костел, который сделался удобным сборным пунктом для людей, «желавших скрыть свои действия и по ночам распевавших в нем революционные гимны»¹.

Помещик Сикорский был одним из многих участников подготавливаемого восстания по Минской губернии и сообщал дворянину Олесевичу о существовании заговора и ожидании бунта. Письмо перехватил священник Коношевский, который через год прислал его в штаб жандармов в Минскую губернию (1850 г.)². Помещик В. Гуца вырыл из земли поставленный при Гущанской приходской церкви Лепельского уезда крест, сделанный крестьянином по обету³. В 1846 г. в доме Витебского дворянского собрания в первую неделю великого поста состоялся бал. Это послужило основанием для запроса, чем был вызван столь кощунственный факт. «На каком основании мог быть допущен бал в помянутом доме тогда, когда подобных балов в такие дни в столицах никогда не бывает в домах дворянских собраний...»⁴.

Некоторой образованной части помещиков был свойствен дух вольнодумства и антирелигиозного скептицизма, присущий буржуазному просвещению. По своему образу жизни они отличались от собратьев по классу. Примером может служить жизнь помещиков Юзефа и Доминика Монюшко, ближайших родственников композитора Ст. Монюшко. Ю. Монюшко слыл в округе «вольнодумцем», на любительские спектакли он приглашал не только помещиков, но и крестьян. Нигде нельзя было видеть, чтобы помещик со своими слугами сидели за одним столом, пели белорусские песни и т. п. Доминик Монюшко как бывший шубровец⁵ и приверженец свободы крестьян разделил свою землю между своими крестьянами, создал местный суд; в своем имении Радковщина создал школу, в которой по методу Песталоцци на свой счет обучал детей крестьян; в деревне имелись аптека, лаборатория и т. п.⁶ Подобная гуманистическая деятельность ломала крепостнические обычаи и предрассудки, бытовавшие в то время (первая половина XIX в.) и получившие освещение христианской религией.

Все это свидетельства самого различного уровня проявления свободомыслия и атеизма, которые характеризуют главное – активность, действие, стремление своим поведением выразить свое личное отношение к религии и оказать тем самым влияние на окружающих.

¹ Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 4. – С. 80–81.

² ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 295, оп. 1, д. 1115, л. 1–3.

³ Там же. – Ф. 1430, оп. 1, д. 11163, л. 1, 5.

⁴ Там же. – Д. 12718, л. 1, 1 об.

⁵ Шубровцы – самоназвание членов литературного либерального просветительского общества «Towarzystwo Szubrawców» (с польск. «Общество прохвостов»), существовавшего в Вильно в 1817–1822 и в 1899–1914 гг., которые своей главной задачей считали борьбу против невежества, дворянского тунеядства, крестьянского пьянства, ратовали за просвещение народа. – *Ред.*

⁶ Rudziński W. Stanislaw Moniuszko: Studia i materialy. – Kraków, 1953. – Cz. I. – S. 5–26.

Основная же масса господствующего класса была пассивной в своем выражении свободомыслия или была религиозна. Либерально настроенные представители господствующего класса (ученые, педагоги, врачи, судьи и т. п.) не могли открыто выражать свои взгляды, если даже и переставали верить, ибо это расценивалось не только как конец служебной карьеры, но и как государственное преступление. Но молчание и пассивность не означали, что вера, религия господствовали над их умами. Это было молчаливое подчинение господствующему общественному мнению. Один очень яркий случай описан Герценом из жизни Белинского и московского общества 40-х годов: «Раз приходит он (Белинский. – Е. П.) обедать к одному литератору на Страстной неделе; подают постные блюда. – Давно ли, – спрашивает он, – Вы сделались так богомольны? – Мы едим, отвечает литератор, **постное просто-напросто для людей.** – Для людей? – спросил Белинский и побледнел: для людей? – повторил он и бросил свое место. – Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты; всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами. Прощайте, я не ем постного для поучения, у меня нет людей!»¹.

Условия российской действительности угнетающе действовали на умонастроение и на проявление вольномыслия и, естественно, не у всех «хватало духу» идти наперекор течению, устоявшимся религиозным обычаям, традициям, строго оберегаемым церковью.

Отсюда следует, что значительной части общества, особенно либерально настроенным помещикам, дворянам и интеллигенции, была присуща «внешняя» религиозность, внешнее соблюдение «для людей» требуемых обрядов, хотя по образу мысли они отвергали бога и веру в него, считая это проявлением невежества.

К формам пассивного выражения свободомыслия и атеизма следует отнести и чтение антирелигиозной литературы. Наличие в библиотеках помещиков, дворян передовой литературы своего времени свидетельствует об их знакомстве с нею и, без сомнения, об усвоении идей передовой научной, в том числе атеистической, мысли. Примеры тому многочисленны, они говорят об устоявшемся стиле жизни, образе мышления. У одних – особенный интерес проявлялся к изучению истории философской мысли, ее материалистического направления: конспектировалась «Метафизика» Аристотеля, изучалась философия Локка (его теория субстанции)², похвальные отзывы изложения истории философии Виктора Кузина, особенно философских систем Декарта, Локка, Кондилляка, как сенсуалистических; некоторые с наслаждением читали К. Маркса («Капитал»), К. Тимирязева («Жизнь растений»), Д. Милля (с приме-

¹ Цит. по кн.: Вороницын И. История атеизма. – М., 1930. – Вып. 5. – С. 182–183.

² ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 3250, оп, 1, д. 22, л. 1–15, 21–27 ; д. 8, л. 57–64.

чаниями Чернышевского), «Отечественные записки», «Современник», «Дело» и др.¹

Многие библиотеки помещиков сохраняли сокровища передовой, мировой и отечественной мысли, что свидетельствовало об их интересах и симпатиях к новому, к борьбе с разного рода предрассудками. То, что циркулярами Синода и III отделения изымалось из фондов публичных библиотек, имелось в личных библиотеках помещиков. Например, в библиотеке графа Паскевича (в Гомеле) собраны были редчайшие и новейшие сочинения видных мыслителей всех времен. Достаточно назвать такие имена зарубежных мыслителей и писателей, как Локк, Вольтер, Сент-Пьер, Вольней, Гельвеций, Ремюзан, Ясинский, Лелевель, Паскаль, Ла Брюиер, Е. Ренан, Бальзак, Рафаэль, Проспер Мериме, Буало, Стерн, Монтескье, Флобер, Золя, В. Скотт, Шекспир и Шиллер, Беранже, Прево, Мопассан, А. Франс, Гюго, и отечественных – Некрасов, Пушкин, Гончаров, Островский, Толстой, Писемский, Марлинский, Глинка, Лесков («Мелочи архиерейской жизни»), Гоголь («Мертвые души»), Белинский, Чехов и многие другие. В ней были также коллекции журналов «Современник» (1858–1861 гг.), «Русская старина», «Отечественные записки», «Полярная звезда» и др. Чтобы судить о ценности этой библиотеки, следует сказать, что, кроме печатных изданий, в ней хранились рукописи (Бестужев-Рюмин «Вопрос о сотворении древа бессмертия»² и др.). В читательском формуляре графа Ф. И. Паскевича значились книги Ренана, Вольнея «Руины», «Диалоги» Вольтера, произведения Островского, Чехова и др.³ Книгами этой богатейшей в крае библиотеки пользовались широко не только члены семьи графа⁴.

Обращает на себя внимание и такая деталь жизни помещиков. Не всегда в описях имущества помещиков значатся иконы и предметы религиозного культа. Нами изучены описи имущества помещиков Булгакова, Любомирских, Румянцева-Задубайского, Паскевича и других, в которых переписано все вплоть до дверных ручек, замков и разбитых стекол в окнах, а о наличии икон, предметов религиозного культа (распятый, крестов из дорогих металлов) ничего не сказано.

Интересно еще одно свидетельство индифферентности помещиков к религии. В отчете о состоянии дел в Минской епархии за 1887 г. в Синод указывается на один из пунктов: «...неназидательный пример жизни высшего общества, а преимущественно стоящих во главе сельского управления. Многие из них

¹ ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 738, оп. 1, д. 8, л. 2, 14, 18, 5, 79.

² Там же. – Ф. 3013, оп. 1, д. 1532, л. 13–18 ; д. 833, л. 1–10.

³ Там же. – Д. 1867, л. 1

⁴ Там же. – Д. 2026, л. 1 об. ; д. 2025, л. 1–8; д. 1857, л. 1. (Библиотека была укомплектована книгами по многим отраслям знаний: математике, военному делу, юриспруденции, политике, истории, географии, художественной литературе, богословию, экономике, философии, искусству, сельскому хозяйству и др. Количество книг по богословию значительно меньше, чем книг по философии.)

не только не бывают в церкви, но, видимо, стараются в глазах народа унижить священников и опошлить все, относящееся к церкви»¹. В этом смысле даже внешняя сторона быта помещиков резко отличалась от жизни чиновников и простого народа, в жилищах которых были обязательны предметы религиозного культа, посещение церквей – нормой жизни.

При том образе жизни, который вели помещики, дворяне и интеллигенция, постоянными были общения не только для поддержания деловых и фамильных связей, но и из-за близости и общности взглядов, идейных и политических ориентаций. В узком кругу единомышленников нередко были и беседы на антирелигиозные темы, по поводу вышедших или прочитанных книг и свободное без опаски выражение своего истинного отношения к столь «святому» предмету – к религии, к вере в бога. О настроениях интеллигенции 80-х годов XIX в. очень интересны воспоминания Н. К. Крупской, которые могут быть отнесены и к белорусскому обществу. «Наше поколение росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала на счет религии всякие шуточки, острые словечки. *Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, но передававшиеся из уст в уста* (курсив наш. – Е. П.). Правда, большинство из них было поверхностно, повторявшие их нередко говорили о величии и премудрости творца или о воспитывающей роли религии. Но все же это толкало молодую мысль, заставляло очень рано критически относиться к религии, стремиться самостоятельно решить так или иначе вопрос о религии»².

К пассивным формам проявления свободомыслия и атеизма (чтение и распространение антирелигиозной литературы, беседы, отрицательное отношение к предметам религиозного культа и духовенству и т. п.) тесно примыкает и низкая степень религиозности, отмеченная в первую очередь печатью внешнего благочестия, среди подавляющего числа помещиков. Среди них считалось обычным в делах веры не проявлять рвения, фанатизм в делах веры объявлялся признаком дикости, отсутствием хорошего тона. Это совсем не означало, что верующих фанатиков не было среди помещиков. Архивные материалы и свидетельства историков сохранили в назидание потомкам примеры подобного проявления силы «святой веры». Но на фоне всеобщего лишь внешнего благочестия помещиков эти проявления рвения не часты и были лишь предметом обсуждения, порицания и насмешек. Трудно по имеющимся фактам с социологической точностью определить соотношение высокой и низкой религиозности помещиков, но многочисленные исторические факты свидетельствуют в пользу незначительной религиозности. Например, движение масонов,

¹ Минские епархиальные ведомости. – 1868. – № 13. – С. 330.

² Крупская Н. К. Вопросы атеистического воспитания. – М., 1964. – С. 55.

основной состав которого состоял из помещиков, можно рассматривать как отрицательную реакцию на христианскую религию. Мистическая религиозность масонов расшатывала еще больше христианскую обрядность и веру.

Своеобразие религиозности помещиков Белоруссии в отличие от центральных российских губерний, особенно выразившееся в первой половине XIX в., когда действовали силы инерции истории, заключено в разнообразии вероисповеданий. Значительное число помещиков считало себя поляками, исповедовало католицизм и более держалось этой веры, ошибочно связывая даже борьбу с самодержавием, против царизма с защитой своей веры, католицизма, своего языка (польского). В результате распространения этой ошибочной версии немногие помещики католического вероисповедания поднимались до активного антирелигиозного протеста или открытого порицания католической церкви и духовенства. Наоборот, в годы активного общественного подъема наряду с революционными лозунгами, призывами к совместной борьбе против тиранов всячески защищалась вера, ей отводилась особая роль в освобождении и объединении патриотических сил.

В рукописном стихотворении, обнаруженном в личном архиве помещика Булгака, названном «Głos z ziemi cisku do Słowiańskiej braci» («Голос с угнетенной земли к братьям-славянам»), содержался призыв к соотечественникам сохранять вместе с языком отцов на родной земле и отцовские обычаи – веру, ибо «вера – сила, как бы таинственная, умерших воскрешает, слабых поддерживает. Без этой святой веры единство и согласие народа под угрозой гибели»¹.

Для многих помещиков-католиков даже участие в революционной и национально-освободительной борьбе не ставило их в оппозицию к церкви, к религии, и процесс освобождения от религии был гораздо сложнее, чем у помещиков православного вероисповедания.

Небезынтересно мнение о состоянии религиозности в период до отмены крепостного права одного из помещиков, который осуждал своих братьев по классу за поверхностное соблюдение требований церкви, забывших ее основную идею – любовь к ближнему, и во всем ее нарушавших – в отношении к своим крепостным, человеческое достоинство которых постоянно унижалось: крепостные были превращены в рабочий скот, несмотря даже на императорские именные указы, запрещающие пытки, унижение и пр. Назимов писал: «К сожалению, при общем религиозном направлении городского общества, исполнявшего строго установления и обряды христианской церкви, нередко забывалась одна из главных заповедей Божественного ее основателя – о любви, снисхождении и милосердии к низшей братии» (имелись в виду злоупотребления помещиков-крепостников)². Бесспорно, мнение автора о возможности религии смягчить, приукрасить крепостнические порядки, угнетение

¹ ЦГИА БССР в Минске. – Ф. 3250, оп. 1, д. 14, л. 42.

² Назимов М. Л. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожилы // Русский вестник. – 1876. – Т. 124. № 7. – С. 93.

человека человеком ошибочно, но нельзя не принять во внимание наблюдения этого заурядного, типичного помещика. Именно религия в эксплуататорском обществе способствовала формированию большей классовой изоциренности в методах угнетения и попрания человеческой личности. Усвоив христианскую истину о покаянии и всепрощении, помещики с благословения церкви творили свое черное антигуманное дело.

И в то же время история общественного движения в России и в Белоруссии знает случаи, когда помещик, участник революционного выступления против самодержавия и церкви, предпринимал попытки к освобождению крестьян, к привлечению их к борьбе.

Развитие свободомыслия и атеистического настроения в среде господствующего класса, факты проявления антирелигиозности в жизни, в быту, в поведении зависели, как и в других слоях общества, от уровня развития теории атеизма в тот или иной период, от широты и глубины общественных движений, которые происходили в России и Белоруссии, и участия в них широких слоев общества, от степени развития науки, просвещения, революционной агитации и вообще всей совокупности явлений общественной жизни. Эти формы атеистического мышления и поведения проявлялись вначале в отдельных фактах, затем становились массовыми, пассивные формы сменялись более активными, менее сознательное критическое отношение к церкви, к духовенству выливалось в более осмысленное, более радикальное отношение к религии вообще.

Т. П. Короткая

**ФИЛОСОФИЯ «НОВОГО РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ»
В ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕЛАРУСИ
НАЧАЛА XX ВЕКА¹**

Религиозные искания части русской интеллигенции в историко-философской литературе получили наименование богоискательства, неохристианства, философии «нового религиозного сознания». Исследователями отмечается, что первым появилось понятие «новое религиозное сознание», после первой русской революции – понятие «богоискательство», после выхода сборника «Вехи» – «веховство». В контексте нашего анализа мы будем употреблять эти понятия как однопорядковые, определяя этими понятиями разных религиозных мыслителей – Н. Бердяева, С. Булгакова, Д. Мережковского, В. Розанова и др. Очевидно, что происходил процесс формирования мировоззрения данных мыслителей, их идеи зачастую менялись радикально. В их мировоззрении, например, переплетались идеи анархизма и либерального народничества (Д. Мережковский), либеральной демократии (Н. Бердяев), христианского социализма (С. Булгаков). Тем не менее в Беларуси начала XX века, которая в этот период входила в состав Российской империи, идеи названных философов воспринимались по существу как одна школа. Дань богоискательству отдали В. Самойло, Д. Мейчик, Я. Окунь и другие местные публицисты. В ряде их философских статей критиковалась революция, провозглашались лозунги религиозно-нравственного самоусовершенствования личности, утверждалась необходимость соединения религии и культуры.

В ряде местных газет печатались статьи Н. Бердяева, С. Булгакова и других религиозных мыслителей. Практиковалось чтение лекций, с которыми выступали политические деятели, известные писатели. Например, в 1909 году в Минске ряд лекций по литературе прочитал И. М. Радецкий, лекции по социальной проблематике – В. Г. Тан (Богораз). В 1913 году с лекцией «Искусство наших дней» в Минске выступил писатель Ф. Сологуб. Цикл лекций прочитал также Н. А. Гредескул, деятель кадетской партии, член первой Государственной думы. Философские идеи В. С. Соловьева обсуждались на заседаниях минского общества любителей изящных искусств, гродненского педагогического общества. Статьи о нем печатались на страницах местных газет. В 1903 году в газете «Северо-Западный край» была опубликована статья С. Булгакова

¹ Публикуется по: Русская философия в духовно-культурном пространстве Беларуси: история и современность : материалы Международного круглого стола (г. Минск, 20 сент. 2013 г.) / Ин-т философии НАН Беларуси ; науч. ред. Т. И. Адуло. – Минск : Медисонт, 2013. – С. 87–96.

«О богатстве как экономическом идеале», Д. Мейчик выступил в минском обществе изящных искусств с изложением статьи С. Франка «Ф. Ницше и “любовь к дальнему”», помещенной в сборнике «Проблемы идеализма» (М., 1901). В газете «Голос провинции» в 1906 году была перепечатана статья Н. Бердяева «О народной воле», в «Минском курьере» за 1908 год – статья П. Струве «Великая Россия» и др. Статьям предпосылали местные публицисты обширные введения, в которых давалась оценка эволюции отдельных богоискателей, излагались основные моменты их идейно-теоретической позиции. В газете «Полесье» в 1912 году было опубликовано изложение статьи Н. Бердяева о национализме с обширным введением об идейной эволюции этого философа.

Идеи нравственного усовершенствования личности на началах христианства, критики социальной революции, проповеди «извечных» трагизмов человеческого бытия в мире, выходом из которых является религия, оказались притягательными для определенной части интеллигенции в Беларуси этого периода. Религиозные идеи вплетались в мотивы критики разума, научной философии, проповеди одиночества и пессимизма. Подобного рода идеи и настроения нашли свое яркое выражение в сборниках «Туманы» (Минск, 1909), «Земные сны» (Минск, 1910). В них собраны литературно-эстетические, философские, публицистические статьи, авторы которых вслед за веховцами провозглашали идеи религиозно-нравственного самоусовершенствования личности, критиковали революцию. Они пытались разобраться и оценить текущие события, революция оценивалась ими как «великая всероссийская трагедия» [18, с. 123], лишенная созидательной силы, сеющая лишь мрак и разрушение. Мотивы смерти, одиночества человека, бренности его земного существования, психология отчаяния определяют основную направленность этих сборников. Пытаясь осмыслить происходящее с точки зрения «вечности», «смысла», местные публицисты проповедуют идеи долга, морали, объективные основания которых они видят в религии. «Охлаждение к политике, разочарование в былых увлечениях создавали упадок настроения, нечто вроде идейного развала, – писал М. Королицкий. – На почве огромной внутренней смуты, внутреннего уныния незаметно вырастали проблемы жизни, постепенно назревали сложнейшие психологические тревоги. Нужен был выход; нужна была какая-нибудь точка опоры, какой-нибудь путеводный знак, который светил бы растерянной мысли в окружающем сумраке. Так, собственно, возник и повысился интерес к вопросам религии и личной морали, которые не замедлили захватить широкие слои интеллигенции» [18, с. 117]. Выход из глубокого кризиса общественности, дальнейшие судьбы страны виделись авторами сборников в решении дилеммы – соединении религиозно-этического, морального начала, олицетворенного в образе Христа, с началом эстетическим, творческим – с культурой. Спасение России, по их мнению, – в религиозном возрождении. Отсюда – отрицание ими революционного движения, его критика. Широко про-

пагандировалась мысль о том, что именно революция повлияла губительно на экономику и жизнь страны, обнажила якобы «разбойничьи инстинкты толпы».

Эти идеи получили распространение как в либеральной, так и консервативной печати Беларуси. Отстаивались идеи развития государственной и национальной жизни по законам эволюции, без резких социальных потрясений. Утверждалось, что резкое нарушение законов социального развития «не может оставаться безнаказанным как для государства, так и для нации» [15]. Нарушение законов эволюционного социального развития, т. е. революция, приводит к снижению уровня жизни рабочего класса, росту дороговизны. «Промышленность едва держится, торговля упала. Бедность растет с каждым часом» [8]. Газета «Минский курьер» перепечатала статью деятеля кадетской партии П. Струве «Великая Россия», в которой подвергалась критике революция. Как утверждал П. Струве, «дух государственной дисциплины был чужд русской революции» [7]. Революция для него лишь «отрицательная сила, разрушающе действующая на культуру, на хозяйственную основу государства» [7]. Следствие этого, по Струве, – подрыв дисциплины труда, которым поражен народный организм. Взамен этого необходим новый социальный идеал – «идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда вместе с идеей права и прав должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека» [7]. Оценке революции посвящена и статья Н. Бердяева «О народной воле», помещенная в газете «Голос провинции». Н. Бердяев начинает свои рассуждения, анализируя само понятие «народная воля». Он критикует замену истинной, «органической» народной воли «народовластием». Результат этой замены, по его мнению, – уничтожение понимания народа как объективного духа и личности, как образа абсолютной идеи. Н. Бердяев отрицал необходимость революционных преобразований в России. Для «наибольшего добра», за которое ратовал он, нужен переворот не «внешнего», политического характера, а «внутреннего», религиозного. Только в результате такого переворота и может, по его мнению, произойти объективное воплощение народной воли, возможное лишь в религиозной соборности, в церкви. Естественным следствием данного переворота явится, как он полагал, утверждение самой идеи личности: «...во имя личности, ее содержания и свободы необходимо отказаться от самодовольного обожествления человеческой воли личности... и отдаться боговластию, навеки утверждающему саму идею личности, абсолютно устанавливающему саму идею личности, ее свободного слова, свободного самоопределения» [2]. Особое место в либеральной прессе Беларуси отводилось обоснованию необходимости религиозно-нравственного самоусовершенствования личности. Утверждался тезис о том, что проблема человека, смысла его жизни, вообще морально-этические вопросы могут быть позитивно решены только с позиций религиозного мировоззрения. Эти идеи распространялись на фоне широкого освещения новейших литературных течений в России и за рубежом. Многие исследования

посвящались анализу творчества Г. Ибсена, М. Метерлинка, Л. Андреева, М. Арцыбашева, А. Ремизова. Излагая основные моменты художественного творчества популярных писателей, местные литературные критики уделяли большое внимание концепции извечных трагизмов бытия в их творчестве. Так, Н. Долгов в статье «Жуазель», посвященной творчеству М. Метерлинка, оценивал его как «необычное», выдающееся явление в литературе. Существенной и весьма близкой Н. Долгову чертой является метерлинковское понимание трагического: «Существует каждодневная трагедия, которая гораздо реальнее и глубже и больше подходит к нашему существованию, чем трагедия больших приключений... Ее можно чувствовать, но очень трудно показать, потому что это существенно трагическое не просто материально или психологично» [16]. Ряд материалов отводился анализу литературно-художественной, философской позиции Д. Мережковского, В. Розанова, о «чарующей» прелесть произведений которого писал один из сотрудников газеты «Полесье» [12].

Центральное место занимала проблема человека в философской публицистике Я. Окуня, сотрудника газеты «Северо-Западный край». Освещение им этой проблемы шло в русле философии «нового религиозного сознания». Акцентируя внимание на проблеме человека, Я. Окунь стремился доказать, что она может быть решена только с точки зрения религиозной философии. Он критиковал материалистическое мировоззрение, замыкающееся, по его мнению, действительностью и поэтому не способное создать «отечество для духа». «Если бытие человека не есть проблема, – писал он, – если каждый человек зависит от естественных условий, окружающих его, если он является в мир природных явлений как факт, как случайность, то в таком случае он теряет ведь всякую почву и положение его становится до того неустойчивым, что всякое разрешение мировых вопросов является для него какой-то неопределенной установкой» [11]. Решение проблемы человека, по его мнению, возможно, лишь признавая тот факт, что «человек – существо с безусловным значением, порождение волевого акта, таящегося в предвечности... И вот теперь именно наступил момент возрождения духовного человека, настал момент перехода от отрицания мира к признанию его в идеальном подобии человека Богу в Богочеловеке, переход к царству религии, признаком которого явился крупный перелом в мышлении человечества, падение материализма и позитивизма» [11]. По существу Я. Окунь разделял одну из центральных идей в богоскательстве, а именно об искании Бога как единственного условия становления человека как личности. Так, Н. Бердяев неоднократно утверждал: «Отвергнуть Бога и Богочеловека – это значит вместе с тем отвергнуть человечество и человека как идею божью» [1, с. 37]. Аналогичные рассуждения по данному вопросу мы находим в ряде философских статей Д. Мейчика. Он рассматривает в них философское и юридическое содержание свободы личности. «Свобода личности, – отмечал Д. Мейчик, – имеет двоякое значение: в философском смысле она означает полную независимость духа от каких-либо авторитетов

религиозных, научных, художественных, неограниченное право сомневаться во всем и отыскивать новые пути к познанию истины, добра и красоты; в юридическом же смысле свобода означает внешнюю физическую независимость одного человека от другого, неприкосновенность его личности, его жилища и достояния» [6]. Д. Мейчик апеллирует к абстрактной, вечной идее личности. Так же как и богоискатели, он находит ее в христианском учении, в образе Христа как высшего идеала для человека [5].

Постулируя необходимость религии как основы истинного мировоззрения, местные публицисты широко освещали в своих статьях вопросы о церковной реформе (реформе прихода, церковного образования, утверждения патриаршества и т. п.). В этой связи они опирались на идеи обновления христианства, которое исповедовали богоискатели. В предреволюционные годы эти идеи широко освещали газеты «Северо-Западный край», затем «Голос провинции» и др. Теоретические идеи обновления православия в духе «нового христианства» развиваются в статьях В. Самойлы, Д. Мейчика и других местных публицистов.

В «Северо-Западном крае» много материалов было посвящено вопросам состояния церковной литературы, подготовки кадров священнослужителей, состоянию духовных учебных заведений и требованию существенных перемен. Газета критиковала систему подготовки кадров священнослужителей, писала о тяжелом материальном положении рядовых священнослужителей. Она приветствовала обновленческое движение среди духовенства: «Передовые представители нашей богословской науки и литературы уже пришли к сознанию вреда от непомерной замкнутости нашего духовенства, от его оторванности от жизни и происшедшей отсюда бесповоротной секуляризации русской общественной мысли и энергично ратуют и против этого обособления, и против недостатков специальной духовной школы. Они требуют со стороны духовенства более живого отношения к вере, церковной жизни и к остальной действительности, они громко провозглашают принцип свободного разумного исследования религиозной истины, смело отстаивают высокую ценность свободы религиозно-философской мысли» [16]. Большое внимание уделялось на страницах либеральной печати вопросам реорганизации прихода, исключению платы за требы и переводу духовенства на твердое жалование. Демократическим требованиям свободы совести и слова отводили значительное место на своих страницах газеты «Северо-Западный край», «Голос провинции» и др. Здесь в ряде статей обосновывались требования демократизации церкви, восстановления патриаршества в России. «Коренная реформа ведомства православного исповедания, – писал один из сотрудников газеты «Голос провинции» Д. Бохан, – давно уже назрела, давно уже приходская жизнь требует большего согласования с условиями современной русской жизни» [3]. Д. Бохан призывал церковь, представителей духовенства к единению с интеллигенцией как важнейшему условию осуществления церковной реформы.

Авторы статей, помещенных на страницах либеральной печати Беларуси, стремились усилить моральный авторитет церкви, писали о необходимости восстановления в церкви начала соборности. Состояние же взаимоотношения церкви и государства их не удовлетворяло. «Церковь старается оказывать государству посильную помощь в поддержании интересов и целей его, – отмечалось в печати, – государство со своей стороны внешне принудительной силой старается охранять интересы церкви. Но такое отношение ненормально и для церкви крайне вредно» [19]. Выдвигалось требование независимости церкви от государства и бюрократической опеки, ее свободного самоуправления на началах соборности. «Устроение и управление церковной жизни должно быть в руках всех членов церкви... Лишившись соборного начала, церковь принимает бюрократический строй с характером абсолютизма. Но этот внешний авторитет силы лишает церковь внутреннего, нравственного, подлинного, присущего ей авторитета» [19]. В основной массе статей светской печати приветствовалось стремление к утверждению патриаршества, отмечалось также наличие «законной и все более и более назревающей у нас в интеллигенции потребности видеть в христианстве не только религию потустороннего, загробного идеала и личного совершенствования, но вместе с тем живую нравственную силу и силу общественного прогресса, усовершенствования всей земной жизни» [17]. Этот тезис, широко пропагандировавшийся среди представителей обновленческих тенденций в православии, разделяли многие представители либеральной интеллигенции в Беларуси. Так, например, такие публицисты, как Я. Окунь, В. Самойло и др., уделяли большое внимание в своей публицистике проблемам церковного обновления, религиозно-нравственным проблемам. Известный в Беларуси этого периода публицист Я. Окунь в ряде статей, опубликованных в газете «Северо-Западный край», отмечал, что современное общество стоит накануне второй реформации. Это, по его мнению, обусловлено тем, что на рубеже веков мировая философская мысль (и российская в том числе) резко повернула к индивидуализму. На смену материалистическим представлениям пришла философия индивидуализма, идеализирования сильной личности. «Если Реформация была эпохой ломки устаревшей схоластики, – писал Я. Окунь, – то наша эпоха является предшественницей второй реформации. Устами современной философии она провозгласила... или отрекись от религии, вскормившей твои благородные искания, и пойдешь в страну, где ничего нет, где ты останешься предоставленным самому себе, своей гордой воле. Или же согласуй свои порывы с волею абсолютного существа... И человечество начало искать примирение с властвующим божеством» [9].

Религия, к которой призывает Я. Окунь современного мыслящего человека, не должна быть излишне догматизированной, чуждой жизни и ее проблемам. По его мнению, религия должна быть дополнена прежде всего социальным учением. Именно это, полагает публицист, сделает религию понятней современному человеку. «Религия должна представить религиозно-социальный идеал

для того, чтобы ответить на запросы современности» [10]. Поэтому не случайно Я. Окунь в своей публицистике отводит значительное место оценке роли и значения религиозно-философских собраний в Петербурге, которые проходили накануне первой русской революции. Церковь, по мнению участников собраний, должна объединить все общественные силы, стать основой возрождения России. На этих собраниях высказывались зачастую радикальные мнения по поводу Синода, церковного управления. Основные же обсуждения шли в сфере догматики: соотношения церкви мистической и аскетической, аскетизма и творчества, духа и плоти, проблем семьи и брака. Критикуя традиционное христианство, они стремились сохранить его вечную истину, соединить христианство и культуру. Проповедуемая на этой основе идея нового христианства формулировалась как проблема «религиозного освящения плоти мира», как необходимость создания церковной культуры, соединения интеллигенции и церкви.

Разделяя существо платформы религиозно настроенной интеллигенции, Я. Окунь писал в обширной рецензии на первый номер журнала «Новый путь»: «...для мыслящей России настали тяжелые времена. Материальная философия осмеяла, попрадала ногами, заклеив именован “мистицизм” все то, что нам было дорого, чем мы жили, откуда черпали силы. Под ее ядовитым дыханием, из седой древности выступают страшные картины падения языческого мира, римской и греческой культуры, погибших под напором такого же неверия... Не грозит ли и нам такая же судьба? Вот почему мы жаждем “нового пути”, и если такой откроется перед нами – мы стремительно ринемся вперед с затаенной надеждой в светлое будущее» [10].

Я. Окуню близка трагическая окрашенность исканий религиозных философов, поиск ими выхода из этой коллизии в мире вечных религиозных ценностей. Пафос его философских статей этого периода – в обосновании ценности религиозного мировоззрения. Вопрос о политической ориентации интеллигенции он переводит в плоскость отношения интеллигенции к религии: «Вопрос о религии является для нашей интеллигенции тем мучительным гамлетовским “быть или не быть”, которое заставляет нас метаться из стороны в сторону в поисках истины. А между тем назначение религии состоит в том, чтобы возвышать нас над пошлой действительностью» [10]. Церковь, по его мнению, должна стать социально активной, должна стать основой политического, культурного возрождения России.

Значительное влияние оказали идеи неохристианства на В. Самойлу, одного из участников сборника «Туманы», публициста, философа, литературного критика. В. Самойло опубликовал ряд статей, в которых дана глубокая оценка символизма в литературе. Наиболее существенную черту творчества Ибсена В. Самойло видит в индивидуализме, который трактуется минским публицистом как «религия сильной личности». Задача современного человека, по его мнению, состоит в том, чтобы синтезировать в своем мировоззрении языческую

культуру (бога Пана) и традиционный христианский идеал, воплощенный в Христе: «Пан умер навсегда – к нему нет возврата, потому что дорога сознательной воли никогда не вернется к Пану... До Бога тоже никогда не дойдешь, но нам дается задача воскресить, восстановить Бога в своем образе, создать его подобие... Эта задача неосуществима, но этот путь единственный, который остался... это... жизнь истинного человека, – как она есть» [13]. По его мнению, современная русская литература пришла к выводу о необходимости соединения этического начала («идеала Мадонны») с началом эстетическим («идеалом Венеры»), что с особенной силой проявилось в творчестве Д. Мережковского. Как уже подчеркивалось, деятели «нового религиозного сознания» стремились ввести культуру в церковную ограду, синтезировать «правду мира» и христианство.

В. Самойло вслед за богоискателями рассуждает о том, что христианский идеал порождает чистую аскетику, оторванность от жизни, от сил творческих. Он солидарен с Д. Мережковским в его стремлении соединить «языческое» с духовным. «Мережковский пытается примирить и слить совершенно Мадонну и Венеру человеческого духа в цельное гармоническое единство и в этой гармонии видит религиозный смысл жизни...» [14]. В русской литературе, отмечал В. Самойло, явился культ красоты как силы творящей, проявляющейся в мистериях всевозможных религиозных культов, «новых», мистически-религиозных откровений (Ф. Сологуба, С. Городецкого, А. Ремизова). В. Самойло ратовал за объединение религии и культуры, создание религиозной общности. «Образ Мадонны дал греческую плоть и римскую крепость бесплотному христианству, дал идеалу святости ту красоту и силу, то радостное человеческое лицо, без которого живой Христос не мог оставаться в мире, а неизбежно уходил, проливаясь из мира сего в бездну, прожигая, как жидкость алхимиков, и увлекая за собой юные, искренние, лучшие сердца верующих» [18]. По мнению В. Самойлы, Россия, восприняв лишь аскетическую сторону христианства, отвергла этим жизнь, культуру вообще. Возрождение же России для В. Самойлы, как и для лидеров «нового религиозного сознания», видится в соединении идеала святости и красоты, христианства и культуры: «...весь вопрос нашего нынешнего возрождения сводится к подновлению, омоложению старчества кровью юности... Только юная богиня Рима, чистая молодая Дева весны, не побоится этой “ветхой” позолоты, этой каменной “строгости” наших образов; она одна может оживить наше византийское старчество» [18, с. 53].

Религиозные философы выдвигали требование тотальной религиозности, распространение религии на все уровни культуры. «Не должно быть ничего принципиально “светского”, не должно быть никакой нейтральной зоны, которая была бы религиозно индифферентна, не имела бы того или другого религиозного коэффициента» [4, с. 46], – писал С. Булгаков. «Церковная ограда, – утверждал он, – должна вместить в себя не один только дом для инвалидов,

богадельню для которых в ней находилось место до сих пор, но и рабочую мастерскую, и учебный кабинет, и художественную студию» [4, с. 46]. Выдвигая идею религиозного освящения культуры, богоискатели широко оперировали такими понятиями, как «творчество», «культура», «общественность». По их мнению, решение проблем современной им культуры, политики, философии возможно лишь на путях обновленного христианства.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции / Н. А. Бердяев. – СПб., 1910. – 314 с.
2. Бердяев, Н. А. О народной воле / Н. А. Бердяев // Голос провинции. – 1906. – 12 авг.
3. Бохан, Д. Д. К церковному преобразованию / Д. Д. Бохан // Голос провинции. – 1906. – 27 сент.
4. Булгаков, С. Церковь и культура / С. Булгаков // Вопросы религии. – М., 1906. – Вып. 1. – С. 53–101.
5. Голос провинции. – 1906. – 2 апр.
6. Голос провинции. – 1906. – 21 мая.
7. Минский курьер. – 1908. – 20 февр.
8. Минское слово. – 1907. – 2 июля.
9. Окунь, Я. «Божьи свечи» священника Петрова / Я. Окунь // Северо-Западный край. – 1904. – 8 сент.
10. Окунь, Я. Журнальное обозрение / Я. Окунь // Северо-Западный край. – 1903. – 1 февр.
11. Окунь, Я. Смысл жизни / Я. Окунь // Северо-Западный край. – 1903. – 29 марта.
12. Полесье. – 1912. – 24 мая.
13. Самойло, В. Критические очерки. Бог Бранда / В. Самойло // Минский курьер. – 1908. – 17 февр.
14. Самойло, В. Последние побеги русской поэзии / В. Самойло // Минский курьер. – 1908. – 24 февр.
15. Северо-Западная жизнь. – 1911. – 10 авг.
16. Северо-Западный край. – 1903. – 28 окт.
17. Священник Г. С. Петров и его духовные критики // Северо-Западный край. – 1904. – 12 марта.
18. Туманы : [сборник]. – Минск, 1909. – 132, [1] с.
19. Ф. К-в. Жгучие темы / Ф. К-в // Голос провинции. – 1906. – 31 авг.

М. И. Боровский

КРИТЕРИИ НРАВСТВЕННОСТИ И ОЦЕНКА ПОСТУПКОВ¹

О критериях, мерилах оценки нравственности, можно говорить в различных аспектах, например, как о критериях нравственных норм, принципов, идеалов, как критериях нравственных поступков и т. д.

Среди исследователей нет спора о том, что к понятиям морали применимы такие категории, как добро, зло, справедливость и несправедливость. Однако по-прежнему вызывает дискуссии вопрос о применимости к моральным явлениям категорий истины или лжи...

...Научное решение вопроса о критериях нравственности и моральной активности личности дает философия марксизма-ленинизма, опирающаяся на материалистическое понимание истории.

Проблему о критериях нравственной оценки в общем плане решили основоположники марксистско-ленинской философии. Однако постоянно развивающийся процесс человеческого познания, отражающий развитие реальной действительности, сложных общественных отношений, самого человека, его духовного мира, ставит перед исследователями все новые и новые задачи, а также требует углубления познания явлений, проникновения в их сущность. Накопление знаний ведет к изменению качественного состояния познавательного процесса, изменяет и усложняет его структуру.

Большое влияние на процесс познания, на познавательные возможности человека оказывает научно-техническая революция, охватившая собою все стороны жизнедеятельности людей. Происходит дифференциация познания по различным областям. Одной из таких областей является сфера морали и нравственное поведение человека. Встает вопрос о возможности соизмерения нравственности как системы, определения ценности и неценности человеческого поведения в сфере морали. При этом на передний план выдвигается вопрос о применимости к явлениям морали основополагающих методологических категорий теории познания – истины и лжи. Одна группа ученых (А. Ф. Шишкин, К. А. Шварцман, В. П. Кобляков, И. С. Нарский, В. И. Столяров, А. Бынков (Болгария), М. Макай (Венгрия) и другие) считает, что к моральным принципам, нормам и суждениям применима категория «истина» (и соответственно «ложь»). Другие исследователи, такие как Д. П. Горский, Г. Клаус (ГДР), О. Вайнбергер (ЧССР), отрицательно относятся к этому мнению.

¹ Публикуется с сокращениями по: Боровский М. И. Детерминизм и нравственное поведение личности. – Минск : Наука и техника, 1974. – С. 183–192.

Они утверждают, что к моральным суждениям, а тем более нормам, принципам, идеалам не применимы названные категории истины или лжи. Наконец, представители третьей группы А. И. Титаренко, Т. В. Холостова, Ф. Лезер, Н. Штейнлофф (ГДР) и другие занимают промежуточную позицию.

Наиболее четко позиция тех, кто отрицает возможность применения категории истины к морали, еще в начале 60-х годов была выражена Д. П. Горским. Истина, говорит Д. П. Горский, есть верное, правильное отображение действительности в мысли. Не все осмысленные выражения, говорит он, можно оценить с точки зрения истины и лжи. Моральные и другие «нормы, требования не являются отражением фактов, констатацией чего-то данного в том смысле, в каком утверждение “солнце восходит на востоке” является отражением объективного факта... Нормы фиксируют не то, что есть, а то, что должно быть»¹.

Главное возражение против возможности применения к моральным суждениям понятий истины или лжи, таким образом, заключается именно в последнем предложении приведенной цитаты. Но это возражение, кажущееся на первый взгляд неопровержимым, на самом деле не является столь убедительным, если подвергнуть анализу характер моральных суждений.

Моральные суждения типа «воровство есть зло», «все трудоспособные люди должны трудиться», на наш взгляд, выражают не только характер долженствования, но содержат в себе опыт прошлой практики, т. е. в этих суждениях, несомненно, через моральное сознание отражены элементы имевших место фактов. Другими словами, моральные суждения не есть произвольно взятые, они в аккумулятивном виде содержат в себе отражение реальной действительности, того, что было, при этом непременно включая то, что еще должно быть.

А. В. Луначарский говорил, что этика как наука о нравственности изучает не только «потенциальную, нормативную мораль», но и мораль «кинетическую, уже вошедшую в действие»².

Следовательно, нормативные, моральные суждения всегда так или иначе содержат в себе моменты отражения реальных факторов, отношений и т. д. И это не нуждается в особых доказательствах, так как хорошо известно, что мораль во все времена являлась и является в конечном итоге отражением экономических, социальных и классовых отношений, имеющих объективный характер. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет, что мораль «являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества».

¹ Горский Д. П. Истина и ее критерий // Вопр. философии. – 1962. – № 2. – С. 128. По утверждению Г. Клауса (ГДР), норма от научного суждения отличается тем, что она не отражает реальность, выражается посредством долженствования, зависит от времени, места и социальной точки зрения, а потому она ни истинна, ни ложна. См.: Клаус Г. Сила слова. – М., 1967. – С. 181.

² Луначарский А. Мораль и свобода // Красная новь. – 1923. – Кн. 7, дек. – С. 132.

И далее: «А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью...»¹.

Марксизм признает в морали объективную основу, которая и может служить в качестве мерил моральных суждений. Следовательно, утверждения, что моральные суждения не отражают собой того, что было или есть, а лишь то, что должно быть, нельзя признать приемлемыми.

Маркс, Энгельс, Ленин говорили о возможности применения понятий истины или лжи к моральным представлениям. Энгельс в «Анти-Дюринге» прямо ставит вопрос о том, какая из существующих в буржуазном обществе моралей является истинной². В. И. Ленин в «Философских тетрадах» говорит о переходе «идеи истины в идею добра, теории в практику и *vice versa*» (наоборот. – *Ред.*)³.

Критикуя точку зрения тех, кто безоговорочно отвергает возможность применения категорий истины и лжи к моральным явлениям, в то же время трудно согласиться с теми, кто в столь же категорической форме доказывает обратное.

Пример такого подхода дается в книге А. А. Киселева, где недостаточно, на наш взгляд, учитываются характер и специфика отражения в сфере нравственности⁴. Всякое моральное суждение неизменно своим элементом имеет фактор, сторону долженствования. В любом моральном принципе, норме, идеале, суждении и т. д. не только отражаются те или иные факты, но обязательно подчеркивается, что то или иное утверждение носит характер всеобщности на будущее, т. е. обязательно содержится нормативность. Таким образом, предмет и характер морального отражения говорит за то, что здесь нельзя безоговорочно применять категории истины, лжи, а тем более понятие абсолютной истины. Характер отражения здесь таков, что субъективный момент является не просто вспомогательным, а имеет очень важное, в известной мере ведущее значение.

Можно сказать, что если в истинах науки на первом месте находится элемент отражения, то в морали, наоборот, – элемент отношения субъекта к объекту. Это значит, что научный и оценочный подходы, присутствуя, и в тех и в других случаях занимают далеко не одинаковое место. Если наука, познавая те или иные закономерности, факты, явления и одновременно в какой-то мере всегда их оценивая, делает акцент на познании, то мораль, всегда опираясь на отражение, без чего невозможна оценка, все же заостряет внимание именно на оценочной стороне.

Выражение ценности, по мнению А. А. Ивина, представляет собой установление «определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее предметом»⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 20. – С. 95.

² См.: там же. – Т. 20. – С. 94.

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Т. 29. – С. 198.

⁴ См.: Киселев А. А. В. И. Ленин и вопросы этики. – Львов, 1969. – С. 40–52.

⁵ Ивин А. А. Основания логики оценок. – М., 1970. – С. 13.

Таким образом, две противоположные концепции, отражающие крайне полярное понимание проблемы об истине в морали, грешат чрезмерной категоричностью. В одной из них абсолютизируется момент субъективного в морали, факт отношения субъекта к объекту и в то же время отбрасывается, игнорируется то объективное содержание, которое наличествует, отражается в моральных суждениях. Сторонники же другой концепции поступают наоборот. Абсолютизируя факт отражения моральной практики, забывают особенности предмета отражения и характер, специфику самого отражения, в котором оценочная сторона, хотя и вырастающая на базе отражения, все же является чрезвычайно важной.

В итоге получается, что сторонники третьей группы, занимающие «золотую середину» по обсуждаемой проблеме, и на этот раз оказываются в более предпочтительном положении. Их точка зрения представляется наиболее плодотворной для дальнейшего исследования вопросов познания и оценки нравственных явлений.

И объясняется это тем, что такой диалектический подход к проблеме, с одной стороны, позволяет применить к моральным явлениям критерий практики, а с другой – избежать догматизма в морали, ибо требует не простого перенесения критерия практики в область нравственности, а с учетом всех особенностей характера морального отражения.

На наш взгляд, неправомерно слишком широкое распространение понятий истины или лжи по отношению к моральным явлениям. Понятие истины или лжи можно относить не ко всем компонентам морали, но лишь к моральным суждениям. Ибо истина есть верное отражение действительности в мысли. Одним из первых дал правильное понятие истины Аристотель. «...Надо иметь в виду – не потому ты бел, что мы правильно считаем тебя белым, а (наоборот) потому, что ты бел, мы, утверждающие это, правы»¹.

Более целесообразными, чем понятия истины или лжи (не отвергая в принципе подхода с позиций истины и лжи к моральным представлениям), более подходящими будут термины «правильный», «ценный» (или «неценный»), «значимый» и т. д. «Правильный» и «истинный» хотя и весьма близкие, но все же не тождественные понятия. Как отмечает П. Д. Пузиков, «не всякая правильность выражает истинность» и, кроме того, «понятие правильности шире понятия истинности»².

В конце концов вопрос, применяем ли мы категории истины и лжи или близкие к ним понятия ценности или неценности, правильности или неправильности, не является столь принципиальным, главное необходимо помнить, что моральные явления, начиная от норм, идеалов, взглядов, чувств и кончая поступками, могут быть оценены с помощью объективного критерия.

¹ Аристотель. Метафизика, IX, X, 1051, в. I–9.

² Пузиков П. Д. Аналитическая способность мышления. – Минск, 1965. – С. 240, 242.

Важен и вывод о том, что поскольку в морали, как и во всех явлениях общественной жизни, осуществляется процесс отражения, познания, то этот объективный критерий так или иначе будет связан с общественной практикой людей. Наличие в морали познавательных моментов дало основание Ф. Энгельсу в «*Анти-Дюринге*» назвать мораль особой «отраслью человеческого познания».

Возможность применения к морали объективного критерия, непосредственно вытекающего из общественной практики, позволяет бороться против этического релятивизма, нигилизма и имеет огромное значение для процесса формирования нравственности, воспитания людей в духе требований коммунистической морали и борьбы с буржуазными, религиозными пережитками в их сознании и поведении.

Итак, что же является критерием или критериями (этот вопрос также дискутируется в нашей философско-этической и социологической литературе) нравственности вообще и нравственного поведения, моральной активности личности в частности?

Вопрос о критериях нравственности как моральной системы, а также о критериях нравственного прогресса как в советской, так и зарубежной марксистской литературе исследован обстоятельно¹. Мы будем касаться его только в связи с нахождением критериев оценки нравственного поведения человека социалистического общества, критериев, с помощью которых можно было бы определить степень моральной активности или пассивности человека. Эта проблема в нашей литературе разработана недостаточно.

В литературе иногда допускается отождествление, смешение понятий «критерий» и «оценка». Это совсем неверно, потому что здесь мы имеем разные категории, хотя они всегда находятся в неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости. Оценка есть установление стоимости, значимости для общества, класса, коллектива, личности и т. д. тех или иных факторов и явлений, а критерий – мерило, сам предмет сравнения, с помощью которого и производится оценка.

Встречаются различные подходы в определении критериев социальной и моральной активности. В книге «*Роль общественности в управлении производством*» социальную активность личности предлагается характеризовать, оценивать по трем основным критериям: значимость выполняемой социальной

¹ См.: Шишкин А. Ф. Основы марксистской этики. – М., 1961; Даниелян М. С. Некоторые вопросы марксистско-ленинской этики. – Ереван, 1962; Мокроусов Н. Н. Об объективном критерии нравственности // Проблемы этики. – М., 1964; Куликова Н. Н. Содержание и критерий нравственного прогресса. – М., 1966; Шварцман К. А. Теоретические проблемы этики. – М., 1969; Энгст Я. Некоторые проблемы научной этики. – М., 1960; Селзам Г. Марксизм и мораль. – М., 1962; Титаренко А. И. Критерий нравственного прогресса. – М., 1966; Боровский М. И. О критерии нравственности. – Минск, 1970; Петропавловский Р. П. Проблемы нравственного прогресса // Насущные вопросы этики. – М., 1971; Харчев А. Г., Яковлев Б. Д. Очерки истории марксистско-ленинской этики. – М., 1972.

функции; инициативность, т. е. участие в новых делах, где личность проявляет свою изобретательность; добросовестность, т. е. доведение общественного поручения до конца¹.

Безусловно, все эти критерии в какой-то мере могут служить в качестве определителя социальной, в том числе и моральной, активности личности. Но, во-первых, они не полны, во-вторых, не понятен тот исходный методологический принцип, который послужил основой для выделения именно этих критериев. Наконец, в формулировке самих критериев не все верно. Так, например, понятие добросовестности рассматривается лишь как «доведение общественного поручения до конца». В то же время категория добросовестности гораздо шире по объему и глубже по содержанию.

Кроме основных, в этой работе в качестве дополнительного критерия выдвигается время, затраченное на выполнение общественных поручений. Фактор времени, конечно, имеет значение при определении социальной активности, но этот фактор никак нельзя абсолютизировать, так как он произволен и зависит от других факторов, характеризующих личность субъекта активности: его квалификации, образования, опыта в работе, наконец, от здоровья, возраста, пола, обстоятельств совершения поступка и т. д.

Время, затраченное тем или иным человеком, зависит также от добросовестности, аккуратности и т. д. Поэтому критерий добросовестности иногда может вступать в противоречие с критерием времени.

Анализ основных критериев, выдвигаемых в рассматриваемой работе, показывает также, что автор концепции исходит из того, что сфера проявления социальной активности ограничивается лишь областью общественной деятельности, в то же время упускается такая основная область, как производственно-трудовая деятельность.

Также в некоторой степени спорным представляется выдвижение в качестве основного критерия значимости выполняемой социальной функции. Во многих случаях это верно, но нередко деятельность субъекта может и не характеризоваться этим критерием и оцениваться как степень проявления высокой активности. Нужно иметь в виду, что выбор выполняемых функций иногда предопределен объективными условиями и не зависит от личности исполнителя.

Встречаются и другие точки зрения, высказывания по проблеме критериев оценки нравственной активности. Марксистско-ленинская философия, исходя из материалистического понимания истории, дает исходный методологический принцип для выдвижения таких критериев.

Решающим критерием для проверки истинности различных идей является соответствие их не абстрактным схемам, а общественной практике. Классики марксизма-ленинизма во всех случаях *особо* подчеркивают роль критериев практики.

¹ Роль общественности в управлении производством. – Харьков. 1968. – С. 62.

Но практика как объективный критерий моральной активности в силу рассмотренной ранее специфики морали не может не иметь и своих особенностей. В морали находят выражение классовые интересы и потребности людей. Поэтому объективным критерием моральной активности не может выступать простое совпадение социального действия с направлением интересов любого класса, группы, коллектива и т. д. В противном случае вопрос об объективном мере моральной активности снимался бы, так как всякие моральные действия так или иначе детерминированы объективными условиями, а следовательно, при этом всегда возможно установление простого соответствия явления морали действительности...

О. А. Павловская

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

МОРАЛЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЙ

Рассматриваются характерные черты морали как социокультурного феномена в контексте эволюции человеческого бытия, осуществления социальных трансформаций. Раскрывается специфика проявления морали как фактора социально-культурных взаимодействий на общественном и индивидуальном уровнях. Представлена авторская трактовка дефиниций морали и нравственной культуры и их соотношения между собой.

Ключевые слова: мораль, культура, общественные отношения, социальные трансформации, нравы, духовно-нравственные ценности, нравственная культура личности

O. Pavlovskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MORALITY IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND CULTURAL INTERACTIONS AND TRANSFORMATIONS

The characteristic features of morality as a sociocultural phenomenon in the context of the evolution of human existence, the implementation of social transformations are considered. The specificity of the manifestation of morality as a factor of social and cultural interactions at the social and individual levels is revealed. The author's interpretation of the definitions of morality and moral culture and their relationship to each other is presented.

Keywords: morality, culture, public relations, social transformations, morals, spiritual and moral values, moral culture of personality

Динамичное и инновационное развитие социума заметно актуализирует значение этического знания как основы оздоровления социально-психологической обстановки, урегулирования сложных политических ситуаций, предотвращения различного рода конфликтов. Как отмечает академик Е. М. Бабосов, на современном этапе «существенно возрастает значимость всех сегментов знаний, в том числе и знаний этических. А это означает возрастание роли нравственной культуры, одной из основных характеристик которой является знание личностью основных принципов и норм нравственности, т. е. этических знаний» [1, с. 376].

Раскрытие и полноценное проявление всех сущностных признаков морали в ходе социального бытия немислимо без культуры. В социально-философском

плане *культура* может быть представлена как *мера* и *способ* творческой деятельности человека и человеческого сообщества по освоению и преобразованию окружающей действительности, важнейшими результатами чего являются различные материальные и духовные ценности, а в своей совокупности они включаются в процесс социально-духовного развития самого человека. Понятие «культура» позволяет представить, *в какой мере* и *каким образом* видоизменяется окружающий мир в ходе человеческой деятельности и, соответственно, *в какой мере* и *каким образом* человек проявляет себя и развивается как объект и субъект общественной жизни. Через культуру осуществляются механизмы создания, накопления и трансляции социального опыта, знаний, традиций, художественных образов, практических умений и навыков, форм и способов общения. Культура, ее ценностное богатство и творческий потенциал являются источником становления человека как такового, формирования его духовного мира, а на основании этого и развития общества в целом.

Последовательное и неуклонное взаимодействие человека и общества посредством динамизации *культурного фактора* способствует содержательно-му раскрытию и осуществлению процесса *очеловечивания* человека, а на основании этого – и гуманизации общественных отношений. Напротив, рассогласование, диссонанс и торможение этого взаимодействия ведут к пагубным проявлениям процесса *обесчеловечивания* (расчеловечивания) человека и, соответственно, к деградации и упадку в системе общественных связей. Мораль (нравственность) как социокультурный феномен и является той сферой, где в виде соприкосновения, противостояния и борьбы сил добра и сил зла происходит столкновение этих двух потоков проявления сущности человека и его реального существования в окружающем мире и где, несмотря на различные проявления враждебности и насилия, все равно последовательно и неуклонно в общественном сознании берут верх *общечеловеческие* и *гуманистические* ценности, обеспечивая тем самым непрерывный ход человеческого бытия и его поступательное развитие.

О морали как о фундаментальном основании человеческого бытия можно судить по таким изначально присущим для нее, но трудно уловимым и фиксируемым, состояниям, как социально-антропологическая природа и социально-гуманистический потенциал.

Социально-антропологическая природа морали обусловлена, с одной стороны, наличием у человека свойственных только ему как живому существу специфических сущностных сил – собственно человеческого в человеке, что выражается как в его разуме и свободной воле, деятельности и трудовых навыках, так и в способности ощущать и постигать проявления добра и зла в своей личной жизни и жизни других людей. С другой – необходимостью существования человека в рамках сообщества подобных ему индивидов – человеческого рода, что изначально выражается в строгом подчинении естественной законосообразности родовой жизни, по мере же развития и реализации

когнитивно-креативных сил людей, создания внешней культуры (техники, искусства, науки) и формирования разносторонних общественных связей расширяются пределы и усложняется содержание самого уклада общественной жизни.

Социально-гуманистический потенциал морали заявляет о себе в виде перспективной цели, социального идеала и имманентного источника развития, что непосредственно может раскрываться в процессе очеловечивания человека и гуманизации общественных отношений в целом. Реализация социально-гуманистической миссии морали в жизни человеческого сообщества может раскрываться в трех основных позициях: «*быть человеком*», «*жить по-человечески*», «*относиться друг к другу по-человечески*».

Заложенный в человеке как уникальном творении природы потенциал физических и духовных сил (физической и духовной энергии) реализуется посредством отчуждения и присвоения на практике в различных формах социального бытия, тем самым раскрывается непосредственный социальный статус человека и его роль в общественных процессах. Одновременно с этим через осуществление и активизацию своего сознания и самосознания человек проявляет себя как духовное существо, в котором отражается дихотомия добра и зла, разумности и безрассудства (глупости), свободы и принуждения и, соответственно, происходит как непосредственное, так и опосредованное воздействие его личностной природы на ход природно-социальной жизни. Во всем этом сложнейшем и противоречивом процессе в той или иной мере, но в любом случае постепенно и неуклонно раскрывается главное предназначение человека на Земле – «*быть человеком*».

Однако следует заметить, что реализация этого предназначения – «*быть человеком*» – необходимо предполагает и наличие такого объективного условия, как «*жить по-человечески*». Обе эти жизненные позиции теснейшим образом связаны между собой и по отношению друг к другу имеют характер встречного движения. Если в позиции «*быть человеком*» доминанта находится на стороне самого человека как сознательного, активного, свободного и ответственного субъекта, то в позиции «*жить по-человечески*» – на стороне общества как социокультурной среды, предоставляющей возможности для воспроизводства и развития человеческой жизни, проявления творческого потенциала личности.

Система общественных связей – это прежде всего люди, объединенные в различные социальные группы, побуждаемые естественными потребностями к воспроизводству жизни, материальными стимулами к труду, интересами к совместным действиям, стремлениями к самореализации и творчеству. И в этом огромном людском потоке мораль проявляется во всем своем многообразии и противоречивости. А также в этом потоке человеческих и общественных взаимодействий органично могут и должны сближаться между собой две названные позиции «*быть человеком*» и «*жить по-человечески*» и объеди-

няться в единое целое – позицию «*относиться друг к другу по-человечески*», где именно посредством морали сможет в должной мере раскрываться духовно-нравственный потенциал как самого человека, так и окружающей его социокультурной среды.

Конструктивной в теоретико-методологическом плане представляется позиция И. Канта по вопросу о роли культуры в духовном развитии человека и общества. Культура понимается им в широком смысле слова, как «вторая природа», и «состоит в общественной ценности человека» [2, с. 11], а также особо подчеркивается, что культура немислима без нравственного начала: «...идея моральности относится к культуре» [2, с. 18].

Проблема взаимосвязи культуры и морали наиболее последовательно и плодотворно раскрывается в предложенной немецким философом идеальной модели, в которой выделяются три взаимосвязанных между собой уровня (ступени) духовного роста человека/человечества [2, с. 11–18, 576–578].

Первый – *общекультурный* – «культура и искусство, украшающие человечество», или *культура* в узком смысле слова. В различных видах творчества и произведениях культуры, письменных и устных формах, идеях и художественных образах формируются представления о нравственности. «Здесь постепенно развиваются все таланты, формируется вкус и благодаря успехам просвещения кладется начало для утверждения образа мыслей, способного со временем превратить грубые природные задатки нравственного различия в определенные практические принципы и тем самым *патологически* вынужденное согласие к жизни в обществе претворить в конце концов в *моральное* целое» [2, с. 11–12].

Второй – *цивилизационный*, где происходит дальнейшее культурное развитие человека, его представления о нравственности превращаются, как отмечает И. Кант, «в определенные практические принципы». В процессе обустройства совместной жизни людей в рамках гражданского сообщества (*civilis*) формируются соответствующие стереотипы сознания, нормы и правила поведения, образ жизни, что может расцениваться как одно их характерных проявлений *цивилизации*. В плане практического применения идеи моральности в совместной деятельности и общении личная свобода индивидов должна сочетаться с принуждением, давлением со стороны общества, осознанным подчинением общепринятому укладу жизни и дисциплине, признанием целесообразными методов и средств общественного воспитания, что, по словам И. Канта, является своего рода «вынужденным искусством». Но здесь можно наблюдать лишь некоторое подобие нравственного, проявляемого «в любви к чести и во внешней пристойности», простое соблюдение приличий, хорошие манеры, что сродни с естественным стремлением человека стать благонравным в отношениях с другими людьми [2, с. 18, 577].

Третий (высший) – *собственно моральный*, где последовательно и неуклонно человек может двигаться к выполнению своего высшего предназна-

чения – «*быть человеком*». Это достигается посредством «медленной работы над внутренним совершенствованием образа мыслей», «долгого внутреннего совершенствования каждого общества ради воспитания своих граждан», что претворяется «в конце концов в *моральное* целое». «А все доброе, не привитое на *морально добром образе мыслей*, есть не более как видимость и позлащенная нищета» (курсив наш – О. П.) [2, с. 18]. Последовательное развитие и возвышение человеческой духовности посредством культуры может достигать высшей ступени, при определении которой И. Кант использует такие понятия, как «моральность», «культура моральности в нас», «моральная культура», которые могут быть признаны идентичными понятию «нравственной культуры личности» и выражать меру и способ воплощения морального закона в мыслях и поступках человека.

Интересной представляется позиция И. Канта при оценке роли морали в эволюции человека/человечества от природной грубости к обретению человечности. С одной стороны, естественный ход природы и жизни людей непосредственно и очень медленно, но все же неуклонно ведет развитие человека/человеческого рода от внешней культуры (техники, науки, искусства) к моральности (моральной культуре), «а это неизбежно создает извращенную и нецелесообразную тенденцию» [2, с. 582], которая может тормозить и уводить в сторону ход истории. С другой стороны, имеет место *обратный* характер воздействия со стороны моральности (моральной культуры), что может ускорять по времени и расширять в пространстве процесс духовного развития, «начиная с моральности и ее законов, вести к рассчитанной на нее целесообразной культуре» [2, с. 582]. В этом отчетливо проявляется то, что человек, стремясь согласовывать с «моральным законом в себе» свою жизнь, сам в личностном плане изменяется к лучшему и, соответственно, как представитель человеческого рода хотя бы и по крупницам вносит новое качество в его эволюцию.

С философской точки зрения необходимо обратить внимание на две функциональные стороны морали как социокультурного явления: 1) способ общественной регуляции жизни людей, 2) способ духовно-практического освоения человеком мира.

Мораль как *способ общественной регуляции* ведет к налаживанию относительно устойчивого жизненного уклада в рамках того или иного сообщества людей, а также при определенных конкретно-исторических обстоятельствах может вольно или невольно содействовать закреплению и даже консервации традиционных форм жизни, зачастую освященных религиозным мировоззрением и культом. Напротив, мораль как *способ духовно-практического освоения* все более способствует духовному развитию личности, и сама мораль начинает постепенно обретать черты самостоятельности и суверенности в системе общественных связей. Соотношение между этими сторонами морали, исторически происходящее напряжение и обострение в процессе их взаимодействия можно рассматривать как своего рода источник изменений не только

в структуре морального сознания, но и в той или иной мере в иных формах общественного сознания, в целом в системе социальных отношений.

В философском плане представляется возможным выявить специфику проявления морали в качестве фактора социально-культурного взаимодействия как *на уровне общества*, так и *на уровне личности*.

На общественном уровне оказывается комплексное воздействие на человека различных по своей форме и содержанию культурных факторов. Среди этих факторов имеет место и моральная составляющая, которая раскрывается прежде всего в ее *социально-регулятивной роли*. Масштабный по своему объему, мощный по своей силе «арсенал» социокультурного воздействия на индивида осуществляется стихийно и целенаправленно, непосредственно и опосредованно, прямо и косвенно. Во всем многообразии объектов и субъектов социоприродного бытия, видов человеческой деятельности, форм общественного сознания, типов отношений, социальных институтов, материальных и духовных ценностей содержатся «частицы», которые способствуют формированию и раскрытию собственно человеческого в человеке либо, напротив, тормозят и разрушают этот процесс.

Социокультурное воздействие общества на личность, конечно, немислимо без усилий, действий, мероприятий *целенаправленного* характера, которые выстраиваются в определенную систему образовательно-воспитательной и культурно-просветительской деятельности, осуществляемую со стороны как различных социальных институтов, так и отдельных субъектов. Моральные компоненты явно или подспудно присутствуют практически повсеместно в процессе человеческой жизнедеятельности, обнаруживают себя в различных сферах общественной жизни: экономической, политико-правовой, научной, природоохранной, религиозной, художественной и др.

В социально-практическом плане обязательно следует сказать и о *саморегулировании* повседневной жизни людей, в котором первостепенную роль играют *нравы* в качестве стихийно складывающегося механизма упорядочивания и контролирования отношений в пределах локальной социальной общности. В философии – это гегелевская интерпретация нравов как воплощения народного духа, «закона сердца» как выражения индивидуального стремления к лучшему, кантовская позиция здравого смысла в повседневном поведении, фейербаховская точка зрения о естественном синкретизме морали и религиозной веры, марксистское положение о социально-экономической детерминации общественного сознания.

Следует обратить внимание на такую особенность морали, как ее субстанциональная природа, ее глубинные онтологические основания, посредством чего естественным путем могут запускаться механизмы самосохранения и самовоспроизведения человеческой жизни как таковой. Это отчетливо проявляется в условиях острейшего социального кризиса, когда бездействуют любые социальные регулятивы, воочию наблюдается падение нравов, или в случаях

масштабных природных катаклизмов, которые сопряжены со страданиями людей, вызывают панику, растерянность, безысходность.

Нравственность имеет глубинные корни как в самой природе человека, что раскрывается в его духовно-нравственном потенциале, так и в объективном течении жизни народа как естественного по своей природе сообщества людей, что непосредственно выражается в установлении и соблюдении определенного жизненного уклада. В процессе кардинальных общественных перемен нравственность отчетливо проявляется в набирающей силу потребности в оздоровлении социально-психологического климата, необходимости согласовывать общественные нравы и сознание отдельных индивидов, а также она способна сделать насыщенной человеческую жизнь через проявление народного духа в виде определенных традиционных ценностей и индивидуального духа в лице различных людей с ярко выраженной индивидуальностью.

Последовательное преодоление негативных последствий социального кризиса в значительной степени связано с действием духовно-культурного фактора, который может проявляться: 1) путем сохранения и возрождения традиционных механизмов трансляции общественного культурного опыта и регуляции отношений между людьми; 2) посредством продуманной и реалистичной (научно обоснованной) стратегии и тактики государственной деятельности по реформированию общественной жизни; 3) за счет стимулирования и активизации духовно-нравственных сил личности как субъекта своей жизнедеятельности и субъекта социального преобразования.

На индивидуальном уровне совокупность общественно-культурных воздействий проявляется в различных чувственно-эмоциональных, рационально-креативных, мотивационно-целевых, поведенческих формах, в результате чего формируется *культура личности (личностная культура)*.

Культура личности как внутренний источник актуализации социально значимой деятельности может быть рассмотрена в двух основных плоскостях: 1) структурно-функциональной, 2) ценностно-императивной.

В структурно-функциональном плане личностная культура представляет собой синтез потребностей, интересов, чувств, взглядов, ориентаций, убеждений, мотивов, поступков и других составляющих внутреннего мира человека, выступает как итоговый результат процессов интериоризации и экстериоризации.

В ценностно-императивном плане она целостно и органично выражает степень отражения во внутреннем мире человека ценностей и требований, транслируемых обществом, взаимодействие и взаимообогащение внутриличностных механизмов саморегуляции, таких как чувство стыда, долга, ответственности, ощущения свободы, совесть, честь и достоинство. Сущность и значение общественных культурных ценностей наиболее полно осознаются и принимаются человеком, если они созвучны его индивидуальным потребностям, чувствам и стремлениям, близки и понятны ему, дают импульсы его дальнейшему

духовному развитию. В результате формируется личностное отношение человека к общепризнанным императивам, которое становится ведущей движущей силой его жизнедеятельности. Обобщающим результатом усвоения и реализации человеком в своей жизнедеятельности различных ценностей и является его *личностная культура*.

В структуре личностной культуры моральным компонентам отводится очень важное место, они по существу являются своеобразным «стержнем» («ядром»), вокруг которого вращается и с которым взаимодействует весь «арсенал» ценностей, что усваиваются и реализуются человеком.

Конкретнее специфику взаимодействия культуры и морали в процессе формирования личности можно представить с помощью вышеназванных кантовских методологических положений. Соответственно, выделяются три основных *уровня* духовно-культурного роста человека и характерное для каждого из них определенное *личностное качество (состояние)*:

1) *общекультурный // образованность* – здесь посредством освоения богатого духовно-культурного наследия общества, в том числе и этического, закладываются основы для осознания человеком своего «Я» (самосознания), можно наблюдать проявление тех или иных духовных потребностей и чувств, взглядов и ценностных ориентаций, моральных качеств и поступков, но при этом не достигаются в должной мере устойчивость и целостность личностного воздействия, а можно только теоретически предполагать их;

2) *культурно-коммуникативный // цивилизованность* – передается в характере и способах совместной деятельности и общения, в ходе которых в значительной степени проявляются и моральные качества личности, а также различные морально-психологические отношения, в этом случае уже в реальности возможно почувствовать и увидеть нравственную силу межличностных связей и контактов;

3) *собственно моральный // нравственная культура личности* – здесь в целостности выражается приобретенный личностью духовно-культурный опыт, он преломляется через призму самосознания, реально проявляется в ее убеждениях, поступках и поведении, личных качествах, осознанной и устойчивой жизненной позиции, а также все это концентрируется в особом духовном состоянии, в котором отражается мера собственно человеческого.

Эти три уровня и соответствующие им личностные качества (состояния) теснейшим образом взаимосвязаны между собой, за счет чего обеспечивается последовательное духовное возвышение личности, а в случае их рассогласования или разрыва – ослабление духовного роста или даже деградация личности. Поэтому неслучайно в жизни можно встретить человека достаточно хорошо образованного, но нецивилизованного, то есть неспособного должным образом применять полученные знания в межкоммуникационных контактах, а также эрудированного, но плохо воспитанного в нравственном отношении и т. д.

В своей совокупности и целостности личностная культура вливается в общий социально-культурный поток, оказывая на него влияние по мере своего общекультурного, культурно-коммуникативного, морально-культурного развития. Нравственная культура является не только показателем усвоения и реализации личностью духовно-нравственных ценностей, мерой ее моральной зрелости, но и высшим уровнем ее духовного развития. Поэтому именно в *личности*, ее сознании и самосознании мораль способна раскрыть свое ценностно-креативное содержание и социально-гуманистический потенциал и, соответственно, посредством ее поведения и общения, творческой деятельности и самореализации проявить себя в жизни и культуре общества. На основании этого целесообразно говорить о *культуросозидательной* роли морали в системе общественных отношений [3, с. 102–103].

Следовательно, в культурном взаимодействии общества и личности отчетливо просматривается проявление морального фактора: со стороны общества это выражается в ее *социально-регулятивной* роли, со стороны личности – в ее *культуросозидательной* роли.

Естественно, возникает вопрос о соотношении между собой понятий «мораль» и «нравственная культура». На основании изложенных теоретико-методологических положений, на наш взгляд, представляется возможным дать следующее определение понятию «мораль»*.

Мораль (нравственность) – это социокультурный феномен, в котором через призму дихотомии добра и зла выражены *отношения* между человеком и другими субъектами общественной жизни и, соответственно, раскрываются различные духовные состояния, позволяющие определить качество человеческого бытия, а также отражается исторический переход (эволюция) от состояния дикости, животности, стадности к последовательному обретению человечности как ведущей сущностной силы человека и ее проявлению в тех или иных культурно-цивилизационных формах.

В этой дефиниции находит отражение двуединая сущность морали: с одной стороны, внутреннее противоречие, обусловленное дихотомией добра и зла и вытекающих из него иных противоположных состояний человеческого бытия (любовь и ненависть, справедливость и несправедливость, ответственность и безответственность, уважение и пренебрежение и др.), с другой – направленность на утверждение собственно человеческого в человеке и его высшей формы – человечности. Может сложиться впечатление, что эти две составляющие феномена морали не могут в целостности выражать ее сущность, так как признание зла в качестве одного из ее компонентов резко противоречит выполнению ее миссии по очеловечиванию человека. Но на самом деле

* Автор статьи придерживается позиции большинства исследователей моральной проблематики, когда понятия морали и нравственности рассматриваются как синонимы, что связано с тождественностью смыслов в процессе их этимологии.

именно дихотомия добра и зла в человеческой природе представляет собой внутренний источник функционирования и развития морали в структурах индивидуального и общественного бытия, делает ее наполненным жизненной энергией образованием, а в свою очередь направленность морали на воплощение человечности способствует усилению позитивных импульсов и стремлений, преобладанию сил добра и последовательному нивелированию пагубного воздействия различных проявлений зла в человеческой жизни.

В качестве дефиниции *нравственная культура* может быть представлена как мера и способ осознанного, добровольного, творческого и ответственного отношения человека к усвоению и реализации в своей жизни и жизни других людей духовных и материальных ценностей, посредством чего раскрывается и обогащается его собственно человеческая сущность, то есть он становится в прямом смысле слова *Человеком*. Нравственная культура представляет своего рода продукт самосознания и самостоятельности человека, образовавшийся в результате субъективно-рационального освоения и преобразования общественной культурной информации, выработки на основе этого устойчивых форм индивидуального сознания и поведения в виде убеждений, принципов, поступков, жизненной позиции и личных качеств. В общественном масштабе она является своеобразным показателем процесса *очеловечивания* человека, *гуманизации* отношений между людьми.

Следовательно, и мораль, и нравственная культура заключают в себе мощный потенциал для функционирования и развития человека и социума. В морали антиномия добра и зла обеспечивает непрерывное действие механизмов социального и индивидуального бытия, в нравственной культуре таким источником является неустанное желание и стремление «к лучшему», что непосредственно связано только с понятиями добра, блага. Мораль может быть представлена как своего рода пространство для взаимного пересечения процессов очеловечивания и обезчеловечивания (расчеловечивания), нравственная культура – как последовательно и неуклонно осуществляющееся движение к очеловечиванию [3, с. 104–105].

Таким образом, мораль как социокультурный феномен рассматривается как неотъемлемая часть системы общественных отношений. Она пронизывает собой все сферы человеческой жизни, представляет собой своеобразную «сетку» нормативно-ценностных и мотивационно-поведенческих связей и взаимодействий. Отличительной особенностью морали является ее уникальная способность к самосохранению и самовоспроизведению человеческой жизни как таковой, что отчетливо проявляется в условиях кардинальных социальных трансформаций. В последовательном и неустанном разворачивании социально-антропологических и социально-гуманистических проекций морали раскрывается возрастание ее роли в процессе эволюции человека, его восхождение от состояния животности, дикости, природной грубости к обретению своей неповторимой индивидуальности и уникальной личностной сущ-

Мораль в системе социально-культурных взаимодействий и трансформаций

ности, в которых находят свою достойную реализацию его природные задатки и способности, творческие намерения и созидательные действия, что в конце концов ведет к достижению высшей степени проявления человеческой сущности – *человечности* (гуманности).

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Человекомерность социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 392 с.
2. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
3. Павловская, О. А. Мораль в транзитивном обществе: социально-философский подход / О. А. Павловская ; науч ред. А. Н. Данилов. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 308 с.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В БЕЛАРУСИ: ТРАДИЦИИ И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Историческая динамика эстетических теорий в Беларуси обусловлена возникновением, развитием и концептуальным переосмыслением их фундаментальных оснований с учетом новых методологических принципов и подходов. Формирование национальной эстетической традиции связано с исследовательской деятельностью ряда белорусских ученых советского и постсоветского периодов. Особое место в этом списке принадлежит тем философам, которые осуществляли свою научную деятельность в Институте философии Академии наук.

Эстетика традиционно относится к философским наукам. Национальное своеобразие этого направления определилось в середине XX в. и отличалось интересом к историко-идеологическим и национальным аспектам эстетической мысли и к методологической проблематике литературно-художественной критики. Проблемы реализма, народности и партийности, традиции и новаторства разрабатывались белорусскими философами на материале национальной литературы.

Вторая половина XX в. определяет и новые направления белорусской эстетической теории. Одним из таких направлений становится историческая динамика эстетики в контексте национальных мировоззренческих основ самосознания. В ходе изучения философских и эстетических взглядов классиков белорусской литературы создается своеобразная методология перевода систем художественного творчества в контекст формирования национального мировоззрения. В работах белорусских философов рождается понимание литературно-художественного мышления как пространства эстетического отношения к миру.

Значительный вклад в развитие белорусской эстетической мысли внес В. М. Конон – известный белорусский философ, литературовед и критик, ставший первым в Беларуси доктором философских наук по специальности «Эстетика». С 1962 г. он работал в Институте философии и права Академии наук, где короткий период возглавлял отдел эстетики и социальной философии. Поскольку отдел просуществовал очень недолго и был закрыт по политическим причинам, существенных разработок в эстетике за период его существования осуществлено не было. В 1991 г. В. М. Конон стал заведующим отделом истории и теории культуры Национального научно-просветительского центра имени Ф. Скорины. Круг научных интересов ученого определялся теоретико-

методологическими проблемами философии и культурологии, историей эстетической мысли, историей белорусской культуры, эстетикой белорусского фольклора. В его трудах впервые было проанализировано становление белорусской эстетической мысли на конкретных исторических этапах. К наиболее значимым работам исследователя, которые были написаны в годы работы в Академии наук, можно отнести следующие: «Развіццё эстэтычнай думкі ў Беларусі (1917–1934 гг.)» (1968), «Ад Рэнесансу да класіцызму» (1978), «Святло для людзей: родная мова і культура ў эпоху перабудовы» (1989), «Святло паэзіі і цені жыцця: лірыка Максіма Багдановіча» (1991) и др. Вклад ученого определяется стремлением проследить значимость эстетической мысли на белорусских землях и ее национальную специфику в контексте мировой эстетической мысли. Анализируя конкретные литературные произведения белорусских авторов разных исторических эпох в контексте развития эстетического сознания, В. М. Конон в своих работах раскрывает диалектическую связь литературы с реальной действительностью.

В ряду известных белорусских ученых-философов стоит и имя Э. К. Дорошевича – доктора философских наук, профессора, автора исследований по истории эстетической мысли, философии, педагогике Беларуси, проблемам культурологии, этнографии, межнациональных отношений, лауреата Государственной премии Беларуси. Он осуществлял свою научную деятельность в тесном сотрудничестве с В. М. Кононом. Сфера научных интересов Э. К. Дорошевича включала в себя разработку теоретических оснований для анализа диалектики развития эстетических взглядов белорусских поэтов и писателей, просветителей досоветского времени. Философ убедительно раскрывал просветительские основы белорусской литературы и ее значимость в динамике национального становления эстетического самосознания белорусской нации.

В работах А. С. Майхровича исследуются философско-эстетические основания художественного творчества, в том числе делается попытка воссоздания эстетического мировоззрения Якуба Коласа. Труды ученого по эстетике отразили два проблемных эстетических вектора, характерных для белорусской эстетики. Монография А. С. Майхровича «Об эстетическом освоении действительности» (1973) посвящена выявлению специфических черт искусства как познания действительности. Исследователь показывает связь искусства с ценностными ориентациями советского общества. В советское время данное направление развивалось в рамках марксистско-ленинской идеологии и способствовало углублению историко-эстетических исследований с диалектических позиций, превалирующих в эстетической мысли в Советской Беларуси. В работе «Янка Купала и Якуб Колас: вопросы мировоззрения» (1982) А. С. Майхрович осуществил сравнительную характеристику художественно-эстетических взглядов народных поэтов Беларуси, представляя их выразителями социальных идеалов белорусского народа. Это было характерно для развития второго направления в эстетике советского времени: осмысления

эстетических идеалов белорусских поэтов и писателей и позиционирования их взглядов в контексте формирования национального самосознания белорусов.

Значимый вклад в развитие эстетической мысли внес Н. И. Круковский – доктор философских наук, профессор, известный белорусский философ, авторитетный специалист по актуальным проблемам культурной жизни страны, становления национального сознания. Научную деятельность он начинал в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора Академии наук БССР. Труды Н. И. Круковского (фамилия ученого долгое время при жизни имела неправильную форму «Крюковский», но по желанию Николая Ивановича незадолго до его смерти была изменена на «Круковский» и использовалась при издании посмертного сборника его трудов в 5 томах), посвященные вопросам эстетики, получили признание далеко за пределами нашей страны. Философ разрабатывал целый ряд теоретических направлений в эстетике и стал создателем уникального обоснования системы эстетических категорий. Он автор новаторских разработок в сфере логики красоты, эстетики человека, технической эстетики и теорий дизайна. Направления его исследований в эстетике необычайно многовекторны и разнообразны. Н. И. Круковский на основе идей Г. Гегеля создает уникальную логику построения системы основных эстетических категорий, основанную на принципе единства проявленности в этих категориях разных уровней эстетического отношения субъекта к объекту. Второе направление его концептуальных разработок связано с идеями о Человеке Прекрасном как особой модели этапа развития Человека и его связи с миром и социально-культурной средой. Н. И. Круковский развивал идею о недопустимости сведения эстетического отношения к пониманию его как проявления отношения человека к искусству. В этом заключается научное видение развития эстетики как науки о многообразных формах проявления эстетического начала в мире.

Работы доктора филологических наук В. А. Максимовича продолжили и расширили исследования по изучению белорусского литературного наследия средствами философского анализа и эстетического подхода к изучению творчества классиков белорусской литературы. В частности, вклад ученого определяется оригинальным подходом к творчеству М. Богдановича, основанным на интеграции философско-эстетического и литературоведческого осмысления значимости литературной художественной традиции и литературного канона в белорусской литературе. К наиболее существенным публикациям ученого можно отнести следующие издания: «Эстэтычныя пошукі ў беларускай літаратуры пачатку ХХ стагоддзя» (2000), «Беларускі мадэрнізм: эстэтычная самаідэнтыфікацыя літаратуры пачатку ХХ стагоддзя» (2001), «Нацыянальны космас класікі: дыялог і наватарства ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа» (2008), «Нацыянальная мастацкая традыцыя ў кантэксце гуманітарнай бяспекі Беларусі» (2019). Автором раскрыта гносеология и аксиология белорусского модернизма как литературно-эстетического явления, эксплицированы эстети-

ческие основания творчества Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Змитрока Бядули, Максима Горецкого и др.

В наше время эстетическое знание становится все более востребованным для решения фундаментальных проблем эстетики в разнообразных сферах человеческой деятельности, так как ситуация культурной стабилизации в любой стране, и в частности в Беларуси, всегда сопряжена с поисками гармонии и совершенства. В связи с этим в 2019 г. в Институте философии НАН Беларуси был создан Центр философии литературы и эстетики. Сфера деятельности Центра связана с проведением фундаментальных и прикладных научных исследований в области философии литературы и эстетики для эффективного использования их потенциала в развитии художественной культуры Республики Беларусь, общественно-политической и образовательно-воспитательной деятельности, обеспечении гуманитарной безопасности. Среди важных задач – исследование философско-методологических проблем литературы и эстетики как социальных феноменов в контексте исторических и современных трансформаций, концептуализация аксиологической парадигмы национальной художественной культуры и литературы как базовой структурообразующей составляющей социокультурной сферы, действенного инструмента влияния на все сферы социокультурной деятельности, основополагающего субстрата формирования культурной матрицы цивилизационного развития. Особое внимание обращено на исследование актуальных проблем социально-культурного и духовно-нравственного развития как необходимого условия консолидации белорусского общества, а также на изучение ценностно-мировоззренческих аспектов национальной художественной культуры и литературы в условиях цифровизации социума, выявление специфики и механизмов формирования национальной идентичности белорусского народа, разработку на основе гуманитарных исследований комплекса мер по сохранению и актуализации художественно-эстетических компонентов мировой и национальной художественной культуры и литературы, разработку практических рекомендаций, направленных на повышение уровня художественно-эстетической культуры белорусского общества средствами художественно-воспитательной и культурно-просветительской деятельности.

*Заведующий Центром философии литературы и эстетики
Института философии НАН Беларуси,
доктор филологических наук, профессор
В. А. Максимович,
старший научный сотрудник,
кандидат культурологии, доцент
Т. В. Карнажицкая*

У. М. Конан

ЭСТЭТЫКА І ЭТЫКА ФАЛЬКЛОРУ¹

Паняцце фальклору ў мінулых і сучасных інтэрпрэтацыях неадназначнае. Будзем мець на ўвазе яго шырокі і больш вузкі, спецыфічны сэнс. У шырокім сэнсе фальклор ахоплівае ўсю традыцыйную народную культуру, у тым ліку заснаванае на ім мастацтва. Не толькі вусную народную творчасць, але і традыцыйныя абрады, міфалогію, харэаграфію, дэкаратыўна-прыкладное мастацтва, традыцыйныя павер'і і практычныя веды, народнае лекарства, звычайнае права, народную мудрасць, фалькларызацыю прафесійнай літаратуры – мастацкай творчасці. Унікальнае дасягненне айчыннага беларусазнаўства – двухтомная ілюстраваная энцыклапедыя «Беларускі фальклор» (Мінск: БелЭн, 2005–2006. Т. 1–2) фактычна ахоплівае традыцыйную народную культуру, хоць акцэнт перанесены на спецыфічна фальклорную праблематыку.

Метадалагічная памылка былой (XIX – першая палова XX ст.) этнаграфіі і фалькларыстыкі, некаторых сучасных даследчыкаў, урэшце, дылетанцкіх уяўленняў заключаецца, па-першае, у прадметным збліжэнні фальклору з архаічным светапоглядам і міфалогіяй; па-другое – у поглядзе на фальклор толькі ў рэтраспектыўным аспекце ў яго вусным бытаванні. Гэта «метадалогія» легла ў аснову сучасных канцэпцый адмірання фальклору. Яна вынікае, па-першае, з догляду на фальклор, як на архаіку; па-другое, з догмаў, паводле якіх уяўляецца як толькі вусная народная творчасць; па-трэцяе, з арыентацыі на тую частку грамадства, якая адарвалася ад традыцыйнай народнай творчасці.

У першым выпадку фальклор як развітая і шматжанравая мастацкая сістэма атаясамліваецца з яе філалагічнымі і рэлігійнымі (пераважна язычніцкімі) архетыпамі. У другім выпадку не ўлічваюцца новыя сацыяльна-культурныя ўмовы бытавання фальклору, калі страты ад затухання фальклорнай творчасці часткова кампенсуюцца выхадам яго на прафесійную мастацка-практычную фалькларыстыку і на сродкі масавай інфармацыі: спачатку ў форме літаратурных запісаў і музычных фіксацый, дакладным апісаннем народнай харэаграфіі і абрадаў, а пазней таксама сродкамі электроннага дэпаніравання і распаўсюджвання. Урэшце, у трэцім выпадку аўтары канцэпцыі адмірання фальклору не ўлічваюць працэсаў адраджэння класічных тыпаў культуры і ўзроставай цыклізацыі аўдыторыі, калі на пэўных стадыях жыцця чалавек звяртаецца да сваіх каранёў, у тым ліку – да фальклору.

¹ Публікуецца паводле: Конан У. Гісторыя эстэтычнай думкі Беларусі : у 3 т. – Мінск : Беларус. навука, 2010. – Т. 1 : X ст. – 1905 г. – С. 282–288.

Захаваная сучаснымі метадамі фальклорная спадчына актуалізуецца мастацка-практычнай фалькларыстыкай, тэарэтычнай і метадычнай распрацоўкай гэтых метадаў. Іх задача – паступовая актуалізацыя класічных відаў і родаў народнай творчасці як развітай мастацкай культуры і ўвядзенне яе ў кантэкст сучаснага грамадскага быцця. У адрозненне ад міфалогіі, якая страціла сваю даўнюю містычную сутнасць і набывае эстэтычныя функцыі, беларускі фальклор у сваёй класічнай завершанасці – гэта развітое мастацтва, якое самабытна і дасціпна раскрыла сваю эстэтыку ў дыяпазоне асноўных эстэтычных катэгорый – прыгожага і агіднага, узнёслага і нізкага, трагічнага і камічнага. Адбываецца ўзаемапрапранікненне фальклору і прафесійнай мастацкай творчасці. Прафесійныя творцы – паэты, музыканты, артысты, майстры выяўленчага мастацтва, карыстаюцца мастацка-эстэтычнымі адкрыццямі фальклору (не толькі рэалісты, але і прыхільнікі мадэрнізму і постмадэрнізму), па-свойму выкарыстоўваюць эстэтычныя адкрыцці фальклору – крыніцы, якая надае іх творчасці нацыянальнае аблічча. З іншага боку, заўсёды адбывалася *фалькларызацыя* папулярных узораў прафесійнай творчасці, увядзенне іх у кантэкст фальклорнай традыцыі.

Класічнае квітненне аўтэнтычнай творчасці беларускага народа ахапіла амаль 200 гадоў – XVIII–XIX стст., арыгінальна ўпісалася ў першую палову XX ст., хоць з тэндэнцыямі затухання актыўнай самаарганізацыі – традыцыйнай народнай сінергетыкі. Кожны арыгінальны фальклорны твор – гэта тэкст і стыль. Запісаныя выдатнымі этнографамі і фалькларыстамі творы сведчаць: фальклорная творчасць адначасова была моватворчасцю. Беларускі народ, наша вёска, сяляне і шматлікая беларуская фальваркавая і служылая шляхта, ствараючы традыцыйную народную культуру, стваралі разам з ёю сучасную беларускую мову ў разнастайнасці яе мясцовых дыялектаў. Бо даўняя беларуская мова (мова Францыска Скарыны і Статута Вялікага Княства Літоўскага ў трох гістарычных варыянтах і рэдакцыях 1529, 1566 і 1588 гг.) пачала затухаць у канцы XVII ст., а ў XVIII – першай палове XIX ст. захавалася як гістарычная традыцыя і асноўны закон у Беларусі і ў другіх рэгіёнах Вялікага Княства Літоўскага да яго канчатковай адмены ўрадам імператара Мікалая I у 1840 г.

Новая беларуская літаратура пачалася адначасова з даследаваннем і публікацыяй беларускіх народных песень, казак, легенд, этнаграфічных зборнікаў, апісанняў быту і культуры народа. Пачынальнікі новай беларускай літаратуры ад Яна Чачота (1796–1847) да Аляксандра Рыпінскага (каля 1811–1886) і Адама Гурыновіча (25.01.1869–4.02.1894) – таксама фалькларысты. У XIX ст. працавалі і апублікавалі свае фундаментальныя зборнікі беларускага фальклору выдатныя фалькларысты і этнографы Ян Чачот («Вясковыя песні з-пад Нёмана і Дзвіны», Вільня, 1837–1846, т. 1–6), А. Рыпінскі («Беларусь», Парыж, 1840), І. Насовіч («Слоўнік беларускай мовы», 1867; зборнік «Беларускія прыказкі і прымаўкі», 1852), П. Шэйн («Матэрыялы для вывучэння побыту і мовы рускага насельніцтва Паўночна-Заходняга краю», 1887–1902, т. 1–3), У. Дабра-

вольскі («Смаленскі этнаграфічны зборнік», 1891–1903, ч. 1–4), Е. Раманаў («Беларускі зборнік», 1886–1912, т. 1–10).

Урэшце, у XVIII–XIX стст. адбывалася станаўленне новай беларускай літаратуры, якая ў творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча і Ф. Багушэвіча паступова аддзялілася ад так званай польскай краёвай літаратуры і набыла значэнне галоўнага фактара першага этапу беларускага нацыянальнага адраджэння.

У апошнія дзесяць гадоў беларускія літаратуразнаўцы адкрылі корпус рукапісных ананімных і аўтарскіх твораў на беларускай мове XVIII ст., калі адбывалася інтэнсіўная моватворчасць народа. Даследчык М. В. Хаўстовіч апрацаваў і апублікаваў анталогію «Беларуская літаратура XVIII–XIX стагоддзяў: зборнік тэкстаў» (Мінск: БДУ, 2000).

На падставе гэтых даследаванняў будзе абгрунтаванай выснова: беларускі фальклор як мастацкая сістэма сфарміраваўся ў XVIII–XIX стст. і паслужыў глыбокай крыніцай для станаўлення новай беларускай літаратуры.

Не памыляўся Кант, калі бачыў у прыгажосці сімваліку маралі. Бо і сапраўды, эстэтычныя, як і маральныя, адносіны да быцця маюць на ўвазе погляд на аб'екты гэтых адносін, перш за ўсё шматгранныя з'явы жыцця наогул і чалавечага жыцця ў асаблівасці, як на самамэту, а не толькі як на сродкі для іншых задач, якія знаходзяцца за межамі бескарыслівай радасці ад успрымання прыгожага, высокага і ўзнёслага ў прыродзе, грамадстве і мастацтве, або, урэшце, па-за межамі суперажывання трагічнаму ў жыцці, – адным словам, па-за межамі сферы духоўных каштоўнасцей, што складаюць найвышэйшы сэнс маралі і мастацтва.

Чалавецтва, бясспрэчна, найвышэйшае, але не адзінае квітненне зямнога жыцця. Чалавек – толькі канчатковы вынік, вяршыня, апошняя ступень руху жыцця знізу ўгору, «з далін па ўзвышшы», або, як даўней казалі, ад зямлі да неба. Бо і вяршыня не ўтрымаецца, упадзе, калі будучь разбураны папярэднія ступені гэтай вялікай іерархічнай лесвіцы быцця. А гэта азначае, што не толькі чалавек, але і прырода, быццё ў цэлым павінны быць для нас не выключна сродкамі, «матэрыяльнымі рэсурсамі», але найперш самамэтаю, г. зн. аб'ектам маральных і эстэтычных адносін. Такі, відаць, сэнс так званай экалагічнай праблемы, якая сёння моцна турбуе найбольш прадбачлівых людзей. Гэта – ісціна, да якой прыходзіць добрасумленая навука. Але тое, што здабыта ёю горкім вопытам – безагляднай і неабмежаванай эксплуатацыяй прыроды, – ужо даўно спасцігнута мастацкай інтуіцыяй. Найвышэйшым прызначэннем мастацтва Леў Талстой на вяршыні свайго духоўнага ўзыходжання лічыў выхаванне ў людзей вялікай любові да жыцця – да чалавека і прыроды, да ўсяго, што складае нашу «айкумену». Такі, у асноўным, гуманістычны сэнс мастацкай творчасці, які па-свойму арыгінальна і яскрава выявіўся ў аўтэнтчным фальклоры – традыцыйнай форме народнага мастацкага самавыяўлення.

Класічная філасофія – вучэнне аб быцці і пазнанні як безупынным станаўленні і самаразвіцці – ужо даўно звярнула ўвагу на адну заканамернасць

усякай сістэмы, здольнай да прагрэсіўнага руху наперад: аказваецца, што кожная новая заваёва на ўсіх этапах гэтага руху ёсць разгортванне патэнцый, закладзеных у зыходным пункце. На ўзроўні матэрыяльных, напрыклад зорна-планетарных, сістэм уся шматграннасць сусвету ўжо існавала як магчымасць у першачарговай, «хаатычнай» матэрыі. З маленькага жолуда або яшчэ меншага насення хвой вырастаюць магутныя дрэвы. І што асабліва цікава, дык гэта тое, што ўсё здольнае да росту не толькі залежыць ад вонкавых умоў, але і само стварае гэтыя ўмовы, спрыяе іх удасканаленню. Гэта заканамернасць яскрава выявілася ў развіцці гістарычных форм культуры. Ужо на ўзроўні міфалогіі ў агульных рысах «прачытваецца» сімвалічны план гісторыі чалавецтва і яго культуры, хоць, праўда, у ірацыянальных, фантастычных абрысах. У класічных жанрах фальклору цэлая сістэма сюжэтаў, вобразаў і сімвалаў сёння ўспрымаецца як мастацкі аналаг найважнейшых духоўных каштоўнасцей, якія былі, ёсць або могуць быць сцверджаны ў будучай культуры чалавецтва. У гэтым сэнсе аўтэнтчны фальклор – гэта мастацкая «біблія» народа: як у Бібліі ў рэлігійна-сімвалічных вобразах і сюжэтах адлюстравалася драматычны шлях станаўлення чалавечай духоўнасці, так і праз фальклор народная душа сягае далёка ўвысь, за вузкія межы свайго штодзённага побыту, здзіўляючы нас сваёй духоўнай празорлівасцю.

На здольнасці класічных форм культуры акумуляваць духоўны вопыт многіх пакаленняў і нават завершаных у мінулым цывілізацый грунтуецца агульнавядомы феномен прароцтва. Бо сапраўднымі прарокамі (у рэалістычным сэнсе гэтага паняцця) былі не толькі выдатныя гістарычныя асобы – найбольш чуйныя да жыцця народныя мысліцелі, паэты, мастакі, але і безыменныя стваральнікі народных казак, песень, мастацтва наогул. Гэта яны, увабраўшы ў сваю паэтычна ўражлівую, спагадлівую душу ўсе радасці, пакуты і трагічныя канфлікты свайго часу, да болю сэрца спасцігнуўшы, як *не трэба* жыць, далі нам у неўміручых творах кранаючыя сваім драматызмам карціны непазбежнай пагібелі несправядлівага свету гвалту і бездухоўнасці. Разам з тым яны прыадчынілі дзверы ў свет гарманічнага, духоўна багатага жыцця, якое *павінна быць*. І ў гэтым сэнсе геніяльныя людзі – правобразы будучага дасканалы чалавецтва.

У ранейшых публікацыях я спрабаваў раскрыць гуманістычны змест народнай творчасці, які выявіўся, з аднаго боку, у спасціжэнні суверэннасці чалавека ў прыродным і сацыяльным быцці, у яго самаўсведамленні сябе як свабоды і найвышэйшай каштоўнасці жыцця (што выявілася ў гратэскавай трагедыі пануючых над чалавекам прыродных сіл і сацыяльных інстытутаў), а з другога боку, ва ўсведамленні трагічнага шляху станаўлення свабоднай індывідуальнасці, непаўторнай чалавечай асобы, адлюстраванага ў лірычным самавыяўленні народнай душы. Але ж духоўная свабода па сваёй сутнасці не ёсць свавольства аўтаномнай адносна прыроды і грамадства чалавечай асобы, бо нясе ў сабе стваральны пачатак – усведамленне ўнутранага адзінства

кожнага чалавека з усебыццём і чалавецтвам, пачынаючы з першаснага калектыву (сям'я, абшчына) і канчаючы сваім народам і народамі ўсяго свету. Гэта вышэйшая форма самасвядомасці ў жыцці і духоўнай творчасці выяўляецца праз маральныя каштоўнасці (сумленне, дабро, любоў, дружба, справядлівасць, чалавечая годнасць).

Паколькі фальклор, як ужо гаварылася вышэй, – гэта не натуралістычны, не банальны адбітак наяўнай рэальнасці, а перш за ўсё выяўленне народных ідэалаў, адвечнай мары пра вольнае, справядлівае жыццё чалавека ў гарманічным адзінстве з прыродай, з блізкімі і «дальнімі» людзьмі, бо ў сюжэтах, вобразах і сімвалах, класічных жанрах фальклору, асабліва ў чарадзейных казках, адлюстравалася не толькі мінулае, але і будучае – тыя каштоўнасці, якія яшчэ павінны рэалізавацца. Такім чынам, аўтэнтчны фальклор, як і ўсякая іншая класічная мастацкая спадчына, – гэта духоўны наказ продкаў нашчадкам.

В. А. Максімовіч

Інстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ЭСТЭТЫЧНЫЯ ДАМІНАНТЫ ТВОРЧАСЦІ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА

У артыкуле раскрываюцца эстэтычныя дамінанты творчасці класіка беларускай літаратуры Максіма Багдановіча. Сцвярджаецца, што ў творчай канцэпцыі паэта спазнанне каштоўнасных форм духоўнага засваення рэальнасці з'яўляецца рухаючай сілай грамадскай эвалюцыі. Звернута ўвага на ўплыў культуры антычнасці, класічных форм мастацтва, рэнесанснага гуманізму на станаўленне філасофска-светапоглядных перакананняў паэта, фарміраванне асновасутнасных прынцыпаў яго светабачання, наўпрост звязаных з адстойваннем ідэй самакаштоўнасці асобы, свабоды самавыяўлення, з культываваннем пачуцця далучанасці да ўсяго ўніверсуму культуры. Прыводзяцца агульныя філасофска-светапоглядныя пункты судакранання эстэтычнай дактрыны М. Багдановіча з маральным імператывам І. Канта і тэорыяй камунікатыўнага дзеяння Ю. Хабермаса.

Ключавыя словы: мастацкі твор, канцэпцыя асобы, духоўнае засваенне рэальнасці, рэнесансны гуманізм, творчасць, класічныя формы мастацтва

В. А. Максимович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ТВОРЧЕСТВА МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

В статье раскрываются эстетические доминанты творчества классика белорусской литературы Максима Богдановича. Утверждается, что в творческой концепции поэта познание ценностных форм духовного освоения реальности является движущей силой общественной эволюции. Обращено внимание на влияние культуры античности, классических форм искусства, ренессансного гуманизма на становление философско-мировоззренческих взглядов поэта, формирование основополагающих принципов его мировидения, напрямую связанных с отстаиванием идей самоценности личности, свободы самовыявления, с культивированием чувства причастности ко всему универсуму культуры. Приводятся общие философско-мировоззренческие точки соприкосновения эстетической доктрины М. Богдановича с моральным императивом И. Канта и теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Ключевые слова: художественное произведение, концепция личности, духовное освоение реальности, ренессансный гуманизм, творчество, классические формы искусства

V. Maximovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

AESTHETIC DOMINANTS OF MAXIM BAGDANOVICH'S CREATIVITY

In the article, the aesthetic dominants of creativity of the classic of Belarusian literature Maxim Bagdanovich are revealed. It is claimed that in the poet's creative concept, the knowledge of the value forms of spiritual exploration of reality is the driving force of social evolution. Attention is paid to the influence of culture of antiquity, classical forms of art, Renaissance humanism on the formation of the poet's philosophical and ideological views, formation of the fundamental principles of his worldview, directly related to the defense of the ideas of the self-worth of the individual, freedom of expression, cultivating the sense of belonging to the entire cultural universe. The common philosophical and worldview points of contact of M. Bagdanovich's aesthetic doctrine with I. Kant's moral imperative and the theory of communicative action of J. Habermas are presented.

Keywords: artwork, concept of personality, spiritual exploration of reality, Renaissance humanism, creativity, classical forms of art

Нацыянальная мастацкая традыцыя ўяўляе сабой унікальнае інфармацыйнае поле, якое ўтрымлівае ў сабе атрыманую ў спадчыну культуру і забяспечвае сацыякультурную пераемнасць ва ўмовах узростаўнага крызісу, пераацэнкі і дэвальвацыі духоўных каштоўнасцей. Выяўленне філасофска-эстэтычнай змястоўнасці класічнай спадчыны, нацыянальнай мастацкай традыцыі адкрывае новыя перспектывы для больш шырокага задзейнічання іх вялізнага мастацка-эстэтычнага патэнцыялу ў развіцці інтэркультурных сувязей, камунікацый, абменаў, якія забяспечваюць і падтрымліваюць шматмерную сэнсавую культурную прастору. Антрапалагічная звышзадача, якую вырашае нацыянальная мастацкая традыцыя разам з класічнымі творамі, – гэта мадэляванне мастацкага ідэалу, сфарміраванага на эстэтычных прынцыпах і звернутага да выхаванага эстэтычнага пачуцця, раскрыццё прыгожага ў яго ідэальнай эстэтычнай форме.

Увасобленым прыкладам творчага абагачэння эстэтычнай палітры твора можа служыць класік беларускай літаратуры Максім Багдановіч. З'яўляючыся прыхільнікам сімвалічнага паэтычнага канона, створанага на аснове мастацкага сінтэзу розных культурных светаў, узораў светабачання і светаадчування, паэт стаў заканадаўцам эстэтычнага паэтычнага канона дзякуючы акультурацыі сусветнага мастацкага і філасофскага вопыту з апорай на нацыянальны культурны кантэкст. Мастацкія карціны, створаныя яго творчай фантазіяй, маюць у аснове сваёй універсальную скіраванасць: яны нагадваюць паэтычнае адкрыццё, што ўвасабляе духоўны свет быцця.

Максім Багдановіч дастаткова яскрава ўсведамляў, што беларуская літаратура ў той час знаходзілася толькі ў пачатковай стадыі свайго прафесійнага станаўлення, фарміравання ўласнага ўнікальнага відарысу. І ад таго, што будзе

пакладзена ў яе каштоўнасна-сэнсавую аснову, якія духоўныя запыты народных мас будуць рэалізаваны, залежала многае. Беларускі класік зрабіў стаўку на перайманне вопыту сацыякультурнай арганізацыі, назапашаны ў гісторыі, звярнуўся да традыцыі сусветнай элітнай думкі і найноўшых літаратурна-мастацкіх адкрыццяў пачатку XX ст. Шлях культурнага будаўніцтва бачыўся яму ў сінтэзе еўрапейскага вопыту і нацыянальнай традыцыі. Гэта была сапраўды адраджэнская пазіцыя, мэтай якой было вяртанне культурнай спадчыны на новай цывілізацыйнай аснове, аднаўленне таго, што даўно адышло ў нябыт.

Зразумець прыроду эстэтычнага ў філасофскай сістэме М. Багдановіча немагчыма без разгляду сутнасных, фундаментальных пытанняў эстэтыкі творчасці, без высвятлення ўзаемаадносін эстэтычнага і маральнага, мастацтва і творчай дзейнасці. Эстэтычныя прыярытэты беларускага паэта цалкам не сцудосяцца ні з адной з вядомых культурфіласофскіх канцэпцый. Вектар яго эстэтычных пошукаў быў самы разнастайны і меў кропкі судакранання з самымі рознымі літаратурна-мастацкімі кірункамі і філасофска-светапогляднымі дактрынамі. М. Багдановіч аддае перавагу пазнанню і каштоўнасным формам духоўнага асваення рэчаіснасці, культывуе гуманістычныя прынцыпы светаўладкавання, выступае за наследаванне традыцый мінулага, раўнацэннасць і шматстайнасць культур, што спрыяе эвалюцыі грамадства, уплывае на змену адносін індывідаў да прыроды і адзін да аднаго. Для мастака-адраджэнца нязменнай заставалася арыентацыя на агульначалавечыя і нацыянальныя каштоўнасці, пафас непрымання насілля, прымусу, дыктату, адстойванне права на захаванне сваёй індывідуальнасці, самасці. Менавіта духоўныя працэсы Максім Багдановіч лічыў галоўнай рухаючай сілай грамадскай эвалюцыі. Па яго глыбокім перакананні, духоўны складнік, спалучаны з верай у розум, выступае дзейным сродкам унікнення сацыякультурных канфліктаў, служыць залогам сцвярджэння вышэйшых каштоўнасцей, у тым ліку каштоўнасці чалавека. Найбольш прэзентацыўнай, канцэптазначнай для паэта выступае традыцыя рэнэсанснага гуманізму з уласцівай ёй ідэяй самакаштоўнасці асобы, што знайшло ў паэтычнай візіі мастака свой годны працяг. Як і для прадстаўнікоў гэтага кірунку, для беларускага класіка ўласціва рацыяналістычная вера ў бязмежныя магчымасці розуму, яго здольнасць спасцігнуць сэнс універсуму, духоўныя асновы светабудовы, імкненне ствараць гармонію ў свеце чалавека. Пра гэта сведчаць і прысутныя ў багдановічаўскім каноне крыніцы інфарматыўнасці, наўпрост звязаныя з *адраджэнскім* генезісам, што служыць магутным рэгулятарам і стваральнікам чалавечай асобы і культуры.

Адраджэнская форма гуманізму, у межах якой была адкрыта наноў грэкарымская антычнасць, уяўлялася паэту найбольш прыдатнай у тагачаснай сацыякультурнай сітуацыі. У сілу гістарычных і сацыяльных абставін згаданая форма гуманізму ў творчасці Багдановіча набывае дэмакратычны характар,

звязаны з новым вымярэннем спасціжэння чалавечай і культурнай рэальнасці. Дэмакратычны гуманізм, як вядома, не звязаны адно з прывілегіраванымі групамі грамадства. Ён арыентаваны на гуманістычнае светасузіранне, дзе важнае месца адводзіцца форме інтэграцыі чалавека і прыроды, чалавека і грамадства. Універсалізм і дэмакратызм мыслення самога М. Багдановіча неадлучны ад прызнання самакаштоўнасці асобы, свабоды ўнутранага самавыяўлення, здольнасці рэалізаваць ім уласныя магчымасці, настроенасць яго на пошук альтэрнатыў.

У творчасці беларускага паэта яркая выявіў сябе феномен «адарванасці» – адчуванасці, ізаляванасці, адзіноты. Паводле Г. Адамовіч, «адарванасць» у кантэксце творчасці М. Багдановіча «выступае як філасофская праблема экзистэнцыі», як парушэнне сувязі паміж чалавекам і прыродай, паміж чалавекам і грамадой. «Перажываючы ў асабістым жыцці “адарванасць”, канстатуючы яе наяўнасць у жыцці тагачаснага грамадства, бачачы яе ў гістарычным лёсе беларускага народа, паэт шукае формы скасавання “адарванасці”, імкнецца ператварыць “мінус-сувязі” (тэрмін Ю. Лотмана. – *заўвага Г. А.*), чужынства, адзіноту чалавека ў нешта прыныпова іншае. Такой формай процістаяння ў жыцці паэта стала творчасць. Праз творчасць, праз наладжванне духоўных паяўляў “адарванасць” у сваіх розных праявах можа быць скасаваная» [1, с. 5].

Матыў «адарванасці» выступае дамінантным у багдановічаўскім верлібры «Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...». У вершы зроблены акцэнт на выяўленне агульначалавечага, агульнафіласофскага падыходу да анталогічных праблем жыцця. Змест яго раскрывае глыбокую філасофскую думку пра сэнс чалавечага існавання, што пераклікаецца з кантаўскім параўнаннем зорнага неба і маральнага закону ў душы чалавека. У «Крытыцы практычнага розуму» І. Кант прызнаваўся: «Дзве рэчы напаяўняюць душу заўжды новым і ўсё больш моцным здзіўленнем і глыбокай павагай, чым часцей і працяглей мы разважаем пра іх, – *зорнае неба нада мной і маральны закон ува мне*» [2, с. 562–563]. Можна з пэўнай доляй упэўненасці выказаць здагадку, што М. Багдановіч быў знаёмы з працамі нямецкага філосафа, які ў пачатку ХХ ст. карыстаўся велізарным поспехам у чытаючай публікі. Несумненна, погляд Багдановіча магло прыцягнуць наступнае прызнанне Канта: «Маральны закон кажа мне, што я – асоба і як такая знаходжуся са светам ва ўсеагульнай і неабходнай сувязі, якая, наадварот, бясконца ўзвышае маю каштоўнасць як думаючай істоты, праз маю асобу, у якой маральны закон адкрывае мне жыццё, незалежнае ад жывёльнай прыроды і нават ад усяго пачуццёва ўспрымальнага свету...» [2, с. 563].

Паэт заклікае нас звярнуцца да нашага розуму, каб спасцігнуць наша касмічнае яднанне з Сусветам, успрымаць свет як цэлае. Гарманічны парадак зорак ў Сусвеце навявае паэту па аналогіі жаданне бачыць падобнае і ў грамадскім жыцці, жыцці людзей. Адсюль і яго пыталны зварот да нябачна прысутнага суразмоўцы:

Бачыце гэтыя буйныя зоркі,
Ясныя зоркі Геркулеса?
Да іх ляціць наша сонца,
І нясецца да сонца зямля.
Хто мы такія?
Толькі падарожныя, – папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?

[3, с. 278]

І ў гэтым урыўку можна ўбачыць канататыўнасць сэнсаў у І. Канта і М. Багдановіча, якія ў сваіх геніяльных прасвятленнях скіраваныя да пошуку гармоніі прыроды і чалавека. Як і Кант у сваёй вышэйзгаданай працы, Багдановіч супаставіў у паэтычных радках Сусвет і душу чалавека, выказаў ідэю адзінства законаў космасу і законаў зямных, ідэю ўніверсальнай цэласнасці і тоеснасці сусветных структур. Арганічнае зліццё зямнога і касмічнага, як гэта бачылася двум мыслярам, нараджае эстэтычнае захапленне, жаданне ўпарадкаваць, згарманізаваць сусвет, паставіўшы ў цэнтр яго ідэал маральнага чалавека. І калі Кант заўважае, што «прыгожае ёсць сімвал маральна добрага» [4, с. 228], то палаючае ўначы зорнае суквецце для палымнеючых маральным законам чалавечых сэрцаў – узор сімвалічнай сувязі.

«Разам ляцець ды зор» – гэта паэтычная формула духаўладкавальных пошукаў людзей, якія прагнуць спазнаць сябе, імкнуцца жыць у згодзе з «маральным імператывам», знаходзячыся ў вечным пошуку ідэалу, ісціны, каб дасягнуць, кажучы словамі Мішэля Фуко, «шчасця, чысціні, мудрасці, дасканаласці і неўміручасці» [5, с. 100].

Сваёй творчасцю Максім Багдановіч, па сутнасці, апырэдыў многія філасофскія канцэпцыі сучаснасці. І ў гэтым, і ў многіх іншых вершах паэт як бы прадугадаў, прадбачыў тыя філасофскія дактрыны, якія значна пазней развівалі прадстаўнікі Франкфурцкай школы (Т. Адорна, М. Хоркхаймер, Э. Фром), а таксама канцэптualныя ідэі Г. Маркузе («аднамерны чалавек»), тэорыю камунікатыўнага дзеяння Ю. Хабермаса. Творчая канцэпцыя М. Багдановіча шмат у чым сугучная з ідэяй Ю. Хабермаса аб культурна-гістарычнай рэальнасці як спараджэнні камунікатыўнай дзейнасці індывіда. Аб'яднаўчым пачаткам і ў Багдановіча, і ў Хабермаса выступаюць шматстайныя культурна-гістарычныя светлы, а не эканамічныя фармацыі. Згодна з Хабермасам, галоўную ролю ў любым грамадскім арганізме адыгрываюць адносіны ўзаемадзеяння паміж людзьмі, інтэракцыі, што ўтрымліваюць у сабе каштоўнасна-нарматыўныя ўяўленні як формы духоўнай дзейнасці. Для паэта такой формай духоўнай дзейнасці ўяўляецца творчасць, якая спрыяе самапераадоленню, «самаперасяжнасці» (трансцэндэнцыі) суб'екта, стымуляванага камунікацый з іншымі і імпульсам, які зыходзіць з жыццёвага свету.

Менавіта жыццёвы свет, з якога чэрпаецца зыходны матэрыял для творчасці, з'яўляецца дзейным актывізатарам творчых памкненняў суб'екта. Катэгорыя «жыццёвы свет» у дадзеным выпадку выступае ў якасці своеасаблівай формулы пераадолення «адарванасці», адчужанасці, адпрэчнасці. Структура жыццёвага свету, як адзначае Ю. Хабермас, мяркуе формы магчымага інтэр-суб'ектыўнага ўзаемаразумення. Быццё культуры, мастацтва наўпрост залежаць ад арганічнага засваення навакольнага (жыццёвага) свету, творчых адносін да шматаблічных і пярэстых яго праяў. Творчасць, якая па вызначэнні трымаецца на жыццёвых уражаннях, ведах, вопыце і выступае заканамерным вынікам камунікатыўных практык, немагчыма без своеасаблівага падсілкоўвання з боку жыццёвага свету, што выступае ў якасці невычэрпнай крыніцы творчасці. Жыццёвы свет трактуецца нямецкім даследчыкам як своеасаблівы рэзервуар, які папаўняе і падтрымлівае прадуктыўныя магчымасці культуры (мастацтва, літаратуры) і дзякуючы сваёй знакава-сімвалічнай універсальнасці спрыяе канвенцыйнаму вытлумачэнню шматстайных з'яў прыроднага і сацыяльнага плана [6, с. 107]. Менавіта гарызонт жыццёвага свету, па Хабермасу, вызначае каштоўнасную сістэму значэнняў, якая з'яўляецца базіснай асновай сацыяльнай і духоўнай інтэграцыі грамадства.

Згодна з Хабермасам, менавіта духоўныя працэсы выступаюць галоўнай рухаючай сілай грамадскай эвалюцыі, а вера ў розум – сродкам зняцця сацыякультурных канфліктаў. І ў вышэй прыведзеным, і ў шмат іншых вершах сацыяльна-антрапалагічнага гучання («Краю мой родны! Як выкляты Богам...», «Кінь вечны плач свой аб старонцы!..», «Рушымся, брацця, хутчэй!..», «Народ, Беларускі Народ!..», «Нашых дзедаў душылі абшары лясоў...» і інш.) М. Багдановіч імкнецца перавесці сацыяльны канфлікт у зону дзеяння камунікатыўнай этыкі, закліканай спрыяць аналізу глабальных праблем, якія закранаюць не толькі ўласна беларускую рэальнасць, але і сусветную супольнасць у цэлым. Глыбокі грамадзянскі смутак паэта абумоўлены тым, што чалавеку наканавана жыць у сітуацыі перманентнай адлучанасці, адчужанасці, у свеце бясконцых сацыяльных пературбацый, што не дазваляе яму заставацца самім сабой. Адчужанасць наўпрост звязана з адцураннем чалавека ад уласнай свабоды, гісторыі, сацыяльных дабротаў, у адмаўленні права на ўласны выбар. Выйсце з зоны дзеяння сацыяльных дэтэрмінантаў паэт бачыў у свабодным самавызначэнні суб'екта, рэалізацыі ім патэнцыйных магчымасцей, у пошуку альтэрнатыў. Звяртаючыся да «сацыяльнага эквіваленту» ў вершах грамадзянскай скіраванасці, Багдановіч ускладаў надзею на тое, што індывід зможа не толькі выявіць прычыны сацыяльнай няроўнасці, але і паразважаць пра сэнс свайго існавання, сваёй ролі ў рэальным гістарычным жыцці. У творчасці паэта незвычайны вобразны пасаж, дэталі, выразна ангажаваны матыў дзякуючы мастацка-філасофскай адрэфлексаванасці матэрыялу даволі часта набывалі форму не лакальнага, а ўніверсальнага сэнсажыццёвага канфлікту, які міжволі прымушаў задумацца пра асновы камунікавання людзей

адзін з адным і з усім чалавецтвам у межах адзінай культурнай і цывілізацыйнай прасторы.

Максім Багдановіч выразна ўсведамляў і культываваў сваю чалавечую самасць, сваё празмерна развітае пачуццё адасобленасці, абранасці і разам з тым хваравіта перажываў экзістэнцыйную трагедыю творцы, абмежаванага ў сваіх магчымасцях і не здольнага змяніць або парушыць заведзены парадак рэчаў, перабудаваць свет. Яго цікавілі самыя разнастайныя праявы жыццядзейнасці індывіда. Яшчэ далёка да ўзнікнення персаналісцкіх і структуралісцкіх тэорый паэт глыбока задумваўся пра месца індывіда ў «абмасоўленым» грамадстве, для якога былі чужыя суб'ектыўныя інтэнцыі, анталагічныя канстанты быцця. Творчая асоба прызнавалася Багдановічам галоўным суб'ектам, дзякуючы якому ўзнікалі і маглі існаваць шматлікія формы чалавечай культуры. Паэт ставіў задачу вывесці ўсё суквецце культурных (мастацкіх) форм з адзінага духоўнага субстанцыяльнага пачатку – культуры Антычнасці, Ренесансу і Асветы, у цэнтры якой быў гуманізм і рацыянальны пачатак. Для песняра «чыстай красы» гуманізм заключаўся ў прызнанні самакаштоўнасці чалавечай асобы і яе творчых патэнцый, у абвяшчэнні раўнацэннасці разнастайных культур, праз якія і праяўляюцца ўсеагульныя іпастасі духоўнага свету чалавека.

Працягваючы традыцыю рэнесанснай думкі, М. Багдановіч у сваёй творчасці ўсяляк абгрунтоўваў ідэю пастаяннага самаўдасканалення асобы, гуманістычныя мэты культурнага развіцця, дасягненню якіх закліканы служыць прыродны ўніверсум, грамадства і аб'ектыўныя формы культуры/мастацтва. Зрэшты, творчасць паэта стала кульмінацыйнай горкіх роздумаў пра нязбытнасць рэнесансных надзей на перамогу агульнагуманістычных пачаткаў ў грамадскім жыцці. Але, нягледзячы на гэта, ён не пераставаў ствараць свой мастацкі свет згодна з крытэрыямі прыгажосці і маральнасці, тым самым духоўна пераадольваючы тое, што яго не задавальняла. Сваёй творчасцю М. Багдановіч сцвярджаў існы гуманізм, стваральны пачатак чалавечага розуму і прыроднажыццёвых сіл соцыуму.

Паводле меркавання класіка беларускай літаратуры, мастацтва павінна быць элітарным, здольным убіраць у сябе ўвесь гістарычны вопыт развіцця мастацкай думкі і творча яго развіваць, удасканальваць. Гэтае перакананне дэманструе ўся творчасць паэта. Як сапраўдны эстэт, ён ствараў сваю арыгінальную паэтычную аксіялогію, якая мае самадастатковы характар і не падначалена ўтылітарным патрэбам.

Прызнаючы ролю традыцый ў стварэнні ўнікальных мастацкіх шэдэўраў, М. Багдановіч у той жа час замацоўваў за творчай асобай права на творчы эксперымент, які патэнцыйна ўтрымлівае ў сабе прыкметы навізны, тым самым, па сутнасці, прызнаючы за мастаком права быць заснавальнікам новай традыцыі. Ён быў глыбока перакананы ў тым, што задзейнічанне, прыцягненне ў сферу культуратворчасці інавацыйных тэхнік, іх актыўнае тыражыраванне

ў шматлікіх кантэкстах стварае перадумовы таго, што з часам створаны мастацкі прадукт увайдзе ў жывую тканіну культуры, спрыяючы абнаўленню яе каштоўнасна-сэнсавага ядра. Цалкам зразумела, каб стаць традыцыяй, якая мае ўсе шанцы набыць даволі вялікае распаўсюджванне сярод носьбітаў пэўнага ментальнага і сацыякультурнага кода, інавацыя павінна адпавядаць умовам уключанасці ў гісторыка-культурны кантэкст, стаць часткай цэласнасці, што надасць ёй агульназначны статус. А для гэтага мастацкая інавацыя павінна валодаць велізарным унутраным патэнцыялам, што выяўляе ўласціваць «свядомага быцця» і таму мае ўсе перадумовы для стварэння новай сацыякультурнай рэальнасці або, па меншай меры, утрымлівае магчымасць таго, каб стаць яе важнай структураўтваральнай часткай. Вылучаныя тэндэнцыі з'яўляюцца асновасутнаснымі ў асэнсаванні і даследаванні творчасці М. Багдановіча, літаратурнага працэсу пачатку XX ст. і ўсяго працэсу культурабудаўніцтва ў сучаснай Беларусі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Адамовіч, Г. Жыццё і творчасць Максіма Багдановіча як прыклад «адарванасці» / Г. Адамовіч // Роднае слова. – 2008. – № 4. – С. 3–7.
2. Кант, И. Сочинения : в 8 т. / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – Т. 4. – 630 с.
3. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2001. – Т. 1 : Вершы, паэмы, пераклады, наследванні, чарнавыя накіды. – 752 с.
4. Кант, И. Критика способности суждения : пер. с нем. / И. Кант. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
5. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко ; пер. с англ. А. Корбута // Логос. – 2008. – № 2. – С. 96–122.
6. Habermas, J. Theorie des kommunikativen Handels / J. Habermas. – Frankfurt a/M : Suhrkamp, 1988. – Bd. 2. – 640 S.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КАК НАПРАВЛЕНИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛАСТЕРА, ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОГРАММЫ, МЕТОДИКИ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Практическая направленность научных разработок является необходимой составляющей инновационной политики большинства развитых стран. В Республике Беларусь практическая ориентация научных исследований, внедрение создаваемых инноваций в различные области экономической и социальной жизни общества выступают первоочередными требованиями к научной деятельности. Несмотря на традиционную ассоциацию философии с решением фундаментальных теоретических вопросов, проекты, реализуемые в Институте философии Национальной академии Беларуси, закрепили связь философского знания с такими сферами деятельности, как образование, бизнес, оказание консультационных и экспертных услуг.

На уровне институциональной структуры расширению возможностей использования научных достижений *in praxi* способствовало создание в 2015 г. на базе Института философии Республиканского центра фундаментальной и практической философии. Данный Центр, работающий по кластерному принципу, был открыт с целью разработки и апробации инструментов современной практической философии для лучшей социализации и повышения качества жизни общества, прогнозирования и стратегического управления социальными процессами. За пять лет своей работы он показал свою эффективность в качестве инструмента интеграции философского сообщества страны, средства обеспечения междисциплинарного и межотраслевого сотрудничества специалистов. Ключевые результаты были достигнуты в области выстраивания диалога между представителями академической и университетской науки. Решению этих задач не в последнюю очередь способствовала координация проводимых в сфере социально-гуманитарных дисциплин научных исследований, организация научных мероприятий, объединяющих академический и вузовский сектор науки, проведение методологических и просветительских семинаров для специалистов различных уровней компетентности.

Одним из механизмов установления тесной связи между наукой и образованием, повышения практической отдачи теоретических исследований в рамках Республиканского центра фундаментальной и практической философии стало создание в Институте философии НАН Беларуси совместных подразделений с учреждениями высшего образования. На сегодняшний день функцио-

нируют четыре таких подразделения: филиал кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета; филиал кафедры политологии Белорусского государственного университета; инновационная площадка кафедры социальной политики и идеологии Института государственной службы Академии управления при Президенте Республики Беларусь; кафедра-лаборатория социогуманитарной экспертизы в области науки и образования, учредителями которой являются Институт философии НАН Беларуси и Институт социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета. В этих подразделениях налажена системная работа по организации практики и стажировок студентов высших учебных заведений, магистрантов, аспирантов, молодых преподавателей. Осуществляется руководство дипломными проектами, диссертациями, проводится их экспертиза. Существенное внимание уделяется стимулированию и поддержанию интереса к исследовательской деятельности. Традиционными в этой сфере являются конкурсы научных работ. Привлечь будущих специалистов помогают профориентационные семинары, ежегодные дни открытых дверей. Не менее значимым направлением совместной деятельности выступает организация круглых столов по актуальной проблематике гуманитарного знания, инициация совместных научных исследований.

Характеризуя развитие прикладной направленности философских исследований Института философии НАН Беларуси, нельзя не упомянуть работу одного из структурных подразделений учреждения – Центра управления знаниями и компетенциями. За время работы Центра его сотрудниками создан перспективный задел для формирования национальной школы по изучению прорывных социально-гуманитарных технологий, а также реализации разнообразных программ практико-ориентированной направленности. Особо перспективными представляются разработки, касающиеся изучения возможностей имплементации следующих социально-гуманитарных технологий: социальных технологий общественной самоорганизации (краудфандинг, краудсорсинг), социальных бизнес-технологий, технологий «шеринговой экономики», организационного менеджмента и управления знаниями, технологий защиты и адаптации социально уязвимых групп населения, технологий преодоления и профилактики социальных девиаций, технологий управления пространством виртуальной коммуникации, образовательных и воспитательных технологий и др. Данные направления исследований следует признать перспективными в силу имеющегося в современном белорусском обществе социального запроса на развитие технологий «мягкой силы», которые направлены на работу с человеческим капиталом, а также служат предотвращению различных негативных социальных явлений и обеспечению безопасности социума. Среди практических результатов работы Центра также важно упомянуть разработку методологических основ гуманитарной экспертизы современных организационно-управленческих практик, образовательных программ и инструментов

повышения творческого потенциала индивидов, средств влияния на мотивационную компоненту их сознания и деятельности.

Проекты, имеющие практическую направленность, реализуются усилиями отдельных ученых и исследовательских коллективов Института философии НАН Беларуси. В частности, при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в период с 2014 по 2016 г. была выполнена Научно-исследовательская работа «Философское консультирование: методологические основания, принципы реализации и перспективы развития в Республике Беларусь» (договор № Г14М-140, руководитель – М. Б. Завадский, исполнитель – Н. С. Ильюшенко). В рамках исследования была обоснована трактовка философского консультирования как коммуникативной практики, которая направлена на прояснение мировоззренческих, экзистенциальных оснований человеческой жизни, реализуется в диалоге клиента и профессионального философа и предполагает использование философских теорий, подходов и методологий. Понимание философии как интеллектуально емкой практики, реализуемой в беседе и значимой для формирования субъективности, разрабатывалось П. Адо, Г. Ахенбахом, П. Раабе, Д. Штауде и другими современными философами. Отличительной особенностью философского консультирования в сравнении с консультированием психологическим выступает отстранение от восприятия клиента как психического субъекта. Акцент делается на работе с человеком как рефлексивной индивидуальностью через разбор составляющих его мировоззрение идей и представлений. Проведенный анализ различных форм и типов философского консультирования, этических аспектов реализации данной практики, возможностей ее институционализации в Республике Беларусь позволяет сделать вывод о том, что данное поле исследования является перспективным для дальнейшей разработки.

В период с 2018 по 2020 г. также при поддержке БРФФИ реализован проект «Философия в структуре инновационных технологий школьного образования: концептуальные основания, методологический инструментарий, перспективы имплементации в Республике Беларусь» (договор № Г18М-113, руководитель – М. Б. Завадский, исполнители – А. Ю. Дудчик, Н. С. Ильюшенко). Ключевой идеей проекта стала разработка концептуальных основ для внедрения философии для детей в практику школьного и дополнительного образования, включая разработку соответствующих учебных программ для детей разных возрастов. Философия для детей – интенсивно развивающаяся область философско-педагогического знания, теоретические и прикладные основы которой заложены М. Липманом, Г. Мэтьюз, О. Бренифье, Н. С. Юлиной и др.

Примером образовательной программы в контексте идей философии для детей является программа дополнительного образования для детей и подростков «Зеленое Солнце» (авторский коллектив: Н. С. Ильюшенко, Н. А. Кутузова, Д. А. Кутузов, О. И. Давыдик). Программа предназначена для работы с подростками 10–13 лет. Она направлена на формирование и развитие комплекса

компетенций, востребованных не только в период школьного обучения, но и значимых с точки зрения дальнейшей самореализации обучающихся в условиях глобального социума. Ключевые цели программы включают формирование мировоззрения, основанного на ознакомлении со значимыми понятиями философии и культуры; развитие творческого, логического мышления, коммуникативных навыков и компетенций совместной групповой работы; навыков проектирования. Обращают на себя внимание опыт успешного продвижения программы «Зеленое Солнце» на международных китайских выставках импортных товаров и услуг в г. Шанхае (Китайская Народная Республика), которые проходили в 2018 и 2019 гг., а также высокий интерес к данному продукту со стороны зарубежных партнеров.

Разрабатываются методики ознакомления детей младшего школьного возраста с философией. Примером является обучающая программа «Не плакать, не смеяться, а понимать!», получившая название от высказывания всемирно известного голландского философа Бенедикта Спинозы. Ее ключевой особенностью является направленность на повышение мотивации у детей к обучению, понимание ими межпредметных связей в целях эффективного освоения школьной программы. Познавательный интерес и саморефлексия побуждаются посредством философских вопросов и загадок, проблематизации, обсуждения мультфильмов с философским содержанием. Под руководством учителя детям предлагается поучаствовать в коллективном исследовании в рамках таких тем, как «Для чего существует знание?», «Как я воспринимаю новое знание?», «Почему важно задавать вопросы?», «Рассуждать разумно». Дети учатся понимать многогранный мир человеческих эмоций. В рамках темы «Почему не нужно бояться ошибок?» обсуждаются тревоги, связанные с учебной: страх незнания, совершить ошибку, проявить инициативность и т. п.

Помимо области образования, сегодня в Институте философии всесторонне исследуются перспективы применения инструментария практической философии в сфере бизнеса. Использование методологических и идейных достижений практической философии в области управления предприятиями и организациями сегодня является признанным и доказавшим свою эффективность направлением работы профессиональных философов во многих странах мира (во Франции, США, Германии и др.). Практическая философия в работах А. де Боттона, Д. Бренделя, Л. Мариноффа, Р. Стеара и других авторов предстает как действенный инструмент по работе с коммерческими бизнес-структурами. Использование философских наработок вносит полезный вклад в усиление рациональных компонентов принятия решений, позволяет заложить и обосновать ценностный фундамент предпринимательской деятельности, выработать эффективные коммуникативные стратегии во взаимодействии руководитель–подчиненный.

В Республике Беларусь с развитием консультационных услуг в сфере бизнеса также связываются высокие ожидания. В Институте философии в данном

направлении ведется работа по уточнению сущности и специфики компонентов процесса управления знаниями в бизнес-среде; разрабатываются модели действий, направленные на повышение эффективности бизнес-процессов компаний, максимизации продаж; совершенствуется инструментарий проведения аудита знаний в компаниях; принимаются меры по внедрению принципов формирования баз знаний на предприятиях. Особенно важно подчеркнуть наличие действенной методики повышения информационной и организационной культуры руководителей и специалистов предприятий.

Сотрудниками Института философии НАН Беларуси осуществляется деятельность по аудиту социально-психологического климата и корпоративной культуры организаций на основании разработанной программы мониторинговой и экспертной работы в них. Данная программа предполагает проведение комплексной диагностики психологического климата и межличностных отношений в коллективе, диагностику применяемого в организации и ее отдельных подразделениях и службах стиля руководства, определение уровня сплоченности коллектива, психологической совместимости работников и др. Перспективными областями приложения философских знаний в деятельности предприятий является разработка философии организации (миссии, ценностей, опорных принципов), этического кодекса работника, мировоззренческих основ корпоративной культуры.

Важное место в структуре работы по направлению развития практической философии занимает деятельность по формированию инновационной культуры мышления как особого системного качества личности специалиста или управленца. Ядро данной компетенции составляет сочетание профессиональных знаний и общекультурных умений (находить и осваивать информацию, строить диалог и взаимодействие, понимать других и добиваться от них понимания). Сотрудники академического учреждения неоднократно выступали с презентациями, мастер-классами, докладами перед специалистами различных профилей. В частности, в 2019 г. реализована идея проведения семинара для работников Парка высоких технологий «Технология креативности и развитие человеческого потенциала».

На базе Института философии ведется работа по разработке методик экспертизы в различных областях практики. Так, заслуживает упоминания методика экспертизы рекламы и публикаций в СМИ, основанная на процедурах семиологического анализа и нравственно-эстетических критериях. Данная разработка опирается, помимо прочего, на результаты исследований специалистов Института в области гуманитарных основ формирования информационного общества, нравственно-эстетических принципов общественного строительства.

Сделанные шаги по направлению к институционализации практической философии, разработке ее отдельных аспектов, а также популяризации ее разнообразных форм сегодня уже приносят свои плоды. Организуются встречи

Практическая философия как направление академической работы

с представителями бизнес-сообщества, сферы образования, учеными из других научных областей. Благодаря разрабатываемым проектам философия становится необходимой и полезной составляющей многих социальных практик. Однако важно, чтобы увеличение объема философии в повседневной жизни не приводило к ее упрощению и вульгаризации. Поэтому необходимо, чтобы многообразие форм, инструментов, техник и методик практической философии обрело самостоятельный статус в структуре академических исследований и было продолжено ее систематическое изучение.

Научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Н. С. Ильюшенко,

и. о. ученого секретаря

Института философии НАН Беларуси,

научный сотрудник,

М. Б. Завадский

НАУЧНЫЕ СЕМИНАРЫ – ПЛОЩАДКИ ДЛЯ АПРОБАЦИИ И ТРАНСЛЯЦИИ НОВЫХ ИДЕЙ

Ключевым компонентом философской и научной культуры является диалогичность, без которой невозможно полноценное развитие различных областей знания. Мыслители разных поколений и эпох неизменно вступают в диалог как со своими современниками, так и предшественниками. Диалог для ученых не просто обмен мыслями и гипотезами, но и способ выковывания идей, концепций, теорий, поиск аргументов и доказательств в пользу выдвигаемых положений, а также удивительная интеллектуальная среда, которая способствует взаимному обогащению знаниями, научным открытиям и в конечном счете приближению к истине.

В Институте философии НАН Беларуси сформировалась традиция проведения научных семинаров – разнотематических дискуссионных площадок для апробации и обсуждения оригинальных идей, результатов исследований, созданных подходов, разработанных принципов, установленных зависимостей и закономерностей, ознакомления коллег с новинками отечественной и мировой философской мысли. Семинары привлекают специалистов из разных сфер научной и общественной жизни: философов, социологов, психологов, филологов, искусствоведов, ученых в естественнонаучной и технической области знания, управленцев, журналистов, молодых ученых, студентов.

Более 10 лет в академическом учреждении на регулярной основе работает междисциплинарный научный семинар «Философские проблемы естествознания и техники», снискавший авторитет и признание у широкого круга научных работников, исследователей и преподавателей. Начиная с первого заседания, которое состоялось в январе 2009 г., и по сей день семинаром руководит заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований, кандидат философских наук А. Н. Спасков.

Основной целью семинара является создание условий для междисциплинарного диалога философов и специалистов в области естественных, технических и гуманитарных наук, формирование творческой атмосферы, способствующей свободному обсуждению новых научных идей, знакомству с научными достижениями как известных, так и начинающих ученых.

Круг проблем, предлагаемых для обсуждения на семинаре, включает актуальные проблемы современного естествознания и техники; концепции современного естествознания; новые идеи и гипотезы в рамках постнеклассической парадигмы, междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований (теория систем, синергетика, когнитивистика и др.); методологию научного

познания и теоретические вопросы физики и метафизики, науки и религии; социальные аспекты науки и технологий. Руководителем семинара принимаются конструктивные предложения по расширению и углублению тематики семинара, а также заявки на выступление с докладами.

В числе наиболее интересных мероприятий семинара можно отметить выступления доктора философских наук Э. М. Сороко с докладами «Дисциплинарность и трансдисциплинарность в современной науке и образовании» (2009 г.) и «Мера, гармония, качество в познании мира, экологии, проектировании систем: современный взгляд» (2018 г.); кандидата философских наук А. Н. Спаскова с докладом «Транзитивно-фазовая концепция времени» (2009 г.); кандидата философских наук Л. В. Кривицкого с докладом «Общая теория эволюции» (2009 г.); кандидата технических наук Н. И. Стетюкевича с докладом «Условия существования цивилизации (космический аспект)» (2009 г.); доктора физико-математических наук, профессора Е. А. Толкачева с докладом «Поговорим о погоде: циклы Миланковича, космические лучи etc.» (2010 г.); известного российского ученого, вице-президента Российского гравитационного общества, доктора физико-математических наук, профессора Ю. С. Владимирова с докладом «Между физикой и метафизикой» (2011 г.); директора ООО «НПО ТРИБОФАТИКА», доктора технических наук, профессора Л. А. Сосновского с докладом «Основы общей теории эволюции с элементами разума» (2012 г.); кандидата философских наук А. В. Колесникова с докладом «Хаос и самоорганизованная критичность в моделировании естественного и искусственного сознания» (2018 г.).

Большой общественный резонанс вызвало выступление сразу же после открытия бозона Хиггса научного руководителя белорусской группы ученых в Европейской организации по ядерным исследованиям (CERN), доктора физико-математических наук, профессора Н. М. Шумейко с докладом «По следам бозона Хиггса» (12 июля 2012 г.). Интерес к этой теме чрезвычайно высок, поэтому неудивительно, что выступление собрало полную аудиторию и широко освещалось на белорусском телевидении и в печатных средствах массовой информации.

Запомнились выступления известного российского ученого, заведующего отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, доктора физико-математических наук, профессора Г. Г. Малинецкого с докладами «Синергетика в новой научной картине мира» (2016 г.) и «Апокалипсис в естественнонаучном контексте и апокалиптика XXI века» (2018 г.), а также открытая лекция-семинар академика Национальной академии наук Украины, доктора технических наук, кандидата физико-математических наук В. А. Широкова на тему «Эволюция как универсальный естественный закон» (2019 г.).

Начиная с января 2020 г. в рамках семинара был организован цикл выступлений А. Н. Спаскова на тему «Принципы субстанциально-информационной

Участники семинара с профессором Мэтью Чандрокуннелом (г. Бангалор, Индия).
17 июля 2019 г.

онтологии» (в трех частях), посвященный фундаментальным мировоззренческим проблемам, связанным с кризисом в современном естествознании. На этих семинарах была вынесена на обсуждение авторская концепция времени и сформулированы основные понятия и принципы субстанциально-информационной онтологии¹.

С 2019 г. в Институте философии НАН Беларуси работает регулярный философский семинар, организатором, идейным вдохновителем и ведущим которого является старший научный сотрудник, доктор философии (Сорбонна), кандидат физико-математических наук И. Е. Прись. На семинаре обсуждаются животрепещущие проблемы современной философии, а также научные работы сотрудников Института философии. Семинар также нацелен на развитие сотрудничества между белорусскими и зарубежными философами, выявление основ для взаимообогащения восточной и западной философских традиций.

В рамках семинара поднимаются вопросы из области метафизики философии сознания, эпистемологии, философии науки, в частности философии физики, и др. Так, 17 июля 2019 г. Институт философии посетил директор Экуменического христианского центра в Уайтфилде (г. Бангалор, Индия) профессор Мэтью Чандрокуннел, выступивший с докладом на тему «Наука и философия холизма». Ученым представлена точка зрения о том, что наука и технология развивались, основываясь на вере в сакральное и его проявление в при-

¹ Аннотации докладов и видеозапись семинаров доступны в разделе «Новости» на сайте Института философии <http://www.philosophy.by>

роде, которая постепенно была утрачена по причине редукционистского подхода, ведущего к секуляризации культуры и общества. Человечество столкнулось с кризисом в культуре, ведущим к бессмысленности и безнадежности. Наука и технология нуждаются в сакральном для своего завершения и осознания своей полноты.

Теоретические проблемы современной космологии были рассмотрены на семинарах, которые прошли в Институте философии 26 и 31 июля 2019 г. С докладами выступил старший научный сотрудник Института физики НАН Беларуси, кандидат физико-математических наук И. А. Сивцов. Обсуждались такие вопросы, как структура черных дыр, кротовые норы в пространстве-времени, параллельные вселенные, существование принципиальной возможности путешествия во времени и создания вечного двигателя, происхождение и эволюция Вселенной, реликтового излучения, темной материи и темной энергии, гравитационных волн и проч.

19 августа 2020 г. состоялось онлайн-интервью с заслуженным профессором философии Калифорнийского университета в Ирвайне Д. Притчардом (США), который внес значительный вклад в эпистемологию. Во время интервью философ рассказал об основных направлениях своих исследований и ответил на ряд вопросов. В частности, были подняты такие вопросы, как проблемы Геттиера и скептицизма, различные теории знания, рациональность религиозных верований, связь эпистемологии с другими разделами философии и др. Профессор Д. Притчард также поделился своим видением будущего эпистемологии и ее практического приложения.

7 декабря 2020 г. в Институте философии НАН Беларуси в рамках философского семинара проведено интервью со всемирно известным философом, работающим на стыке континентальной и аналитической философии, профессором философии университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна Ж. Бенуа. В своих работах он пытается сблизить эти две философские традиции. Ж. Бенуа написал около двух десятков книг, и примерно столько же книг было опубликовано под его редакцией или руководством. Многочисленные статьи французского ученого написаны на французском, английском, немецком и итальянском языках. Профессор Ж. Бенуа начал свою карьеру в рамках французской феноменологической традиции. Однако впоследствии он отверг феноменологию и занял позицию реализма. В интервью профессор Ж. Бенуа подробно рассказал об эволюции своих научных взглядов, о философских проблемах, над которыми работает, причинах, по которым отвергает феноменологию, о реалистической позиции и «новых реализмах», о том, каким образом он понимает понятие истины, какова связь между его философией и философией позднего Л. Витгенштейна, и какова основная задача философии. Во время интервью были также обсуждены позиции анти-реализма, идеализма и релятивизма, проблемы и псевдо-проблемы, с которыми сталкивается современная философия.

Неподдельный интерес к философским диспутам проявляют молодые ученые, учащиеся аспиранты, научную деятельность которых отличает инициатива, самоорганизация и творческий подход. В Институте философии действует лекторий молодого философа, работой которого руководит председатель Совета молодых ученых Института философии М. Б. Завадский. Лекторий представляет собой цикл научных, методических, просветительских, информационных мероприятий, целевой аудиторией которых выступают молодые исследователи, аспиранты, магистранты, студенты и даже старшекласники. Среди форматов проведения – просветительские и научно-проблемные семинары, лекции, мастер-классы, тренинги, круглые столы, коллективные обсуждения, презентации, дни открытых дверей.

Стратегическая цель лектория состоит в обеспечении преемственности поколений для научных школ белорусской академической философии за счет привлечения и воспитания молодых научных кадров. К задачам относятся: поддержка в интеллектуальном и профессиональном становлении молодых людей, выбирающих академическую карьеру в области философии; содействие в социализации и расширении профессиональных связей молодых ученых; укрепление логико-методологических и научно-коммуникативных компетенций начинающих исследователей; помощь в подготовке диссертационной работы; ознакомление с этикой академического творчества; профориентационная работа со студентами и старшекласниками.

Так, 14 июня 2018 г. в Институте философии состоялся междисциплинарный мастер-класс для магистрантов, аспирантов и молодых ученых по проблеме активизации креативности в работе исследователя. Спикером мероприятия выступил кандидат философских наук, доцент Д. В. Ермолович. В фокусе мастер-класса находилась проблема активизации креативности личности в единстве таких ее элементов, как нестандартное мышление, ментальная гибкость, стрессоустойчивость, изобретательство, самоактуализация. Участники ознакомились с авторской моделью креативности и механизмами ее осуществления, построенной на зарубежных и отечественных аналогах. В ходе выступления было показано, что в современном инновационно ориентированном обществе новаторство, творческий характер, креативность выступают неотъемлемыми спутниками инженерного, естественнонаучного и гуманитарного мышления. Предложены методики и принципы создания оригинальных идей, критического осмысления устоявшихся подходов в решении научных проблем, оптимизации процесса научных изысканий.

29 октября 2019 г. в рамках лектория молодого философа состоялся семинар «Подготовка и защита диссертационной работы по гуманитарным (философским) наукам». Данное мероприятие было ориентировано на аспирантов и молодых ученых и призвано дать им конкретные и практически значимые ответы на вопросы по написанию кандидатской диссертации. Информативным и содержательным стало выступление доктора философских наук, про-

фессора В. К. Лукашевича, ученого секретаря Совета по защите диссертаций при Институте философии НАН Беларуси. В выступлении были сформулированы практические советы по успешной подготовке и защите диссертации: от определения темы и характера работы с источниками до технических и процедурных аспектов прохождения защиты. Обозначена специфика подготовки диссертационных работ по истории философии, социальной философии, онтологии и теории познания, а также общность и особенности работы диссертантов по философским наукам и другим специальностям социогуманитарного профиля.

Семинар «Основные проблемы современной наукометрии и особенности работы с наукометрическими базами» прошел 10 марта 2020 г. Его экспертом выступила старший научный сотрудник Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук, доцент Е. В. Кузнецова. Участникам мероприятия была представлена информация о наукометрии как инструменте повышения эффективности научной деятельности. Магистранты, аспиранты, молодые ученые и преподаватели углубили свои познания в таких понятиях и категориях, как импакт-фактор журнала, индекс Хирша, цитируемость, самоцитируемость. Участники получили возможность зарегистрироваться в ведущих наукометрических базах русскоязычных и англоязычных ресурсов (РИНЦ, Web of Science, Scopus), а также узнать основные особенности, проблемы, тенденции в современной мировой наукометрии.

На научном семинаре для молодых ученых и аспирантов «Основные проблемы современной наукометрии и особенности работы с наукометрическими базами». 10 марта 2020 г.

Научно-проблемный семинар молодых ученых – площадка, где начинающие исследователи в дружественной атмосфере могут получить первый опыт выступления и научной полемики, апробировать положения диссертационных работ, обсудить результаты молодежных проектов, материалы научных публикаций и просто поделиться с заинтересованными сверстниками мыслями от прочтения классических и современных философских текстов. В разное время были заслушаны и обсуждены доклады аспирантов и молодых ученых: Ю. Ф. Никитина сделала сообщение по теме «Проблема социальной интеграции трудовых мигрантов: перспектива политической философии»; И. М. Новик представил итоги исследования археологии знания М. Фуко как инструмента изучения интеллектуальной культуры; А. О. Карасевич озвучил доклад, посвященный проблеме моделирования философских теорий коммуникации; А. В. Сивицкий развернуто изложил тезисы диссертации «Эвристический потенциал сетевого подхода к исследованию глобальной социодинамики»; Т. Е. Новицкая показала, какие моральные проблемы сопряжены с применением вспомогательных репродуктивных технологий; Т. А. Ланин вынес на суд молодых коллег исследование «Сетевой анализ взаимодействия информационных ресурсов в белорусском сегменте Интернета». Также научно-проблемный семинар проводился в формате коллективного философского обсуждения отдельных актуальных проблем (например, судьбы философии в эпоху рыночных отношений и общества потребления), влиятельных современных теорий, новейших книжных изданий, в том числе произведений художественной литературы, кинофильмов.

Кроме указанных дискуссионных площадок, нужно упомянуть и о ряде семинаров, носящих спорадический характер: «Человек и общество в XXI столетии» при Центре социально-философских и антропологических исследований и «История идей» при Центре историко-философских и компаративных исследований.

В заключение отметим, что большая и важная работа по организации и проведению научных семинаров в Институте философии НАН Беларуси будет продолжена, расширена за счет международных участников, представителей разнообразных отраслей науки, специалистов-практиков, и усовершенствована. Вместе с тем рассчитываем, что в дальнейшем количество гостей и участников семинаров Института философии увеличится, а научные семинары будут иметь своим итогом опубликованные статьи и книги, обоснованные концепции и теории, зарождающую любовь к мудрости у молодых людей и защищенные диссертации.

*Заведующий Центром философско-методологических
и междисциплинарных исследований,
кандидат философских наук, доцент А. Н. Спасков,
старший научный сотрудник, доктор философии (Франция),
кандидат физико-математических наук И. Е. Прись,
и. о. ученого секретаря, научный сотрудник М. Б. Завадский*

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ ФИЛОСОФИИ: БЕЛОРУССКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО

Философия как фундаментальная область человеческого знания помогает нам сформировать целостное представление о мире и человеке, постичь глубинные основания бытия, системно представить в нашем сознании картину окружающей нас действительности. Философское знание служит основой для исследований в различных областях науки, построения стратегий и выбора путей развития общества, формирования мировоззрения человека. Потенциал философии для развития духовного и интеллектуального мира человека огромен и может быть использован в полном объеме только тогда, когда станет достоянием всего общества, а не только его интеллектуальных элит. Именно поэтому философия должна быть тесно связана с культурой, интеллектуальной и духовной жизнью народа.

Существуют различные пути решения этой важной задачи. Одним из них является деятельность научных общественных объединений, направленная на образование, просвещение, популяризацию соответствующих знаний среди широких масс. Именно таким сообществом единомышленников является созданное по инициативе Института философии Национальной академии наук Беларуси 11 апреля 2017 г. в ходе Учредительной конференции академической и вузовской философской общественности Республиканское общественное объединение «Белорусское философское общество» (РОО БФО). Согласно решению конференции, возглавил Общество широко известный и уважаемый в академических и университетских кругах ученый и философ академик НАН Беларуси Евгений Михайлович Бабосов.

Руководящим органом Общества является Президиум, который принимает все необходимые решения, связанные с его деятельностью, а исполнительным органом – Бюро, чья задача – исполнение решений Президиума и решение текущих вопросов. В настоящее время БФО насчитывает 119 членов. Оно объединяет самых разных людей, которыми движет любовь к познанию мира, – это профессиональные философы, ученые из смежных областей науки, представители различных профессий и сфер деятельности, учащаяся молодежь. Членами Общества являются представители всех регионов нашей страны, а также зарубежные ученые.

Согласно Уставу, деятельность Общества направлена на сохранение, развитие, популяризацию и пропаганду философского, научного и культурного наследия, традиций белорусского народа; на продвижение перспективных

направлений философских исследований; привлечение внимания к новейшим разработкам в области философского знания со стороны органов государственной власти, общественности, деловых кругов; мобилизацию творческого потенциала широких слоев белорусского общества на решение теоретико-методологических задач государственного и культурного строительства; формирование условий для деятельности исследователей, педагогов, работающих в сфере философии и смежных дисциплин, и т. д.

В рамках этой деятельности осуществляются проведение научных, научно-практических, просветительских мероприятий; подготовка экспертно-аналитических материалов; издание научной литературы, учебников и учебно-методических пособий; содействие применению результатов философских исследований в практике преподавания философии в системе образования; организация конкурсов на лучшие научные труды, учебники, учебно-методические пособия, произведения, популяризирующие и распространяющие ценности философского знания и образования; развитие философской культуры граждан; работа с молодежью.

За сравнительно небольшой период своей деятельности самим БФО и при его активном участии был организован ряд научных, образовательных и просветительских мероприятий. Наиболее значимым стал проведенный при непосредственной поддержке Общества Первый белорусский философский конгресс «Национальная философия в глобальном мире», который проходил в г. Минске 18–20 октября 2017 г. В мероприятии приняли участие 680 человек из более 20 стран, среди них были Генеральный секретарь Международной федерации философских обществ профессор Л.-М. Скарантино (Италия), ведущие российские и белорусские философы; лидеры философских школ Китая, Казахстана, Азербайджана, Украины; видные ученые-гуманитарии из Великобритании, Франции, США, Польши и других стран. По результатам работы конгресса вышел двухтомный сборник статей, с которым можно ознакомиться на сайте Института философии НАН Беларуси¹.

Следует также отметить такие научные форумы, как 1-ю Республиканскую научно-практическую конференцию «Инновации в образовании: потенциал философии» (28 мая 2019 г.); ежегодную Международную онлайн-конференцию «Культура и проблема цивилизационного выбора» (с 2018 г.), в которой принимают участие философы и ученые из Казахстана, Беларуси и России; Республиканский научно-практический семинар «Дезинформация в средствах массовой информации и Интернете: пути преодоления» (10 октября 2019 г., совместно с Белорусской секцией Международного общества защиты прав человека); ежегодную Международную научно-практическую конференцию «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический

¹ См.: <http://philosophy.by/ru/publication/event-2017-10-18-reports/>

Выступление директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича на одном из мероприятий Первого белорусского философского конгресса. Октябрь 2017 г.

потенциал социально-философского знания», приуроченную к Международному дню философии (с 2017 г., совместно с Российским философским обществом), и др.

Под эгидой БФО издаются научные труды, в частности ежегодный сборник научных трудов «Философские исследования» (в 2020 г. в издательстве «Беларуская навука» вышел его 7-й выпуск)¹, материалы конференций и круглых столов, множество статей, увидели свет несколько монографий, которые нашли своего читателя и признание в научной среде.

К деятельности Общества активно привлекается молодежь. При его непосредственном участии было проведено несколько конкурсов философских работ среди студентов, магистрантов и аспирантов учебных и научных учреждений Республики Беларусь. Лучшие работы конкурсантов публиковались в сборнике научных трудов «Философские исследования». Радуют результаты, которые показывают белорусские школьники на международных олимпиадах по философии. В 2019 г. они приняли участие в XXVII Международной олимпиаде по философии для школьников в г. Риме, а на Международном Балтийском конкурсе эссе по философии работа десятиклассницы из г. Бреста Юлии Ковалевской получила диплом с похвальным отзывом. Мы планируем и дальше тесно сотрудничать с молодежью. Так, в 2021 г. проведем отборочный

¹ Все выпуски сборника см.: <http://philosophy.by/ru/publications/journal/>

конкурс для участия в Международной олимпиаде для школьников по философии, и примет участие в Международном Балтийском конкурсе эссе по философии для школьников.

Интересным и перспективным направлением деятельности БФО является философско-дискуссионный клуб «Философия и жизнь», который объединяет широкий круг любителей философского знания. Инициатором его деятельности и основным ведущим является кандидат философских наук Л. В. Кривицкий. За время своей работы клуб снискал известность среди ученых и общественности страны, нашел своего постоянного слушателя. Его заседания посвящены самой разнообразной проблематике, затрагивающей актуальные проблемы философии, науки и общества как теоретического, так и практического характера. Также с помощью Белорусского философского общества на базе Института философии НАН Беларуси проводятся периодические научно-методологические семинары «Философские проблемы естествознания и техники», «Философский семинар», «История идей», «Человек и общество в XXI столетии». При поддержке БФО действует Интеллектуальный клуб «Женщины в философии».

Белорусское философское общество тесно сотрудничает с рядом республиканских и международных общественных организаций, государственных структур. Среди них следует выделить Международную федерацию философских обществ (FIPS), Российское философское общество, Белорусскую секцию Международного общества защиты прав человека, Казахстанский философский конгресс, Померанское общество философии и теологии, Общество

Члены Белорусского философского общества – участники 2-го Республиканского делового форума. Февраль 2020 г.

универсализма (Польша), Республиканскую конфедерацию предпринимательства, Представительство Организации Объединенных Наций в Республике Беларусь, ряд учреждений высшего образования.

В наших планах – продолжение всех этих видов деятельности. Вместе с тем нас ждет дальнейшее совершенствование организационной структуры Общества, укрепление его связей с государственными, общественными организациями, работа с отечественными и зарубежными фондами, поддерживающими деятельность научного и философского профиля; активизация работы по просвещению и популяризации философского знания в форме лекториев, школ, конкурсов для молодежи, издания научно-популярной литературы. Всё перечисленное будет способствовать развитию философского знания во всем многообразии его форм. В 2022 г. будет отмечаться пятилетие деятельности нашего Общества и, согласно Уставу, планируется проведение конференции.

Столь широкий спектр стоящих перед Обществом задач требует большой организационной работы, концентрации усилий всех его членов. Наше непростое время отличается доминированием утилитарной культуры, клиповым мышлением, и поэтому весьма трудно продвигать идеи системного постижения бытия, формирования методологической культуры, проникновения в суть природных и социальных процессов. Однако находится множество людей желающих постигать, сохранять, развивать и распространять философское знание. Наша дверь всегда для них открыта. В авангарде национального философского процесса идут члены Белорусского философского общества, которые, не считаясь с трудностями, занимаются научно-исследовательской, образовательной, просветительской деятельностью, способствуя тому, чтобы люди в нашей стране становились мудрее, совершеннее, духовно богаче. Следует воздать им должное, отметить их заслуги, поблагодарить за их активную деятельность и искренне пожелать им крепкого здоровья, благополучия и успехов в их благородном труде.

Многое нам еще предстоит сделать, чтобы укрепить свой статус в современном обществе, усилить влияние на происходящие в нем процессы. Мы с оптимизмом смотрим в будущее, ставим перед собой масштабные задачи и верим, что мудрость, которую нам дает философское знание, является одним из самых главных условий гармоничного развития культуры, общества и человека.

*Заместитель председателя
Белорусского философского общества А. А. Лазаревич,
ученый секретарь
Белорусского философского общества А. Л. Куши*

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ

Основной формой подготовки научных кадров высшей квалификации в Национальной академии наук Беларуси является аспирантура и докторантура. Официальной датой создания аспирантуры в системе Академии наук считается 12 января 1931 г., когда был учрежден Институт аспирантуры. К нему были прикреплены аспиранты со всех высших учебных заведений страны. «При институте работали семинары по иностранным языкам и по отдельным отраслям знаний, хотя постоянного штата не существовало, и к работе с аспирантами привлекались как штатные сотрудники Академии, так и внештатные преподаватели»¹. С расширением структуры Белорусской Академии наук, созданием новых научно-исследовательских институтов, формированием научных школ открывались новые специальности. Появились первые аспиранты и в созданном в марте 1931 г. Институте философии.

Срок подготовки в аспирантуре составлял три года, однако мог быть увеличен до четырех лет для тех обучающихся, которые при поступлении не имели специального образования и были вынуждены значительную часть времени потратить на углубленное освоение специальности и только потом приступить к написанию диссертации². Следует отметить, что для улучшения подготовки научных кадров в те годы многие научные сотрудники направлялись для обучения в научно-исследовательские институты и высшие учебные заведения Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза.

В 1930-е годы были предприняты первые шаги по созданию общей системы послевузовского образования на всей территории Советского Союза. Постановление № 78 Совета Народных Комиссаров СССР «О подготовке научных и научно-педагогических кадров» от 13 января 1934 г. унифицировало правила приема в аспирантуру для всех научных и учебных заведений страны: «В аспиранты принимаются трудящиеся не старше 35 лет из числа лиц, имеющих законченное высшее образование, проработавшие после окончания высшего учебного заведения по своей специальности на производстве не менее двух лет и проявившие способность к научно-исследовательской или научно-педагогической деятельности. При зачислении преимущество оказывается

¹ Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР, 1929–1941 гг. : сб. док. / Рос. акад. наук [и др.] ; сост.: Л. Д. Бондарь, Н. В. Токарев, К. Г. Шишкина. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 142.

² Там же. – С. 144.

ударникам»¹. Срок обучения в аспирантуре был ограничен двумя-тремя годами, также устанавливались порядок обучения и социальные гарантии аспирантам. Каждый аспирант помимо стипендии получал ежегодное пособие для приобретения научной литературы, мог пользоваться всеми льготами, установленными для научных сотрудников, также было запрещено «снятие аспирантов с научной работы» и их увольнение без специального разрешения Народного Комиссариата².

Руководством Академии наук поднимались и обсуждались проблемы академической успеваемости аспирантов, их социального состава и партийности, неполного обеспечения научными руководителями всех специальностей, жилищные условия: «Надзвычайныя цяжкасці прышлося прэадалець Акадэміі навук з боку жыллёвых умоў. З гэтай мэтай было пабудавана 5 драўляных дамоў (10 кватэр) для аспірантаў. Аднак гэта не забяспечыла жыллёва-квартэрнымі ўмовамі ўсіх аспірантаў і ў падрыхтоўцы маладых кадраў меліся вялікія цяжкасці»³.

В архивах сохранилось постановление № 8 Президиума Белорусской академии наук «О подготовке академической аспирантуры» от 29 мая 1934 г., из которого мы можем узнать цель ее создания: «Академическая аспирантура подготавливает высококвалифицированных профессоров действительных членов научно-исследовательских институтов»⁴; условия приема: «В аспиранты принимаются члены КП(б)Б, ЛКСМБ и беспартийные из рабочих и колхозников из числа лиц, успешно окончивших аспирантуру в вузах и научно-исследовательских институтах, проявивших особые дарования в научно-исследовательской работе и имеющих научное звание доцента вуза или старшего научного работника института. При приеме преимущество оказывается ударникам и лицам, имеющим научную степень кандидата наук; а с наступающего года принимать исключительно кандидатов наук. Возраст поступающих должен быть не свыше 40 лет»⁵. В числе прочих специальностей было запланировано принять «философов – 1 чел.»⁶.

Академическая аспирантура в первые годы своего существования была неким симбиозом между аспирантурой и докторантурой. Аспиранты, не имевшие степени кандидата наук, в первый год обучения должны были написать и защитить кандидатскую диссертацию и совершенствовать знания по двум иностранным языкам⁷.

¹ О подготовке научных и научно-педагогических работников : постановление Совета Народных Комиссаров СССР, 13 янв. 1934 г., № 78 [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – URL : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3953.htm (дата посещения: 06.12.2020).

² Там же.

³ Научно-организационные связи Академии наук СССР и Академии наук БССР... – С. 185.

⁴ Там же. – С. 178.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Аспирантам – кандидатам наук в первый год обучения предписывалось изучать союзную и иностранную литературу по теме диссертации, совершенствовать знания по двум иностранным языкам, вести подготовительную работу по диссертационному исследованию. Начиная со второго года обучения – сосредоточить свои усилия на работу исключительно над докторской диссертацией и закончить обучение ее публичной защитой.

В 1930-е годы окончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации И. Н. Лущицкий и И. М. Ильюшин, которые впоследствии связали свою жизнь с Институтом философии и права Академии наук БССР и были в числе первых из плеяды директоров Института.

Деятельность Института философии и права АН БССР в годы Великой Отечественной войны приостановилась. Высококвалифицированные ученые направились в Ташкент на работу в научно-исследовательские и высшие учебные учреждения, сражались против немецко-фашистских захватчиков на фронте, в партизанских отрядах, участвовали в антифашистском подполье.

Только в 1947 г. Институт возобновил свою научную деятельность, вновь стала функционировать аспирантура, а с 1950 г. – и докторантура. Первый послевоенный набор был осуществлен по специальностям «Философия» (просуществовала только два года), «Диалектический и исторический материализм, история философии» (в 1951 г. добавилась специальность «Теория государства и права», которую в 1953 г. переименовали в «Советское государство и право»). Данные специальности соответствовали структуре Института, который состоял в то время из двух секторов – сектора диалектического материализма и сектора истории философии¹.

Читая протоколы производственных совещаний первых послевоенных лет, можно узнать, по каким научным направлениям велся прием в аспирантуру. К примеру, аспирант А. Ф. Смирнов специализировался по истории русской философии и истории общественно-политической мысли в Беларуси, аспирант И. И. Казеко – по диалектическому и историческому материализму, аспирант Турейко – по истории философии.

В 1950-е годы аспирантура как форма подготовки научных кадров высшей квалификации получила свое дальнейшее развитие: увеличилось количество обучающихся (в среднем численность составляла 14 человек ежегодно), аспиранты помимо научных исследований вели пропагандистскую работу по различным темам марксистско-ленинской философии, участвовали в чтении лекций для населения.

Многие аспиранты ответственно относились к своим обязанностям – подготовке, обсуждению и защите диссертаций. Следует отметить, что соискатели

¹ Жук С. А. Подготовка кадров в Институте философии и права АН БССР во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития : материалы Пятой междунар. науч. конф. (14–15 нояб. 2020 г., г. Минск) : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2020. – Т. 1. – С. 57.

степени кандидата (доктора) философских наук проходили процедуру защиты не только на ученом совете Института философии и права АН БССР (позже в специализированном совете по защите докторских и кандидатских диссертаций), но и в других ведущих научных и высших учебных заведениях Советского Союза.

Первый послевоенный ученый совет Института, которому было предоставлено право принимать к защите диссертации на соискание степени кандидата философских и юридических наук, был создан в 1947 г., в его состав вошли 20 высококвалифицированных специалистов: «...доктор философских наук М. Т. Иовчук, доктора исторических наук В. Н. Перцев и Н. М. Никольский, кандидаты философских наук П. М. Кирюшин, И. Г. Родин, В. И. Степанов, И. М. Ильюшин, И. С. Чимбург, Я. П. Голенченко, В. Н. Панкратов, П. Ф. Протасеня, С. И. Карабан, И. В. Гуторов, кандидаты юридических наук Ф. И. Гавзе и А. И. Фарфель, профессора политэкономии Я. Г. Раков и И. Н. Лущицкий, деканы кафедры марксизма-ленинизма И. М. Волчек и В. И. Мацко, декан кафедры истории русского права Б. Е. Бабицкий»¹.

В те годы степень кандидата наук получили А. Ф. Смирнов (1950, Белорусский государственный университет – БГУ²), И. И. Казеко (1951), А. Н. Краснов (1952), А. С. Карлюк (1952), В. И. Горбач (1953, БГУ), А. И. Головнев (1954), А. К. Манеев (1954, БГУ), И. Ф. Чечко (1954), И. А. Юхо (1954, Академия наук СССР), Н. А. Алексютович (1955), Е. С. Прокошина (1955, БГУ), А. А. Бирало (1959), Н. Л. Маркина (1959), Ф. Н. Пешкин (1959) и др.

Между тем к качеству подготовки аспирантов в 1950-е годы возникали серьезные вопросы со стороны руководства Института: «Большое количество отчисленных аспирантов свидетельствует о плохой постановке подбора в аспирантуру, недостаточной помощи аспирантов со стороны научных руководителей в процессе учебы и особенно в период написания диссертаций»³.

О подготовке докторских диссертаций в 1950-е годы сохранилось меньше сведений. Известно, что в 1952 г. решался вопрос поступления кандидата философских наук Я. П. Голенченко в докторантуру Академии наук СССР для подготовки диссертационной работы на тему «Критика и самокритика как движущая сила развития социалистического общества»⁴, которую он успешно защитил в 1954 г. На ученом совете Института философии АН СССР также успешно защитил докторскую диссертацию И. Н. Лущицкий на тему «Передовая и общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии во

¹ Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры / А. А. Лазаревич (рук.) [и др.] ; Нац. акад. Наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – С. 296.

² Здесь и далее мы будем указывать место защиты диссертации, если она состоялась не в Институте философии и права АН БССР.

³ Отчет о научной деятельности Института философии и права за 1952 год / Ин-т философии и права АН БССР. – Минск, 1953. – С. 9.

⁴ Там же.

второй половине XIX века»¹. В то же время отмечалась недостаточность роста кадров высшей квалификации – докторов наук. Во второй половине 1950-х годов не было защит докторских диссертаций².

Следует отметить, что проблема недостаточно высокой результативности подготовки научных кадров в 1950-х – начале 1960-х годов имела место не только в нашем Институте, а была характерна для всех научных и учебных заведений Советского Союза. На уровне ЦК КПСС и Совета Министров СССР предпринимались попытки каким-то образом повлиять на ситуацию, что привело к принятию постановлений «О мерах по улучшению подготовки и аттестации научных и педагогических кадров» (1956), «О мерах улучшения качества диссертационных работ и порядка присуждения ученых степеней и званий» (1960) и «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров» (1962); утверждению номенклатуры специальностей аспирантской подготовки в вузах и научно-исследовательских институтах СССР, перечня специальных предметов кандидатских экзаменов (1957) и положения об аспирантуре (1962). (Следует отметить, что номенклатура специальностей пересматривалась практически каждое десятилетие.) В БССР было принято локальное постановление ЦК КПБ «О подборе, расстановке и подготовке кадров в Академии наук БССР» (1960)³. Данные документы зафиксировали правила приема в аспирантуру, права и обязанности аспирантов, ввели требования для опубликования основных полученных результатов диссертационного исследования в открытой печати, апробации результатов исследования на научных конференциях, симпозиумах и т. п.

В 1960-е годы в Институте философии и права АН БССР открылись новые специальности: «Философские вопросы естествознания» и «Научный атеизм», а с созданием в 1967 г. сектора конкретных социологических исследований – «Прикладная социология». В это время успешно защитили кандидатские диссертации: Е. М. Бабосов (1961), В. М. Конон (1964), В. И. Бовш (1965), А. И. Савастюк (1966), И. Я. Жибуль (1966), В. С. Бобровский (1967), А. С. Майхрович (1969) и др. Также были защищены докторские диссертации К. П. Бусловым на тему «Проблемы социального прогресса в трудах В. И. Ленина (1917–1923 гг.)» (1965) и П. Д. Пузиковым на тему «Аналитическая способность мышления» (1966, БГУ).

Аспиранты активно сотрудничали с обществом «Знание», готовили публицистические материалы в помощь лекторам, разрабатывали и читали авторские лекции по актуальным вопросам того времени, участвовали в семинарах

¹ Отчет о научной деятельности Института философии и права за 1952 год. – С. 23.

² Отчет о научной деятельности Института философии и права за 1959 год / Ин-т философии и права АН БССР. – Минск, 1959. – С. 23.

³ Шаршунов В. А. История формирования белорусской государственной системы подготовки и аттестации ученых и педагогов в условиях СССР // Проблемы управления. – 2009. – № 1 (30). – С. 157.

пропагандистов системы партийной учебы в Вечернем университете марксизма-ленинизма.

С утверждением в 1968 г. Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике «Положения о соискателях ученых степеней, работающих над диссертациями вне аспирантуры» закрепился статус соискателей, определился круг их прав и обязанностей, что значительно увеличило количество лиц, заинтересованных проведением научных исследований.

В 1970-е годы был принят ряд постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленных на совершенствование подготовки научных кадров, их аттестации, регламентирован порядок присуждения научных степеней и званий («О мерах по дальнейшему совершенствованию аттестации научных и научно-педагогических кадров» (1974), «Положение о порядке присуждения ученых степеней и званий» (1975)). В середине 1970-х годов прошла реформа системы аттестации ученых и преподавателей вузов, пересмотрены и ужесточены требования как к самим соискателям степеней и званий, так и к качеству выполняемых ими диссертационных исследований. «Была введена практика создания сети специализированных советов, которые могли принимать защиту диссертации по одной или нескольким специальностям»¹. В 1980-е годы также принимался ряд документов всесоюзного и республиканского уровней, направленных на улучшение подготовки научных кадров, увеличение вклада ученых Академии наук БССР в решение экономических и социальных задач («О мерах по улучшению подготовки и использования научно-педагогических и научных кадров» (1987), «О мерах по развитию Академии наук БССР и увеличению вклада ученых, всех научных кадров в решение экономических и социальных задач, выдвинутых XXVII съездом КПСС» (1988))².

Эти два десятилетия, видимо, были самыми плодотворными в подготовке научных кадров в Институте философии и права АН БССР. Ежегодный набор в аспирантуру составлял примерно 15 человек, большой популярностью пользовались такая форма обучения, как соискательство, и прикрепление к институту с целью сдачи кандидатского минимума. Однако на заседаниях ученого совета отмечалось, что план набора в аспирантуру не соответствует тем требованиям, которые поставлены перед философской и юридической наукой. Институт перед Президиумом АН БССР неоднократно ходатайствовал об увеличении плана приема в аспирантуру. Заместитель директора института А. И. Савастюк отмечал, что «несмотря на трудности с получением мест в аспирантуру, мы ежегодно по сравнению с другими институтами получали сравнительно немалое количество мест. Но беда в том, что почти ежегодно мы не в состоянии принять к себе на работу всех оканчивающих учебу в аспирантуре... А потребность в кадрах растет... Более высоких темпов подготовки

¹ Шаршунов В. А. История формирования белорусской государственной системы подготовки и аттестации ученых и педагогов в условиях СССР. – С. 160.

² Там же. – С. 161.

кадров через аспирантуру требует от нас развитие отделов права и социологии в самостоятельные Институты»¹. Во второй половине 1970-х годов были созданы специализированные советы по защите докторских диссертаций при Институте философии и права Академии наук БССР по ряду философских и юридических специальностей.

В те годы защитили кандидатские диссертации П. А. Водопьянов (1973), А. С. Круковский (1974), Т. А. Горолевич (1975), А. И. Зеленков (1975), Т. П. Короткая (1978), С. П. Винокурова (1979), Г. А. Жебит (1979), В. К. Лукашевич (1979), Р. А. Смирнова (1980, Институт философии АН УССР), Е. А. Зорченко (1982), Ю. Н. Лопатский (1982), А. П. Трофименко (1982), В. А. Царенков (1982), В. И. Кравченко (1983), Л. Е. Криштапович (1983), Б. М. Лепешко (1983), Е. И. Орловская (1983), В. Л. Сандригайло (1983), Л. К. Сокол (1983), Т. М. Тузова (1983), Л. А. Чернышева (1983, Институт философии АН СССР), Н. Е. Захарова (1984), С. П. Онуприенко (1984), В. Л. Абушенко (1985), А. А. Лазаревич (1988), О. А. Павловская (1988), В. Н. Яхно (1989) и др.

Защитили докторские диссертации Д. И. Широканов на тему «Взаимосвязь категорий диалектики» (1971), Е. М. Бабосов на тему «Модернизация философско-теологической доктрины католицизма под воздействием научно-технической революции» (1971, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Институт научного атеизма), А. И. Головнев на тему «Проблема единства и национального многообразия социалистической культуры» (1972), В. И. Семенов на тему «Проблемы правовой охраны труда в СССР» (1974), В. И. Бовш на тему «Футурология в идеологической стратегии современного антикоммунизма: социально-политический анализ» (1981), В. М. Конон на тему «Становление и развитие эстетической мысли Белоруссии (X в. – 1917 г.)» (1981, Институт философии АН СССР), В. С. Бобровский на тему «Проблема человека в буржуазной футурологии: критический анализ» (1982), А. С. Майхрович на тему «Белорусские революционные демократы. Формирование и важнейшие аспекты мировоззрения» (1982), А. И. Савастюк на тему «Основное противоречие эпохи перехода от капитализма к социализму: содержание, закономерности разрешения» (1982), Г. Н. Соколова на тему «Культура труда в социальном развитии рабочего класса: социологический анализ» (1984, Институт социологии АН СССР), А. М. Абрамович на тему «Организационно-правовые проблемы государственного управления строительством в СССР» (1985, Москва) и др.

Академический институт успешно готовил кадры высшей квалификации не только для закрытия собственных потребностей, но и для всего Советского Союза. Темы диссертационных работ поднимали и разрешали актуальные теоретические вопросы, тесно связанные с развитием народного хозяйства и культуры БССР.

¹ Протокол № 8 от 10 июля 1973 г. заседания ученого совета Института философии и права АН БССР.

1990-е годы внесли свои коррективы в подготовку научных кадров: система, сложившаяся в СССР, была дезинтегрирована. С 1992 г. начали формироваться национальные органы аттестации, в том же году была создана и Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь.

В этот период Институт философии и права АН БССР пережил ряд реорганизаций. В 1990 г. в самостоятельную институциональную структуру отделился отдел исторического материализма и методологических проблем социологических исследований, к которому присоединились отдел науковедения и часть отдела демографии и проблем народонаселения Института экономики АН БССР, и на их базе был создан Институт социологии АН БССР. В 1999 г. на основе подразделений правовой направленности сформировался Институт государства и права НАН Беларуси.

Это были переломные годы: менялась страна, менялся рынок труда, популярными становились профессии, приносящие быструю эффективность и доходность при меньших временных затратах. Институт философии и права в то время столкнулся с некоторым оттоком кадров из учреждения и уменьшением конкурса при приеме в аспирантуру. В отчете о научно-исследовательской деятельности за 1992 г. отмечается следующее: «Касаясь эффективности работы аспирантуры, следует отметить, что утрата обществом прежних ориентиров и ценностей, ломка методологических и мировоззренческих установок, смена проблематики, переработка подготовленных текстов, поиск нового идейного содержания и форм научно-исследовательской и научно-методической работы, падение престижа науки – все это не может не влиять негативно на уровень подготовки кадров через аспирантуру»¹. Тем не менее ежегодный набор в аспирантуру оставался высоким – около 12 человек (в очной и заочной формах обучения).

Изменилась и система подготовки научных кадров в Республике Беларусь. Были приняты Временное положение о присуждении ученых степеней (1993) и Положение о подготовке кадров высшей научной квалификации (1997), которые вобрали в себя опыт советской системы аттестации научных кадров: апробацию полученных результатов в специализированных печатных изданиях, на научных и научно-практических конференциях, публичность и открытость защиты диссертации. Также был отменен возрастной ценз для зачисления в аспирантуру и докторантуру.

В 1990-е годы защитили кандидатские диссертации: В. И. Левкович (1990), В. П. Слобожанин (1990), Е. Н. Купчина (1991), А. А. Войтик (1991), Н. А. Лазаревич (1994), А. В. Колесников (1998) и др.

Докторские диссертации подготовили и успешно защитили: В. А. Героименко на тему «Структура и динамика знания в научном творчестве» (1990),

¹ Отчет о научно-исследовательской деятельности Института философии и права НАН Беларуси за 1992 г. – С. 23.

Э. М. Сороко на тему «Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии» (1991), В. К. Лукашевич на тему «Научный метод: структура, обоснование, развитие» (1992), С. П. Винокурова на тему «Личность как субъект нравственных отношений: проблема научного обоснования» (1993), А. П. Трофименко на тему «Теория относительности и астрофизическая реальность» (1993), Т. И. Адуло на тему «Философия в системе духовной культуры: проблемы социального функционирования» (1994), С. П. Онуприенко на тему «Формирование экологических ценностей у населения Беларуси» (1998) и др.

Следует отметить, что к началу XXI столетия созданная после распада СССР национальная система подготовки и аттестации научных кадров высшей квалификации была апробирована, выработались оптимальные варианты ее дальнейшего развития, что выразилось в утверждении Положения о присуждении ученых степеней и присвоении ученых званий в Республике Беларусь (2004, последняя редакция в 2011), Положения о совете по защите диссертаций (2005), Инструкции по подготовке научных кадров высшей квалификации в Республике Беларусь (2006), Положения о подготовке научных работников высшей квалификации в Республике Беларусь (2011). Данные документы определяют процедуру защиты диссертации, критерии получения ученых степеней и званий, излагают требования, предъявляемые к учреждениям послевузовского образования, научным руководителям и консультантам, определяют правила приема в аспирантуру и докторантуру, критерии аттестации обучающихся.

С 2000 г. в Институте философии НАН Беларуси подготовка кадров высшей квалификации ведется только по философским специальностям. В связи с отделением социологического и правового направлений исследований в отдельные институты уменьшился и набор для обучения в аспирантуре, который составляет ежегодно два-три человека.

В докторантуру Института до 2010-х годов за всю историю существования данной формы подготовки научных кадров поступали единицы, набор проводился не каждый год. Возможно, в некоторой степени в советское время это было обусловлено предоставляемыми ученым льготами для написания диссертации (творческим отпуском, например), а также ограничением по возрасту. В 1990-е – начале 2000-х годов научные сотрудники использовали институт соискательства и возможность проведения самостоятельных докторских исследований. С 2010-х годов возросла популярность данной формы обучения. Ежегодно в докторантуру поступают не только сотрудники академического института, но и других научных учреждений и высших учебных заведений.

В 2000-е годы защитили диссертации на соискание степени кандидата философских наук И. Д. Карпенко (2002), Н. И. Снытко (2004), А. Н. Спасков (2004),

С. И. Санько (2004), Т. А. Капитонова (2005), Д. П. Рыбка (2005), В. А. Белокрылова (2010), Н. А. Никонович (2014), В. В. Демиров (2014), Д. В. Малахов (2016) и др.

Диссертации на соискание степени доктора наук защитили: Т. М. Тузова на тему «Специфика философской рефлексии (от феноменологии перцепции к эйдетике строгости)» (2002), Г. А. Жебит на тему «Организационно-управленческая деятельность: социально-философский аспект» (2002), В. Н. Новиков на тему «Социальный прогресс: объективная необходимость и глобальные угрозы» (2003) и др.

Следует отметить, что аспиранты 2000-х годов – это очень активная категория ученых, они не только занимаются научно-исследовательской работой, но и принимают участие в различных выставках и конкурсах, демонстрирующих научные достижения («Фестиваль науки», «Фестиваль философии», конкурс «Сто идей для Беларуси» и др.), являются членами разнообразных общественных организаций и интеллектуальных клубов, патентуют свои изобретения, выдвигаются на соискание стипендий, премий и грантов.

Выпускники аспирантуры и докторантуры Института философии НАН Беларуси внесли в копилку мировой науки целый ряд открытий, выявленных закономерностей и других научных достижений, отмеченных престижными премиями, медалями и другими научными наградами. Экономике, культуре и образованию наши знаменитые ученые обогатили множеством новаторских фундаментальных идей, изложенных в монографиях и статьях, практически реализованных в методиках обучения.

Сегодня Институт философии НАН Беларуси готовит кадры по следующим специальностям:

Аспирантура

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Докторантура

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия.

Для успешной деятельности аспирантуры и докторантуры созданы все условия. Кадровый потенциал Института позволяет в достаточной степени обеспечить научное руководство и консультирование докторантами, аспирантами и соискателями. Научное руководство аспирантами и соискателями степени кандидата наук осуществляется докторами и кандидатами наук. Вопросы подбора кандидатов для поступления в аспирантуру постоянно находятся в центре внимания дирекции, ученого совета и заведующих центрами академического научного учреждения.

В Институте философии НАН Беларуси активно реализуется комплекс мер поддержки аспирантов и докторантов: приоритетная социальная поддержка аспирантов, грантовая поддержка аспирантов и докторантов, именные стипендии Президента Республики Беларусь и др. В процессе обучения аспиранты и докторанты имеют возможность совершенствовать знания иностранных языков, участвовать в международных конференциях и симпозиумах, совмещать научно-исследовательскую работу с педагогической. Темы диссертационных работ аспирантов и докторантов соответствуют приоритетным направлениям фундаментальных научных исследований. Аспирантам, успешно освоившим содержание образовательной программы аспирантуры, присваивается научная квалификация «исследователь».

Аспирантура и докторантура Института философии НАН Беларуси наук имеет возможность обучения иностранных граждан на английском языке по основным специальностям и готовит научные кадры не только для нашей страны, но и для иностранных государств. Так, в аспирантуре академического учреждения обучались граждане Республики Мали, Королевства Марокко, Эфиопии, Республики Йемен, Китайской Народной Республики, Таджикистана, Ливии и др. Диссертационные исследования выполнялись по актуальным и приоритетным научным направлениям каждой из представленных стран.

При Институте философии НАН Беларуси успешно функционирует Совет по защите докторских диссертаций Д 01.47.01, в котором проводятся защиты диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) наук по следующим специальностям:

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

В разные годы советом руководили известные ученые Беларуси – академик К. П. Буслов и академик Д. И. Широканов. В настоящее время председателем является академик Е. М. Бабосов, заместителем председателя – доктор философских наук, профессор Т. И. Адуло, ученым секретарем – доктор философских наук, профессор В. К. Лукашевич.

Совет по защите диссертаций проводит «первичную экспертизу диссертации, экспертизу официальными оппонентами и оппонировавшей организацией,

Подготовка научных кадров

публичную защиту диссертации»¹, а также переаттестацию соискателей ученых степеней, защитивших диссертацию за рубежом. На заседаниях совета рассматриваются диссертации не только отечественных, но и иностранных исследователей.

Потенциал научных школ, сформированных в Институте философии НАН Беларуси за годы его деятельности, и высокий профессиональный уровень ученых, осуществляющих руководство аспирантами и докторантами, позволяют успешно осуществлять подготовку кадров высшей квалификации, ежегодно обеспечивая востребованными, компетентными специалистами не только научные и учебные заведения страны, но и другие сферы деятельности общества.

*Научный сотрудник Института философии
НАН Беларуси О. Л. Сташкевич*

¹ Об утверждении положения о совете по защите диссертаций (в ред. постановлений ВАК от 07.03.2007 № 2, от 21.08.2007 № 5, от 08.06.2009 № 1, от 15.06.2015 № 1) : постановление Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22 февраля 2005 г. № 19 // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. – URL: <https://vak.gov.by/council-on-protection-dissertations> (дата посещения: 20.01.2021).

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛУБ «ЖЕНЩИНЫ В ФИЛОСОФИИ»

15 декабря 2016 г. в Институте философии НАН Беларуси состоялось открытие Интеллектуального клуба «Женщины в философии». Идея создания была инспирирована зарубежным опытом по организации национальных и международных профессиональных сообществ женщин-философов. К их числу относятся: The Society for the Study of Women Philosophers (международная профессиональная организация, основанная в Нью-Йорке), The Society for Women in Philosophy (имеет филиалы в Нью-Йорке, Канаде, Тихоокеанском регионе, Великобритании, Ирландии, Германии, Бельгии и Нидерландах), The International Association of Women Philosophers (основана в Германии, имеет филиал в Италии, на сегодняшний день эта международная организация охватывает более 35 стран мира), Международная сеть женщин философов ЮНЕСКО и другие сообщества, которые вносят значимый вклад в развитие и популяризацию философских знаний, идей и концепций.

Организаторами и координаторами работы Клуба стали научные сотрудники Центра социально-философских и антропологических исследований Т. Е. Новицкая, Ю. П. Серeda, научный сотрудник Центра управления знаниями и компетенциями Н. С. Ильюшенко, научный сотрудник Центра исследования глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества О. И. Давыдик.

Клуб создавался как дискуссионная площадка для плодотворного диалога, установления и расширения профессиональных контактов женщин, занимающихся философией.

К числу задач его деятельности относятся: изучение вклада женщин в философию, оценка их влияния на формирование ключевых философских концепций и идей; развитие философского сообщества и популяризация философского знания; обеспечение дополнительных возможностей для профессионального развития и самореализации; формирование позитивных ценностных установок, способствующих установлению гендерного равенства в научном сообществе; содействие научному сотрудничеству между женщинами в философии в Беларуси и в мире; установление и укрепление взаимодействия с международными организациями, гражданским сектором и сетями женщин-ученых.

Основными направлениями деятельности Интеллектуального клуба были выбраны: содействие развитию философского сообщества Республики Беларусь;

исследование и оценка вклада женщин в развитие философии, их влияния на формирование ключевых философских концепций и идей; популяризации философского знания; создание условий для повышения статуса женщин в философии, обеспечение дополнительных возможностей для профессионального роста и самореализации; формирование благоприятной культурно-творческой атмосферы для развития личности, а также позитивных ценностных установок, способствующих установлению гендерного равенства в научном сообществе; развитие научного сотрудничества женщин в философии, расширение партнерских связей и деловых контактов между женщинами-философами в Беларуси и мире; организация профессионального и неформального взаимодействия с международными организациями и сетями женщин-ученых.

Членство в Интеллектуальном клубе «Женщины в философии» определяется принадлежностью к профессиональному сообществу. Его двери открыты для девушек и женщин, которые уже имеют или только получают философское образование, работают в образовательных или исследовательских учреждениях. Особенно в качестве участниц Клуба приветствуются те, кто только вступает на путь получения специальности – студенты, магистранты, а также аспиранты, желающие в дальнейшем связать свою жизнь с работой в области науки. Вместе с тем ориентация на женское профессиональное сообщество не делает Клуб закрытым для исследователей-мужчин: они также могут выступать с докладами, принимать участие в дискуссиях и обсуждениях актуальных философских вопросов.

Среди форматов работы Клуба предусмотрен широкий диапазон вариантов: открытые лекции и дискуссии с участием приглашенных экспертов и узких специалистов (историков, правоведов, социологов и др.); семинары, конференции, круглые столы; обсуждение философских и литературных текстов, среди которых особое место отводится работам женщин-философов, а также анализ иных текстов, отражающих актуальную для участниц Клуба проблематику; культурно-просветительские мероприятия, направленные на популяризацию идей и достижений женщин-философов, знакомство с их произведениями; неформальные встречи и инициативы участниц Клуба, предполагающие создание и поддержание дружеской, творческой атмосферы, доброжелательных отношений между участницами.

За время своего существования Интеллектуальный клуб «Женщины в философии» подтвердил статус дискуссионной площадки для диалога и расширения профессиональных контактов женщин, занимающихся философией и их коллег в социально-гуманитарных науках.

Среди наиболее значимых мероприятий Клуба следует назвать проведение 14 апреля 2017 г. круглого стола «Гендерное равенство в Беларуси: от плана к действию», посвященного обсуждению принятию Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Беларуси на 2017–2020 гг.

В числе его спикеров – сотрудники Научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Консультационного центра по актуальным международным практикам и их имплементации в праве «Хьюман Константа», некоммерческой организации «Центр по продвижению прав женщин – Её права», общественного объединения «Белорусская ассоциация молодых христианских женщин» и др. При подведении итогов мероприятия был сделан вывод о значимой роли академического сообщества в межсекторной кооперации для реализации идеи гендерного равенства в Беларуси, имплементации международных конвенций в национальном праве.

Состоялись ридинг-семинары, посвященные обсуждению книг М. Нуссбаум «Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки» (июнь 2017 г.) и А. Рэнд «Атлант расправил плечи» (сентябрь 2017 г.).

19 октября 2017 г. в рамках Первого белорусского философского конгресса (18–20 октября 2017 г.) была организована работа круглого стола «Философские проблемы гендерного равенства». В его работе приняли участие гости из России, Украины, Беларуси. Были обсуждены вопросы методологии научного исследования гендера, женских исследований (women's studies), освещены особенности реализации проекта гендерного равенства в постсоветских странах и в современной Беларуси, очерчены перспективы гендерных исследований в академическом пространстве республики, дана характеристика специфики профессиональной социализации женщин и др.

Следующий 2018 год открылся мероприятием, приуроченным к празднованию Международного женского дня. Расширяя диапазон форматов, в которых проходят встречи участниц, координаторы Клуба провели дискуссию с участием приглашенного эксперта – научного сотрудника Института социологии НАН Беларуси А. П. Соловей, представившей доклад на тему «Социальное и профессиональное положение женщин – научных работников в академической науке (по результатам социологических исследований)». Выступление было посвящено рассмотрению различных факторов, влияющих на специфику социального самочувствия белорусских женщин-ученых. Актуальность обращения к данному вопросу связывалась с востребованностью анализа процесса феминизации белорусской науки на современном этапе ее развития и определения степени влияния таких факторов, как профессиональная самоидентификация женщин-исследователей, причастность к научному сообществу, удовлетворенность условиями трудовой деятельности, наличие возможностей для продвижения по карьерной научной лестнице.

Публичная лекция «Метаморфозы жизни Саломеи Регины Русецкой», посвященная празднованию ее 300-летнего юбилея, состоялась 5 июня 2018 г. Лектором выступила Катажина Воян, доктор гуманитарных наук в области языкознания (русистика и феннистика), профессор Гданьского университета,

руководитель Секции языка, культуры и экономики Финляндии в Институте скандинавистики Гданьского университета (Польша).

20 июня 2018 г. с докладом «Двойная нагрузка: трансформация социальной роли женщин в 20–40-е годы XX века» выступила Н. С. Ильюшенко. Ею была рассмотрена проблема трансформации социальной роли женщин в контексте формирования феномена двойной нагрузки в ранней советской истории. Особое внимание в своем выступлении докладчица уделила специфике становления и закрепления двойной нагрузки в качестве социальной нормы не только советского, но и современного общества. Она представила анализ положительных и отрицательных последствий государственной политики эмансипации женщин.

Встреча участниц и гостей Интеллектуального клуба «Женщины в философии» с учеными из Гёттингенского университета им. Георга-Августа (Германия) состоялась 22 августа 2018 г. Адольф ван дэр Вальт представил обзорный доклад на английском языке «Womanism and contextual theology in South Africa», в котором он прояснил, как соотносятся американский и европейский феминизм и африканский вуманизм, а также как посредством концептуальных интерпретаций библейских текстов в Южно-Африканской Республике проявляют себя идеи вуманизма. Живой интерес у аудитории вызвал доклад Елены Ромашко «Пост-чернобыльская материальная культура: изображение женщин, преодолевающих последствия атомной катастрофы, в религиозном искусстве». Направление ее работы – исследование материальных артефактов в контексте атомной культуры. Основываясь на этой эмпирической базе, Е. Ромашко сделала выводы о том, каким образом отображается роль женщин в преодолении последствий взрыва на Чернобыльской АЭС на иконах и картинах. Подводя итоги, докладчица отметила, что изображения как религиозного, так и светского характера редко отводят женщинам место непосредственных участниц преодоления последствий чернобыльской катастрофы.

Одним из запоминающихся событий 2019 года стало обсуждение доклада младшего научного сотрудника Института философии НАН Беларуси Д. В. Столярова на тему «Патриархальная стереотипизация как система дискриминации мужчин», которое состоялось 1 апреля в рамках заседания Клуба. Докладчик рассмотрел ключевые черты гендерной системы патриархата, их влияние на положение мужчин в традиционном обществе, задающее определенные нормы поведения и стратегии выстраивания мужчинами их жизненных сценариев. В качестве примеров негативного влияния патриархата на мужчин были приведены наиболее распространенные риски, затрагивающие их на различных этапах жизни. Особое внимание было уделено описанию психологических трудностей, с которыми сталкиваются мужчины традиционных взглядов (необходимость соответствовать идеалам успешности, силы, бесстрашия и др.). Также была дана характеристика влияния традиционных

стереотипов на воспитательные и образовательные практики. Д. В. Столяров признал необходимость преодоления негативных гендерных стереотипов и формирования культуры гендерного равенства. В заключение он предложил варианты реализации принципов гендерного равенства, которые прежде всего должны трансформировать традиции воспитания и социализации.

19 июня 2019 г. прошла публичная лекция Т. Е. Новицкой «Проблемы моральной автономии, эксплуатации и отчуждения женщин в программах вспомогательных репродуктивных технологий (в контексте марксизма и феминистской биоэтики)». Докладчик уделила внимание вопросам законодательного регулирования вспомогательной репродукции. Был проанализирован международный опыт формирования правового поля, регламентирующего процедуры донорства яйцеклеток и практики использования суррогатного материнства; озвучены результаты сравнительного анализа законодательств Беларуси и России. Т. Е. Новицкая подчеркнула актуальность и востребованность дальнейших исследований этико-правовых аспектов вспомогательных репродуктивных технологий, статуса женщин-доноров яйцеклеток и суррогатных матерей, условий, при которых их отчужденность и дистанцирование от собственных репродуктивных органов и процессов, от рожденного ребенка могут быть снижены.

В рамках конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания» 14 ноября 2019 г. состоялась работа круглого стола «Женщина как Другой: (пере)осмысляя “Второй пол” Симоны де Бовуар 70 лет спустя». Обсуждение было посвящено критическому осмыслению и оценке взглядов С. де Бовуар на женщину как Другого, изложенных в книге «Второй пол», а также анализу их рецепций в философии, культуре и в социальных движениях, имевших место на протяжении 70 лет с момента издания.

11 февраля 2020 г. в Институте философии НАН Беларуси при содействии общественного объединения «Союз женщин БГУ» и Института социологии НАН Беларуси прошел круглый стол, посвященный Международному дню женщин и девочек в науке, учрежденному резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2015 г. Среди спикеров и экспертов круглого стола были представители вузовской и академической науки, Офиса Постоянного координатора ООН в Беларуси, Центра шведских исследований. Гостями и слушателями мероприятия стали ученые, представители общественных организаций, аспиранты, магистранты, студенты и школьники. Цель круглого стола состояла в актуализации проблемы вклада и роли женщин как в мировой, так и отечественной науке, показать значение их трудов в реализации задач социального развития государства, формировании национально-культурной основы образования, ориентации на всемирный уровень развития науки и образования, изучении и использовании опыта других стран; в привлечении внимания к теме участия девочек и женщин в научных сообществах, кружках

и других объединениях научного профиля школьного и университетского периода обучения.

В завершении 2020 года 9 декабря прошел международный круглый стол «Философия вне границ», организованный Интеллектуальным клубом «Женщины в философии» при Институте философии НАН Беларуси и Центром гендерных исследований и коммуникаций Черкасского национального университета (ЧНУ) им. Богдана Хмельницкого (Украина). На мероприятии обсуждались вопросы современного философского образования в Беларуси и Украине, перспективы и направления сотрудничества в научно-исследовательской сфере, форматы совместной работы с учетом условий пандемии, возможности просветительской деятельности. В целях налаживания плодотворного философского диалога, популяризации философии и преподавания социально-гуманитарных дисциплин было решено провести ряд публичных мероприятий (круглых столов, семинаров, чтений, открытых лекций, тренингов, заседаний философского кружка ЧНУ им. Б. Хмельницкого и Интеллектуального клуба «Женщины в философии») с привлечением научного сообщества, студенчества и широкой онлайн-аудитории. С энтузиазмом было встречено предложение об организации совместных междисциплинарных теоретических и эмпирических исследований, о научных публикациях, совместных научно-исследовательских работах, обмене опытом и стажировках. Нашлось поле пересечения и сфер научных интересов, среди которых: междисциплинарные гендерные исследования, логика и аргументация, методики развития критического мышления, философская антропология, современная визуальная и медиакультура.

На сегодняшний день количество участниц Клуба увеличивается, к его работе присоединяются исследователи из зарубежных стран. Затрагивая вопрос дальнейших планов и перспектив его работы, отметим наиболее значимые: выпуск сборника по результатам работы Интеллектуального клуба «Женщины в философии», в который войдут наиболее интересные доклады и выступления; дальнейшая организация встреч участниц Клуба в различных форматах: круглые столы, дискуссии, лекции, совместные проекты и инициативы; установление связей с международными сообществами женщин-философов.

В заключение выразим надежду, что следующие годы работы Интеллектуального клуба «Женщины в философии» при Институте философии будут еще более продуктивными, намеченные планы реализуются, способствуя достижению стоящих перед Клубом целей и задач.

*Научный сотрудник Института философии
НАН Беларуси Н. С. Ильюшенко,
научный сотрудник Института философии
НАН Беларуси Т. Е. Новицкая,
научный сотрудник Института философии
НАН Беларуси О. И. Давыдик*

ВЕХИ И ВЕКТОРЫ ПАРТНЕРСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Институт философии НАН Беларуси постоянно расширяет и укрепляет международные связи и контакты в рамках комплексного сотрудничества с научными и образовательными учреждениями России, Украины, Молдовы, Казахстана, Литвы, Латвии, Польши, Болгарии, Германии, Словакии, Китая, Ирана, Турции и других стран. При Институте организована деятельность национальной контактной точки Рамочной программы Европейского союза «Горизонт 2020» по направлению «Наука с обществом и для общества», контактной точки Европейской Хартии региональных языков и языков национальных меньшинств, реализуются проекты с международными организациями. Ежегодно Институт проводит международные научные конференции, популяризует историческое достояние белорусской интеллектуальной и духовной культуры среди мирового сообщества.

Деятельность Института в области международного сотрудничества осуществляется на основе следующих принципов: конструктивное взаимодействие, ориентированное на общее благо; взаимная выгода; взаимный доступ к результатам совместных исследований; своевременный обмен научной информацией; защита прав на интеллектуальную собственность.

Традиционно теплые и динамичные отношения сложились у белорусских философов с коллегами из *России*. Белорусские и российские философы участвуют в выполнении совместных научных программ, организуют международные форумы, проводят экспертизу проектов и предложений, формулируют рекомендации для органов государственного управления обеих стран, выступают в качестве приглашенных лекторов перед учащимися, дают оценку событий в общественном и технологическом развитии в белорусских и российских средствах массовой информации.

Разноформатные направления сотрудничества Институты философии Национальной академии наук Беларуси и Российской академии наук (РАН) регламентируются соглашением о научном сотрудничестве двух научных организаций. Соглашением определены такие области сотрудничества, как обмен научной информацией и публикациями; совместное проведение исследований и разработок в рамках общих проектов и программ; научный обмен; стажировки молодых исследователей; проведение научных семинаров и встреч экспертов; организация совместных конференций по различной тематике; взаимные визиты с целью преподавания, чтения лекций; подготовка совместных публикаций.

Регулярно ведутся совместные исследования. В рамках научных проектов № Г15Р-030 «Философский анализ проектов конструирования человека: идеалы и технологии» (2015–2017 гг.) и № Г17Р-044 «Дивергенция будущего человека: конвергенция технологий, их философское осмысление и этико-правовое нормирование» (2017–2019 гг.) выявлены гуманитарные, антропологические и экзистенциальные риски, связанные с развитием и конвергенцией новых социокультурных, медицинских, геномных, информационных, когнитивных и нанотехнологий; изучен феномен технологизации бытия человека. Молодыми учеными обеих научных организаций проводится исследование № Г19РМ-051 «Социальные ожидания от развития технологий в эпоху биокапитализма» (2019–2021 гг.). В ходе проекта проводится комплексный анализ этических рисков, связанных с глобальной трансформацией капиталистической модели производства, переходом от капитализма к биокапитализму, возникновением новых типов социальных отношений, обусловленных актуальными общественными ожиданиями.

Сообща ведется публикационно-издательская деятельность. Так, с коллегами из Института философии РАН издана монография «Инновационная сложность» (Санкт-Петербург, 2016)¹. Статьи белорусских академических философов публикуются в авторитетном журнале Института философии РАН «Вопросы философии», а работы исследователей российского Института печатаются в сборнике научных трудов «Философские исследования» Института философии НАН Беларуси.

Директор Института философии РАН, академик РАН А. В. Смирнов и главный научный сотрудник Института философии РАН, академик РАН В. С. Стёпин неоднократно посещали Институт философии НАН Беларуси. В частности, они принимали участие в мероприятиях Первого белорусского философского конгресса (18–20 октября 2017 г.), выступали с научными докладами, презентациями книжных изданий, обсуждали с белорусскими исследователями наследие и будущее философской мысли как в Беларуси и России, так и во всем мире.

Сотрудничество белорусского Института философии с Сибирским отделением РАН (СО РАН) регламентируется соглашением с Институтом философии и права СО РАН от 27 июня 2005 г. с автоматической пролонгацией каждые пять лет. Кооперация в научных исследованиях между учреждениями двух стран фокусируется на проблематике философии и методологии науки, синергетики, трансдисциплинарного синтеза. По линии белорусского и российского фондов фундаментальных исследований реализованы научные проекты № Г16Р-043 «Концепции суперобъединения: анализ мировоззренческих и методологических оснований» (2016–2018 гг.) и № Г18Р-267 «Философско-методологический анализ применимости квантовых подходов к описанию феномена сознания» (2018–2020 гг.).

¹ Инновационная сложность / Е. Н. Князева [и др.] ; отв. ред. Е. Н. Князева. – СПб. : Алетейя, 2016. – 608 с.

Цикл научных статей сотрудников Института философии НАН Беларуси опубликован в журнале «Философия науки» Института философии и права СО РАН. Наиболее значимые из них – «Гипотеза независимости линейного и циклического временных измерений» А. Н. Спаскова, «Проблема первоначал в философии и фундаментальная теория физики» А. Л. Куиша, «Хаос и трансформация категории времени в постнеклассической науке» А. В. Колесникова, С. Н. Сиренко, Г. Г. Малинецкого¹.

Состоялся взаимный обмен научными визитами: с белорусской стороны – директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований А. Н. Спасков, старший научный сотрудник И. Е. Прись; с российской стороны – сотрудники Института философии и права СО РАН О. В. Нечипоренко, В. В. Самсонов, М. Р. Зазулина. В ходе визитов в Институт философии Новосибирского государственного университета в течение 2018–2019 гг. сотрудники Института философии НАН Беларуси выступили с циклами лекций «Природа и структура времени», «Проблемы современной эпистемологии и контекстуальный реализм» перед студентами и преподавателями, приняли участие в ряде круглых столов и семинаров, заключили договоренности с российскими коллегами о дальнейших совместных научных исследованиях.

Плодотворно развивается междисциплинарное сотрудничество с Институтом прикладной математики имени М. В. Келдыша РАН. Проводятся исследования путей формирования цифрового общества и цифровой безопасности Союзного государства России и Беларуси. Начиная с 2018 г. ежегодно совместно с российскими учеными при поддержке Министерства иностранных дел Республики Беларусь на базе Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в г. Москва проводится белорусско-российская научно-практическая конференция «Проектирование будущего и горизонты цифровой реальности». В фокусе внимания конференции – анализ результатов, рисков и перспектив развития цифрового общества и социокультурных процессов Союзного государства России и Беларуси с позиции междисциплинарного синтеза знаний на стыке философии, математики, информатики, социологии и ряда других дисциплин. В процессе работы конференции рассматривается широкий комплекс вопросов актуального цивилизационного развития в контексте социальной динамики и проектирования модели устойчивого будущего народов Беларуси и России.

В 2020 г. подписано соглашение о сотрудничестве между Институтом философии НАН Беларуси и Ассоциацией «Содействие развитию интеграции,

¹ Спасков А. Н. Гипотеза независимости линейного и циклического временных измерений // Философия науки. – 2011. – № 4. – С. 46–60; Куиш А. Л. Проблема первоначал в философии и фундаментальная теория физики // Там же. – 2018. – № 1. – С. 17–35; Колесников А. В., Сиренко С. Н., Малинецкий Г. Г. Хаос и трансформация категории времени в постнеклассической науке // Там же. – 2019. – № 2. – С. 35–56.

международного социально-культурного и делового сотрудничества». Соглашение предусматривает совместную работу в области научно-гуманитарного и экспертного сотрудничества, в реализации проектов, направленных на укрепление международного и республиканского социально-гуманитарного развития в сфере белорусско-российской и евразийской интеграции. Особое внимание уделено проектам, направленным на привлечение молодежи Беларуси, а также других стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в академическую отрасль, популяризацию науки, в особенности социально-гуманитарных дисциплин.

Также на основе заключенных соглашений о партнерстве Институт философии сотрудничает в научной, экспертной и образовательной сферах с автономной некоммерческой организацией «Ассоциация внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко», с Московским педагогическим государственным университетом, Московским городским педагогическим университетом, Калужским институтом (филиалом) Московского гуманитарно-экономического университета, рядом других организаций и учебных заведений Российской Федерации.

Институтом философии НАН Беларуси установлены давние тесные научные связи с научными организациями *Украины*. Долгие годы белорусские и украинские философы контактируют на конференциях, в рамках взаимных научных обменов, официальных визитов руководств научных организаций, совместных научно-исследовательских проектов. Сегодня научное взаимодействие Института философии НАН Беларуси с образовательными и научными учреждениями Украины закреплено рядом соглашений: договором о научном сотрудничестве между с Институтом философии им. Г. С. Сковороды Национальной академии наук Украины и Институтом философии НАН Беларуси, договором о научном сотрудничестве между кафедрой философии и истории Украины Одесской национальной академии связи им. А. С. Попова и Институтом философии НАН Беларуси, соглашением о научном сотрудничестве между Харьковским национальным техническим университетом сельского хозяйства им. П. Василенко и Институтом философии НАН Беларуси.

Были реализованы совместные исследовательские проекты по сравнительному анализу историко-философских подходов в Беларуси и Украине, выявлению методологических и институциональных аспектов функционирования экспертных сообществ в обеих странах. Белорусские философы регулярно публикуют свои труды в научных журналах и изданиях Украины, украинские ученые-гуманитарии в свою очередь являются постоянными авторами изданий Института философии НАН Беларуси. Заведующий Центром исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси Н. А. Кутузова входит в состав редакционной коллегии журнала «Религиозная свобода» (учредитель – общественное объединение «Украинская ассоциация религиоведов»).

В период со 2 по 5 октября 2019 г. сотрудники Института философии НАН Беларуси приняли участие во Втором форуме регионов Украины и Республики Беларусь в г. Житомир и представили научные достижения и разработки Института философии НАН Беларуси в Житомирском национальном агроэкологическом университете. Также состоялась встреча в Житомирском государственном университете им. Ивана Франко, в ходе которой обсуждались перспективы совместных проектов исследований, которые направлены на разработку предложений по оптимизации социально-экологического трансграничного пространства Полесского региона; практическое усовершенствование социально-экологического и культурного развития трансграничного региона Украины и Беларуси по всей территории Полесского региона; активизацию местного самоуправления в области региональной экологической политики.

Интенсивно развивается научно-организационное взаимодействие с философами *Казахстана*. В рамках сотрудничества между Институтом философии, политологии и религиоведения Комитета науки и образования Республики Казахстан, Восточным отделением Казахстанского философского конгресса, Восточно-Казахстанским университетом и Институтом философии НАН Беларуси ежегодно проводится ряд международных научных мероприятий в онлайн-формате. Среди них – международная научно-практическая конференция «Культура и проблемы цивилизационного выбора», круглый стол «Идеи и обоснования к программам инноваций» и философско-методологический семинар «Проблема человека: история и современность». Создана уникальная площадка, на которой обсуждаются проблемы развития философского и социально-гуманитарного знания на постсоветском пространстве.

Развивается сотрудничество и с другими странами Среднеазиатского региона. Исследователи и молодые ученые *Узбекистана*, *Туркменистана* стажировались, проходят обучение в аспирантуре Института философии НАН Беларуси, белорусские философы выступают в качестве экспертов по диссертациям узбекских коллег.

Партнерские отношения сложились с университетами и научными организациями *Польши*. Белорусско-польское взаимодействие в области философских наук происходит в рамках заключенных международных договоров: соглашения о научном сотрудничестве между Институтом философии и социологии Польской академии наук и Институтом философии НАН Беларуси; договора о сотрудничестве между Институтом философии НАН Беларуси и Высшей школой информатики управления и администрации (г. Варшава); договора о сотрудничестве между Институтом философии НАН Беларуси и Высшей школой финансов и управления (г. Варшава); соглашения о научно-исследовательском сотрудничестве между Силезским университетом в Катовице и Институтом философии НАН Беларуси; договора о научном сотрудничестве между Институтом славистики Польской академии наук и Институтом философии НАН Беларуси.

В стадии реализации находится научно-исследовательский проект «Polonica philosophica orientalia. Философия в Речи Посполитой XV–XVIII вв. и историография философии в Польше, Литве, Беларуси и Украине» (2018–2022 гг.). Руководители проекта: с польской стороны – профессор Ягеллонского университета (г. Краков) С. Хубер; с белорусской стороны – заведующий Центром историко-философских и компаративных исследований В. Б. Еворовский. Проект предусматривает инвентаризацию, оцифровку и издание рукописей и старопечатных книг, важных для общей истории философии, которые находятся в архивах и библиотеках в Вильнюсе, Минске, Киеве, Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Кракове, Познани. Результатом совместных усилий станет создание англоязычного интернет-портала, который будет репрезентировать документы и материалы, обнаруженные в ходе исследовательских работ. Проект также предусматривает серию конференций, служащих соединению польской истории философии с общей историографией и интеллектуальной историей стран – участниц проекта. Так, 2–4 июля 2018 г. в г. Кракове прошла международная научная конференция «Archiwalia», в которой приняли участие сотрудники Института философии НАН Беларуси, польские, литовские, украинские исследователи.

Также белорусско-польские мероприятия проводятся в рамках научных связей с другими учреждениями. 7 июня 2019 г. в Институте философии состоялся белорусско-польский научный семинар «Гуманитарные науки и образование в XXI веке», на котором выступили с докладами профессора Гданьского университета К. Воян (тема доклада: «О специфике финской и польской систем высшего образования и науки») и З. Казьмерчик (тема доклада: «Праславянский романтизм»).

Исследования белорусских ученых востребованы польскими коллегами. Разработки старшего научного сотрудника Института философии И. И. Морозовой используются в качестве инструментов междисциплинарного взаимодействия в учебных курсах «Русская литература», «Россия в русской литературе» на кафедре прикладного культуроведения Института прикладной лингвистики Варшавского университета. Методика проведения экспертизы научных исследований в области гуманитарных наук нашла применение в работе редакции научного журнала «Studia Rossica Gedanensia» на филологическом факультете Гданьского университета. Сотрудники Института философии НАН Беларуси входят в состав международного научного совета рецензируемого журнала «Progress: Journal of Young Researchers» Гданьского университета.

Белорусские ученые развивают исторически давние связи с философами *Литвы* и *Латвии*. Между Институтами философии НАН Беларуси и Институтом исследований культуры Литвы заключено соглашение о научном сотрудничестве. Осуществляется регулярный научный обмен, который заключается в совместной работе ученых Института философии НАН Беларуси и Института

исследований культуры Литвы по поиску, переводу на белорусский и литовский языки, введению в научный оборот текстов первоисточников по истории интеллектуальной традиции обеих стран. Литовские ученые регулярно принимают участие в конференциях «Интеллектуальная культура Беларуси», круглых столах и семинарах Института философии НАН Беларуси, где обсуждается общее философское наследие Беларуси и Литвы.

Институт философии сотрудничает с Латвийским институтом международных отношений (г. Рига). Сотрудники Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Института философии НАН Беларуси принимают участие в научных мероприятиях, конференциях и семинарах, проводимых латвийским институтом по проблематике международного сотрудничества. Институтом философии совместно с учеными из Университета Даугавпилса планируется проведение совместной научной конференции, посвященной творчеству и наследию философов, оставивших след в культурах Беларуси и Латвии; подготовлены предложения по перспективным научным проектам совместно с Балтийской международной академией (г. Рига).

Устойчивые связи сложились с Академией наук *Молдовы*. Институтом философии заключены соглашения с Институтом европейской интеграции и политологии, Национальным институтом экономических исследований Академии наук Молдовы, поддерживаются личные контакты с представителями Института юридических и политических исследований Академии наук Молдовы. Совместно с данными научными учреждениями осуществляются исследования проблем устойчивого социоприродного развития в контексте построения инновационных систем в Беларуси и Молдове, производится оценка экологической, геополитической, гуманитарной безопасности двух стран. Выполняется научный обмен и обмен публикациями, организовано совместное участие в международных мероприятиях.

В рамках сотрудничества с Институтом исследований качества жизни Академии наук *Румынии* осуществлены исследования по проекту № Г18РА «Социальная политика Румынии и Беларуси: сравнительный подход», в результате которого установлено влияние новых технологических укладов на социальную политику обоих государств, разработаны индикаторы социальной политики. Белорусские и румынские специалисты приступили к выполнению исследования № Г20РА-022 «Угрозы и риски для молодого поколения: вызовы социальной политике», в ходе которого планируется выработка новых моделей социальной интеграции молодежи, которые обеспечили бы реализацию воспроизводственного, инновационного и трансляционного потенциала поколения молодых людей.

Многолетние дружеские отношения связывают философов Беларуси и *Болгарии*. Экс-посол Республики Болгария в Республике Беларусь П. Ганчев – частый гость научных форумов и конференций в Институте философии. Молодые ученые Института философии НАН Беларуси в рамках программ научного

обмена в 2016 г. осуществили визит в Институт исследований обществ и знания Болгарской академии наук для знакомства с научной и философской жизнью в Болгарии, обсуждения перспективных проектов. По итогам визита подписано соглашение о научном сотрудничестве между двумя организациями.

Плодотворное сотрудничество с коллегами из *Китая* регламентируется рядом рамочных документов: соглашением о научном сотрудничестве между Институтом философии и социального менеджмента Хэнаньского университета и Институтом философии НАН Беларуси; соглашением о сотрудничестве с Институтом социального развития Китайской Академии общественных наук (г. Пекин); договорами с Линнаньским педагогическим университетом (г. Чжанцзян).

Знаменательным событием в укреплении белорусско-китайских гуманитарных связей стало открытие в 2017 г. на базе Института философии и Линнаньского педагогического университета Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры. Его задачами являются развитие совместных научных исследований и научного обмена, популяризация достижений белорусской и китайской науки и культуры в интересах реализации инициативы «Один пояс, один путь», других программ белорусско-китайского сотрудничества. Деятельность Центра позволяет расширить партнерские связи с институтами Китайской академии общественных наук, которая наряду с университетскими научными центрами Китая рассматривается как стратегический партнер в сфере социально-гуманитарных и философских исследований.

Большое внимание в деятельности Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры уделяется установлению межличностных контактов между специалистами обеих стран через проведение совместных научных мероприятий. В частности, 25 апреля 2018 г. в Институте философии состоялся белорусско-китайский научно-практический семинар «Инициатива “Один пояс, один путь” и философия управления в новую эпоху». С докладами выступили директор Института социального развития Китайской академии общественных наук профессор Чжан И, руководители исследовательских департаментов Института социального развития Фэн Сюинь и Ю Шаосянь, исследователи Института философии НАН Беларуси. В докладах семинара освещались проблемы социальной структуры китайского общества, организации социального управления в городах Китая, наработки КНР в области создания долгосрочного медицинского страхования, а также вопросы стратегического планирования белорусско-китайского сотрудничества.

Международная научно-практическая конференция «Социальное управление в Беларуси и Китае: опыт и тенденции развития» прошла в Институте философии НАН Беларуси 18 сентября 2018 г. В ходе мероприятия представители научных организаций Китайской академии общественных наук, ученые Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси обсудили проблемы

сотрудничества Китая и Беларуси, производства, потребления и распределения доходов, интеллектуализацию процессов управления в современном обществе, другие вопросы гуманитарного, социального и экономического развития двух стран. 16 января 2019 г. в Линнаньском педагогическом университете состоялся белорусско-китайский гуманитарный форум «Национальная философия и культура в перспективе инициативы “Один пояс – один путь”: диалог и интеграция», посвященный гуманитарным, социокультурным и научным вопросам реализации этой инициативы в Восточной Европе и Беларуси.

Белорусскими и китайскими учеными ведется активная работа по подготовке и опубликованию совместных книжных изданий. Так, в 2019 г. увидели свет сборники статей «“Один пояс, один путь”: гуманитарные аспекты белорусско-китайского сотрудничества» и «China and Belarus: Forge Ahead Together in the “Belt and Road” Construction»¹. В 2020 г. издательство Китайской академии социальных наук опубликовало на китайском языке монографию доктора Института философии НАН Беларуси Д. А. Смолякова «В центре внимания – сотрудничество Беларуси и Китая в сфере высшего образования».

Разработанный в Институте философии инновационный комплекс образовательных программ «Философия, ведущая к успеху» экспонировался на стенде Национальной экспозиции Республики Беларусь в рамках Первой и Второй китайских международных выставок импорта в г. Шанхай в 2019–2020 гг. По итогам переговоров на платформе В2В подписаны меморандумы о намерениях сотрудничества со Школой Юйин в городе Аньшань провинции Ляонин, Сычуаньской образовательной научной технологической корпорацией (организация, занимающаяся исследованиями в области образования, обучением китайцев за рубежом, разработкой программного обеспечения для образования), «Образовательной службой Джансу» (приоритетная деятельность организации – образовательные услуги, краткосрочные стажировки, обучение за рубежом). Оказание услуг в области образования актуально и востребовано. В Институте философии НАН Беларуси осуществляется подготовка граждан Китайской Народной Республики (КНР) в аспирантуре, реализуется программа взаимных стажировок и научного обмена белорусскими и китайскими специалистами в области философии.

Установлены партнерские отношения со *странами дальней дуги* (странами Азии и Океании, Африки и Ближнего Востока, Латинской Америки). На основании договора с Посольством Исламской Республики Иран в Республике

¹ «Один пояс, один путь»: гуманитарные аспекты белорусско-китайского сотрудничества: [сб. ст.] / А. А. Коваленя [и др.]; науч. ред.: А. А. Лазаревич, Н. А. Кутузова; Ин-т философии НАН Беларуси. – Вильнюс: BALTO print, 2019. – 252 с. (электронную версию книги см.: http://philosophy.by/ru/publication/odin_pojas/); China and Belarus: Forge Ahead Together in the “Belt and Road” Construction / eds.: Zhang Yi, Wang Lei. – Beijing: China Social Sciences Press, 2019. – 242 p.

Беларусь 2 июня 2015 г. был проведен международный круглый стола «Аятолла Хомейни и диалог цивилизаций Запада и Востока», организованный на базе Национальной академии наук Беларуси. Поддерживаются деловые контакты с посольствами латиноамериканских стран в Республике Беларусь, в частности Республики Куба, Боливарианской Республики Венесуэла. Так, 12 мая 2015 г. проведена международная научно-практическая конференция «Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки». В международном мероприятии приняли участие представители дипломатического корпуса, ученые. По итогам конференции издан сборник научных трудов¹.

Институт философии открыл страницу сотрудничества с учеными Республики Индия 17 июля 2019 г., когда было подписано соглашение о научном сотрудничестве между Экуменическим христианским центром (г. Бангалор, Индия) и Институтом философии НАН Беларуси. В качестве приоритетных областей научного сотрудничества определены следующие: философия сознания, когнитивные науки, история философии Индии и Беларуси, социальная экология, философия религии. Данный вектор сотрудничества представляется перспективным, поскольку в Институте философии проводятся исследования древнеиндийских философских текстов². Разработаны предложения по перспективным совместным научным проектам.

Подготовлен дифференцированный пакет проектных предложений по взаимодействию в научной сфере с образовательными и научными организациями Турции, Южной Кореи, Японии, США, Великобритании, Республики Ирландия, Германии, Австрии и других государств.

В общей сложности Институт философии НАН Беларуси выполняет работу по 39 действующим международным договорам и соглашениям с 11 странами ближнего и дальнего зарубежья. Установленные связи и подписанные соглашения стали основой для проведения совместных научных исследований, конференций, подготовки публикаций, обмена научным опытом среди сотрудников, молодых ученых, стажировок, разработки практических рекомендаций. Свидетельством признания на международной арене достигнутых Институтом философии результатов, новым этапом развития стало вступление Института в Международную федерацию философских обществ – наиболее авторитетную международную организацию в области философского знания. Члены руководящего комитета Международной федерации философских

¹ Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 12 мая 2015 г. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2015. – 217 с.

² См. например: Saňko S. Composition and meaning : To the exegesis of the RV X.129 // International Journal of Sanskrit Research. – 2019. – Vol. 5, № 4. – P. 16–22 ; Санько С. І. Касмаганічны гімн «Рыгведы» X.129: кампазіцыя і сэнс // Филос. исследования : сб. науч. тр. / Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Вып. 5. – С. 326–342.

Вехи и векторы партнерства и сотрудничества

обществ на заседании 16 марта 2017 г. единогласно поддержали вхождение Института философии в состав Федерации.

В планах – расширение географии сотрудничества Института, учреждение и издание белорусско-российского и белорусско-китайского научных журналов, создание белорусско-турецкого научно-образовательного центра, участие в международных научных программах, наращивание экспортного потенциала за счет привлечения иностранных граждан на обучение в аспирантуре/докторантуре, реализация научной продукции за рубежом.

В преддверии 90-летия со дня основания Института философии хочется пожелать его сотрудникам исполнения намеченных планов и достижения новых горизонтов партнерства и сотрудничества.

*И. о. ученого секретаря, научный сотрудник
М. Б. Завадский*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адуло Тадеуш Иванович, доктор философских наук, профессор, заведующий Центром социально-философских и антропологических исследований, Институт философии НАН Беларуси, tadoul@mail.ru;

Александров Георгий Федорович (1908–1961), академик АН СССР, доктор философских наук, профессор;

Белокрылова Вера Анатольевна, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный экономический университет, ralfinaster@gmail.com;

Бабосов Евгений Михайлович, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, Институт социологии НАН Беларуси;

Бобков Игорь Михайлович, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, ihar1964babkov@gmail.com;

Боровский Михаил Иванович (1930–2001), доктор философских наук;

Буслов Казимир Павлович (1914–1983), академик АН БССР, доктор философских наук, профессор;

Водопьянов Павел Александрович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный технологический университет;

Вольфсон Семен Яковлевич (1894–1941), академик АН БССР, профессор;

Горбач Всеволод Иванович (1921–1981), доктор философских наук, профессор;

Давыдик Ольга Игоревна, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, volha.davydzik@gmail.com;

Дудчик Андрей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси, dudchik@philosophy.by;

Евменов Леонид Федорович (1932–2019), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор;

Еворовский Валерий Борисович, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром историко-философских и компаративных исследований, Институт философии НАН Беларуси, valewr@hotmail.com;

Жуков Николай Иванович (1930–2002), доктор философских наук, профессор;

Завадский Михаил Борисович, научный сотрудник, и.о. ученого секретаря Института философии НАН Беларуси, zavadski.mikhail@gmail.com;

Захарова Наталия Евгеньевна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, nz-a@tut.by;

Иванов Олег Владимирович, доктор эколого-социальных наук;

Ильюшенко Надежда Сергеевна, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, n.iliushenko@gmail.com;

Карасевич Антон Олегович, младший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, karasevich_anton@mail.ru;

Сведения об авторах

Карнажицкая Татьяна Вадимовна, старший научный сотрудник, кандидат культурологии, доцент, Институт философии НАН Беларуси;

Колесников Андрей Витальевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром управления знаниями и компетенциями, Институт философии НАН Беларуси, andr61@mail.ru;

Конон Владимир Михайлович (1934–2011), доктор философских наук;

Короткая Татьяна Петровна, доктор философских наук, профессор;

Косенков Александр Юрьевич, аспирант, младший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, sanya.kosenkov.94@mail.ru;

Куиш Александр Леонтьевич, кандидат философских наук, доцент, докторант, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, alkuish@mail.ru;

Кутузова Наталия Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества, Институт философии НАН Беларуси, adelnadi@yandex.by;

Лазаревич Анатолий Аркадьевич, кандидат философских наук, доцент, директор Института философии НАН Беларуси, a.a.lazarevich@gmail.com;

Лукашевич Владимир Константинович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;

Майхрович Альфред Степанович (1937–2004), член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор;

Максимович Валерий Александрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий Центром философии литературы и эстетики, Институт философии НАН Беларуси, valery.maximovich@gmail.com;

Манеев Алексей Климентьевич (1921–2016), кандидат философских наук;

Никитина Юлия Федоровна, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, nikitina-ulia@yandex.ru;

Новицкая Татьяна Евгеньевна, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, space_@tut.by;

Павловская Ольга Александровна, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, olga.pavl@tut.by;

Прись Игорь Евгеньевич, кандидат физико-математических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, frigpr@googlemail.com;

Прокошина Екатерина Сергеевна (1927–2006), кандидат философских наук;

Пузиков Петр Дмитриевич (1919–1977), доктор философских наук, профессор;

Сивицкий Арсений Владимирович, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, arsen.sivitski@gmail.com;

Спасков Александр Николаевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий Центром философско-методологических и междисциплинарных исследований, Институт философии НАН Беларуси, spaskov.a@mail.ru;

Сташкевич Ольга Леонидовна, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, stashkevich.olha@mail.ru;

Червинский Александр Сергеевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, a.chervinski@gmail.com;

Широканов Дмитрий Иванович, академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

**Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации
в сборнике научных трудов Института философии НАН Беларуси
«Философские исследования»**

Тематические приоритеты (рубрики):

- *Проблемы онтологии и теории познания*
- *Философия истории*
- *Философские проблемы социальной динамики*
- *Философско-антропологические исследования*
- *Философско-методологические проблемы науки и техники*
- *Философия культуры*
- *Историко-философские исследования*

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 авт. л. (или 16 000–32 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется в формате Word for Windows **rtf**, шрифт Times New Roman, кегль 14, абзацный отступ 1,0, выравнивание справа и слева, все поля – 2 см, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются.

Следуя через один интервал, в статье помещаются следующие элементы ее структуры:

- УДК в верхнем левом углу;
- посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора;
- посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна;
- посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи (не более двух строк);
- резюме на русском языке;
- ключевые слова на русском языке;
- посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора по-английски;
- посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна по-английски;
- посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи по-английски;

Иформация для авторов

резюме по-английски;

ключевые слова по-английски;

основной текст, ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках: номер источника, номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация источников – в порядке цитирования или в алфавитном;

посредине строки жирным шрифтом – название «Список использованных источников»;

список использованных источников, оформленный в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 / СТБ 7.208-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Рисунки к статье предоставляются в формате jpg или tiff.

В конце статьи приводятся данные автора на русском и английском языке: полностью фамилия, имя и отчество; ученая степень, звание, должность, место работы, телефон для контактов, адрес почтовый и электронный.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Срок подачи статей в 9-й выпуск сборника с 1 по 31 декабря 2021 года.

Если основной материал представляемой в редакцию статьи ранее был опубликован, то ссылка на эту публикацию обязательна. Для работ магистрантов и аспирантов требуется рекомендация научного руководителя.

Редколлегия вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Статьи, оформленные согласно указанным требованиям, в распечатанном виде принимаются по адресу: 220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, Институт философии НАН Беларуси, ком. 803 и одновременно направляются в электронном виде на e-mail: journal@philosophy.by с названием файла, имеющего следующую структуру: Фамилия ИО_Название статьи. Справки по телефонам: +375 17 378-29-25, +375 17 355-18-77.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

К 90-летию Института философии Национальной академии наук Беларуси

В издании использованы фотографии Н. Н. Куксачева и из архива
Института философии НАН Беларуси

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Технический редактор *М. В. Савицкая*
Компьютерная верстка *Ю. А. Агейчик*

Подписано в печать 22.02.2021. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 35,43+2,11 вкл. Уч.-изд. л. 30,2. Тираж 150 экз. Заказ 32.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельства о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013, № 2/196 от 05.04.2017.
Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.

П Р А Т А К О Л № 8

паседжаньня Прэзидыуму Беларускай Акадэміі Навук
ад 19 сакавіка 1931 г.

ПРЫСУТНІЧАЛІ: т.т. Шэрбакоў, Вольфсон, Серафімоў,
Маткевіч, Мотулайціс, і Ніко-
лаеў.

С л у х а л і : Аб рэарганізацыі катэдры Марксізму -Лені-
нізму. (т. Вольфсон).

П а с т а н а в і л і : Лічыць метагодным і сваечасовым
рэарганізацыю катэдры марксізму-Ленінізму ў "Навукова-дасьледчы
Інстытут Філозофіі Беларускай Акадэміі Навук". Інстытут падзе-
ляецца на 4 секцыі : секцыю дыялектычнага матэрыялізму, секцыю
гісторычнага матэрыялізму, секцыю па нац. пытаньням і антырэлі-
гійную секцыю. 2) Зацьвердзіць дырэкцыю НДІ філозофіі ў складзе
т. Вольфсона - дырэктар Інстытуту, т. Крзівіцкага - нам. Дырэк-
тара і т. Шаповалава - вучэнага сакратара. 3) Зацьвердзіць пред-
старлены НДІ філозофіі тэматычны плян працы на 1931 год з да-
даткам тэмы : "Бязбожніцкі рух на БССР". 4) Зацьвердзіць на-
ступны штат НДІ філозофіі: акадэмік I, вучоных спецыялістаў - 5,
навуковых супрацоўнікаў - 4 і навукова-тэхнічных - I. 5) Даручыць
секцыі НДІ філозофіі прадставіць да наступнага паседжаньня
Прэзидыуму кандыдатуры на загадчыкаў сектараў Інстытуту.

С л у х а л і : Аб зьездах і канфэрэнцыях навукова-дасьлед-
чага характэру на 1931 год.

П а с т а н а в і л і : Даручыць Інстытутыям Акадэміі пра-
прадставіць на працягу пэрыяду пытаньня аб навукова-дасьледчых
зьездах і канфэрэнцыях на 1931 год і свае прапановы прадставіць
у Прэзидыум.

С л у х а л і : Аб навукова-дасьледчы працы па пытаньню
вывучэньня вайны. (т. Вольфсон).

П а с т а н а в і л і : У зьвязку з пастаноўкай НДІ філо-
зофіі пытаньня аб вывучэньні праблем вайны, утварыць камісію
з прадстаўнікаў ВВА і НДІ філозофіі а таксама ачэйкі КП(б)В
якой даручыць распрацаваць праект навукова-дасьледчы пра-
цы у гэтай галіне а таксама аднаведну інстытуцыю па вывучэнь-
ні праблем вайны і вынікі працы прадставіць прэзидыуму Акадэміі.

/ Прэзыдэнт Акадэміі *В. Вольфсон*

Сакратар паседжаньня *А. Маткевіч*

Директор Института философии
Белорусской Академии наук в 1931–1938 гг.
академик С. Я. Вольфсон

Организатор-руководитель Института
философии и права Академии наук БССР
в 1947 г. И. Н. Луцицкий

Коллектив Института философии и права АН БССР. 1958 г.

Сектор истории философии. Сидят: Э. К. Дорошевич, В. М. Конон, Н. П. Купчин, В. А. Сербента, Е. С. Прокошина, С. А. Подокшин, А. И. Чудникова; стоят: В. В. Агиевич, О. И. Ефремова, Н. Н. Махнач, В. В. Дубровский, А. Н. Покровская. 1960-е годы

Сектор диалектического материализма и философских вопросов естествознания. Сидят: Я. П. Голенченко, З. У. Докторов, К. П. Буслов, Г. Ф. Александров, В. И. Горбач, М. И. Злотник; стоят: Д. И. Широканов, А. И. Головнев (второй слева), В. А. Ковалгин (третий справа), А. К. Мансеев, П. Д. Пузиков. Начало 1960-х годов

Молодые ученые и ветераны Института философии и права АН БССР. Начало 1970-х годов

Сектор диалектического материализма и философских вопросов естествознания.
Сидят: А. А. Толкачев, А. К. Манеев, Э. В. Волкова, Д. И. Широканов;
стоят: А. И. Филюков (второй слева), Г. В. Рубанов, М. П. Мамыкин, М. А. Слемнев,
П. А. Водопьянов, Л. В. Уваров. Начало 1970-х годов

Участники конференции в Литве. В. М. Конон (второй слева), Н. П. Купчин (второй справа) и А. С. Майхрович (крайний справа). Начало 1970-х годов

Философы на отдыхе. А. С. Майхрович (слева) и В. М. Конон. 1970-е годы

Д. И. Широканова поздравляют с избранием членом-корреспондентом АН БССР.
Слева направо: И. М. Игнатенко, М. А. Ельяшевич, Н. В. Бирилло, В. В. Агиевич,
Д. И. Широканов, И. И. Жбанкова, В. И. Семенков, Р. Г. Жбанков. Январь 1975 г.

7-й съезд Всесоюзного общества «Знание» СССР.
Среди делегатов – Д. И. Широканов. Май 1977 г.

Сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований. В первом ряду: Т. А. Поршнева, С. П. Винокурова, Г. Н. Соколова, О. А. Павловская, Л. В. Северина; во втором ряду: М. Ф. Печенко, Е. М. Бабосов, Е. А. Борковская, Е. Е. Серова, Т. И. Матюшкова, А. М. Шибалис; в третьем ряду: В. Л. Сандригайло, В. С. Тарасов, Е. С. Тырышкина, В. И. Русецкая, А. С. Родовский, С. А. Шавель. 1980-е годы

Сектор истории философии. Сидят: Э. К. Дорошевич, Т. П. Короткая, А. С. Майхрович, Е. С. Прокошина; стоят: В. В. Агиевич, В. В. Дубровский, С. А. Подокшин, А. Я. Цукерман, В. П. Оргиш. 1982 г.

Сектор социальной философии. Сидят: В. Н. Гречнев, Е. С. Короткина, А. Е. Чигирь, И. Я. Жибуль, Н. Е. Захарова; стоят: А. А. Домжа, Б. М. Лепешко, Ю. Н. Лопатский, К. П. Буслов, А. А. Тарасенко. 1982 г.

Сектор проблем социальной философии. В первом ряду: Н. Е. Захарова, Л. А. Агеева, А. И. Савастюк, В. И. Галь, Е. С. Короткина; во втором ряду: А. Е. Чигирь, А. А. Тарасенко, Г. А. Жебит, Т. П. Кармазина, Е. Х. Капелян, С. П. Онуприенко; в третьем ряду: Л. Е. Криштапович, Э. М. Сороко, И. Я. Жибуль, А. А. Домжа. 1984 г.

Сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований. Сидят: В. И. Русецкая, Т. П. Васкевич, Е. М. Бабосов, Е. А. Борковская, С. В. Миронова; стоят: Н. А. Барановский, В. С. Тарасов, Т. И. Матюшкова, В. Л. Абушенко, Т. И. Адуло, М. Ф. Печенко. Середина 1980-х годов

Отдел диалектического материализма и философских вопросов естествознания. В первом ряду: Е. А. Алексеева, О. Г. Грохольская, А. И. Губаревич, В. А. Петрович, Л. Т. Дубинина, Т. А. Горолевич; во втором ряду: А. И. Петрушик, А. С. Трофименко, В. А. Криворотко, Д. И. Широканов, А. К. Манеев, А. А. Толкачев, В. А. Царенков; в третьем ряду: В. К. Лукашевич, В. А. Героименко, В. М. Пешков, Е. В. Дмитриев, В. И. Павлюкевич, А. С. Червинский, А. И. Антипенко, А. М. Захаров. 1987 г.

Отдел истории белорусской философии. Слева направо: В. Б. Еворовский, И. Ф. Рекуц, А. С. Майхрович, В. В. Агиевич, С. А. Подокшин. 1991 г.

Институт философии и права Академии наук Беларуси празднует 65-летие. 1996 г.

Академик Д. И. Широканов и директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич проводят презентацию книжных изданий Института. 2008 г.

Заседание Международной научной конференции «Мировоззренческие и философско-методологические основания инновационного развития современного общества: Беларусь, регион, мир». Институт философии НАН Беларуси, Минск, ноябрь 2008 г.

Директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич и известный немецкий философ Ю. Хабермас во время Всемирного дня философии.
Москва, ноябрь 2009 г.

Временный Поверенный в делах Посольства Японии в Республике Беларусь господин Киёси Мацудзакэ (в центре) с интересом ознакомился с изданием «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі». 2009 г.

Встреча гуманитарной научной общественности НАН Беларуси с Чрезвычайным и Полномочным послом Китайской Народной Республики в Республике Беларусь господином Лу Гуйчэном. Институт философии НАН Беларуси, Минск, сентябрь 2009 г.

Участники Всемирного форума духовной культуры (крайний слева – Т. И. Адуло). Астана, октябрь 2010 г.

Выступление директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича на заседании круглого стола «Республика Беларусь – Европейский союз: стратегия взаимодействия в исторической перспективе», организованного Институтом философии в партнерстве с Представительством Европейского союза в Беларуси. Ноябрь 2010 г.

Во время открытия Международной научной конференции «Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры», приуроченной к 80-летию Института философии НАН Беларуси. Справа налево: Председатель Президиума НАН Беларуси А. М. Русецкий, первый заместитель Главы Администрации Президента Республики Беларусь А. М. Радьков и директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич. Минск, 2011 г.

Во время празднования 80-летия Института философии НАН Беларуси.
Сидят: О. Л. Сташкевич, С. Ю. Янковская, Д. И. Широканов, Э. М. Сороко, В. А. Белокрылова;
стоят: Г. Ч. Лянькевич, А. Н. Спасков, Е. В. Ефименко, А. С. Червинский, Н. А. Зарипова,
В. И. Павлюкевич, А. А. Лазаревич, С. А. Мякчило, М. Б. Завадский, Т. А. Капитонова,
В. В. Демиров, Т. В. Чижова. Минск, 2011 г.

Пленарное заседание Международной научной конференции
«Авиценна: мыслитель, ученый, гуманист». Минск, 18 декабря 2013 г.

Выступление академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси члена-корреспондента А. А. Ковалени во время открытия Международной научной конференции «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы». Минск, 27 мая 2014 г.

Международный круглый стол «Языки национальных меньшинств в Беларуси и стандарты Совета Европы». Слева направо: эксперт Совета Европы Э. Хилински, член Секретариата Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств Й. Хорн, директор Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревич, заведующий Центром исследований глобализации, интеграции и социокультурного сотрудничества Н. А. Кутузова. Минск, 2 ноября 2016 г.

Выступление академика-секретаря Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси члена-корреспондента А. А. Ковалени на Первом белорусском философском конгрессе «Национальная философия в глобальном мире». Минск, 18 октября 2017 г.

Выступление Генерального секретаря Международной федерации философских обществ Л.-М. Скарантино на Первом белорусском философском конгрессе. Минск, 18 октября 2017 г.

Торжественное открытие Белорусско-Китайского исследовательского центра философии и культуры в Институте философии НАН Беларуси. Октябрь 2017 г.

Участники Четвертой международной научной конференции «Интеллектуальная культура Беларуси: когнитивный и прогностический потенциал социально-философского знания». Минск, 14 ноября 2019 г.

Поздравление академика Д. И. Широканова с 90-летним юбилеем. В торжественном мероприятии принимают участие Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси академик В. Г. Гусаков (второй справа) и академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси член-корреспондент А. А. Коваленя (первый справа). Минск, 20 мая 2019 г.

Межгосударственная научно-практическая молодежная конференция «Россия и Беларусь – вехи общей истории». Слева направо: А. П. Шпаковский, Т. И. Адуло, П. С. Петровский, А. В. Беляев, А. Ю. Опарин. Минск, 24 января 2020 г.

Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси академик В. Г. Гусаков вручает директору Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревичу нагрудный знак отличия имени В. М. Игнатовского во время празднования Дня белорусской науки. Минск, 2021 г.

Заседание Ученого совета Института философии НАН Беларуси. Слева направо: С. И. Санько, В. Б. Еворовский, А. В. Колесников, Э. М. Сороко, А. Н. Спасков, М. Б. Завадский, А. А. Лазаревич, А. Ю. Дудчик, Н. А. Кутузова, В. К. Лукашевич, Т. И. Адуло, В. А. Максимович. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований.
Сидят: Э. М. Сороко, А. Н. Спасков, И. Е. Прись, В. И. Павлюкевич;
стоят: Е. С. Ермаков, А. О. Карасевич, А. С. Червинский, О. Л. Шашкевич,
А. Ю. Косенков, И. К. Ставровский, И. Р. Скиба. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра управления знаниями и компетенциями.
Сидят: В. К. Лукашевич, А. В. Колесников; стоят: В. В. Фурс, Е. В. Згировская,
Ю. Ф. Никитина. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра социально-философских и антропологических исследований.
Сидят: Н. Е. Захарова, Т. И. Адуло, Н. А. Лазаревич, Ю. П. Серeda, стоят:
Д. В. Столяров, Н. Н. Куксачев, Т. Е. Новицкая, К. О. Губич. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра исследований глобализации, интеграции и социокультурного
сотрудничества. Слева направо: А. С. Цмыг, М. Б. Завадский, Н. А. Кутузова,
Е. В. Кузнецова, Н. В. Костеева, Фан Чжэнвей. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра историко-философских и компаративных исследований.
Сидят: Т. Е. Гриценко, Е. А. Круподеря, Н. А. Никонович, Е. О. Подолинская,
С. Г. Доронина; стоят: И. М. Новик, Е. П. Саковский, В. К. Игнатов, В. Б. Еворовский,
С. И. Санько, О. А. Павловская, Т. В. Зайковская, И. М. Дубянецкая. Февраль 2021 г.

Сотрудники Центра философии литературы и эстетики. Сидят: М. И. Веренич,
В. А. Максимович, Т. В. Карнажицкая; стоят: М. Г. Шатерник, Д. В. Шийко. Февраль 2021 г.

Заседание Совета молодых ученых Института философии НАН Беларуси. Слева направо:
А. С. Цмыг, Е. А. Круподеря, Т. Е. Новицкая, М. Б. Завадский (председатель Совета),
А. В. Сивицкий, О. И. Давыдик, П. С. Петровский, Ю. Ф. Никитина.
23 октября 2014 г.

Во время открытия круглого стола «Гендерное равенство в Беларуси: от плана к действию», организованного Интеллектуальным клубом «Женщины в философии». 14 апреля 2017 г.

Белорусская делегация на 27-й Международной олимпиаде по философии. Слева направо: и. о. ученого секретаря Института философии НАН Беларуси М. Б. Завадский, 11-классники О. Ковальчук и А. Агалян (Лицей БГУ), заместитель директора по научной работе Института философии НАН Беларуси А. Ю. Дудчик. Рим, май 2019 г.

Дирекция Института философии НАН Беларуси с победителями и призерами отборочного этапа Балтийского конкурса эссе по философии (Baltic Sea Philosophy Essay Event – 2019).

Слева направо: заместитель директора по научной работе А. Ю. Дудчик, А. Воробина (гимназия № 4 г. Минска), К. Лещинская (Лицей БГУ), Ю. Ковалевская (средняя школа № 12 г. Бреста имени К. Л. Губаревича), И. Дявго (гимназия № 40 г. Минска), директор Института А. А. Лазаревич. Минск, ноябрь 2019 г.

Учредительное собрание Республиканского общественного объединения «Белорусское философское общество» с участием Председателя Президиума Национальной академии наук Беларуси академика В. Г. Гусакова. Минск, 11 апреля 2017 г.

Коллектив сотрудников Института философии НАН Беларуси. Февраль 2021 г.